ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

LITTERA SCRIPTA MANET

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus

Clarivate Web of Science

OPEN ACCESS

We are Crossref Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU РИНЦ

DOAJ

ERIH PLUS

Dimensions

Google scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 14, выпуск 2, 2025

Nauchnyi Dialog

Volume 14, Issue 2, 2025

CC BY

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 2, 2025

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Архангельск Барнаул Долгопрудный Екатеринбург Красноярск Минск (Беларусь) Москва	Нижний Новгород Новосибирск Петрозаводск Саранск Санкт-Петербург Тюмень Чита Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	87,5 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2025

Дата выхода в свет 21.03.2025

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 14, Issue 2, 2025

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2025

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Содержание

Языкознание

Аверина А. В., Шубина Э. Л. Частицы halt и eben в немецком языке : функции, комбинаторная сочетаемость и синтаксические свойства 9

Белошицкая Н. Н. Драматургичность обиходного дискурса : стратегический подход 30

Копач О. И. Теоретические аспекты лингвистического исследования категории пространства в пределах топонимии : от перцепции наблюдателя к моторике деятеля..... 51

Майоров А. П., Биктимирова Ю. В. Скорописные копии сибирских документов XVII века : палеографическое описание..... 72

Осипенко Т. А. Динамическая модель устности : обоснование и описание 94

Сигал К. Я. Пунктуационный минус-прием в условиях пародирования (на материале рассказов А. П. Чехова «Дама с собачкой» и М. М. Зощенко «Дама с цветами»)..... 116

Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Ступенчатый характер транспозиции именительного и винительного падежей существительных в количественные наречия (на материале словоформы чудо)..... 135

Медиакоммуникации и журналистика

Кружкова О. В. Запоминаемость и когнитивные ошибки узнавания граффити в городской среде : результаты полевого эксперимента..... 163

Леонтьева Т. В. Белое пальто: происхождение, состав, семантика, прагматика и словообразовательный потенциал русского фразеологизма..... 181

Литературоведение. Фольклористика

Ван Цунцун, Галай К. Н. Символическое значение образов Луны и Месяца в поэзии Ли Бо и Сергея Есенина..... 205

Кузьмина Р. П. Семантика пищевых запретов в лингвокультуре эвенов 231

Ламзина А. В. Латинский код в «раме текста» сборника «Cor Ardens» 250

Поташова К. А. Образ солнца в творчестве М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина : диалектика рационального и метафизического..... 273

Турышева О. Н. Крылья Грегора Замзы : реализация мотива в русской мысли..... 290

Фролова А. С. Рецепция античного сюжета об Одиссее в драме Штефана Шютца «Возвращение Одиссея» («Odysseus´ Heimkehr») 306

Чжан Юйкунь, Коваленко А. Г., Сюй Юйминь. Генезис и эволюция художественного конфликта : от Античности до Средневековья 322

Шарапенкова Н. Г. «Северный импульс» в творческом становлении Андрея Белого 339

Исторические науки

Байкалов Н. С., Цырендашиев Ж. Ж. Новые города Забайкалья в 1950—1980-е годы : особенности становления и развития 359

Барышников М. Н. Николай Козловский и организация цементного производства в России в начале XX века 384

Бурнашева Н. И., Ковлеков И. И. Проекты начала XX века по строительству транспортных магистралей к богатствам недр Якутии 405

Иванов А. А. Общественная дискуссия об импортозависимости российского судостроения и ее преодолении в годы Первой мировой войны 423

Кислицын А. В. Вопрос о принятии 37-мм автоматических пушек системы Максима на вооружение русского флота в конце XIX — начале XX веков 447

Коновалова О. В., Дворецкая А. П., Белгородская Л. В. Марксизм в истории социалистического движения России : концепция Виктора Чернова 463

Райнхардт Р. О., Буслаев Г. Н. Германская научная диаспора за рубежом в 1933—1946 годах : механизм самоорганизации и инструменты взаимопомощи 483

Скипина И. В., Чернышев А. А. Жилищный вопрос в городе Тюмени во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов : уровень социального обустройства, ожидания и реальность 503

Тихомирова М. Н., Тихомиров К. Н. Сеть поселений сибирских татар в низовьях р. Ишим и на прилегающих территориях по р. Иртыш в Новое время 522

Тишкина К. А. Торжества по случаю 100-летия восстания на Сенатской площади (1925 год) в западносибирском общественно-культурном пространстве 543

АВТОРАМ 561

CONTENTS 567

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Александр Петрович Майоров, д-р филол. наук (Москва)
Анна Викторовна Аверина, д-р филол. наук (Москва)
Виктор Васильевич Шигуров, д-р филол. наук (Саранск)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Наталия Николаевна Белошицкая, канд. филол. наук (Архангельск)
Олег Игоревич Копач, канд. филол. наук (Минск, Беларусь)
Татьяна Александровна Осипенко, канд. филол. наук (Москва)
Татьяна Алексеевна Шигурова, д-р культурологии (Саранск)
Эльвира Леонидовна Шубина, д-р филол. наук (Москва)
Юлия Викторовна Биктимирова, канд. филол. наук (Чита)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Аверина А. В. Частицы *halt* и *eben* в немецком языке : функции, комбинаторная сочетаемость и синтаксические свойства / А. В. Аверина, Э. Л. Шубина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 9—29. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-9-29.

Averina, A. V., Shubina, E. L. (2025). Particles 'halt' and 'eben' in German: Functions, Combinatorial Compatibility, and Syntactic Properties. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 9-29. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-9-29. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Частицы *halt* и *eben* в немецком языке: функции, комбинаторная сочетаемость и синтаксические свойства

Аверина Анна Викторовна [1]
orcid.org/0000-0002-3117-6362
доктор филологических наук
профессор кафедры грамматики
и истории немецкого языка
Anna.averina@list.ru

Шубина Эльвира Леонидовна [2]
orcid.org/0000-0001-9649-1024
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкого языка,
корреспондирующий автор
elvira.shubina@mail.ru

[1] Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)

[2] Московский государственный
институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Particles 'halt' and 'eben' in German: Functions, Combinatorial Compatibility, and Syntactic Properties

Anna V. Averina [1]
orcid.org/0000-0002-3117-6362
Doctor of Philology, Professor,
Department of Grammar and
History of the German Language
Anna.averina@list.ru

Elvira L. Shubina [2]
orcid.org/0000-0001-9649-1024
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Language,
corresponding author
elvira.shubina@mail.ru

[1] Moscow State
Linguistic University
(Moscow, Russia)

[2] Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Аверина А. В., Шубина Э. Л., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы схожие и отличительные свойства частиц *halt* и *eben* в немецком языке. Показана их комбинаторная сочетаемость, функциональное назначение и особенности синтаксического употребления. Актуальность исследования обусловлена тем, что нуждаются в дополнительном освещении причины возможного использования частиц *halt* и *eben* в иллокутивно несамостоятельных придаточных, а также виды передаваемых ими модальных значений. Посредством описательного, трансформационного, сопоставительного и метода контекстуального анализа показано, что частицы *halt* и *eben* отличаются от других модальных частиц тем, что служат для указания на фактичность ситуации. Установлено, что специфическая особенность частицы *halt*: она привносит в высказывание дополнительные эмотивные значения и свойственна разговорной речи. Отмечается, что частица *eben* является показателем инференциальной эвиденциальности. Анализ сочетаемости частиц с модальными словами показал, что *halt* и *eben* несовместимы с маркерами репортативной эвиденциальности. Исследование различных вариантов использования *halt* и *eben* в придаточных предложениях позволило сделать наблюдение, что их совместимость с иллокутивно несамостоятельными предложениями объясняется тем, что эти языковые единицы служат для утверждения истинности пропозиции.

Ключевые слова:
модальные частицы; инференциальная эвиденциальность; немецкие частицы *halt* и *eben*; иллокутивно несамостоятельные предложения; логические связи.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the similarities and distinctive features of the German particles ‘halt’ and ‘eben’. It examines their combinatorial compatibility, functional roles, and syntactic usage. The relevance of this research is underscored by the need for further exploration of the potential use of the particles ‘halt’ and ‘eben’ in illocutionarily dependent subordinate clauses, as well as the types of modal meanings they convey. Through descriptive, transformational, comparative, and contextual analysis methods, it is demonstrated that ‘halt’ and ‘eben’ differ from other modal particles in that they indicate the factuality of a situation. A specific characteristic of the particle ‘halt’ is its ability to introduce additional emotive meanings into an utterance, making it prevalent in colloquial speech. It is noted that ‘eben’ serves as an indicator of inferential evidentiality. The analysis of the compatibility of these particles with modal words reveals that ‘halt’ and ‘eben’ are incompatible with markers of reportative evidentiality. Investigating various uses of ‘halt’ and ‘eben’ in subordinate clauses allows for the observation that their compatibility with illocutionarily dependent clauses can be attributed to their function in affirming the truth of a proposition.

Key words:
modal particles; inferential evidentiality; German particles ‘halt’ and ‘eben’; illocutionarily dependent clauses; logical connections.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.112.2'367.635
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-9-29

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Частицы *halt* и *eben* в немецком языке: функции, комбинаторная сочетаемость и синтаксические свойства

© Аверина А. В., Шубина Э. Л., 2025

1. Введение = Introduction

В центре внимания данной публикации — частицы *halt* и *eben* в немецком языке: их функциональное назначение, комбинаторная сочетаемость и синтаксические свойства. Предварительный анализ фактического материала позволил заметить, что, например, частица *halt*, с одной стороны, проявляет свойства модальных частиц (не может занимать позицию в предполье, использована в среднем поле немецкого предложения, не является ударной), с другой стороны, может иметь место в придаточных предложениях, в которых модальные частицы *ja, doch, denn* неупотребимы, сравним:

(1) *Es ist* ***halt*** *das Gesetz des Krieges oder des Konflikts* [DWDS: Zeitungskorpora] / *Это закон войны и конфликта* (здесь и далее перевод наш. — *А. А., Э. Ш.*).

(2) *Man bestellt die Ware, wo sie* ***halt*** *billiger ist* [DWDS: Zeitungskorpora] / *Товары заказывают там, где они дешевле*.

(3) *Wenn man* ***halt*** *nicht so viel Geld zur Verfügung hat, dann ist das doch keine falsche Sache* [DWDS: Zeitungskorpora] / *Если уж не так много денег в наличии, то это не может быть неправильным*.

На примере (1) можно проследить синтаксические свойства частицы *halt*: Она занимает позицию в среднем поле предложения и безударна. Следующие примеры (2) и (3) демонстрируют возможность ее использования в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях, в которых модальные частицы *ja, wohl* и *doch* не могут быть использованы.

Схожими свойствами обладает и частица *eben*. Как и все модальные частицы, она занимает позицию в среднем поле предложения, безударна, а также может иметь место в придаточных предложениях, в которых *ja, wohl* и *doch* как модальные частицы аграмматичны, например:

CC BY

(4) *Aber wenn man* ***eben*** *beste Freundinnen ist, dann redet man über solche Probleme* [DECOW 16A] / *Если же Вы лучшие подруги, то об этих проблемах надо говорить*.

(5) *Nachdem* ***eben*** *nur Regina Zahn mit dem jungen Timo Lück gesprochen hatte, führte jetzt ihre Schwester Anita das Gespräch fort* [DECOW 16A] / *Ну а после того как Регина Цан поговорила с молодым Тимо Люк, ее сестра Анита продолжила разговор*.

В связи с этим возникает вопрос о том, в чем заключаются причины таких расхождений — почему включение частиц *ja, wohl* и *doch* в некоторые типы придаточных исключено, в то время как в случае с *halt* и *eben* подобные ограничения обнаруживаются не всегда. Важным представляется анализ передаваемых на уровне контекста свойств частицы *halt и eben*, их комбинаторной сочетаемости, а также употребительности в различных типах высказываний.

Исследованиям модальных частиц посвящено огромное количество работ: в частности, Х. Вайдта [Weydt, 2010], М. Турмэр [Thurmair, 1989], М. Конильо [Coniglio, 2009; Coniglio, 2011], В. Абрахама [Abraham, 2013; Abraham, 2018; Abraham, 2019; Abraham, 2020], Й. Майбауера [Meibauer, 1994], Л. Брюнье [Brünjes, 2014] и др. В работе В. Абрахама [Abraham, 2013] было показано, что модальные частицы немецкого языка являются многоплановыми дейктиками; эти слова не могут быть употреблены в иллокутивно несамостоятельных придаточных [Abraham, 2018]; они всегда занимают позицию между темой и ремой [Abraham, 2020]. М. Конильо [Coniglio, 2009] и М. Турмэр [Thurmair, 1989] анализируют синтаксические свойства модальных частиц и развивают концепцию иллокутивной несамостоятельности придаточного; Х. Вайдт [Weydt, 2010] показывает их роль в организации процесса коммуникации; Й. Майбауер [Meibauer, 1994] анализирует функциональное назначение модальных частиц. Есть специальное исследование, посвященное комбинаторным сочетаниям *halt eben* и *eben halt*, в котором показана специфика частицы *halt* и ее отличие от *eben* [Müller, 2016]. Тем не менее некоторые вопросы остаются открытыми. В частности, нуждаются в дополнительном освещении синтаксические свойства частиц *halt и eben*, факторы, их определяющие, а также виды модальных значений, передаваемые частицами *halt и eben.* Этим и определяется актуальность проводимого исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем раскрывается функциональное назначение модальных частиц *halt* и *eben*, показаны их отличительные особенности, а также предложена интерпретация их синтаксических свойств. В свою очередь, это вносит вклад в общую концепцию модальности и в описание частных свойств модальных частиц

CC BY

в немецком языке. Этим определяется теоретическая значимость исследования. Полученные результаты могут быть использованы на занятиях по практической грамматике немецкого языка студентов языковых вузов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данной публикации заключается в том, чтобы проанализировать функциональное назначение, синтаксические свойства и комбинаторную сочетаемость частиц *halt* и *eben*, а также факторы, оказывающие на это влияние. Цель определила следующие задачи: описать функции частиц *halt* и *eben* в высказывании; выявить синтаксические свойства частиц *halt* и *eben*; раскрыть вопрос о сочетаемости модальных частиц *halt* и *eben* с другими частицами и модальными словами.

В качестве материала использованы данные корпусов DECOW 16A и DWDS. Всего было отобрано и проанализировано свыше 500 примеров. Корпус DECOW 16A содержит 777,685,885 предложений, отобранных из текстов немецкоязычных сайтов (включает в себя 17,116,160 документов), содержащих как сообщения в форумах, так и различного рода онлайн-сообщения. Соответственно, данные корпуса репрезентируют письменную разговорную речь или представляют публицистические издания. Корпус DWDS содержит 13 000 000 000 примеров из текстов немецких газет и журналов (*Berliner Zeitung, Tagesspiegel, die Zeit*), публичных выступлений политиков и разговорной речи. В процессе анализа мы привлекали и обнаруженные нами примеры из газет и журналов, а также из выступлений политиков.

При решении поставленных задач были использованы следующие методы исследования: описательный, трансформационный, сопоставительный и метод контекстуального анализа.

Посредством применения описательного метода была показана специфика ситуаций, в которых данные частицы имеют место; метод контекстуального анализа был использован для того, чтобы определить типичные для употребления частиц *halt* и *eben* типы контекстов; сопоставительный метод позволил выявить специфику комбинаторных сочетаний частиц *halt* и *eben*. Трансформационный метод был необходим для того, чтобы установить отличия между частицами *halt* и *eben*, а также другими модальными частицами. В некоторых случаях для интерпретации примеров мы обращались к мнению носителей языка.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Функции частиц *eben* и *halt*

В работе М. Турмэр семантика высказываний с частицей *halt* описывается следующим образом: используемая в большинстве случаев в юж-

CC BY

нонемецких регионах, эта частица указывает на то, что излагаемый факт является убедительным для говорящего, хотя иная позиция не исключена[1], а разница между частицами *halt* и *eben* в том, что высказывания с *halt* звучат менее категорично, чем с *eben* [Thurmair, 1989, S. 125—126]. Если мы проанализируем высказывания с *halt*, то можно заметить, что она относится не только ко всему предложению, в котором имеет место, но и к предыдущему:

(6) *Unter dem Druck der Krise ist die Auseinandersetzung auch zwischen an sich befreundeten Staaten rauer geworden — in der Not schaut* ***halt*** *doch jeder zuerst für sich* [DWDS: Politische Reden] / *Из-за кризиса даже отношения между дружественными государствами стали холоднее, ведь в трудностях каждый думает о себе.*

В приведенном примере предложение, содержащее частицу *halt*, указывает на причину, в предшествующем высказывании сформулировано следствие. Между предложениями возникают причинно-следственные отношения, поэтому данную частицу можно рассматривать как логический оператор, участвующий в их оформлении. Логические отношения в высказываниях с частицей *halt* выстраиваются по схеме *modus ponens* аналогично тому, как это имеет место в случае с модальной частицей *ja* [Averina, 2015]:

$$\frac{A \rightarrow B}{B}$$

где A — простая посылка, A→B — сложная посылка, B — вывод. Если простая и сложная посылка истинны, то и вывод тоже верен. Соответственно, предложение (6) может быть представлено следующим образом:

A→B: *Wenn Krise entsteht, wird die Auseinandersetzung zwischen den Staaten rauer. / Если возникает кризис, взаимоотношения меду государствами становятся холоднее.*

A: *Wir haben Krise und Not. / У нас нужда и кризис.*

B (вывод): *Die Auseinandersetzung zwischen den Staaten ist rauer geworden. / Взаимоотношения между государствами становятся холоднее.*

Помимо логической связи частица *halt* указывает на то, что обстоятельства не могут быть изменены. Это отчетливо можно проследить на следующих примерах:

(7) *Alle sind auf den Schiedsrichter losgegangen - typisch Deutsche. So sind sie* ***halt*** [DECOW 16A] / *Все пошли к судье — типичные немцы. Такие вот они есть.*

1 В работе М. Турмэр предложено объяснение: „ … der Sprecher konzediert zwar, dass es auch noch alternative Erklärungen etc. geben mag, bedeutet dem Hörer aber, für diesen Fall die dargestellte Erklärung, Begründung, Lösung anzuerkennen“ [Thurmair, 1989, S. 125].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

(8) *Ongo hat keine Ahnung, wo er ist, und eine große Stadt hat er auch noch nie in seinem Leben gesehen. Er kennt* ***halt*** *nur den Dschungel* [DECOW 16A] / *Онго не догадывается, где он, и большого города он никогда в своей жизни не видел еще. Он же знает только джунгли.*

(9) *Bei der niedrigen Tiefe ist der See im heißen Sommer wie eine Badewanne. Das ist* ***halt*** *so* [DECOW 16A] / *На мелководье озеро в жаркое лето становится как ванна. Вот так бывает.*

В (7) говорящий указывает на то, что совершенные действия характеризуют немцев и другими они быть не могут. В (8) в предложении с *halt* объясняется причина поведения мальчика: он жил только в джунглях, и город для него совершенно непривычен, в данной ситуации другого восприятия города быть не может. В (9) предложение с *halt* указывает на то, что другой температуры в мелководье летом ожидать не стоит: вода всегда будет горячей.

В побудительных конструкциях частица *halt* способствует усилению интенции говорящего:

(10) *Herr Zirkusdirektor, der Zirkus brennt! — Dann hol* ***halt*** *den Feuerschlucker* [DECOW 16A] / *Господин директор цирка, цирк горит! — Так давай же неси огнетушитель.*

(11) *Mach* ***halt*** *ein Thema dafür auf* [...] [DECOW 16A] / *‘Ну так объяви же тему для этого.*

(12) *Hör* ***halt*** *schon auf !!!* [DECOW 16A] / *А ну прекрати сейчас же!*

В приведенных высказываниях посредством частицы *halt* высказанное говорящим указание сформулировано более настойчиво.

Таким образом, мы видим, что частица *halt* позволяет, во-первых, передать логическую связь между двумя предложениями; во-вторых, указывает на убедительность и неоспоримость излагаемых фактов; в-третьих, усиливает побудительную интенцию говорящего. М. Турмэр пишет, что *halt* всегда имеет место в случае, если говорящий хочет скрыть свою неуверенность [Thurmair, 1989, S. 126]. В словаре DWDS рассматривается еще одна функция частицы *halt* — эмотивная, под которой понимается выражение недовольства, раздражения, критики, разочарования (DWDS), а проявление эмотивности обусловлено контекстом. Обращает на себя внимание и частотность употребления частицы *halt*. Рассмотрим данные корпуса DWDS по частоте использования частицы с 1975 по 2023 годы (табл. 1).

Таблица 1

Частотность употребления частицы *halt*
на основе данных корпуса DWDS

год	**1976**	**1986**	**1996**	**2006**	**2016**	**2023**
Частотность	375	613	5236	19238	22118	21406

CC BY

Как видно из приведенной таблицы, частотность употребления частицы *halt* сильно возросла, что, возможно, обусловлено расширением спектра выполняемых ею функций, а также письменной фиксацией текстов разговорного стиля: по мнению носителей языка, эта частица характерна именно для стиля обиходного общения.

Частица *eben*, по наблюдениям М. Турмэр, указывает на то, что обстоятельство, о котором идет речь в высказывании, очевидно для говорящего и собеседника [Thurmair 1989, S. 120]. Как и частицу *halt, eben* можно рассматривать как коннектор, когда между предложениями возникают причинно-следственные отношения:

(13) *Aber oft sind bei den Migranten die Familiensysteme noch stabiler. Da achten* ***eben*** *auch die Großmütter und Tanten eher auf das Wohl des kleinen Kindes* [DECOW 16A] / *Но часто у мигрантов семьи более прочные. Тут уж бабушки и тети следят за благополучием ребенка.*

(14) *«Haben Sie nicht noch eine Geschichte für uns», riefen sie in ihrer Begeisterung am Ende der Vorstellung. Märchen sollen* ***eben*** *auch die Fantasie der Kinder anregen, dies war ein Ziel unserer Märchenwoche* [DECOW 16A] / *«Нет ли у Вас еще одной истории для нас», — кричали они в восторге в конце представления. Сказки ведь развивают фантазию детей, это и была цель нашей сказочной недели.*

В приведенных примерах частица *eben* стоит в предложениях, содержащих указание на причину событий, следствие обозначено в предконтексте. *Eben* может быть использована и в побудительных высказываниях, например:

(15) *Dann mach* ***eben*** *weiter so* [DECOW 16A] / *Продолжай, пожалуй, и дальше так.*

В приведенном высказывании говорящий рекомендует собеседнику продолжать свое дело по причине очевидной для всех целесообразности.

В вопросительных предложениях частицы *halt* и *eben* не используют. Согласно данным корпуса DWDS, частотность частицы *eben* также значительно возросла за последние 50 лет (табл. 2).

Таблица 2

Частотность употребления частицы *eben*
на основе данных корпуса DWDS

год	**1976**	**1986**	**1996**	**2006**	**2016**	**2023**
Частотность	4096	4721	26809	99379	104959	94711

По всей видимости, возрастание частотности использования частицы *eben* обусловлено расширением спектра реализуемых в высказыва-

CC BY

нии функций: *eben* может выступать и в роли ударной частицы, и как наречие.

С. Мюллер обращает внимание на одно существенное различие между частицами *halt* и *eben*: Частица *eben* будет иметь место в тех случаях, когда говорящий наблюдает за ситуацией и она очевидна как для говорящего, так и для собеседника. В случает с частицей *halt* эта очевидность не прослеживается: употребляя данную частицу, говорящий ставит перед собой цель убедить собеседника, поскольку он может иметь иную позицию и другое мнение. С. Мюллер приводит в качестве подтверждения следующие примеры:

(16) *Er: Das Essen ist ja sehr gut hier!*
Sie: Schon; man kann ***halt*** *nicht draußen sitzen.*
/ Он: Здесь ведь такая хорошая еда!
Она: Да, но на улице же не посидишь'
** Schon; man kann* ***eben*** *nicht draußen sitzen.*
(пример см. [Müller, 2016, S. 173]).

В данном случае использована частица *halt*, поскольку говорящий понимает, что у его собеседника иное мнение. *Halt* подчеривает, что иной позиции быть не может, в то время как использование *eben* предполагает, что наблюдаемый факт очевиден и для говорящего, и для собеседника. Аналогичная ситуация имеет место и в следующем высказывании (17):

(17) *Ach, red* ***halt*** *noch einmal mit dem Vater! Der meints doch nur gut!*
/ Ах, поговори же с отцом! Он желает тебе только всего хорошего!
(17a) ** Ach, red* ***eben*** *noch einmal mit dem Vater!*
(пример см. [Müller, 2016, S. 173]).

В данном случае речь идет о ситуации, когда мать пытается убедить сына в том, что отец прав и действует из лучших побуждений, в то время как у ее собеседника иное мнение. Как видно из приведенных примеров, в ситуации, когда говорящий пытается убедить партнера по коммуникации, имеющего иную позицию, замена *halt* на *eben* невозможна.

С. Мюллер описывает и такие случаи, в которых частица *eben* не может быть заменена на *halt*. Так, например, если речь идет об очевидном и общеизвестном факте, который не будет оспариваться собеседником, частица *halt* неуместна (18а):

(18) *Der Wal ist* ***eben*** *ein Säugetier. / Кит — млекопитающее.*
(18а) **Der Wal ist* ***halt*** *ein Säugetier.*
(пример см. [Müller, 2016, S. 174])

С. Мюллер показывает, таким образом, четкую разницу между высказываниями, допускающими использование частиц *halt* и *eben*. В свою очередь, это имеет значение и для интерпретации комбинаторных сочета-

CC BY

ний *halt eben* и *eben halt*: в случае, если приоритет отдается указанию на неоспоримость факта, а очевидность ситуации вторична, преобладает комбинация *halt eben*, если же на первый план выступает именно очевидность ситуации, то используется сочетание *eben halt*, сравним:

(19) *Es ist* ***halt eben*** *eine ganz andere Kultur beim Japaner an sich* [DWDS: Zeitungskorpora] / *У японцев же совсем другая культура.*

(20) *Es gibt unterschiedliche Tatbestände, und bestimmte Kosten entstehen* ***eben halt*** *nur, <...> wenn z. B. einer von beiden oder ein alleinstehender Elternteil erwerbstätig ist* [DWDS: Bundestagskorpus] / *Бывают различные обстоятельства, и определенные расходы возникают-то как раз-таки, если, например, один из родителей или родитель, самостоятельно воспитывающий ребенка, работает.*

В (19) говорящий использует комбинаторное сочетание *halt eben* для указания на то, что у него самого не вызывает никаких сомнений особенность японской культуры, что, в свою очередь, очевидно для всех. Употребление *eben halt* в примере (20) подчеркивает очевидность факта для говорящего и собеседника, а также его неоспоримость. Согласно данным корпуса DECOW 16A, количество комбинаторных сочетаний *eben halt* составило 175 единиц, *halt eben* — 603. Речь идет в данном случае исключительно о ситуативной обусловленности выбора комбинаторного сочетания.

Таким образом, сказанное позволяет заключить, что специфика частицы *halt* заключается в том, чтобы подчеркнуть неоспоримость ситуации и невозможность ее изменить: говорящий дает знать собеседнику, что он принимает ситуацию такой, какая она есть. Можно отметить стилистическую маркированность частицы *halt*: она свойственна разговорному стилю. Частица *eben* служит для указания на очевидность ситуации как для говорящего, так и для собеседника. В случае с частицами *halt* и *eben* подчеркивается фактичность, или истинность, пропозиционального содержания. В свою очередь, это оказывает влияние на особенности сочетаемости частиц с другими модальными показателями и на их синтаксические свойства. Остановимся на этом подробнее.

3.2. Сочетамость *halt* и *eben* с модальными словами и модальными частицами

Анализ сочетаемости модальных частиц с модальными словами позволил обратить внимание на следующую закономерность: частица *halt* не встречается в комбинации с модальным словом *angeblich*, есть несколько примеров употребления с модальными словами *vermutlich, offenbar* и *offensichtlich* (6 случаев), может сочетаться с модальным словом *wahrscheinlich* (22 примера), чаще комбинируется с модальным словом *vielleicht* (54 случая). Рассмотрим примеры:

(21) *Das wird man* ***halt wahrscheinlich*** *nie tatsächlich herausfinden* [DECOW 16A] / *Это же по всей вероятности никто не выяснит.*

(22) *Dann wäre* ***halt vielleicht*** *eine Million Menschen gerettet worden.* (DWDS) / *Можно же наверное было спасти людей.*

(23) *Aber so ist es* ***halt vermutlich*** *überall* [DECOW 16A] / *Так ведь, наверное, везде.*

(24) *Und das wollte* ***halt offensichtlich*** *der Kollege Westenthaler nicht ...* [DWDS: Politische Reden] / *И этого, очевидно, коллега Вестенталер не хотел.*

(25) *Sie versuchen* ***halt offenbar*** *immer wieder, mit Scheindebatten das eine oder andere an eigenem Versagen zu überdecken ...* [DWDS: Politische Reden] / *Они, очевидно, пытаются скрыть собственный отказ мнимыми дебатами.*

В сочетании с модальными словами *wahrscheinlich, vielleicht* и *vermutlich* частица *halt* служит для того, чтобы показать убежденность говорящего в возможном существовании некоторого факта или положения дел. В комбинации с модальными словами *offensichtlich* и *offenbar* передается уверенность говорящего, основывающаяся на очевидных фактах.

Частица *eben* также не встречается с модальным словом *angeblich*, есть несколько случаев ее использования с модальным словом *wahrscheinlich* (8 в корпусе DECOW и 23 — в DWDS) и *vermutlich* (6 — DWDS, 4 — DECOW 16A), намного чаще — с модальным словом *vielleicht* (45 — в корпусе DECOW 16 A, 43 — DWDS), реже — с модальными словами *offenbar* (12 — DECOW, 33 ⩬ DWDS) и *offensichtlich* (11 — DWDS, 9 — DWDS), сравним:

(26) *Sie haben es* ***eben wahrscheinlich*** *schon bei der Beantwortung der Frage Ihres Kollegen mitbekommen, den Vorwürfen nachzugehen und den Sachverhalt umfassend aufzuklären* [DWDS: Bundestagskorpus] / *Вы, вероятно, это поняли уже при ответе на вопрос Вашей коллеги, что следует учесть упреки и разъяснить подробно все обстоятельства.*

(27) *Wenn die Dinge sichtbarer werden, dann kann man zum Beispiel wegen einer Krankheit* ***eben vielleicht*** *nicht mehr zu drei Ärzten gehen* [DWDS: Parlamentsreden] / *Если все становится уже понятным, то можно, например, из-за одного недуга уже и не ходить к трем врачам.*

(28) *Seine Psyche ist* ***eben vermutlich*** *nicht erst in der Jugend, sondern bereits in seiner Kindheit „gebrochen" worden* [DWDS: Zeitungskorpus] / *Его психика, по всей видимости, не в юности, а в детстве была «сломана».*

(29) *Europa schrumpft — territorial, bevölkerungsmäßig und leider* ***eben offenba****r auch politisch* [DWDS: Bundetagskorpus] / *Европа сокращается — территориально, по численности населения и, к сожалению, политически.*

CC BY

(30) *Es ging* ***eben offensichtlich*** *nicht um Befehl und Gehorsam und Autorität und Unterwürfigkeit* [DWDS: Zeitungskorpus] / *Речь шла очевидно не о приказе, послушании, авторитете и подчинении.*

При использовании *eben* в сочетании с *wahrscheinlich, vermutlich и vielleicht* говорящий указывает на то, что возможное обстоятельство или ситуация очевидны для всех. *Eben offensichtlich* и *eben offenbar* служат для того, чтобы подчеркнуть очевидность наблюдаемых всеми обстоятельств.

Таким образом, частицы *halt* и *eben* проявляют сходство в сочетании с модальными словами и по частотности употребления, и по общности передаваемых посредством комбинаторных сочетаний значений. В отличие от *eben* и *halt* другие модальные частицы способны сочетаться с модальным словом *angeblich*, сравним:

(31) *Er weiß* ***ja angeblich*** *nie von irgendetwas* [DWDS: Zeitungskorpus] / *Ведь судя по полученным данным он ничего не знает.*

Но:

(31а) *Er weiß* ***(*halt angeblich / *eben angeblich)*** *nie von irgendetwas.*

Данному факту можно предложить следующее объяснение: модальное слово *angeblich* указывает на 3-е лицо как на источник информации, речь в данном случае идет о репортативной эвиденциальности (*angeblich* как репортативный маркер описан в работе [Socka, 2021]). Частицы *halt* и *eben* подчеркивают, что в роли источника информации служит говорящий (подробнее об инференциальной эвиденциальности см. [Козинцева, 1994; Козинцева, 2000]), в случае с *eben* — еще и собеседник, а сама ситуация представлена как фактичная, или истинная. Соответственно, несовместимость **halt angeblich* и **eben angeblich* обусловлена семантическими расхождениями.

Определенные закономерности можно проследить и при анализе сочетаемости частиц *halt* и *eben* с другими частицами, например:

(32) *Man merkt* ***ja halt*** *auch, dass die Leute Freude haben* [DECOW 16A] / *Ведь видно же, что люди радуются.*

(33) *Aber dann macht* ***halt mal*** *einen gescheiten Vorschlag* [DECOW 16A] / *Так сделайте-ка толковое предложение.*

(34) *Es gibt* ***halt doch*** *eher wenig Themen, die zu lang sind für einen Tweet, aber auch keinen eigenen Blogbeitrag rechtfertigen* [DECOW 16A] / *Скорее же есть немного тем, которые слишком длинны для твита, но при этом они не оправдывают длинный блог.*

(35) *Ian Holm hat aber in den vergangenen 10 Jahren ganz schön abgebaut, oder? Zumindest dem Trailer-Ausschnitt nach zu urteilen Naja. Ist* ***halt auch*** *schon 80* [DECOW 16A] / *Иэн Хольм сильно сдал за последние 10 лет, или?*

CC BY

По меньшей мере, если судить по вырезкам из трейлера, то да. Ему же уже 80.

(36) *Das System setzt Anreize; unter Umständen auch schlechte und das muss man dann* ***halt wohl*** *ändern* [DECOW 16A] / *В системе обращают на себя внимание некоторые моменты; между тем есть и слабые места, по возможности их бы поправить.*

Как показывает анализ корпусных данных, *halt* следует после *ja*, но предшествует *nur*, *mal, doch, auch* и *bloß*. В сочетании с частицей *ja* частица *halt* подчеркивает убежденность говорящего; в комбинации с частицей *mal* выражена вежливая просьба с большой степенью настойчивости; сочетание *halt doch* служит для того, чтобы указать на противоречие между двумя пропозициями, при этом *halt* подчеркивает истинность и убедительность позиции говорящего; модальная частица *auch*, как правило, служит для того, чтобы показать, что ситуацию невозможно изменить, в сочетании с *auch* это значение усиливается; частица *wohl* служит в высказывании, как правило, для того, чтобы показать, что у собеседника может быть иное мнение, в сочетании с частицей *halt* говорящий отмечает истинность собственной позиции. Таким образом, общим для всех случаев употребления модальной частицы *halt* с другими частицами можно считать то, что факт, о котором идет речь, представляется говорящему очень убедительным, а смещение частицы *halt* в позицию после других модальных частиц за исключением *ja* невозможно.

Рассмотрим особенности комбинаторных сочетаний частицы *eben* с другими модальными частицами. *Eben* занимает позицию после частиц *ja* и *doch*, например:

(37) *Der Hypochonder zeichnet sich* ***ja eben*** *dadurch aus, dass er hartnäckig daran glaubt, seine Krankheit sei real und nicht Einbildung* [DECOW 16A] / *Ипохондрик ведь именно тем и отличается, что искренне верит в то, что его болезнь реальна, а не вызвана воображением.*

(38) *Ihr Kollege hat mir* ***doch eben*** *auch nur eine Verwarnung für das Überfahren der letzten roten Ampel gegeben* [DECOW 16A] / *Ваш коллега ведь мне тоже дал предупреждение из-за проезда на красный свет.*

В приведенных высказываниях *eben* указывает на очевидность факта, использование этой частицы в позиции после *ja* и *doch* позволяет сместить этот компонент значения на второй план. В корпусе есть примеры употребления частицы *ja* после *eben* в том случае, если далее следует какой-либо показатель, который сужает скопус, или сферу действия частицы *ja*. Это могут быть наречия с различной семантикой, например:

(39) *Christoph Heinemann hat* ***eben ja schon*** *darauf hingewiesen* [DECOW 16A] / *Кристоф Хайнеманн уе ведь указал на это.*

CC BY

(40) *Der erste Satz in meinen Augen auch irgendwie falsch, aber schließlich* ***eben ja auch*** *das Diskussionsthema* [DECOW 16A] / *Первое предложение, по моему мнению, не вполне верно, но в конечном счете тоже может считаться темой для дискуссий.*

В (39) после сочетания *eben ja* следует темпоральный показатель *schon*, в (40) — наречие *auch*.

Случаи употребления частицы *eben* после частицы *doch* возможны, но, как правило, речь уже идет об ударной частице *DOCH*, не относящейся к модальным и служащей для выражения контраста:

(41) *Ein zweiter Platz ist eine undankbare Sache. Man war ziemlich gut — aber* ***eben DOCH*** *nicht der beste* [DECOW 16A] / *Второе место — неблагодарное дело. Ведь он был довольно хорош — и все же не лучший.*

В приведенном примере ударная частица *DOCH* служит для того, чтобы передать значение противопоставления.

В сочетании с частицей *wohl* частица *eben*, как правило, предшествует ей: в данном случае говорящий указывает на некоторый очевидный ему и собеседнику факт, не исключая при этом того, что возможна и другая позиция, например:

(42) *Es gibt* ***eben wohl*** *wenige, die den Weg aus dem ehemaligen Westen hierher machen* [DWDS: Zeitungskorpus] / *Ведь есть немало таких, кто из бывшего Запада приехал сюда.*

В случае предшествования частицы *wohl* частице *eben* последняя меняет статус модальной и выступает в роли фокусной, например:

(43) *Aber das war* ***wohl eben*** *nicht Dein Ernst, oder?* [DECOW 16A] / *Но ты же не на полном серьезе, или?*

Таким образом, можно обратить внимание на то, что частицы *halt* и *eben* способны сочетаться с другими модальными частицами и, как правило, предшествуют им за исключением частицы *ja;* в случае с *eben* частица *doch* всегда занимает позицию перед ней. По всей видимости, это объясняется тем, что *halt* и *eben* обладают специфическими свойствами и следуют после частиц, не обладающих ими (о принципах следования частиц см. [Thurmair, 1989]).

Остановимся на вопросе об употреблении частиц *halt* и *eben* в придаточных предложениях.

3.3. Использование частиц *halt* и *eben* в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях

Модальные частицы немецкого языка *ja, doch, denn, wohl* обладают следующим свойством: как уже было показано ранее [Thumair, 1989; Coniglio, 2011; Averina, 2020], они не могут быть использованы в некоторых типах придаточных предложений: в объектных придаточных при

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

фактивном[1] предикате в главном предложении, в условных, временных и придаточных места, сравним:

(44) *Ich habe es auch schon bedauert, dass hier (***ja, *wohl, *doch**) niemand mehr schreibt!* [DECOW 16A] / *Я тоже уже пожалел, что здесь больше никто не пишет!*

(45) *Wenn sie (***ja, *wohl, *doch**) ihr Versprechen halten, ist das kein so großes Problem* [DECOW 16A] / *Если Вы сдержите Ваше обещание, это не такая большая проблема.*

(46) *Nachdem er (***ja, *wohl, *doch**) hundert Meter gegangen ist, folgen ihm schon über hundert Ratten* [DECOW 16A] / *После того как он прошел сто метров, за ним устремилась сотня крыс.*

(47) *Einige flogen sogar bis dorthin, wo (***ja, *wohl, *doch**) Nadja und Kiro standen* [DECOW 16A] / *Все даже устремились туда, где стояли Надя и Киро.*

Связано это с тем, что модальные частицы, как отмечает В. Абрахам, являются многоплановыми дейктиками: (1) говорящий оценивает информированность собеседника, (2) дает ему об этом знать и (3) провоцирует его к реакции на сказанное [Abraham, 2011, с. 140]. В работе [Averina, 2015] были описаны условия, при которых включение частиц *ja, doch, wohl* и *denn* в перечисленные типы придаточных предложений возможно: это может иметь место в том случае, если в главном предложении использованы модальные показатели, маркеры субъективной оценки или если само главное предложение представляет собой побудительное или вопросительное предложение, например:

(48) *Wir würden uns sehr freuen, wenn Sie sich (+**ja, +wohl, +doch**) diese Zeit nähmen* [DECOW 16A] / *Мы бы были очень рады, если бы Вы не торопились.*

(49) *Erst nachdem die Zahlung bestätigt wurde, können (+**ja, +wohl, +doch**) Ihre Artikel an Sie versendet werden* [DECOW 16A] / *Только после того как был подтвержден платеж, Ваши товары могут быть отправлены Вам.*

Анализ фактического материала позволил обратить внимание на то, что частицы *halt* и *eben* могут иметь место в тех типах придаточных предложений, в которых употребление *ja* и *doch* не представляется возможным. Рассмотрим случаи использования частицы *halt* в придаточных предложениях:

1 К фактивным предикатам относятся те глаголы, которые пресуппонируют ситуацию, то есть указывают на то, что речь об этом уже шла раньше (*bedauern, leugnen*). Фактичность связана с пресуппозицией истинности, а нефактичность — с утверждением истинности. Пресуппозиция утверждения составляет обозначение события, уже введенного в качестве предмета речи, темы [Арутюнова, 2007, с. 68]. Об отличии фактивных и нефактивных предикатов см. [Kiparsky et al., 1974].

CC BY

(50) *Ich leugne nicht, dass es* ***halt*** *wirklich viele Türken gibt die partout nichts mit den Deutschen zu tun haben wollen, aber das ist nach meiner Erfahrung ein wiiiiiinziger Teil!* [DECOW 16A] / *Я не вру, что действительно есть много турков, которые ничего общего не хотят иметь с немцами, но по моему опыту это очень небольшой процент.*

(51) *Wenn sie* ***halt*** *eitel ist und ihre Bilder ins Netz stellt, ist das alleine Ihre Sache* [DECOW 16A] / *Если же она такая тщеславная и выставляет свои фото в сеть, это ее дело.*

(52) *... dort, wo es* ***halt*** *nicht so geklappt hat, musste der Arzt ran* [DECOW 16A] / *Там, где не получалось, должен был подключаться врач.*

(53) *Nachdem man* ***halt*** *ausgeschlafen hat, geht man dann gleich wieder in eine Taverne, um nochmal nachzufeiern* [DECOW 16A] / *Уж после того, как выспались, идут все в таверну, чтобы отпраздновать.*

Можно предположить, что в данном случае использование частицы *halt* в иллокутивно несамостоятельных придаточных возможно, поскольку в предложении с ней находит свое проявление неоспоримость излагаемого факта, то есть говорящий указывает на его истинность, и он (факт) не подвергается каким-либо сомнениям. Фактичность как таковая всегда совместима с иллокутивно несамостоятельными придаточными, и показатели фактичности могут быть подчинимы (см. [Averina, 2020]). Та же фактичность свойственна модальным словам *wirklich* и *tatsächlich* [Там же], кодирующим значение алетической модальности. Можно обратить внимание на то, что в данном случае частица *halt* проявляет синтаксические свойства, аналогичные модальным словам *wirklich* и *tatsächlich*: в отличие от модальных слов *vielleicht, wahrscheinlich, vermutlich*, модальные слова *wirklich* и *tatsächlich* как показатели истинности (фактичности) могут иметь место в придаточных объектных при фактивном предикате в главном предложении, сравним:

(54) *Es hat mich ehrlich gefreut, dass* ***tatsächlich*** *etwas für Edward zusammengekommen ist* [DECOW 16A] / *Меня честно порадовало, что действительно что-то собралось для Эдварда.*

(55) *Finden Sie, dass* ***wirklich*** *etwas beschlossen wurde?* [DWDS: Zeitungskorpus] / *Вы находите, что действительно что-то было решено?*

Но:

(54a) *Es hat mich ehrlich gefreut, dass (***vielleicht)* *etwas für Edward zusammengekommen ist.*

(55a) *Finden Sie, dass (***vielleicht)* *etwas beschlossen wurde?*

Частицу *halt* можно рассматривать как показатель, указывающий на неминуемость, а в некоторых случаях и маркирующий фатальность описываемого события. Какие бы действия не предпринимались, изменение

CC BY

ситуации или предотвращение каких-либо обстоятельств невозможно, они однозначны и неоспоримы, в чем и заключается специфика данной частицы. Дополнительно выражены и эмотивные значения, передаваемые частицей *halt*: нетерпение или раздражение.

Таким образом, частицу *halt* с модальными частицами сближает ее способность участвовать в оформлении логических отношений, безударность, а также позиция в среднем поле предложения. Отличительной особенностью можно считать указание на фактичность, что влияет на ее синтаксические свойства, а также большой эмотивный потенциал.

Рассмотрим случаи использования частицы *eben* в тех типах придаточных предложений, в которых не могут быть использованы модальные частицы *ja, doch, wohl*:

(56) *Ich staune nur, dass sie* ***eben*** *trotzdem blüht* [DECOW 16A] / *Я удивляюсь только, что она именно несмотря ни на что цветет.*

(57) *Den Mantel dagegen hat sie mysteriöserweise dagelassen, er liegt genau dort, wo sie* ***eben*** *verschwunden ist ...* [DECOW 16A] / *Напротив, она таинственным образом оставила пальто, оно лежит именно там, где она как раз-таки исчезла.*

(58) *Allerdings erlebt Mnich, dass viele Politiker Schwierigkeiten damit haben, sich für so ein Projekt einzusetzen, nachdem sie* ***eben*** *gesehen haben, wie leicht man damit zum Verlierer werden kann* [DWDS: Zeitungskorpus] / *В любом случае Мних понимает, что у многих политиков есть сложности с тем, чтобы отстоять такой проект, после того как они уже сами увидели, как легко можно с ним все потерять.*

В приведенных примерах частица *eben* имеет узкий скопус, то есть относится к одному слову в предложении: в (56) — к слову *trotzdem*, в (57) — к слову *verschwinden (verschwunden haben)*, в (58) — к предикату *sehen (gesehen haben)*. Это сближает ее с разрядом фокусных, основным свойством которых можно считать выделение одного какого-либо аспекта высказывания. В данном случае также можно говорить о фактичности ситуации и ее неоспоримости.

Таким образом, использование в придаточных предложениях частиц *halt* и *eben* объясняется наличием свойственного им значения фактичности. Специфика частицы *eben* проявляется в наличии в семантике дополнительного эвиденциального компонента, а для *halt* характерно придание высказыванию эмотивного оттенка — нетерпения, раздражения, критики.

4. Заключение = Conclusions

Цель данной публикации заключалась в том, чтобы проанализировать функциональное назначение, синтаксические свойства и сочетаемость ча-

CC BY

стиц *halt* и *eben*, а также факторы, оказывающие на это влияние. Анализ фактического материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Частицы *halt* и *eben* в роли модальных позволяют передать логическую связь между двумя предложениями по схеме *modus ponens*. Как и другие модальные частицы, *halt* и *eben* занимают позицию в среднем поле предложения и безударны. В случае использования *halt* на первый план выступает неоспоримость излагаемого факта, в то время как *eben* позволяет выделить такой смысловой компонент, как «очевидность ситуации». Особенность частиц *halt* и *eben* заключается в указании на фактичность, то есть истинность пропозиции.

2. Анализ сочетаемости модальных частиц с модальными словами позволил обратить внимание на то, что частицы *halt* и *eben* не встречаются в комбинации с модальным словом *angeblich,* в то время как в сочетании с другими модальными словами они возможны. Данный феномен можно объяснить тем, что *halt* и *eben* являются показателями инференциальной эвиденциальности, когда говорящий выступает в роли источника информации, а *angeblich* — маркер репортативных значений, то есть в данном случае прослеживается их семантическая несовместимость.

3. Исследование комбинаторных сочетаний частиц *halt* и *eben* с другими модальными частицами показало, что они занимают, как правило, более высокую позицию в линейной схеме предложения. Исключение составляет только модальная частица *ja*, всегда предшествующая частицам *halt* и *eben;* в случае с *doch* частица *eben* также следует за ней, то есть обладает более низким рангом. Данный феномен непосредственно связан со скопусом частиц.

4. Анализ вариантов использования частиц *halt* и *eben* в придаточных предложениях, несовместимых с другими модальными частицами, такими как *ja, doch, wohl*, позволил обратить внимание на то, что *halt* и *eben* могут иметь место в предложениях, лишенных иллокутивной силы. Основная причина заключается в том, что они указывают на фактичность ситуации, то есть в высказывании утверждается истинность пропозиции. Высказывания с *halt* содержат имплицитно информацию, что предотвращение ситуации уже невозможно и ее надо принять как данность. Дополнительно выражено эмоциональное отношение говорящего к происходящему: раздражение или недовольство. В случае с *eben* наблюдается сужение скопуса частицы и наличие дополнительного эвиденциального компонента: говорящий и собеседник наблюдают ситуацию и выступают в роли источника информации.

Таким образом, частицы *halt* и *eben* занимают особое место в ряду модальных, поскольку служат для утверждения истинности высказывания. Перспективным представляется систематическое освещение вопроса об

CC BY

условиях проявления эмотивного компонента в семантике всех модальных частиц.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *DECOW 16 A* [Electronic resource]. — Access mode : www.webcorpora.org (accessed 20.04.2024).

2. *DWDS:* Bundestagsorpus [Electronic resource]. — Access mode : https://www.dwds.de/ (accessed 27.05.2024).

3. *DWDS:* Parlamentsreden [Electronic resource]. — Access mode : https://www.dwds.de/ (accessed 18.05.2024).

4. *DWDS:* Zeitungskorpora [Electronic resource]. — Access mode : https://www.dwds.de/ (accessed 15.04.2024).

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. — Москва : ЛКИ, 2007. — 384 с.

2. *Козинцева Н. А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) / Н. А. Козинцева // Вопросы языкознания. — 1994. — № 3. — С. 92—104.

3. *Козинцева Н. А.* К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке : косвенный источник информации / Н. А. Козинцева // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. — Санкт-Петербург : Наука, 2000. — С. 226—240. — ISBN 5-02-028440-8.

4. *Abraham W.* Über Unhintergehbarkeiten in der modernen Modalitätsforschung / W. Abraham // Modalität und Evidentialität. — Focus : Trier, 2011. — S. 125—147.

5. *Abraham W*. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen / W. Abraham. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2013. — 707 S.

6. *Abraham W*. Jean-Marie Zembs Phema-Begriff zwischen Informationsstruktur und Prädikationsstruktur / W. Abraham // Diskursgrammatik — Grammaire du discourse. Hommage à Jean-Marie Zemb. — 2018. — Bd. 2. — S. 131—157.

7. *Abraham W*. Deutsche Modalpartikel in Nichthauptsatz- und Infinitivkonstruktionen“ / W. Abraham // Studia Germanistica Gedanensia 41. — 2019. — S. 17—36.

8. *Abraham W.* Zur Architektur von Informationsautonomie: Thetik und Kategorik. Wie sind sie linguistisch zu verorten und zu unterscheiden? / W. Abraham // Zur übereinzelsprachlichen Architektur von Thetik und Kategorik [Studien zur deutschen Grammatik]. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2020. — S. 87—144.

9. *Averina A.* Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen / A. Averina. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2015. — 244 S.

10. *Averina A.* Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung : Tiefenstruktur und Semantik / A. Averina // Sprachwissenschaft. — Heidelberg : Winter Verlag, 2020. — S. 425—471.

11. *Brünjes L.* Das Paradigma deutscher Modalpartikeln. Dialoggrammatische Funktion und paradigmeninterne Oppositionen / L. Brünjes. — Berlin : De Gruyter, 2014. — 224 S.

12. *Coniglio M.* Deutsche Modalpartikeln in Haupt- und Nebensätzen / M. Coniglio // Modalität : Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2009. — S. 191—221.

13. *Coniglio M.* Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen / M. Coniglio. — Berlin : Akademieverlag, 2011. — 220 S.

14. *Meibauer J.* Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln / J. Meibauer. — Tübingen : Niemeyer Verlag, 1994. — 252 S.

15. *Müller S.* Halt eben vs. eben halt? Dialekt, Satzmodus, Rhythmus oder Interpretation? / S. Müller // Sprachwissenschaft. — 2016. — Bd. 41 (2). — S. 139—184.

16. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen / M. Thurmair. — Tübingen : Niemeyer Verlag, 1989. — 314 S.

17. *Kiparsky P.* Fact / P. Kiparsky, C. Kiparsky // Syntax und generative Grammatik. — Frankfurt am Main : Athenaion, 1974. — Bd. 1. — Pp. 257—304.

18. *Socka A.* Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen / A. Socka. — Reihe : Danziger Beiträge zur Germanistik, 2021. — 570 S.

19. *Weydt H.* Abtönungspartikeln und andere Disponible / H. Weydt // Theo Harden & Elke Hentschel (Hrsg.) : 40 Jahre Partikelforschung. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2010. — S. 10—32.

Статья поступила в редакцию 06.08.2024,
одобрена после рецензирования 13.12.2024,
подготовлена к публикации 05.03.2025.

Material resources

DECOW 16 A. Available at: www.webcorpora.org (accessed 20.04.2024). (In Germ.).

DWDS: Bundestagsorpus. Available at: https://www.dwds.de/ (accessed 27.05.2024). (In Germ.).

DWDS: Parlamentsreden. Available at: https://www.dwds.de/ (accessed 18.05.2024). (In Germ.).

DWDS: Zeitungskorpora. Available at: https://www.dwds.de/ (accessed 15.04.2024). (In Germ.).

References

Abraham, W. (2011). Über Unhintergehbarkeiten in der modernen Modalitätsforschung. In: *Modalität und Evidentialität.* Focus: Trier. 125—147. (In Germ.).

Abraham, W. (2013). *Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen.* Tübingen: Stauffenburg Verlag. 707 S. (In Germ.).

Abraham, W. (2018). Jean-Marie Zembs Phema-Begriff zwischen Informationsstruktur und Prädikationsstruktur. *Diskursgrammatik — Grammaire du discourse. Hommage à Jean-Marie Zemb, 2:* 131—157. (In Germ.).

Abraham, W. (2019). Deutsche Modalpartikel in Nichthauptsatz- und Infinitivkonstruktionen“. *Studia Germanistica Gedanensia 41.* 17—36. (In Germ.).

Abraham, W. (2020). Zur Architektur von Informationsautonomie: Thetik und Kategorik. Wie sind sie linguistisch zu verorten und zu unterscheiden?“ In: *Zur übereinzelsprach-*

lichen Architektur von Thetik und Kategorik [Studien zur deutschen Grammatik]. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 87—144. (In Germ.).

Arutyunova, N. D. (2007). *The sentence and its meaning: logical and semantic problems.* Moscow: LKI Publ. 384 p. (In Russ.).

Averina, A. (2015). *Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen.* Frankfurt am Main: Peter Lang. 244 S. (In Germ.).

Averina, A. (2020). Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik. In: *Sprachwissenschaft.* Heidelberg: Winter Verlag. 425—471. (In Germ.).

Brünjes, L. (2014). *Das Paradigma deutscher Modalpartikeln. Dialoggrammatische Funktion und paradigmeninterne Oppositionen.* Berlin: De Gruyter. 224 S. (In Germ.).

Coniglio, M. (2009). Deutsche Modalpartikeln in Haupt- und Nebensätzen, In: *Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus.* Tübingen: Stauffenburg Verlag. 191—221. (In Germ.).

Coniglio, M. (2011). *Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen.* Berlin: Akademieverlag. 220 S. (In Germ.).

Kiparsky, P., Kiparsky, C. (1974). Fact. In: *Syntax und generative Grammatik, 1.* Frankfurt am Main: Athenaion. 257—304. (In Germ.).

Kozintseva, N. A. (1994). The category of evidentiality (problems of typological analysis). *Questions of linguistics, 3:* 92—104. (In Russ.).

Kozintseva, N. A. (2000). On the issue of the category of attestation in the Russian language: an indirect source of information. In: *Problems of functional grammar. Categories of morphology and syntax in an utterance.* Saint Petersburg: Nauka Publ. 226—240. ISBN 5-02-028440-8. (In Russ.).

Meibauer, J. (1994). *Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln.* Tübingen: Niemeyer Verlag. 252 S. (In Germ.).

Müller, S. (2016). Halt eben vs. eben halt? Dialekt, Satzmodus, Rhythmus oder Interpretation? *Sprachwissenschaft, 41 (2):* 139—184. (In Germ.).

Socka, A. (2021). *Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen.* Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. 570 S. (In Germ.).

Thurmair, M. (1989). *Modalpartikeln und ihre Kombinationen.* Tübingen: Niemeyer Verlag. 314 S. (In Germ.).

Weydt, H. (2010). Abtönungspartikeln und andere Disponible. In: *Theo Harden & Elke Hentschel (Hrsg.): 40 Jahre Partikelforschung.* Tübingen: Stauffenburg Verlag. 10—32. (In Germ.).

The article was submitted 06.08.2024;
approved after reviewing 13.12.2024;
accepted for publication 05.03.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Белошицкая Н. Н. Драматургичность обиходного дискурса : стратегический подход / Н. Н. Белошицкая // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 30—50. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-30-50.

Beloshitskaya, N. N. (2025). Dramaturgical Nature of Everyday Discourse: A Strategic Approach. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 30-50. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-30-50. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Драматургичность обиходного дискурса: стратегический подход

Белошицкая Наталия Николаевна
orcid.org/0000-0002-0899-1828
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка
n.beloshickay@narfu.ru

Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Dramaturgical Nature of Everyday Discourse: A Strategic Approach

Nataliya N. Beloshitskaya
orcid.org/0000-0002-0899-1828
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the English
n.beloshickay@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)

© Белошицкая Н. Н., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется феномен драматургичности обиходного дискурса. Драматургичность дискурса рассматривается как аспект дискурса запланированного, порождаемого усилиями субъектов интеракции. В качестве исходного принят тезис о том, что в обыденной реальности языковая личность замечает наличие сценарных предписаний, если они нарушаются. Поэтому для анализа были выбраны жанры, предполагающие акцентуацию формы выражения: шутливый обмен оскорблениями, колкостями, светская беседа, комплимент. Иллюстративным материалом послужили ситуации обиходного дискурса, представленные в текстах художественных произведений Национального корпуса русского языка. Поиск осуществлялся с помощью лексических единиц, номинирующих действие, образ выполнения действия, названия выбранных жанров: «любезно», «светски», «светская беседа», «шутка», «шутить». Общий корпус языкового материала составил 91 текстовый отрывок. Был выполнен прагмалингвистический, дискурсивный и компонентный анализ. Выявлено, что наиболее частотной тактикой стратегического конструирования драматургичности выступает выбор тональности, так как тональность задает интерпретативные рамки. Анализ материала показал, что акцентуация формы выражения как проявление лингвокреативности при реализации стратегий драматургичности сопровождается конвенционализацией коммуникативных ходов, приобретением ими символической функции.

Ключевые слова:
драматургичность дискурса; акцентированная драматургичность; стратегия самопрезентации; стратегия самокоррекции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the phenomenon of the dramaturgical nature of everyday discourse. The dramaturgical aspect of discourse is examined as a planned construct, generated through the efforts of interactional subjects. It is posited that in ordinary reality, linguistic individuals recognize the presence of scripted norms when they are violated. To analyze this phenomenon, genres that emphasize the form of expression were selected, including playful exchanges of insults, witty remarks, social conversation, and compliments. The illustrative material consists of instances of everyday discourse found in literary texts from the *Russian National Corpus*. The search was conducted using lexical units that denote actions, forms of action execution, and titles of the chosen genres: “courteously,” “socially,” “social conversation,” “joke,” and “to joke.” The overall corpus of linguistic material comprised 91 textual excerpts. A pragmatic-linguistic, discursive, and componential analysis was performed. It was revealed that the most frequent tactic in strategically constructing dramaturgical elements is the choice of tonality, as tonality sets interpretative frameworks. The analysis indicated that the emphasis on the form of expression, as an instance of linguistic creativity in implementing dramaturgical strategies, is accompanied by the conventionalization of communicative moves, which acquire symbolic functions.

Key words:
dramaturgical discourse; emphasized dramaturgy; self-presentation strategy; self-correction strategy.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’42+81-25
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-30-50

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Драматургичность обиходного дискурса: стратегический подход

© Белошицкая Н. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Идея о театральности социального устройства и человеческого поведения не нова. Широкую известность приобрела концепция театральности Н. Н. Евреинова — «он видел театр во всей жизни человека» [Почепцов, 2001, с. 179]. Резонирует с таким взглядом и позиция В. И. Карасика: «Драматургическое осуществление общения представляет собой одну из ипостасей любого социального действия» [Карасик, 2021, с. 143].

В своем исследовании драматургичности дискурса исходим из положения о том, что в процессе социальных интеракций человек выступает как носитель и исполнитель многочисленных ролей. Решение потребностных задач, достижение эффективности коммуникации требуют адаптации речевого поведения к условиям коммуникативной ситуации. Выступая средством концептуализации явлений и отношений социальной действительности, язык не может не отражать драматургичности речевого поведения в форме лексем, фразеологизмов, идиом: *наигранно, притворно, преувеличенно, напустить вид, сделать вид, надеть маску, разыгрывать роль* и многие другие. Концептуальное осмысление драматургичности коммуникации, таким образом, может быть рассмотрено в проекции оппозиции «искренность — неискренность». С. Н. Плотникова понимает неискренность как дискурсивную стратегию языковой личности, «направленную на интенциональное выражение ложных пропозиций и их соответствующее языковое оформление» [Плотникова, 2000, с. 5]. М. В. Шпильман исследует феномен притворства как лицемерного поведения на примерах театральных и игровых метафор [Шпильман, 2023]. Неискренние речевые акты в свете исследования явлений, описываемых в терминах *ложь, манипуляция, притворство, неискренность*, стали предметом исследования в работе Л. Р. Безуглой [Безуглая, 2015]. Тем не менее было бы неправильно анализировать драматургичность конструирования дискурса лишь в проекции концептуальной дихотомии «искренность — неискренность»,

CC BY

сужая тем самым спектр иллокуций субъектов дискурса. В орбиту исследования драматургичности как параметра конструирования дискурса мы включаем широкий перечень поведенческих стратегий, направленных на достижение того или иного перлокутивного эффекта.

Общеметодологический план изучения драматургичности дискурса образуют и такие аксиоматические интервенции из смежных областей гуманитарного знания, как целенаправленность действия человека [Вебер, 1990], понятие драматургического действия [Хабермас, 2022], понимание перформанса исполнения как структуры, «превращающей индивида в сценического исполнителя» [Гофман, 2003, с. 32]. Содержательно драматургичность определяется когнитивным планом стратегического осмысления, тогда как внешняя структура драматургичности связана с формой выражения и характеризуется презентационностью [Олянич, 2004], перформативностью [Плотникова, 2018] фасцинацией, аттракцией [Карасик, 2021], провокативностью [Степанов, 2008].

Драматургичность представляет собой сложноструктурированный феномен. Стратегический подход оптимально высвечивает перформативную сущность драматургичности, фокусируясь на ключевой роли субъектов дискурсов в конструировании дискурса. Данный подход позволяет выявить динамику реализации и коррекции замысла субъектов в процессе последовательно предпринимаемых речевых действий. Когнитивные сценарии, с помощью которых человек конструирует дискурс, как правило, конвенциональны — «человек имеет знание того, как действовать и как говорить в каждой конкретной ситуации общения» [Плотникова, 2015, с. 77]. В связи с этим драматургичность конструирования дискурса в первом приближении может быть выявлена и зафиксирована в ситуациях нарочито драматургичных, когда жанровые условия требуют достаточной степени сформированности дискурсивной компетенции, или в случаях намеренного изменения конвенционального сценарного плана в типичной ситуации общения. Степень интенсивности драматургичности конструируемого дискурса может быть представлена в виде градуируемого континуума. Акцентированная драматургичность являет собой самый ярко выраженный тип. Задачей исследования служит выявление ситуативно обусловленной драматургичности обиходного дискурса в преломлении к жанровым формам. В фокусе исследовательского внимания оказывается стратегичность речевого поведения языковой личности в обиходном дискурсе. Наше исследование выполняется в русле прагмалингвистических теорий, поскольку посвящено изучению того, как личностно-обусловленные смыслы, детерминированные социально-культурным контекстом, конструируют драматургичность дискурса. Анализ стратегий драматургичности, их фик-

CC BY

сация, определение жанровой природы типичных ситуаций актуализации этих стратегий в речевом поведении и установление их корреляции с социально-психологическим типом языковой личности позволят детальнее изучить сущность драматургичности дискурса.

Явление драматургичности дискурса не подвергалось прагмалингвистическому осмыслению, и модель драматургичности еще предстоит разработать. Однако на данный момент существуют подробно описанные и изученные феномены презентационности дискурса [Олянич, 2004], непрямой коммуникации [Дементьев, 2006], жанровой обусловленности дискурсивного мышления [Седов, 2004], стратегического построения коммуникации [Иссерс, 2008; Карасик, 2021], которые слагают методологию изучения драматургичности дискурса.

Порождение драматургичного дискурса языковой личностью предполагает наличие определенных структур знаний и связывается с ситуацией общения (коммуникативной ситуацией). Данный тезис опирается на теоретические модели ситуации и контекста ситуаций в работах Д. Хаймса и М. Хэллидея [Hymes, 1972; Halliday et al., 1989]. «Мы знаем, что другой человек собирается сказать. У нас всегда есть четкое понимание, что произойдет дальше, поэтому мы редко удивляемся. Мы можем быть немного удивлены, но удивление всегда в рамках чего-то, что потенциально могло случиться» [Halliday et al., 1989, с. 9] (перевод наш. — *Н. Б.*).

Связь категории ситуации с речевым поведением и речевыми жанрами получила осмысление и в психолингвистике: «Претендуя на языковую исключительность, люди в сходных коммуникативных ситуациях часто ведут себя поразительно одинаково. Это связано и с тем, что говорящие в каждый момент своей речевой биографии демонстрируют особенности группового речевого поведения» [Седов, 2004, с. 101].

Таким образом, драматургичность дискурса конструируется с опорой на особые структуры знаний, порождается в рамках определенной ситуации общения и опосредуется фреймами жанрового взаимодействия носителей языка и культуры. Каждый жанр обладает потенциалом для драматургичного осмысления и разыгрывания, задает пределы свободы и правил, которые, как и характер статусных отношений, опосредованы культурными нормами: «Жанры (фреймы) являются источником типичных импликатур, пресуппозиций, презумпций и фоновых знаний, актуализируемых в ситуации общения» [Дементьев, 2006, с. 255].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Жанровая отнесенность ситуаций, выступающих объектом анализа, определена задачами данного исследования — выявить стратегии драма-

CC BY

тургичности в обиходном дискурсе. Предполагаем, что в обиходном дискурсе стратегии драматургичности могут наблюдаться при конструировании жанров шутливого обмена оскорблениями, колкостями, комплимента, в светской беседе. Такое предположение основывается на том факте, что само дискурсивное конструирование этих жанровых форм зиждется на необходимости планирования, обдумывания стратегической реализации. Драматургичность отличает эти жанры и позволяет отнести их к риторическим жанрам: «Очевидно, один и тот же жанр может быть чисто речевым при отсутствии специально спланированного, сознательно использованного построения речи и употребления в ней определенных языковых средств и риторическим — в случае сознательного планирования и употребления тех или иных средств (подчеркнутая вежливость просьбы, подчеркнутая императивность приказа и т. д.)» [Сиротинина, 1999, с. 27].

Заметим, что в исследованиях, посвященных коммуникативно-речевой категории непрямой коммуникации [Дементьев, 2006], указанные выше жанры относятся к косвенным. Это связано с тем, что требования к организации речи состоят в выборе непрямой коммуникации второго типа, для которой «характерно программирование интерпретации адресата» [Там же, с. 20]. Программирование интерпретации есть не что иное, как планирование и намеренная реализация стратегии в интересах адресанта, что позволяет нам связать драматургичность с данным типом непрямой коммуникации.

Ключевым компонентом коммуникативной ситуации при анализе драматургичности построения дискурса выступает адресант (субъект) дискурса. Тактические решения — выбранные средства реализации стратегий драматургичности — детерминируются типом языковой личности и уровнем сформированности дискурсивной компетенции.

Предварим анализ языкового материала обзором основных стратегий драматургичности. Принимая в качестве отправной точки при определении стратегий драматургичности функции языка, можно предположить, что прототипическая иллокуция драматургичности дискурса — воздействие на адресата. Например, порождение эстетически значимых коммуникативных смыслов. В данном случае мы наблюдаем языковую игру ради игры, реализацию языком функции воздействия — фасцинации. Данный тип драматургичности восходит к ритуальным культурным практикам и с этой позиции подвергался изучению в социолингвистике, антропологии, фольклористике [Hymes, 1972; Bauman, 1975]. Перформанс есть единица такого типа драматургичности. Ему свойственна стилистическая вторичность, имитационный характер, что во многом и определяет фасцинативность воздействия. Перформанс как прототипичная разновидность драма-

CC BY

тургичности дискурса позволяет выявить такую сущностную характеристику, как двуплановость, когда усилия субъекта фокусируются на манере и форме сообщения. Импликативный смысл играет большую роль, чем непосредственно представленное значение в поверхностной структуре речевых действий. Мы полагаем, что двуплановость дискурсивной деятельности субъектов, участвующих в конструировании социальной реальности, реализуется через выбор соответствующей тональности. В. И. Карасик обозначает такую тональность через термин *сценическая* [Карасик, 2021, с. 134]. Именно выбор тональности как способа представления темы сообщения субъектом дискурса служит важным тактическим ходом драматургического выстраивания дискурса. Перформативный характер выбора тональности при конструировании дискурса согласно замыслу субъекта определяется тем, что содержание тональности — это «психологическое самораскрытие автора, обладающее, по закону эмоционального заражения, эффектом усиленного воздействия на адресата…» [Матвеева, 1996, с. 211]. В обиходном дискурсе фасцинативность воздействия служит основной иллокуцией ключевого проявления драматургичности дискурса — стратегии самопрезентации.

Субъект самопрезентации стремится воздействовать на адресата — заворожить, привлечь, вдохновить или обмануть. Реализация стратегии самопрезентации также может принимать акцентированные формы. Умение вести себя, презентовать себя должным образом соотносится с конструированием имиджа, созданием образа себя, способом управления своим положением.

Категория лица, введенная в научный оборот социологическими концепциями, обладает несомненной эвристической ценностью в исследовании драматургичности дискурса. В концепции социальной драматургии И. Гофмана сохранение лица определяется в качестве условия взаимодействия. Исследователь пишет: «Обретение собственного лица, свободное выражение своих подлинных убеждений, высказывание неодобрения в адрес других либо решение проблем и выполнение задач, — как правило, достигаются таким образом, чтобы не помешать сохранению лица» [Гофман, 2009, с. 26]. Мы рассматриваем стратегию сохранения лица в качестве реализации драматургичности дискурса. Эффективность реализации стратегии напрямую связана с репертуаром приемов (тактических решений). Так же как в прагмалингвистических и психолингвистических концепциях, в подходе Гофмана коммуникативная ситуация общения берется за единицу анализа речевого поведения. Исследователь проводит корреляции между структурой личности и структурой речевого общения. «Автоматически ориентируясь на сохранение лица, он (участник интеракции) пони-

CC BY

мает, как вести себя в разговоре. Он постоянно задает себе вопрос: “Если я поступлю или не поступлю вот так-то, не приведет ли это к потере лица мною или другими?” — и в каждый конкретный момент осознанно или неосознанно решает, как себя повести» [Гофман, 2009, с. 53].

В тесной связи со стратегией сохранения лица выступает стратегия самокоррекции. Категории адресанта, адресата и наблюдателя в равной степени существенны при драматургической развертке этой стратегии. Принятие линий поведения друг друга необходимо для эффективного общения.

В качестве языкового материала используем описания ситуаций обиходного дискурса, представленные в текстах художественных произведений. На наш взгляд, именно художественные тексты операционально наиболее пригодны для анализа средств конструирования драматургичности дискурса. Единицей анализа принимаем коммуникативную (речевую) ситуацию, так как дискретность и динамика нарративной структуры коммуникативной ситуации потенциально позволяют наблюдать развертку дискурсивной деятельности участников ситуации от замысла, интенций до их реализации в виде социальной интеракции, которая, в свою очередь, может иметь планируемый перлокутивный эффект или завершиться коммуникативной неудачей. Более того, художественный текст позволяет наблюдать последовательность реализации стратегий субъектом дискурса в динамике, рецепцию тактических шагов другими участниками интеракций, коррекцию стратегической развертки. Метакомментарии автора (наблюдателя) и субъектов эксплицируют когнитивный план, обеспечивая допуск к структурам знаний.

Обращение к смежным лингвистическим направлениям: теории дискурса, жанроведению, теории текста, психолингвистике, когнитивной лингвистике — обеспечивает адекватный инструментарий для изучения драматургичности дискурса. Основными категориями анализа выступают интенция, коммуникативная ситуация, языковая личность, стратегия, тактика, перлокуция, импликатура. Методами анализа служат компонентный анализ (анализ набора пресуппозиций, интенций, импликационала, импликатур), прагмалингвистический анализ (анализ условий успешности, анализ коммуникативной ситуации), дискурсивный анализ, лексико-стилистический анализ, корпусный метод.

Поясним принцип отбора языкового материала. Рассматривая драматургичность дискурса с позиции участников — адресанта, адресата, наблюдателя — социальных интеракций, интерпретирующих содержание сообщения и корректирующих свои тактические решения, можно определить стратегии драматургичности, прагматически маркированные языковыми единицами, которые приобрели знаковый характер и выступают сиг-

CC BY

налами того или иного конвенционального смысла. Такие прагматические маркеры дают сигналы для интерпретации адресату, а также могут быть сигналами и со стороны адресата. Например, частотность использования оборота *в таком тоне* позволяет сделать вывод о возможности маркирования этим оборотом социальной роли, тактики сохранения лица, «искреннего непонимания», возмущения, угрозы [Белошицкая, 2024]. В свою очередь адресат в социальной интеракции в условиях обиходного дискурса может сигнализировать факт интерпретации смысла такими выражениями: *не прикидывайся, хватит строить из себя* и др.

Таким образом, поиск дискурсивных отрывков для анализа в рамках данного исследования осуществлялся в Национальном корпусе русского языка (подкорпусе художественных текстов) с помощью маркеров, в качестве которых выступали номинации действия, образа выполнения действия, названия выбранных жанров. Следующие слова и выражения послужили маркерами стратегий драматургичности для отбора ситуаций: *любезно, светски, светская беседа, шутить, шутка*. Данные маркеры отмечают метаразмышления участников дискурса или наблюдателя (автора) и позволяют выявить интерпретативные механизмы, пресуппозиции, сценарные решения при выборе тактического хода. Мы полагаем, что ситуации общения, маркированные метасигналами жанров шутливого общения, обмена колкостями, а также жанра «светская беседа» позволят наблюдать проявления акцентированной драматургичности, что служит благодатным материалом для анализа тактических решений и средств реализации драматургичности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Конвенционализация тактического выбора тональности

После предварительного лексико-стилистического анализа общий корпус языкового материала составил 91 текстовый отрывок. Эти фраменты представляют собой коммуникативные ситуации в жанровых формах шутливого общения, обмена колкостями, комплимента, светского общения.

Анализ текстовых отрывков с лексемой *любезно* позволяет сделать вывод о том, что тональность, номинируемая автором-наблюдателем или субъектом дискурса через данный маркер, в ситуациях бытового обиходного общения характеризуется двуплановостью и задает рамки интерпретации для выведения сущностного имплицитно заложенного смысла. В речевом сознании данный маркер связывается с нарочитостью, формальной акцентированностью, демонстративностью, что позволяет легко реконструировать истинный смысл сообщения. Как правило, тактическое решение в виде подобной двуплановой тональности определяет конфликтогенность ситуа-

CC BY

ции или демонстративно шутливый характер. Маркер тональности *любезно* в таких ситуациях сопровождает акцентированную драматургичность стратегического исполнения. Обращаясь к классификации языковых личностей относительно поведения в конфликтных ситуациях К. Ф. Седова [Седов, 2004, с. 91], можно предположить, что куртуазная языковая личность склонна к выбору тактики имплицитного высмеивания мнения собеседника через выбор сценарной тональности, обозначенной наречием *любезно*. Эту тактику обозначим как единицу общей стратегии сохранения лица.

Пример 1. *Мне здесь два шага. — Давай по-умному, — сказал Олег, — мы ведь взрослые люди... Зачем ругаться? — Может быть, ты захочешь предложить мне дружбу? — любезно осведомилась Таня и свернула в переулок* (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора) [НКРЯ].

Косвенный эффект речевого акта, выраженного вопросительным высказыванием (*Может быть, ты захочешь предложить мне дружбу?)*, достигается несоответствием имплицированного смысла и поверхностного локутивного значения. Агональная импликатура, легко выводимая в рассматриваемой коммуникативной ситуации, актуализируется именно интонационным решением. Автор-наблюдатель маркирует интонационное оформление наречием *любезно*. В жанрах обиходного дискурса, конструируемых субъектами в условиях короткой социальной дистанции, насмешливая, язвительная тональность может реализоваться через подобный диссонанс эксплицитно выраженного и имплицитного смысла.

Заметим, что и наречие *любезно*, непосредственно номинирующее и оценивающее действие адресата в конфликтогенной ситуации, выполняет такую же прагматическую задачу, как и рассмотренный выше тактический ход — выбор «любезной» тональности.

Пример 2. *Смешно и очень любопытно. В общем-то, это здорово, что ходите вы сейчас везде, смешные мальчики. Очень я рад, что вы ходите повсюду и выдумываете разные штуки. — **Очень любезно** с вашей стороны. Спасибо от имени смешных мальчиков. — Ты не сердись. Я уверен, что ты будешь писателем. — Без дураков?* (Василий Аксенов. Звездный билет) [НКРЯ].

В примере выше адресат оценочного высказывания-экспрессива (*очень любезно с вашей стороны)* быстро и точно определил истинный смыл высказывания и скорректировал речевое поведение, чтобы избежать конфликта и минимизировать потери своего социального лица.

Можно предположить, что двуплановость как имплицитный смысл насмешки, язвительной тональности, достигаемый через переворачивание позитивной семантики, в частности в случае с лексемой *любезно*, в обиходном дискурсе действует как средство нарочитой акцентированности.

CC BY

Наблюдаем конвенционализацию тактического выбора любезной учтивой тональности для передачи агональной импликатуры в жанрах ссоры, обмена колкостями, шутливой перепалки.

Пример 3. — *Гаранин не торопился садиться. — А кто тебе мешает? — Конь в пальто. Что тебе заказать? —* ***Очень любезно****, — наморщила она лоб. — Возьми мне пиццу с морепродуктами, мороженое и кофе. Если это не очень стеснит твои финансы, конечно, — насмешливо добавила она. — Не волнуйся. Как-нибудь выживу* (Влада Валеева. Скорая помощь) [НКРЯ].

Третий пример акцентированной драматургичности дискурсивной развёртки демонстрирует комплекс средств тактической реализации стратегии сохранения лица участника коммуникации: насмешливая тональность находит выражение и в выборе нарочито вежливой фразы клише, уместной в ситуациях более высокого регистра общения, и в интонационном исполнении, о чем свидетельствует само наречие *насмешливо*. Фразы-реакции собеседника представляют тактическую реализацию стратегии самокоррекции. Он принимает линию поведения собеседницы, обращая в шутку язвительные выпады и тем самым успешно нивелируя агрессивный посыл.

Тактика нарочито любезной тональности как привычный отрепетированный во множестве типичных ситуаций бытового межличностного общения шаг представляет собой перманентную характеристику речевого поведения языковой личности, единицу стратегии самопрезентации.

Пример 4. *Вечно твои парадоксы, — сказала Марина Петровна. — Игра ума, — сказал он. — Вот именно — ума, а чувства — ни на грош! — Ты, конечно, имеешь в виду мое отношение к тебе? —* ***любезно осведомился*** *он. — Остановите, пожалуйста, машину, — попросил Леонид Сергеевич. Он сказал это таким беспокойным тоном, что Георгий Александрович тотчас затормозил, а Марина Петровна испуганно обернулась: — Что случилось?* (И. Меттер. В автомобиле) [НКРЯ].

В предлагаемом примере наблюдаем ситуацию ссоры, выяснения отношений между супругами. Левый контекст позволяет реконструировать общую линию речевого поведения героев. Наличие публики — третьего, невольного участника интеракции — актуализирует драматургичность привычного обмена колкостями между супругами. Они исполняют свои привычные роли, но делают это более демонстративно, нарочито презентируя себя новому знакомому. Именно для наблюдателя ситуации участник спектакля вскрывает истинный смысл эмоционального посыла своей супруги, насмешливо переворачивая пафос ее сообщения с помощью любезной тональности. Сценарий привычного разворачивания ссоры нарушается неожиданным бегством зрителя, без которого данный спектакль теряет смысл.

CC BY

3.2. Акцентированность ролевого исполнения в условиях социальной интеракции

Метаразмышления участников интеракций позволяют выявить усилия по исполнению предписанных социумом ролей. Это тонко подмечено С. Н. Плотниковой: «Поскольку в непосредственной интеракции адресат не всегда может занять позицию стороннего наблюдателя, его осмысление и вербализация дискурсивного концепта собеседника часто происходит уже после завершения дискурса» [Плотникова, 2018, с. 83].

Любезно как метамаркер тональности исполнения зачастую сигнализирует о взаимодействии участников интеракций как носителей ролей. Из тридцати двух отобранных ситуаций, маркированных данной тональностью, двенадцать дискурсивных отрывков демонстрируют акцентированность ролевого исполнения.

В ситуациях межличностного общения обиходного дискурса тональность участника взаимодействия, обозначаемая с помощью лексемы *любезно*, маркирует стратегию самопрезентации при исполнении той или иной социальной роли. Акцентированность ролевого исполнения получает оценочную интерпретацию собеседника или наблюдателя. Участник взаимодействия корректирует выбранную линию поведения, адаптируясь к изменениям в тактиках собеседника. Наблюдаем частотность экспликации негативной оценки в когнитивном плане участника взаимодействия.

Пример 5. *— Без пропуска, — сказал охранник Гимнюк,* ***исключительно любезно улыбаясь*** *и исключительно внимательно глядя Вадиму в глаза, — не могу.*

— Слушайте, — Вадим из последних сил пытался ***удержаться в навязанных рамках подчеркнутой светскости.*** *— Вы же меня прекрасно знаете. Вы меня, пардон, каждый день видите. По десять раз* (Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. Головоломка) [НКРЯ].

Охранник следует профессиональным ролевым предписаниям, демонстрируя эффективность работы социального лица. Второй участник взаимодействия вынужден корректировать свою линию поведения, о чем повествует метакомментарий тактического выбора следующего коммуникативного шага: *из последних сил пытался удержаться в навязанных рамках подчеркнутой светскости*. Отчужденная вежливая непреклонность охранника (*исключительно любезно улыбаясь)* придает акцентированную форму реализации стратегии самопрезентации и получает негативную оценку у адресата.

Заметим, что нарочитая вежливость, учтивость собеседников (любезная тональность) может быть сигналом смены регистра, увеличения дистанции между собеседниками, установки границ дозволенного в комму-

CC BY

никативном обмене, то есть реализации стратегии сохранения лица через избегание коммуникации. Это ярко иллюстрируется метаразмышлениями субъекта интеракции в примере ниже:

Пример 6. *Извините, что вмешался. Ладно, спасибо за чай. В гостях, как говорится, хорошо, а дома лучше. — Не забывайте нас, Евгений Александрович, заглядывайте, —* ***любезно проводила*** *старуха гостя. «Татьяна Львовна — это нечто, — думал Каплевич, идя к себе. —* ***Ведь не сказала прямо: не суй свой длинный нос, куда не просят. Ничего такого не сказала, была мила и обходительна, а впечатление — будто на тебя ушат холодной воды вылили*** (Влада Валеева. Скорая помощь) [НКРЯ].

Стратегия самокоррекции активизируется в случае успешного выведения импликатуры речевых ходов, осуществленных в тональности чрезмерной любезности. Наблюдаем актуализацию конвенциональных средств демонстратива, когда любезная тональность приобретает символическую функцию отказа от коммуникации. В целом косвенность выражения иллокутивного смысла направлена на сохранение как своего лица, так и лица собеседника.

3.3. Драматургичность жанра светской беседы

Первичное прямое значение лексемы *любезно* связывается в языковом сознании с оценкой учтивого, вежливого поведения в жанровых рамках светской беседы. Элементы фасцинативной акцентированной драматургичности перформанса имеют место при конструировании светской беседы (общение ради общения), позитивной самопрезентации. Жанро-определяющим фактором и оценочно-нейтральным маркером выступает любезная тональность в стратегическом конструировании ситуаций светской беседы, демонстрируя дискурсивную компетентность языковой личности и широкий репертуар приемов сохранения лица.

В следующем примере наблюдаем разрешение щекотливой коммуникативной ситуации с помощью переключения в жанр светской беседы. Композиционно-стилевое решение изысканной формы межличностного общения требует обращения к череде сменяющих друг друга субжанров как условия успешной реализации взаимодействия. В частности, любезная тональность в своей прямой первичной социальной функции маркирует субжанр комплимента: *— Ты чудесно выглядишь, Марек, — любезно заметила она.*

Пример 7. *Можно сойти с ума! Он почему-то весело засмеялся, кинулся целовать ей руку, а она, подав великосветским движением сушеную кисть, стояла перед ним, хрупкая и величественная … Своей наманикюренной ручкой отвела великосветская старушка всеобщую неловкость, и всем членам семьи стало совершенно ясно, как надо себя вести в этой нештатной ситуации. — Ты чудесно выглядишь, Марек, — любезно заме-*

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

тила она. — Годы идут тебе на пользу (Людмила Улицкая. Пиковая дама) [НКРЯ].

Анализ стратегического взаимодействия в рамках конструирования светского общения в отобранных дискурсивных отрывках позволяет заметить ряд рефлексий относительно ключевых характеристик речевого и — шире — коммуникативного поведения. Во-первых, светское общение предполагает следование правилам ритуализованного общения. Во-вторых, существуют когнитивные сценарии дискурсивного конструирования интеракции в этой жанровой форме, предписывающие композицию, тематический отбор и форму подачи информации. В-третьих, важным условием выступает принятие ролевой модели участника светского общения. Иными словами, светское общение подразумевает свойство, которое интерпретируется адресатом как способ управления собой. Жанровое переключение на светское общение маркирует стратегию самопрезентации. Акцентированная драматургичность в жанровой ситуации светского общения подвергается социальной семиотизации. В языковом сознании драматургичность конструирования дискурса в ситуации светской беседы связывается с ярким лингвокультурным типажом [Карасик, 2007].

Пример 8. *Принимая приглашение за чужой столик, Вертинский* ***вел себя светски****: что-то рассказывал, общался «на равных» — был открытым, добрым, общительным …* (Н. Д. Старосельская. Повседневная жизнь «русского» Китая) [НКРЯ].

Пример 9. *Жемчужников* ***был светски очарователен в обращении****, говорлив, как говорливы многие красивые старики высшего круга, привыкшие блистать в гостиных и неизменно бодрящиеся на людях* (И. А. Бунин. Из записей) [НКРЯ].

Риторический жанр светской беседы требует драматургического исполнения. Перформативность драматургичности проявляется здесь особенно ярко, принимая акцентированные формы. Акцентуация охватывает не только речевое поведение, но и коммуникативное в целом, что подтверждается особым вниманием к деталям невербального поведения. Стратегия самопрезентации в жанровых условиях светского общения требует контроля над мимикой, жестами, положением тела.

Пример 10. *Своей вальяжностью, беспрекословностью в суждениях, умением вести светскую беседу на достойном идеологическом уровне, даже походкой … он подавлял, морально властвовал над всеми* (Виктор Астафьев. Пролетный гусь) [НКРЯ].

Пример 11. *Вы знаете? — Да, разумеется, —* ***как нельзя более светски кивнул изящный юноша, почувствовавший себя наконец-то в своей стихии*** (В. Ф. Кормер. Наследство) [НКРЯ].

CC BY

Конструируя перформанс, языковая личность стратегически самопрезентует себя. Условием успешности дискурсивного конструирования светского общения является общее разделяемое знание социально-приемлемых норм и правил. Подтверждением тому служат ситуации, в которых сценарный план нарушается вследствие, например, неспособности исполнить роль светского собеседника.

Пример 12. *Борис Юльевич призывал к себе в помощь Остроумовых мастеров легкой, по верхам скользящей светской болтовни. Ведь на хозяйку дома рассчитывать не приходилось: ни звука ни по-английски, ни по-французски, да и по-русски, если на то пошло, ни звука! Приличная светская беседа, на таких приемах полагающаяся, была для Корнаковой так же недоступна, как иностранный язык* (Н. И. Ильина. Дороги и судьбы) [НКРЯ].

Мы замечаем драматургичность подобной социальной интеракции, когда нарушается привычный сценарий.

Однако нарушение сценарных ожиданий может быть намеренным тактическим приемом субъекта дискурса в реализации стратегии сохранения лица. Такое речевое поведение демонстрирует чужеродность жанра светского общения для русского языкового сознания и стремление преодолеть конформистские дискурсивные практики.

Пример 13. *Я представил им Нэлю Васильевну как знаменитого философа — это не комплиментарно, это справедливо, и мы о чем-то светски поболтали. И вот на какую-то реплику Шохина, кажется, он сказал, что был рад познакомиться, Нэли Васильевна вдруг ясно, холодно и определенно ответила:* ***так уж и рад, вы даже не взглянули на меня, потому что я вам не нужна****. Как-то эта ситуация затерлась, мы разошлись и уже за кремом, к которому мы приступили, она призналась, что давно хотела сказать это кому-нибудь из наших чиновников. Подвернулся Шохин* (С. Н. Есин. Дневник) [НКРЯ].

Рефлексирующий нарратив участников социальной интеракции позволяет зафиксировать «поставленность» неожиданного речевого хода одного из субъектов дискурса. Провокативность как элемент акцентированной драматургичности являет собой нарушение максимы кооперативного общения. Социальному лицу собеседника нанесен вред, но театральность жеста определяется тем фактом, что субъект дискурса заранее спланировал такой речевой поступок, для которого нужны были декорации светского общения и адресат-чиновник (не важно, кто именно).

Для решения практических задач интеракции светское общение как прием, сигнализирующий о готовности подстроиться под собеседника, скорректировать линию речевого поведения, принимает акцентированную форму.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Пример 14. *Здесь прейскурант другой. То есть вашими, Александр Павлович, словами. Я ему говорю: а совесть? И оба смеемся, я, правда, без души — как в городе сказали бы, светски <…> Шутить надо, когда в сердце если не умиление, то хотя бы пусто* (Анатолий Найман. Любовный интерес) [НКРЯ].

Маркер *светски* сигнализирует о неискренности как когнитивном основании драматургичности построения интеракции. Метаразмышления участника позволяют эксплицировать интенциональное основание тактического шага: *и оба смеемся, я, правда, без души*. Стратегия самокоррекции реализуется через принятие манеры собеседника — самомаскировку. Неискренность как концептуальное основание стратегии самокоррекции детерминируется интенцией субъекта дискурса — извлечь максимальную выгоду из ситуации.

В обиходном дискурсе неуместность акцентированной драматургичности светского общения подвергается ироничному осмыслению. Тактика перехвата коммуникативной инициативы в конструировании дискурса интеракции может принимать формы имитации речевой манеры собеседника, нарочитой вежливой тональности, неожиданного изменения темы разговора.

Пример 15. — ***Ах, вы уже здесь****? — **Ах, я уже здесь**, — сказал Сапожников. Она вздернула брови. — **Как вам понравился город Рига**? — светски бросила она. — **Мне очень понравился город Рига**... А какие у вас отметки по диктанту? — При чем здесь диктант?* (Михаил Анчаров. Самшитовый лес) [НКРЯ].

Нарушение жанровых ожиданий адресанта являет пример перформанса в обиходном дискурсе — игровое переворачивание навязываемого неискреннего общения в жанровые формы шутливой беседы. Отказ от ролевого исполнения фальшиво-учтивого собеседника можно обозначить как последовательную реализацию стратегии самопрезентации.

3.4. Жанровые предпочтения как реализация стратегии самопрезентации

Анализ дискурсивных отрывков, маркированных номинацией риторических жанров, подтверждает, что жанровые предпочтения языковой личности в обиходном дискурсе являются необходимой составляющей самопрезентации как стратегии драматургичности. Приведем примеры самопрезентации субъекта через акцентированно игровое речевое поведение. Из корпуса текстовых отрывков с помощью лексем *шутка, шутить* были отобраны ситуации, которые позволяют в динамике пронаблюдать стратегию самопрезентации (примеры 16—19 взяты из одного источника). Рецепция тактических ходов адресантом и метакомментарии наблюдателя

CC BY

позволяют выявить и зафиксировать усилия языковой личности в конструировании транслируемого образа.

Пример 16. *Михаил пытается по привычке шутить, но у него это теперь плохо получалось*.

Пример 17. *Михаил не переставал шутить, но в душе чувствовал смертную тоску.*

Пример 18. *Ты опять шутишь? Сколько можно?! — возмутилась Евдокия.*

Самопрезентация в качестве легкого, веселого собеседника принимает навязчивую форму, и уже ролевые предписания принятого образа диктуют герою форму речевого поведения. Субъект не способен скорректировать свое речевое поведение в соответствии с ожиданиями собеседников, так чтобы создать о себе более благоприятное впечатление.

Пример 19. *Дядь Миш, а скажите: в чём лучше хранить свои сбережения? — в мечтах. — Вы всё шутите, а я серьёзно. Мы с братом собираем деньги и хотели их положить в банк. К кому мне следует обратиться? — к психиатру* (Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене) [НКРЯ].

Полученные в результате изучения жанровых предпочтений наблюдения о реализации стратегии самопрезентации могут быть полезны и для создания типологий языковых личностей: «Изучение жанрового наполнения сознания человека дает надежные критерии для создания типологии языковых личностей» [Седов, 2004, с. 96]. Анализ конструирования публичного образа (социального лица) с помощью комплекса стратегий драматургичности пересекается с проблемой изучения жанрового мышления языковой личности.

4. Заключение = Conclusions

Анализ особенностей реализации драматургичности в ряде жанров обиходного дискурса позволяет сделать вывод о том, что сущностными характеристиками, выступающими параметрами модели драматургичности дискурса, являются внутренняя содержательная структура типов драматургичности и внешняя структура. Под *внутренней структурой* мы понимаем семиотическую организацию драматургичности. *Внешняя структура* — это типы ситуаций, обусловливающие использование того или иного типа драматургичности и ее функции. Коммуникативные ситуации в рассмотренных жанровых рамках иллюстрируют механизмы лингвокреативности при реализации стратегий самопрезентации, сохранения лица и самокоррекции, а также рецепцию тактических ходов адресантом.

Формальная осложненность проявляется в нарочитости выражения, избыточности, демонстративности. Это находит реализацию с помощью

CC BY

комбинации различных средств: выбора интонационного паттерна, отбора лексических средств, маркирующих кодовые и регистровые переходы, использования клишированных оборотов.

Рассмотренные жанры обнажают уровень дискурсивной компетентности языковой личности, поэтому и случаи успешной реализации драматургической интенции субъекта, и неудачи вследствие нарушения привычного сценария по вине самого субъекта или недостаточно компетентного адресата предлагают яркий иллюстративный материал драматургичности конструирования дискурса.

Анализ конструирования дискурса с позиции драматургичности стратегической реализации может осуществляться в траектории изучения когнитивного плана участников интеракций, зафиксированного в метаремарках и метакомментариях.

Исследование механизмов конструирования своего публичного образа (социального лица) через изучение комплекса средств моделирования драматургичности дискурса пересекается с проблемой изучения жанрового мышления языковой личности.

Драматургичность — это результат взаимодействия двух процессов: лингвокреативного процесса порождения дискурса говорящим, реализующим свою индивидуальную стратегию и личностные смыслы, а также процесса формализации коммуникации, концептуализации коммуникативных смыслов, их означивания, семиотизации и закрепления в жанровых формах.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 14.07.2024).

Литература

1. *Безуглая Л. Р.* Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры / Л. Р. Безуглая // Жанры речи. — 2015. — № 1 (11). — С. 30—37.

2. *Белошицкая Н. Н.* Драматургичность дискурса : когнитивно-прагматический потенциал метамаркера в ТАКОМ ТОНЕ / Н. Н. Белошицкая // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 35—52. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52.

3. *Вебер М.* Избранные произведения / М. Вебер. — Москва : Прогресс, 1990. — 808 с. — ISBN 5-01-001584-6.

4. *Гофман И.* Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман ; пер. с англ. ; под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. — Москва : Институт социологии РАН, 2003. — 752 с. — ISBN 5-93947-011-4.

CC BY

5. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман ; пер. с англ. А. Д. Ковалева. — Москва : КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2000. — 304 с. — ISBN 5-93354-006-4.

6. *Гофман Э.* Ритуал взаимодействия : Очерки поведения лицом к лицу / Э. Гофман ; пер. с англ., под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2009. — 309 с. — ISBN 978-5-89357-276-6.

7. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. — Москва : Гнозис, 2006. — 376 с. — ISBN 5-7333-0181-3.

8. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.

9. *Карасик В. И.* Языковые картины бытия : монография / В. И. Карасик. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. — 468 с. — ISBN 978-5-98269-222-1.

10. *Карасик В. И.* Языковые ключи / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2007. — 520 с. — ISBN 978-5-903601-03-5.

11. *Карасик В. И.* Языковая пластика общения : монография / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2021. — 536 с. — ISBN 978-5-94244-077-0.

12. *Матвеева Т. В.* Тональность разговорного текста : три способа описания / Т. В. Матвеева // Stylistyka V. — Opole. — 1996. — С. 210—221.

13. *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. — Волгоград : Парадигма, 2004. — 507 с.

14. *Плотникова С. Н.* Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира / С. Н. Плотникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2015. — № 3 (714). — С. 72—83.

15. *Плотникова С. Н.* Концептуальные основания конструирования дискурсивных стратегий / С. Н. Плотникова // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2018. — № 3 (31). — С. 78—86.

16. *Плотникова С. Н.* Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С. Н. Плотникова. — Иркутск : Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2000. — 244 с.

17. *Плотникова С. Н.* Перформанс в коммуникации : аспекты когнитивно-дискурсивного моделирования / С. Н. Плотникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2018. — Т. 17. — № 4. — С. 229—239. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.22.

18. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. — Москва : Рефл-бук, Киев : Ваклер, 2001. — 656 с.

19. *Седов К. Ф.* Дискурс и личность : эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2004. — 317 с. — ISBN 5-87604-031-2.

20. *Сиротинина О. Б.* Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О. Б. Сиротинина // Жанры речи. — Саратов : Колледж, 1999. — Выпуск 2. — С. 37—52.

21. *Степанов В. Н.* Провоцирование в социальной и массовой коммуникации : монография / В. Н. Степанов. — Санкт-Петербург : Роза мира, 2008. — 268 с. — ISBN 5-85574-223-4.

22. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас ; пер. с нем. А. К. Судакова. — Москва : Весь мир, 2022. — 880 с. — ISBN 978-5-7777-0856-4.

23. *Шпильман М. В.* Феномен притворства и его метафорическое представление в русском языке / М. В. Шпильман // Критика и семиотика. — 2023. — № 1. — С. 73—84. — DOI: 10.25205/ 2307-1753-2023-1-73-84.

24. *Bauman R.* Verbal Art as Performance / R. Bauman // American Anthropologist. — 1975. — Vol. 77. — № 2. — Pp. 290—311.

25. *Halliday M. A. K.* Language, context and text : Aspects of language in a social-semiotic perspective / M. A. K. Halliday, R. Hasan. — Oxford : Oxford University Press, 1989. — 126 p.

26. *Hymes D.* Models of the Interaction of Language and Social Life / D. Hymes // Direction in Sociolinguistics : The Enthrography of Communication / ed. John J. Gumperz, and Dell Hymes. — New York : Holt, Rinehart and Winston, INC. 1972. — Pp. 35—71.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024,
одобрена после рецензирования 29.01.2025,
подготовлена к публикации 26.02.2025.

Material resources

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 14.07.2024). (In Russ.).

References

Bauman, R. (1975). Verbal Art as Performance. *American Anthropologist, 77 (2):* 290—311.

Beloshitskaya, N. N. (2024). Dramaturgy of Discourse: Cognitive-Pragmatic Potential of Metamarker 'V TAKOM TONE' [in such a tone]. *Nauchnyi dialog, 13 (2):* 35—52. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52 (In Russ.).

Bezuglaya, L. R. (2015). Insincere speech acts and insincere speech genres. *Genres of speech, 1 (11):* 30—37. (In Russ.).

Dementiev, V. V. (2006). *Indirect communication.* Moscow: Gnosis. 376 p. ISBN 5-7333-0181-3. (In Russ.).

Habermas, Yu. (2022). *Theory of communicative activity.* Moscow: The Whole World. 880 p. ISBN 978-5-7777-0856-4. (In Russ.).

Halliday, M. A. K., Hasan, R. (1989). *Language, context and text: Aspects of language in a social-semiotic perspective.* Oxford: Oxford University Press. 126 p.

Hoffman, E. (2009). *The ritual of interaction: Essays on face-to-face behavior.* Moscow: Smysl. 309 p. ISBN 978-5-89357-276-6. (In Russ.).

Hoffman, I. (2000). *Presenting oneself to others in everyday life.* Moscow: CANON-press-C, Kuchkovo Pole. 304 p. ISBN 5-93354-006-4. (In Russ.).

Hoffman, I. (2003). *Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience.* Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 752 p. ISBN 5-93947-011-4. (In Russ.).

Hymes, D. (1972). Models of the Interaction of Language and Social Life. In: *Direction in Sociolinguistics: The Enthrography of Communication.* New York: Holt, Rinehart and Winston, INC. 35—71.

Issers, O. S. (2008). *Communicative strategies and tactics of Russian speech.* Moscow: LKI Publishing House. 288 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2007). *Language keys.* Volgograd: Paradigma Publ. 520 p. ISBN 978-5-903601-03-5. (In Russ.).

CC BY

Karasik, V. I. (2020). *Linguistic pictures of life: a monograph.* Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language. 468 p. ISBN 978-5-98269-222-1. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2021). *Linguistic plasticity of communication: a monograph.* Moscow: Gnosis. 536 p. ISBN 978-5-94244-077-0. (In Russ.).

Matveeva, T. V. (1996). Tonality of spoken text: three ways of description. *Stylistyka V. Opole.* 210—221. (In Russ.).

Olyanich, A. V. (2004). *The presentation theory of discourse: a monograph.* Volgograd: Paradigma Publ. 507 p. (In Russ.).

Plotnikova, S. N. (2000). *Insincere discourse (in cognitive and structural-functional aspects).* Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State Linguistic University. 244 p. (In Russ.).

Plotnikova, S. N. (2015). Discursive technologies and their role in the construction of the social world. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University, 3 (714):* 72—83. (In Russ.).

Plotnikova, S. N. (2018). Conceptual foundations of constructing discursive strategies. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education, 3 (31):* 78—86. (In Russ.).

Plotnikova, S. N. (2018). Performance in communication: aspects of cognitive-discursive modeling. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics, 17 (4):* 229—239. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.22. (In Russ.).

Pocheptsov, G. G. (2001). *Theory of communication.* Moscow: Refl-book, Kiev: Vakler. 656 p. (In Russ.).

Sedov, K. F. (2004). *Discourse and personality: the evolution of communicative competence.* Moscow: Labyrinth. 317 p. ISBN 5-87604-031-2. (In Russ.).

Shpilman, M. V. (2023). The phenomenon of pretense and its metaphorical representation in the Russian language. *Criticism and Semiotics, 1:* 73—84. DOI: 10.25205/ 2307-1753-2023-1-73-84. (In Russ.).

Sirotinina, O. B. (1999). Some reflections on the terms “speech genre” and “rhetorical genre”. In: *Genres of speech, 2.* Saratov: College Publ. 37—52. (In Russ.).

Stepanov, V. N. (2008). *Provocation in social and mass communication: a monograph.* Saint Petersburg: Rosa Mira Publ. 268 p. ISBN 5-85574-223-4. (In Russ.).

Veber, M. (1990). *Selected works.* Moscow: Progress Publ. 808 p. ISBN 5-01-001584-6. (In Russ.).

The article was submitted 04.11.2024;
approved after reviewing 29.01.2025;
accepted for publication 26.02.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Копач О. И. Теоретические аспекты лингвистического исследования категории пространства в пределах топонимии : от перцепции наблюдателя к моторике деятеля / О. И. Копач // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 51—71. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-51-71.

Kopach, A. I. (2025). Theoretical Aspects of Linguistic Research on Category of Space within Toponymy: From Observer Perception to Agent Motor Skills. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 51-71. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-51-71. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Теоретические аспекты лингвистического исследования категории пространства в пределах топонимии: от перцепции наблюдателя к моторике деятеля

Копач Олег Игоревич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
aleh@bk.ru

Минский государственный
лингвистический университет
(Минск, Беларусь)

Theoretical Aspects of Linguistic Research on Category of Space within Toponymy: From Observer Perception to Agent Motor Skills

Aleh I. Kopach
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Theoretical
and Applied Linguistics
aleh@bk.ru

Minsk State
Linguistic University
(Minsk, Belarus)

© Копач О. И., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема недостаточной вовлеченности данных моторики освоения пространства человеком в исследования географических имен. Обосновывается конструктивистский подход к формированию топонимии как когнитивной области ориентирования на местности. Иллюстративным материалом служат имена всех типов топообъектов шести историко-этнографических зон Беларуси. Показано, что декларативность внимания к топонимам с пространственной семантикой и сложность определения значений географических имен обусловлены недооценкой фактора перемещения субъекта в значимом пространстве. Выявлена принципиальная роль грамматики для экспликации значений топонимии и их связанности в пределах когнитивной области. Автор подчеркивает адаптивную роль сознания при ориентировании, его нацеленность на выход за пределы локальных фигуро-фоновых отношений объектов и выстраивание пространственной семантической сети. Утверждается, что конститутивный фактор формирования обыденной топосистемы — позиция объектов относительно референтных точек пространства, значимого для местного жителя, а не обособленные узколокальные ситуации взаимодействия пар локально связанных реалий. Представлена специфика реализации в топонимии систем пространственной референции, на их основе определены референтные точки топосистемы и единицы базисной модели ориентирования, показана роль аналогии в переносе структуры единиц на имена, транслирующие непространственные значения.

Ключевые слова:
топонимия; пространственная семантика; ономастика; моторика освоения пространства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper addresses the issue of insufficient integration of human spatial exploration motor skills in the study of geographical names. A constructivist approach to the formation of toponymy as a cognitive domain for navigation is advocated. The illustrative material consists of names from all types of topographical objects across six historical and ethnographic zones of Belarus. It is demonstrated that the declarative nature of attention to toponyms with spatial semantics, along with the complexity of defining the meanings of geographical names, stems from an underestimation of the subject's movement within significant spaces. The fundamental role of grammar in elucidating the meanings of toponymy and their interconnectedness within the cognitive domain is highlighted. The author emphasizes the adaptive role of consciousness in navigation, its orientation towards transcending local figure-ground relationships of objects, and constructing a spatial semantic network. It is asserted that the constitutive factor in forming an everyday toposystem is the positioning of objects relative to reference points in space that are significant for local residents, rather than isolated, narrowly localized situations involving pairs of locally connected realities. The paper presents the specifics of implementing systems of spatial reference in toponymy, identifying reference points within the toposystem and units of a foundational model for navigation, while also demonstrating the role of analogy in transferring the structure of units to names that convey non-spatial meanings.

Key words:
toponym; spatial semantics; onomastics; motor skills in spatial exploration.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’373.21
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-51-71

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Теоретические аспекты лингвистического исследования категории пространства в пределах топонимии: от перцепции наблюдателя к моторике деятеля

© Копач О. И., 2025

1. Введение = Introduction

Категория пространства в работах ученых долго оставалась в тени категории времени [Жаров, 2014, с. 5], несмотря на наблюдаемость первого и возможность перемещения в нем человека. Не является исключением из этой тенденции исследование географических имен языковедами. Вопреки статусу топонимов как территориально приуроченных единиц, к осознанию важности учета их пространственной семантики для построения теории места лингвистика приходит позже других дисциплин [Ursini et al., 2023] и не сразу распознает скрытые в топознаках возможности для демонстрации характеристик обыденного восприятия пространства топообъектов и решения ключевых проблем ономастики и когнитивистики.

Начавшийся в социогуманитарных науках в 1970—1980-х годах «пространственный поворот» проникает в топонимику к 1990-м годам на волне антропоцентризма и приводит к формированию концепций с акцентом на репрезентацию топообъектов местности. Роль субъекта закрепляется за человеком со статусом ***наблюдателя***, сознание которого воссоздает реалии и их перцептивные характеристики, поступающие из разных сенсорных модальностей и воспринимаемые с разных ракурсов. Несмотря на дискутируемый статус значения онимов, анализ семантики конкретных имен сводится к данным топооснов, принимающих пространственные и непространственные показатели объектов (см. обзор в разделе 2), или к сумме элементов имени, объединяемых концептуальным предикатом [Голомидова, 1998; Беляев, 2019].

Репрезентативный характер сознания, отстаиваемый в этих работах, вытекает из преимущественно изолированного изучения сенсорных и моторных процессов в когнитивной науке первого поколения [Величковский, 2006, с. 164]. Моторика освоения пространства, отражаемая в топосистеме, рассматривается как слабо выраженная.

CC BY

Открытия в нейрофизиологии, подтверждающие связь сенсорных и моторных систем организма [Milner et al., 2006; Риццолатти и др., 2012], позволяют выдвинуть гипотезу о рассмотрении всех топонимов как знаков, изначально развивающих пространственную семантику, и поэтапном вовлечении в топосистему новых объектов и типов их свойств при регулярном перемещении субъекта в знакомой местности. Предлагаемый новый статус последнего — ***деятель***. Дилемма нулевого или энциклопедического проприального значения при такой интерпретации снимается его конструктивной трактовкой.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье мы рассмотрим потенциал когнитивной науки для разработки модели топосистемы, которая учитывает взаимосвязь перцепции и моторики человека и представляет географические имена как систему устойчивых конструкций, усваиваемых в речи, зависимых от окружения и используемых субъектом для ориентирования в значимом для него пространстве.

Такое рассмотрение имен важно как в контексте интеграции данных нейрофизиологии в лингвистическую теорию, так и по причине отсутствия описания механизма вовлечения непространственных форм имен в топонимию в существующих концепциях проприальной семантики.

В качестве методов исследования используются изучение литературы по теме исследования и теоретическое моделирование.

Иллюстрированию развиваемых в статье взглядов служат имена 4707 топообъектов Беларуси (ойконимов, гидронимов, микротопонимов), зафиксированные в печатных источниках [ННП, 2003; ТФ, 1979; БКБ, 1994; МБ, 1974]. Материал отобран методом сплошной выборки и представляет сведения об именах 12 районов из 6 историко-этнографических зон страны.

В лингвистических работах 1990—2020-х годов перемещение субъекта на местности не рассматривается как существенный фактор онимообразования.

Постсоветская наука, опирающаяся на традиции изучения географических имен как единиц лексикона, связывает движение субъекта в пространстве с ограниченным кругом онимов: топонимами-ориентирами, спорадически встречающимися единицами типа *Половинница, Путевой, Скородум* [Березович, 2009, с. 196] и названиями, перенесенными на смежные объекты, как показателями вовлеченности категории движения в процесс номинации [Ковлакас, 2021]. Чаще направленность топонимии на отражение пространственной семантики описывается в рамках систематизации

CC BY

средств выражения категории локативности [Бакшеева и др., 2021; Гребнева и др., 2019; Зверева, 2019], постулируется как транслятор в имени одного из многих кодов культуры — пространственного [Васильева, 2022; Королева, 2020; Шевчук, 2021] — или одного из ряда слоев признаков концепта имени — локативного [Быканова, 2011; Кондратьева и др., 2016].

Западная когнитивная лингвистика, уделяющая внимание грамматике имен, постулирует их холистический статус, настраивая на понимание онима как неразложимой конструкции, обладающей собственным значением и функцией, а не как совокупности лексических концептов, объединяемых концептуальным предикатом. Рассмотрение составных частей этого единства допускается лишь в качестве дополнительного действия, характеризующего значения элементов поверхностной (языковой) структуры единиц, вторичных по отношению к значению целостной конструкции.

Исследователи, однако, пока лишь теоретически оценивают потенциал европейской онимии в контексте ориентирования субъекта, ссылаясь на ее непрозрачность [Reszegi, 2020, с. 28—30] и выстраивая предварительные психологические модели анализа [Reszegi, 2023]. В поисках функциональных топознаков специалисты обращаются к морфолого-синтаксической типологии имен разноструктурных языков [Stolz et al., 2020], своеобразию систем референции языков традиционных обществ, которые пользуются прозрачными названиями, описывающими объект или путь к нему [Cogos et al., 2017; Grammars ..., 2006]. Немногочисленные концепции, верифицирующие идеи когнитивной грамматики на материале топонимии Европы, выявляют кросс-культурные закономерности номинации объектов разных классов в ряде языков [Van Langendonck, 2007], значимость аналогии как инструмента выстраивания единообразных, но семантически противопоставленных названий в рамках микросистем типа ‘белый / черный пруд’ или ‘овечий ручей / овечьи пороги’, связь таких топонимов с их принадлежностью лингвистическому и географическому ментальным пространствам [Leino, 2006].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Значимость внесения субъекта и точки наблюдения, с которой он оценивает топообъекты, в когнитивные исследования указанного периода, невозможно переоценить. В то же время работы демонстрируют необязательность и невысокую продуктивность в именах грамматических показателей размещения и перемещения в пространстве, что приводит к оценке топонимов как знаков, регламентирующих присутствие в своем составе неконвенциональных средств выражения пространственной семантики (ср. семантика топооснов в именах *Белае возера, Камяніца* и др.).

CC BY

Отступление от изучения всех географических имен как выразителей территориальной приуроченности их референтов является допустимым способом решения некоторых проблем топонимики, например, аксиологии означивания пространства этносом. Вместе с тем учет когнитивной области ориентирования, в рамках которой эти имена создаются, делает принципиальным показ мотивации отступления субъекта от экспликации пространственного статуса топознака в пользу описания формы, цвета и др. Первичность единиц, фиксирующих расположение реалий, осознается учеными [Бакшеева и др., 2021, с. 21; Васильева, 2022, с. 52; Шевчук 2021, с. 254], но остается декларативной: все имена характеризуются однопорядково — как реализаторы кодов культуры или слоев концепта.

Сказанное подводит к дискуссии о причинах существования непространственных обозначений топообъектов и возвращает к основному вопросу ономастики — о семантике онима. Очевидно, выявление последней через содержание, транслируемое основами, не приближает решений ни ключевого предмета обсуждения топонимики (значение vs. мотивированность имени), ни важнейшей для когнитивистики проблемы сознания. В свете неразрешенности дилеммы значения собственных имен связь мира, тела и психики в деятельности субъекта на материале онимов понимается как условная, фиксируя status quo, сложившийся в структуралистской ономастике.

Представление семантики топонимов, путей ее воспроизводства и расширения при выстраивании топосистемы видится возможным при рассмотрении их как холистических знаков, первичная цель которых — описание местоположения референтов имени, а не их непространственных свойств и лингвокультурных ассоциаций. Рассмотрение материала с таких позиций требует теоретического обоснования

1) философской базы и целевой направленности исследования;

2) когнитивной области, обслуживаемой именами и соотносимыми с ними знаковыми системами, а также характера ее концептуализации;

3) референтных точек пространства, значимых для представления области с позиции субъекта;

4) базисной модели категоризации пространства топообъектов, механизмов воспроизводства и расширения модели, соотнесенности лингвистических средств представления области и местоположения реалий.

3.1. Философские основы исследования пространства топообъектов

Когнитивный статус работы предполагает результативность ее вклада в решение проблемы сознания. Преодоление символьного подхода когнитивистов первого поколения, уподобляющих сознание компьютеру и лишающих познание деятельностного характера, физиологической, социально-

CC BY

психологической, культурно-исторической обусловленности [Фаликман, 2014, с. 15], в современной науке связывается с обращением к телесности (воплощенности, эмбодименту) как смыслообразующему фактору освоения реальности [Varela et al., 1991; Gallagher, 2023].

Философская основа воплощенного познания — исследования феноменологов, представляющие пространственное освоение объекта как синтез перспектив его наблюдения субъектом при движении относительно него [Гуссерль, 2023], закрепление привычных для телесной организации человека движений в процессе познания реалии [Мерло-Понти, 1999], фиксация досягаемости и включенности в бытие субъекта значимых объектов его окружения [Хайдеггер, 2015]. Основная цель работ — преодоление дуализма сознания и мира, показ их нераздельности и взаимодействия.

Критикуя позитивизм за описание объективно-научного мира фактов, где нет места фактору человека, феноменология также призывает к учету явленности предметов сознанию в их изначальной целостности. Следуя этой установке, исследователь топонимии способен выстроить методологию, связывающую функциональность онима с его знаковым единством и отказывающуюся от условной семантики топоосновы или аналитического разделения имени в пользу значений целостных топоконструкций.

Логика перехода топонимики от подчеркивания ключевой роли топоосновы к демонстрации значимости всех составляющих имени как холистического знака определяется невозможностью посредством привычного поиска мотивации тополексем ни выявления семантики целостных единиц, ни демонстрации связанности их значений в пределах когнитивной области. Вторичность воплощения в именах результатов концептуализации предполагает подчинение действий субъекта по созданию системы ориентирования не поиску мотивировки для нового онима, а необходимостью встроить объект территории, регулярно наблюдаемый субъектом при перемещении в ее пределах, в имеющиеся представления о маршрутах [Siegel et al., 1975] и, связав объект с другими реалиями местности, означить его.

Такое неодномоментное вовлечение объектов в схемы движения представляется основанием для принятия идеи аналогичной поэтапной интеграции определенных свойств объектов в имена-конструкции конкретных зон пространства, в котором перемещается субъект. При этом в каждой новой зоне сохраняется семантика единиц предыдущей зоны, на которую «наращивается» новая семантика. Реалии приспосабливаются для обыденной оценки ***наблюдателем*** единичных свойств объекта, а ***деятелем*** — их удаленности от точки начала движения к нему.

Выбор подхода к проблеме соотнесенности перцептивных процессов и моторной активности субъекта при концептуализации пространства яв-

CC BY

ляется ключевым для определения стратегии исследования. Предыдущий опыт когнитивной топонимики базируется на обязательной репрезентации объектов в сознании и ограниченном внимании к моторике их освоения. Обращение к теории эмбодимента, признающей адаптивную ценность перемещения субъекта [Noë, 2010], высвечивает взаимосвязь восприятия и действия. Следование теории делает излишним создание субъектом копии фрагмента реальности перед осуществлением моторной программы, принимает значимость сенсомоторных навыков субъекта и использование им мира как внешней памяти в процессе познания [O'Regan et al., 2001, с. 940—946].

Признание перцептивно-моторной координации действий субъекта определяет его как деятеля, который адаптирует мир к своим нуждам через концептуализацию как объектов, так и процесса их освоения, создавая внутренне взаимосвязанные, эволюционирующие при перемещении и циклично повторяющиеся схемы ориентационной деятельности.

3.2. Топонимообразование как деятельность по концептуализации опыта ориентирования в пространстве

Первичная адресная роль топонимии указывалась издавна [Суперанская, 1973, с. 274], однако в рамках структурализма трактовалась как ссылка на реалию (референция) и наделение ее формой (номинация) [Никонов, 1965, с. 62]. Контекст ориентирования акцентирует регулятивную роль имен [Копач, 2020, с. 63—65].

В географии прототипом представления о локализации топообъектов служит карта. Зеркальное отображение их на классической ландкарте сменяется в когнитивистике показом механизмов восприятия пространства, свойственных человеку [Reszegi, 2020]. Современный инструмент их описания — ментальные (когнитивные) карты, понимаемые как минимум в четырех смыслах [Kitchin, 1994, с. 1—5]. В лингвистике данные таких карт соотносятся с языковыми показателями пространственности [Grammars ..., 2006]. Учитывая непризнание нами ментальной репрезентации, мы принимаем трактовку понятия «когнитивная карта», не связанную с представлением пространства как готового гештальта. Для демонстрации предлагаемой нами конфигурации топосистемы достаточно ее толкования как гипотетической конструкции [Kitchin 1994, с 5], которую «мы создаем и используем для понимания последовательности и развития непрерывной деятельности по когнитивному картированию» [Siegel et al., 1985, с. 349].

Недостатки обращения к готовым картам видятся в их вторичности и искусственности по сравнению с естественно развиваемой топосистемой.

Географическая карта фиксирует объекты, копируя их расположение с поправкой на масштаб и устанавливая одну условную точку отсчета (ну-

CC BY

левой меридиан), то есть не учитывает локальной обусловленности топонимии.

Ментальная карта моделируется через анализ нарисованных местными жителями от руки и по памяти схем движения к объектам вокруг поселения [Siegel et al., 1975, с. 25—27]. Такие схемы ограниченно представляют обыденное восприятие топообъектов, так как допускают необязательность нанесения на карты референтов всех имен, внося в анализ нежелательную опциональность трактовки данных при расхождении результатов картирования и языкового анализа: так, местный житель не распознает прозрачную мотивацию венгерского имени *Békás* ‘полный лягушек’ [Reszegi, 2020, p. 29].

Языковое представление когнитивной области ориентирования, по-видимому, не требует реализации предложения К. Ресеги [Reszegi, 2023] о предварительном построении психологической модели топонимии. Данные психологии важны на промежуточных этапах описания материала для установления корреляции языковых и внеязыковых показателей, а также при сопоставлении итогов, получаемых лингвистикой и психологией.

Моделирование ориентирования в пространстве учитывает существование объектов в двух системах координат [Бедаш, 2014; Кравченко, 2004]:

1) ***пространственность позиции*** — расположение в разных зонах значимой территории;

2) ***пространственность ситуации*** — нахождение в окружении реалий ограниченного участка местности.

Онтологичность систем подтверждается как выводами философии и лингвистики, так и данными психологии. Последняя выделяет две фазы узнавания объекта как результат работы предвнимания и фокусного внимания субъекта [Величковский, 2006, с. 193], коррелирующие с разделением потоков переработки зрительной информации на дорсальную и вентральную [Milner et al., 2006]. Это дает основания концептуализировать пространство топообъектов либо как ***мелкозернистое***, связанное с восприятием всей территории освоения (1), либо как ***крупнозернистое***, учитывающее сосредоточенность внимания на локальном взаимодействии объектов (2).

Из представленных вариантов концептуализации пространства та, что связана с демонстрацией ***ситуации*** (2), на первый взгляд, ближе к реализации целей когнитивистики. Принципиальными для последней являются понятия ***фигуры*** как объекта в фокусе внимания человека и ***фона*** как реалии, относительно которой фигура распознается: деревня *Заóбаль* < река *Óбаль*, деревня *Падлéссе* < *лес*, болото *Бы́хаўскае* < город *Быхаў* (ср. апеллятивный аналог: *велосипед перед домом*). Между тем применение базовой оппозиции направления к материалу заставляет выпасть из чис-

CC BY

ла конвенциональных пространственных обозначений имена, которые часто связываются с кодами культуры или слоями концепта, отличными от локативных: урочище *Чарну́ха* ‘чернуха’, река *Клёнаўка* ‘кленовка’, поле *Кру́глае*, деревня *Аляксáндраўка*. Это говорит об иерархичности пространственного знания, приоритетности отображения в нем позиции объекта относительно иных реалий перед нетипичным поиском местоположения по признакам и принадлежности.

Наше обращение к ***позиции*** (1) как конститутивному аспекту функционирования топосистемы помимо неоправданного игнорирования иерархичности последней при ситуационном описании объясняется также причинами, выходящими за границы фигуро-фоновых отношений и связанными с обыденной оценкой человеком расстояния от точки начала его движения к объектам. Анализ топонимообразования (*Філíпенскае во́зера* < деревня *Філíпенкі*, поле *Ку́калеўка* < фамилия *Ку́каль*, дорога *Млыно́вый шлях* < *млын* ‘мельница’) показывает, что восприятие ситуаций, стоящих за актами топономинации, ограничено территорией, наблюдаемой субъектом, и не учитывает их включенности в его деятельность за этими пределами.

Итак, крупнозернистая концептуализация **(2)** локализует объект относительно другой реалии, но не вписывает его в целостную систему ориентирования, что фрагментирует пространственную перспективу на обособленные сцены (zoom in), задаваемые пестрым спектром признаков. Ее мелкозернистая альтернатива **(1)** учитывает способность субъекта наблюдать за фигуро-фоновыми отношениями смежных объектов и устанавливать координацию этих комплексов. Ограниченные несколькими объектами участки наблюдения отодвигаются на задний план (zoom out), пространственная перспектива расширяется до всей значимой территории. Важную роль приобретает фактор удаленности топообъектов от точки, с которой субъект наблюдает объекты и оценивает их досягаемость.

3.3. Моделирование системы отсчета для описания естественной топонимии

Антропоцентрическая наука рассматривает пространство как организованное вокруг субъекта [Гак, 2000, с. 127]. Локальный в своих истоках и естественный характер формирования топонимии фиксирует многочисленные «нулевые» точки системы ориентирования в окрестностях места проживания субъекта, что подтверждается

— заключениями лингвистов о первоначальном развитии имен в ограниченном пространстве вокруг поселения [Березович, 2009, с. 192—194; Ермошкина, 2022, с. 138];

— фактами функционирования минимальных единиц топонимии, омонимичных географическим терминам, названиям объектов быта и качеств

CC BY

человека, исключительно в микротопонимии: *Рэ́чка* < *рэ́чка* ‘небольшая река’, озеро *Подко́ва* ‘в форме подковы’, болото *Сі́дзень* < *сі́дзень* ‘малоподвижный человек’;

— свидетельствами ученых о родине как знакомом и достижимом пространстве включения в деятельность [Кравченко, 2004, с. 61—63; Хайдеггер, 2015, с. 134].

Для описания языковых способов представления ориентирования в пространстве посредством апеллятивных (предлогов и др.) [Grammars ..., 2006] и прописальных средств локализации объектов (лишь теоретически сформулировано [Reszegi, 2023]) антропологи и лингвисты обращаются к системам референции С. Левинсона [Grammars ..., 2006, с. 19—22].

Сам автор скептически оценивает потенциал их использования в топонимии ввиду неспособности имен, в отличие от апеллятивов, отражать угловые спецификации относительно оси тела [Levinson, 1992, с. 30]. Преодоление помехи на пути к использованию этих систем лежит, видимо, в допущениях обработки имен, обусловленных спецификой топонимии

а) как класса имен, стремящегося к утрате компонентов когнитивной схемы «источник — путь — цель» [Копач, 2020, с. 101];

б) как когнитивной области, способной к эволюции за пределы исходной модели.

3.4. Базисная модель категоризации географических объектов и ее расширение

Семантику размещения объекта на местности в апеллятивах выражают предлоги, префиксы, относительные и качественные прилагательные, описывающие пространственные понятия. Именно они фиксируются в топонимах Беларуси, реализуя три системы референции:

встроенная — лес *Пад бо́рам* < пад ‘под’, бор ‘сосновый лес’ (1), покос *Загай́* < за, гай ‘роща’ (2);

урочище *Загóр’е* < гара ‘гора’ (3), болото *Залóжнае* < *лог* ‘суходольный луг’ (4);

урочище *Падво́йстраўка* < *войстраў* ‘остров’ (5), поле *Падато́чыцы* < поле *Ато́чыца* (6);

мост *Вы́дрыцкі мост* < река *Вы́дрыца* (7), лес *Бала́бскі лес* < деревня *Бала́ба* (8);

относительная — деревни *Масты Левыя* (9), *Масты Правыя* (10) < город *Масты*;

абсолютная — деревни *Паўднёвае Гняздзілава* (11), *Паўночнае Гняздзілава* (12), *Верхні Млынок* (13), *Ніжнія Пагараны* (14).

Приведенные примеры указывают на пространственное размещение объекта посредством конвенциональных языковых средств, описывая его

CC BY

положение относительно другой реалии: **ср.** апеллятивы с тем же значением *пад гарóй, залéссе, мазы́рскі за́мак, пра́вы бок, паўднёвыя мо́гілкі*.

Для имен, описывающих образные и природные характеристики объекта, его принадлежность человеку, ориентирующая функция оказывается вторичной, небазисной: поле *Дугá*, лес *Дубро́ва*, заросли *Агéенкавы кусты*, болото *Жáркае*.

Сведение пространственной семантики имен к трехчастной классификации требует комментария о специфике отображения систем референции в топонимии.

Показателями обращения к **встроенной системе** в апеллятивах являются слова типа *перед, зад, лицо*, реферирующие к реалии с перспективы другого объекта (фона), который воспринимается как имеющий ось ориентации, и присущие такому его пониманию имманентные характеристики: ***перед*** *дома,* ***лицевая сторона*** *паспорта*. В примерах 1—2 фоновые объекты (бор, роща) не обладают такими свойствами, но референция, судя по отсутствию в именах фигур показателей типа номинируемого объекта (лес, покос), осуществляется по отношению не к реалии, а к участку территории, контролируемому фоном. Фактически это отсылка к пространству, которое мыслится принадлежащим фоновой реалии и упоминания которого достаточно для описания маршрута движения в него или расположения в нем. Следовательно, референтные точки уровня 1 в пределах системы — объекты с типичными для микротопонимии именами *Бор, Гай*, относительно которых субъект позиционирует топообъекты (1—2).

Примеры 3—8 свидетельствуют о развитии единиц встроенной системы от фиксации принадлежности реалии пространству другого объекта (3—6) до приобретения ими «автономии» по мере центробежного перемещения из «нулевой» точки (7—8). Выход за пределы микротопонимии способствует, во-первых, утрате именами локативных показателей; во-вторых, переходу от передачи в имени движения в сторону референта (*за гай*) или расположения последнего относительно реалии (*пад бо́рам*) к представлению референта как точки, которая располагается вблизи другой реалии, но обретает объектный статус и не воспринимается как часть ее внутреннего пространства. Так, в примерах 7—8 наблюдаются указания как на объект (*мост, лес*), так и на фон (*Выдрыца, Балаба*). Референтные позиции перемещаются из доступной для наблюдения зоны (см. точки уровня 1) в места, достижимые через выход за ее пределы, и располагаются в ближайшем окружении именуемой реалии — точках уровня 2.

Относительная система референции отражена в именах с элементами *передняя — задняя, левая — правая* (9—10). Для таких топонимов характерна «двойная» пространственная отнесенность: исходную встроенную

CC BY

систему (размещение вблизи г. *Масты*) расширяет противопоставление референтов имен поселений, указывающее на положение тела человека относительно латеральной (*Масты Левыя*, *Масты Правыя*) или фронтальной оси. Имена расположенных по берегам реки *Неман* деревень отсылают к референтной точке уровня 3 — ориентиру, достижимому при перемещении мимо них по реке в направлении города.

Абсолютная система референции отражена в именах с элементами *северный — южный, верхний — нижний* (11—14). Пары также связаны «двойной» пространственной семантикой, указывая на оппозицию объектов одного вида и независимые от человека способы ориентации — стороны света (11—12), значимые характеристики ландшафта типа участков рек (13—14). Референтные точки находятся в пределах встроенных в пространства друг друга именуемых реалий, но расширяющая эту встроенность семантика выносится за пределы привязки к точечным объектам.

Описанные единицы базисной модели ориентирования демонстрируют обусловленность грамматики имен расположением относительно референтных точек системы и преимущественно встроенный характер референции топонимов, что позволяет представить топосистему как сеть, связывающую ключевые ориентиры перемещения местного населения в значимом для себя пространстве.

Топосистема помимо центра (поселение) и единиц базисной модели включает имена, задающие ее первые референтные точки (топонимы, соотносимые с метафорами и географическими терминами), и единицы, не способные регулировать перемещение в обыденном пространстве, — имена крупных и длинных объектов типа рек (линий), малопригодные в качестве ориентира для небольших реалий (точек) [Кравченко, 2004, с. 42]. Это объясняет сложность отграничения первых от нарицательной лексики (*Бор, Слабада́; Што́нікі*) и затемненность внутренней формы вторых (*Днепр, Не́ман)*.

Формализация единиц топосистемы и показ непрерывности семантики в цепи переходов от предыдущей формы к последующей возможна на основе грамматики конструкций [Berkeley ...], признающей рекурсивное обозначение объектов когнитивной области некомпозициональными, регулярными, связанными между собой структурами. Представим их в виде формул, сопровождаемых примерами:

«Prep N»: болото *Пад лу́гам,* дорога *Замі́шка* < літ. miškas ‘лес’, лог *у кутку́* ‘в углу’;

«Pref N suf»: лес *Міжбро́ддзе* ‘межбродье’, деревня *Узрэ́чча* ‘приречье’, урочище *Загó́р’е* ‘загорье’;

«1 AN»: деревня *Га́цец* < гаць ‘гать’, покос *Ю́хновіцка* < деревня *Ю́хнавічы,* река *Бярвёнка* < деревня *Бярві́*;

«2 AN»: болото *Грэ́за Ве́рхняя* < река *Грэ́за,* деревня *Ка́пліцкі Варатын́* < деревня *Каплічы,* деревня *Саму́йлавічы Го́рныя* < деревня *Самуйлавічы*;

«(N [xA]) | (1 AN) | (2 AN)»: поле *Гара́* ‘гора’*,* болото *Лужо́к*.

Указанные холистические единицы демонстрируют как связь объектов с окружением, так и обыденную оценку расстояния от центра до реалий. Конструкции являются абстрактными схемами ориентирования, конкретизируемыми через кластеризацию и привлечение единичных свойств объектов (соседняя реалия, размер, фауна и др.) на местном уровне. Схемы обладают

а) укорененностью при регулярной реализации базисной модели;

б) расширяемостью при образовании имен через аналоги-образцы, конвенционально не связанные с передачей пространственной семантики, но под «принуждением» системы воспроизводящие структуру базисных единиц.

4. Заключение = Conclusions

1. Исследование географических имен как знаков, используемых в адаптивной ориентационной деятельности, отличается от когнитивных подходов к топонимии, которые нацеливаются на репрезентацию перцептивных свойств реалий субъектом-наблюдателем и недооценивают моторику освоения им значимой территории. Демонстрации принципов постижения пространства топообъектов субъектом-деятелем содействует представление их не через список лексем с широким диапазоном значений основ, изучаемых на одном уровне, а как сеть холистических грамматических единиц, отражающих иерархичность и постепенность выстраивания пространственного знания. Философская основа такого описания ориентирования — теория воплощенного познания, основанная на идеях феноменологии.

2. Сосредоточенность наблюдателя на небольшом участке территории концептуализирует пространство как крупнозернистое, реализуемое через восприятие многочисленных фигуро-фоновых ситуаций взаимодействия объектов. Такой узколокальный контекст именования не объясняет появления непространственных форм в топонимии и не учитывает встроенности всех имен в когнитивную область ориентирования. Мелкозернистая концептуализация территории деятелем выходит за пределы отношений смежных объектов, дефрагментирует пространственную перспективу и координирует связи фигуро-фоновых ситуаций между собой для генерации целостной топосистемы, конститутивный фактор которой — позиция. Естественный характер развития системы имен подчеркивает отличия ее порождения от искусственных репрезентаций пространства — объектив-

CC BY

ной на географических ландкартах и субъективной на ментальных картах-схемах.

3. Выявление референтных точек пространства, относительно которых субъект позиционирует топообъекты, осуществляется на основе междисциплинарных свидетельств о позиции субъекта и языковых типов имен, характерных для его окружения («нулевая»), а также данных систем пространственной референции (уровни 1—3). Учет специфики топонимов как знаков, семантика которых постепенно упрощается до индексального указания на фон и выходит за рамки типичного для апеллятивов представления местоположения реалий, обосновывает вовлечение систем референции С. Левинсона в исследование пространственной семантики как экзотических имен-нарративов, так и европейских топонимов-номинативов.

4. Закономерности трансформации грамматической семантики целостных имен, наблюдаемые при центробежном перемещении из центра пространства топообъектов, представляют ориентирование как процесс, зависимый от позиций реалий относительно референтных точек пространства. Показатели встроенной, относительной, абсолютной систем референции коррелируют с именами, лингвистически выражающими расположение объекта относительно другого объекта, что квалифицирует их как единицы базисной модели. Расширение последней осуществляется через вовлечение в ориентирование менее значимых объектов, непространственные характеристики которых по аналогии интегрируются в структуру базисных единиц.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БКБ — *Блакітная* кніга Беларусі : энцыклапедыя. — Мінск : БелЭн, 1994. — 415 с.

2. МБ — *Мікратапанімія* Беларусі. Матэрыялы. — Мінск : Навука і тэхніка, 1974. — 328 с.

3. НПП — *Назвы* населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь : нарматыўны даведнік. — Мінск : Тэхналогія, 2003—2010. — Ч. 1—6.

4. ТФ — *Торфяной* фонд Белорусской ССР : Кадастровый справочник. По состоянию разведанности на 1 января 1978 г. — Минск, 1979. — Ч. 1—10.

Литература

1. *Бакшеева М. Г.* Пространственная модель верх-низ в микротопонимии нижнего Прииртышья / М. Г Бакшеева, Ю. В. Исламова // Лингвокультурология. — 2021. — № 15. — С. 20—29.

2. *Бедаш Ю. А.* Анализ пространства в феноменологии Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти / Ю. А. Бедаш // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2014. — № 4. — С. 211—218.

3. *Беляев А. Н.* О топонимическом концепте / А. Н. Беляев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2019. — № 1 (423). — С. 13—21. — DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10102.

4. *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : пространство и человек / Е. Л. Березович. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 328 с. — ISBN 978-5-397-00101-4.

5. *Быканова В. И.* Доминантные пространственные концепты / В. И. Быканова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2011. — № 1. — С. 217—220.

6. *Васильева Т. Ю.* Ойконимы Витебщины и Могилевщины, объективирующие пространственный код культуры : сопоставительный аспект / Т. Ю. Васильева // Региональная ономастика : проблемы и перспективы исследования. — Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2022. — С. 52—56.

7. *Величковский Б. М.* Когнитивная наука : основы психологии познания : в 2 томах / Б. М. Величковский. — Москва : Академия, 2006. — Т. 1. — 448 с. — ISBN 5-7695-2984-9.

8. *Гак В. Г.* Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 127—134.

9. *Голомидова М. В.* Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 1998. — 232 с. — ISBN 5-7186-0338-3.

10. *Гребнева А. М.* Пространственная лексика и её роль в формировании мордовской топонимической системы / А. М. Гребнева, Н. В. Казаева, Г. А. Натуральнова // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2019. — Т. 13. — № 4. — С. 559—567. — DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-559-567.

11. *Гуссерль Э.* Идея феноменологии: пять лекций / Э. Гуссерль. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2023. — 320 с. — ISBN 978-5-93762-191-7.

12. *Ермошкина Г. Ф.* Микротопонимия Смоленской области : географический аспект / Г. Ф. Ермошкина // Географическая среда и живые системы. — 2022. — № 4. — С. 129—144. — DOI: 10.18384/2712-7621-2022-4-129-144.

13. *Жаров А. Н.* Бытие и пространство : трансцендентальная перспектива / А. Н. Жаров // Пространство как трансцендентальная предпосылка познания реальности. — Москва : ИФРАН, 2014. — С. 5—30. — ISBN 978-5-9540-0262-1.

14. *Зверева Ю. В.* Отражение пространственной модели «верх/низ» в микротопонимии Пермского края / Ю. В. Зверева // Philological Studies. — 2019. — № 17 (2). — С. 123—136. — DOI: 10.17072/1857-6060-2019-17-2-123-136.

15. *Ковлакас Е. Ф.* К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте / Е. Ф. Ковлакас // Современные исследования социальных проблем. — 2021. — № 13 (4). — С. 326—354. — DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354.

16. *Кондратьева Т. С.* Лексико-семантическая вербализация концепта «пространство» (на материале топонимии Южно-Якутского региона) / Т. С. Кондратьева, Л. А. Яковлева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — № 11—5. — С. 991—993.

17. *Копач А. І.* Тапанімічная прастора Беларусі ў кагнітыўным аспекце (на матэрыяле назваў топааб'ектаў натуральнай намінацыі) / А. І. Копач. — Мінск : БДУ, 2020. — 223 с. — ISBN 978-985-566-851-1.

18. *Королева И. А.* Коды культуры в топонимии Рославльского района Смоленской области / И. А. Королева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — Серия : Филология, педагогика, психология. — 2020. — № 1. — С. 40—47.

CC BY

19. *Кравченко А. В.* Язык и восприятие : когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. — Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 2004. — 206 с. — ISBN 5-7430-0412-9.

20. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. — Москва : Ювента, Наука, 1999. — 608 с. — ISBN 978-5-02-026807-4.

21. *Никонов В. А.* Введение в топонимику / В. А. Никонов. — Москва : Наука, 1965. — 184 с.

22. *Риццолатти Дж.* Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания / Дж. Риццолатти, К. Синигалья. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — 208 с. — ISBN 978-5-9551-0561-1.

23. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — Москва : URSS, 1973. — 366 с.

24. *Фаликман М. В.* Когнитивная наука : основоположения и перспективы / М. В. Фаликман // Логос. — 2014. — № 1 (97). — С. 1—18.

25. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. — Москва : Академический проект, 2015. — 460 с. — ISBN 978-5-8291-1791-7.

26. *Шевчук О. П.* Топонимический код культуры (на материале китайского языка) / О. П. Шевчук // Современное педагогическое образование. — 2021. — № 13 (4). — С. 253—258.

27. *Berkeley* construction grammar [Electronic resource]. — Access mode : http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/bcg/lec02.html (accessed 01.08.2004).

28. *Cogos S.* Sami Place Names and Maps: Transmitting Knowledge of a Cultural Landscape in Contemporary Contexts / S. Cogos, M. Roué, S. Roturier // Arctic, Antarctic, and Alpine Research. — 2017. — Vol. 49. — № 1. — Pp. 43—51. — DOI:10.1657/AAAR0016-042.

29. *Gallagher Sh.* Embodied and Enactive Approaches to Cognition / Sh. Gallagher. — Cambridge : Cambridge University Press, 2023. — 84 p.

30. *Grammars* of space : Explorations in cognitive diversity / S. C. Levinson, D. B. Wilkins, E. Schultze-Berndt, W. B. McGregor, G. Senft, P. Brown, J. Bohnemeyer, C. Stolz, S. Meira, F. K. Ameka, J. Essegbey, E. Pederson, S. Kita, M.van Staden, M. Bowerman, M. Verhelst. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006. — 621 p. — ISBN 978-0521671781.

31. *Kitchin R. M.* Cognitive maps : What are they and why study them? / R. M. Kitchin // Journal of Environmental Psychology. — 1994. — Vol. 14. — № 1. — Pp. 1—19. — DOI: 10.1016/S0272-4944(05)80194-X.

32. *Leino A.* Place-Names as Constructions / A. Leino // Onoma : Journal of The International Council of Onomastic Sciences. — 2006. — Vol. 41. — Pp. 215—235. 10.2143/ONO.41.0.2119617.

33. *Levinson S. C.* Primer for The Field Investigation of Spatial Description and Conception / S. C. Levinson // Pragmatics. — 1992. — Vol. 2. — № 1. — Pp. 5—47. — DOI: https://doi.org/10.1075/prag.2.1.02lev.

34. *Milner D.* The Visual Brain in Action / D. Milner, M. Goodale. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 320 p. — ISBN 978-0198524724.

35. *Noë A.* Out of our Heads: Why You are Not Your Brain, and Other Lessons from The Biology of Cognition / A. Noë. — New York : Farrar, Straus & Giroux, 2010. — 232 p. — ISBN 978-0809016488.

36. *O'Regan J. K.* a sensorimotor account of vision and visual consciousness / J. K. O'Regan, A. Noë // Behavioral and Brain Sciences. — 2001. — Vol. 24. — № 5. — Pp. 939—973. — DOI: 10.1017/S0140525X01000115.

37. *Reszegi K.* Places in Mind : Investigating the Link Between Language and Spatial Concepts / K. Reszegi // Proceedings of the 27th International Congress of Onomastic Sciences : Onomastics in Interaction With Other Branches of Science. Keynote Lectures. Toponomastics, Kraków, 22—27.08.2021. — Kraków : Jagiellonian University Press, 2023. — Pp. 489—508.

38. *Reszegi K.* Toponyms and spatial representations / K. Reszegi // Onomastica. — 2020. — Vol. LXIV. — Pp. 23—39. — DOI: 10.17651/ONOMAST.64.4.

39. *Siegel A. W.* The Development of Spatial Representation of Large-Scale Environments / A. W. Siegel, S. H. White // Advances in Child Development and Behavior. — New York : Academic Press, 1975. — Pp. 9—55. — DOI: 10.1016/s0065-2407(08)60007-5.

40. *Siegel A. W.* The symbolizing and symbolized child in the enterprise of cognitive mapping / A. Siegel, J. H. Cousins // The development of spatial cognition. — Hillsdale : Lawrence Erlbaum Assoc. Publishers, 1985. — Pp. 347—368. — ISBN 978-0898595437.

41. *Stolz T.* Grammatical versus onymic classifiers: first thoughts about a potentially interesting topic / T. Stolz, N. Levkovych // Aspects of the grammar of names. Empirical case studies and theoretical topics. — Munich : LINCOM Europa, 2020. — Pp. 167–180. — ISBN 978-3969390078.

42. *Ursini F. A.* Place and place names : a unified model / F. A. Ursini, Y. S. Zhang // Frontiers in Psychology. — 2023. — № 14. — Pp. 1—26. — DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1237422.

43. *Van Langendonck W.* Theory and Typology of Proper Names / W. Van Langendonck. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2007. — 378 p. — ISBN 978-3110190861.

44. *Varela F. J.* The Embodied Mind : Cognitive Science and Human Experience / F. J. Varela, E. Thompson, E. Rosch. — Cambridge : The MIT Press, 1991. — 308 p. — ISBN 978-0262720212.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024,
одобрена после рецензирования 19.02.2025,
подготовлена к публикации 10.03.2025.

Material resources

BKB — *The Blue Book of Belarus: encyclapedia.* (1994). Minsk: BelEn Publ. 415 p. (In Belar.).

MB — *Microtoponymy of the Republic of Belarus. Materials.* (1974). Minsk: Navuka i tehnika. 328 p. (In Belar.).

NNP — *Names of settlements in Republic of Belarus: narmatyuny davednik, 1—6.* (2003—2010). Minsk: Tehnalogiya. (In Belar.).

TF — Peat fund of the Byelorussian SSR: Cadastral directory. (1979). *As of January 1, 1978, according to the state of intelligence, 1—10.* (In Russ.).

References

Baksheeva, M. G., Islamova, Yu. V. (2021). The spatial model of top-bottom in the microtoponymy of the lower Irtysh region. *Linguoculturology, 15:* 20—29. (In Russ.).

Bedash, Yu. A. (2014). Analysis of space in the phenomenology of Edmund Husserl and Maurice Merleau-Ponty. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science, 4:* 211—218. (In Russ.).

Belyaev, A. N. (2019). On the toponymic concept. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 1 (423):* 13—21. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10102. (In Russ.).

Berezovich, E. L. (2009). *Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect: space and man.* Moscow: LIBROCOM. 328 p. ISBN 978-5-397-00101-4. (In Russ.).

Berkeley construction grammar. Available at: http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/bcg/lec02.html (accessed 01.08.2004).

Bykanova, V. I. (2011). Dominant spatial concepts. *Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State University. Humanities and social sciences, 1:* 217—220. (In Russ.).

Cogos, S., Roué, M., Roturier, S. (2017). Sami Place Names and Maps: Transmitting Knowledge of a Cultural Landscape in Contemporary Contexts. *Arctic, Antarctic, and Alpine Research, 49 (1):* 43—51. DOI:10.1657/AAAR0016-042.

Ermoshkina, G. F. (2022). Microtoponymy of the Smolensk region: a geographical aspect. *Geographical environment and living systems, 4:* 129—144. DOI: 10.18384/2712-7621-2022-4-129-144. (In Russ.).

Falikman, M. V. (2014). Cognitive science: fundamentals and prospects. *The logo, 1 (97):* 1—18. (In Russ.).

Gak, V. G. (2000). Space outside space. In: *Logical analysis of language. Languages of spaces.* Moscow: Languages of Russian Culture. 127—134. (In Russ.).

Gallagher, Sh. (2023). *Embodied and Enactive Approaches to Cognition.* Cambridge: Cambridge University Press. 84 p.

Golomidova, M. V. (1998). *Artificial nomination in Russian onomastics.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 232 p. ISBN 5-7186-0338-3. (In Russ.).

Grammars of space: Explorations in cognitive diversity. (2006). Cambridge: Cambridge University Press. 621 p. ISBN 978-0521671781.

Grebneva, A. M. (2019). Spatial vocabulary and its role in the formation of the Mordovian toponymic system. *Yearbook of Finno-Ugric Studies, 13 (4):* 559—567. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-559-567. (In Russ.).

Heidegger, M. (2015). *Being and time.* Moscow: Academic Project. 460 p. ISBN 978-5-8291-1791-7. (In Russ.).

Husserl, E. (2023). *The idea of phenomenology: Five lectures.* Saint Petersburg: Academy of Humanities. 320 p. ISBN 978-5-93762-191-7. (In Russ.).

Kitchin, R. M. (1994). Cognitive maps: What are they and why study them? *Journal of Environmental Psychology, 14 (1):* 1—19. DOI: 10.1016/S0272-4944(05)80194-X.

Kondratieva, T. S., Yakovleva, L. A. (2016). Lexico-semantic verbalization of the concept of "space" (based on the toponymy of the South Yakut region). *International Journal of Applied and Fundamental Research, 11—5:* 991—993. (In Russ.).

Kopach, A. I. (2020). *Toponymic space of Belarus in a cognitive aspect (based on the names of topographic objects of natural naming).* Minsk: BDU. 223 p. ISBN 978-985-566-851-1. (In Belar.).

Koroleva, I. A. (2020). Cultural codes in the toponymy of the Roslavl district of the Smolensk region. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology, 1:* 40—47. (In Russ.).

Kovlakas, E. F. (2021). On the issue of studying toponyms in the cognitive aspect. *Modern studies of social problems, 13 (4):* 326—354. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354. (In Russ.).

Kravchenko, A. V. (2004). *Language and perception: Cognitive aspects of linguistic categorization.* Irkutsk: Irkutsk University Publishing House. 206 p. ISBN 5-7430-0412-9. (In Russ.).

Leino, A. (2006). Place-Names as Constructions. *Onoma: Journal of The International Council of Onomastic Sciences, 41:* 215—235. 10.2143/ONO.41.0.2119617.

Levinson, S. C. (1992). Primer for The Field Investigation of Spatial Description and Conception. *Pragmatics, 2 (1):* 5—47. DOI: https://doi.org/10.1075/prag.2.1.02lev.

Merleau-Ponty, M. (1999). *Phenomenology of perception.* Moscow: Juventus, Nauka Publ. 608 p. ISBN 978-5-02-026807-4. (In Russ.).

Milner, D., Goodale, M. (2006). *The Visual Brain in Action.* Oxford: Oxford University Press. 320 p. ISBN 978-0198524724.

Nikonov, V. A. (1965). *Introduction to toponymy.* Moscow: Nauka Publ. 184 p. (In Russ.).

Noë, A. (2010). *Out of our Heads: Why You are Not Your Brain, and Other Lessons from The Biology of Cognition.* New York: Farrar, Straus & Giroux. 232 p. ISBN 978-0809016488.

O'Regan, J. K., Noë, A. (2001). A sensorimotor account of vision and visual consciousness. *Behavioral and Brain Sciences, 24 (5):* 939—973. DOI: 10.1017/S0140525X01000115.

Reszegi, K. (2020). Toponyms and spatial representations. *Onomastica, LXIV:* 23—39. DOI: 10.17651/ONOMAST.64.4.

Reszegi, K. (2023). Places in Mind: Investigating the Link Between Language and Spatial Concepts. In: *Proceedings of the 27th International Congress of Onomastic Sciences: Onomastics in Interaction With Other Branches of Science. Keynote Lectures. Toponomastics, Kraków, 22—27.08.2021.* Kraków: Jagiellonian University Press. 489—508.

Rizzolatti, J., Sinigaglia, K. (2012). *Mirrors in the brain. On the mechanisms of joint action and empathy.* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 208 p. ISBN 978-5-9551-0561-1. (In Russ.).

Shevchuk, O. P. (2021). The toponymic code of culture (based on the Chinese language). *Modern pedagogical education, 13 (4):* 253—258. (In Russ.).

Siegel, A. W., Cousins, J. H. (1985). The symbolizing and symbolized child in the enterprise of cognitive mapping. In: *The development of spatial cognition.* Hillsdale: Lawrence Erlbaum Assoc. Publishers. 347—368. ISBN 978-0898595437.

Siegel, A. W., White, S. H. (1975). The Development of Spatial Representation of Large-Scale Environments. In: *Advances in Child Development and Behavior.* New York: Academic Press. 9—55. DOI: 10.1016/s0065-2407(08)60007-5.

Stolz, T., Levkovych, N. (2020). Grammatical versus onymic classifiers: first thoughts about a potentially interesting topic. In: *Aspects of the grammar of names. Empirical case studies and theoretical topics*. Munich: LINCOM Europa. 167–180. ISBN 978-3969390078.

Superanskaya, A. V. (1973). *General theory of proper names.* Moscow: URSS. 366 p. (In Russ.).

Ursini, F. A., Zhang, Y. S. (2023). Place and place names: a unified model. *Frontiers in Psychology, 14:* 1—26. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1237422.

Van Langendonck, W. (2007). *Theory and Typology of Proper Names.* Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 378 p. ISBN 978-3110190861.

Varela, F. J., Thompson, E., Rosch, E. (1991). *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience.* Cambridge: The MIT Press. 308 p. ISBN 978-0262720212.

Vasilyeva, T. Y. (2022). Oikonyms of Vitebsk and Mogilev regions objectifying the spatial code of culture: a comparative aspect. In: *Regional onomastics: problems and prospects of research.* Vitebsk: Masherov Moscow State University. 52—56. (In Belar.).

CC BY

Velichkovsky, B. M. (2006). *Cognitive science: Fundamentals of the psychology of cognition: in 2 volumes, 1.* Moscow: Akademiya Publ. 448 p. ISBN 5-7695-2984-9. (In Russ.).

Zharov, A. N. (2014). Being and space: a transcendental perspective. In: *Space as a transcendental prerequisite for cognition of reality.* Moscow: IFRAN. 5—30. ISBN 978-5-9540-0262-1. (In Russ.).

Zvereva, Yu. V. (2019). Reflection of the spatial model “top/bottom” in the microtoponymy of the Perm region. *Philological Studies, 17 (2):* 123—136. DOI: 10.17072/1857-6060-2019-17-2-123-136. (In Russ.).

The article was submitted 01.11.2024;
approved after reviewing 19.02.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

CC BY OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Майоров А. П. Скорописные копии сибирских документов XVII века : палеографическое описание / А. П. Майоров, Ю. В. Биктимирова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 72—93. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-72-93.

Mayorov, A. P., Biktimirova, Yu. V. (2025). Cursive Copies of Siberian Documents from 17th Century: A Paleographic Description. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 72-93. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-72-93. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Скорописные копии сибирских документов XVII века: палеографическое описание

Майоров Александр Петрович [1]
orcid.org/0000-0001-9453-8212
доктор филологических наук,
профессор
map1955@mail.ru

Биктимирова Юлия Викторовна [2]
orcid.org/0000-0002-2043-9665
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка
как иностранного,
кафедра русского языка и методики
его преподавания,
корреспондирующий автор
pravo_chita@mail.ru

[1] Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)

[2] Забайкальский
государственный университет
(Россия, Чита)

Cursive Copies of Siberian Documents from 17th Century: A Paleographic Description

Alexander P. Mayorov [1]
orcid.org/0000-0001-9453-8212
Doctor of Philology, Professor
map1955@mail.ru

Yulia V. Biktimirova [2]
orcid.org/0000-0002-2043-9665
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
as a Foreign Language,
Department of Russian Language
and Teaching Methodology,
corresponding author
pravo_chita@mail.ru

[1] V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of RAS
(Moscow, Russia)

[2] Transbaikal State University
(Russia, Chita)

© Майоров А. П., Биктимирова Ю. В., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена палеографическому описанию сибирских документов XVII века, которые существуют только в копиях, переписанных с оригиналов XVII века во время Второй Камчатской экспедиции в 1733—1743 годах. Уточняется, что копии текстов были составлены по графическим правилам русской скорописи XVIII века. Отмечено, что служебные слова со знаменательными пишутся слитно, в остальных случаях между языковыми единицами оставляются пробелы. Сообщается, что буквенный способ датировки заменяется цифровым. Выявлено, что элементы почерка обоих писцов схожи с чертами киевской скорописи, получившей в России XVIII века дальнейшее развитие. Установлено, что употребление выносных букв в обеих копиях сокращено значительно. Показано, что активно используется комплекс разнообразных надстрочных знаков небуквенного характера. Отмечается, что они, как правило, располагаются над согласными буквами, которые в деловом письме XVI—XVII веков подлежали выносу над строкой. Доказано, что переписчики точно передают вариативные написания, отражающие произносительные особенности писцов XVII века, воспроизводят их ошибки. Подчеркивается, что в то же время прослеживается запись отдельных словоформ, вызывающая сомнение в их адекватном воспроизведении и напоминающая, что любая рукописная копия не свободна от ошибок.

Ключевые слова:
сибирские документы; копия; скоропись XVIII века; графические правила; приказный узус; палеография.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to the paleographic description of Siberian documents from the 17th century that exist only in copies transcribed from original texts during the Second Kamchatka Expedition (1733–1743). It clarifies that the textual copies were created according to the graphic conventions of Russian cursive writing from the 18th century. The study highlights that function words are written as a single unit, while spaces are maintained between other linguistic units. It is reported that the letter-based dating method has been replaced by a numerical one. The analysis reveals that the handwriting features of both scribes bear resemblance to the characteristics of Kyiv cursive, which further developed in 18th-century Russia. It is established that the use of extended letters in both copies has been significantly reduced. The findings demonstrate a diverse array of non-alphabetic diacritical marks actively employed, typically positioned above consonants that were subject to extension in business correspondence of the 16th and 17th centuries. It is proven that the scribes accurately convey variant spellings reflecting the phonetic nuances of 17th-century writers, reproducing their errors. However, it is emphasized that certain word forms recorded raise doubts about their accurate reproduction, reminding us that any manuscript copy is not free from mistakes.

Key words:
Siberian documents; copies; 18th-century cursive; graphic conventions; administrative usage; paleography.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’35(571.5)“16”+801.7:930.27
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-72-93

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы

Скорописные копии сибирских документов XVII века: палеографическое описание

© Майоров А. П., Биктимирова Ю. В., 2025

1. Введение = Introduction

В неисчислимом собрании памятников деловой письменности, хранящихся в центральных и местных российских архивах, особое внимание привлекают документы XVII века, составленные на территории Сибири и Дальнего Востока. Их отличительными чертами являются не только своеобразный лингвистический контент, но и сама история их создания в определенных географических и социокультурных условиях на большом расстоянии от центра государства, что необходимо учитывать исследователям при анализе языковых фактов сибирских деловых бумаг XVII века.

На сегодняшний день в исторической русистике востребованной представляется внешняя критика данных лингвистических источников, которая устанавливает тот факт, что огромное количество подобных документов предстают перед глазами исследователей только в виде копий их оригиналов. Речь идет о корпусе региональных деловых текстов XVII века, которые были собраны историографом Г. Ф. Миллером во время Второй Камчатской экспедиции в 1733—1743 годах и с которых были сделаны копии, в основном сосредоточенные в Санкт-Петербургском филиале архива (далее — СПбФ АРАН). Списки сибирских документов представлены в описи 4, фонд 21.

Историки единодушны в признании главного достижения научно-исследовательской деятельности Миллера в Сибири — сбора и копирования документов из местных сибирских архивов [Бахрушин, 1999, с. 33—34; Нечаева, 2003, с. 134; Элерт, 2012, с. 45—46, 47]. Сам ученый именно на этом этапе пришел к осознанию исключительного значения документальных источников для исторической науки. За годы работы в Сибири у него выработались научные методы и приемы работы над источником, а своеобразной лабораторией, в которой сложилась его научная методология,

CC BY

стали сибирские архивы [Бахрушин, 1999, с. 28]. В описании процедуры работы Миллера с местными документами для историков языка открываются важные лингвоисточниковедческие сведения: копии изготавливались на местах, писцами местных архивов. Вот свидетельство самого ученого: «Первоначально моя работа состояла в том, чтоб старинные столбцы и книги расположить по годам, потом просматривать один за другими и отмечать, **что следовало из них для меня выписывать**… (выделено нами. — *А. М., Ю. Б.*) Мне только надо было ставить знаки на полях, а в переписчиках, которые мне давались (из местных канцелярий)… не было недостатка, и я мог быть уверенным, что все, мною отмеченное, будет списано» [Цит. по: Бахрушин, 1999, с. 34]. Если подлинники оставались в региональных архивах, то их судьба была, по всей вероятности, печальной: они считаются безвозвратно пропавшими [Бахрушин 1999, с. 34; Нечаева, 2003, с. 134], и это, похоже, напрямую касается исследуемых нами деловых текстов. Качество и, соответственно, значение для источниковедения копий, сделанных провинциальными писцами по распоряжению Миллера, оценивается учеными по-разному. Так, с одной стороны, указывается на крайнюю небрежность копирования и грубые ошибки в тех документах, которые были переписаны под наблюдением Миллера в Сибири [Оглоблин, 1889; Андреев, 1965, с. 157—159], с другой стороны, ценность этих источников не подвергается сомнению [Бахрушин, 1999, с. 34]. Таким образом, ***актуальность*** исследования копий сибирских документов XVII века как лингвистических источников в свете всего вышеизложенного резко возрастает.

Авторы статьи, посвятившие изучению региональных скорописных памятников не один десяток лет, считают, что такое исследование актуально и в свете дальнейшего решения проблемы публикации подобных письменных памятников с учетом последних достижений современных технологий: «В современном языкознании остро стоит вопрос о машинной обработке большого корпуса документов, написанных скорописью. Идентичная передача в печатном издании региональных деловых текстов XVII в. не только обеспечила бы широкий доступ к адекватно воспроизведенным копиям рукописных памятников, хранящихся в архивах, но и открыла бы новые аспекты лингвистических исследований в этой области исторической русистики» [Биктимирова, 2024, с. 15]. Особую сложность в графической интерпретации представляют слова-гапаксы: «Нередко данные слова подозреваются в том, что они не что иное, как слова-фантомы («слова-призраки») или псевдогапаксы в терминологии А. Б. Страхова — результат их ошибочного прочтения исследователем либо их ошибочного написания писцом» [Майоров, 2021, с. 35].

CC BY OPEN ACCESS

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — установить, насколько точно переписчики XVIII века воспроизводят в копиях подлинные тексты XVII века с их лингвистическими и графико-орфографическими особенностями, какими графическими правилами руководствуются писцы при копировании текста, какие они допускают ошибки или вносят исправления и как эти искажения текста могут характеризовать их представления о языковых нормах. Авторы применяют ***метод палеографического анализа*** копий памятников деловой письменности данного периода. Частично использовался ***метод сравнения*** языковых фактов документов-копий и оригинальных скорописных памятников регионального делопроизводства. Были отобраны две копии документов из ф. 21 СПбФ АРАН, оп. 4: Челобитная Ондрюшки Барнешева 1667 года и Допросные речи селенгинских служилых людей 1679 года.

Исследование выполнено в контексте лингвистического источниковедения. Основатель лингвоисточниковедения С. И. Котков регламентировал лингвистические подходы к изучению исторических источников. Вот как видел ученый объект исследования: «Лингвистический источник представляет собой единицу непосредственного (инструментально-физического) или опосредованного (графического) запечатления языка или его элементов, объем, содержание и характер которой определяется, с одной стороны, возможностями и потребностями общения, с другой — строем запечатленного» [Котков, 1980, с. 9].

Печатное воспроизведение представленных ниже документов осуществляется преимущественно по правилам, разработанным в Секторе лингвистического источниковедения и истории русского языка Института русского языка АН СССР, но в отдельных случаях с применением специальных графических символов, чтобы максимально близко передать особенности письма писцов копий сибирских документов.

Для удобства последующего анализа документам присвоены номера в круглых скобках — (1) челобитная (рис. 1), (2) допросные речи (рис. 2).

(1) Челобитная Ондрюшки Барнешева о пожаловании его за «иноземский призыв», за прибыль ясачного соболиного сбора и за строительство новых иркутского и ангарского острогов

1667 г.

№ 225 [2]

| л. 249 | Цр҃ю г҃дрю j великомꙋ кнѧзю Алеѯ҆ю Миха’ловичу в’сеа | Великия и Малыя и Б҆лыя Росиї самодержцꙋ | бьет челом холопъ тво’ енис҆’ско’ сынобоярско’ | Он’дрюшка Барнешевъ в’прошломъ великиі

OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

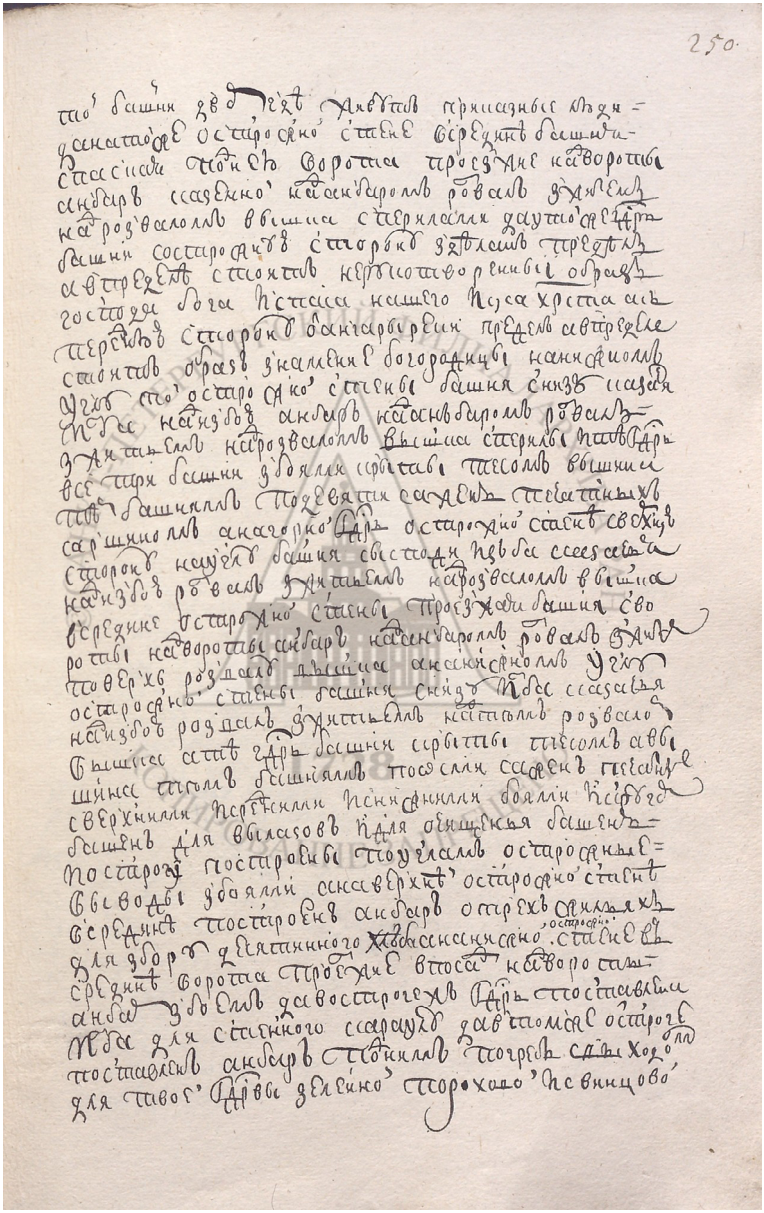


Рис. 1. Челобитная Ондрюшки Барнешева
[СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 249—251]

CC BY OPEN ACCESS

г҃дрь | во 174м году по твоемѹ великого г҃дря указѹ и по | грамоте велено мнѣ холопу т’воему быть на твое’ | великого г҃дря с’лѹжбѣ на Ба’кале в Бапгузинскомъ | ост’роге у ясачного соболиного з’борѹ и бѹдѹчи ѣа холопъ | т’во’ на то’ твое’ великого г҃дря слѹжбѣ слѹжилъ | тебѣ великомѹ г҃дрю чистосердиемъ своимъ какъ | богѹ j во в’семъ радѣлъ и прибыль чинилъ а прибыль | тебѣ великомѹ г҃дрю въ ясачномъ зборе учинилъ | немалѹю и божиею милос’тию и твоим г҃дрски < **л.249 об.** > счастиемъ ѣа холопъ тво’ вновь пол твою великого | г҃дря цар’с’кого величества высокѹю рѹкѹ в вѣч’ное | холоп’ство вь ясачно’ платежъ из за камени ино|земцовъ неясачныхъ люде’ призвал четырнатцат | чл҃вкъ з женами и з дет’ми и по их бѹсѹрьман·скw’ вере | к шерте привелъ и ясакъ с нихъ взял и тѣ иноземцы | моево холопа твоего п’риꙗывѹ и донынѣ тебѣ великому | г҃дрю ясакъ с себя и с родниковъ своихъ платятъ с’полна | бѣсперевод- но да и’ в’пред тебѣ великомѹ г҃дрю та п’ри|был п’роч’на бѹдетъ и стоятел’на да я ж холопъ | тво’ на Ба’кале ж по Вер’хнѣ’ Ан’гаре реке в’новь | пос’тавилъ Ан’гар’с’ко’ ос’трогъ д’ля т’воегw = | г҃дрва ѣасач’ного соболиного з’борѹ да в прош’ломъ | г҃дрь во 178м году по твоемѹ великого г҃дря указу | послалъ меня холопа твоего из Енисѣ’ска стольникъ | j воевода Кирило Арис’тарховичь Ѧковлевъ = | в Ыр’кѹцко’ ос’т’рогъ для т’воего г҃дрва ясачного ж | соболиного з’борѹ и поселенья пашенныхъ крестьянъ да мнѣ жъ холопѹ т’воемѹ велено в Ыркѹцкоm | ново’ ос’трогъ поставить для ѡбѣрежи от немирныхъ мѹгалскихъ люде’ раз’ныхъ земель и’ в прошъ|ломъ г҃дрь во 179м году сен’тября въ I де ѣа холопъ | т’во’ слѹжилыми людми с’ п риез’дѹ своего и с’ па|шенными кр’естьяны за помощию божиею в Ырк҃ѹцкомъ на мѹгальско’ границе воз’ле Ан’гары | пониже устья Ир’кѹта реки’ внизъ по Ан’гаре = | на п’раво’ с’торонѣ ново’ Иркуцко’ ос’т’рогъ | поставилъ мѣрою того острогу д’линникѹ | и поперешнику по пятидесяти саженъ печатныхъ | в’ с’тене j всего г҃дрь мѣрою Иркуцко’ ос’трогъ в с’тенах | кромѣ башенъ двѣсти саженъ печатныхъ а осъ|тро́жины пос’тавлены д’линою по три са|жени печат’ныхъ с ар’шиномъ да от Ан’гары | реки на передне’ острожно’ с’тене свехѹ на у|глѹ башня о трехъ жилѣхъ снизѹ ан’баръ | над анбаромъ гор’ница над гор’ницею розвалъ | з’ житемъ над роз’валомъ выш’ка с’ перилами и полѣ = < **л.250** > то’ баш’ни д’вор г’дѣ живѹтъ п’риказные люди = | да на то’ же ост’рож’но’ с’тене в’ срединѣ башня | спас’кая под нею ворота проез’жие над вороты | ан’баръ каꙗенно’ над ан’баромъ розвалъ з’ житемъ | над роз’валомъ вышка с’ перила’ми да у то’ же г҃дрь | башни с острожнѹю с’торонѹ з’дѣланъ предѣлъ | а в’ пределѣ стоитъ нерѹкотворенныj образъ | гос’пода бога и’ спа́са нашего Исуса Хр҃ста а съ | переднюю с’торонѹ от Ан’гары рекѝ пределъ а в п’ределе | стоитъ образъ з’намение богородицы

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

на нижномъ | углѫ то’ острож’но’ с’тены башня с’низѫ казаᶜя | изᵌба наᵈ из’бою анбаръ наᵈ ан’баромъ роᵌвалъ = | з житьемъ наᵈ роз’валомъ выш’ка с’ перилы и тѣ гᵒ̑дрь | все три башни з’ боями кр’ыты тесомъ вышина | тѣᵐ башнямъ по девяти саженъ печат’ныхъ | с ар’шиномъ а на горно’ гᵒ̑дрь острож’но’ стенѣ с верх’ную | сторонѫ на у’глѫ баш’ня сысподи иѕьба каѕачья | наᵈ из’бою роᵌвалъ з житьемъ наᵈ роз’валомъ выш’ка | в’ средине острож’но’ с’тены п’роез’жая баш’ня с’ во|роты наᵈ вороты анᵌ’баръ наᵈ ан’баромъ роᵌвалъ з житᵀеᵐ | повер’хъ роз’валѫ выш’ка а на нᵌ ж’номъ уг’лѫ | ос’трож’но’ стены баш’ня снᵌзѫ изᵌба казачья | наᵈ избою роз’валъ з’ житьемъ наᵈ тѣмъ роѕ’валоᵐ | вышка а тѣ гᵒ̑дрь баш’ни кр’ыты тесомъ а вы|шᵌ на тѣмъ башн’ямъ по ѡсми саженъ печаᵀныˣ | с’ вер’х’ними и средᵈними и с’ ни’жними боям’и и̑ к’рѫгоᵐ | башенъ д’ля вылаѕовъ и̑ д’ля очищенья башенъ = | и ост’рогу пос’троены по уг’ламъ острожные = | выводы з’ боями а на вер’хнѣ’ ост’рож’но’ с’тенѣ | в’ срединѣ пост’роенъ ан’баръ о тр’ехъ жильяхъ | для зборѫ десятинн’ого хлѣба на ниж’но’ [3]ост’рож’но’[3] стене въ | с’рединѣ ворота про’еᵌжие в поса ᵈ наᵈ вороты = | анбаᵖ з’ боемъ да в остроге жъ гᵒ̑дрь пос’тавлена | изᵌба для с’тен’ного караулѫ да в’ том’ же ос’т’роге | пос’тавленъ анбаръ поᵈ нимъ погребъ с выходоᵐ | для твое’ гᵒ̑дрвы зелеи̑но’ порохово’ и свинцово’ **<л. 250 об.>** каз’ны а коло того ос’трогѫ постав’лены надолобы | мѣрою четыреста саженъ печатныхъ и̑ по твоемѫ | великого гᵒ̑дря укаѕу ѡ холопъ тво’ слѫжилыми̑ | людᵈми · и с пашенными крес’тьяны тотъ новоᵘ | Ир’куцко’ ос’т рогъ по роѕвыт’ке ставилъ д’неᵐ | и ночью наскоре потомѫ ч’то слыша приходъ | неприятелск иˣ мѫгал’ски[x] [4] воин’ски[x] люде’ ш’лѡ | на Ир’кѫцко’ и на Бр’ацко’ и на Вер’холен’ско’ ос’т’роги | семь та’шеᵘ с воᵘскимъ д’ватцатью тысячь = | и то во’с’кое были на ир’кѫцкиˣ степяхъ и божиею | милос’тию и т воимъ гᵒ̑дрскимъ счастиемъ с’лыша | ост’рож’нѫю пос’тав’ку тѣ мѫн·галс’кие люди с ыᵖ|куц’киˣ с’тепе’ отош’ли наѕадь а п’режне’ гᵒ̑дрь | Иркѫцко’ ост’рогъ в пос’тавке былъ мѣрою в’ д’линѫ | девять саженъ печатныˣ поперегъ восемь | саженъ и тоᵀ ост’рогъ пог’нилъ и розвалиᵖᵌся | враᵌнь а у нѫж’ного гᵒ̑дрь времяни слѫжилымъ и я|сачнымъ людемъ и пашеннымъ крестьяномъ | з женами и ᵌ детми в’мѣститца было нег’дѣ | да я жъ холопъ тво’ в Ыркѫц’комъ уез’де ввеᵖхъ | по Кѫдѣ реке новоприсыл’ныˣ людеᵘ и пашен’ныˣ | крес’тьянъ поселилъ с’лободою д’ля твое’ гᵒ̑дрвы де|сятинно’ пашни и с’тавя гᵒ̑дрь тотъ ново’ Иркѫ|ц’ко’ ос’т рогъ с’лѫжилые людᵈи и бѣломѣс’ные ка|закᵈи и пашен’ные к’рестьянѣ оᵇдоᵖᵌжали велики[мї] | неис’кѫп·ными доᵖᵌги и я холопъ т’во’ видя ихъ | с’кѫдость убогою с’воею с’сѫдою х’лѣбомъ на семеᵑᵃ | и всякимъ товар’нымъ жите’с’кимъ и пашен’ныᵐ | заводомъ ссѫжалъ и с’таᵀчиш’ка свои в’ то’ осъ|т’рож’но’ пос’тав’ке и в’ сѫде [5] издер’жалъ

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

да томѫ ж | г҃дрь новомѫ И’ркѫц’комѫ острогу написавъ подлин’но’ | тер’тежъ ѩ холопъ тво’ вь Енисѣ’скомъ ос’т’роге | въ съез’же [6] избѣ столникѫ j воеводе Кирилу Арис’тар|ховичю Яков’левѫ с сею челобитною подал ч’тоб | *из* Енисѣ’ского ос’т’рогѫ тотъ иркуцко’ чертежъ | д’ля вѣдома пос’лать к тебѣ великому г҃дрю къ | Мос’к’вѣ милосер’д’ныї г҃дрь царь j великиї кнѧзь | Алеѯѣи Миха’ловичь всеа Великия и Малыя и Бѣлыя **< л.251 >** Росиѵ̈ самодер’жецъ пожалѫ’ меня холопа с’воего за | мою убогѫю слѫж’бишко за инозем’с’ко’ п’ризывъ и ѧа прибыл | ба’калов’с’кого ѩасач’ного соболиного з’борѫ новоп’риѧывны[х] | ѩасачны[х] люде’ и за острожнѫю иркѫцкѫю и ангар’с’кѫю | пос’тавкѫ какъ тебѣ великомѫ г҃дрю г҃дь богъ иѧъвѣ|с’титъ царь г҃дрь смилѫ’ся ;||

[2] *Другим почерком и более бледными чернилами.*

[3—3] *Вписано над строкой.*

[4] *Так в тексте! — Ср. ниже* мунгалские.

[5] *Так в тексте! —* в ссуде?

[6] *Так в тексте!*

[СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 249—251].

(2) Допросные речи селенгинских служилых людей о Селенгинском остроге и расположенных в Селенгинском уезде мунгальском монастыре, Удинском остроге и других поселениях

1679 г.

№ 294 [1]

| **л. 317 об.** | 187т҃ августа въ 14 де въ Енисеиску в прика[з]но’ из|бѣ пред бояриномъ j воеводою кн҃зем Ивано[м] Петро-|виче[м] Борятински[м] да пред дьяко[м] Васи[л]е[м] Телицыны[м] | селенгинские служилые люди деся[т]ники каѧачьи Ми[ш]ка **< л. 318 >** Колесаре[в] Андрюшка Андрѣевъ Любимко ѳедоров | Ивашко Аникиевъ Васка Бурлакъ рядовые ка-|заки Ивашко Оѳонасевъ Оѳонка Елисѣе[в] Кири[л]ко | Ларионовъ допрашиваны а в допросе сказали Селе[н]ги[н]-|ско’ де острогъ построенъ по кра’ Селенги реки на-| Усть Чикоѩа реки в угожемъ мѣсте в стрѣ[л]-|кѣ а с нижную де сторону о[т] Чикоѩа реки Камень | а подлѣ Селенгу реку боровые лѣсные мѣста и луги | а проти[в] селенги[н]ского де острогу за Селенго’ реко’ | подошли степные мѣста чистые а остро[г] де | Селенгинско’ построенъ с выводы и з бо’ницами | да по острогу на угла[х] построены четыре башни да- | пятая башня построена о[т] степи о тре[х] бояхъ | вмѣсто роскату и по[л] четырми де башнями | построены жилые и[з]бы а на пято’ башне по-|строена карау[л]ная и[з]ба да в остроге ж на проѣ[з]жи[х] | воротахъ к Селенге рекѣ построена часовня а остро[г] де | покрытъ тесомъ и для приступного времяни | подѣланы по острогу полати и на[д] острожной | кровле’ подѣланы катки и на угла[х] у острогу

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

по-|ставлены слоны а в остро^{ж}но’ де стенѣ два боꙗ | нижно’ да верхне’ а около де острогу поставле^{н} чесно^{к} | двоино’ а за чеснокомъ надо^{л}бы двоиные с на-| метами да за острогомъ цр҃кввь во имя Сп̃са | Нерукотворенного образа а около де то’ цр҃кви | поставленъ чесно^{к} де и надолобы так же какъ | и около острогу да за острогомъ ^{же} по обѣ стороны **<л. 318 об.>** построены двѣ слободы а в ни^{х} сорокъ дворо^{в} казачьи^{х} | а о^{т} острогу де тѣ слободы строены по десяти саже^{н} | а около де тѣхъ слободъ подѣланы надолобы дво’- |ные с наметами а пашенны^{х} де земе^{л} блиско | острогу нѣтъ да противъ Селенгинского ^{ж} де остро-|гу за Селенго’ реко’ к Ба^{и}каловскому каменю ѣха^{т} | чере^{з} степь неясачными му^{н}галцы день и ту^{т} де | есть два ѡзера болши^{х} в одномъ де ѡзерѣ | когда бываетъ лѣтомъ время вѣ^{л}ряное и то-|гда де в томъ ѡзере садитца соль самоса^{л}ка | а когда де бываютъ до^{ж}ди и тогда де соль не са-|дитца а другое де озеро рыболовное да о^{т} Селе^{н}ги^{н}ско-|го ^{ж} де острогу на которо’ стороне стоитъ | Селенгинско’ острогъ ѣ^{з}ду десять дне’ степью | конми на Орконѣ рекѣ в степи стои^{т} му^{н}га^{л}ско’ | мн̃^{с}трь каменно’ а круго^{м} де того мн̃^{с}тря валъ | земляно’ а в длину де того каменного мн̃^{с}тря | в одну сторону стѣна каменная мѣрою ше^{з}| десятъ саженъ а около де того мн̃^{с}тря земли | пахотные и мунга^{л}цы де хлѣ^{б} пашу^{т} ячме^{н} пше-|ницу просо горохъ да в то^{м} же де мн̃^{с}тре мечать | каменная ^{ж} а в валу за мн̃^{с}тре^{м} другая мечать | каменная а живу^{т} де в то^{м} мн̃^{с}тре куту^{х}ты | Таркана Тоноевы дѣти та’ши а му^{н}га^{л}ски^{х} де | всяки^{х} люде’ живе^{т} в томъ мн̃^{с}тре чл̃вкъ с триста | и бо^{л}ши а около де того мн̃^{с}тря живу^{т} многие му^{н}-|галские та’ши и о^{т} того де мн̃^{с}тря е^{з}ду то^{л}ко **<л.319>** два дни степью и ту^{т} де живетъ мунга^{л}ско^{и} Очиро’ | Сайнъ ханъ со многими мунгалскими людми да о^{т} Селе^{н}-|ги^{н}ского ^{ж} де, острогу ѣ^{з}ду степью семь дне’ по Толѣ | рекѣ стои^{т} мунга^{л}ско’ же мн̃^{с}трь а в том де мн̃^{с}тре живетъ бо^{л}шо’ кутухта а около де того мн̃^{с}тря | пашенны^{х} земель много ^{ж} и хлѣ^{б} по тому ^{ж} роди^{т}ца | всяко’ а подлинно’ де про тотъ мн̃^{с}трь j что в не^{м} | стое^{н}я они Мишка Колесаревъ с товарыщи | ска^{ꙁ}ать не умѣютъ потому что де они блиско | того мн̃^{с}тря не бывали да о^{т} Селенгинского ^{ж} де острогу | ѣ^{з}ду коне^{м} два дни вни^{з} по Селенге рѣке поста-|вленъ Удинско’ острогъ на усть Уды реки по кра’ | степи на каменю в крепко^{м} месте в стрелке к Селенгѣ и к Удѣ рекамъ а за острого^{м} де всяки^{х} жиле|цки^{х} шесть дворо^{в} а пашенны^{х} земе^{л} блиско | того Удинского острогу нѣтъ да о^{т} того де Уди^{н}ского | острогу вни^{з} же : поставлены три двора служилы^{х} ^{2} люде’ Jвашка Ма^{ꙁ}имова Васки Бур^{л}ака ѳетки | Шадры а поставлены де тѣ дворы на пашенны^{х} | земляхъ и на лугахъ по^{л}ле камень и по^{л}ле Селе^{н}гу | реку в угожемъ мѣсте да ниже де тѣ^{х} дворовъ | верстъ с пять к Ба̀калу по Селенге ^{ж} рекѣ вни^{з} | построена И^{л}инская слобода а в то’ де слободе | семь дворовъ служилы*х* люде’ сына боярского Гаврила | Ловцова да казаковъ Любимка

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ѳедорова Івашка | Васи[л]ева Івашка Дубинина Івашка Сургуцкого | Сергушки Іванова Петрушки Никитина Ми[т]ки **< л. 319 об. >** Андрѣева да в то’ же де И[л]инской слободѣ три двора па-| шенны[х] крестьянъ а около де то’ И[л]инско’ слободы | построены надолобы двои’ные с наметами а стои[т] де | та слобода по[л]лѣ Селенгу реку на пашенны[х] земля[х] | и на лугахъ подлѣ камень в угожемъ месте да проти[в] де | то’ И[л]инско’ слободы за Селенго реко’ два двора па-|шенны[х] крестьянъ да о[т] то’ де И[л]инско’ слободы вни[з] же | по Селенге рекѣ к Ба̀калу версты с четыре стоитъ | пустыня и в то’ де пустыне црк҃овь во ѷмя Нико-|лы Чюдотворца а около де то’ црк҃ви ограда j для | приступного времени построены в ограде бо’ницы | а стои[т] де та пустыня в кр҃ѣпко[м] м҃ѣсте межъ | р҃ѣчкою и ру[ч]емъ в стрелке а за оградою де поставлены | два двора пашенны[х] да дворъ посацко’ а стоятъ | т҃ѣ дворы и пустыня на пашенны[х] земля[х] да о[т] то’ | пустыни вни[з] же по Селенге рекѣ верстъ с пя[т]на-|тцать на[д] озеромъ и над Селенго’ реко’ стои[т] дворъ | пашенного крестьянина а в то[м] де ѡзере промы-|шляютъ рыбу а стои[т] де то[т] дворъ в угоже[м] м҃ѣ-|сте на пашенны[х] земля[х] и на луга[х] подлѣ каме[н] | да проти[в] де того двора за Селенго’ реко’ двор каѕака | Мокѣ’ка ѳедорова стои[т] по кра’ Селенги реки | на пашенно’ же землѣ подлѣ камень да о[т] т҃ѣ[х] де | дворовъ вни[з] же по Селенге рекѣ верстъ с пя[т]на[т]ца[т] | на усть Кабанъ речки по кра’ Селенги р҃ѣки | поставлены четыре двора и[з] нихъ два двора слу-| жилы[х] люде’ Сенки Брянскова Івашка Яко[в]лева | да два двора ~~служилых люде~~[2] [3] пашенны[х] а стоя[т] **< л.320 >** т҃ѣ дворы на пашенны[х] земля[х] и на луга[х] в угожи[х] | м҃ѣстехъ подлѣ камень а во все[м] де Селенгинскомъ | у҃ѣ[з]де мочно поселить вновь на пашни пашенны[х] | крестьянъ чл҃вѣкъ с тритцать и бо[л]ши в ро[з]ны[х] | м҃ѣстехъ а рыбные де ловли по[л] Селенгински[м] острого[м] | и к Ба̀калу морю во все[м] Селенгинскомъ у҃ѣ[з]де в Се-|ленге и в Чикою река[х] j в ыны[х] сторонны[х] во многи[х] | речка[х] и в дални[х] де м҃ѣстехъ в Селенгинско[м] де у҃ѣ[з]де | пашенные земли есть ли того де они Ми-|шка с товарыщи не в҃ѣдаютъ потому что [де] | боя[т]ца они мунгалски[х] воински[х] люде’ в да[л]ние | м҃ѣста ҃ѣ[з]дить не см҃ѣютъ а которые де ино-|земцы брацкие вы҃ѣ[з]жие люди и тунгусы пла-|тятъ великого г҃с҃дрⷭа ясакъ в Селенгинско’ острогъ | и они де живутъ на усть Селенги реки по ѡб҃ѣ | стороны у Баи’кала морⷭа а неясачные де инозе[м]цы | му[н]галцы кочюютъ проти[в] Селенгинского острогу | за Селенго’ реко’ блиско берегу j вни[з] по Селе[н]ге реке по ѡб҃ѣ стороны до Удинского острогу ||

[1] *Другим почерком и более бледными чернилами.*

[2] *на поле под знаком ◦◦ тем же, но более мелким почерком записано*: по Селенге | реке д҃ѣнь | ҃ѣ[з]ду коне[м] же.

[3] служилых люде’ *зачеркнуто в тексте.*

[СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 317—320 об.].

OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

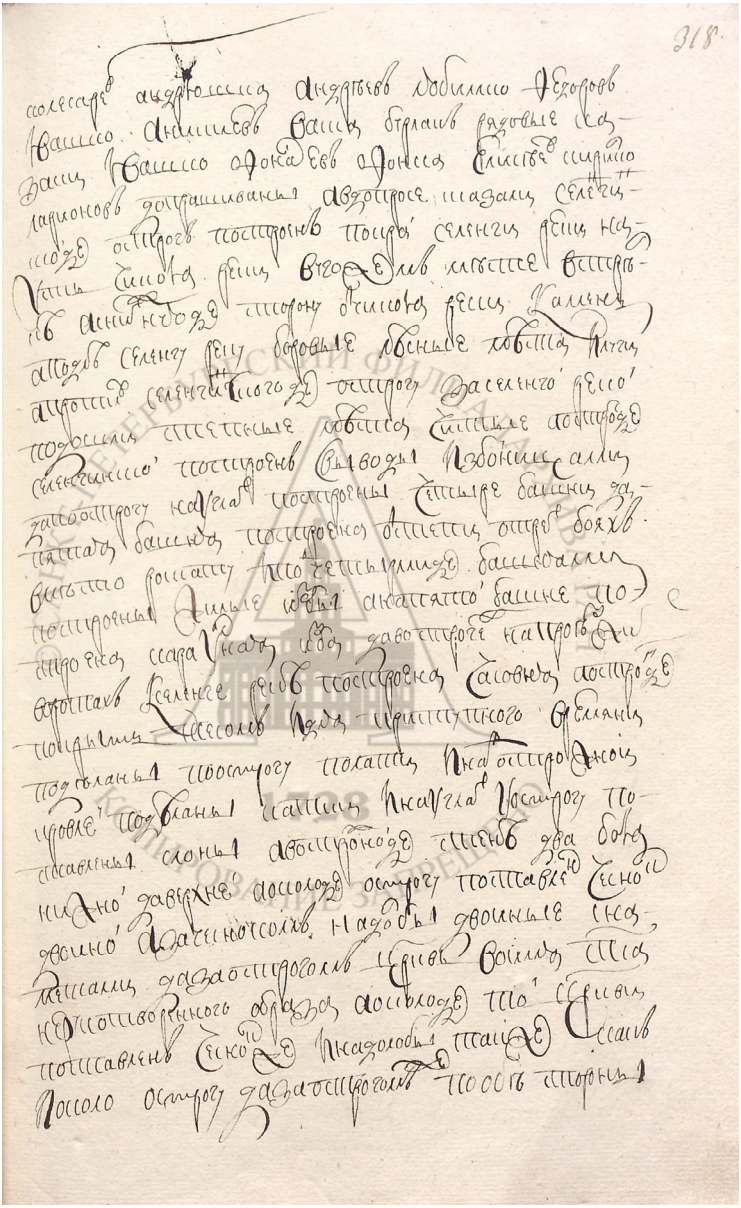


Рис. 2. Допросные речи селенгинских служилых людей
[СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 249—251]

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Палеографическое описание документов.

Копии деловых текстов XVII века записаны разными писцами, не в столбцах, а на листах, которые сшиты в книгу. Все документы пронумерованы, иногда последовательность нумерации нарушается (например, после № 221 идет № 225), и такой формат собрания нумерованных документов в книги в семнадцатом столетии не был принят.

Документы переписаны по известным графико-орфографическим правилам XVIII века: служебные слова со знаменательными пишутся слитно, в остальных случаях между языковыми единицами оставляются пробелы. Почерк как одного, так и другого писца отличается упрощенной округлостью начертаний букв, отсутствием декоративных взмахов пера и криволинейных несимметричных элементов, слабым использованием выносных букв и небуквенных надстрочных знаков, определенным минимумом сокращенных написаний под титлом. Данный почерк (гражданская скоропись, по А. Г. Шицгалу) очень похож на киевскую скоропись, оказавшую большое влияние на московское скорописное письмо, и, скорее всего, представляет собой дальнейшее ее развитие. Видимо, общим правилом письма XVIII века была замена буквенного обозначения даты и года цифровым способом, что в копиях также представлено.

В скорописном письме памятников письменности Забайкалья наблюдается многообразие форм букв, рисунков и начертаний графем. Ю. В. Биктимирова, анализируя памятники Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII веков, делает вывод, что палеографические особенности документов «совпадают с палеографическими особенностями памятников других сибирских регионов того времени. Графика документов делопроизводства Нерчинского воеводства и острогов Восточного Забайкалья отличается многообразием начертаний одних и тех же букв, связным написанием букв в слове, выносом концов букв над строкой, сокращением слов, сохранением традиционных для полуустава диакритических знаков» [Биктимирова, 2015, с. 12]. Известный исследователь региональных памятников Г. А. Христосенко отмечает: «… особенно много вариантов одних и тех же букв наблюдается в первой половине XVIII века» [Христосенко, 1973, с. 8]. Это, по мнению ученого, объясняется разными временными рамками, а также выучкой копиистов, которые в рамках даже одного документа, созданного одним писцом, стараются передать два-три варианта графем.

Обращают на себя внимание отдельные графические правила, присущие скорописи XVIII века и получившие отражение в почерке анализируемых копий. Правила нельзя назвать строгими, поскольку соблюдаются они непоследовательно. Либо они находятся в стадии формирования (как,

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

например, постановка знака переноса), либо наследуют традиционную вариативность правописания, присущую орфографии делового письма XVII века, и писцы транслируют ее при копировании механически. Эти правила касаются надстрочных знаков и некоторых буквенных, небуквенных знаков в строке, графических дублетов и функциональных эквивалентов графических знаков, сокращенных написаний. Применение данных правил могут нарушать индивидуальные правописные навыки обоих писцов, релевантные в лингвистическом анализе не выбором начертаний той или иной графемы из их многообразия, а выполнением буквой определенной функции. Такие индивидуальные черты в ходе рассмотрения правил в перечисленном порядке будут оговариваться отдельно.

3.2. Особенности графики документов

Надстрочные знаки. В исследуемых копиях сибирских документов употребляется один тип надстрочных знаков — выносные буквы; надстрочная диакритика представлена двумя исключительными случаями, которые будут разобраны ниже. В исследованиях по истории выносных букв в XVIII веке выражаются неоднозначные мнения — от точки зрения о сохранении традиции их употребления в скорописном письме восемнадцатого столетия до мнения о полном отказе от их использования к середине XVIII века [Розен, 2015, с. 188—189]. Изучение копий сибирских документов, думается, уточняет представление о судьбе этих надстрочных знаков. Если ориентироваться на верхнюю временную границу, определяемую сороковыми годами XVIII века, — время завершения экспедиции Миллера, то уже в деловом письме этого периода выносные буквы были крайне мало употребительны. Это прослеживается в тексте (1), в тексте (2) выносные буквы встречаются чаще, однако в обоих случаях они используются значительно реже, чем в подлинных памятниках деловой письменности XVII века. Можно отметить некоторые предпочтения того и другого писца в выносе определенных букв в определенной позиции над строкой. Чаще всего выносятся буквы в конце слова, а из них регулярно выносу подлежат графемы, обозначающие [j], (в примерах вместо разнообразных начертаний этой графемы условно используем наиболее часто встречающийся паерок): *на острожно'* (л. 249 об.), *на то'* (л. 250), *болшо'* (л. 318 об.), *которо'* (л. 318 об.), *по кра'* (л. 319), *Очиро'* (л. 319) и др. Исключение составляют слова, часто употребляющиеся в формулах делового письма, и nomina sacra. Писец текста (1) употребляет в этом случае буквы «ї» и «j» в строке: например, *милосер'д'ныї г^{с}дрь царь j великиї кнѧзь* (л. 250) — в формуле просьбы, *цр҃ю г^{с}дрю j великомꙋ кнѧзю* (л. 249) — в формуле обращения, *нерꙋкотворенныj образъ гос'пода бога* (л. 250) — в названии иконы.

CC BY

И тот, и другой писец традиционно применяют вынос первой буквы в буквосочетаниях внутри слова, а также в синтагме элементов фонетического слова (обозначено нижней дужкой): *мунга^{л}ско’*, *боя^{т}ца*, *че^{р}тежъ*, *ро^{з}валъ*, *сл^{ш}ж’би^{ш}ко*, *и ^{з}‿детми*, *на^{д}‿гор’ницею*, *да о^{т}‿Селе^{н}ги^{н}ского‿^{ж}‿де острогу* и др. В обеих копиях изредка выносится согласная буква перед гласным с необозначенным [j]: *з’жи^{т}емъ* (л. 250), *ру^{ч}емъ* (л. 319 об.). К написанию отдельных слов это правило применяется более регулярно, например, формы слова *ильинский* в составном наименовании *Ильинская слобода* записываются так: *И^{л}инская слобода* (л. 319), в *… И^{л}инско’ слобод‵ѣ* (л. 319 об.), *около… И^{л}инско’ слободы* (л. 319 об.) и др.

Из индивидуальных особенностей почерков писцов необходимо отметить следующее. Спорадическое употребление писцом текста (1) выносных букв связано с тем, что он устанавливает своеобразное графическое правило: вместо выноса над строкой первой буквы в сочетании согласных (*ст, тв, мн, шн, рг, гл* и др.) он использует графический знак, варьирующийся в виде запятой, косой и вертикальной черточки, точки, *ч*-образного знака и других форм. Все они располагаются в основном непосредственно над буквой, обычно выносимой над строкой (примеры см. на рис. 1). Данный знак, вероятно, выполняет функцию паерка, однако в ряде случаев он не может указывать на употребление после соответствующего согласного этимологического редуцированного: *мило**с’т**ию*, ***п’р**аво’*, *се**н’т**я^{б}ря*, *а**р’ш**иномъ*, *а**н’б**аръ*. Этот же принцип употребления паерка, тождественного выносу первой буквы в сочетании практически любых согласных, известен в смоленских документах XVII века [Сморгунова, 1966, с. 188—189], но сибирским деловым текстам данного периода такое явление незнакомо.

Надстрочная диакритика в копиях представлена двумя специфическими явлениями. Первое — это точка над буквой «и». Сложность толкования значения этого знака заключается в том, что «и» с точкой может соотноситься с разными звуками — с [и] под ударением и безударным гласным [и], с [j] в конце слова и с [j] в середине слова с заменой при обозначении вариаций этого звука другими буквенными знаками. Так, в тексте (1) встречаем следующие примеры варьирования: *з женам**ӥ** и ^{з} детм᾽и*, *во **ӥ**мя, на^{д} остро́жно**ӥ** — остро́жно’*, в тексте (2) — *Са**ӥ**нъ ханъ*, *дво**ӥ**ные — двоиные — дво’ные*, *Ба**ӥ**кала — к Ба᾽калу*.

Другой случай — знак спиритуса, хорошо известный в письменной традиции приказного узуса, необъяснимым образом ставится над союзом «и» только в тексте (1) три раза: *и᾽ к’р^{ъ}го^{м} | башенъ* (л. 250), *и᾽ д’ля очищенья* (л. 250), *и᾽ по твоем^{ъ}’… ука^{ꙁ}у* (л. 250 об.). Подавляющее большинство примеров употребления данного союза в обеих копиях — без каких-либо надстрочных знаков. Исследователь исторической акцентологии

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

И. А. Корнилаева объясняет «сбои» подобного рода в Петровскую эпоху «следствием экспериментов с надстрочными знаками в годы реформ печати 2-й половины XVII в. и начала XVIII в.» [Корнилаева, 2003, с. 398].

Буква Ъ и знак переноса. Теоретическое осмысление знака, который объединял бы две части разделяемого при переносе слова, представлено уже с конца XVI — середины XVII века под терминологическими наименованиями «соединительная» у Л. Зизания, «единитная» у М. Смотрицкого [Иванов, 2023, с. 36—37]. На практике же при составлении деловых текстов этого периода знак переноса не применялся. Только в скорописных текстах XVIII века начинают активно употребляться пограничные сигналы конца строки и знаки переноса части слова на новую строку в форме дефиса. Из анализируемых копий полноценно данный знак в функции переноса части слова используется в тексте (2): с *на-метками* (л. 318), *дво'-ные* (л. 318 об.), *пше-ницу* (л. 318 об.), *му^{и}-галские* (л. 318 об.), *селе^{и}-гинского* (л. 319) и т. д.

В функции указания конца строки и разделения слова на части для переноса на новую строку в тексте (1) употребляются редуцированные буквы «ъ» и «ь»: в *прошъ|лом* (л. 249 об.), *кресть|янъ* (л. 249 об.), *осъ|трожина* (л. 249 об.). Как правило, если в первой половине строки используется форма слова, оканчивающаяся на согласный, то после него пишется «ъ». Если же такая словоформа встречается во второй половине строки, то обычно согласная в конце слова выносится над строкой. В примерах конец строки обозначен прямой вертикальной линией, а словоформы с выносными буквами и с ером в конце слова выделены жирным шрифтом: *а* ***остро^{ѣ}*** *де* | *селенгинско'* ***построенъ*** *с выводы и з бойницами*; … *на* ***проезжи^{х}*** | ***воротахъ*** *к Селенге реке построена часовня а* ***остро^{ѣ}*** *де* | ***покрытъ тесомъ*** *и для приступного времяни*| (л. 318); … *по десяти* ***саже^{н}*** |*а около де* ***т҃хъ слободъ*** *под҃ланы надолобы дво'-*|*ные* (л. 318 об.); *а поставлены де т҃ѣ дворы на* ***пашенны^{х}*** | ***земляхъ*** *и на* ***лугахъ*** *по^{д}ле камень и* ***по^{д}ле Селе^{н}гу*** | *реку в* ***угожемъ*** *м҃ѣсте* (л. 319).

Буквы-дублеты. Отмечая употребление в анализируемых копиях невероятно богатого комплекса графических знаков, варьирующихся в начертании, и разных знаков, выполняющих одну и ту же функцию, считаем актуальным, вслед за В. С. Голышенко, разграничивать понятия графических дублетов — вариаций рукописных начертаний одного и того же знака — и функциональных эквивалентов — знаков равноценных и вполне заменяющих другие по функции [Голышенко, 2002, с. 52—53]. Впрочем, разграничение это проводится с условием сохранения термина *буквы-дублеты* (или *дублетные буквы*) в качестве названия родового понятия для упомянутых выше двух разновидностей.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

В текстах (1) и (2) употребляются функциональные эквиваленты, типичные для скорописного делового письма донационального периода: *з* — ѕ, у — ѹ, о — ѡ, *я* — ꙗ, *и* — *j*, а с XVII века в сибирских документах *е* — ѣ. Графические дублеты некоторых из этих букв будут рассмотрены ниже.

В копиях документов можно выделить две категории функциональных эквивалентов:

— буквы, которые заменяют друг друга совершенно произвольно, независимо от позиции в слове или каких-либо коммуникативных установок писца. Это *з* — ѕ, у — ѹ, *е* — ѣ;

— буквы, употребление которых маркируется определенной графической позицией в слове или закрепляется традицией в определенных группах слов, отдельных лексемах. Это *о* — ѡ, *я* — ꙗ, *и* — *j*.

Примеры употребления функциональных эквивалентов первой категории многочисленны (см. рис. 1, 2). У букв второй категории маркированное использование присуще графемам ѡ, ꙗ, *j*. Так, в текстах обеих копий букву *ѡ* писцы предпочитают употреблять в начале слова: ѡ*зере* (л. 319 об.), ѡ*бѣ* (л. 320), ѡ*бѣрежи*ꙋ (л. 249 об.), ѡ*сми* (л. 250), а в тексте (1) она употребляется в последнем слоге у трех словоформ — *твоег*ѡ (л. 249 об.), *бѹсѹрманск*ѡ*'* (л. 249 об.) и *шл*ѡ (л. 250 об.). Буква ꙗ занимает прямо противоположные позиции в словах текстов (1) и (2): в тексте (1) — в начале слова: ꙗ*сачного* (л. 249 об.), Ѩ*ковлевъ* (л. 249 об.) и неоднократно в личном местоимении 1-го лица (ꙗ *холопъ тво'* — 5 раз), а в тексте (2) — в конце слова: *Чико*ꙗ — 2 р. (л. 318), *бо*ꙗ (л. 318), *гᶜдр*ꙗ (л. 320), *мор*ꙗ (л. 320). Наконец, буква *j*, обозначающая гласный [и], употребляется в формулах-наименованиях должностей Московской Руси: *столникъ j воевода* (л. 249 об.), *прᵒ бояриномъ j воеводою* (л. 317 об.), в именах собственных *Jвашкою* (л. 319), *Jванова* (л. 319) и спорадически в написании союза «и»: *j вниз* (л. 320), *j для* (л. 319 об.), *j в ыны*ˣ (л. 320). В случае употребления букв ѡ в начале слова и *j* у имен собственных прослеживается стремление переписчиков следовать сложившейся письменной традиции в деловом узусе.

Что касается графических дублетов, то они отмечаются в начертаниях:

— буквы ꙗ, имеющей графический вариант, который всегда выступает только в связном (лигатурном) написании (см. на рис. 2 запись слов *пятая, башня, часовня*);

— буквы *j*, обозначающей полугласный [j]. Ее графическими дублетами являются:

(а) надстрочный знак в виде *ч*-образной выносной графемы «и»;

(б) знак в форме паерка.

Кроме того, у данного знака есть функциональный эквивалент — графема «и» в строке, также выступающая в виде двух графических дубле-

CC BY

тов («и» в строке с точкой над ней и «и» в строке без точки). На рис. 2 примерами употребления являются написания прилагательных *двоиные* и *острожной*.

Таким образом, в отличие от функционирования букв-дублетов в подлинных памятниках деловой письменности XVII века, в их копиях, составленных в восемнадцатом столетии, обнаруживаются некоторая дифференциация употребления функциональных эквивалентов и большее разнообразие графического варьирования букв, в основном связанного с использованием надстрочных знаков.

Сокращенные написания. Определенный отход от узуальных норм делового письма наблюдается в необычном раскрытии титла у слов nomina sacra в тексте (1): *божиею* (л. 249 об.)*, господа бога* (л. 250)*, спаса, богородицы* (л. 250) — и в формуле титулования у слов *царь* и *князь*. При этом словоформы *Хр҃ста, г҃дрь* (л. 250) пишутся под титлом. В тексте (2) традиция сокращенных написаний под титлом (в том числе у слов nomina sacra) соблюдается последовательнее: *кнземъ* (л. 317 об.), *цр҃квкъ* (лл. 318 об., 320), *цр҃ковь* (л. 319 об.), цр҃кви (л. 318), *мнстрь* в разных формах (л. 318 об. – 14 р.), *спса* (л. 318).

3.3. Фонетический принцип правописания и варианты записи слов

Оба писца воспроизводят в копиях фонетический принцип орфографии приказного узуса. Подчеркнем, что в приказном письме XV—XVII веков повсеместные и регулярные фонетические написания из фактов отражения фонетических явлений становятся орфографической нормой в силу формирующейся традиции их фонетической записи на протяжении длительного времени. В исследуемых деловых текстах это написания:

— предлогов и приставок на *з/с*: *з’боръ* (л. 249), *з женами* (л. 249 об.), *з житьемъ* (л. 250) и др.;

— графемы *ы* в начале слов на «и» после предлога на твердый согласный: *в ыркѵц’комъ* (л. 250 об.), *с ы^{р}|куц’ки^{х}* (л. 250 об.) *в ыны^{х}* (л. 320);

— буквосочетания *тц* у глагольных форм на *-ться, -тся*: *в’мѣстимца* (л. 250 об.), *садитца* (л. 318 об.) и др.

Переписчики, вероятнее всего, по указанию Г. Ф. Миллера, требовавшего буквального воспроизведения текстов первоисточников, точно передают вариантные записи слов, отражающие произносительные особенности писцов предыдущего столетия. Здесь уже стоит говорить об отражении таких фонетических черт, как дистантная ассимиляция: *чертежъ* (л. 250 об.) — *тертежъ* (л. 250 об.), второе полногласие: *надолбы* (л. 318) — *надолобы* (л. 318), переход «г» > «в» в окончаниях форм адъективного склонения муж. и ср. р. ед. ч. род. п.: *твоего* (л. 249 об.) — *моево*

(л. 250 об.), диереза первого гласного в предлоге «около»: *коло* (л. 250 об.). Впрочем, последний пример может относиться к описке переписчика, равно как написание *в суде* вм. *в ссуде* (л. 250 об.), — к ошибке, сделанной, несмотря на явную вычитку текстов, судя по следам правки — зачеркивания слов (л. 319 об.), вставки слова над строкой (л. 250), добавления текста на поле листа (л. 319).

Тем не менее применяемые графические правила скорописного письма XVIII века могли обусловить отклонение от точного воспроизведения текстов подлинных документов XVII века. Так, слово *подлинно* во фразе *а подлинно'де про тотъ мн҃тръ они Мишка Колесаревъ с товарыщи | скаꙁать не умѣютъ* (л. 319) записано с надстрочным знаком, который обозначает [j], и читается, соответственно, как прилагательное, в то время как по смыслу слово должно быть явно наречием. Судя по регулярности использования такого знака в данной позиции (см. в тексте написание прилагательных *приказной, селенгинской, мунгалской, болшой, удинской* и др.), это результат «творческого» подхода переписчика XVIII века. В связи с тем, что все-таки не исключается вмешательство переписчика (возможно, несознательное), вызывает сомнение адекватность написания словоформ *вразнь* (л. 250 об.) и *разных* (л. 249 об.) при употреблении в текстах деловой письменности XVII века исключительно форм на *роз-* (формы на *раз-* встречаем только в книжно-славянских произведениях этого периода). В XVIII веке обособление делового узуса было разрушено, и вторжение книжно-славянских явлений в язык деловых текстов уже не воспринималось как аномальное. При употреблении в обоих текстах слов на *роз-/ рос-* (*розвал, розвалиться, роскат, розвытка*) и даже в тексте (2) формы того же прилагательного *розных*, когда переписчики старались передать подлинники XVII века слово в слово, исключения *разных* и *вразнь* лишь подтверждают неосознанную трансляцию нормы употребления этих слов в XVIII веке.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный палеографический анализ копий сибирских документов XVII века выявил, что переписывание оригинальных текстов производилось по графико-орфографическим правилам русской скорописи XVIII века. Следование этим правилам, с одной стороны, обусловило сокращение выносных букв, выполнявших ранее функции пограничных сигналов конца или начала слова при отсутствии пробела между словами в скорописном деловом тексте XV—XVII веков, с другой стороны, вызвало применение надстрочных знаков с разнообразными функциями. Новшеством графико-орфографического оформления текстов XVIII века стало употребление знака переноса в форме дефиса (в одной из копий до-

CC BY

кументов семнадцатого столетия он активно используется). При копировании писцы регулярно заменяют буквенное обозначение дат цифровым способом.

Нововведения не мешают переписчикам сохранять определенные элементы письменной традиции приказного узуса. Это касается употребления дублетных букв и некоторых сокращенных написаний.

Писцы строго соблюдают орфографические нормы делового письма XVII века. Точно передаются написания, подчиняющиеся фонетическому принципу правописания, который выработался в приказном узусе на протяжении двух столетий. Кроме того, переписчиками адекватно воспроизводятся индивидуальные черты письма писцов XVII века — варианты написания слов, отражающие их произносительные особенности, сохранение в написании сделанных ими грамматических ошибок.

Вместе с тем не исключается искажение текста оригинала в результате применения графических правил восемнадцатого столетия, а также неосознанной реализации своих представлений о языковой норме.

Заявленный вклад авторов: А. П. Майоров — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; история вопроса; написание текста; итоговые выводы. Ю. В. Биктимирова — участие в расшифровке скорописных текстов, подготовка рукописных текстов XVIII века к публикации средствами современных технологий; анализ скорописи, доработка текста. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** **Alexander P. Mayorov** — scientific guidance; research concept; development of methodology; history of the issue; text composition; final conclusions. **Yulia V. Biktimirova** — participation in the transcription of shorthand texts, preparation of 18th-century manuscripts for publication using modern technologies; analysis of shorthand, text refinement. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. СПбФ АРАН — *Санкт-Петербургский* филиал архива Российской академии наук.

Литература

1. *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири / А. И. Андреев. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965. Выпуск 2 : XVIII век (первая половина). — 366 с.

2. *Бахрушин С. В.* Миллер как историк Сибири / С. В. Бахрушин // Г. Ф. Миллер. История Сибири. Изд. 2-е, доп. — Москва : Восточная литература. РАН, 1999. — Т. 1. — С. 17—65.

3. *Биктимирова Ю. В.* Забайкальские документы XVII в. как лингвистический источник : графико-орфографические особенности / Ю. В. Биктимирова, А. П. Майоров // Вестник БГУ. Филология. — 2024. — Выпуск 3. — С. 14—24. — DOI: 10.18101/2686-7095-2024-3-14-24.

CC BY

4. *Биктимирова Ю. В.* Особенности палеографии и графики памятников делового письма Восточного Забайкалья XVII—XVIII вв. / Ю. В. Биктимирова // Учёные записки ЗабГУ. — Серия : Филология, история, востоковедение. — 2015. — № 2 (61). — С. 12—17.

5. *Голышенко В. С.* Надстрочные знаки в ранних восточнославянских рукописях / В. С. Голышенко // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001 : сборник статей. — Москва : Древлехранилище, 2002. — С. 47—70. — ISBN 5-93646-014-2.

6. *Иванов А. В.* Многоликий дефис / А. В. Иванов // Язык и культура. — 2023. — № 62. — С. 26—53. — DOI: 10.17223/19996195/62/2.

7. *Корнилаева И. А.* Надстрочные знаки в рукописных Вестях-Курантах / И. А. Корнилаева // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002—2003 / Сб. статей. — Москва : Древлехранилище, 2003. — С. 389—398.

8. *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка / С. И. Котков. — Москва : Наука, 1980. — 296 с.

9. *Майоров А. П.* Историко-дифференциальный принцип регионального словаря 17 в. / А. П. Майоров // Вестник БГУ. Филология. — 2021. — № 3. — С. 29—37. — DOI: 10.18101/2686-7095-2021-3-29-37.

10. *Нечаева С. В.* Вклад Г. Ф. Миллера в изучение Азиатской России: источниковедческий и историографический аспекты / С. В. Нечаева // Вестник Челябинского университета. — Серия 10 : Востоковедение. Евразийство. Геополитика. — 2003. — № 1. — С. 130—139.

11. *Оглоблин Н. Н.* К вопросу об историографе Г. Ф. Миллере / Н. Н. Оглоблин // Библиограф. — 1889. — № 8—9. — С. 161—166.

12. *Розен Т.* Отмирание надстрочных знаков (на материале дипломатической корреспонденции XVIII) / Т. Розен // Книгамъ бо есть неищетная глубина / Essays in Honour of Irina Lysén (Eds. Hanne Martine Eckhoff & Thomas Rosén). Арктический университет Норвегии (Университет Тромсё). — Уппсала : Уппсальский университет, 2015. — С. 184—197.

13. *Сморгунова Е. М.* О пограничных сигналах в скорописи (наблюдения над графикой смоленских грамот XVII в.) / Е. М. Сморгунова // Исследования источников по истории русского языка и письменности. — Москва : Наука, 1966. — С. 176—190.

14. *Христосенко Г. А.* Палеографический альбом : Учеб. сборник снимков с рукописей нерчинских документов делового письма конца XVII — первой половины XVIII вв. / Г. А. Христосенко. — Чита : [б. и.], 1973. — 112 с.

15. *Элерт А. Х.* Путешествие по северо-востоку Сибири как переломный этап в экспедиционной деятельности Г. Ф. Миллера / А. Х. Элерт // Гуманитарные науки в Сибири. — 2012. — № 4. — С. 44—47.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024,
одобрена после рецензирования 03.02.2025,
подготовлена к публикации 04.03.2025.

Material resources

SPbF ARAN — *Is the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.* (In Russ.).

CC BY

References

Andreev, A. I. (1965). *Essays on the source studies of Siberia, 2.* Moscow; Leningrad: Nauka Publ. 366 p. (In Russ.).

Bakhrushin, S. V. (1999). Miller as a historian of Siberia. In: *G. F. Miller. History of Siberia, 1.* Moscow: "Oriental literature". RAS. 17—65. (In Russ.).

Biktimirova, Yu. V. (2015). Features of paleography and graphics of business writing monuments of Eastern Transbaikalia of the XVII—XVIII centuries. *Scientific notes of ZabGU. Series: Philology, History, Oriental Studies, 2 (61)*: 17—65. (In Russ.).

Biktimirova, Yu. V., Mayorov, A. P. (2024). Trans-Baikal documents of the XVII century as a linguistic source: graphic and spelling features. *Bulletin of the Belarusian State University. Philology, 3:* 14—24. DOI: 10.18101/2686-7095-2024-3-14-24. (In Russ.).

Elert, A. H. (2012). Journey through the northeast of Siberia as a turning point in the expeditionary activity of G. F. Miller. *Humanities in Siberia, 4:* 44—47. (In Russ.).

Golyshenko, V. S. (2002). Superscription marks in early East Slavic manuscripts. In: *Linguistic source studies and the history of the Russian language 2001.* Moscow: Drevlekhranizhche Publ. 47—70. ISBN 5-93646-014-2. (In Russ.).

Hristosenko, G. A. (1973). *Paleographic album: A textbook collection of photographs from the manuscripts of Nerchinsk business letter documents of the late 17th — first half of the 18th centuries.* Chita: [b. i.]. 112 p. (In Russ.).

Ivanov, A. V. (2023). The many-faced hyphen. *Language and culture, 62:* 26—53. DOI: 10.17223/19996195/62/2. (In Russ.).

Kornilaeva, I. A. (2003). Superscription marks in handwritten News-Chimes. In: *Linguistic source studies and the history of the Russian language 2002—2003.* Moscow: Drevlekhranizhche Publ. 389—398. (In Russ.).

Kotkov, S. I. (1980). *Linguistic source studies and the history of the Russian language.* Moscow: Nauka Publ. 296 p. (In Russ.).

Mayorov, A. P. (2021). The historical and differential principle of the 17th century regional dictionary. *Bulletin of the Belarusian State University. Philology, 3:* 29—37. DOI: 10.18101/2686-7095-2021-3-29-37. (In Russ.).

Nechaeva, S. V. (2003). G. F. Miller's contribution to the study of Asian Russia: source studies and historiographical aspects. *Bulletin of the Chelyabinsk University. Series 10: Oriental Studies. Eurasianism. Geopolitics, 1:* 130—139. (In Russ.).

Ogloblin, N. N. (1889). On the question of the historiographer G. F. Miller. *Bibliographer, 8—9:* 161—166. (In Russ.).

Rosen, T. (2015). The withering away of superscripts (based on the material of diplomatic correspondence of the XVIII century). In: *Books that have an unknown depth.* Uppsala: Uppsala University. 184—197. (In Russ.).

Smorgunova, E. M. (1966). On boundary signals in cursive (observations on graphics of the Smolensk letters of the XVII century). In: *Research of sources on the history of the Russian language and writing.* Moscow: Nauka Publ. 176—190. (In Russ.).

The article was submitted 22.10.2024;
approved after reviewing 03.02.2025;
accepted for publication 04.03.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Осипенко Т. А. Динамическая модель устности : обоснование и описание / Т. А. Осипенко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 94—115. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-94-115.

Osipenko, T. A. (2025). A Dynamic Model of Orality: Justification and Description. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 94-115. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-94-115. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Динамическая модель устности: обоснование и описание

Осипенко Татьяна Александровна
orcid.org/0000-0003-0619-534X
кандидат филологических наук
osipenko_t_a@staff.sechenov.ru

ФГАОУ ВО Первый МГМУ
им. И.М. Сеченова Минздрава России
(Сеченовский Университет)
(Москва, Россия)

A Dynamic Model of Orality: Justification and Description

Tatiana A. Osipenko
orcid.org/0000-0003-0619-534X
PhD in Philology
osipenko_t_a@staff.sechenov.ru

Sechenov First Moscow State
Medical University
(Sechenov University)
(Moscow, Russia)

© Осипенко Т. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена описанию структуры и принципов функционирования динамической модели устности. В рамках модели звучащая речь расценивается как динамический процесс. Модель позволяет фиксировать структурные, языковые, просодические и другие изменения, отвечающие за уникальность и индивидуальность естественного коммуникативного процесса или устно проявленного текста, подготовленного заранее. Актуальность исследования обусловлена повышением интереса к анализу звучащей речи. Новизна работы заключается в возможности получения схематического изображения процесса коммуникации или устно проявленного текста с помощью выявления уникальных (проявленных только в этом звуковом оформлении) характеристик, отражающих моменты ослабления / усиления динамики. Описываемая модель противопоставляется статическим классификациям устности, используемым при выявлении общих стилеобразующих, языковых, коммуникативных и других черт. Цель исследования заключается в представлении динамической модели устности: описании ее структуры, принципов работы и области применения. Модель представляет собой прямоугольную систему координат с осью спонтанности и осью официальности. Принцип работы модели основан на выявлении динамики, создаваемой за счет вариативности используемых вербальных средств и изменения коммуникативной обстановки. Практическое применение модели видится в рамках анализа звучащей речи при сопоставительных исследованиях.

Ключевые слова:
динамическая модель устности; устная речь; разговорная речь; вербальная коммуникация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to the description of the structure and principles of functioning of a dynamic model of orality. Within the framework of the model, spoken language is regarded as a dynamic process. The model facilitates the identification of structural, linguistic, prosodic, and other changes that account for the uniqueness and individuality of natural communicative processes or pre-prepared oral manifested texts. The relevance of this research is underscored by the growing interest in the analysis of spoken discourse. The novelty of this work lies in its potential to provide a schematic representation of the communication process or oral manifested text by identifying unique characteristics (manifested solely in this auditory presentation) that reflect moments of dynamic enhancement or attenuation. The model described contrasts with static classifications of orality used to identify general stylistic, linguistic, communicative, and other features. The aim of the study is to present a dynamic model of orality: to describe its structure, operational principles, and areas of application. The model is represented as a rectangular coordinate system with axes of spontaneity and formality. Its operational principle is based on revealing the dynamics generated by the variability of verbal means employed and changes in the communicative context. Practical applications of the model are envisioned within the analysis of spoken discourse in comparative studies.

Key words:
dynamic model of orality; spoken language; conversational speech; verbal communication.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81-25+ 81’276.11/.12
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-94-115

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Динамическая модель устности: обоснование и описание

© Осипенко Т. А., 2025

1. Введение = Introduction

Массовый интерес к феномену устности возник в 60—70-х годах XX века и связан с развитием звукозаписывающей техники, а также с зарождением новых подходов к изучению живой речи. В настоящее время довольно много научных направлений, в центре внимания которых находится исследование естественной коммуникации с учетом ситуативных условий ее порождения. К основным методам анализа этого вида устности относятся этнометодологический анализ устной речи [Bergmann, 2019], конверсационный анализ [Исупова, 2002; Einführung…, 2020], теория речевых актов [Austin, 1975], интеракциональная лингвистика [Couper-Kuhlen et al., 2000; Imo et al., 2019], анализ устной диалогической речи [Девкин, 1979; Brinker et al., 2010]. С лингвистической точки зрения основным принципом анализа при использовании этих подходов является оценка языковых средств с учетом последовательно развивающегося контекста, в котором смыслы появляются и трансформируются во время непосредственного взаимодействия участников процесса.

Для анализа устной речи, базирующейся на заранее подготовленных текстах, используются статические классификации устности. В рамках статьи под *статическими классификациями* понимается схематическое членение содержания понятия устности / разговорности на более мелкие категории и подкатегории. Исходным пунктом таких классификаций являются социокоммуникативные особенности устной и письменной форм речи, обобщенные в образных понятиях «язык коммуникативной близости» и «язык коммуникативной дистанции». Первый термин в обозначенных парах соответствует *концептуально устной речи*. Для нее характерны приватность, высокая степень знакомства собеседников, наличие сильной эмоциональной вовлеченности, ситуативная и деятельностная включенность, пространственно-временная близость, коммуникативная коопе-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

рация, диалогичность, спонтанность, свободное тематическое развитие. Второй термин в обеих парах служит для обозначения *концептуально письменной речи*, которая предполагает публичный характер, нулевую или низкую степень знакомства собеседников, слабую эмоциональную включенность, ситуативную и деятельностную непредставленность, пространственно-временную отдаленность, отсутствие коммуникативной кооперации, монологичность, возможность рефлексии, наличие фиксированной темы [Koch et al., 2008, S. 201].

В качестве примеров статических классификаций, в основе которых лежат полярные точки континуума «устность — письменность», можно назвать концепцию М. Грегори [Gregory, 1967, p. 189], виды разговорной речи по Г. Хенне и Г. Ребокку [Henne et al., 2001, S. 28—29], виды устной речи по В. И. Аннушкину [Аннушкин 2011, с. 365] (рис. 1, 2, 3). Статические классификации используются в случае необходимости анализа вербально проявленного текста с точки зрения его принадлежности, например, к тому или иному жанру или стилю. Удобство таких классификаций заключается в том, что в них заложен «стандартный пакет» характеристик для каждой категории. Чем больше из этих характеристик присутствует в тексте, тем больше вероятность его принадлежности к жанру / стилю.

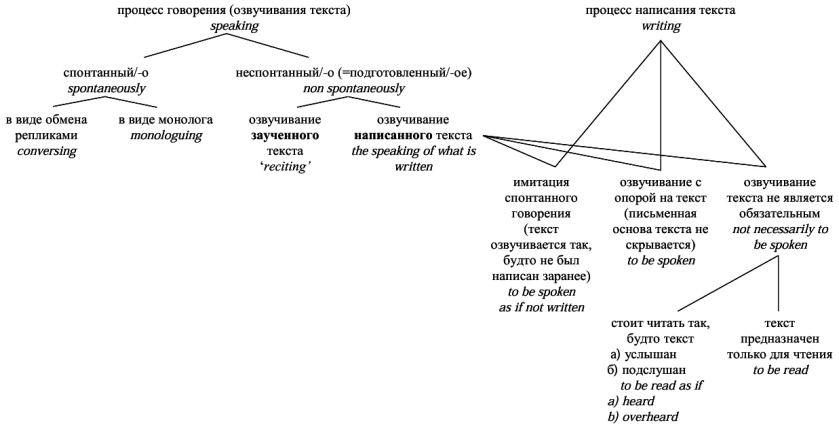


Рис 1. Концепция М. Грегори [Gregory, 1967, p. 189];
курсивом обозначены термины на языке оригинала (англ.);
перевод терминов осуществлен автором статьи

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис 2. Виды разговорной речи по Г. Хенне и Г. Ребокку [Henne et al., 2001, S. 28—29]; курсивом обозначены термины на языке оригинала (нем.); перевод терминов осуществлен К. А. Филипповым [Филиппов, 2016, с. 137]

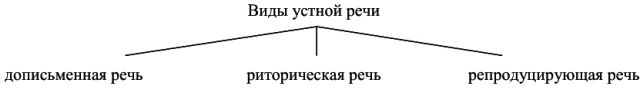


Рис 3. Виды устной речи по В. И. Аннушкину [Аннушкин, 2011, с. 365]

Проблема использования статических классификаций для анализа звучащей речи обнаруживается в случае, если устно проявленный текст приобретает черты, позволяющие отнести его к нескольким категориям. Описывая виды разговорной речи, предложенные Г. Хенне и Г. Ребокком, К. А. Филиппов пишет, что драматические диалоги в театральных постановках можно расценить и как фикциональные, и как инсценированные тексты [Филиппов, 2016, с. 137]. Представляя свою концепцию, М. Грегори не отрицает возможность создания новых подкатегорий или слияние нескольких категорий в одну [Gregory, 1967, p. 193].

По нашим наблюдениям, наибольшую сложность при анализе составляют заранее подготовленные тексты, получающие при вербализации разговорные элементы. Под *разговорным элементом* понимается любое языковое средство фонетического, лексического, грамматического, стилистического, коммуникативного и др. уровней, характерное для разговорной речи. Замечено, что чем больше «вкраплений» разговорных элементов встречается в тексте, тем сложнее однозначно отнести его к определенной категории.

Например, существует несколько точек зрения по поводу наличия разговорных черт в устной публичной речи. Одна из них заключается в том, что публичная речь является разновидностью устной формы литературного языка [Лаптева, 2017] и имеет разговорную основу [Дускаева, 2011, с. 564]. Устная литературная речь может реализовываться в ситуациях официального и неофициального общения [Журавлёв, 1970, с. 178—180].

CC BY

Такое деление дает основание полагать, что в зависимости от степени официальности черты разговорности в публичном выступлении могут проявляться в меньшей или большей степени.

Другая точка зрения заключается в невозможности объединения или пересечения публичной и разговорной речи [Земская и др., 1980]. Более того, разговорная речь противопоставляется не только публичной речи, но и кодифицированным видам устной речи в целом [Земская, 2016, с. 9]. Разговорность в публичной речи расценивается как стилистический прием для оживления речи, вовлечения аудитории в диалог с оратором, активации слушателей, удержания их внимания и интереса [Русецкая и др., 2010].

Подобные спорные моменты, на наш взгляд, играют решающую роль для создания модели, в рамках которой для анализа звучащей речи не будет необходимости относить ее к определенной категории устности / разговорности с заранее заданными характеристиками.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование проведено в русле интеракциональной лингвистики. Цель работы заключается в описании динамической модели устности (далее — ДМУ), в рамках которой устная вербальная коммуникация и фонетически проявленный текст рассматриваются как динамическая структура. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к анализу устной речи и несовершенством методики анализа вербально проявленной речи, основанной на письменных текстах. Новизна заключается в том, что ДМУ отражает динамику не только коммуникации, формирующейся в естественных условиях непосредственно в момент говорения, но и заранее подготовленных текстов, а также позволяет визуально фиксировать моменты усиления / ослабления динамики.

Для создания ДМУ были рассмотрены этапы анализа естественной коммуникации посредством конверсационного анализа [Исупова, 2002; Einführung …, 2020], в том числе лингвистически адаптированного [Осипенко, 2024, с. 27—31; Imo et al., 2019, S. 59—65], и анализа устной диалогической речи [Девкин, 1979; Brinker et al., 2010]. Произведена оценка научных работ, отражающих классификации устной и разговорной речи [Аннушкин, 2011, с. 365; Gregory, 1967: p. 189; Henne et al., 2001, p. 28—29] на основании двух способов существования языка — устного и письменного [Филиппов, 2016; Henne et al., 2001; Koch et al., 2008].

При подборе структурных компонентов модели были рассмотрены критерии официальности и спонтанности [Вишневская, 1989; Девкин, 1979, с. 11; Лаптева, 2015, с. 44; Райская, 2009, с. 17—29; Филиппов, 2016, с. 86—90], которые, по нашему мнению, лучшим образом отражают изме-

CC BY

нения коммуникативной ситуации и колебания в использовании языковых средств. Для оценки возможности изображения динамики устности в графическом виде были рассмотрены характеристики разговорной речи [Девкин, 1979, с. 9—15; Земская, 2016, с. 11; Сиротинина, 1980, с. 20], а также проявление разговорных элементов при озвучивании текстов с письменной основой на примере публичной [Дускаева, 2011; Земская и др., 1980; Лаптева, 2017] и сценической речи [Великая, 2008].

Работа с эмпирическим материалом (для демонстрации работы ДМУ) включала: 1) подбор аудиоматериала, имеющего как письменную основу, так и элементы разговорной речи; 2) создание минимального транскрипта на основе выбранного аудиоматериала с использованием GAT-2 [Gesprächsanalytisches …, 2009], адаптированной для русского языка, 3) определение языковых средств, отражающих динамику устности, посредством привлечения лингвистически адаптированного конверсационного анализа.

Применение ДМУ возможно при сопоставительном анализе устно проявленных текстов, в частности при необходимости схематического представления динамики, связанной с изменениями внешних условий коммуникации и / или языкового состава высказываний.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Представление динамической модели устности

Динамическая модель устности (ДМУ) фонетически проявленного вербального взаимодействия или озвученного текста — это схематическое изображение значимых (для конкретного исследования) коммуникативных и языковых средств, возникающих и влияющих на динамику устности в результате изменения интенсивности проявления спонтанности и / или внешних условий коммуникативной ситуации, влияющих на уровень официальности.

Данное определение подчеркивает, что ДМУ предназначена для исследования звучащей речи, то есть как естественной коммуникации, чаще всего представленной в виде *устного* диалогического общения, так и любых текстов (а также отрывков текстов), проявленных в *устной* форме и имеющих, как правило, монологическую форму. «Схематическое изображение» означает, что для фиксации изменений используются прямоугольная система координат, линии и точки. Для построения ДМУ могут быть использованы коммуникативные и языковые средства любого уровня (структурного, лексического, синтаксического, фонетического, просодического, экстралингвистического и т. д.), влияющие на динамику устности. В зависимости от цели научной работы анализу может подвергаться одно или

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

сразу несколько средств. Возникновение динамики в данной модели обусловлено усилением или ослаблением факторов, влияющих на проявление спонтанности и официальности. В первом случае речь идет о личностных особенностях говорящего и его внутренней концентрации, во втором — об изменении внешних факторов, которые создают условия коммуникативной обстановки в целом.

Во время озвучивания (даже прописанный заранее) текст может значительно меняться в зависимости от особенностей артикуляционного аппарата говорящего, объема знаний в определенной области, желания импровизировать, а также от коммуникативной ситуации, в которой происходит актуализация текста. Например, результаты исследования, проведенного на материале звукового корпуса «Один речевой день», демонстрируют проникновение в устный кодифицированный язык фонетических вариаций, характерных для бытового общения [Рыко и др., 2010].

При анализе устной речи в рамках статических классификаций фонетические вариации подобного рода могут быть расценены как отклонение от нормы, поскольку практически любая официальная обстановка подразумевает определенное речевое поведение и не допускает фонетической небрежности. В рамках ДМУ любое отступление от нормы рассматривается как проявление динамики речи, как неотъемлемая часть устности и даже как процесс индивидуализации речи.

3.2. Структура динамической модели устности

Динамическая модель устности представляет собой прямоугольную систему координат (рис. 4). Структурными элементами модели являются

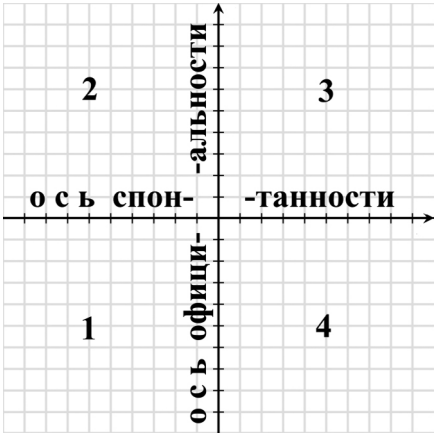


Рис 4. Структура динамической модели устности

CC BY

ось спонтанности (соответствует горизонтальной оси) и ось официальности (соответствует вертикальной оси). Движение влево по горизонтальной оси относительно точки пересечения осей означает ослабление языковой спонтанности, движение вправо — усиление. Движение вверх по вертикальной оси соответствует возрастанию официальности, а движение вниз — ослаблению.

Пересекаясь, ось спонтанности и ось официальности образуют четыре квадрата, в рамках которых формируются определенные условия речевого взаимодействия. Отличительными чертами Квадрата-1 являются низкий уровень спонтанности и официальности, для Квадрата-2 характерны низкий уровень спонтанности и высокий уровень официальности, Квадрат-3 отличается высоким уровнем обоих показателей, в Квадрате-4 спонтанность может достигать максимального уровня при низком уровне официальности.

Для изображения динамики используются линии и точки, где линия условно обозначает «течение» звучащей речи, точка указывает на момент смены динамики (изображение линий и точек показано на рис. 5 и рис. 6).

Подчеркнем, что прямоугольная система координат предназначена для *схематического* изображения динамики естественной коммуникации или устно проявленного текста. Схематическое изображение подразумевает, что исследователю не нужно осуществлять специальные математические вычисления для определения расположения точек, характеризующих моменты изменения на осях системы координат. Достаточно расположить их правее/левее по оси спонтанности или выше / ниже по оси официальности.

Изменение положения точек на графике часто сопряжено с появлением в речи нехарактерных для этой коммуникативной ситуации языковых средств и / или грамматических конструкций. Смена динамики (а вместе с ней и перемещение точек) может также происходить вследствие изменения внешних условий коммуникации, приводящих к трансформации структуры и / или тематики устно проявленного вербального взаимодействия или текста. Динамика при этом может проявляться в пределах одного или нескольких квадратов.

Перед тем как перейти к описанию работы с ДМУ, рассмотрим каждый структурный элемент модели более подробно.

3.3. Официальная речь, ось официальности

В контексте данной статьи к официальной речи мы относим устно проявленную речь, актуализованную в ситуациях официального взаимодействия с людьми. Такое определение подчеркивает, что официальность затрагивает разные сферы жизни (служебную, научную, политическую, культурную), стили текстов (официально-деловой, научный, публици-

CC BY

стический, художественный) и предполагает широкий спектр участников (работники предприятий, ученые, исследователи, политики, журналисты, общественные деятели, писатели, поэты).

Основой для формирования официальной речи в большинстве случаев служат заранее подготовленные письменные тексты. Отношения собеседников в официальной обстановке общения часто нивелированы и усреднены, поэтому реакция слушателя не всегда влияет на структуру и семантику текста. Ситуативная зависимость проявляется слабо, приветствуется максимальная структурная завершенность реплик при одновременной логической стройности высказываний. В официальной речи наблюдается сильная этикетная скованность, минимальная импровизация в подборе языковых средств, высокая степень отвлеченности и обобщения. Коммуникативная ситуация имеет искусственный / преднамеренный импульс развития (ср. [Девкин, 1979, с. 11]).

Ось официальности в ДМУ отражает изменения, протекающие на уровне коммуникативной ситуации. Если условия складываются таким образом, что уровень официальности обстановки повышается, то динамика устности будет проявляться в движении вверх по оси официальности. Движение вниз по этой оси означает снижение факторов, влияющих на уровень официальности обстановки.

3.4. Спонтанная речь, ось спонтанности

Спонтанная речь нередко противопоставляется подготовленной, художественной, вынужденной, обработанной речи и чтению вслух. Несмотря на многочисленность оппозиций, возникающих при определении термина, на наш взгляд, можно выделить два основных вектора развития мысли при определении анализируемого понятия.

В первом случае спонтанность — это одна из сущностных характеристик устной речи [Лаптева, 2015, с. 22; Райская, 2009, с. 11], связанных с модусом подготовленности собеседников к ведению коммуникации [Филиппов, 2016, с. 88—89]. Во втором случае спонтанность — это наиболее естественное проявление разговорной речи. Так, любая заранее непродуманная, неподготовленная, незапланированная, самопроизвольная речь является спонтанной [Вишневская, 1989, с. 113—114]. Для нее также характерны неточности, ошибки, исправления, многословие, «не вполне логичные построения, мучительные поиски нового слова, неподходящие его замены». По этой причине говорящий часто прибегает к описательности, приблизительности, «подвернувшимся на ходу» сравнениям, словам-паразитам и междометиям [Девкин, 1979, с. 15].

Различие описанных подходов к определению понятия спонтанности, на наш взгляд, заключается только в решении вопроса области функциони-

CC BY

рования спонтанности, то есть в том, действует ли спонтанность в рамках устности или в рамках разговорности.

Устная речь представляется нам как более широкое понятие, в которое «помещаются» всевозможные разновидности фонетически проявленного вербального взаимодействия (начиная от диалогов на повседневные темы, заканчивая публичными выступлениями любой степени подготовленности перед мало- и многочисленной аудиторией, разговорами между коллегами на рабочем месте и за пределами кабинета т. д.). Получается, что разговорная речь, или тексты, актуализированные в условиях бытового общения, — одна из частей, помещенных в устность наравне с другими фонетически проявленными текстами. По этой причине *спонтанность* (в лингвистическом понимании) — это одна из характеристик устности, которая чаще всего проявляется в разговорной речи. Спонтанность рождается непосредственно в момент коммуникации, зависит от вербальных реакций собеседника(-ов). При спонтанном изложении мыслей подбор языковых средств не может быть продуман, запланирован или подготовлен заранее, зато может отличаться эмоциональностью и экспрессивностью.

Давая именно такое определение, мы подчеркиваем, что спонтанность может проявляться в любом устном высказывании, но ее интенсивность, то есть возможность более частого и яркого проявления, зависит от условий, в которых осуществляется коммуникация.

3.5. Квадраты ДМУ

Квадрат-1. Основными свойствами Квадрата-1 являются низкий уровень спонтанности и низкий уровень официальности. Низкий уровень спонтанности говорит о невозможности или об отсутствии необходимости проявлять коммуникативную инициативу и языковое разнообразие. Пребывание в нижней части оси официальности чаще всего происходит в ситуациях бытового общения. Таким образом, в данном квадрате реализуются тексты, при озвучивании которых не требуется специальной подготовки и фантазии в подборе языковых средств. В качестве примера можно привести ситуацию, когда мама читает ребенку сказку на ночь, когда рассказывают анекдоты или поют песни у костра.

В этом квадрате динамика возникает чаще всего на оси спонтанности, поскольку даже выученный наизусть или считываемый с листа текст в зависимости от адресанта приобретает индивидуальное фонетико-интонационное оформление.

Квадрат-2. Для Квадрата-2 характерны низкий уровень спонтанности и высокий уровень официальности. Примером может послужить выступление с заранее подготовленной речью, в которую спикер по каким-либо причинам не может или не желает вносить какие-либо изменения. Это мо-

CC BY

гут быть новостные сводки, публичные литературные чтения, театральные постановки, выступления на научных конференциях, некоторые интервью с деятелями политики, экономики, культуры и т. д. Спонтанность здесь может быть либо случайной, то есть неожиданной для самого говорящего, либо отрепетированной.

Для более подробного рассмотрения возьмем сценическую речь. Приближенность к реальной коммуникативной ситуации на вербальном уровне обеспечивается языковыми средствами, характерными для бытовой сферы общения. Несмотря на необходимость передачи кодов, заданных драматургом, актер не является пассивным участником действий, а может вносить в заранее прописанный текст «нотки» спонтанности за счет большого арсенала просодических средств. С фонетической точки зрения важнейшими средствами передачи смысла высказывания являются паузация и акцентуация, передаваемая фразовым, тактовым и логическим ударением [Великая, 2008, с. 51].

Квадрат-3. Отличительными чертами Квадрата-3 являются высокий уровень спонтанности и высокий уровень официальности. Такие коммуникативные ситуации чаще всего возникают при коммуникации (не)равностатусных субъектов при взаимодействии в рамках различных социальных институтов. Примерами неравностатусных взаимоотношений служат диалоги между учителем и учеником, преподавателем и студентом, врачом и пациентом / родственниками пациента / медицинским персоналом. К равностатусным субъектам можно отнести диалоги в диадах «учитель — учитель», «врач — врач» и т. д. В этом же квадрате находятся отдельные жанры радио- и телепередач, предполагающие возможность отклонения от заранее прописанного сценария. Например, беседа со слушателями радиопередачи, интервью или дискуссия с известным деятелем культуры, комментирование спортивного матча и др.

В Квадрате-3 спонтанность приобретает *условный характер.* Это значит, что как минимум один из участников коммуникации является ведущим, поскольку лучше других знает этические нормы поведения, действующие в рамках текущей коммуникативной ситуации, а иногда даже обязан придерживаться определенного сценария или установленной структуры разговора. Для этого участника коммуникации возможность спонтанного использования языковых средств ограничена. Другие участники коммуникации имеют только общее представление о правилах социального института, в рамках которого происходит вербальная интеракция, и могут позволить себе больше спонтанности.

Для наглядности разберем, из чего складывается условно-спонтанный характер консультативных бесед врача и пациента. Условность возникает

CC BY

здесь из-за наличия коммуникативных ограничений, закрепленных в кодексе профессиональной этики врача, устойчивых поведенческих, языковых и социокультурных привычек. Ограничение спонтанности обусловливается ситуативным неравенством (врач следит за структурой, содержанием и временем консультации), асимметрией знаний (врач обладает специальными знаниями) и социальными ролями (врач может иметь ученую степень и звание). Активация спонтанности, а вместе с ней и языковой вариативности возможна благодаря стремлению врача индивидуализировать общение и действовать в соответствии с психоэмоциональным состоянием пациента [Осипенко, 2024, с. 63—64].

Квадрат-4. Коммуникативные ситуации, которые складываются в рамках Квадрата-4, отличаются высоким уровнем спонтанности и низким уровнем официальности. Этот квадрат можно также назвать *квадратом разговорности*, поскольку здесь наиболее часто проявляются языковые элементы, характерные для разговорной речи.

Разговорная речь реализуется преимущественно в бытовой сфере и относится к повседневному (обиходному / частному) общению. Для разговорной речи в целом характерны непринужденность, неподготовленность, непосредственное участие говорящих в акте коммуникации, диалогичность, эмоциональность, экспрессивность, использование невербальных средств коммуникации (жесты и мимика) [Земская, 2016, с. 11; Сиротинина, 1983, с. 20].

Другими важными свойствами разговорной речи, согласно О. Б. Сиротининой, являются персональность, ситуативность и некодифицированность. При персональном общении с лицами, интересы которых нам наиболее известны (родственники, друзья, близкие знакомые), особенности разговорной речи проявляются гораздо ярче, нежели при общении случайно встретившихся незнакомых людей. Опора на ситуацию, в которой разговаривающие не только слышат, но и видят друг друга и те предметы, о которых идет речь, также позволяет разговорным элементам более отчетливо и гармонично реализовываться на вербальном уровне. При использовании разговорной речи не возникает вопросов по поводу допустимости или недопустимости употребления той или иной грамматической формы или конструкции, поскольку разговорная речь в отличие от других разновидностей литературного языка — речь некодифицированная [Сиротинина, 1980, с. 20—21].

3.6. Практическое использование динамической модели устности

В качестве примера работы с ДМУ приведем несколько ситуаций, в которых динамика проявляется в рамках одного (ситуация-1) или нескольких квадратов (ситуация-2).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Ситуация-1. Анализу подлежит несколько эпизодов (примеры 1—3) из интервью с заслуженным кардиохирургом Л. А. Бокерией на канале НТВ от 31.01.2016, посвященного проблемам отечественной медицины. Согласно ДМУ, описываемая ситуация разворачивается в Квадрате-3 и характеризуется высокой степенью официальности (интервью транслируется по федеральному телеканалу, тематика интервью связана с вопросами здравоохранения), что дополнительно подтверждается использованием специальной медицинской териологии (*аорта, аортальный клапан*, *внутриклеточный раствор, глиссоновая капсула, коронарография, трехстворчатый)*. Спонтанность приобретает условный характер, поскольку интервью имеет заранее продуманную структуру, ограничено по времени и модерируется опытным телеведущим К. В. Поздняковым. В то же время речь интервьюируемого изобилует разговорными элементами, за счет которых создается волнообразное увеличение / снижение спонтанности (рис. 5).

Прежде чем продемонстрировать выбранные фрагменты интервью, отметим, что, описывая примеры, мы не ставим задачу провести подробный конверсационный анализ, а лишь хотим акцентировать внимание на определенных языковых средствах, за счет которых создается динамика, то есть ослабевает или усиливается уровень спонтанности / официальности.

В первом примере отражен момент наложения реплик собеседников. Золотое правило любого интервью — не перебивать говорящего. Одновременное воспроизведение реплик коммуникантами сигнализирует о проявлении спонтанности на коммуникативном уровне. Ведущий стремится закончить пояснения к своему вопросу, гость программы — быстрее ответить на поставленный вопрос. Многократное повторение частицы *там* в данном отрывке имеет функцию заполнения. В неподготовленной речи заполнение касается пауз, когда человеку требуется время для подготовки ответа или поиска подходящего слова. Данное положение подтверждается результатами психолингвистического эксперимента, проведенного на материале спонтанной и подготовленной звучащей речи на русском и английском языках, который показывает, что заполнение хезитационных пауз в неподготовленной речи происходит интенсивнее, чем в подготовленной [Исаева, 2020, с. 45].

Пример 1
8:41—8:45*

01 В: ну то есть конкуренция ЖЕСТкая |за ДЕньги
02 Б: ЧТО
03 В: идет ЖЕСТкая [конкуренция (.) |за реАЛЬные деньги]

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

```
04 Б:                [ну коНЕЧно (.) | коНЕчно                ]
05 В: [со стороны в том числе наших ЗАпадных партнеров]
06 Б: [посмотРИте |все гаЗЕты запо:лнены                      ]
07    пониМАете |приЗЫвами там
08    поЖЕ:ртвовать там |или там так ДАлее
```

*8:41–8:45 — продолжительность эпизода (минуты : секунды)
В — ведущий К. В. Поздняков
Б — кардиохирург Л. А. Бокерия
[ ] — наложение реплик, перебивание
[ ]

Использование ласково-фамильярного обращения *голубчик* для обозначения собирательного образа пациента и местоимения второго лица единственного числа *ты* с глаголами *пойди*, *посмотрись* во втором примере могут свидетельствовать о выражении неравнодушного отношения говорящего к своим пациентам. Разговорное *это самое* заменяет фразу со значением ‘что-то не так/ есть какие-то ограничения’. Отметим, что далее в диалоге говорящий не производит самокоррекцию с целью продолжения или уточнения своей реплики.

Пример 2
19:24—19:30

```
01 Б: или ему говорят | что гоЛУБчик
02    ты пойди в поликЛИнику | посмотРИСЬ
03    потому что у тебя это САмое
```

Спонтанность на языковом уровне в третьем примере проявляется за счет использования индивидуально-авторских неологизмов *винист*, *шампанист*, *коньякист*. Реплику «*всё в своей жизни*» автор высказывания обрывает на середине, вероятно, опуская глагол «перепробовал», и переходит к объяснению своей приверженности разным видам спиртного на разных этапах жизни.

Пример 3
26:33—26:43

```
01 Б: я хочу СКАзать
02    вот я был виНИстом | шампаНИСтом | коньякКИСтом
03    ВСЁ в своей жизни | потому что я роДИ:лся в грузии
04    ВЫрос в грузии | потом я жил в общеЖИ:тии
```

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Вышеописанные фрагменты из интервью с кардиохирургом демонстрируют возможность создания динамики за счет использования в речи языковых средств, характерных для разговорной речи. Несмотря на высокий уровень официальности интервью, речь гостя программы не кажется заученной, пресной или однообразной, она отличается живостью, эмоциональностью и индивидуальностью. Такое впечатление создается за счет динамики по оси спонтанности.

В рамках ДМУ изменения по горизонтальной оси можно отметить несколькими способами (рис. 5). Точка 1 — это начальные условия коммуникации, когда используемые языковые средства соотносятся с уровнем официальности, точка 2 — это моменты использования в речи вербальных средств, активирующих колебания на оси спонтанности (моменты наложения реплик, самокоррекция, авторские неологизмы). Стрелками показано, что активация спонтанности происходит волнообразно.

Точки 3 и 4 могли бы возникнуть на графике в случае изменения внешних условий коммуникации: точка 3 — например, при предоставлении зрителям возможности задавать вопросы; точка 4 — в случае приглашения на интервью еще нескольких всемирно известных (зарубежных) кардиологов.

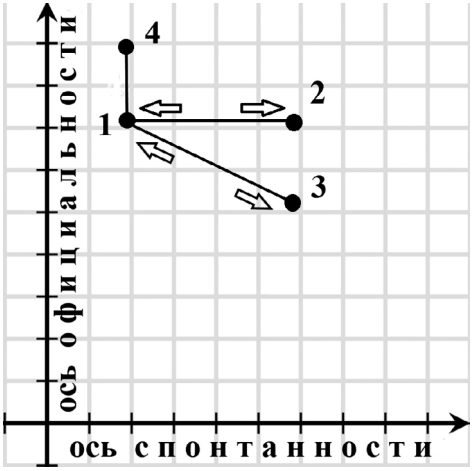


Рис. 5. Влияние использования языковых средств на динамику устности

Ситуация-2. Представим, что в начале выступления на научной конференции студент очень волнуется, поэтому читает доклад с листа. Вербализация текста осуществляется в условиях Квадрата-2 (низкий уровень спонтанности и высокий уровень официальности) (рис. 6, точка 1).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

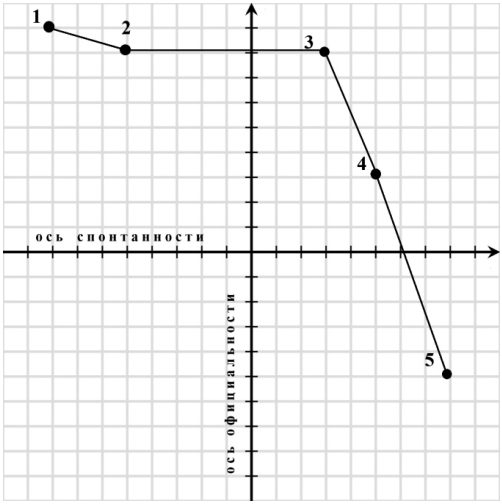


Рис. 6. Влияние изменения условий коммуникативной ситуации на динамику устности

Через некоторое время студент чувствует, что волнение постепенно спадает, и он может отрываться от написанного текста и рассказывать доклад по памяти. При этом уровень официальности по-прежнему остается высоким, но студент уже не так сильно привязан к тексту и может позволить себе немного больше спонтанности (рис. 6, точка 2). По завершении доклада у слушателей появляются вопросы. Студент отвечает самостоятельно, без опоры на текст, уровень спонтанности при этом увеличивается (рис. 6, точка 3). Во время кофе-брейка у студента завязывается разговор с научным руководителем на тему доклада. Снижение официальности приводит к тому, что в речи студента практически пропадает научная терминология, предложения становятся короткими и появляются элементы самокоррекции (рис. 6, точка 4). Когда студент приходит домой, он кратко рассказывает родителям о своем докладе и конференции в целом (рис. 6, точка 5).

На примере такого вымышленного рассказа мы хотели продемонстрировать, что изменение внешних условий затрагивает структуру коммуникации и часто приводит к динамике на оси официальности. Визуально это выглядит как перемещение точек в пределах нескольких квадратов.

4. Заключение = Conclusions

Динамическая модель устности предназначена для анализа звучащей речи и представляет собой альтернативу имеющимся статическим классификациям устности. Выбор динамической / статической модели зависит от

CC BY

задач исследования. Если необходимо определить общие (стилеобразующие, языковые, коммуникативные и т. д.) черты при анализе письменных (реже устных) текстов, то целесообразно использовать статические классификации устности. Если речь идет о выявлении в устной речи черт, отвечающих за ее уникальность и индивидуальность, то уместно использовать динамическую модель устности.

Динамическая модель устности представляет собой прямоугольную систему координат. Ось спонтанности (горизонтальная прямая) отражает динамику, связанную с вариативностью использования языковых, фонетических просодических и экстралингвистических средств. Ось официальности (вертикальная прямая) показывает изменения структуры устно проявленного вербального взаимодействия или текста, связанные с трансформацией внешних условий. Пересечение осей создает четыре квадрата, в рамках которых формируются условия коммуникативного процесса. Для определения квадрата, в котором начинается устное вербальное взаимодействие или воспроизведение текста, необходимо оценить коммуникативную ситуацию с точки зрения уровня официальности обстановки и допустимой спонтанности речи. Линией обозначается движение / «течение» речи. С помощью точек фиксируются моменты, связанные с колебаниями хотя бы на одной из осей.

Описанная модель подтверждает, что устная речь способна к преобразованию в момент реализации, то есть является динамическим явлением, даже если в ее основе лежит заранее подготовленный текст. Это значит, что даже очень хорошо подготовленный текст не может быть застрахован от появления разговорных элементов, а также спонтанного использования языковых или коммуникативных средств, нехарактерных для этого вида устности.

Представленная динамическая модель устности является одним из этапов комплексного исследования, посвященного усовершенствованию методики анализа звучащей речи. Дальнейшие перспективы видятся в описании практического применения модели при сопоставительном анализе естественных коммуникативных процессов и устно проявленных текстов схожей тематики, а также при анализе вербальной стороны конфликтных ситуаций.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Интервью* с Л. А. Бокерия от 31.01.2016 на канале НТВ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.ntv.ru/peredacha/amp/Pozdnyakov/m50720/ o378916/ (дата обращения 15.09.2024).

CC BY

2. *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной ; члены редколлегии : Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. — 2-е изд., стереотип. — Москва : Флинта : Наука, 2011. — 696 с. — ISBN 978-5-89349-342-9.

Литература

1. *Аннушкин В. И.* Риторика / В. И. Аннушкин // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — Москва : Флинта : Наука, 2011. — С. 360—366. — ISBN 978-5-89349-933-9.

2. *Великая Е. В.* О фоностилистических особенностях сценической речи / Е. В. Великая // Вестник МГУ. — Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 1. — С. 43—55.

3. *Вишневская Г. М.* Восприятие спонтанной иноязычной речи в условиях интерференции / Г. М. Вишневская // Проблема спонтанной разговорной речи. Сборник научных трудов. — Москва : МГИИЯ, 1989. — С. 113—119.

4. *Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика / В. Д. Девкин — Москва : Международные отношения, 1979. — 257 с.

5. *Дускаева Л. Р.* Устная публичная речь / Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — Москва : Флинта : Наука, 2011. — С. 563—567. — ISBN 978-5-89349-342-9.

6. *Журавлёв А. П. О* некоторых отличиях живой разговорной речи от стилизованной / А. П. Журавлёв // Русская разговорная речь : Сборник научных трудов. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1970. — С. 176—184.

7. *Земская Е А.* Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. — 5-е изд., стереотип. — Москва : ФЛИНИА, 2016. — 240 с. — ISBN 978-5-89349-635-2.

8. *Земская Е. А.* Устная публичная речь : разговорная или кодифицированная? / Е. А. Земская, Е. Н. Ширяев // Вопросы языкознания. — 1980. — № 2. — С. 61—72.

9. *Исаева А. А.* Маркеры дифференциации спонтанной и подготовленной звучащей речи / А. А. Исаева // Вестник ВГУ. — Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 4. — С. 37—48. — DOI: 10.17308/ lic.2020.4 /3078.

10. *Исупова О. Г.* Конверсационный анализ : представление метода / О. Г. Исупова // Социология : 4М. — 2002. — № 15. — С. 33—52.

11. *Лаптева О. А.* Телевизионная речь как явление литературного языка / О. А. Лаптева // Живая русская речь с телеэкрана : разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. — Москва : Ленард, 2015. — С. 9—62. — ISBN 978-5-9710-1522-2.

12. *Лаптева О. А.* Устная публичная речь [Электронный ресурс] / О. А. Лаптева // Большая российская энциклопедия. — 2017. — Режим доступа : https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4702831 (дата обращения 10.09.2024).

13. *Осипенко Т. А.* Вербальное взаимодействие врача и пациента (на материале немецкоязычных аутентичных консультационных бесед) : диссертация … кандидата филологических наук / Т. А. Осипенко. — Санкт-Петербург, 2023. — 156 с.

14. *Райская Л. М.* Лекции по русскому язык и культуре речи / Л. М. Райская. — Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2009. — 152 с.

15. *Русецкая О. Н.* Функционально-стилистические особенности публичной речи [Электронный ресурс] / О. Н. Русецкая, Н. В. Ямов // Вестник Амурского государственного университета. — Серия : Гуманитарные науки. — 2010. — Выпуск 48. — Режим

доступа : https://vestnik.amursu.ru/wp-content/uploads/2017/12/N48_40.pdf (дата обращения 17.09.2024).

16. *Рыко А. И.* Фонетическая реализация слов *что, чего* в спонтанной русской речи (по материалам звукового корпуса «Один речевой день» / А. И. Рыко, С. Б. Степанова // Фонетика сегодня : материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции. — Москва : ИРЯ РАН, 2010. — С. 108—109.

17. *Сиротинина О. Б.* Русская разговорная речь : Пособие для учителя / О. Б. Сиротинина. — Москва : Просвещение, 1983. — 81 с.

18. *Филиппов К. А.* Лингвистика текста и современный анализ устной речи : учеб. пособие / К. А. Филиппов. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. — 228 с.

19. *Austin J. L.* How to do Things with words (The William James lectures) / J. L. Austin. — 2nd ed. — Cambridge : Harvard University Press, 1975. — 192 p.

20. *Bergmann J.* Ethnomethodologische Konversationsanalyse / J. Bergmann // Sprachwissenschaft : Ein Reader. — Berlin, Boston : De Gruyter, 2019. — S. 347—363.

21. *Brinker K.* Linguistische Gesprächsanalyse : Eine Einführung / K. Brinker, S. Sager. — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2010. — 220 S. — ISBN 978-3-503-12207-3.

22. *Couper-Kuhlen E.* Argumente für die Entwicklung einer „interaktionalen Linguistik“ / E. Couper-Kuhlen, M. Selting // Gesprächsforschung — Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion. — 2000. — S. 76—95.

23. *Einführung* in die Konversationsanalyse / K. Birkner, P. Auer, A. Bauer, H. Kotthoff. — Berlin, Boston : De Gruyter, 2020. — 498 S.

24. *Gesprächsanalytisches* Transkriptionssystem 2 (GAT 2) / M. Selting, P. Auer, D. Barth-Weingarten // Gesprächsforschung — Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion. — 2009. — № 10. — S. 353—402.

25. *Gregory M.* Aspects of varieties differentiation / M. Gregory // Journal of Linguistics. — 1967. — № 3 (2). — Pp. 177—274.

26. *Henne H.* Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehbock. — 4. Aufl. — Berlin / New York : Walter de Gruyter, 2001. — 336 S.

27. *Imo W.* Interaktionale Linguistik. Eine Einführung / W. Imo, Ph. Lanwer. — Berlin : J. B. Metzler Verlag, 2019. — 339 S.

28. *Koch P.* Mündlichkeit und Schriftlichkeit von Texten / P. Koch, W. Oesterreicher // Textlinguistik. 15 Einführungen. — Tübingen : Narr, 2008. — S. 199—215.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024,
одобрена после рецензирования 10.01.2025,
подготовлена к публикации 26.02.2025.

Material resources

Interview with L. A. Bokeria from 31.01.2016 on the NTV channel. Available at: https://www.ntv.ru/peredacha/amp/Pozdnyakov/m50720/ o378916/ (accessed 15.09.2024). (In Russ.).

Kozhina, M. N. (ed.). (2011). *Stylistic encyclopedic Dictionary of the Russian language.* Moscow: Flint: Nauka Publ. 696 p. ISBN 978-5-89349-342-9. (In Russ.).

References

Annushkin, B. I. (2011). Rhetoric. In: *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language.* Moscow: Flint: Nauka Publ. 360—366. ISBN 978-5-89349-933-9. (In Russ.).

CC BY

Austin, J. L. (1975). *How to do Things with words (The William James lectures).* Cambridge: Harvard University Press. 192 p.

Bergmann, J. (2019). Ethnomethodologische Konversationsanalyse. In: *Sprachwissenschaft: Ein Reader.* Berlin, Boston: De Gruyter. 347—363. (In Germ.).

Brinker, K., Sager, S. (2010). *Linguistische Gesprächsanalyse: Eine Einführung.* Berlin: Erich Schmidt Verlag. 220 S. ISBN 978-3-503-12207-3. (In Germ.).

Couper-Kuhlen, E., Selting, M. (2000). Argumente für die Entwicklung einer „interaktionalen Linguistik". *Gesprächsforschung — Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion.* 76—95. (In Germ.).

Devkin, V. D. (1979). *German colloquial speech. Syntax and Vocabulary.* Moscow: International Relations. 257 p. (In Russ.).

Duskaeva, L. R. (2011). Oral public speech. In: *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language.* Moscow: Flint: Nauka Publ. 563—567. ISBN 978-5-89349-342-9. (In Russ.).

Einführung in die Konversationsanalyse. (2020). Berlin, Boston: De Gruyter. 498 S. (In Germ.).

Filippov, K. A. (2016). *Text linguistics and modern analysis of spoken language.* St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 228 p. (In Russ.).

Gregory, M. (1967). Aspects of varieties differentiation. *Journal of Linguistics, 3 (2):* 177—274. (In Germ.).

Henne, H. (2001). *Einführung in die Gesprächsanalyse.* Berlin / New York: Walter de Gruyter. 336 S. (In Germ.).

Imo, W. (2019). *Interaktionale Linguistik. Eine Einführung.* Berlin: J. B. Metzler Verlag. 339 S. (In Germ.).

Isaeva, A. A. (2020). Differentiation markers of spontaneous and prepared speech. *Proceedings of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 4:* 37—48. DOI: 10.17308/ lic.2020.4 /3078. (In Russ.).

Isupova, O. G. (2002). Conversion analysis: representation of the method. *Sociology: 4M, 15:* 33—52. (In Russ.).

Koch, P., Oesterreicher, W. (2008). Mündlichkeit und Schriftlichkeit von Texten. In: *Textlinguistik. 15 Einführungen.* Tübingen: NarrS. 199—215. (In Germ.).

Lapteva, O. A. (2015). Television speech as a phenomenon of literary language. In: *Live Russian speech from the television screen: the colloquial layer of television speech in the normative aspect.* Moscow: Lenard Publ. 9—62. ISBN 978-5-9710-1522-2. (In Russ.).

Lapteva, O. A. (2017). Oral public speech. *Great Russian Encyclopedia.* Available at: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4702831 (accessed 10.09.2024). (In Russ.).

Osipenko, T. A. (2023). *Verbal doctor-patient interaction (based on authentic German-language consultations).* PhD Diss. Saint Petersburg. 156 p. (In Russ.).

Raiskaya, L. M. (2009). *Lectures on the Russian language and speech culture.* Tomsk: Publishing House of Tomsk Polytechnic University. 152 p. (In Russ.).

Rusetskaya, O. N., Yamov, N. V. (2010). Functional and stylistic features of public speech. *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities, 48.* Available at: https://vestnik.amursu.ru/wp-content/uploads/2017/12/N48_40.pdf (accessed 17.09.2024). (In Russ.).

Ryko, A. I., Stepanova, S. B. (2010). Phonetic realization of the words *chto, chego* in spontaneous Russian speech (based on the materials of the speech corpora of Russian

CC BY

everyday communication “One Speaker’s Day”). In: *Phonetics today: materials of reports and communications of the VI International scientific conference.* Moscow: IRI RAS. 108—109. (In Russ.).

Selting, M. (2009). Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2 (GAT 2). *Gesprächsforschung — Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion, 10:* 353—402. (In Germ.).

Sirotinina, O. B. (1983). *Russian colloquial speech: A manual for teachers.* Moscow: Prosveshchenie Publ. 81 p. (In Russ.).

Velikaya, E. V. (2008). On phonostilistic features of stage speech. *Bulletin of the Moscow State University. Ser. 19: Linguistics and intercultural communication, 1:* 43—55. (In Russ.).

Vishnevskaya, G. M. (1989). Perception of spontaneous foreign language speech in conditions of interference. In: *The problem of spontaneous spoken speech. Collection of scientific papers.* Moscow: MGIAI. 113—119. (In Russ.).

Zemskaya, E. A. (2016). *Russian colloquial speech: linguistic analysis and problems of learning.* Moscow: Flynn. 240 p. ISBN 978-5-89349-635-2. (In Russ.).

Zemskaya, E. A., Shiryaev, E. N. (1980). Oral public speech: spoken or codified? *Questions of linguistics, 2:* 61—72. (In Russ.).

Zhuravlev, A. P. (1970). On some differences between live spoken and stylized speech. In: *Russian spoken speech: collection of scientific papers.* Saratov: Saratov University Press. 176—184. (In Russ.).

The article was submitted 10.11.2024;
approved after reviewing 10.01.2025;
accepted for publication 26.02.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Сигал К. Я. Пунктуационный минус-прием в условиях пародирования (на материале рассказов А. П. Чехова «Дама с собачкой» и М. М. Зощенко «Дама с цветами») / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 116—134. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-116-134.

Seagal, K. Ya. (2025). Punctuational Minus Device in Parody: A Study of A. P. Chekhov's "The Lady with the Dog" and M. M. Zoshchenko's "The Lady with the Flowers". *Nauchnyi dialog, 14* (2): 116-134. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-116-134. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Пунктуационный минус-прием в условиях пародирования (на материале рассказов А. П. Чехова «Дама с собачкой» и М. М. Зощенко «Дама с цветами»)

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Punctuational Minus Device in Parody: A Study of A. P. Chekhov's "The Lady with the Dog" and M. M. Zoshchenko's "The Lady with the Flowers"

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief research scientist,
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается анализ пунктуационного минус-приема в условиях пародирования. В качестве материала для исследования использованы эмотивные знаки препинания (восклицательные знаки, срединные и конечные многоточия, вопросительные знаки) в рассказе А. П. Чехова «Дама с собачкой» (1899 год) и в его «пародийной реинтерпретации» (И. П. Колева) — рассказе М. М. Зощенко «Дама с цветами» (1929 год). Актуальность исследования состоит в том, что эмотивно-дейктическая функция знаков препинания не описана на интертекстуальном уровне и что способы пародирования пунктуации (за исключением гиперболического воспроизведения) не установлены. Показано, что пунктуационный минус-прием заключается в отсутствии необходимого знака препинания, а также в постановке знака препинания, менее пригодного к выполнению той или иной функции. Выяснено, что при реализации эмотивно-дейктической функции в интертексте пародийного типа пунктуационный минус-прием проявляется в крайне ограниченном и менее разнообразном использовании эмотивных знаков препинания. Сопоставительный анализ рассказов А. П. Чехова и М. М. Зощенко приводит к выводу о том, что пародийный пунктуационный минус-прием способствует созданию почти безэмоционального повествования.

Ключевые слова:
минус-прием; пародия; пунктуация; рассказ; рефлексия; художественный текст; эмотивные знаки препинания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents an analysis of the punctuational minus device within the context of parody. The study examines emotive punctuation marks (exclamation points, mid-sentence and terminal ellipses, question marks) in A. P. Chekhov's short story "The Lady with the Dog" (1899) and its 'parodic reinterpretation' (I. P. Koleva) by M. M. Zoshchenko's "The Lady with the Flowers" (1929). The relevance of this research lies in the fact that the emotive-deictic function of punctuation marks has not been described at the intertextual level, and methods of parodying punctuation (with the exception of hyperbolic reproduction) remain unestablished. It is demonstrated that the punctuational minus device consists of the absence of necessary punctuation marks as well as the use of less suitable punctuation marks for fulfilling specific functions. The study reveals that when realizing the emotive-deictic function in an intertext of a parodic type, the punctuational minus device manifests itself in a highly limited and less diverse usage of emotive punctuation marks. A comparative analysis of A. P. Chekhov's and M. M. Zoshchenko's short stories leads to the conclusion that the parodic punctuational minus device contributes to the creation of an almost emotionless narrative.

Key words:
minus device; parody; punctuation; short story; reflection; literary text; emotive punctuation marks.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’367+003.086
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-116-134

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Пунктуационный минус-прием в условиях пародирования (на материале рассказов А. П. Чехова «Дама с собачкой» и М. М. Зощенко «Дама с цветами»)

© Сигал К. Я., 2025

1. Введение = Introduction

Термин *минус-прием*, предложенный Ю. М. Лотманом, был призван обозначать «сознательный читательски ощутимый отказ», «значимый нуль», ставший «органической частью графически зафиксированного текста» [Лотман, 2016, с. 70, 127]. Идея минус-приема оказалась востребованной как в литературоведении [Минус-прием …, 2011], так и в лингвистике [Стрункина, 2004]. В рамках пунктуации художественного текста возникает необходимость уточнить понятие, обозначаемое термином *минус-прием*.

В художественной пунктуации, вбирающей в себя интенционально и, несомненно, эстетически обусловленные способы расстановки пунктуационных маркеров, минус-прием проявляется либо в отсутствии необходимого знака препинания, либо в сигнификативном или эмотивном ослаблении знака препинания. Если в первом случае имеется стилистически санкционированный пунктуационный нуль, то во втором — ставится знак препинания, менее отчетливо указывающий на определенное логико-смысловое содержание (например, запятая вместо двоеточия в бессоюзных сложных предложениях с причинными отношениями) или менее приспособленный к передаче эмоций (в частности, точка вместо восклицательного знака).

Обращение к пунктуационному минус-приему становится возможным в том случае, если писатель, во-первых, делает пунктуацию объектом своей метаязыковой и — вследствие этого — стилистической рефлексии, а во-вторых, сообразует постановку знака препинания с намерением преодолеть пунктуационную норму, в том числе посредством сложившейся в узусе пунктуационной вариантности, и / или создать маркер интертекстуальной связи. Это последнее наблюдается большей частью в использовании пародийного пунктуационного минус-приема.

Для пародии существенно, что «различное направление речевой деятельности, ее индивидуальная дифференциация сказывается наиболее на-

CC BY

глядно в структурных мелочах» [Тынянов, 1977, с. 298—299], к которым относятся и пунктуационные маркеры. Правда, в пародиях обычно происходит репродуцирование пунктуационных «мелочей»: так, А. И. Герцен в «Путевых заметках г. Ведрина» (1843 год) дает намек на «пунктуацию <…> коротких паратаксисов» М. П. Погодина [Там же, с. 298]. Однако действие «закона единства воспроизведения и трансформации в процессе создания пародии» [Новиков, 1989, с. 57] побуждает писателей прибегать и к пунктуационному минус-приему.

В этом смысле довольно показателен рассказ М. М. Зощенко «Дама с цветами» (1929 год), представляющий собой «пародийную реинтерпретацию» [Колева, 2013, с. 153] рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой» (1899 год). Именно здесь М. М. Зощенко искусно вводит в текст пунктуационный минус-прием, состоящий в ограниченном употреблении эмотивных знаков препинания (по сравнению с рассказом А. П. Чехова) и тем самым в намеренном подчеркивании почти безэмоционального характера повествования. По-видимому, данный прецедент может быть использован для исследования пунктуационного минус-приема в условиях пародирования, в чем и состоит цель настоящей статьи.

Актуальность исследования определяется тем, что до сих пор, во-первых, в пунктуации художественного текста минус-прием не был выделен как особое явление; во-вторых, участие пунктуации в создании пародии рассматривается исключительно в плане подобия пунктуационного маркирования; в-третьих, эмотивно-дейктическая функция знаков препинания не изучена на интертекстуальном уровне. При этом стоит напомнить, что «язык эмоций в графическом воплощении — одна из важнейших проблем теории художественной пунктуации» [Кольцова, 2006, с. 99].

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые раскрыты особенности пародийного использования пунктуационного минус-приема в жанре рассказа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для анализа является пунктуационная организация рассказов А. П. Чехова «Дама с собачкой» и М. М. Зощенко «Дама с цветами». В центре исследовательского внимания находятся пунктуационные маркеры, специализирующиеся на передаче эмоций: восклицательные знаки, многоточия (как конечные, так и срединные) и вопросительные знаки.

В теории пунктуации утвердилось мнение о том, что к эмотивным знакам препинания относятся только восклицательный знак, передающий «эмоциональную окраску предложения», и многоточие, являющееся показателем «эмоционального и психологического напряжения» [Валгина, 2004, с. 62,

CC BY

68]. Однако вопросительный знак вовсе не отлучен от эмотивного указания: ему присуще выступать в качестве графического маркера эмоций удивления, недоумения, сомнения, недоверия, негодования и возмущения, сопровождающих реализацию вопросительной эмфазы [Калинина, 2021, с. 202—204]. Кроме того, даже вопросительный знак, указывающий сугубо на вопросительную целеустановку высказывания, в художественной речи может становиться контекстным сигналом эмоционального содержания.

В процессе рассмотрения пунктуационного минус-приема как средства пародии были использованы такие методы исследования, как сопоставительно-стилистический анализ художественных текстов одного и того же жанра; функционально-текстовый анализ знаков препинания с учетом их рассредоточения по сюжетно-композиционным компонентам, а также по речевым сферам рассказчика и персонажей; пунктуационно-стилистический эксперимент, а именно «экспериментальные ухудшения» [Пешковский, 2007, с. 515], связанные с заменой эмотивных пунктуационных маркеров на точку и наоборот.

Исследование пунктуационного минус-приема осуществляется, с одной стороны, в русле мультимодальной стилистики, в которой предполагается включение пунктуации, равно как и других графических элементов, в «мультимодальный семиозис (multimodal semiosis)» [Nørgaard, 2019, p. 2], а с другой стороны, в русле таких направлений функционального подхода к пунктуации, как пунктуационная стилистика [Abaravičius, 2002], прагматика пунктуации [Figueras, 2001] и эстетика пунктуации [Lukeman, 2006; Serça, 2012].

Если пунктуация рассказов А. П. Чехова, а также его метаязыковые и стилистические представления о пунктуации неоднократно становились предметом рассмотрения как в отечественной [Галанова, 2021; Глухих, 1991; Гурбанов, 1963], так и в зарубежной [Bartlett, 2006] лингвистике, то пунктуация в художественно-речевом творчестве М. М. Зощенко пока не была подвергнута специальному исследованию.

Несмотря на то, что еще в 1946 году Л. А. Плоткин отметил, что рассказ А. П. Чехова «Дама с собачкой» «явным образом пародируется» в зощенковском рассказе «Дама с цветами» [МЗ, с. 814], только в наши дни усилиями И. П. Колевой этот литературный факт получил свое истолкование [Колева, 2013, с. 149—164]. Однако, заявив о том, что «следы литературных связей зощенковского рассказа с чеховским спрятаны <…> вовнутрь и, чтобы их обнаружить, нужны усилия на уровне <…> лингвистического анализа текста» [Там же, с. 153], она вовсе не обращается к пунктуации, благодаря которой М. М. Зощенко создает такое средство пародирования, как пунктуационный минус-прием.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Рассказы А. П. Чехова в литературно-эстетическом восприятии М. М. Зощенко

Для понимания пародийной основы рассказа М. М. Зощенко «Дама с цветами» должно быть учтено то обстоятельство, что обращение к чеховскому рассказу «Дама с собачкой» здесь отнюдь не случайно: на протяжении всей творческой жизни М. М. Зощенко осмыслял писательский опыт А. П. Чехова. В одной из бесед он признавал: «Первые мои рассказы были написаны под влиянием старых традиций, может быть, Чехова <…>» [МЗ, с. 55].

Любопытно, что читатели, сравнивая М. М. Зощенко с А. П. Чеховым, иногда довольно нелицеприятно отзывались о писателе-современнике. М. М. Зощенко приводил письмо юной читательницы, в котором говорилось буквально следующее: «Я думаю, да и Вы, наверно, сами согласитесь, что до Чехова Вам далеко» [Там же, с. 49]. Это выражение М. М. Зощенко использовал в рассказе «Происшествие на Олимпе» (1946 год), где в присутствии начинающего писателя М. (!) сотрудница литературной консультации при районной газете заявляет: «Все равно ему до Чехова далеко» [Зощ-2, с. 595].

В литературно-критической статье «О комическом в произведениях Чехова», написанной в 1944 году, М. М. Зощенко показал, что «Чехов не был юмористом, он был сатириком. Но, как здоровый и полноценный человек, он, видимо, не считал сатиру высшей ступенью в литературе. Он стремился к утверждению жизни» [МЗ, с. 106]. Раскрыв художественную сверхзадачу А. П. Чехова, писатель как бы осуществил творческое самоопределение. Еще за полтора десятилетия до этого М. М. Зощенко так представлял свое литературное кредо: «Я пишу не для того, чтобы посмешить, а для того, чтобы юмором оттенить недостатки, усилить то, что мне кажется наиболее важным. Смехом можно гораздо больнее ударить по тому явлению, по которому мне хочется ударить» [Там же, с. 56].

Рассказы А. П. Чехова присутствуют в зощенковском творчестве в виде разного рода аллюзий, создающих особый чеховский интертекст.

Так, например, в рассказе М. М. Зощенко «Горькая доля» (1923 год) происходит комический «сдвиг» сюжета чеховской «Душечки». Анна четырежды выходит или собирается выйти замуж, всякий раз восхищаясь родом занятий своего избранника и воспринимая его взгляды на жизнь. Весь рассказ состоит из пяти писем, адресованных некоей Капочке. В конце четырех из них указывается очередная фамилия Анны (ср.: «Твоя Анна <Подподушкина / Деримбасова / Шишман / Лахудрина>» [Зощ-4, с. 414—417]), а в начале каждого письма — дата написания (эти части выделены курсивом и выровнены по правому краю). Отсюда читатель узнает,

CC BY

что вся незатейливая матримониальная история заняла менее трех месяцев. Эту скоротечность прежде всего и осмеивает писатель.

Для зощенковского рассказа «Анна на шее» (1934 год) берется название одноименного рассказа А. П. Чехова. Кроме того, в нем упоминается, что в прежнее время «давали чуть не за каждый шаг <…> знаменитую “Анну на шее”» [Зощ-2, с. 70] (а этот орден — символическая деталь у А. П. Чехова). Сюжет рассказа предельно прост: милиционер Михаил Сидоренко спасает бросившуюся в Неву молодую гражданку Анну Васильевну Теплякову, а затем, поспешно женившись на ней, становится жертвой ее чудовищных истерик. «Наш храбрец получил, так сказать, Анну на шею» [Там же, с. 75], — резюмирует рассказчик, дающий фразовую отсылку к чеховскому первоисточнику.

Очевидно, что в обоих этих рассказах пародирование представлено как «способ освоения художественного текста с целью создания нового произведения» [Новиков, 1989, с. 150]. Причем пародийное обыгрывание тех или иных элементов чеховских рассказов (от названия до сюжетного хода) служит здесь предъявлению этической «калибровки» личности в новых условиях общественной жизни. В полной мере сказанное относится и к зощенковскому рассказу «Дама с цветами».

В нем устами рассказчика-обывателя («старого грубоватого материалиста» [Зощ-3, с. 599]) передана история о том, как семейная идиллия оказалась разрушенной трагическим событием и как «любовные чувства <…> героя не выдерживают <…> “проверки на прочность”» [Колева, 2013, с. 158]. Инженер Николай Николаевич Горбатов, живший со своей молодой супругой Ниной Петровной на даче «по реке Неве» [Зощ-3, с. 600], был безумно нежен с ней, баловал ее и «окончательно замкнулся в свою семейную жизнь и в свою любовь» [Там же, с. 601]. Однако супруга утонула, а ее тело долго не могли найти, из-за чего Горбатов «чересчур страдал и расстраивался» [Там же, с. 604]. Когда рыбаки отыскали тело его утонувшей супруги, Горбатов, выказав отвращение и брезгливость («носком своего сапожка <…> перевернул лицо утопленницы» [Там же, с. 606]), поручил тем же рыбакам похоронить «эту (sic! — *К. С.*) даму» [Там же]. Вскоре его увидели в Ленинграде «с какой-то дамочкой» [Там же].

Данный рассказ отличается от чеховского рассказа «Дама с собачкой» по своему сюжету и, что особенно существенно, по пафосу (ср. [Колева, 2013, с. 153]): если у А. П. Чехова показана возвышающая, преображающая сила любви, то рассказчик у М. М. Зощенко, отвергнув «миф о романтической любви и смерти» [Жолковский, 2014, с. 371], «окончательно после этой истории поставил крест на многие возвышенные вещи» [Зощ-3, с. 600].

CC BY

Благодаря фигуре рассказчика М. М. Зощенко пародирует чеховскую «Даму с собачкой», вследствие чего он вынужден давать читателю отсылки к пародируемому тексту. В частности, эту функцию выполняет само название рассказа. Во-первых, оно образовано по той же лексико-синтаксической модели атрибутивно-посессивного словосочетания, что и название рассказа А. П. Чехова. Во-вторых, ориентация на чеховское название видится в том, что словосочетание «дама с цветами» вовсе не встречается в тексте рассказа (ср., наоборот, рассказ А. П. Чехова, где словосочетание «дама с собачкой» употреблено четыре раза). В-третьих, цветы, включенные в портретное описание Нины Петровны («Так, дама и дама. <…> Завсегда в руках цветы. Или она их держит, или нюхает» [Там же]), в то же время ассоциируются с героиней чеховского рассказа («Анна Сергеевна уже молчала и нюхала цветы, не глядя на Гурова» [Чех-2, с. 131]).

В рассказе М. М. Зощенко «Дама с цветами» осуществляется «пародирование всего лирического настроя чеховской новеллы» [Колева, 2013, с. 161]. При этом необходимую для пародии «невязку планов» ее текста и текста пародируемого [Тынянов, 1977, с. 201] М. М. Зощенко обеспечивает в том числе за счет пунктуационного минус-приема, состоящего в значительном снижении доли эмотивных знаков препинания. По сравнению с чеховским рассказом «Дама с собачкой» у М. М. Зощенко использовано в 4 раза меньше восклицательных знаков (а именно — 7), в 14 раз меньше вопросительных знаков (а именно — 2) и в 26 раз меньше многоточий (а именно — 1).

3.2. Пунктуация в зеркале писательской рефлексии: А. П. Чехов и М. М. Зощенко

Важно отметить, что как А. П. Чехов, так и М. М. Зощенко то и дело обращаются к осмыслению знаков препинания в пунктуационных комментариях, запечатленных в созданных этими писателями текстах.

В 1885 году А. П. Чехов посвящает пунктуации целый рассказ — «Восклицательный знак». В нем ведущая сюжетная линия зиждется на том, что в деловых бумагах, которые в течение сорока лет писал коллежский секретарь Ефим Фомич Перекладин, ни разу не был поставлен восклицательный знак.

Как кажется, отповедь по поводу употребления знаков препинания, которую Перекладину пришлось выслушать от юноши, сына статского советника, в содержательном плане созвучна представлениям самого А. П. Чехова. Ср.: « — <…> Мало того, что вы знаки препинания правильно ставите… мало-с! Нужно сознательно ставить! Вы ставите запятую и должны сознавать, для чего ее ставите… да-с! А это ваше бессознательное… рефлекторное правописание и гроша не стоит. Это машинное производство и больше ничего» [Чех-1, с. 266—267].

CC BY

В эпистолярном творчестве А. П. Чехова знаки препинания уподобляются нотам. Так, в письме Н. А. Хлопову от 13 февраля 1888 года он пеняет своему адресату на то, что в его произведении «знаки препинания, служащие нотами при чтении, расставлены <…>, как пуговицы на мундире гоголевского городничего. Изобилие многоточий и отсутствие точек» [Чех-3, с. 200]. В письме Р. Ф. Ващук от 28 марта 1897 года подчеркивается, что «в художественном произведении знаки (препинания. — *К. С.*) зачастую играют роль нот, и выучиться им по учебнику нельзя; нужны чутье и опыт» [Чех-4, с. 318]. Очевидно, что если в первом письме делается намек на изобразительный потенциал знаков препинания, то во втором — названо то, на чем основывается пунктуационный «почерк» художника слова.

В творчестве М. М. Зощенко описательное указание на тот или иной знак препинания и на целесообразность его употребления возникает тогда, когда писатель сосредоточивается на том, какой знак препинания следовало бы поставить, или когда он заменяет один знак препинания другим.

Ср. в «Голубой книге» (1935 год): «Так что уважать людей и любить их надо со всей силой своего сознательного сердца. И это на голубом мраморе надо записать черными буквами с пятью восклицательными знаками» [Зощ-1, с. 696—697]; в повести «Перед восходом солнца» (1943 год): «Но Байрону было тридцать, когда он сказал: “То пресыщенье? Оно теперь следит за мной, как тать, везде <…>”. У Байрона нет вопросительного знака после слов “То пресыщенье”. Это я мысленно ставлю <…> вопрос» [Зощ-5, с. 91].

Приведенные контексты обнаруживают пристальное внимание М. М. Зощенко к пунктуационной позиции конца высказывания и, в частности, к ее маркированию эмотивными знаками препинания. Кроме того, замена точки на вопросительный знак в цитате свидетельствует о том, что М. М. Зощенко допускал необходимые ему пунктуационные трансформации в сфере интертекста.

3.3. Пунктуационные особенности рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой»

Знаки препинания с эмоциональной «нагрузкой», то есть восклицательные знаки, многоточия и вопросительные знаки, в их совокупности обладают разной мерой концентрированности в каждой из четырех глав рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой»: в 1-й главе (знакомство Анны Сергеевны и Гурова) таких знаков препинания — 8, во 2-й главе (сближение героев и их расставание) — 22, в 3-й главе (поездка Гурова в город С.) — 37, в 4-й главе (приезд Анны Сергеевны в Москву) — 15.

При этом в пунктуационном «рисунке» каждой главы преобладает какой-то один эмотивный знак препинания: в 1-й и 3-й главах — воскли-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

цательный знак (по 4 и 17 употреблений соответственно), во 2-й главе — многоточие (10 употреблений), в 4-й главе — вопросительный знак (9 употреблений).

По-видимому, все это не могло не быть учтено (пусть даже интуитивно!) В. В. Набоковым, проницательно сказавшим о чеховской «Даме с собачкой», что этот «рассказ основан на системе волн, на оттенках того или иного настроения» [Набоков, 2010, с. 368].

В рассказе «Дама с собачкой» разные эмотивные знаки препинания образуют значимую в композиционном плане рамку, отображающую изменения в духовно-эмоциональной жизни Гурова. Если в 1-й главе речь идет о том, что он «о женщинах отзывался почти всегда дурно, и когда в его присутствии говорили о них, то он называл их так: — *Низшая раса!*» [Чех-2, с. 128], то в 4-й главе о Гурове, не находящем способа «освободиться от <…> невыносимых пут», сообщается: *«* — *Как? Как?* — спрашивал он, хватая себя за голову. — *Как?*» [Там же, с. 143].

Посредством восклицательного знака в речи Гурова переданы его надменность и презрение, тогда как трижды использованный вопросительный знак обнаруживает его искреннюю растерянность. Переходом от восклицательного знака к вопросительному в рассказе сопровождена «история “перерождения” главного героя — типичного московского обывателя, любителя женщин и светских удовольствий — в человека рефлексирующего» [Колева, 2013, с. 158].

Безусловно, А. П. Чехов намеренно придал данным употреблениям разных эмотивных знаков препинания композиционную функцию. На это указывают два следующих факта. Во-первых, эти пунктуационные маркеры являются в рассказе первой и последней реализацией эмотивных знаков препинания соответственно, то есть оказываются стилистически выделенными. Во-вторых, первая реплика, причем автономная, не относящаяся к какому-либо диалогическому единству, вполне могла бы быть включена в структуру словосочетания (ср.: «называл низшей расой») в высказывании рассказчика, однако писатель не лишает ее коммуникативного статуса, поскольку ему был необходим восклицательный знак во «входной» реплике Гурова.

В рассказе «Дама с собачкой» предельное «сгущение» эмотивных знаков препинания происходит в отдельных эпизодах, речевая организация которых отражает «господство плана персонажа» [Виноградов, 1971, с. 184].

Так, в эпизоде «покаяния» [Чех-2, с. 133] Анны Сергеевны после сближения (2-я глава) в ее репликах использованы 5 многоточий (в том числе 2 срединных), 3 восклицательных знака и 1 вопросительный знак. Ср.: *«* — *Пусть бог меня простит! <…> Чем мне оправдаться? <…> Мой муж, быть может, честный, хороший человек, но ведь он лакей! <…>*

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Хотелось пожить! Пожить и пожить… Любопытство меня жгло… вы этого не понимаете, но, клянусь богом, я уже не могла владеть собой, со мной что-то делалось, меня нельзя было удержать, я сказала мужу, что больна, и поехала сюда… И здесь все ходила, как в угаре, как безумная… и вот я стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякий может презирать. <…> Верьте, верьте мне, умоляю вас…» [Там же, с. 132—133].

В речи Анны Сергеевны многоточиями маркируются эмоциональные паузы, передающие взволнованность героини, благодаря восклицательным знакам выстраданные ею реплики приобретают эмоциональный акцент, вопросительным знаком маркируется риторический вопрос, косвенно указывающий на самоосуждение героини (‘Мне нечем оправдаться’).

Правда, некоторые из этих пунктуационных маркеров выполняют и дополнительную текстовую функцию, вовсе не связанную с эмоциями. Ср. оформленный восклицательным знаком и многоточием инфинитивный повтор в речи Анны Сергеевны («*Хотелось пожить! Пожить и пожить…*» [Там же, с. 132]) и участие этих знаков препинания в отсылке к словам рассказчика о Гурове, которому «при всякой новой встрече с интересною женщиной <…> *хотелось жить*» [Там же, с. 129].

Показательно, что в репликах Гурова, прерывающих покаянную речь Анны Сергеевны, содержатся всего 2 вопросительных знака и 1 многоточие, восклицательных знаков нет вовсе. В этом эпизоде подобное ограниченное использование эмотивных знаков препинания обнаруживает отсутствие у Гурова подлинной эмпатии. Ср.: «Гурову было уже скучно слушать, его раздражал наивный тон, это покаяние, такое неожиданное и неуместное <…>» [Там же, с. 133].

Эпизод объяснения Анны Сергеевны и Гурова в театре (3-я глава), состоявшегося тогда, когда Гуров уже «понял ясно, что для него теперь на всем белом свете нет ближе, дороже и важнее человека» [Там же, с. 139], чем Анна Сергеевна, в аспекте употребления эмотивных знаков препинания выглядит несколько иначе.

В речи Анны Сергеевны, ошеломленной неожиданным появлением Гурова, а затем его поцелуями на лестнице, представлены 9 восклицательных знаков, 4 вопросительных знака и 3 многоточия. Ср.: « — *Как вы меня напугали! <…> О, как вы меня напугали! <…> Зачем вы приехали? Зачем? <…> Я так страдаю! <…> И мне хотелось забыть, забыть, но зачем, зачем вы приехали? <…> Что вы делаете, что вы делаете! <…> Уезжайте сегодня же, уезжайте сейчас… Заклинаю вас всем святым, умоляю… Сюда идут! <…> Вы должны уехать… <…> Слышите, Дмитрий Дмитрич? <…> Я никогда не была счастлива, я теперь несчастна и никогда, никогда не буду счастлива, никогда! Не заставляйте же меня страдать*

CC BY

еще больше! <…> *А теперь расстанемся! Мой милый, добрый, дорогой мой, расстанемся!*» [Там же, с. 140].

Обилие эмотивных знаков препинания при незначительных по длине высказываниях, в том числе с повторами, передает, с одной стороны, эмоциональную дробность речи и ее убыстренный темп, а с другой стороны, эмоциональный «нажим» при кротком увещевании.

В речи Гурова эмотивных знаков препинания имеется как будто бы не так много: 3 многоточия и 2 восклицательных знака, вопросительных же знаков вообще нет, однако это указывает совсем не на недостаток у него эмоций, а на его эмоциональную сдержанность. О том, что Гуров наполнен эмоциями, но они просто не направлены вовне, свидетельствует то, что эмотивные знаки препинания используются при передаче его внутренней речи (ср.: «И Гуров, у которого сильно билось сердце, думал: *“О господи! И к чему эти люди, этот оркестр…”*» [Там же]) и при его несобственно-прямой речи («И в эту минуту он (Гуров. — *К. С.*) вдруг вспомнил, как тогда вечером на станции, проводив Анну Сергеевну, говорил себе, что все кончилось и они уже никогда не увидятся. *Но как еще далеко было до конца!*» [Там же]).

В рассказе «Дама с собачкой» разнообразие эмотивных знаков препинания характерно только для речи Анны Сергеевны и — в меньшей степени — Гурова, тогда как в речи рассказчика (если не учитывать несобственно-прямую речь) и второстепенных персонажей имеется только какой-либо один из этих знаков. Так, в речи рассказчика таковым оказывается многоточие, обозначающее «стыки» разных эпических плоскостей, в речи чиновника из клуба — восклицательный знак (ср.: « — *Дмитрий Дмитрич! <…> А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!*» [Там же, с. 137]), в речи дочери Гурова — вопросительный знак.

Особо стоит остановиться именно на вопросительном знаке, которым обозначена вопросительная целеустановка, характеризующая высказывание дочери Гурова: « — *Папа, а почему зимой не бывает грома?*» [Там же, с. 141]. Внутри высказывания этот знак препинания не несет какого бы то ни было эмоционального содержания. Однако, отвечая на вопрос, Гуров задумывается о своих двух жизнях — явной и тайной, и это придает самому вопросительному высказыванию отраженный эмоциональный смысл. Тем самым в контексте, выходящем за пределы акта вопросно-ответной коммуникации, вопросительный знак приобретает способность к эмотивному указанию.

3.4. Пунктуационные особенности рассказа М. М. Зощенко «Дама с цветами»

Рассказу М. М. Зощенко «Дама с цветами» свойственна сказовая форма повествования. «Сказ обычно почти поглощает диалог, ограничивает

CC BY

его, во всяком случае, борется с ним» [Виноградов, 1971, с. 127]. В полной мере эта черта сказовой формы повествования проявляется в зощенковской «Даме с цветами», где предельно сужена сфера прямой речи персонажей и где почти все немногочисленные эмотивные знаки препинания принадлежат либо речи самого рассказчика, либо пересказанной им речи второстепенных персонажей.

В речи рассказчика представлены 3 восклицательных знака. Двумя из них обозначается сильный эмоциональный акцент на коротких неодобрительных высказываниях: однокомпонентном — отрицательно-партиклевом, двухкомпонентном — риторическом восклицании, идиоматически указывающем на безразличие со стороны объекта речи. Ср.: «Вот он (Горбатов. — *К. С.*) уехал, а она (Нина Петровна. — *К. С.*) села и сидит, что дура, мечтает про разные отвлеченные вещи. Ну, пойди постирай, если не хочешь физкультурой заняться. Или пойди тому же своему Горбатову кровать прибери. *Нет!* Сидит и сидит» [Зощ-3, с. 602]; «Он (Горбатов. — *К. С.*) <…> сам ее (Нину Петровну. — *К. С.*) по спинке хлопает, дурачится, обнимает. *Чего ему!* Он, главное, никакой общественной нагрузки не несет и весь замкнулся в свой горизонт и в свои нежные переживания» [Там же, с. 603]. Третьим же восклицательным знаком передается сочувствие человеку, потерявшему горячо любимую супругу. Ср.: «*Скажем только, что инженер Николай Николаевич чрезвычайно убивался и страдал от этого факта!*» [Там же].

Пересказанная речь рыбаков (ср. ее показатели — частицы «дескать» и «мол») является более эмоционально окрашенной: в ее пунктуационном маркировании использованы 2 вопросительных и 2 восклицательных знака. В данном случае эмотивные знаки препинания указывают в первой реплике на нетерпеливость, а во второй — на недовольство и гнев рыбаков. Ср.: «Тогда один из рыбаков, не желая, конечно, терять понапрасну драгоценное времечко, говорит — дескать, *ну, как? Она? Если не она, так давайте, граждане, разойдемся, чего стоять понапрасну!*» [Там же, с. 605—606]; «Тут рыбаки начали на него (на Горбатова. — *К. С.*) кричать — мол, *а деньги, деньги*, мол, *посулил, а сам тигаля дает, а еще бывший интеллигент и в фуражке!*» [Там же, с. 606].

Примечательно, что Нина Петровна вовсе лишена в рассказе собственной речевой партии. В речи же инженера Горбатова, представленной несколькими репликами, имеются всего 2 эмотивных знака препинания: многоточие, поставленное после слова-предложения с семантикой согласия-подтверждения, и восклицательный знак. Оба эмотивных знака препинания оформляют реплику, которую произносит потрясенный Горбатов, узнавший в утопленнице свою супругу. Ср.: «<…> он (Горбатов. — *К. С.*)

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

наклонил голову и тихо прошептал про себя: — *Да… это она!*» [Там же, с. 606].

В рассказе эта реплика Горбатова, который, казалось бы, совсем недавно был охвачен безмерной любовью, сопровождена повторяющимся упоминанием о брезгливости, которую он испытал при виде утопленницы. При этом, наоборот, рассказчик-обыватель возвышенно говорит о ее «лике» [Там же, с. 605]. «Реакция» Горбатова «эмоциональна» [Жолковский, 2014, с. 374], и подобный ее характер создается посредством эмотивных знаков препинания, хотя тому, как он проявил себя в эпизоде опознания, больше соответствовало бы иное пунктуационное маркирование его реплики: запятая — вместо многоточия, точка — вместо восклицательного знака. В речи Горбатова эмотивные знаки препинания, пусть и очень скудно, появляются лишь после того, как его супруги не стало.

В рассказе М. М. Зощенко «Дама с цветами» эмотивные знаки препинания представлены весьма скромно, а те, что имеются, вовсе не нацелены на передачу «перелива чувств, скрытых душевных движений» [Колева, 2013, с. 141]. Достаточно сказать, что наибольшей концентрации эмотивные знаки препинания достигают в пересказанной речи рыбаков, добивающихся от Горбатова обещанного вознаграждения.

Установка на сдержанно-отстраненное, безэмоциональное повествование, приводящая к довольно ограниченному использованию эмотивных знаков препинания, идет от рассказчика, который еще в преамбуле заявляет, что «это рассказ насчет того, как однажды через несчастный случай окончательно выяснилось, что всякая мистика, всякая идеалистика, разная неземная любовь <…> есть форменная брехня и ерундистика» [Зощ-3, с. 599].

Именно поэтому, осуществляя пародийную (точнее, пародийно-игровую) связь с рассказом «Дама с собачкой», рассказчик у М. М. Зощенко, будучи «речевым порождением писателя» [Виноградов, 1971, с. 184], намеренно отказывается от обильного и нюансированного употребления эмотивных знаков препинания, свойственного чеховскому рассказу. В этом проявляются сущность пунктуационного минус-приема и его эстетическая мотивировка в рассказе М. М. Зощенко «Дама с цветами».

4. Заключение = Conclusions

В заключение необходимо отметить, что идея минус-приема, высказанная Ю. М. Лотманом, имеет отношение ко всем сторонам организации художественного текста, в том числе и к его пунктуационному оформлению. Пунктуационный минус-прием закрепился как одно из приоритетных в перцептивно-стилистическом отношении средств художественной пунктуации.

CC BY

Пунктуационный минус-прием не сводится исключительно к опущению знака препинания, который является необходимым в той или иной пунктуационной позиции в соответствии с нормой и / или узусом, то есть он не отождествляется с пунктуационным нулем. К пунктуационному минус-приему относится также постановка знака препинания, менее пригодного к выполнению той или иной функции.

Манифестация эмотивно-дейктической функции знаков препинания посредством пунктуационного минус-приема осуществляется как в отдельном высказывании, так и в интертексте (например, при пародировании). В первом случае вместо одного из эмотивных знаков препинания ставится точка. Ср. приветствие *Здравствуйте!* с узуальным восклицательным знаком и замену в этом приветствии восклицательного знака на точку в рассказе А. П. Чехова «Дама с собачкой»: «Гуров <…> подошел к ней (к Анне Сергеевне. — *К. С.*) и сказал дрожащим голосом, улыбаясь насильно: — *Здравствуйте.*» [Чех-2, с. 139]. Во втором случае эмотивные знаки препинания используются, однако — по сравнению с пародируемым текстом — крайне ограниченно и менее разнообразно.

В пародиях, как правило, при обыгрывании пунктуационных особенностей того или иного художественного текста гиперболически воспроизводятся определенные пунктограммы либо знаки препинания. О том, что такой алгоритм пунктуационных действий при пародировании отнюдь не является исключительным, свидетельствует обращение пародиста к пунктуационному минус-приему. Благодаря пародийному пунктуационному минус-приему, состоящему в полемически-дозированном употреблении эмотивных знаков препинания, происходит развертывание почти безэмоционального повествования, которое ощущалось бы в пародируемом тексте как эстетически недопустимое и стилистически чужеродное.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. Зощ-1 — *Зощенко М. М.* Голубая книга / М. М. Зощенко. — Москва : Время, 2008. — 816 с. — ISBN 978-5-9691-0363-4.

2. Зощ-2 — *Зощенко М. М.* Личная жизнь : Рассказы и фельетоны (1932—1946) / М. М. Зощенко. — Москва : Время, 2008. — 640 с. — ISBN 978-5-9691-0362-7.

3. Зощ-3 — *Зощенко М. М.* Нервные люди : Рассказы и фельетоны (1925—1930) / М. М. Зощенко. — Москва : Время, 2008. — 752 с. — ISBN 978-5-9691-0360-3.

4. Зощ-4 — *Зощенко М. М.* Разнотык : Рассказы и фельетоны (1914—1924) / М. М. Зощенко. — Москва : Время, 2008. — 848 с. — ISBN 978-5-9691-0359-7.

CC BY

5. Зощ-5 — *Зощенко М. М.* Перед восходом солнца / М. М. Зощенко. — Москва : Время, 2008. — 784 с. — ISBN 978-5-9691-0365-8.

6. МЗ — *Михаил* Зощенко : pro et contra. Антология. 2-е изд. / Сост. И. Н. Сухих. — Санкт-Петербург : РХГА, 2015. — 1088 с. — ISBN 978-5-88812-647-9.

7. Чех-1 — *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 18 т. / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1984. — Т. 4. — 544 с.

8. Чех-2 — *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 18 т. / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1986. — Т. 10. — 495 с.

9. Чех-3 — *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма в 12 т. / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1975. — Т. 2. — 583 с.

10. Чех-4 — *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма в 12 т. / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1978. — Т. 6. — 774 с.

Литература

1. *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 2004. — 259 с. — ISBN 5-06-004937-X.

2. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1971. — 240 с.

3. *Галанова Е. М.* Метапоэтические представления А. П. Чехова о пунктуации / Е. М. Галанова // Чеховские чтения в Ялте / Под ред. О. О. Пернацкой. — Ялта : Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2021. — Выпуск 25. — С. 198—206. — ISBN 978-5-6046175-8-8.

4. *Глухих В. М.* Синтаксис и пунктуация рассказов А. П. Чехова / В. М. Глухих. — Магнитогорск : МГПИ, 1991. — 66 с.

5. *Гурбанов В. В.* А. П. Чехов о пунктуации / В. В. Гурбанов // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. — Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1963. — Т. 248. — С. 439—448.

6. *Жолковский А. К.* Поэтика за чайным столом и другие разборы / А. К. Жолковский. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 824 с. — ISBN 978-5-4448-0189-5.

7. *Калинина А. А.* Знаки конца предложения как знаки эмоций / А. А. Калинина // Язык и метод — 7. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века : Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / Отв. ред. Д. Шумска, К. Озга. — Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellónskiego, 2021. — С. 201—211. — ISBN 978-83-233-5023-1.

8. *Колева И. П.* Михаил Зощенко : искусство пародии. Традиции отечественной юмористики XIX века в творчестве М. М. Зощенко / И. П. Колева. — Москва : Вече, 2013. — 192 с. — ISBN 978-5-4444-1219-0.

9. *Кольцова Л. М.* Пунктуационный эксперимент в художественном тексте / Л. М. Кольцова. — Воронеж : ВГУ, 2006. — 194 с. — ISBN 5-9273-10-94-X.

10. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Азбука, 2016. — 704 с. — ISBN 978-5-389-10444-0.

11. *Минус*-прием : вопросы поэтики. Межвузовский сборник научных работ / Под ред. Н. А. Ермаковой. — Новосибирск : НГПУ, 2011. — 227 с. — ISBN 978-5-85921-790-8.

12. *Набоков В. В.* Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. — 448 с. — ISBN 978-5-9985-0689-5.

13. *Новиков В. И.* Книга о пародии / В. И. Новиков. — Москва : Советский писатель, 1989. — 544 с. — ISBN 5-265-00933-7.

14. *Пешковский А. М.* Лингвистика. Поэтика. Стилистика : Избранные труды / А. М. Пешковский. — Москва : Высшая школа, 2007. — 800 с. — ISBN 5-06-005089-0.

15. *Струнκина И. А.* Языковые средства реализации «минус-приема» в художественном тексте (на материале произведений А. П. Чехова и Э. Хемингуэя) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. А. Струнκина. — Краснодар, 2004. — 22 с.

16. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — 574 с.

17. *Abaravičius J.* Skyrybos stilistika / J. Abaravičius. — Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2002. — 286 p. — ISBN 5-420-01495-5.

18. *Bartlett R.* “Notes in a musical score” : the point of Chekhov’s punctuation / R. Bartlett // Essays in poetics. Chekhov and others / J. Andrew, R. Reid (eds.). — Keele : Keele University, 2006. — Vol. 2. — Pp. 43—66.

19. *Figueras C.* Pragmática de la puntuación / C. Figueras. — Barcelona : EUB — Octaedro, 2001. — 180 p. — ISBN 84-8063-468-5.

20. *Lukeman N.* The art of punctuation / N. Lukeman. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 192 p. — ISBN 978-0-19-861454-8.

21. *Nørgaard N.* Multimodal stylistics of the novel. More than words / N. Nørgaard. — New York & London : Routledge, 2019. — 348 p. — ISBN 978-1-138-50380-9.

22. *Serça I.* Esthétique de la ponctuation / I. Serça. — Paris : Gallimard, 2012. — 320 p. — ISBN 978-2-07-013764-0.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024,
одобрена после рецензирования 27.01.2025,
подготовлена к публикации 20.02.2025.

Material resources

Chekh-1 — Chekhov, A. P. (1984). *Complete works and letters in 30 volumes. Works in 18 volumes, 4.* Moscow: Nauka Publ. 544 p. (In Russ.).

Chekh-2 — Chekhov, A. P. (1986). *Complete works and letters in 30 volumes. Works in 18 volumes, 10.* Moscow: Nauka Publ. 495 p. (In Russ.).

Chekh-3 — Chekhov, A. P. (1975). *Complete works and letters in 30 volumes. Letters in 12 volumes, 2.* Moscow: Nauka Publ. 583 p. (In Russ.).

Chekh-4 — Chekhov, A. P. (1978). *Complete works and letters in 30 volumes. Letters in 12 volumes, 6.* Moscow: Nauka Publ. 774 p. (In Russ.).

MZ — *Mikhail Zoshchenko, Ministry of Health: pro et contra. An anthology. 2nd ed.* (2015). St. Petersburg: RHGA. 1088 p. ISBN 978-5-88812-647-9. (In Russ.).

Zoshch-1 — Zoshchenko, M. M. (2008). *The Blue Book.* Moscow: Vremya. 816 p. ISBN 978-5-9691-0363-4. (In Russ.).

Zoshch-2 — Zoshchenko, M. M. (2008). *Personal life: Stories and Feuilletons (1932—1946).* Moscow: Vremya. 640 p. ISBN 978-5-9691-0362-7. (In Russ.).

Zoshch-3 — Zoshchenko, M. M. (2008). *Nervous people: Stories and Feuilletons (1925—1930).* Moscow: Vremya. 752 p. ISBN 978-5-9691-0360-3. (In Russ.).

Zoshch-4 — Zoshchenko, M. M. (2008). *Raznotyk: Stories and Feuilletons (1914—1924).* Moscow: Vremya. 848 p. ISBN 978-5-9691-0359-7. (In Russ.).

Zoshch-5 — Zoshchenko, M. M. (2008). *Before sunrise.* Moscow: Vremya. 784 p. ISBN 978-5-9691-0365-8. (In Russ.).

References

Abaravičius, J. (2002). *Skyrybos stilistika.* Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. 286 p. ISBN 5-420-01495-5. (In Lith.).

Bartlett, R. (2006). "Notes in a musical score": the point of Chekhov's punctuation. In: *Essays in poetics. Chekhov and others, 2.* Keele: Keele University. 43—66.

Ermakova, N. A. (ed.). (2011). *Minus device: questions of poetics. Interuniversity collection of scientific papers.* Novosibirsk: NSPU. 227 p. ISBN 978-5-85921-790-8. (In Russ.).

Figueras, C. (2001). *Pragmática de la puntuación.* Barcelona: EUB — Octaedro. 180 p. ISBN 84-8063-468-5. (In Span.).

Galanova, E. M. (2021). Chekhov's metapoetic ideas about punctuation. In: *Chekhov's readings in Yalta, 25.* Yalta: Crimean Literary and Artistic Memorial Museum-Reserve. 198—206. ISBN 978-5-6046175-8-8. (In Russ.).

Glukhykh, V. M. (1991). *Syntax and punctuation of A. P. Chekhov's stories.* Magnitogorsk: MGPI. 66 p. (In Russ.).

Gurbanov, V. V. (1963). A. P. Chekhov on punctuation. In: *Scientific notes of the Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen, 248.* Leningrad: LGPI named after A. I. Herzen. 439—448. (In Russ.).

Kalinina, A. A. (2021). Signs of the end of a sentence as signs of emotions. In: *Russian and method — 7. The Russian language in linguistic research of the XXI century: Russian punctuation in a communicative aspect.* Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellónskiego. 201—211. ISBN 978-83-233-5023-1. (In Russ.).

Koleva, I. P. (2013). *Mikhail Zoshchenko: the art of parody. Traditions of Russian humourism of the 19th century in the works of M. M. Zoshchenko.* Moscow: Veche. 192 p. ISBN 978-5-4444-1219-0. (In Russ.).

Koltsova, L. M. (2006). *Punctuation experiment in a literary text.* Voronezh: VSU. 194 p. ISBN 5-9273-10-94-X. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2016). *The structure of the literary text. Analysis of the poetic text.* Saint Petersburg: Azbuka. 704 p. ISBN 978-5-389-10444-0. (In Russ.).

Lukeman, N. (2006). *The art of punctuation.* Oxford: Oxford University Press. 192 p. ISBN 978-0-19-861454-8.

Nabokov, V. V. (2010). *Lectures on Russian literature.* Saint Petersburg: Azbuka-Classics. 448 p. ISBN 978-5-9985-0689-5. (In Russ.).

Nørgaard, N. (2019). *Multimodal stylistics of the novel. More than words.* New York & London: Routledge. 348 p. ISBN 978-1-138-50380-9.

Novikov, V. I. (1989). *Book about parody.* Moscow: Soviet Writer. 544 p. ISBN 5-265-00933-7. (In Russ.).

Peshkovsky, A. M. (2007). *Linguistics. Poetics. Stylistics: Selected works.* Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 800 p. ISBN 5-06-005089-0. (In Russ.).

Serça, I. (2012). *Esthétique de la punctuation.* Paris: Gallimard. 320 p. ISBN 978-2-07-013764-0. (In Frenc.).

Strunkina, I. A. (2004). *Linguistic means of implementing "minus device" in a literary text (based on the works of A. P. Chekhov and E. Hemingway).* Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 22 p. (In Russ.).

Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetics. The history of literature. Cinema.* Moscow: Nauka Publ. 574 p. (In Russ.).

Valgina, N. S. (2004). *Actual problems of modern Russian punctuation.* Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 259 p. ISBN 5-06-004937-X. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1971). *On the theory of artistic speech.* Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 240 p. (In Russ.).

Zholkovsky, A. K. (2014). *Poetics at the tea table and other analyses.* Moscow: New Literary Review. 824 p. ISBN 978-5-4448-0189-5. (In Russ.).

The article was submitted 01.10.2024;
approved after reviewing 27.01.2025;
accepted for publication 20.02.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Шигуров В. В. Ступенчатый характер транспозиции именительного и винительного падежей существительных в количественные наречия (на материале словоформы *чудо*) / В. В. Шигуров, Т. А. Шигурова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 135—161. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-135-161.

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A. (2025). Gradual Transition of Nominative and Accusative Cases of Nouns into Quantitative Adverbs: A Study of Word Forms ‘chudo’ [mir]. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 135-161. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-135-161. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Ступенчатый характер транспозиции именительного и винительного падежей существительных в количественные наречия (на материале словоформы *чудо*)

Шигуров Виктор Васильевич
orcid.org/0000-0002-4898-6484
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка,
корреспондирующий автор
shigurov@mail.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5342-8471
доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов
shigurova_tatyana@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка»

Gradual Transition of Nominative and Accusative Cases of Nouns into Quantitative Adverbs: A Study of Word Forms ‘chudo’ [mir]

Victor V. Shigurov
orcid.org/0000-0002-4898-6484
Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian,
corresponding author
shigurov@mail.ru

Tatyana A. Shigurova
orcid.org/0000-0001-5342-8471
Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies and Library and Information Resources
shigurova_tatyana@mail.ru

National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-28-00674 “Study of Adverbialization as a Type of Stepwise Transposition of Nominal Word Forms in the System of Parts of Speech in the Russian”

© Шигуров В. В., Шигурова Т. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность работы обусловлена недостаточной степенью изученности переходной зоны между существительными и наречиями, формируемой механизмом ступенчатой адвербиализации субстантивных словоформ. Цель исследования — показать на примере беспредложных форм именительного / винительного падежа существительных этапы, признаки и предел ступенчатой транспозиции существительных в количественные наречия. Показано, что в подкласс наречий меры и степени ступенчато, в разных типах контекстов, транспонируются такие субстантивные словоформы, как *ужас, страх, жуть, страсть, смерть*. Обосновывается мысль о том, что степень их сближения с количественными наречиями связана с разными стадиями собственно грамматической (функциональной) и функционально-семантической адвербиализации. Отмечено, что словоформа *чудо* способна достигать при функциональной адвербиализации лишь стадии периферийных наречий, функционирующих в семантической зоне исходных субстантивных лексем. Выявлена синтагматическая обусловленность ее адвербиального употребления облигаторным сочетанием с гибридными образованиями типа *как, какой, что за* и некоторыми другими. Продемонстрирована возможность двоякой категориальной интерпретации образования *чудо*, эксплицирующего в типовых контекстах зону гибридности на шкале переходности.

Ключевые слова:
грамматика; существительное; количественное наречие; транспозиция; ступени; признаки; предел.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the work is due to the insufficient degree of study of the transition zone between nouns and adverbs formed by the mechanism of stepwise adverbialization of substantive word forms. The purpose of the study is to show the stages, features and limit of stepwise transposition of nouns into quantitative adverbs using the example of prepositionless forms of the nominative / accusative case of nouns. It is shown that such substantive word forms as *'horror', 'fear', 'zhut', 'passion', 'death'* are transposed stepwise into the subclass of adverbs of measure and degree in different types of contexts. The article substantiates the idea that the degree of their convergence with quantitative adverbs is associated with different stages of proper grammatical (functional) and functional-semantic adverbialization. It is noted that the word form *'chudo'* is capable of reaching only the stage of peripheral adverbials functioning in the semantic zone of the original substantive lexemes during functional adverbialization. The syntagmatic determinacy of its adverbial use by the obligatory combination with hybrid formations of the type *'kak', 'kakoy', 'chto za'* and some others is revealed. The possibility of a dual categorical interpretation of the formation *'chudo'* explicating the hybridity zone on the transitivity scale in typical contexts is demonstrated.

Key words:
grammar; noun; quantitative adverb; transposition; stages; features; limit.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’367.624.5
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-135-161

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Ступенчатый характер транспозиции именительного и винительного падежей существительных в количественные наречия (на материале словоформы *чудо*)

© Шигуров В. В., Шигурова Т. А., 2025

1. Введение = Introduction

Проблемы переходности и синкретизма в грамматическом строе языка затрагиваются в многочисленных исследованиях российских и зарубежных ученых, посвященных механизму межкатегориальной транспозиции [Балли, 1955; Кубрякова и др., 1988, с. 52—58; Marchand, 1967, с. 13—26; Elsen Hilke, 2011; Eihinger Ludwig, 1982], трансляции [Теньер, 1988], синтаксической и лексической деривации [Курилович, 1962, с. 57—71; Урысон, 1996, с. 25—38], конверсии [Мельчук, 1995; Кравцов, 2016; Исаев и др., 2019, с. 321—326; Stekauer, 1996], трансформации [Мигирин, 1967], субституции [Лукин, 1982, с. 78—80], грамматикализации, декатегоризации, обусловленности грамматических категорий, форм и парадигм языковых единиц их лексической семантикой и отнесенностью к тем или иным классам слов; изменениям в сфере валентности и сочетаемости единиц, подвергающихся в той или иной степени грамматическим преобразованиям [Апресян, 1995, с. 327 и др.; Апресян, 2002, с. 10—29; Новоспасская и др., 2021, с. 89—104; Вихованець, 1988, с. 197—198, 201—205], связи с явлением асимметрии в языке, расширением номинативных возможностей лексических единиц и их парадигматического потенциала, с появлением синонимов, передающих новые оттенки смысла [Карцевский, 1965, с. 85—93; Гак, 1990, с. 519].

В настоящее время проблема функциональной и функционально-семантической транспозиции языковых единиц в грамматическом строе языка не утрачивает своей актуальности, поскольку данный языковой механизм, обеспечивающий сближение и взаимодействие знаменательных и служебных частей речи, изучен явно недостаточно. В полной мере не исследованы многие транспозиционные процессы, их причины, предпосылки, признаки и стадиальный характер. Важность изучения семантико-

CC BY

грамматических сдвигов в словах, меняющих свою категориальную принадлежность, трудно переоценить уже потому, что благодаря транспозиции появляются синкретичные структуры, компактно, но емко передающие тончайшие оттенки мысли и чувства человека, сложные смысловые комплексы (см., напр.: [Баудер, 1982, с. 66; Воротников, 2003, с. 82]). Одной из важнейших задач является определение того, как в сфере разных транспозиционных процессов происходит взаимодействие грамматики с лексикой и словообразованием. Необходимо выяснить, в каких случаях транспозиция осуществляется только в сфере грамматики, представляя разные этапы (стадии) категориального преобразования слов и словоформ, а когда грамматика пересекается с лексикой, словообразованием, демонстрируя выход транспонированных словоформ за пределы семантической зоны исходных лексем и образование новых, омонимичных языковых единиц. Далеко не всегда легко решить вопрос о том, что является следствием транспозиции языковых единиц, — только грамматические (функциональные) омонимы типа *недавно квашенная капуста, мытые хозяйкой фрукты* (глаголы в форме страдательных причастий, прошедшего времени, сов. вида) и *квашеная капуста, мытые фрукты* (отпричастные прилагательные, функционирующие без нарушения смыслового тождества исходных глагольных лексем *квасить, мыть*), или мы имеем дело уже с межлексемной грамматической омонимией (ср.: ***потерянный*** *шарф* и ***потерянный*** *вид*). Не вполне ясными следует признать и многие случаи внутрилексемной и межлексемной омонимии в контекстах адвербиализации творительного падежа без предлога; ср.: *наслаждаться теплым солнечным* ***утром*** (существительное) / ***утром*** *отправиться в поход* (наречие в рамках субстантивной лексемы *утро*, или, иначе, адвербиальный тип употребления словоформы *утром*) и *обладать* ***даром*** *предвидения* (существительное в знач. ‘способность’) / ***даром*** *только потрачено время* (наречие в знач. ‘напрасно’).

Очевидно, что в разных условиях речи степень (стадия) адвербиальной транспозиции может быть неодинакова — отсюда вполне естествен вопрос: с чем мы имеем дело в том или ином конкретном высказывании — с существительным или наречием, а может быть, со словоформой переходного типа, синтезирующей в той или иной степени признаки исходной и производной части речи. Ответить на этот вопрос помогает процедура индексирования стадии адвербиализации грамматически противоречивой формы, которая демонстрирует в контексте степень соответствия дифференциальных признаков, с одной стороны, признакам исходного существительного, а с другой — признакам наречия. Опыт исчисления комбинаторики и пропорции признаков в структуре гибридов, функционирующих в зоне пересечения двух и даже трех транспозиционных процессов,

CC BY

то есть оказавшихся в зоне разновеликого взаимодействия сразу нескольких частей речи и межчастеречных семантико-синтаксических разрядов, имеется в ряде работ (см., напр.: [Чеснокова, 1991, с. 44—54; Дымский, 1978, с. 97—104]). Упомянем в связи с этим также некоторые наши исследования степеней и предела адвербиализации существительных в форме творительного падежа без предлогов [Шигуров, 2024, с. 19—32; Шигуров и др., 2024, с. 176—197]. Много интересных мыслей и соображений высказано в работах, посвященных изучению языковых единиц со значением эмоциональной оценки высокой степени качества. В центре их внимания находятся в основном наречия типа *страшно (подумать), ужасно (высоко)* в их соотношении с производящими качественными прилагательными (см., напр. работы О. П. Ермаковой: [Ермакова, 2005, с. 272—279; Ермакова, 2015, с. 85—87], Г. И. Кустовой [Кустова, 2005, с. 295—305], М. В. Сандаковой [Сандакова, 2020, с. 90—106; 2023, с. 333], Л. В. Рацибурской и др. [Рацибурская, 2023, с. 69—80]). На базе Национального корпуса русского языка Г. И. Кустовой составлен специальный словарь количественных наречий [Кустова, 2008], словник которого может быть пополнен за счет существительных, подвергшиеся адвербиализации в формах именительного и винительного падежей типа *ужас, страх, страсть, жуть, смерть; малость; капельку, крошечку, чуточку.*

Актуальность исследования механизма адвербиальной транспозиции существительных типа *чудо, ужас, страсть* обусловлена необходимостью определения динамики взаимодействия семантического и грамматического в структуре субстантивных словоформа, поэтапно перемещающихся в типовых контекстах из класса существительных в класс количественных наречий.

Новизна работы состоит в том, что в ней на примере словоформы *чудо*, употребляющейся в разных типах контекстов, показаны ступени, признаки и предел транспозиции беспредложных падежных форм существительных в наречия меры и степени.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — на основе сравнения типовых контекстов употребления субстантивных словоформ типа *чудо, ужас, страх* проследить динамику изменений их семантико-грамматических свойств по мере отхода от класса существительных и приближения к классу наречий; охарактеризовать функциональный потенциал, синтагматические связи ядерных и периферийных существительных и отсубстантивных наречий, а также гибридных образований, занимающих промежуточное положение между существительными и количественными наречиями.

CC BY

На примере словоформы *чудо* прослежены этапы (степени) собственно грамматической и лексико-грамматической транспозиции существительных в именительном / винительном падежах без предлогов в количественные наречия. При этом использовались метод оппозиционного анализа с применением шкалы переходности, структурно-семантический метод, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа.

Источником фактического материала послужила база данных Национального корпуса русского языка [НКРЯ], а также собственные примеры авторов статьи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Как показывает исследование, существительные типа *чудо, страх, ужас* способны демонстрировать в речи разные стадии адвербиализации. «Перемещение» словоформы *чудо* к наречиям в разных условиях речи соответствует следующим звеньям (ступеням) на шкале переходности: **А (ядро существительных) — > Аб (периферия существительных) — > аб (гибриды, существительные-наречия) — > аБ (периферия наречий)**. Зоны ядерных наречий [**Б**], функционирующих за пределами исходных субстантивных лексем, словоформа *чудо* не достигает.

3.1. Стадии (этапы) адвербиальной транспозиции словоформы *чудо* в русском языке

3.1.1. Зона ядерных существительных

В качестве типичного (ядерного) существительного *чудо* выступает в первичных синтаксических функциях данной части речи — подлежащего (1) и дополнения (2), обнаруживая при этом весь набор характерных для данной части речи признаков, а именно: общеграмматическую семантику предмета (вопрос *что?*), категории рода (в форме среднего рода), числа (в форме единственного числа) и падежа (в форме именительного или винительного падежа), выражаемые в флексийном морфе *-о*; отнесенность к подклассам нарицательных, неодушевленных, абстрактных (по семантике) и конкретных (по грамматическим свойствам; ср.: *чудо / чудеса*) существительных. Кроме того, этому существительному свойствен признак изменяемости, обусловленный системой противопоставленных рядов грамматических форм в рамках двух словоизменительных парадигм категорий падежа и числа (ср. оппозицию рядов форм единственного и множественного числа: *чудо, чуда, чуду, чудо, чудом, о чуде / чудеса, чудес, чудесам, чудеса, чудесами, о чудесах* — и противопоставление шести рядов падежных форм: *чудо, чудеса / чуда, чудес/ чуду, чудесам / чудо, чудеса / чудом, чудесами / о чуде, чудесах.* В синтагматическом плане это существительное характеризуется сочетае-

CC BY

мостью с адъективными согласуемыми распространителями, эловыми глаголами в предикативной позиции и с зависимыми формами косвенных падежей существительных (чаще в родительном падеже).

Приведем типовые контексты употребления рассматриваемого ядерного существительного в функциях подлежащего (1) и дополнения (2) из Национального корпуса русского языка:

(1) *Ведь высшее* ***чудо*** *как раз в том и заключается, что мы способны чувствовать хоть в чем-то красоту, что мы способны тосковать о ней и оплакивать лебедя, потерявшего над океаном подругу* (В. Конецкий. Начало конца комедии, 1978) [НКРЯ]; *Тогда произошло величайшее* ***чудо****, какое может сотворить только высокое искусство, только живопись, равная по силе творениям лучших мастеров человечества, таких, как Боттичелли, Рафаэль или Вермеер Дельфтский* (К. Паустовский. Повесть о жизни. Бросок на юг, 1959—1960) [НКРЯ]; ***Чудо****, как ты говоришь, не случилось* (С. Соловьев. Барка // «Волга», 2012) [НКРЯ]; *Одно* ***чудо****, как правило, тянет за собой другое* (В. Каверин. Верлиока, 1981) [НКРЯ];

(2) *Еще до войны видела однажды Настена в кино (ей и всего-то три раза довелось посмотреть это* ***чудо****), как городская баба, не зная, чем угодить мужику, которого она без ума любила, кормила его, как маленького, из рук* (В. Распутин. Живи и помни, 1974) [НКРЯ]; *Заявление Михаил Афанасьевич написал, отнёс в МХАТ и был принят на работу. Булгаков во всём* ***видел чудо*** (А. Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015) [НКРЯ]; с *камер-фрау Барановой можно было говорить о* ***чуде****, но о деньгах неуместно* (Ю. Тынянов. Малолетный Витушишников, 1933) [НКРЯ].

В зоне ядра существительных [**А**] словоформа *чудо* выступает в таких лексических значениях, как 1. «…Сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божьей силы. Молиться о чуде. Ждать чуда»; 2. «Нечто небывалое, необычное, удивительное... На глазах свершилось ч. (о чём-л. необыкновенном)»; 3. «О том, кто или что удивляет, восхищает своими свойствами, достоинствами. Архитектурное ч. прошлого»; 4. «Сказочное необыкновенное существо. Ч. лесное. ч. морское» [БТСРЯ, 2000, с. 1485].

3.1.2. Зона периферийных существительных

Зону периферийных существительных [**аБ**] представляет словоформа *чудо* при предикативном употреблении в эмоционально окрашенных высказываниях. В этом случае она сочетается с адъективным словом — местоимением-прилагательным *какое*, подчеркивающим его субстантивную природу, хотя может быть и без него; ср.:

(3) *Какое* ***чудо*** *этот замечательный портрет!*

(4) *Погода сегодня —* ***чудо****!* (Пример взят из «Словаря наречий и служебных слов русского языка [Словарь наречий..., 2005, с. 729]).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

В зоне периферии существительных *чудо* делает первый, собственно синтаксический шаг в сторону количественных наречий, употребляясь в качестве предиката восклицательных предложений в фиксированных формах именительного падежа и единственного числа для эмоционально-количественной характеристики признака предмета.

3.1.3. Зона гибридов, существительных-наречий

Зона гибридности на шкале адвербиальной транспозиции форм именительного и винительного падежа существительных представлена промежуточными структурами. Им соответствует звено **[аб]** на шкале переходности (см. выше). Сферу гибридных, субстантивно-адвербиальных образований эксплицируют, на наш взгляд, такие контексты, в которых словоформа *чудо* допускает двойственную трактовку. Во-первых, ее можно интерпретировать как оценочный предикат, входящий в грамматическую основу предложения с предшествующим подлежащим (равно как и при его эллипсисе). Во-вторых, ее можно трактовать как обстоятельство меры и степени, образующее с последующими местоимениями-частицами *как, что за, какой,* единый словесный комплекс с семантикой очень высокой степени качества.

Отличительным формальным признаком конструкций с рассматриваемым гибридом *чудо* является наличие после него запятой. Разграничить указанные выше интерпретации гибридного образования ***чудо**, как* можно также с опорой на интонацию, а точнее — на возможность двоякого интонационного оформления сочетания *чудо, как* — с паузой после слова *чудо* и без паузы. Например:

(5) *Дроздовы вместе с Сукодавлевыми... Ведь это будет* ***чудо**, **как** смешно!.. Алексей Петрович* (А. Потехин. Закулисные тайны, 1860—1870) [НКРЯ];

(6) ***Чудо**, **как весело** было!* (В. Новицкая. Хорошо жить на свете! 1912) [НКРЯ];

(7) *Вдруг приезжает доктор:* ***чудо**, **какой** умный человек, и ужасный остряк* (А. Писемский. Виновата ли она? 1855) [НКРЯ];

(8) *Петр Лаврентьевич сказал: «Прелесть,* ***чудо**, **какая** изящная прелесть. Я от всего сердца поздравляю вас»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, 1960) [НКРЯ];

(9) *«Да, человек, кажется, хороший!» — «Просто* ***чудо**, **что за** малый! И откровенный, веселый какой!»* (В. Соллогуб. Аптекарша, 1841) [НКРЯ];

(10) *Да и сам он такой, что нельзя не признаться: это* ***чудо**, **что за** любовник!..* (Н. Чернышевский. Пролог, 1871) [НКРЯ].

К зоне гибридности можно отнести и позицию нейтрализации противопоставления «существительное» — «наречие» в сфере адвербиальной

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

транспозиции других субстантивных словоформ — *ужас, страх, жуть*, что, как и в случае с гибридом *чудо*, бывает при соответствующей интонационной поддержке. Так, двояко можно интерпретировать, например, словоформу *ужас* в таких фразах, как: *Это ужас, как здорово пляшет!* Ср. также:

(11) *Это **ужас**, **как** различно от меня мыслят дети мои; послушайте только* их (Г. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский, 1839) [НКРЯ].

Гибридное образование *ужас* в таких случаях осмысляется и как предикат в грамматической основе с формализованным подлежащим *это* (или без него), и как обстоятельство меры и степени в значении очень высокой степени проявления качественного признака, выраженного наречиями (*здорово, различно*). См. также пример с отсутствующим подлежащим:

(12) ***Ужас**, **как я была рада** и как полюбила свою новую куколку!* (В. Желиховская. Как я была маленькой, 1891) [НКРЯ].

В целом гибриды типа *чудо (как)* двойственны по своей природе: они демонстрируют в этом типе контекстов стадию грамматического перерождения субстантивной семантики в адвербиальную семантику эмоционально-экспрессивной оценки количественного признака. Частеречные признаки существительных и наречий у гибрида вступают в противоречие друг с другом, хотя и не исключаются на этой стадии адвербиализации. Можно говорить о конгломерате субстантивных и адвербиальных признаков, таких как фиксированные типы употребления грамматических форм единственного числа и именительного падежа, отсутствие парадигмы, гибридный, флексийно-суффиксальный статус морфемы *-о* (*чудо*), синкретизм функций предиката и обстоятельства меры и степени, облигаторность употребления без адъективных и присубстантивных распространителей. Совмещаются у гибридов и значения лексико-грамматических разрядов существительных [нарицательное, неодушевленное, абстрактное (по семантике) / конкретное (по грамматике)] и наречий [определительно-качественное (меры и степени)].

3.1.4. Зона периферийных отсубстантивных наречий

К зоне периферии наречий [**аБ**] относится собственно грамматическое наречие *чудо*, функционирующее в пределах семантической зоны исходной лексемы (*чудо*). Словоформа *чудо* демонстрирует в этом случае особый, собственно адвербиальный тип употребления субстантивной лексемы. Будучи наречием, *чудо (как рада)* лишено каких бы то ни было грамматических свойств класса существительных — субстантивной семантики, категорий рода, числа и падежа, падежно-числовых парадигм, флексии, сочетаемости с адъективными и субстантивными распространителями, функций подлежащего и дополнения, а также показателей лексико-грам-

CC BY

матических разрядов существительных (нарицательное, неодушевленное, абстрактное / конкретное). В морфемной структуре отсубстантивного наречия *чудо* содержится суффикс *-о*, сформировавшийся в результате адвербиализации из окончания *-о* исходного существительного. Наречие *чудо* входит в подгруппу эмоционально окрашенных наречий-интенсификаторов вроде *ужас, жуть, страх*, представляющих очень высокую степень качества. Для наречия *чудо* характерны такие свойства, как частеречная семантика признака признака (вторичного признака), неизменяемость, первичная адвербиальная функция обстоятельства, сочетаемость с признаковыми словами — наречиями и прилагательными (в том числе в безлично-предикативной функции, или предикатива), глаголами.

Морфологической базой для рассматриваемого наречия послужили фиксированные в адвербиальном употреблении формы именительного падежа и единственного числа существительного *чудо*. Благоприятным фактором для адвербиализации рассматриваемой субстантивной словоформы является ее сочетаемость с определенным кругом слов — местоимением-наречием *как*, местоимением-прилагательным *какой,* местоимением-существительным с предлогом *что за*, которые развили при функциональном сближении с эмоционально-экспрессивными частицами (то есть при партикуляции) количественную семантику ‘очень’. В словарях русского языка это семантическое приращение подтверждается.

Так, в «Словаре русского языка» обороту *чудо как* приписано адвербиальное значение ‘очень’ (при описании каких-либо положительных качеств) [СлРЯ, 1984, Т. 4, с. 691]. Вместе с тем пометы «наречие» или «в знач. наречия» в этом словаре не находим. Например: *Его черный сюртук, рыжая бородка и золотые очки были* ***чудо как*** *хороши* (А. Н. Толстой. Детство Никиты). В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов и др., 1986, с. 889] приводится устойчивое выражение *чудо как* с пометами «устар., разг.» и отсылкой к 3-му лексическому значению существительного *чудо* в функции сказуемого, обозначающего ‘удивительно, поразительно хороша’; ср.: *Погода сегодня — чудо.* Аналогичная трактовка дана в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» [Толковый словарь ..., 2007, с. 1098]. В «Большом толковом словаре русского языка» [БТСРЯ, 2000, с. 1485] в рамках 3-го лексического значения существительного *чудо* ‘О том, кто или что удивляет, восхищает своими свойствами, достоинствами’ приводятся примеры *Чудо, что за голос; Чудо, как умен!* с пояснением ‘в высшей степени’. В «Словаре грамматических омонимов русского языка» О. М. Ким и И. Е. Островкиной у слова *чудо* (без сочетания с *как*) усматривается категориальный статус предикатива [Ким и др., 2004, с. 819]. См.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

примеры из этого словаря, иллюстрирующие грамматические омонимы — существительное (13) и отсубстантивный предикатив (14):

(13) *Впоследствии узнали, что, и правда, совершилось* ***чудо****: в один и тот же день взбунтовались мужики чуть не по всему уезду.* И. Бунин;

(14) *На улице —* ***чудо****: солнечно, тихо, деревья под снегом, как в сказке!*

Функция предикатива выделяется у слова *чудо* (без сочетания с *как*) и в «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т. Ф. Ефремовой [Ефремова, 2004, с. 701].

Приведенный обзор показывает, что ни в одном из указанных словарей слово *чудо* (в сочетании с *как* и без него) не квалифицируется как наречие, хотя адвербиальное значение ‘очень’ у него иногда отмечается.

Вместе с тем анализ иллюстративного материала из некоторых словарей свидетельствует о том, что словоформа *чудо* может быть действительно наречием в функции обстоятельства меры и степени, а не только предикативом. Показательна в этом плане, например, словарная статья на *чудо* из «Словаря наречий и служебных слов русского языка» [Словарь наречий ..., 2005, с. 730], в котором выражению *чудо (как)* приписано значение сказуемого ‘удивительно, поразительно хорошо’. Например: *Чудо как замечателен этот прибор.* С данной трактовкой согласиться трудно, так как у слова *чудо* в сочетании с *как* отчетливо выделяется адвербиальное значение ‘удивительно, поразительно’. Это количественное наречие, эмоционально обозначающее очень высокую степень качества предмета. Функцию же сказуемого в такого рода конструкциях выполняет краткое прилагательное *замечателен* (в соединении с нулевой связкой).

Важно, однако, иметь в виду, что в качестве наречия *чудо* используется лишь в составе устойчивых оборотов со словами типа *как, какой, что за.* При этом грамматический статус самих слов *как, какой, что за* в структуре этих оборотов неоднозначен. По оценке ряда исследователей, это местоимения, соотносительные с наречием (*как*), прилагательным (*какой*), существительным и предлогом (*что за*), которые подвергаются партикуляции, то есть функциональному сближению с эмоционально-экспрессивными частицами. По-видимому, их целесообразно считать гибридами, которые балансируют между местоимениями (разных формально-грамматических разрядов) и частицами. А. М. Пешковский, как известно, склонен был выделять среди местоимений особый разряд восклицательных слов, или восклицательных членов, которые вносят «в предложение восклицательный смысл: *кто, что, что за, какой, который, чей, куда* (иногда и не в пространственном смысле: *...Куда на выдумки природа таровата!* — Крыл.); *как, куда как* (… *Куда как хороша!* — Гриб.); *сколько, сколь* и т. д.» [Пешковский, 1938, с. 358]. А. А. Шахматов предлагал называть местоимения типа *какой*, сближающи-

CC BY

еся по значению с местоимениями *экий, этакий* (*Какой дурак, экий дурак*), эмоциональными (см.: [Шахматов, 1941, с. 495, 497]).

Как особый тип местоимений, встречающийся в восклицательных предложениях с эмоционально-экспрессивной окраской, рассматривает слова *что за! какой! такой! сколько столько! как! так!* Л. Д. Чеснокова [Чеснокова, 1991, с. 88].

Можно встретить в литературе и утверждение о том, что некоторые из рассматриваемых слов уже вовсе не местоимения, а частицы. Так, В. В. Виноградов в монографическом исследовании «Русский язык: Грамматическое учение о слове» включил *что за* в разряд восклицательно-вопросительных частиц [Виноградов, 1986, с. 554]. В академической «Грамматике русского языка» [Грамматика…, 1960. Т. 1, с. 647—648] слова *что за, куда как* отнесены к разряду эмоционально-экспрессивных частиц.

В ряде исследований отмечается, что образования типа *как, какой* и т. п. выполняют синтаксическую функцию члена предложения — обстоятельства меры и степени; например: *Как хорошо он поет!; Какой чудесный вечер ≈ в высшей степени*; кроме того, *какой* связывается с главным компонентом словосочетания (*вечер*) способом согласования, имеет флексии и др. Согласно Л. Л. Буланину, в предложениях типа *Какое красивое озеро!* мы имеем типичное переходное явление в области частей речи (см.: [Буланин, 1976, с. 192]). Трудно не согласиться с Е. Н. Сидоренко, которая считает, что словоформы *как, какой* и т. п. в восклицательных предложениях представляют синкретичные образования, совмещающие свойства местоимений и частиц, которые следует называть «прономинально-партикулянтными контаминантами» [Сидоренко, 2017, с. 190—191].

Необходимо разграничивать, с одной стороны, вопросительные (и относительные) местоимения *как, какой* и т. п. (15а,б), а с другой — гибридные образования (местоимения-частицы) (16а,б); ср.:

(15) (а) ***Как*** *тебя зовут, девочка?*

(б) ***Какой*** *цвет тебе больше всего нравится?*

(16) (а) ***Как*** *прекрасен этот мир!*

(б) ***Какой*** *замечательный портрет!*

Гибриды *как* и *какой* в контекстах (16а,б) актуализируют семантику очень высокой степени качественного признака, заложенного в прилагательных *прекрасен* и *замечательный.*

Примечательно то, что транспозиция словоформы *чудо* в количественное наречие со значением очень высокой степени качества происходит при его употреблении в препозиции по отношению к указанным гибридам:

(17) (а) ***Чудо как*** *прекрасен этот пейзаж!*;

(б) ***Чудо какой*** *замечательный портрет!*

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Пределом в продвижении рассматриваемого существительного к классу адвербиальных лексем служит зона периферии наречий. Данный тип адвербиализации имеет сугубо грамматический (функциональный) характер, не будучи связанным с образованием новой единицы языка. С учетом начального и конечного этапов (звеньев) адвербиализации можно выделить два типа употребления словоформы *чудо* — собственно субстантивный (18а,б) и адвербиальный (19); ср.:

(18) (а) *Этот замечательный портрет — **чудо**!*

(б) *Этот прекрасный мир как **чудо**!*

(19) ***Чудо** как замечателен этот портрет!*

В отличие от других количественных наречий типа *ужас, страх, страсть, смерть*, также сформировавшихся в результате адвербиализации форм именительного / винительного падежей существительных, наречие *чудо* не употребляется в русском языке вне сочетания с гибридами вроде *как, какой.* Ср. например, типовые контексты субстантивного (20) и адвербиального употребления (21а,б) словоформы *ужас:*

(20) ***Ужас** переполнял все её существо*;

(21) (а) ***Ужас как** хочется есть;*

(б) ***Ужас** хочется есть.*

По-видимому, сфера употребления количественных наречий без постпозитивных гибридов *как, какой* пока еще не освоена отсубстантивным наречием *чудо.* Так, вряд ли мы скажем (без *как*): ***Портрет **чудо прекрасен;** ***Чудо умен** этот ребенок* при возможности: *Портрет **чудо как** прекрасен; **Чудо как умен** этот ребенок.* Эта синтагматическая «привязка» адвербиализованной словоформы *чудо* к указанным выше гибридам и объясняет, видимо, тот факт, что в словарях русского языка как наречия (или предикатив) дается не одиночная словоформа *чудо,* а всё сочетание *чудо как* (см., например: [Словарь наречий ..., 2005, с. 730]). При этом, как уже сказано, адвербиальная транспозиция существительного *чудо* возможна при употреблении не только перед *как*, но и перед другими гибридами (в контексте их партикуляции): местоимением-прилагательным *какой* и местоимением-существительным *что за*. Это значит, что словоформа *чудо* оказывается в таких контекстах в зоне притяжения разных классов слов: восклицательных местоимений, прилагательных, наречий и эмоционально-экспрессивных и усилительных частиц. Следствием этого сложного межкатегориального взаимодействия является то, что синкрета *чудо* развивает качественно-количественную семантику «в очень высокой степени», сближаясь по значению с наречиями *очень, удивительно.*

Необходимо отметить также, что употребление наречия *чудо* с гибридом *как* в сочетании со словами разной частеречной принадлежности

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

имеет ограниченный характер. В «Национальном корпусе русского языка» [НКРЯ] фиксируется его связь, например, с такими частями речи, как:

А. Краткие прилагательные типа *хороша, современна, красива, умна, нравственна, мила, внимательна, занимательна* в синтаксических позициях следующего типа:

— **Предикативное употребление кратких прилагательных в двусоставных предложениях**:

(22) *Детская сказка Заоблачная-Башня была* ***чудо как высока*** (Е. Медведева. Что слышно о П.? 2015) [НКРЯ]; *Девочка* ***чудо как*** *хороша, умна и достойна* (Б. Васильев. Вещий Олег, 1996) [НКРЯ]; *Солнечный июльский лес был* ***чудо как хорош****!* (К. Симонов. Живые и мертвые, 1955—1959); *Брат ваш может гордиться. Она* ***чудо как*** *мила* (Л. Толстой. Анна Каренина, 1878) [НКРЯ]; *Поговаривали, что она влюблена в какого-то улана; но улан уехал, а к Ивану Петровичу она* ***чудо как внимательна*** (Ю. Жадовская. Переписка (1848) [НКРЯ]; *Разговоры* ***чудо как занимательны****: Тебя разругали в таком-то журнале* (И. Панаев. Белая горячка, 1840) [НКРЯ]; *Стихи… **чудо как современны**, да пребудут таковыми лет сто, а там — поглядим* (В. Алейников. Тадзимас, 2002) [НКРЯ]; *Когда же она не говорит ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сейчас уверяешься, что она* ***чудо как умна и нравственна*** (Л. Толстой. Крейцерова соната, 1890) [НКРЯ]; *И* ***чудо как*** *изумительно* ***красив*** *четырёхвалентный, в котором больше плутония — гибельные изумрудные озёрца сияют в дикой степи по весне там и сям...* (В. Галактионова. Спящие от печали, 2010) [НКРЯ].

— **Безлично-предикативное употребление словоформ на *-о* (предикативов) в односоставных предложениях**:

(23) *Поезжай, поезжай, там сейчас* ***чудо как хорошо****, а чтоб ты не соскучился, так я поручение тебе дам, отвезешь моей подружке подарок* (Л. Улицкая. Медея и ее дети, 1996) [НКРЯ]; *Если бы только не эти нескончаемые дожди, вообще было бы* ***чудо как хорошо*** (А. Мацанов. Мастер и подмастерье // «Ковчег», 2015) [НКРЯ]; *Теребя тяжелые локоны ветра, они мчались и мчались по раскаленному асфальту, и Нинка уже в четвертый раз подумала о том, что* ***чудо как хорошо*** *ехать в машине с этим замечательным парнем, чьи друзья умеют так приветливо махать издалека руками…* (В. Мухарьямов. Брагины // «Волга», 2009) [НКРЯ].

Б. Имена существительные (*к лицу*):

(24) *Я уже прикидывала на него генеральский мундир, он ему* ***чудо как к лицу****!* (В. Михальский. Одинокому везде пустыня, 2003) [НКРЯ];

В. Глаголы в финитной форме [*уметь (что-то делать), похорошеть, повезти, пахнуть, говорить, развиваться* и нек. др.] или **в форме**

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

адъективированного краткого страдательного причастия (*воспитана, отделана, вышита* и др.):

(25) *«Снял какой-то молодой человек. Он уже два часа как лёг спать». — «Да что вы, миссис Пурди, неужто сдали?» — сказала миссис Маккуль, сопя от восхищения. — «Прямо* ***чудо, как вы умеете сдавать*** *такие комнаты»* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений», 2010) [НКРЯ]; *Ягода наконец забеременела, располнела («Скоро я стану настоящей польской коровищей!»)* и ***чудо как похорошела*** (Ю. Буйда. У кошки девять смертей (2000) // «Новый Мир», 2005) [НКРЯ]; *Нам повезло,* ***чудо как*** *повезло, и теперь надо удержать это везенье* (Б. Васильев. Были и небыли, 1988) [НКРЯ]; *Извольте!.. —* ***Чудо как пахнет****! Своей крошечной ручкой она поднесла ему кисть к носу* (П. Боборыкин. Василий Теркин, 1892) [НКРЯ]; *Редкин* ***чудо как*** *сегодня* ***говорил о*** *колонизациях* (А. Писемский. Взбаламученное море, 1863) [НКРЯ]; *«Ах, она у меня* ***чудо как развивается****, чудо!» — отвечала Базелейн* (А. Писемский. Взбаламученное море, 1863) [НКРЯ]; *Она* ***чудо как отделана*** *и ходит с неимоверной быстротой* (П. Вяземский. Письма и записки Оммер де Гелль, 1887) [НКРЯ]; *«А воротник, брат, чудный.* ***Чудо как вышит****!» — любовался он* (А. Писемский. Взбаламученное море, 1863) [НКРЯ];

Г. Наречия (или краткие прилагательные), в том числе в функции предикатива типа *хорошо, толково, здорово, интересно, весело, красиво*:

(26) *Играл он* ***чудо как хорошо****, поэтому ни доминошники в другом углу двора, ни жильцы дома, отходившие ко сну, на Митю не ругались* (Ю. Буйда. Живем всего два раза // «Новый Мир», 1998) [НКРЯ]; *«Это же* ***чудо как здорово****!» — ликует Шурочка* (Е. Носов. И уплывают пароходы, и остаются берега, 1970) [НКРЯ]; *Надо захотеть, увлечься. Это же* ***чудо как интересно****!* (А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова), 1940—1956) [НКРЯ]; *Чудо!* ***Чудо как красиво****!.. Всё небо в алом зареве и в лучах* (В. Желиховская. Из стран полярных, 1896) [НКРЯ]; *Авнер мало с кем общается, но к нам уж коли зайдет, сидит до ночи,* ***чудо*** *как* ***толково*** *рассуждая с Гаврилой о всевозможных материях* (И. Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014) [НКРЯ].

Следует отметить нередко встречающийся разнобой в пунктуационном оформлении сочетания *чудо как*: в одних и тех же синтаксических условиях между *чудо* и *как* то употребляется запятая, то нет (последнее, кстати, встречается чаще). Ср., например, у одного и того же автора:

(26) ***Чудо как*** *хорош: это серебро на черном и желтом фоне...* (М. Алданов. Бегство, 1930) [НКРЯ];

(27) *На противоположном тротуаре показался Клервилль.* ***Чудо, как*** *хорош! Я не видала красивее человека* (М. Алданов. Бегство, 1930) [НКРЯ].

CC BY

Как отмечалось выше, при наличии запятой велика вероятность употребления не наречия *чудо*, а гибрида, занимающего промежуточное положение между существительным и наречием. У гибридного образования *чудо* можно усматривать функцию предиката при эллиптированном подлежащем (*это*): *Чудо, как (он) хорош* < *— Это чудо, как он хорош!*, не исключая в то же время и возможности осмысления данного гибрида в качестве интенсификатора в функции обстоятельства меры и степени со значением ‘очень’: *Чудо, как хорош* (≈ ‘очень хорош’).

Адвербиализованная словоформа *чудо*, обозначающая очень высокую степень качества, употребляется также с гибридом *какой, -ая, -ое, -ие* в сочетании с прилагательным (28) или — реже — существительным (29). Например:

(28) *«Перед отъездом он подарил мне микроскоп, маленький, медный,* ***чудо какой хорошенький»****, — улыбнулась Катя…* (Л. Улицкая. Пиковая дама, 1995—2000) [НКРЯ]; *А главное — муж, Николай Прокофьевич.* ***Чудо какой заботливый****. И руки золотые, и душа брильянтовая* (И. Грекова. Перелом, 1987) [НКРЯ]; *После этого* ***чудо какой голосистый****, петух уже и не кукарекал, а только жалобно по-утиному крякал…* (В. Распутин. Прощание с Матёрой, 1976) [НКРЯ];

(29) *«****Чудо какой*** *снег!» — послышался ее счастливый, молодой голос* [В. Дудинцев. Не хлебом единым (1956)] [НКРЯ].

К сказанному добавим примеры сочетаемости количественного наречия *чудо* с местоимением-частицей *что за* в соединении с существительными (30):

(30) ***Чудо что за умница*** *Настя!* (Н. Чернышевский. Пролог, 1871) [НКРЯ]; *…****Чудо что за девушка****, прелесть что за сочетание вызова и смятения, робости и бесстыдства* (С. Самсонов. Аномалия Камлаева, 2006—2007) [НКРЯ]; *Он собрался встать и поправить полотенце, но женщина не позволила, — она взяла лицо Голубева в свои ладони, заставила его посмотреть ей прямо в глаза и, когда он подчинился и посмотрел ей в глаза, сказала: «Просто* ***чудо что за история****. Я бы так не сумела...»* (А. Дмитриев. Голубев, 1988) [НКРЯ]; *Я к нему пристал, ну и он, разумеется, мне во всем признался; но кто она такая и где он скрывает ее, — это неизвестно; уж как я к нему ни приставал, он ни за что не говорит, а* ***чудо что за девочка****!* (И. Панаев. Опыт о хлыщах, 1854—1857) [НКРЯ]; *Там, радость моя,* ***чудо что за природа****: какие там дыни-мелоны, что за виноград, роскошь!..* (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея, 1848) [НКРЯ].

Зона периферии наречия, как уже сказано, является пределом категориального перерождения существительного *чудо* в наречие. Ядерного

CC BY

наречия *чудо*, которое представляло бы не только функциональный, но и функционально-семантический омоним по отношению к исходному существительному, не существует, что дает основание говорить об исключительно грамматическом характере адвербиальной транспозиции данной словоформы.

Необходимо отметить также, что субстантивная словоформа *чудо* послужила исходной базой для транспозиции не только в подкласс количественных наречий, но и в разряд эмоциональных междометий, давая основание говорить о двух типах ее межчастеречной транспозиции.

Ср., например, типовой контекст ее интеръективации:

(31) *Как там было весело!* ***Чудо****!*

(32) *Какое прекрасное озеро!* ***Чудо****!*

В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова у отсубстантивного междометия *чудо* выделяется функция выражения эмоций удивления и восхищения [БТСРЯ, 2000, с. 1485]. В этом же словаре зафиксирован факт транспозиции беспредложной формы творительного падежа *чудом* в подкласс определительно-качественных наречий:

(33) *Он* ***чудом*** *спасся* (≈ ‘необъяснимым, удивительным способом’).

В отличие от синтагматически обусловленного наречия *чудо (как)*, отсубстантивные наречия *ужас, жуть, страх, страсть, смерть*, также эмоционально обозначающие высокую степень качества или интенсивности действия, могут употребляться не только в сочетании со словами *как, какой, что за* (34а), но и без них (34б). Ср.:

(34) (а) *… Это* ***ужас как опасно*** *даже и где-нибудь во глубине средней, практически уже незаметной России* (В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011) [НКРЯ]; *Всё так тепло, мило, душевно, и вдруг, в какой-то момент — бах! — обнаруживаешь, что всё вокруг чужое, злое и* ***жуть какое опасное****…* (С. Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016) [НКРЯ]; *А Василиса* ***страсть как*** *любила омлет, нежный, пышный, на молоке и сливочном маслице…* (Д. Гаврилова. Бабье счастье // «Бельские просторы», 2018) [НКРЯ];

(б) *Я отца* ***страсть любил****. Добрый был человек и справедливый* (Вс. В. Иванов. Блаженный Ананий, 1927) [НКРЯ]; *Merci, здорова совершенно. Страшно загорела и* ***подурнела ужас****!* (И. Лажечников. Горбун, 1858) [НКРЯ].

3.1.5. Зона ядерных отсубстантивных наречий

Эта стадия адвербиализации представлена единичными образованиями. Степень семантического отхода наречий типа *ужас, страх, смерть* от субстантивных лексем может быть разной, что дает основание выделять два типа адвербиализации существительных: функциональный тип, про-

CC BY

являющийся в рамках семантической зоны исходных лексем, и функционально-семантический тип, сопровождаемый нарушением смыслового тождества слова и выходом словоформы за пределы субстантивной лексемы. Последнее встречается крайне редко. Сказанное обусловливает возможность выделения двух стадий адвербиальной транспозиции субстантивных словоформ, одна из них эксплицирует зону периферии отсубстантивных наречий, а другая — зону ядерных наречий. В зоне периферийных наречий сосредоточены функциональные (собственно грамматические) омонимы существительных (35б), а в зоне ядра наречий — лексические и грамматические омонимы существительных (36б). Ср. типовые контексты их употребления:

(35) (а) *Такая* ***жуть*** *меня взяла, лейтенант. Я ведь с самого начала воюю, а такого ужаса еще не видывал, и не слышал даже о таком* (Д. Кудерин. Молекула Пушкина // «Волга», 2011) [НКРЯ] (существительное);

(б) ***Жуть как страшно*** *— словно старый знакомец, которого на себе вожу, вдруг превратился в хищника свирепого* (В. Севриновский. Правдивый сказ о коне хитроумном и его храбром богатыре // «Ковчег», 2013) [НКРЯ] (функциональное наречие);

(36) (а) *Через несколько лет наступили военные времена, эвакуация в Куйбышев, от которого остался во всю жизнь незабытый* ***ужас*** *холода…* (Л. Улицкая. Пиковая дама, 1995—2000) [НКРЯ] (существительное);

(б) [Елисавета Андреевна Радугина:] *Ну если эта записка была?..* ***Ужас приятно****!..* (И. Лажечников. Горбун, 1858) [НКРЯ] (функционально-семантическое наречие).

Критерием разграничения указанных типов омонимов является признак наличия или отсутствия в адвербиализованной словоформе лексического значения исходного существительного, выражающего определенное эмоциональное состояние субъекта в момент совершения действия. В смысловой структуре ядерных наречий типа *ужас, страх, жуть* отсутствует сема, указывающая на чувство сильного страха, испуга и т. п., в отличие от периферийных наречий типа *ужас, страх, жуть*, сохраняющих это значение. Ср. еще:

(37) (а) ***Ужас как сверкнул глазами*** *в сторону обидчика* (≈ ‘так сверкнул глазами, что стало страшно; ужасно сверкнул глазами’);

(б) ***Ужас как заскрежетал*** *зубами* (≈ ‘так сильно заскрежетал, что это вызвало ужас у наблюдателей’; ‘ужасно заскрежетал’);

(38) (а) *Это было* ***ужас как смешно*** (≈ ‘очень смешно’, ‘ужасно смешно’);

(б) *Он был* ***ужас какой умный*** (≈ ‘очень умный’, ‘ужасно умный’);

(в) *Мы были* ***страх как рады*** (≈ ‘очень рады’, ‘страшно рады’).

CC BY

В примерах (37а,б) употреблено собственно грамматическое наречие *ужас*, сохраняющее семантическую связь с исходной лексемой *ужас* (≈ ‘состояние сильного страха, испуга’). При этом значение меры и степени проявления действия в примере (37а) отсутствует: наречие *ужас (как)* эмоционально характеризует действие *сверкнул (глазами)*, выступая в качестве обстоятельства образа действия. Взгляд человека вызвал у воспринимающего чувство сильного страха, ужаса. В примере (37б) у наречия *ужас* появляется еще количественный оттенок значения: *ужас (как заскрежетал)* означает очень сильно заскрежетал, что вызвало чувство ужаса у наблюдателя. Поэтому в примере (37б) мы имеем дело не с качественным наречием, а с качественно-количественным. Количественный признак предмета обозначается в этом случае со ссылкой на отрицательную эмоциональную реакцию воспринимающего (наблюдателя). В высказываниях вроде *Он ужас как взглянул на меня* говорится о том, что взгляд человека вызвал у говорящего чувство сильного страха, ужаса. Возможность такой интерпретации смысла высказывания свидетельствует о том, что наречие *ужас* еще сохраняет сему «страха», которая входит в смысловую структуру исходного существительного (*страх*), подвергнутого в форме именительного падежа исключительно функциональной адвербиализации. В сущности, можно говорить о том, что это адвербиальный тип употребления словоформы *ужас*, не выходящий за пределы семантической зоны исходной субстантивной лексемы.

В примерах же группы (38а,б) речь идет тоже об очень высокой степени проявления качества предмета (*умный*) или эмоционального состояния субъекта (*рад, смешно*), несовместимого, однако, с теми отрицательными эмоциями, которые передают исходные существительные типа *ужас, страх.* На этом, заключительном этапе адвербиализации формируется ядерное наречие: происходит явный семантический отрыв адвербиализованных форм именительного падежа субстантива от исходной лексемы, что позволяет трактовать его как лексико-грамматический омоним существительного. Как и в случаях с чисто грамматическим наречием типа *ужас (как заскрежетал зубами)*, эмоционально, со знаком «минус», представляющим высокую степень интенсивности действия, ядерные наречия типа *ужас (как красиво)* также используются для эмоционально-экспрессивной оценки степени проявления какого-либо признака или действия, однако уже со знаком «плюс». Ю. Л. Воротников заметил, что среди наречий, эмоционально передающих высокую степень проявления какого-либо качества, нет таких, которые были бы образованы от названий сильных положительных эмоций (см.: [Воротников, 2003, с. 82]). Вряд ли можно ожидать развития количественных значений и сближения с наречиями типа

CC BY

очень у таких наречий, как *радостно, счастливо, весело.* Автор объясняет это тем, что отрицательные эмоции в человеке являются более сильными и долго сохраняются в памяти, в отличие положительных, которые мы часто быстро забываем. В силу этих особенностей человеческой психики именно названия отрицательных эмоций легче становятся выразителями каких-либо сильных эмоций вообще. Это справедливо по отношению к таким типам употребления наречий, как *страшно красиво / страх как красиво; ужасно приятно / ужас как приятно.* Предложения типа *Это страшно красиво*, по справедливому замечанию Ю. Л. Воротникова, следует интерпретировать так: «Это очень красиво и вызывает у меня сильные эмоции, причем говорю я об этом в неофициальной обстановке» [Воротников, 2003, с. 82]. «Алогичные построения» типа *страшно весело, ужасно рад* возникают как результат действия закона экономии сил, позволяющего, согласно Ю. Л. Воротникову, компактно, но емко передавать большой объем информации.

Как показывают наблюдения, при адвербиализации субстантивных словоформ типа *ужас, страх, жуть* происходит постепенное перерождение качественного признака (*ужас как посмотрел* ≈ *ужасно посмотрел*) в качественно-количественный признак (*ужас как заскрежетал зубами* ≈ ‘ужасно заскрежетал…, то есть очень сильно, что вызвало чувство страха у наблюдателя’), а затем в чисто количественный признак (*ужас как хорошо* ≈ ‘очень хорошо’). В конструкциях типа *ужас (как сверкнул глазами в сторону обидчика)* реализуются причинно-следственные отношения: сверкание глазами является причиной появления у воспринимающего (наблюдателя) чувства страха. У ядерных наречий типа *ужас какие высокие ворота* (очень и ужасно) количественная сема ‘очень’ вычленилась из качественного значения (*ужас как посмотрел* ≈ *ужасно*) в отдельное лексическое значение (см. также: [Ермакова, 2015, с. 85]). К схожим выводам на материале прилагательных и возникших на их базе наречий на *-о* типа *ужасный — ужасно* приходит Г. И. Кустова, выделяющая у них только количественные значения (степень, количество, величина) в случаях типа *жуткий мороз, жутко красивый, ужасно умный, страшно рад* (см.: [Кустова, 2004, с. 336; Кустова, 2005, с. 295—305]).

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что транспозиция беспредложных форм существительных в именительном / винительном падеже в наречия представлена разными стадиями. В типовых контекстах можно наблюдать разные степени их отдаления от исходного класса слов и сближения с наречиями меры и степени, что дает

CC BY

основание выделять, с одной стороны, ядерные существительные и наречия, а с другой — синкретичные образования, соотносительные с зонами периферийных существительных и наречий, а также с зоной промежуточных, гибридных структур, актуализирующих примерно в равной степени свойства взаимодействующих при адвербиализации классов слов.

Разные типы контекстов употребления субстантивной словоформы *чудо* демонстрируют зону ядерных существительных, для которых характерен полный набор семантико-грамматических свойств исходной части речи. В зоне периферии существительных данная словоформа иллюстрирует собственно синтаксический «шаг» в сторону наречий, сопровождаемый некоторым семантико-синтаксическим сдвигом в фиксированных грамматических формах падежа и числа. Конструкции с гибридом *чудо* характеризуются возможностью двойственной интерпретации спорной словоформы *чудо*, что сопряжено с разным интонационным оформлением высказывания с фрагментом *чудо, как*. На этапе периферии наречий *чудо (как)* демонстрирует адвербиальный тип употреблений словоформы, не нарушающий смыслового тождества исходной лексемы. В отличие от периферийного, собственно грамматического наречия *чудо (как)*, субстантивные словоформы вроде *ужас, страх, жуть* представляют как функциональный, так и функционально-семантические виды адвербиальной транспозиции.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

2. *Ким О. М.* Словарь грамматических омонимов русского языка / О. М. Ким, И. Е. Островкина. — Москва : Астрель ; АСТ ; Ермак, 2004. — 842 с. — ISBN 5-17-024938-1.

3. *Кустова Г. И.* Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» (СРИ) [Электронный ресурс] / Г. И. Кустова. — 2008. — Режим доступа : http://dict.ruslang./ru/magn.php (дата обращения 26.01.2025).

4. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 27.01.2025).

5. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка / Т. Ф. Ефремова. 2-е изд., испр. — Москва : Астрель : АСТ, 2004. — 814 с. — ISBN 5-17-025255-2.

6. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд. доп. — Москва : ООО “ИТИ Технология”, 2006. — 944 с. — ISBN 5-902638-10-0.

7. *Словарь* наречий и служебных слов русского языка ; [сост. В. В. Бурцева ; ред. Н. М. Семенова]. — Москва : Русский язык-Медиа, 2005. — 750 с. — ISBN 5-9576-0183-7.

8. СлРЯ — *Словарь* русского языка : в 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой ; 2-е изд. испр. и доп. — Москва : Русский язык, 1984. — Т. 4 : С–Я. — 794 с.

9. *Толковый* словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / [Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин] ; отв. ред. Н. Ю. Шведова ; Российская акад. наук, Отд-ние ист.-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. — Москва : Азбуковник, 2007. — 1175 с. — ISBN 978-5-91172-011-6.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва : Школа «Языки русской культуры». 1995. — Т. 2. — 767 с.

2. *Апресян Ю. Д.* Взаимодействие лексики и грамматики : лексикографический аспект / Ю. Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. — 2002. — № 1 (3). — С. 10—29.

3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с.

4. *Баудер А. Я.* Части речи — структурно-семантические классы слов в современном русском языке / А. Я. Баудер. — Таллин : Валгус, 1982. — 184 с.

5. *Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии / Л. Л. Буланин. — Москва : Просвещение, 1976. — 208 с.

6. *Виноградов В. В.* Русский язык : Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1986. — 640 с.

7. *Воротников Ю. Л.* Слово и время / Ю. Л. Воротников. — Москва : Наука, 2003. — 168 с. — ISBN 5-02-032682-8

8. *Гак В. Г.* Асимметрия в языке / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 519.

9. *Грамматика* русского языка : в 2-х томах. — Москва : Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 1. — 719 с.

10. *Дымский А. С.* О критериях отграничения предложно-падежных сочетаний от наречий в современном русском языке / А. С. Дымский // Филологические науки. — 1978. — № 6. — С. 97—104.

11. *Ермакова О. П.* Переход качества в количество (о природе интенсификаторов) / О. П. Ермакова // Логический анализ языка. Кантификативный аспект языка. — Москва : Индрик, 2005. — С. 272—279. — ISBN 5-85759-325-5.

12. *Ермакова О. П.* Семантические категории в лексике и грамматике русского языка / О. П. Ермакова. — Москва : Флинта ; Наука, 2015. — 96 с. — ISBN 978-5-9765-1902-2.

CC BY

13. *Исаев Д. В.* Конверсия и теория частей речи (на материале английского, французского и китайского языков) / Д. В. Исаев, Д. А. Мячин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — Выпуск 12. — С. 321—326.

14. *Карцевский С. О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — 1965. — Ч. 2. — С. 85—93.

15. *Кравцов С. М.* Конверсия в словообразовании : узус и окказиональность / С. М. Кравцов. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2016. — 170 с. — ISBN 978-5-9275-1796-1.

16. *Кубрякова Е. С.* Некоторые особенности процесса транспозиции прилагательных в существительные со словообразовательной точки зрения / Е. С. Кубрякова, А. А. Кизюкевич // Продуктивность, частотность и валентность деривационных моделей. — 1988. — С. 52—58.

17. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. — С. 57—71.

18. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 472 с. — ISBN 5-9551-0022-9.

19. *Кустова Г. И.* Количественные значения качественных слов / Г. И. Кустова // Логический анализ языка. Кантификативный аспект языка. — Москва : Индрик, 2005. — С. 295—305. — ISBN 5-85759-325-5.

20. *Кустова Г. И.* Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени (СРИ) [Электронный ресурс] / Г. И. Кустова. — 2008. — Режим доступа : http://dict.ruslang./ru/magn.php (дата обращения 28.01.2025).

21. *Лукин М. Ф.* Переход частей речи или их субституция? / М. Ф. Лукин // НДВШ. Филологические науки. — 1982. — № 2. — С. 78—80.

22. *Мельчук И.* Русский язык в модели «Смысл <Текст» / И. Мельчук. — Москва ; Вена : Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. — 682 с.

23. *Мигирин В. Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. — Бельцы : [б. и.], 1967. — 199 с.

24. *Новоспасская Н. В.* Однонаправленность грамматикализации в современной лингвистике / Н. В. Новоспасская, А. А. Авагян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12. — № 1. — С. 89—104. — DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-89-104.

25. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — Москва : Учпедгиз, 1938. — 452 с.

26. *Рацибурская Л. В.* Словообразовательные и лексические интенсификаторы в современном русском языке / Л. В. Рацибурская, М. В. Сандакова // Русский язык в школе. — 2023. — Т. 84. — № 6. — С. 69—80. — DOI: 10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80.

27. *Сандакова М. В.* Адъективные и адвербиальные интенсификаторы в русском языке : механизмы расширения класса / М. В. Сандакова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2020. — № 51. — С. 90—106. — DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-90-106.

28. *Сандакова М. В.* Об особенностях адвербиальных интенсификаторов / М. В. Сандакова // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней. Доклады Международной научной конференции, посвященной

памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой. — Калуга : ФГБОУ ВО “Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского”, 2023. — С. 327—334.

29. *Сидоренко Е. Н.* Морфология современного русского языка. Части речи и контаминанты / Е. Н. Сидоренко. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 368 с.

30. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — Москва : Прогресс, 1988. — 656 с.

31. *Урысон Е. В.* Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1996. — № 4. — С. 25—38.

32. *Чеснокова Л. Д.* Порядковые числительные в аспекте теории синкретизма / Л. Д. Чеснокова // Переходность и синкретизм в языке и речи : Межвуз. сб. науч. тр. — Москва : Изд-во «Прометей» / МПГУ им. В. И. Ленина, 1991. — С. 44—54.

33. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. / А. А. Шахматов. — Ленинград : Учпедгиз, 1941. — 620 с.

34. *Шигуров В. В.* Степени и предел адвербиальной транспозиции существительных в русском языке (на материале образований с семантикой времени года и суток) / В. В. Шигуров // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2024. — Т. 83. — № 3. — С. 19—32. — DOI: 10.31857/S1605788024030024.

35. *Шигуров В. В.* Собственно грамматический тип ступенчатой транспозиции субстантивной словоформы *рядом* в подкласс наречий образа действия / В. В. Шигуров, Т. А. Шигурова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 176—197. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-176-197.

36. *Вихованець І. Р.* Частини мови в семантико-грамматичному аспекті / І. Р. Вихованець. — Київ : Наукова думка, 1988. — 256 с.

37. *Marchand H.* Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // La Linguistigue. — 1967. — Vol. 3. — № 1. — Pp. 13—26.

38. *Elsen H.* Grundzüge der Morphologie des Deutschen / H. Elsen. — Berlin ; Boston, 2011. — 326 p.

39. *Eihinger L. M.* Syntaktische Transposition und semantische Derivation : die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch / L. M. Eihinger. — Tübingen : Niemeyer, 1982. — 241 p.

40. *Stekauer P.* A theory of conversion in English / P. Stekauer. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. — 155 p.

Статья поступила в редакцию 12.11.2024,
одобрена после рецензирования 29.01.2025,
подготовлена к публикации 28.02.2025.

Material resources

BTSRYA — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *A large explanatory dictionary of the Russian language.* St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Efremova, T. F. (2004). *Explanatory dictionary of the official parts of speech of the Russian language.* Moscow: Astrel: AST. 814 p. ISBN 5-17-025255-2. (In Russ.).

Evgenieva, A. P. (ed.). (1984). *Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes / USSR Academy of Sciences. In-t rus. yaz., 4.* Moscow: Russian Language. 794 p. (In Russ.).

Kim, O. M., Ostrovkina, I. E. (2004). *Dictionary of grammatical homonyms of the Russian language.* Moscow: Astrel; AST; Ermak. 842 p. ISBN 5-17-024938-1. (In Russ.).

CC BY

Kustova, G. I. (2008). *Dictionary of Russian Idiomatics. Combinations of words with the meaning of a high degree (SRI).* Available at: http://dict.ruslang./ru/magn.php (accessed 26.01.2025). (In Russ.).

NKRR — *The National corpus of the Russian language.* Available at: http://www.ruscorpora.ru (accessed 27.01.2025). (In Russ.).

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2006). Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. In: *Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed. add.* Moscow: ITI Technologiya LLC. 944 p. ISBN 5-902638-10-0. (In Russ.).

Semenov, N. M. (ed.). (2005). *Dictionary of adverbs and official words of the Russian language.* Moscow: Russian Language and Media. 750 p. ISBN 5-9576-0183-7. (In Russ.).

Shvedova, N. Yu. (ed.). (2007). *Russian Dictionary with the inclusion of information about the origin of words.* Moscow: Azbukovnik. 1175 p. ISBN 978-5-91172-011-6. (In Russ.).

References

Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected works. Integral description of language and system lexicography, 2.* Moscow: School of "Languages of Russian Culture". 767 p. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (2002). Interaction of vocabulary and grammar: a lexicographic aspect. *Russian language in scientific coverage, 1 (3):* 10—29. (In Russ.).

Bally, S. (1955). *General linguistics and French language issues.* Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 416 p. (In Russ.).

Bauder, A. Ya. (1982). *Parts of speech — structural and semantic classes of words in modern Russian.* Tallinn: Valgus Publ. 184 p. (In Russ.).

Bulanin, L. L. (1976). *Difficult questions of morphology.* Moscow: Prosveshchenie Publ. 208 p. (In Russ.).

Chesnokova, L. D. (1991). Ordinal numbers in the aspect of the theory of syncretism. In: *Transitivity and syncretism in language and speech: Interuniversity collection of Scientific papers.* Moscow: Prometheus Publishing House. 44-54. (In Russ.).

Dymsky, A. S. (1978). On the criteria for distinguishing prepositional-case combinations from adverbs in modern Russian. *Philological Sciences, 6:* 97—104. (In Russ.).

Eihinger, L. M. (1982). *Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch.* Tübingen: Niemeyer. 241 p. (In Germ.).

Elsen, H. (2011). *Grundzüge der Morphologie des Deutschen.* Berlin; Boston. 326 p. (In Germ.).

Ermakova, O. P. (2005). The transition of quality into quantity (on the nature of intensifiers). In: *Logical analysis of language. The cantificative aspect of language.* Moscow: Indrik Publ. 272—279. ISBN 5-85759-325-5. (In Russ.).

Ermakova, O. P. (2015). *Semantic categories in the vocabulary and grammar of the Russian language.* Moscow: Flinta; Nauka. 96 p. ISBN 978-5-9765-1902-2. (In Russ.).

Gak, V. G. (1990). Asymmetry in language. In: *Linguistic encyclopedic dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 519. (In Russ.).

Grammar of the Russian language: in 2 volumes, 1. (1960). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 719 p. (In Russ.).

Isaev, D. V., Myachin, D. A. (2019). Conversion and theory of parts of speech (based on the material of English, French and Chinese). *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 12 (12):* 321—326. (In Russ.).

Kartsevsky, S. O. (1965). On the asymmetric dualism of the linguistic sign. *History of linguistics of the XIX—XX centuries in essays and extracts, 2:* 85—93. (In Russ.).

Kravtsov, S. M. (2016). *Conversion in word formation: usage and contingency.* Rostov-on-Don: SFU Publishing House. 170 p. ISBN 978-5-9275-1796-1. (In Russ.).

Kubryakova, E. S., Kizyukevich, A. A. (1988). Some features of the process of transposition of adjectives into nouns from a word-formation point of view. *Productivity, frequency and valence of derivational models.* 52—58. (In Russ.).

Kurilovich, E. (1962). Lexical derivation and syntactic derivation. In: *Essays on linguistics.* Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 57—71. (In Russ.).

Kustova, G. I. (2004). *Types of derived meanings and mechanisms of linguistic expansion.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 472 p. ISBN 5-9551-0022-9. (In Russ.).

Kustova, G. I. (2005). Quantitative meanings of qualitative words. In: *Logical analysis of language. The cantificative aspect of language.* Moscow: Indrik. 295—305. ISBN 5-85759-325-5. (In Russ.).

Kustova, G. I. (2008). *Dictionary of Russian Idiomatics. Combinations of words with the meaning of a high degree (SRI).* Available at: http://dict.ruslang./ru/magn.php (accessed 28.01.2025). (In Russ.).

Lukin, M. F. (1982). The transition of parts of speech or their substitution? *NVSH. Philological sciences, 2:* 78—80. (In Russ.).

Marchand, H. (1967). Expansion, transposition and derivation. *La Linguistigue, 3 (1):* 13—26.

Melchuk, I. (1995). *The Russian language in the "Meaning <Text" model.* Moscow; Vienna: School "Languages of Russian Culture", Vienna Slavic Almanac. 682 p. (In Russ.).

Migirin, V. N. (1967). *Essays on the theory of transition processes in the Russian language.* Balti: [b. i.]. 199 p. (In Russ.).

Novospasskaya, N. V., Avagyan, A. A. (2021). Unidirectionality of grammaticalization in modern linguistics. *Bulletin of the Peoples Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics, 12 (1):* 89—104. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-89-104. (In Russ.).

Peshkovsky, A. M. (1938). *Russian syntax in scientific coverage.* Moscow: Uchpedgiz. 452 p. (In Russ.).

Ratsiburskaya, L. V., Sandakova, M. V. (2023). Word-formation and lexical intensifiers in modern Russian. *Russian language at school, 84 (6):* 69—80. DOI: 10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80. (In Russ.).

Sandakova, M. V. (2020). Adjectival and adverbial intensifiers in the Russian language: mechanisms of class expansion. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, 51:* 90—106. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-90-106. (In Russ.).

Sandakova, M. V. (2023). On the features of adverbial intensifiers. In: *Problems of linguistic semantics and pragmatics of linguistic units at different levels. Reports of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor of Philology, Professor Olga Pavlovna Ermakova.* Kaluga: Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky. 327—334. (In Russ.).

Shakhmatov, A. A. (1941). *Syntax of the Russian language. 2nd ed.* Leningrad: Uchpedgiz. 620 p. (In Russ.).

Shigurov, V. V. (2024). Degrees and limit of adverbial transposition of nouns in the Russian language (based on the material of formations with the semantics of the time of year

and day). *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language, 83 (3):* 19—32. DOI: 10.31857/S1605788024030024. (In Russ.).

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A. (2024). Grammatical Type of Stepwise Transposition of Nominal Word Form 'ryadom' [near] into Subclass of Manner Adverbs. *Nauchnyi dialog, 13 (2):* 176—197. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-176-197 (In Russ.).

Sidorenko, E. N. (2017). *Morphology of the Modern Russian Language. Parts of speech and contaminants.* Moscow: Flinta: Nauka Publ. 368 p. (In Russ.).

Stekauer, P. (1996). *A theory of conversion in English.* Frankfurt am Main: Peter Lang. 155 p. (In Germ.).

Tenier, L. (1988). *Fundamentals of structural syntax.* Moscow: Progress Publ. 656 p. (In Russ.).

Uryson, E. V. (1996). Syntactic derivation and the "naïve" picture of the world. *Questions of linguistics, 4: 25*—38. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1986). *Russian language: A grammatical teaching of the word.* Moscow: Higher School. 640 p. (In Russ.).

Vorotnikov, Yu. L. (2003). *Word and time.* Moscow: Nauka Publ. 168 p. ISBN 5-02-032682-8. (In Russ.).

Вихованець, І. Р. (1988). *Частини мови в семантико-грамматичному аспекті.* Київ: Наукова думка. 256 p. (In Ukr.).

The article was submitted 12.11.2024;
approved after reviewing 29.01.2025;
accepted for publication 28.02.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Ольга Владимировна Кружкова, канд. психол. наук (Екатеринбург)
Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филол. наук (Екатеринбург)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кружкова О. В. Запоминаемость и когнитивные ошибки узнавания граффити в городской среде : результаты полевого эксперимента / О. В. Кружкова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 163—180. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-163-180.

Kruzhkova, O. V. (2025). Memorability and Cognitive Errors in Recognizing Graffiti in Urban Environments: Results from a Field Experiment. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 163-180. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-163-180. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Запоминаемость и когнитивные ошибки узнавания граффити в городской среде: результаты полевого эксперимента

Кружкова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0002-2569-8789
кандидат психологических наук, доцент,
лаборатория перспективных
социосредовых исследований
galiat1@yandex.ru

Уральский государственный
педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-01487,
https://rscf.ru/project/23-28-01487/

Memorability and Cognitive Errors in Recognizing Graffiti in Urban Environments: Results from a Field Experiment

Olga V. Kruzhkova
orcid.org/0000-0002-2569-8789
PhD in Psychology, Associate Professor,
Laboratory of Advanced
Socio-Environmental Research
galiat1@yandex.ru

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01487,
https://rscf.ru/project/23-28-01487/

© Кружкова О. В., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Авторы вандальных изменений городской среды стремятся сделать их заметными для наибольшего числа наблюдателей для привлечения внимания к своим высказываниям. При этом с позиции «невольного наблюдателя» недостаточно очевидна заметность несанкционированных граффити как элементов городской среды и их когнитивное воздействие. Цель исследования — изучение восприятия граффити в форме рисунков и вандально нанесенных текстов с позиции их считывания и запоминания «невольными наблюдателями» в естественных условиях городской среды при совершении прогулки по маршруту. Участникам полевого эксперимента (29 человек в возрасте от 14 до 59 лет) было предложено пройти по пешему маршруту в центре города Екатеринбурга. Фиксация направления взгляда участников исследования осуществлялась мобильным айтрекером (очки). После прохождения маршрута респонденты выбирали в анкете несанкционированные граффити (рисунки и тексты), встречавшиеся им на маршруте, среди представленных альтернатив. Установлено, что наиболее часто узнают встречавшиеся на маршруте несанкционированные граффити представители возрастной группы от 18 до 29 лет, при этом нет различий по полу в узнавании среди респондентов. Выявлен приоритет в узнавании рисунков (по сравнению с текстами граффити). Лучше узнаются знакомые и понятные граффити, а также граффити на нехарактерные (в частности, религиозные) темы. Когнитивные ошибки (например, ошибка атрибуции воспоминаний) связаны с широким распространением типичных граффити в городской среде.

Ключевые слова:
вандально нанесенные тексты; граффити; запоминание; когнитивные ошибки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The authors of vandalistic alterations to urban environments aim to make their works noticeable to the maximum number of observers in order to draw attention to their statements. However, from the perspective of the “inadvertent observer,” the visibility of unauthorized graffiti as elements of the urban landscape and their cognitive impact are not immediately evident. The objective of this study is to examine the perception of graffiti in the form of images and vandalized texts, focusing on their recognition and memorization by “inadvertent observers” in natural urban settings during a walking route. Participants in the field experiment (29 individuals aged 14 to 59) were asked to walk along a pedestrian route in the city center of Yekaterinburg. The direction of participants’ gaze was tracked using mobile eye-tracking glasses. After completing the route, respondents selected unauthorized graffiti (both images and texts) encountered along the way from a set of alternatives presented in a questionnaire. It was found that unauthorized graffiti encountered along the route were most frequently recognized by participants aged 18 to 29, with no significant differences in recognition based on gender. A preference for recognizing images over texts was identified. Familiar and comprehensible graffiti, as well as those addressing atypical (particularly religious) themes, were recognized more readily. Cognitive errors (e.g., memory attribution errors) were linked to the widespread presence of typical graffiti in urban environments.

Key words:
vandalized texts; graffiti; memorization; cognitive errors.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’42:75
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-163-180

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Запоминаемость и когнитивные ошибки узнавания граффити в городской среде: результаты полевого эксперимента

© Кружкова О. В., 2025

1. Введение = Introduction

Вандальные повреждения городских пространств — явление обыденное, широко представленное в большинстве мегаполисов планеты. Более того, вандальные изменения городской среды могут быть весьма вариативны и многообразны: от граффити, воспринимаемых в последнее время все чаще как формы современного искусства [Shobri, 2017; Urban art, 2024] или низовые практики гражданского активизма [Urbonaitė-Barkauskienė, 2011], до агрессивной деструкции элементов городской среды (разбиение, сожжение, деформация и пр.) или утилитарного замусоривания пространства (системное оставление мусора вне мест, предназначенных для этого, расклейки объявлений и пр. элементов на городских поверхностях) [Воробьева, 2015] и т. д. При этом исследования феномена вандализма как широкого явления и несанкционированных граффити как его частного случая достаточно редки и мозаичны, хотя масштаб данного явления побуждает к изучению граффити.

Специфической чертой вандальных изменений городской среды является то, что в отличие от других криминализированных деяний в большинстве случаев (особо это касается граффити) следы вандализма не скрываются [Кружкова, 2024]. Более того, авторы стремятся сделать их доступными и заметными как можно для большего числа наблюдателей. Б. Уокер и Н. Шуурман объясняют это стремлением к «анонимной славе» [Walker et al., 2015], а К. Кумар с соавторами — мотивом «разоблачения» [Kumar et al., 2024], когда для субъекта вандализма важно, чтобы другие оценили его смелость, мастерство, стиль выполнения граффити [Bloch, 2018]. В результате авторство отдельных граффити идентифицируется не только в узких субкультурных кругах, но широкой публикой «невольных наблюдателей», которые узнают

CC BY

не личность субъекта вандализма, но общность его произведений за счет характерного «почерка», тэгов или иных специфичных повторяющихся на разных работах элементов. Как отмечают в своем исследовании К. Кумар и соавторы, нелегальные уличные художники предпочитают места с повышенным «потенциалом воздействия» на публику — это оживленные районы с барами и ночными магазинами, клубами, ресторанами, жилыми домами. Они выбирают места с повышенной вовлеченностью аудитории, необходимой для их культурного самовыражения и субкультурного признания [Kumar, 2024]. Как отмечает Л. Салмин, «за настоящим граффити всегда стоит страстная потребность и невозможность высказывания иначе, как только в открытом пространстве, в живой среде города, поперек устоявшихся норм общественного урбанистического порядка» [Салмин, 2024, с. 81].

С позиции наблюдателя или городского обывателя отношение к вандальным изменениям городской среды достаточно неоднозначное. В масштабном социологическом исследовании, проведенном У. С. Швиндт, показано, что для жителей российского города-миллионника характерна «усталость» от визуального шума, создаваемого граффити, тэгами, бомбингом, когда несанкционированный стрит-арт воспринимается как порча городского имущества и вандализм по отношению к городской среде, хотя одновременно с этим у горожан имеются и отдельные «любимые» объекты стрит-арта, отношение к которым достаточно лояльное [Швиндт, 2021]. Исследование Н. Джукич в г. Баня-Лука показывает высокую степень одобрения граффити со стороны жителей (более 70 %), при этом наиболее позитивно несанкционированные преобразования городской среды оценивают граждане среднего класса с высшим образованием [Djukic, 2020]. Анализ, проведенный И. Е. Сафоновым с коллегами, показал, что отношение жителей города к несанкционированному преобразованию его пространства зависит от степени «понятности» и способности интерпретировать нелегитимные графические объекты наблюдателем. Так, к «рисункам» высказывается более позитивное отношение, проводится их сопоставление с искусством, тогда как к «надписям», особенно тэгового характера, непонятным, чье назначение и информационный посыл не очевиден для наблюдателя, — негативное и осуждающее [Граффити для города, 2022]. В результате ряд авторов констатируют неоднозначное отношение жителей городов к несанкционированным граффити в городском пространстве [Кружкова и др., 2024; Швиндт, 2021; Lopera, 2016; Shobri, 2017; Urbonaitė-Barkauskienė, 2011], основанное на их опыте взаимодействия с данными объектами, стереотипах и установках по отношению к подобным городским интервенциям. В то же время особенности непосредственного восприятия вандальных изменений городской среды с позиции невольного

CC BY

наблюдателя практически не исследованы, как и мало исследованы эффекты, оказываемые несанкционированными граффити на эмоциональные реакции, переживания и поведенческие стратегии людей, находящихся в вандально измененной городской среде. Отдельные работы касаются изучения особенностей глазодвигательной активности при просматривании граффити в различных средовых условиях [Gartus, 2014; Gartus, 2015], но таких исследований крайне мало.

Целью представленного исследования стало изучение восприятия граффити в форме рисунков и вандально нанесенных текстов с позиции их считывания и запоминания «невольными наблюдателями» в естественных условиях городской среды при совершении прогулки по маршруту.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретическая рамка исследования. Представленное исследование в качестве базового опирается на понимание вандальных изменений городской среды, в том числе в формате граффити, как «несанкционированно созданных в пространстве города воздействующих на наблюдателя стимулов» [Кружкова и др., 2024, с. 101] посредством различных лингвистических приемов и эксплуатации тематических сообщений [Бабикова, 2024; Швиндт, 2021, Gartus, 2015; Kumar, 2024]. Вследствие этого возможно предполагать их заметность для невольного наблюдателя при его жизнеосуществлении в пространстве города, а также фиксацию в памяти их образа и содержания.

Методы. Исследование проводилось с применением технологии мобильного айтрекинга в рамках естественного эксперимента (зависимая переменная — запоминание и узнавание увиденных на маршруте граффити, независимые переменные — пол и возрастная группа участников исследования). Участникам исследования было предложено совершить пешую прогулку по единому маршруту (рис. 1) в центральной части города в мобильном айтрекере (Tobii Pro Glasses 3) с синхронной записью видео прохождения маршрута и движения глаз участника исследования при движении по маршруту.

Исследование проводилось с июля по ноябрь 2024 года в светлое время суток при погоде без осадков. Одновременно маршрут осуществлял только один участник исследования в сопровождении экспериментатора, но при минимальном взаимодействии с последним. Прохождение маршрута всегда осуществлялось в одном направлении (на рисунке 1 от красной точки — начало маршрута — к черной точке — окончание маршрута).

Изначальной установки на нахождение и запоминание граффити или иных вандальных изменений городской среды по маршруту участники исследования не получали. Ни для одного из участников исследования

CC BY

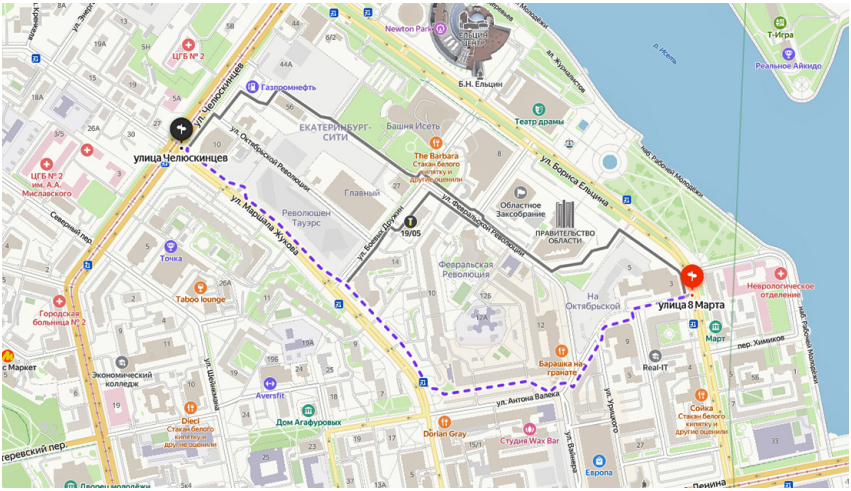


Рис. 1. Маршрут в условиях городской среды (сиреневый пунктир).

Источник — Яндекс Карты https://yandex.ru/maps/54/yekaterinburg/?ll=60.590496%2C56.842337&z=16.1

предложенный маршрут не являлся привычным и хорошо знакомым. После завершения маршрута участники исследования заполняли анкету, где в списке фраз и рисунков несанкционированных граффити определяли те, которые могли им встретиться при прохождении маршрута.

Материалы. Выбранный маршрут отличается высокой насыщенностью вандально нанесенных граффити как рисуночного, так и текстового характера, расположенных в непосредственной близости от пешеходной зоны, по которой осуществлялось движение участников исследования. На подготовительной стадии исследования по выбранному маршруту было произведено фотофиксирование всех элементов вандальных изменений городской среды. Из данных были отобраны изображения и вандально нанесенные тексты с высокой сохранностью и хорошей читабельностью с позиции наблюдателя при прохождении маршрута. В результате участникам исследования предъявлялись для контроля при итоговом анкетировании 7 изображений (примеры представлены на рис. 2) — показывались в форме изображения — и 38 текстов (например, «Пора!!!», «Котик Жив!», «Никитосик», «Не бойтесь думать», «Бог есть любовь» и др.) — демонстрировались в виде текста с соблюдением авторской орфографии и пунктуации. К каждому рисунку и тексту были подобраны близко схожие альтернативы (пример альтернативных изображений представлен на рисунке 2), которые

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

позднее демонстрировались в анкете на узнавание прошедшим маршрут участникам исследования. Все изображения и тексты в анкете были освобождены от контекста места их размещения.

Граффити на маршруте

Альтернативные рисунки

Рис. 2. Примеры граффити, зафиксированных на маршруте и предложенных для узнавания участникам исследования, а также их альтернатив

Выборка. В исследовании приняли участие 29 жителей Екатеринбурга, из них 9 человек в возрасте от 14 до 17 лет (5 мальчиков и 4 девочки), 6 человек в возрасте от 18 до 29 лет (3 юноши и 3 девушки), 7 человек в возрасте от 30 до 39 лет (3 мужчины и 4 женщины), 7 человек в возрасте от 40 до 59 лет (4 мужчины и 3 женщины). Участники исследования обладали нормотипичным зрением (без существенной близорукости и дальнозоркости). Каждый участник исследования заполнял информированное согласие на проведение окулографического исследования неинвазивным методом с применением мобильного айтрекера (очки).

CC BY

Методы математико-статистического обработки данных. Обработка результатов осуществлялась на базе статистического пакета JASP 0.18.1.0. Были применены частотный анализ и описательные статистики, сравнительный анализ для зависимых и независимых выборок (критерии Вилкоксона, Манна-Уитни и Краскела-Уоллиса), таблицы сопряженности (критерий Хи-квадрат), коэффициент корреляции Спирмена.

Ограничения экспериментального исследования. Ситуация проведения естественного (полевого) эксперимента имеет ряд существенных ограничений в отношении внутренней валидности, связанных с влиянием дополнительных переменных на результаты эксперимента, проведенного в динамичных условиях городской среды (к подобным переменным целесообразно отнести дополнительные раздражители, связанные с транспортом или другими людьми, встречавшиеся участникам эксперимента на маршруте, рекламными объявлениями или иными дополнительными носителями информации, погодными и климатическими условиями и пр.). Тем не менее полевой эксперимент позволяет наиболее точно смоделировать ситуацию реального взаимодействия человека с вандально измененной городской средой и зафиксировать непосредственные и естественные реакции участника исследования на ее стимулы. Стоит также отметить, что применение мобильного айтрекера не создавало дополнительных помех и не выступало раздражителем для участников исследования, поскольку данное оборудование выполнено в форме очков без серьезного утяжеления или ограничения обзора (по габаритам, весу и углу обзора айтрекер Tobii Pro Glasses 3 сопоставим с оправой среднеразмерных солнцезащитных очков).

Проведенный эксперимент носил поисковый характер и был реализован на относительно ограниченной выборке. Полученные результаты в дальнейшем целесообразно уточнить при привлечении более масштабной выборки.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Заметность несанкционированных граффити

В рамках проведенного исследования посредством видеозаписей с мобильного айтрекера оценивалась заметность вандальных изменений городской среды при прохождении маршрута участниками исследования. В результате было подтверждено, что все участники исследования при осуществлении продвижения по маршруту демонстрировали фиксации взгляда как на рисуночных граффити, так и на текстовых или символических (рис. 3).

При этом при столкновении с текстовыми граффити движения глаз участников исследования соответствовали глазодвигательной активности при считывании текста. Можно заключить, что, несмотря на отсутствие

Рис. 3. Стоп-кадры видеозаписи с мобильного айтрекера,
демонстрирующие наличие фиксаций на несанкционированных граффити
при прохождении маршрута участниками исследования

целенаправленной инструкции по поиску и запоминанию граффити, при прохождении маршрута участники исследования самостоятельно и непроизвольно фиксируют внимание на этих элементах естественной городской среды, вследствие чего можно предположить, что граффити жителями города считываются и запоминаются, то есть выступают источниками не только эмоционального, но и когнитивного воздействия.

3.2. Запоминаемость несанкционированных граффити

Запоминаемость несанкционированных граффити в проведенном исследовании оценивалась через их узнавание при предъявлении в условиях конкурирующих стимулов, схожих с зафиксированным на маршруте материалом (рис. 4). Изображения, встречавшиеся на маршруте, в ответах участниками исследования выбирались чаще, чем их альтернативы.

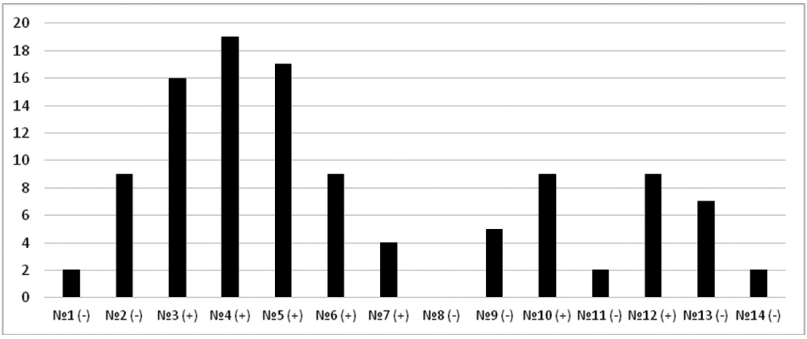


Рис. 4. Профиль частоты запоминания (узнавания) изображений
несанкционированных граффити*

* Примечание: порядок представлен в соответствии с последовательностью предъявления стимулов в анкете и не соответствует порядку встречаемости граффити по маршруту. Маркировка (+) после номера изображения обозначает граффити, расположенные на маршруте, маркировка (-) после номера изображения обозначает альтернативные граффити.

CC BY

Узнавание граффити рисунков, встречавшихся на маршруте, колеблется от 13,8 % до 65,5 %, в среднем 40,9 % возможных выборов, альтернативы ошибочно выбирались респондентами значительно реже: от 0 % до 31,0 %, в среднем 13,3 % возможных выборов. Взаимосвязь между частотой узнавания конкретного рисунка и его альтернативы не выявлена ($r = –0,192$ при $p = 0,680$), также отсутствует взаимосвязь между частотой выбора реальных рисунков и альтернатив одновременно ($r = 0,304$ при $p = 0,109$), то есть у респондентов здесь не была замечена индивидуальная склонность чаще или реже выбирать изображения, как реально встречавшиеся на маршруте, так и их альтернативы, предложенные в анкете.

Наибольшее число респондентов узнало изображение № 4 (трафаретное граффити с близко схожей символикой одной из сетевых кофеен), которое за счет существенного контраста с окружающей действительностью (оранжевый цвет) и в связи с высокой частотностью встречаемости не только на данном маршруте, но и в целом в среде центральной части города знакомо и узнаваемо большинством участников исследования (61,3 % узнаваний). Также высокая узнаваемость характерна для субкультурной символики (изображение № 3) и художественного граффити (изображение № 5, рисунок 2, правое изображение). При этом в отношении субкультурной символики (изображение № 3) характерен частый выбор его альтернативы (изображение № 2), которая имеет сходное начертание и цветовое оформление, но иное содержательное и смысловое символьное наполнение. Наименьшее узнавание зафиксировано в отношении изображения № 7 (рисунок 2, центральное изображение). Можно предположить, что это связано с малым размером изображения (менее 0,5 м в высоту), его отдаленным расположением (более 4 метров от траектории движения участника исследования), а также невысокой контрастностью и яркостью. Стоит отметить, что на узнаваемость оказывают влияние не столько размер или цветовая яркость граффити-рисунка, сколько в совокупности с данными факторами его однозначная идентификация и понятность для воспринимающего, что согласуется с результатами, полученными И. Е. Сафоновым с коллегами на материале Санкт-Петербурга [Граффити для города ..., 2022].

При оценке узнавания текстовых сообщений несанкционированных граффити также использовались как реальные стимулы, встречавшиеся участникам исследования на маршруте, так и альтернативные стимулы (табл. 1). Текстовые граффити имеют меньшее узнавание, чем граффити-рисунки (максимальное узнавание фраз, встречавшихся на маршруте несанкционированных граффити, — 37,9 %), однако данный эффект может быть следствием освобождения от контекста в рамках анкеты, когда приоритет в предъявлении был отдан содержанию текста, а не его форме

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

представления. В отличие от узнавания граффити в форме рисунков при узнавании текстов была обнаружена высокозначимая прямая взаимосвязь между частотой выбора реальных текстов и альтернатив одновременно ($r = 0{,}833$ при $p < 0{,}001$), то есть у респондентов в условиях предъявления текстового стимульного материала проявляется выраженная индивидуальная склонность чаще или реже выбирать любые тексты, как реально встречавшиеся на маршруте, так и их альтернативы, предложенные в анкете. Также на основе данных таблицы 1 можно говорить об эффекте затухания при узнавании текстов. Так, тексты, предложенные в начале исследования (как реальные, так и альтернативные), выбираются как узнанные гораздо чаще, чем тексты, предъявляемые в конце анкеты.

Таблица 1

Частота запоминания (узнавания) текстов несанкционированных граффити*

Порядок предъявления	Текст граффити	Частота узнавания	Порядок предъявления	Текст граффити	Частота узнавания
1	(+) Бог наполняет жизнь смыслом!	11	20	(-) Шиномонтаж	4
			21	(+) Зеленый	1
2	(+) Сити Исети	6	22	(-) Красный	0
3	(-) Бог живет вне нас!	10	23	(+) С Богом реально круче!!!	0
4	(+) Прот*** Пор****	4			
5	(-) Местечко неочем	1	24	(-) С Богом мы живем!!!	1
6	(+) Слон Поля	0	25	(+) Бог есть любовь	9
7	(-) Письмо тебе	0	26	(-) Бог прощает все	2
8	(+) Пора!!!	1	27	(+) Бог любит тебя!	6
9	(-) Тост	0	28	(-) Все мы живы Богом	2
10	(+) Мы здесь власть	3	29	(+) Не бойтесь думать	1
11	(-) Эй вы улыбнитесь	0	30	(-) Поздравляю с 34летием	0
12	(+) Бог Любит тебя!	11	31	(+) Бог любит тебя! А ты его знаешь?	3
13	(-) В тебя верит Бог!	6			
14	(-) Письмо тебе	0	32	(-) Бог верит в тебя! А ты веришь в него?	2
15	(+) Котик Жив!	3			
16	(-) Это судьба	0	33	(+) www.про****.com	2
17	(+) Не бойтесь любить	11	34	(-) ...да, сынок	2
18	(-) Не жертва пустота	1	35	(+) Бог = любовь	7
19	(+) Никитосик	2	36	(-) Бог = вера	1

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Порядок предъявления	Текст граффити	Частота узнавания	Порядок предъявления	Текст граффити	Частота узнавания
37	(+) Человеку это не возможно, но Бог может всё!!!	4	55	(+) Мы хотим танцевать	3
			56	(-) Ветер встречает зал	1
38	(-) Бог дает силы и надежду, вне сомнения!!!	2	57	(+) Sound	0
			58	(-) Hello	3
39	(+) Сырок	3	59	(+) Ты любим Богом!	0
40	(-) Ниндзя	3	60	(-) Ты ведомый Богом!	1
41	(+) Nys 4 life fu** Rehab	4	61	(+) Коте нечего кушать	1
42	(-) Gu** for seven army race	1	62	(-) Смотрю только будущее	0
43	(+) Не унывай Иисус рядом	2	63	(+) Протрезвейте	2
44	(-) Не думай, что Иисус не видит	2	64	(-) Пластилинчик	1
			65	(+) Поля я тебя люблю!!!	2
45	(+) Танго 3 х 1,5	2	66	(-) Дядя толя с др!	1
46	(-) Темный гад	1	67	(+) Протест	1
47	(+) Ты любим Богом живым	0	68	(-) Помоги	0
48	(-) Ты важен Богу в любом лике	0	69	(+) Бах	2
49	(+) RIP young Crew	2	70	(+) Хой	3
50	(-) SKIP SKIP SKIP	3	71	(+) Fu** the system	1
51	(+) Ок Нет! Хр** тебе	2	72	(-) Your tru vision	1
52	(-) Ну и смысел?	2	73	(+) Мы не рабы Рабы немы	3
53	(+) Верните мой XIX век	1	74	(-) Ищу странных людей и все	0
54	(-) Стараюсь не думать	0			

* Примечание: порядок представлен в соответствии с последовательностью предъявления стимулов в анкете и не соответствует порядку встречаемости граффити по маршруту. Сохранено авторское написание, кроме случаев, где * является заменой ненормативной или неэтичной лексики. Маркировка (+) обозначает граффити, расположенные на маршруте, маркировка (-) обозначает альтернативные граффити.

Наиболее запомнившимися и чаще узнаваемыми текстами оказались несанкционированные граффити религиозной тематики (рис. 5). Их содержание оказалось относительно неожиданным для участников исследования, поскольку в ближайшем расположении с маршрутом нет религиозных объектов, а использование крупных надписей с контрастным цветом текста (желтый, белый), привлекало внимание и создавало условия для непроизвольного запоминания данных текстов. Как отмечают сами участники исследования, на маршруте было «много фраз, связанных с богом: Бог тебя лю-

CC BY

бит, Бог тебя знает» (респондент: мужчина, 22 года), в результате «больше всего запомнились надпись “Не бойтесь любить” и христианские проповеди в виде граффити, которые появились в городе недавно» (респондент: женщина, 29 лет). При этом в анкете относительно часто выбирались и альтернативные надписи со схожим религиозным содержанием (например, «Бог живет вне нас!» и «В тебя верит Бог»), поскольку респонденты опирались зачастую не на конкретное содержание, а на общность тематики.

Рис. 5. Пример несанкционированного граффити на религиозную тему (Екатеринбург, 2024 г.)

Анализируя частоту выбора при анкетировании альтернативных надписей, отсутствовавших на маршруте, можно предположить, что причиной ошибок стало припоминание респондентами подобных текстов из их повседневного опыта встреч с надписями такого типа вне ситуации проведения полевого эксперимента. Например, такие граффити, как «Шиномонтаж», «Hello», распространены в пространстве города, привычны и обыденны, поэтому при анкетировании они часто выбирались, даже если на реальном маршруте респондент их не встречал. В данном случае можно констатировать наличие ошибки атрибуции воспоминаний [Нуркова, 2015].

3.3. Роль половозрастных различий как фактор влияния на запоминание несанкционированных граффити

Роль дифференциации участников исследования по признаку пола и возрастной категории, как независимых переменных в полевом экспери-

CC BY

ментальном исследовании, была оценена посредством сравнительного анализа. Так, в частоте выбора (узнавания) встречавшихся на маршруте рисунков и текстов, а также альтернативных рисунков и текстов статистически значимых различий между представителями мужского и женского пола не наблюдалось (табл. 2).

Таблица 2

Результаты сравнения узнавания рисунков и текстов несанкционированных граффити среди мужчин и женщин

Показатель	Коэффициент Манна-Уитни	Уровень значимости, p	Медиана частоты в группе	
			мужчины	женщины
Узнавание рисунков, встречавшихся на маршруте	84,00	0,377	4	3
Узнавание альтернативных рисунков	105,00	1,000	1	1
Узнавание текстов, встречавшихся на маршруте	71,00	0,483	4	3
Узнавание альтернативных текстов	82,00	0,915	1	1

В возрастных группах различия были обнаружены только в отношении узнавания несанкционированных граффити в форме рисунков и текстов, встречавшихся участниками исследования на маршруте (табл. 3), тогда как в отношении альтернативных рисунков и текстов подобные различия не наблюдаются.

Таблица 3

Результаты сравнения узнавания рисунков и текстов несанкционированных граффити среди возрастных групп

Показатель	Коэффициент Краскела-Уоллиса	Уровень значимости, p	Медиана частоты в группе			
			14—17 лет	18—29 лет	30—39 лет	40—59 лет
Узнавание рисунков, встречавшихся на маршруте	11,20	0,011	3,0	4,5	2,0	0,0
Узнавание альтернативных рисунков	4,60	0,203	2,0	1,0	1,0	0,0
Узнавание текстов, встречавшихся на маршруте	8,09	0,044	3,0	7,0	5,0	0,0
Узнавание альтернативных текстов	5,83	0,120	1,0	2,5	2,0	0,0

CC BY

Таким образом, участники юношеской группы (от 18 до 30 лет) наиболее часто, по сравнению с представителями других возрастных групп узнавали в предъявленном стимульном материале рисунки и тексты, которые они встречали при прохождении маршрута. И здесь можно предположить, что представители данной возрастной группы демонстрируют большую сензитивность и «уязвимость» к воздействиям городской информационной среды, в том числе реализуемым через несанкционированные граффити.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, по результатам проведенного полевого эксперимента можно сделать следующие выводы о наличии специфических эффектов в запоминании и когнитивных ошибках при узнавании рисунков и текстов несанкционированных граффити при прохождении маршрута в условиях реальной городской среды.

Текст vs рисунок. Несанкционированные граффити-рисунки имеют более высокий потенциал для запоминания, чем граффити тестового характера. Впрочем, данный эффект может быть связан с формой предъявления текстов несанкционированных граффити в исследовательской анкете. Однако реальные граффити-рисунки, встречавшиеся участникам исследования на маршруте, узнаются ими существенно чаще в контексте выбора их альтернатив, чем тексты несанкционированных граффити по сравнению с предложенными в анкете альтернативными текстами схожей тематики.

Запоминается понятное. При вспоминании рисунков оказывается, что лучше всего узнаются те изображения, которые участниками исследования могут быть однозначно идентифицированы и максимально им понятны (один персонаж на изображении, знакомая и однозначно интерпретируемая символика). Размер изображения, его цветовая палитра, форма нанесения (трафарет, тэгирование, бомбинг, мурал и пр.) имеют для запоминания второстепенное значение.

Индивидуальные особенности «узнавания» текстов. Участники исследования имеют индивидуальные особенности, проявляющиеся как характерный для них более частый или более редкий выбор текстов несанкционированных граффити из обеих категорий (реальные тексты или их альтернативы). В то же время данная индивидуальная особенность в отношении граффити-рисунков не проявляется: частота выбора реально встречавшихся рисунков не связана с частотой выбора альтернативных изображений.

Предыдущий опыт и частота встречаемости. Чаще припоминаются граффити, имеющие высокую частотность распространения в городской

CC BY

среде. В результате участники исследования ошибочно узнают те граффити, которые не встречались им на конкретном маршруте, но типичны для той городской среды, где они реализуют свою жизнедеятельность.

Эффект неожиданности. Наиболее высокий потенциал запоминания имеют текстовые граффити неожиданной для участников исследования тематикой (нетипичной для данной городской локации). В частности, в рамках исследованного маршрута такими являются граффити религиозного содержания. Запоминание таких граффити с достаточно высокой частотностью, хотя наиболее узнаваема их тематика, а не конкретное содержание, поскольку выборы участников исследования падают как на реально встречавшиеся им фразы, так и на предложенные исследователями в анкете альтернативы.

Пол и возраст. Представители мужского и женского пола не имеют различий в узнавании реально встречавшихся на маршруте граффити-рисунков, текстов несанкционированных граффити, а также в выборе альтернативных стимулов. В то же время юношеская группа (от 18 до 29 лет) наиболее часто по сравнению с иными возрастными группами узнает встреченные на маршруте граффити (как рисунки, так и тексты), то есть обладает наибольшей сензитивностью к данным стимулам городской среды.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Бабикова М. Р.* Когнитивные механизмы граффити : компрессия, дефокусирование, фокусировка / М. Р. Бабикова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 171—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-171-187.

2. *Воробьева И. В.* Психология вандального поведения / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2015. — 304 с. — ISBN 978-5-7186-0704-8.

3. *Кружкова О. В.* Вандализм. Почему не работает теория «разбитых окон»? / О. В. Кружкова // Психология и право. — 2024. — Т. 14. — № 3. — С. 26—38. — DOI: 10.17759/psylaw.2024140303.

4. *Кружкова О. В.* Вандально нанесенные тексты: потенциал «мягкой силы» / О. В. Кружкова, М. Р. Бабикова, С. Д. Робин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 96—117. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117.

5. *Нуркова В. В.* Проблема неточности воспоминаний в перспективе многокомпонентноймодели памяти / В. В. Нуркова // Мир психологии. — 2015. — № 2. — С. 35—49.

6. *Салмин Л.* Граффити. Искусство непослушания / Л. Салмин // Проект Байкал. — 2024. — Т. 21. — № 79. — С. 81—87. — DOI: 10.51461/issn.2309-3072/77.2290.

7. *Сафонов И. Е.* Граффити для города или город для граффити? Легитимность нелегальных граффити в историческом центре Санкт-Петербурга / И. Е. Сафонов, Е. В. Шапиро, Е. М. Лукина, С. А. Щепкина // Galactica Media : Journal of Media Studies. — 2022. — Т. 4. — № 3. — С. 100—122. — DOI: 10.46539/gmd.v4i3.315.

8. *Швиндт У. С.* Эстетическая и проблемная ориентация стрит-арта в восприятии городского населения (на примере Екатеринбурга) / У. С. Швиндт // Koinon. — 2021. — Т. 2. — № 2. — С. 100—115. — DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005.

9. *Bloch S.* Place-Based Elicitation : Interviewing Graffiti Writers at the Scene of the Crime / S. Bloch // Journal of Contemporary Ethnography. — 2018. — № 47 (2). — Pp. 171—198. — DOI: 10.1177/0891241616639640.

10. *Cahuana M.* Urban art traditionally framed in aesthetic aspects, criminalization and vandalism, as a democratic scope in cultural valuation / M. Cahuana, A. Labanda, B. Vite, R. Poma // Centro Sur. — 2024. — № 8. — Pp. 130—144. — DOI: 10.37955/cs.v8i3.358.

11. *Đukić N.* Graffiti and urban identity : negative perception of graffiti as an indicator of urban identity crisis / N. Đukić // Proceedings of the International Scientific Conference "Post-socialist transformation of the city". Novi Sad. — 2020. — Pp. 123—135.

12. *Gartus A.* The effects of visual context and individual differences on perception and evaluation of modern art and graffiti art / A. Gartus, N. Klemer, H. Leder // Acta Psychologica. — 2015. — № 156. — Pp. 64—76. — DOI: 10.1016/j.actpsy.2015.01.005.

13. *Gartus A.* The white cube of the museum versus the gray cube of the street : The role of context in aesthetic evaluations / A. Gartus, L. Helmut // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. — 2014. — № 8. — Pp. 311—320. — DOI: 10.1037/a0036847.

14. *Kumar K.* Graffiti Writers Choose Locations That Optimize Exposure / K. Kumar, W. Bernasco, C. Vandeviver // Crime & Delinquency. — 2024. — Pp. 76—83. — DOI: 10.1177/00111287241287133.

15. *Lopera A.* Public space expressions: public perception of graffiti in Ibagué, Colombiay context / A. Lopera, P. Coba Gutiérrez // Revista Encuentros. — 2016. — № 14. — Pp. 55—71.

16. *Shobri N.* Public Perception Towards Graffiti Art in Malaysia / N. Shobri, S. Sakip, N. Daud // Advanced Science Letters. — 2017. — № 23. — Pp. 6203—6207. — DOI: 10.1166/asl.2017.9236.

17. *Urbonaitė-Barkauskienė V.* Non-Conventional Perception and (Trans)formation of Urban Space : the Study of Vilnius Graffiti Writers / V. Urbonaitė-Barkauskienė // Topos. — 2011. — № 1. — Pp. 170—182.

18. *Walker B. B.* The Pen or the Sword : A Situated Spatial Analysis of Graffiti and Violent Injury in Vancouver, British Columbia / B. B. Walker, N. Schuurman // The Professional Geographer. — 2015. — № 67 (4). — Pp. 608—619. — DOI: 10.1080/00330124.2014.970843.

Статья поступила в редакцию 03.11.2024,
одобрена после рецензирования 06.12.2024,
подготовлена к публикации 10.03.2025.

References

Babikova, M. R. (2024). Cognitive Mechanisms of Graffiti: Compression, Defocusing, and Focusing. *Nauchnyi dialog, 13* (8): 171—187. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-8-171-187 (In Russ.).

Bloch, S. (2018). Place-Based Elicitation: Interviewing Graffiti Writers at the Scene of the Crime. *Journal of Contemporary Ethnography, 47* (2): 171—198. DOI: 10.1177/0891241616639640.

Cahuana, M., Labanda, A., Vite, B., Poma. R. (2024). Urban art traditionally framed in aesthetic aspects, criminalization and vandalism, as a democratic scope in cultural valuation. *Centro Sur, 8:* 130—144. DOI: 10.37955/cs.v8i3.358.

Đukić, N. (2020). Graffiti and urban identity: negative perception of graffiti as an indicator of urban identity crisis. *Proceedings of the International Scientific Conference "Post-socialist transformation of the city". Novi Sad.* 123—135.

Gartus, A. (2015). The effects of visual context and individual differences on perception and evaluation of modern art and graffiti art. *Acta Psychologica, 156:* 64—76. DOI: 10.1016/j.actpsy.2015.01.005.

Gartus, A., Helmut, L. (2014). The white cube of the museum versus the gray cube of the street: The role of context in aesthetic evaluations. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts, 8:* 311—320. DOI: 10.1037/a0036847.

Kruzhkova, O. V. (2024). Vandalism. Why doesn't the theory of "broken windows" work? *Psychology and Law, 14 (3):* 26—38. DOI: 10.17759/psylaw.2024140303. (In Russ.).

Kruzhkova, O. V., Babikova, M. R., Robin, S. D. (2024). Vandalized Texts: Soft Power Potential. *Nauchnyi dialog, 13* (2): 96—117. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117. (In Russ.).

Kumar, K., Bernasco, W. (2024). Graffiti Writers Choose Locations That Optimize Exposure. *Crime & Delinquency.* 76—83. DOI: 10.1177/00111287241287133.

Lopera, A., Coba Gutiérrez. P. (2016). Public space expressions: public perception of graffiti in Ibagué, Colombiay context. *Revista Encuentros, 14:* 55—71.

Nurkova, V. V. (2015). The problem of inaccuracy of memories in the perspective of a multicomponent memory model. *The world of psychology, 2:* 35—49. (In Russ.).

Safonov, I. E. (2022). Graffiti for the city or the city for graffiti? The legitimacy of illegal graffiti in the historical center of St. Petersburg. *Galactica Media: Journal of Media Studies, 4 (3):* 100—122. DOI: 10.46539/gmd.v4i3.315. (In Russ.).

Salmin, L. (2024). Graffiti. The art of disobedience. *Baikal Project, 21* (79): 81—87. DOI: 10.51461/issn.2309-3072/77.2290. (In Russ.).

Schwindt, U. S. (2021). The aesthetic and problematic orientation of street art in the perception of the urban population (on the example of Yekaterinburg). *Koinon, 2 (2):* 100—115. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005. (In Russ.).

Shobri, N. (2017). Public Perception Towards Graffiti Art in Malaysia. *Advanced Science Letters, 23:* 6203—6207. DOI: 10.1166/asl.2017.9236.

Urbonaitė-Barkauskienė, V. (2011). Non-Conventional Perception and (Trans)formation of Urban Space: the Study of Vilnius Graffiti Writers. *Topos, 1:* 170—182.

Vorobyeva, I. V. (2015). Psychology of vandal behavior. In: *The circle.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 304 p. ISBN 978-5-7186-0704-8. (In Russ.).

Walker, B. B., Schuurman, N. (2015). The Pen or the Sword: A Situated Spatial Analysis of Graffiti and Violent Injury in Vancouver, British Columbia. *The Professional Geographer, 67* (4): 608—619. DOI: 10.1080/00330124.2014.970843.

The article was submitted 03.11.2024;
approved after reviewing 06.12.2024;
accepted for publication 10.03.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Леонтьева Т. В. Белое пальто: происхождение, состав, семантика, прагматика и словообразовательный потенциал русского фразеологизма / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 181—203. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-181-203.

Leontyeva, T. V. (2025). White Coat: Origins, Composition, Semantics, Pragmatics, and Word-Formation Potential of Russian Phraseological Unit. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 181-203. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-181-203. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Белое пальто: происхождение, состав, семантика, прагматика и словообразовательный потенциал русского фразеологизма

Леонтьева Татьяна Валерьевна
orcid.org/0000-0002-7213-1582
WoS ResearcherID: F-6156-2016
ScopusAuthorID: 56728772100
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
языков массовых коммуникаций
t.v.leontieva@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
за счет средств гранта
Российского научного фонда,
проект № 25-28-01168 Ценностные
смыслы в персональном нарративе
российских молодежных блогеров,
https://rscf.ru/project/25-28-01168/

White Coat: Origins, Composition, Semantics, Pragmatics, and Word-Formation Potential of Russian Phraseological Unit

Tatyana V. Leontyeva
orcid.org/0000-0002-7213-1582
WoS ResearcherID: F-6156-2016
ScopusAuthorID: 56728772100
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of Mass Communication Languages
t.v.leontieva@urfu.ru

Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-28-01168
“Value Meanings
in the Personal Narrative
of Russian Youth Bloggers”,
https://rscf.ru/project/25-28-01168/

© Леонтьева Т. В., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается комплексное описание выражения *белое пальто*, а также гнезда языковых единиц, сформировавшегося вокруг этой идиомы. Всего методом сплошной выборки из материалов сайтов в сети Интернет было собрано 312 случаев употребления выражения *белое пальто*, составивших авторскую картотеку примеров. Использовались методики контекстного анализа, семантико-мотивационного анализа, моделирования дефиниций, дискурсивного анализа. Автор приходит к выводу о том, что идиома *белое пальто* сформировалась в русской лингвокультуре под влиянием ряда факторов: речевой практики в рамках комического (анекдотического) дискурса, интернет-мема с изображением Валерии Новодворской с плакатом (даже если предполагать его фейковый характер), системно-языковых потенций цветового обозначения. Утверждается, что выражение *белое пальто* является обозначением одной из коммуникативных ролей, реализующихся преимущественно в виртуальном общении, но не только в нем. Показано, что структурно-семантический облик выражения вариативен, а вместе с ним и его грамматические характеристики, например: *[кто] в белом пальто*, *[кто] без белого пальто, снимите белое пальто* и др. (в них именной компонент *белое пальто* не является номинацией человека, это первая ступень функционирования выражения, наиболее близкая к исходному дискурсивному комплексу *стою в белом пальто*). Показано, что затем в сетевом дискурсе происходит преобразование в оценочную номинацию человека *белое пальто* (*я была таким белым пальто*).

Ключевые слова:
социальные сети; коммуникативные роли; интернет-мем; символика белого цвета; белое пальто; неология; неологизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study provides a comprehensive description of the expression ‘white coat,’ along with a linguistic framework that has developed around this idiom. A total of 312 instances of the expression ‘white coat’ were collected through a systematic sampling from online sources, forming the author’s database of examples. Methodologies employed include contextual analysis, semantic-motivational analysis, definitional modeling, and discourse analysis. The author concludes that the idiom ‘white coat’ has formed within Russian linguistic culture unde the influence of several factors: speech practices within comedic (anecdotal) discourse, an internet meme featuring Valeria Novodvorskaya holding a placard (even if one assumes its fake nature), and the systemic linguistic potentials of color designation. It is asserted that the expression ‘white coat’ signifies one of the communicative roles predominantly realized in virtual communication, though not exclusively so. The study demonstrates that the structural-semantic appearance of the expression is variable, along with its grammatical characteristics, for example: ‘[someone] in a white coat’, ‘[someone] without a white coat’, ‘take off the white coat’, etc. (in these instances, the nominal component ‘white coat’ does not denote a person; this represents the initial stage of the expression’s functioning, closely related to the original discursive complex ‘I stand in a white coat’). Furthermore, it is shown that in network discourse, a transformation occurs into an evaluative nomination of a person as ‘the white coat’ (‘I was such a white coat’).

Key words:
social networks; communicative roles; internet meme; symbolism of the color white; white coat; neology; neologism.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’37+81’42:004.738.5
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-181-203

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Белое пальто: происхождение, состав, семантика, прагматика и словообразовательный потенциал русского фразеологизма

© Леонтьева Т. В., 2025

1. Введение = Introduction

Изучение новых языковых единиц, истории их появления ведется постоянно и планомерно лингвистами всех стран мира. На сегодняшний день эта работа приобрела новый импульс в связи с тем, что действительность стремительно меняется. Под влиянием информационных технологий заметно изменилось всё коммуникативное поле, и к тому же сам язык как будто стал внимательнее к особенностям поведения человека в общении, а точнее, вниательнее стали носители языка. Появляются наименования моделей коммуникативного поведения в интернет-пространстве, ср. нашу недавнюю статью о шипперстве [Leontyeva, 2021]. В данной статье мы уделим внимание выражению *белое пальто* как обозначению одной из коммуникативных ролей, а именно — человека, который в публичном диалоге с кем-либо вольно или невольно досаждает собеседнику осуждением его действий или образа жизни и неуместной демонстрацией собственной непогрешимости на этом фоне.

Говоря о «фразеологических неологизмах», В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина предлагают различать «неофраземы (созданные заново или заимствованные из других языков фразеологизмы, не зарегистрированные толковыми словарями) и фразеотрансформы (фразеологизмы, модифицированные структурно и / или семантически в новых социокультурных условиях)» [Мокиенко и др., 2022, с. 83]. Выбранное нами для анализа выражение *белое пальто* принадлежит к числу неофразем, появившихся на русской почве. Оно представляет интерес в отношении его происхождения, семантических и структурных трансформаций, а также словоообразовательного потенциала. К настоящему моменту история функционирования идиомы в русском языке насчитывает примерно 17 лет, так как ее певые фиксации обнаруживаются в 2007 году, и уже через 7—8 лет после

CC BY

ее вхождения в речевую практику фиксируются цельнооформленные единицы языка, образованные от нее: *белопальтовый, белопальтовцы* и др.

Наблюдение за «живым» процессом становления устойчивого выражения в языке представляет исключительную ценность для понимания эволюции языка и механизмов формирования лексико-фразеологической системы, позволяет получить эмпирические данные о динамике языковых изменений и факторах, влияющих на оформление структурно-семантического облика фразеологизма.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье составлено комплексное описание выражения *белое пальто*, а также гнезда языковых единиц, сформировавшегося вокруг этой идиомы. Всего методом сплошной выборки из материалов сайтов в сети Интернет было собрано 312 случаев употребления выражения *белое пальто*, составивших авторскую картотеку примеров. Использовались методики контекстного анализа, семантико-мотивационного анализа, моделирования дефиниций, дискурсивного анализа.

Ранее лингвисты так или иначе обращались к осмыслению выражения *белое пальто* или слов, образованных от него [Абыякая, 2023; Башкирцева и др., 2024; Кожевников и др., 2022; Сергеева, 2023]. В одних статьях можно почерпнуть иллюстрации словоупотреблений; так, Э. И. Юськаева приводит пример диалога участников интернет-коммуникации, в котором фигурирует выражение *белое пальто на прогулке*: ***Реплика участника форума:*** *Мне очень горько и больно читать как матери подают пример своим детям, что старшего, а тем более пожилого человека можно послать или обругать. Мне стыдно, что у нас выросло такое поколение … Конкретно в моем мировосприятии это недопустимо… Мои дети (их несколько, и все разные) знают где и как можно себя вести, а как нельзя, поэтому никогда не слышала от чужих замечаний».* ***Ответ модератора:*** *Белое пальто на прогулке. Которое знает, где и как надо себя вести* [Юськаева, 2023, с. 300]. Другие статьи представляют опыт комплексного изучения выражений с компонентом *белое пальто*, ср. выводы О. А. Башкирцевой, О. М. Дедковской о семантике и прагматике выражения: «...словосочетание “белое пальто” употребляется говорящим для выражения неодобрительного, иронического, насмешливого отношения к ситуации, когда человек, считающий себя безупречным в какой-либо ситуации / вопросе, демонстрирует собственное превосходство перед другими людьми / собеседниками, дает непрошеные советы, поучает. Элемент назидательности выражается по большей части имплицитно, через демонстрацию собственного “идеального” образа. Говорящий не напрямую высказывает поучения,

CC BY

а делает это завуалированно, просто рассказывая о своем жизненном опыте (как правило, положительном) в определенных ситуациях»» [Башкирцева и др., 2024, с. 1233]. Мы постараемся в своей статье дополнить и уточнить наблюдения коллег над особенностями структуры значения и прагматики использования таких выражений.

Ранее мы писали о том, что «воплощенные во фразеологии метафоры, конструируемые на основе одного предметно-тематического кода (сферы-источника), способны образовывать образные подсистемы» [Леонтьева, 2022, с. 76], однако любопытно, что выражение *белое пальто* стоит особняком в семантическом отношении, не входит ни в какие группы, что заставляет внимательнее взглянуть на историю его появления. Впочем, анализируемая идиома принадлежит к числу фразеологизмов с колоративным компонентом, которые часто привлекают внимание исследователей в связи с вопросами семиотики цвета, см., например: [Завьялова, 2011; Кульпина, 2001; Чжан Цзе, 2019; Vonica, 2014 и мн. др.]. Отмечается, что «фразеологизмы с компонентом “белый” широко представлены во фразеологии английского и русского языков» [Фалина, 2017, с. 243]. Семантике белого цвета в выбранной для анализа идиоме мы уделим далее специальное внимание.

В статье приводится обширный иллюстративный материал, который полезен для осмысления прагматики употребления выражения в речевой практике и установления своего рода хронологии развития семантики и грамматики выбранной идиомы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Происхождение фразеологизма *белое пальто*

Мы восстанавливали хронологию появления выражения *белое пальто* и его вариантов по интернет-материалам. Встречаемость словосочетания *белое пальто* в Google-книгах была оценена посредством инструмента Google Books Ngram Viewer (рис. 1). Выявлено, что скачок употребительности сочетания фиксируется дважды: сначала с 2007 года, затем его частотность увеличилась еще вдвое примерно с 2015 года. Статистика употреблений сочетаний не позволяет различать его значения: прямое и переносное. Однако очевидно, что в качестве обозначения предмета одежды оно вряд ли демонстрировало бы столь резкие взлеты употребительности.

Таким образом, источник появления номинаций с элементом *белое пальто* надо искать в 2007 году или ранее.

Прежде всего нужно вспомнить анекдот, один из вариантов которого мы воспроизведем по интернет-публикации 2006 года на форуме платформы «Живой журнал»: *Есть такой давний анекдот: «Я работаю на контрасте». Идея циркового номера: Под куполом цирка вывешивается*

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

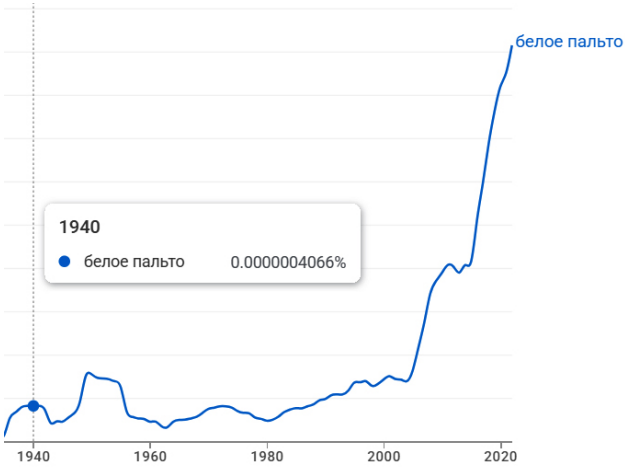


Рис. 1. Встречаемость словосочетания *белое пальто* в книгах по данным Google Books Ngram Viewer

мешок с дерьмом. Под барабанный бой выезжает пушка, стреляет. Мешок взрывается, все зрители в дерьме. «И тут выхожу я, весь в белом, в белых перчатках, и говорю – Ап!» (Записки Летучего/Летающего медведя : flying_bear : личный аккаунт // LiveJournal, 03.11.2006) [АА]. Семиотика чистого белого на фоне грязного проецируется в данном сюжете на идею противопоставления себя обществу, однако отсутствует образ пальто, хотя в вариантах анекдота фигурирует фрак: *И тут выхожу я в белом фраке*. Анекдот комментируется в сетях как старый, советский, поэтому можно предполагать, что он был широко известен.

Культурная символика белого и его разработка в комическом дискурсе выступили фоном, но что-то должно было дать импульс к появлению новой метафорической языковой единицы со словом *пальто* после 2006 года.

Примерно к этому времени относится, по-видимому, появление мема с изображением В. И. Новодворской, якобы публичной демонстрирующей плакат с эпатажной надписью: *Вы все дураки и не лечитесь! Одна я умная в белом пальто стою красивая!* (рис. 2).

На интернет-ресурсах высказываются сомнения в том, что этот плакат когда-либо имел место в действительности. Есть мнение, что это изображение выполнено при помощи технических средств с использованием реальных фотографий общественных акций В. Новодворской (рис. 3). Но фактология не имеет значения для последующей линии развития мема.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 2. Валерия Ильинична Новодворская с плакатом

Рис. 3. Фотографии, сделанные в ходе публичных акций В. Новодворской с демонстрацией плакатов с надписями

Итак, еще раз подчеркнем, что закрепление и развитие выражения *белое* пальто и сформировавшихся вокруг него ряда речевых оборотов, языковых единиц на основе впечатлившего интернет-публику мема с изображением В. Новодворской имело поддержку в предшествующей русскоязычной лингвокультурной традиции, а именно в символике белого как чистого (незапятнанного), непорочного, высоконравственного (ср. «Во многих культурах белый цвет – это цвет света, символ чистоты, совершенства» [Фалина, 2017, с. 241]) и в семантике выделенности на общем фоне (белого единичного объекта среди грязного множества), актуализированной в анекдоте про цирковой номер и вообще в массовой культуре, поскольку, заметим, для традиционной народной культуры не-

CC BY

характерна трактовка выделенности у белого цвета. В крестьянской культуре белизна ассоциировалась с бледностью, худосочностью, поскольку из белой ткани шились рубахи, платки, портянки, погребальное одеяние и др.: «*белый (бледный) как рубашка* ‘об очень бледном (от страха, неожиданности, внезапного волнения) человеке’» [Тихомирова, 2013, с. 114], «*белее белого платка* ‘о сильно побледневшем (от испуга) человеке’» [Там же] и др.

Итак, идиома *белое пальто* сформировалась в русской лингвокультуре под влиянием ряда факторов: речевой практики в рамках комического (анекдотического) дискурса, широкого распространения интернет-мема и системно-языковых потенций цветового обозначения.

3.2. Грамматико-семантическая вариативность дискурсивной реализации идиомы *белое пальто*

Выражение *белое пальто* является обозначением одной из коммуникативных ролей, реализующихся преимущественно в виртуальном общении (хотя, как показывает наш материал, не только в нем).

Фразеологизм прошел несколько ступеней формирования, прежде чем утвердился структурно-семантически в наиболее лаконичном варианте *белое пальто* (*Я была таким белым пальто* = ‘я была человеком, который в общении занимает поучающую позицию, осуждает кого-либо, одновременно подчеркивая собственную непогрешимость, вольно или невольно превознося себя’). Однако фактически следует говорить о том, что устойчивые выражения с компонентом *белое пальто* как обозначением именно предмета одежды, пусть и символически нагруженного знака (*[кто] ходит в белом пальто постоянно, стойте там в своем белом пальто* и др.) более частотны в речи (совокупно, если учесть их все без учета лексико-грамматических различий), чем собственно сложившаяся оценочная идиома в форме обозначения-«ярлыка». Структурно-семантический облик выражения вариативен, а вместе с ним и его грамматические характеристики. Например, в выражениях *[кто] в белом пальто*, *[кто] без белого пальто, снимите белое пальто* и подобных именной компонент *белое пальто* не является номинацией человека; здесь представлена первая ступень функционирования выражения, наиболее близкая к исходному дискурсивному комплексу *стою в белом пальто* (как в анекдоте или на плакате В. Новодворской). Лишь со временем в сетевом (цифровом) дискурсе происходит преобразование в оценочную номинацию человека по поведению в коммуникации *белое пальто*, способную замещать в предложении синтаксическую роль подлежащего или дополнения (*понабежали белые пальто, не люблю белых пальто*).

Проведем далее хронологически организованное наблюдение (пока еще это возможно в обозримых пределах 17-ти лет функционирования выражения) над особенностями функционирования сочетания *белое пальто*

CC BY

в интернет-дискурсе, а именно — в социальных сетях, где среди участников коммуникации особенно определенно складываются коммуникативные роли: *хейтеры, тролли, токсики* и др.

Итак, предположительно незадолго до 2007 года получил известность интернет-мем с фразой, приписываемой В. Новодворской: *Вы все дураки и не лечитесь! Одна я умная в белом пальто стою красивая!* Публичная персона или разработчики мема, как нам кажется, не произвели абсолютно новое выражение, а подхватила уже существовавший в составе текста анекдота смысловой комплекс и за счет акцентирования определенной ключевой идеи ‘выгодно выделиться на фоне прочих’ через образ белоснежного пальто создали прецедент, получивший широкую известность, ушедший «в народ».

Но этап происхождения и первоначальный вид, структура высказывания (***я + стою + в белом пальто*** с оппозициями ***вы — я, дураки — умная***, нарратив от 1 лица) не определяют языковую форму выражения в последующем, а только задают смысл или акцентируют образ. Далее в соцсетях это выражение крайне редко воспроизводится целиком, в качестве неизмененного прецедентного факта. На различных интернет-площадках обнаруживаются совсем другие, видоизмененные семантико-синтаксические структуры, сконструированные на основе прецедента. Вариации конструкций можно зарегистрировать посредством анализа контекстов (в иллюстрациях сохранены орфография и пунктуация источников).

2007 год. Выражение функционирует в качестве предиката в значении ‘лучше всех’ в контексте противопоставления себя обществу: *Я вообще выступаю за полное и окончательное разрешение всего и вся, чтобы человечество себя уничтожило и к власти пришли хомячки. И среди этого рая* ***буду я — умный и красивый в белом пальто*** (Лёша Халецкий (crazyhamster). Обзор блогов № 46. Навигатор блогерского мира // LiveJournal, 01.05.2007) [АА]; *При росте рублевых цен в торговле, сам рубль непрерывно растет относительно мировых валют!!!! Это значит: либо – весь мир катится в тартары, а* ***мы в «белом пальто»****, либо что рубль искусственно укрепляется, для того, что бы спрятать реальную инфляцию* (yurayu // LiveJournal, 12.01.2007) [АА]. Ср. также более позднюю фиксацию такого же рода: *Вчера мы ездили в гости к друзьям мужа. Там был какой-то достаточно пафосный прием <…> Сразу скажу. Я была охренительна <…> Новое платье <…> Красивые туфли, вечерний макияж. <…> Все вокруг такие ущербные,* ***одна я такая в белом пальто красивая*** (Пьяная Монро. Сладость или гадость? История, как собака привела меня в идеальную форму // Дзен, dzen.ru/. 25.03.2018) [АА].

CC BY

2009 год. Участники интернет-коммуникации еще помнили прецедент и были склонны воспроизводить плакатную фразу практически дословно в проекции на собственный, личный событийный контекст: *Ангелоподобная, милая, добрая, внимательная, любящая, терпимая, НО стерва. Ещё пару часов назад я считала, что я ещё и дура в довесок, однако нет.* ***Я в белом пальто стою красивая*** *и моя жизнь – она только моя. И жить я её буду по-своему* (yairo // LiveJournal, 28.04.2009) [АА].

В обоих примерах 2007 и 2009 года анализируемое сочетание здесь еще не участвует в ролевой характеристике кого-либо как выражающего осуждение, акцентируется только идея противостояния одного многим — это одна из составляющих фразы, приписываемой или принадлежащей В. Новодворской.

В период первого десятилетия шли процессы широкого внедрения информационных технологий, всё большее число людей вовлекалось в интернет коммуникацию, и, по-видимому, достаточно быстро анализируемый прецедент был замечен и приспособлен для характеристики одной из моделей типичного поведения в соцсетях, когда кто-либо из комментаторов поста (записи в блоге, на интернет-форуме) транслирует неодобрение образа мыслей, образа жизни собеседника, при этом выгодно подчеркивая собственную отстраненность от явления, объявленного им предосудительным.

2010 год. Уже в 2010 году обнаруживаются попытки метаязыковой рефлексии носителей русскго языка в отношении речевого оборота *белое пальто*, который трактуется как обозначение коммуникативной роли, хотя для разъяснения смысла выражения автор высказывания строит конструкцию от 1 лица, структурно близкую к прецеденту: *В одном закрытом женском сообществе есть выражение —* ***«белое пальто»****. Это значит, что пришел кто-то, посмотрел на все сверху и сказал: «Копошитесь? Ну-ну. Не испытываете оргазма, не каждый день моете унитаз, транжирите деньги, попадаете в зависимость от партнера? Ну-ну. Я не знаю таких проблем. Я справляюсь, а вы нет.* ***Я в белом пальто»****. (Это, по-моему, перефраз из анекдота – и вот все в говне, и тут выхожу я – в белом фраке...)* (Рублева Ю. Как мы отвергаем друг друга. Синдром белого пальто // LiveJournal, 12.04.2010) [АА].

Затем, по прошествии пяти лет носители русского языка начинают всё чаще допускать варьирование прецедента, сначала в грамматическом отношении (*стойте* вместо *стою*), затем на уровне лексического состава фразы: в нее вводятся новые слова, образ пальто получает обработку в самых разных на-

CC BY

правлениях на основе фрейма «Обращение с одеждой» (вводятся слова, которые обычно образуют со словом *пальто* сочетания: *испачкать, снять, надеть, выгуливать, гардероб* и под.), закономерно актуализируется принадлежность явления белого пальто интернет-общению.

2012 год. *Не имеете права — ключевая фраза.* ***Стойте в своем белом пальто****, ради всего святого, только продолжайте держаться ключевой фразы* (Форум: Компьютерные игры, 2012) [НКРЯ].

2014 год. *Между «****испачкать белое пальто в интернете****» и «поссориться с любимым человеком» выбор, мне кажется, должен быть очевиден* (reginleive. Историческая Коронация // LiveJournal, 09.10.2014) [АА].

2015 год. *Каждому доброе словечко сказал, никого не позабыл. Хотя Георгия Иванова позабыл. Это благородно. Подозреваю, у чувака был целый* ***гардероб белых пальто*** *:)* (Бунин о современниках, 2015) [НКРЯ]; *Что ни коммент —* ***белое пальто на выгуле****. И юмор у неё, видите ли, особенный, если вы не понимаете — нечего и объяснять, бесполезно* (Сайт forum.baginya.org, 14.01.2015) [АА].

2016 год. Спустя десятилетие со времени «вброса» прецедента в речевое пространство Интернета носители русского языка уже отчетливо выделяют в нем ключевой компонент, грамматически чаще всего имеющий атрибутивный и / или предикативный характер ([кто] какой? — *в белом пальто*), и извлекают его из состава исходной фразы, с разной степенью осторожности внедряя его в структуру собственного высказывания, а именно — с использованием кавычек или без них. Говорящий / пишущий еще испытывает потребность в родовом наименовании, строит выражение с главным словом (*люди, все, они*): *Поэтому я совершенно не могу, когда* ***люди «в белом пальто»*** *говорят: «Ой, какой ужас, как это неэтично, как они могут отказываться от детей»* (А. А. Данилова, Валерия Потапова. Александра Бабкина: я вижу, как фонды разбивают голову о государство, 2016) [НКРЯ]; *И да, я отдаю себе отчёт, что, так как снимали американцы, то они там* ***все в белом пальто****, а остальные – без* (t_ramisy. Киночеллендж 2016 // LiveJournal, 26.04.2016) [АА]; *Все люди* ***надевают время от времени белое пальто****. Те, кто думают, что не делают этого* ***никогда****,* ***ходят в белом пальто постоянно****, поэтому и не замечают, как* ***надевают*** (Белое пальто // Психоалхимия, psychoalchemy.ru. 07.03.2016) [АА].

Обратим внимание, что выбирается «глагол покрытия объекта» ***надевать*** (по классификации Л. Г. Бабенко [ТСРГ, 1999, с. 170]), что свидетельствует об осознании такого поведения как маски, как внешнего временного «покрытия» / «одежды», под которым скрывается нечто иное. Симптома-

CC BY

тично и то, что в ближайшем контекстном окружении активны хронометрические характеристики *часто, регулярно, время от времени*.

В этот период фиксируются контексты, в которых выражение *белое пальто* (часто с добавлением местоимения: *моё, его, её*) выступает в несвойственном ему ранее значении ‘убеждение, принцип, которого строго придерживается человек и который особенно часто становится причиной его разногласий с собеседниками’: *Для меня раньше святость брачных уз **была таким белым пальто**: женился, значит терпи до последнего, борись, но не уходи, ведь у тебя обязательства, как это так, влюбился в другую?* (demoiselle_s // LiveJournal, 07.03.16) [AA]; *Наверное, **самое «любимое» мое белое пальто** на тему имиджа, из серии «ну как можно так не следить за собой? фи»* (anastasia_may // LiveJournal, 07.03.16) [AA] и др.

2017 год. Варьируется первый компонент — ***люди, особы, персоны***; а также закрепляется речевой оборот с элементом ***на выгуле***, функционирующий в качестве оценочного штампа, «ярлыка»: *Отвечая на самый простой вопрос, к примеру: «Как сварить курицу?», **особы в строгих белых пальто** сразу пришпиливают собеседника «деликатным» уточнением: как можно вообще такое спрашивать? В таком-то возрасте, статусе, с высшим образованием?* (Е. Лосева. Кто такие люди «в белых пальто» и почему они всех раздражают // Леди. lady.mail.ru/article/495020. 25.04.2017) [AA]; *Дружить с таким человеком вряд ли получится — отношения будут отравляться постоянными сравнениями. Так пусть себе бежит дальше, вечный спринтер, неутомимый соперник. Ведь чем дальше удаляется **персона в «белом пальто»**, тем меньше режет глаз* (Е. Лосева. Кто такие люди «в белых пальто» и почему они всех раздражают // Леди. lady.mail.ru/article/495020. 25.04.2017) [AA]; ***Белое пальто на выгуле** прям* (Olena Hoffstetter / Алёна Хоффстеттер / Alena_america // Форум Сообщества НасИкомых, forum.baginya.org. 2017) [AA].

2018 год. По прошествии примерно 12-ти лет со времени начала распространения прецедента из него вычленяется ключевая коллокация, в которой генерализован весь смысл исходной прецедентной фразы, и начинает функционировать самостоятельно. Метонимическая номинация ***белое пальто*** закрепляется как обозначение человека или поведенческой роли: *В особо тяжелых случаях **белое пальто** не только декларирует свою непогрешимость, но и клеймит ближнего, который такими невероятными достоинствами, высокими моральными ценностями и силой духа не обладает* (А. Макарьева. Почему все лучше всех, 2018.05 // «Наша Психология», 2018) [НКРЯ]. В среде психологов, активно включившихся к текущему моменту в обсуждение моделей поведения участников интернет-коммуникации,

CC BY

широкоупотребительными становятся терминологические сочетания или квазитермины *феномен белого пальто* и *синдром белого пальто*, фиксирующие попытки обобщения, осмысления одной из интернет-масок или коммуникативных тактик: *Ведь «**белое пальто**» – это не просто раздражающая особенность комментаторов и прочих «мимокрокодилов», это действительно психологический **феномен**, достойный рассмотрения и изучения* (А. Макарьева. Почему все лучше всех, 2018.05 // «Наша Психология», 2018) [НКРЯ]; *Это можно понять, чтобы не вставать в позицию **белого пальто** по отношению к **белому пальто**, как бы тавтологично это ни звучало* (А. Макарьева. Почему все лучше всех, 2018.05 // «Наша Психология», 2018) [НКРЯ]; *На широких просторах интернета, да и в жизни реальной, каждый из нас регулярно встречается с **феноменом «белого пальто»*** (А. Макарьева. Почему все лучше всех, 2018.05 // «Наша Психология», 2018) [НКРЯ]; *Психологи говорят, что у таких людей **синдром белого пальто*** (Люди в «белом пальто» [видеозапись телепрограммы] // Настроение (АО «ТВ Центр»), https://nastroenie.tv/episode/134774, 25.10.2018) [АА].

2019 год. Новым штрихом в высказываниях является присоединение гиперболы через образ полного укутывания (*с ног до головы, целиком и полностью*): *Сам он, ясное дело, властелин мира, всего добился, **в белом пальто с ног до головы** — хотя квартиру ему фактически подарили, работает он каким-то говноменеджером среднего звена, жены нет, детей нет, все развлечения — смотреть футбол и клеить баб через Tinder* («Предать могут все, даже самые близкие» // lenta.ru, 14.01.2019) [АА]; *Они шутят про женщин, про геев, про мигрантов, но они почти не шутят про себя — обеспеченных молодых мужчин, чаще всего, белых и гетеросексуальных. Они в максимально выгодном положении — положении хозяина сцены, олицетворяющего собой норму, любое отклонение от которой заслуживает очередной стереотипной шутки <…> Каждый из этих комиков стоит перед нами, совсем не веселыми и не находчивыми, обижающимися на шутки, **в своем сценическом костюме, состоящем целиком и полностью из белого пальто**. Культура стендапа огромна и прекрасна* (Дарья Серенко. Кривое зеркало // lenta.ru, 21.05.2019) [АА].

Кроме того, в структуру оборота частотно вводятся глаголы и отглагольные единицы ***выгуливать, выход, выгул***, которые особенно отчетливо фиксируют сему публичной демонстрации: *Если кто кого-то учит жить, весь высокоморальный и прям видно — питается нектаром (нет) и никогда не ошибается (нет), про того говорят, что **выгуливает белое пальто**. В моем окружении «белых польт» нет ни одного. Мы б просто сразу не сошлись. «Белое пальто» меня б презрело. Потому что я неправильно живу*

CC BY

(K_SEMIRUCHKINA. Белое пальто // LiveJournal, 17.11.2019) [АА]; *Это — противопоставление «правильного» себя «безответственному» школьнику, то самое, что в другой ситуации легко опознается как* ***выход «белого пальто»*** (Н. Ульянова. «Одна я умная в белом пальто стою»: почему люди преувеличивают свои добродетели и как бороться с их непрошенными советами // Нож, https://knife.media/white-coat-curse/. 20.06.2019) [АА].

В рамках психологического дискурса (в отличие от иных обсуждений) предпочитается наиболее лаконичная номинация *белое пальто* как обозначение человека или роли, психологической позиции: *Неплохой вариант защиты собственных границ от «****белого пальто****» — поднять его на смех* (Н. Ульянова. «Одна я умная в белом пальто стою»: почему люди преувеличивают свои добродетели и как бороться с их непрошенными советами // Нож, https://knife.media/white-coat-curse/. 20.06.2019) [АА].

2020—2021 годы. Расширяется ряд глаголов или причастий, включаемых в состав оборота (***выгуливать, примерять, надевать, расчехлять***) при поддержке наречий времени ***часто, регулярно***: *Но кто-то держит эти мысли при себе, не обесценивает собеседников и не портит им настроение. А кто-то* ***расчехляет своё пальто*** *и предстаёт перед публикой, окружённый его слепящим сиянием* (Ася Плошкина. «Я одна умная, в белом пальто стою красивая»: как общаться с людьми, которые считают себя лучше других // Лайфхакер, lifehacker.ru, 20.08.2020) [АА]; ***Часто белое пальто надевают****, когда не хватает признания* (Ася Плошкина. «Я одна умная, в белом пальто стою красивая»: как общаться с людьми, которые считают себя лучше других // Лайфхакер, lifehacker.ru, 20.08.2020) [АА]; *Бывает так, что завершить общение с человеком,* ***регулярно «выгуливающим» белое пальто****, невозможно (например, это родственники или коллеги)* (Ася Плошкина. «Я одна умная, в белом пальто стою красивая»: как общаться с людьми, которые считают себя лучше других // Лайфхакер, lifehacker.ru, 20.08.2020) [АА]; *Это способ самоутверждения. Показать себя хоть так выше других <…> Вон даже тут не удержались многие в комментариях* ***выгулять белое пальто****. Не напрямую, а завуалировано, конечно* (Юлия. Комментарий на пост 3109843 // Babyblog.ru. 21.06.2021) [АА]; *Чего греха таить, мы все время от времени* ***примеряем белое пальтишко*** (Танкова О. В. Белое пальто на выгуле // b17.ru. 11.02.2021) [АА].

В сочетаниях с обозначениями социальных ролей (***мама***) на первый план выходит семантика идеала, поскольку *мамы в белом пальто* — это ‘идеальные мамы’: *Девочки, тема просто поболтать. Вот сколько тут читаю, прям ощущение идеальных мам. И с детьми могут договориться и не орут, а шлепнуть по попе-да упаси Боже. И за детьми смотрят везде и всегда.* ***Мамы*** *тут реально* ***в белых пальто*** *или все таки выдавание же-*

CC BY

лаемого за действительное на просторах инета? (Ирина. Мамы в белых пальто: пост 3109843 // Babyblog.ru. 21.06.2021) [АА].

2022—2024 годы. Оформление речевых оборотов с компонентом *белое пальто* или их котекстное окружение более не включает в себя отсылок к прецеденту, приписываемому или принадлежащему В. Новодворской, и ясно указывает теперь в интернет-высказываниях только на речевой акт или речеактовый сценарий, исполняемый человеком сообразно коммуникативной роли белого пальто как человека, публично выражающего собеседнику осуждение и одновременно подчеркивающего собственную принципиальность, «идеальность», непричастность к подобным нарушениям того или иного рода: *В некоторых случаях **«выгул белого пальто»** выглядит как доброжелательный совет или искреннее желание помочь* (Жанна Рахимова, Самрин Мамедова. Выгул белого пальто: подкаст SukhbatTime // telegra.phб, 31.03.2022) [АА]; *Рискую **наловить в панамку за белое пальто**. Кто виноват — вы. Вы не обеспечили безопасность своей собаки и безопасность от нее* (@nn@. Комментарий к посту: Собака укусила прохожег – кто виноват и что делать // Тинькофф Журнал, 10.02.2023) [АА]; *Вот уж было **дефиле белых польт** то…* (gelena-s. Эллочка с Вандербильдихой… // Живой журнал, livejournal.com, 02.02.2024) [АА]; *Не раз и не два видела и слышала **дам в ослепительно белых пальто** осуждающих и обсуждающих, например, принцессу Диану или жену принца Гарри* (mariaandersen: комментарий к посту пользователя gelena-s «Эллочка с Вандербильдихой…» // Живой журнал, livejournal.com, 02.02.2024) [АА] и др.

3.3. Прагматика дискурсивной реализации идиомы *белое пальто* и ее вариантов

Стремительный рост числа употреблений рассматриваемой идиомы пришелся на век развития интернет-технологий, поскольку виртуальная среда предоставляет участникам коммуникации возможность трансляции многополярности мнений. В условиях личной неопосредованной коммуникации тоже есть возможности высказаться, выразить осуждение относительно образа жизни или действий собеседника, подчеркнув тем самым собственные высокие моральные качества, ценности и превосходство, то есть выступить в роли «белого пальто», однако эта потенция реализуется существенно реже по той причине, что речь идет фактически о конфликтной коммуникации, которая расцвела пышным цветом именно на интернет-площадках с их анонимностью (таково конститутивное свойство среды, в которой люди «подменены» аккаунтами, личными профилями, никнеймами). Если при личных встречах люди очевидно избегают острых столкновений, то участники виртуальной коммуникации под прикрытием неочевидности связи между реальным человеком и именем интернет-поль-

CC BY

зователя, наоборот, пользуются возможностью обострения и даже инициирования конфликта, видя в этой ситуации коммуникативную иллюзию сражения и победы.

Прагматика выражения *белое пальто* заключается в его соотнесенности с темой ценностей, а точнее — в его дискурсивной реализации в качестве лексического маркера аксиологического конфликта: оно фигурирует в таких постах и комментариях, которые фиксируют столкновение взглядов, описывают ситуации социального осуждения, даже публичной демонстрации презрения к «неправильному» поведению, ошибкам жизненного выбора.

В этом отношении интересен пример привлечения этой идиомы для описания положения одной из платежных систем на фоне прочих: *...автор оригинальной статьи – отъявленный Биткоин-максималист с горящими (в буквальном смысле) глазами, который явно хочет все факты подтасовать в угоду любимому BTC <...> чтобы Биткоин один стоял в центре* ***в белом пальто****, а все остальные альткоины стыдливо щемились по углам* (RationalAnswer, 8 авг 2022 // https://habr.com/ru/articles/681314/) [AA]. В данном случае симптоматично проведение параллелей между ценностями разных порядков: моральными (этот вид превосходства именуется, например, *позицией белого пальто*) и материальными (осуществлен перенос аксиологической категории на оценку преимуществ цифровых денег).

В рамках конфликтного дискурса выражение *белое пальто* маркирует деструктивное коммуникативное намерение (осуждение, демонстрация своего превосходства над собеседником, самоутверждение) и раскрывает ценностный аспект коммуникации в особом ракурсе, предлагая образ, символизирующий лицемерие в репрезентации собственных ценностных предпочтений за счет семантики «абсолюта», то есть слишком высокой степени проявления признака белизны как знака нравственной чистоты, и семантики «маски», акцентируемой за счет образа из сферы «Одежда» (пальто — предмет одежды, который надевается и скрывает тело, так же, как маска скрывает истинную суть). Интерпретация коммуникативной деструкции может быть двоякой: коммуникативная роль «белое пальто» предполагает либо ложную демонстрацию ценностей (у собеседника возникает подозрение в несоответствии заявлений о собственной непогрешимости реальному поведению человека), либо неуместность демонстрации превосходства, то есть нетактичность поведения, намеренную или неосознанную.

Любопытно, что человек может сам себя называть *белым пальто*, не без чувства самоудовлетворения и геройства признавая в этом случае лишь отдельные компоненты наименования: идею противопоставления себя обществу и идею собственной духовной твердости и принципиальности. Однако собеседником, вынужденным вступать в коммуникацию с «белым

CC BY

пальто» как человеком поучающим, эта коммуникативная роль воспринимается исключительно негативно.

3.4. Словообразовательный потенциал фразеологизма *белое пальто*

Неологизм *белое пальто* примечателен своим деривационным потенциалом, который почти сразу оказался замеченным носителями языка, к тому же интернет-коммуникация располагает к проявлению речевой креативности. Рассматриваемый фразеологизм, имеющий структуру «прил. + сущ.», способен выступать основой для образования прилагательных способом сложения. На этапе образования сложносоставных прилагательных (ср. *маломощный, криволинейный, зеленоглазый*, образованные от подчинительных словосочетаний при условии, что в первом слове нет суффикса) не смог стать препятствием даже фактор языковой чуждости заимствования *пальто*, сохранившего в русском языке неизменяемость и потому оказывающего некоторое сопротивление приложению к нему моделей суффиксальной деривации: в речевом узусе есть прилагательное *пальтовый* (*пальтовые ткани*), но отсутствует *пальточный*. Однако в составе «высокоэкспрессивной» идиомы, функционирующей в условиях конфликтной интернет-коммуникации, слабо встроенное в словообразовательные модели современного русского литературного языка заимствованное существительное на правах инструмента интенсификации экспрессии выступает производящей основой для жаргонных прилагательных *белопальтовый* (ср. *плащёвый, яшмовый, дубовый, родниковый, лаковый, баобабовый, ивовый, какаовый, языковый* и мн. др) и *белопальточный* (ср. *кофточный, ленточный, опереточный, фасеточный, пастилочный, бадеечный, коклюшечный, прозаичный, халвичный, годичный*): *Если Вы чувствуете* ***белопальтовые*** *поползновения, то лучше как можно скорее завершить разговор* (Осторожно: человек в белом пальто // b17.ru, 2019) [АА]; ***Белопальтовые высказывания*** *— явное вторжение в личное пространство* (Ася Плошкина. «Я одна умная, в белом пальто стою красивая»: как общаться с людьми, которые считают себя лучше других // Лайфхакер, lifehacker.ru, 20.08.2020) [АА]; *Она не со всеми ругается, а с теоретиками* ***белопальтовыми*** (Разрыв отношений с мамой // Ю-мама: Форум. u-mama.ru. 2020) [АА]; *В своей обычной манере Настя решила поведать подписчикам об отношении к женской дружбе. Выяснилось, что знаменитая блондинка предпочитает иметь дело сугубо с мужчинами <...> Ивлеева назвала себя пацанкой <...> «Кто-нибудь, скажите Ивлеевой, что это называется не “пацанка”, а “****белопальтовая*** *мизогинка”», — написала одна из пользовательниц* (Назвавшая женщин истеричками Настя Ивлеева нарвалась на критику // Экспресс-газета, 30.01.2020) [АА]; *Попадался один четко* ***белопальтовый человек*** (An Sea. Комментарий к посту Аси Плошкиной «Я одна умная, в белом пальто стою красивая»: как общаться с людьми,

которые считают себя лучше других // Лайфхакер, lifehacker.ru, 20.08. 2020) [АА]; *Дивный **белопальточный** нарцисс — автор* (andrej. Комментарий к посту Аси Плошкиной «Я одна умная, в белом пальто стою красивая»: как общаться с людьми, которые считают себя лучше других // Лайфхакер, lifehacker.ru, 20.08. 2020) [АА]; *Сразу прошу **белопальтовых граждан** не писать* (Автор 2485544326. Девушки, кто вышел за бедных – не пожалели? // Woman.ru, 02.07.2022) [АА].

На следующей ступени образуются существительные, обозначения человека, характеризующие его по поведению:

1) посредством субстантивации: *белопальтовые* (ед. *белопальтовый*): *Во время дискуссии может выясниться, что у **белопальтового** нет детей, но он всё равно знает, как их воспитывать* (Ася Плошкина. «Я одна умная, в белом пальто стою красивая»: как общаться с людьми, которые считают себя лучше других // Лайфхакер, lifehacker.ru, 20.08.2020) [АА]; *Вот к примеру, спросит кто-то, как можно бросить курить. **Белопальтовые** тут же заметят, что вот онииии никогда не курили, и вообще, надо беречь здоровье, а не страдать ерундой <...> Знаешь, Самрин, иногда складывается ощущение, что у всех **белопальтовых** одни и те же фразы, будто их всех где-то штампуют, или они выпускники одного и того же вуза* (Жанна Рахимова, Самрин Мамедова. Выгул белого пальто: подкаст SukhbatTime // telegra.phб, 31.03.2022) [АА];

2) с суффиксом *-ц-*: *белопальтовцы* (ед. *белопальтовец*): *Типичный **белопальтовец** говорит: «Как, как, ну как можно быть таким?? В голове, в голове не укладывается!»* (Белое пальто // Психоалхимия, psychoalchemy.ru. 07.03.2016) [АА]; *Комментарии **«белопальтовцев»** уводят разговор от обсуждения реальной проблемы к оценке личности говорящего, его умственных способностей и соответствия моральным устоям* (Н. Ульянова. «Одна я умная в белом пальто стою»: почему люди преувеличивают свои добродетели и как бороться с их непрошенными советами // Нож, knife.media. 20.06.2019) [АА]; *Так там же написано, в чём разница между человеком, который просто делится опытом, и **белопальтовцем**, который всех раздражает* (Ася Плошкина. Комментарий автора к его посту «Я одна умная, в белом пальто стою красивая»: как общаться с людьми, которые считают себя лучше других // Лайфхакер, lifehacker.ru, 09.09. 2020) [АА];

3) с суффиксом *-щик-*: *белопальтовщик*: *Главное, чтобы сам **белопальтовщик** в этот момент выглядел рассудительным, мудрым экспертом* (Вера Бокарева. Синдром «белого пальто». 6 типов людей в белом пальто // Дзен, dzen.ru/. 28.08.2023) [АА].

В 2020 году существительное *белопальтовые* было впервые лексикографировано санкт-петербургской группой исследователей неологии в со-

CC BY

ставляемом ими ежегоднике, описывающем материалы 2015 года: «БЕЛОПАЛЬТОВЫЕ. Неодобр. О тех, кто стремится показать свое превосходство в неуместных ситуациях, возвыситься за счет других людей. *“При использовании официальной информации, цитировании высказываний участников готовые материалы должны содержать упоминание мероприятия и источник полученной информации”. А то мы не позволим, чтоб кто-то что-то узнал без упоминания нас, белопальтовых»* [НРЛ-2015, с. 21].

В социальных сетях используется также аббревиатура *БП*: *В некоторых моментах увидела себя, неприятненько, но факт. Кстати на всех форумах только **БП** и сидят* (Оксана. Коммуентарий к посту Н. Ульяновой // Нож, https://knife.media/white-coat-curse/. 22.06.2019) [АА].

От прилагательных носители языка образовали также существительные с абстрактной семантикой — *белопальтовство, белопальтовость, белопальтошество*, например: *Я могу послушать еще, какое счастье иметь ребенка-инвалида, от Лары Аллиндейл, у которой, окромя родного пацанчика-аутиста, еще двое усыновленных инвалидов <…> А от людей, которые близко к этому не стояли, чего-то подобные заявления воспринимаю, как полный бред и **белопальтовство*** (Пин. Сообщение № 298 к посту от 23.12.2015: Lyubov. Тюрьма за коммерческое суррогатное материнство // Чердак, 4erdak.su. 17.01.2020) [АА]; *Больше года назад я писала статью «Осторожно: человек в белом пальто», где раскрывала такое явление в нашем социуме как **белопальтовость*** (Танкова О. В. Белое пальто на выгуле // b17.ru. 11.02.2021) [АА]; ***Белопальтошество** может проявляться в разных сферах: в материнстве, в работе, учебе, взаимоотношений с противоположным полом, семейной теме в целом, в путешествиях, одежде...* (Танкова О. В. Белое пальто на выгуле // b17.ru. 11.02.2021) [АА].

4. Заключение = Conclusions

Итак, выражения *белое пальто* и *[кто] в белом пальто* являются обозначениями человека, публично выражающего собеседнику осуждение и одновременно подчеркивающего собственную принципиальность и непричастность к подобным нарушениям того или иного рода, а значит, представляющего себя идеальным, то есть реализующего речевую тактику в рамках «стратегии на понижение». Эта позиция представляет собой одну из коммуникативных ролей, реализующихся преимущественно в виртуальном общении, хотя но не только в нем.

Структурно-семантический облик выражения вариативен, а вместе с ним и его грамматические характеристики, например: *[кто] в белом пальто*, *[кто] без белого пальто, снимите белое пальто* и др. В них имен-

CC BY

ной компонент *белое пальто* вообще не является номинацией человека, эти конструкции представляют собой первую ступень функционирования выражения, наиболее близкую к исходной точке (дискурсивному комплексу *стою в белом пальто*) и предшествующую преобразованию в оценочную номинацию человека *белое пальто*.

Идиома *белое пальто* сформировалась в русской лингвокультуре под влиянием ряда факторов: речевой практики в рамках комического (у́же — анекдотического) дискурса, интернет-мема с демонстрацией образца индивидуальной публичной речевой практики отдельной языковой личности (Валерии Новодворской, даже если принять неподтвержденность авторства), системно-языковых потенций колоронима *белый*.

Таким образом, истоки выражения лежат в прецеденте. Очевидно, что образ, использованный Новодворской или разработчиками ее фейкового изображения с плакатом, не был неожиданным, новым, он вполне вписывается в культурную семиотику белого цвета как символа невинности, непорочности, духовной чистоты, а также соотносится со знаковой функцией одежды в массовой культуре с ее склонностью к эпатажу и находит поддержку в комическом дискурсе, где в жанре анекдота через образ ослепительно белой одежды циркового артиста актуализируется идея противопоставления себя обществу.

За счет включения сочетания *белое пальто* в коллокации с другими словами носители языка развернули его метафорическое содержание за счет эксплуатации фреймовых структур, опирающихся на стеретипное знание носителя языка об обращении с пальто как предметом одежды.

Параллельно внутренние языковые механизмы выступили основой для образования новых языковых единиц от данного фразеологизма: прилагательных *белопальтовый, белопальточный* и существительных *белопальтовые, белопальтовец, белопальтовщик, БП, белопальтовость, белопальтошество*.

Выражение *белое пальто* опирается на презумпцию ‘ценность высокой морали, нравственных принципов’, но в ассерции передает отказ в признании человека (объекта номинации) высоконравственным на основе распознанных мотивов его коммуникативного поведения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.

2. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 30.02.2024).

CC BY

3. НРЛ-2015 — *Новое* в русской лексике : словарные материалы–2015 / сост. Н. А. Козулина, С. Д. Левина ; ред. коллегия С. Д. Левина (отв. ред.), А. С. Павлова, Ю. С. Ридецкая. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2020. — 106 с.

4. ТСРГ, 1999 — *Толковый* словарь русских глаголов : идеографическое описание ; английские эквиваленты ; синонимы ; антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : Аст-пресс, 1999. — 704 с.

Литература

Абыякая О. В. Феномен «белого пальто» как маркер скрытой агрессии в читательских комментариях в онлайн-коммуникации / О. В. Абыякая // Вестник факультета социальных цифровых технологий : XXV Международный Балтийский коммуникационный форум, Санкт-Петербург, 01–02 декабря 2023 года. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, 2023. — С. 315—320.

Башкирцева О. А. Семантика и прагматика выражений с компонентом «белое пальто» (на материале интернет-публикаций) / О. А. Башкирцева, Д. М. Дедковская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17, № 4. —С. 1230—1236. —DOI 10.30853/phil20240178.

Завьялова Н. А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России / Н. А. Завьялова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 320 с. — ISBN 978-5-7996-0667-1.

Кожевников А. Ю. Колоративы периода пандемии / А. Ю. Кожевников, Ю. С. Ридецкая // Неология. Неография. 2021. — Санкт-Петербург, 2022. — С. 37—53.

Кульпина В. Г. Лингвистика цвета / В. Г. Кульпина. — Москва : МГУ, 2001. — 587 с.

Леонтьева Т. В. Языковые индексы единения и вражды / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11, № 10. — С. 70-87. — DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87.

Мокиенко В. М. Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Вопросы лексикографии. — 2022. — № 25. — С. 81-107. — DOI 10.17223/22274200/25/4.

Сергеева Т. С. Процесс формирования устойчивого сочетания «белое пальто» по данным Национального корпуса русского языка / Т. С. Сергеева // Интеграционные технологии в преподавании филологических дисциплин : сборник статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 27–28 апреля 2023 года / Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2023. — С. 190-193.

Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : диссертация ... кандидата филологических наук / Александра Васильевна Тихомирова. — Екатеринбург, 2013. — 350 с.

Фалина Н. А. Фразеологизмы с цветовым компонентом «белый» в английском и русском языках / Н. А. Фалина // Восточнославянская филология. Языкознание. — 2017. — № 4 (30). — С. 238—244.

Чжан Цзе. Лексико-семантический анализ новых фразеологизмов с компонентом «зелёный» в СМИ / Чжан Цзе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 1(26). – С. 170-172. – DOI 10.26140/bgz3-2019-0801-0043.

Юськаева Э. И. Конструирование индивидуального в сетевых сообществах: самовыражение или «белое пальто»? / Э. И. Юськаева // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей : Межвузовский

сборник научных работ 22-й международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Санкт-Петербург, 15–17 марта 2023 года / отв. редактор А.А. Малышев. Том Выпуск 23. — Санкт-Петербур : Медиапапир, 2023. — С. 294—302.

12. *Leontyeva T. V*. Daydreaming of internet users about a someone else's love relationship as a virtual vs real hybrid / T. V. Leontyeva // Communication Today. — 2021. — Vol. 12. — No. 2. — Pp. 46—57.

Vonica F.-E. Considerations on the Status of Chromatic Adjective Blue / F.-E. Vonica // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2014. — Volume 149. — Pp. 1003-1008. — DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.08.332.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025,
одобрена после рецензирования 10.03.2025,
подготовлена к публикации 18.03.2025.

Material resources

AA — *Authors' Archive.* (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 30.02.2024). (In Russ.).

NRL-2015 — Kozulina N. A., Levina S. D. (eds.). (2020). *New in Russian Lexicon: Dictionary Materials-2015*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 106 p. (In Russ.).

TSRG, 1999 — Babenko L. G. (1999). *Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description; English Equivalents; Synonyms; Antonyms*. Moscow: Ast-press. 704 p. (In Russ.).

References

Abyyakaya, O. V. (2023). The Phenomenon of the 'White Coat' as a Marker of Hidden Aggression in Readers' Comments in Online Communication. In: *Bulletin of the Faculty of Social Digital Technologies: 25th International Baltic Communication Forum, St. Petersburg, December 1–2, 2023*. St. Petersburg: The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications. 315–320. (In Russ.).

Bashkirtseva, O. A., Dedkovskaya, D. M. (2024). Semantics and Pragmatics of Expressions with the "White Coat" Component (Based on Online Publications). *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues, 17*(4): 1230–1236. —DOI 10.30853/phil20240178. (In Russ.).

Falina, N. A. (2017). Phraseologisms with the color component "white" in English and Russian. *East Slavic Philology. Linguistics, 4*(30): 238-244. (In Russ.).

Kozhevnikov, A. Yu., Ridetskaya, Yu. S. (2022). Colors of the pandemic period. *Neology. Neography, 2021*. St. Petersburg. 37—53. (In Russ.).

Kulpina, V. G. (2001). *Linguistics of color*. Moscow: Moscow State University. 587 p. (In Russ.).

Leontyeva, T. V. (2022). Language Indices of Unity and Animosity. *Nauchnyi dialog, 11*(10): 70-87. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87. (In Russ.). (In Russ.).

Leontyeva, T. V. (2021). Daydreaming of internet users about a someone else's love relationship as a virtual vs real hybrid. *Communication Today*, *12*(2): 46-57.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2022). Axiology of neophrasemes and phraseological transformations in lexicographic interpretation. *Voprosy Leksikografii, 25*: 81-107. DOI 10.17223/22274200/25/4. (In Russ.).

CC BY

Sergeeva, T. S. (2023). The process of formation of the stable combination “white coat” according to the data of the National Corpus of the Russian Language. In: *Integration technologies in teaching philological disciplines*. Nizhny Novgorod: Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University. 190-193. (In Russ.).

Tikhomirova, A. V. (2013). *Associative-derivational and phraseological semantics of clothing names in the Russian linguistic tradition*: PhD. Diss. Ekaterinburg. 350 p. (In Russ.).

Yuskaeva, E. I. (2023). Construction of the individual in online communities: self-expression or “white coat”? In: Malyshev A.A. (ed.). *Modern media environment: traditions, current practices and trends. The view of young researchers*, *23*. St. Petersburg: Mediapapir. 294–302. (In Russ.).

Zavyalova, N. A. (2011). *Phraseological units with a color component as a component of everyday discourse in Japan, Great Britain and Russia*. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural Federal University. 320 p. ISBN 978-5-7996-0667-1. (In Russ.).

Zhang, Jie. (2019). Lexicology and semantic analysis of new phraseological units with the «green»component in the media. *Baltic Humanitarian Journal, 8/1*(26): 170-172. (In Russ.).

The article was submitted 18.01.2025;
approved after reviewing 10.03.2025;
accepted for publication 18.03.2025.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Александр Георгиевич Коваленко, д-р филол. наук (Москва)
Анна Владиславовна Ламзина, канд. филол. наук (Долгопрудный)
Анна Сергеевна Фролова, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Ван Цунцун, аспирант (Москва)
Карина Назировна Галай, канд. филол. наук (Москва)
Ксения Алексеевна Поташова, канд. филол. наук (Москва)
Наталья Геннадьевна Шарапенкова, д-р филол. наук (Петрозаводск)
Ольга Наумовна Турышева, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Раиса Петровна Кузьмина, канд. филол. наук (Якутск)
Сюй Юйминь, аспирант (Москва)
Чжан Юйкунь, аспирант (Москва)

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Ван Цунцун. Символическое значение образов Луны и Месяца в поэзии Ли Бо и Сергея Есенина / Ван Цунцун, К. Н. Галай // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 205—230. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-205-230.

Wang Congcong, Galay, K. N. (2025). Symbolic Meaning of Images of Moon and Month in Poetry of Li Bo and Sergei Yesenin. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 205-230. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-205-230. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Символическое значение образов Луны и Месяца в поэзии Ли Бо и Сергея Есенина

Ван Цунцун
orcid.org/0009-0003-4932-7397
аспирант, кафедра русской
и зарубежной литературы,
корреспондирующий автор
allina.van@yandex.ru

Галай Карина Назировна
orcid.org/0000-0001-7564-2014
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русской и
зарубежной литературы
galay_karina@mail.ru

Российский университет дружбы
народов им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Китайского совета по стипендиям
(China Scholarship Council)
в рамках программы
«Стипендия Правительства КНР и РФ»,
№ 202108370287

Symbolic Meaning of Images of Moon and Month in Poetry of Li Bo and Sergei Yesenin

Wang Congcong
orcid.org/0009-0003-4932-7397
Postgraduate student, Department
of Russian and Foreign Literature
corresponding author
allina.van@yandex.ru

Karina N. Galay
orcid.org/0000-0001-7564-2014
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
galay_karina@mail.ru

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study was financially supported
by the China Scholarship Council
as a part of the program
"Scholarship of the Government
of the People's Republic
of China and the Russian Federation",
№ 202108370287

© Ван Цунцун, Галай К. Н., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению символики образов Луны и Месяца в творчестве китайского поэта Ли Бо и русского поэта Сергея Есенина, определению культурной и эстетической значимости данных концептов в индивидуально-авторском восприятии обоих поэтов. Авторы статьи утверждают, что в поэзии Есенина образ Месяца создается на основе синтеза народных традиций и христианских верований, при этом Луна и Месяц — символы, связанные с событиями прошлого, с ностальгией и ощущением невозвратности времени, а также предвестники приближающейся гибели поэта. Доказывается, что в поэзии Ли Бо Луна символизирует разноплановые феномены жизни человека: его благородный характер, жизненные идеалы, тоску по родственникам и друзьям, а также особенности истории и политики страны. Показано, что в творчестве обоих поэтов образы Луны и Месяца связаны с темой малой родины, мотивом одиночества, оценкой красоты женщины, обращением к «вечным» вопросам бытия. При помощи сравнительного анализа выявлены особенности влияния культурных и исторических факторов на интерпретацию образов Луны и Месяца в поэзии Ли Бо и Есенина. Статья вносит вклад в понимание символического языка и метафорической интерпретации образов в творчестве китайского и русского поэтов, а также культурных и философских традиций, которые формировали их мировоззрение.

Ключевые слова:
Луна; Месяц; образ; символ; Ли Бо; Сергей Есенин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the study of the symbolism of the images of the Moon and the Month in the works of the Chinese poet Li Bo and the Russian poet Sergey Yesenin, as well as to defining the cultural and aesthetic significance of these concepts in the individual-authorial perception of both poets. The authors of the article argue that in Yesenin's poetry, the image of the Month is created based on a synthesis of folk traditions and Christian beliefs, with the Moon and the Month serving as symbols associated with events from the past, nostalgia, and a sense of the irreversibility of time, as well as harbingers of the poet's impending demise. It is demonstrated that in Li Bo's poetry, the Moon symbolizes various phenomena of human life: noble character, life ideals, longing for relatives and friends, as well as the historical and political peculiarities of the country. The article shows that in the works of both poets, the images of the Moon and the Month are connected to the theme of their native land, the motif of solitude, appreciation of female beauty, and engagement with "eternal" questions of existence. Through comparative analysis, the article reveals the distinctive influences of cultural and historical factors on the interpretation of the images of the Moon and the Month in the poetry of Li Bo and Yesenin. This article contributes to understanding the symbolic language and metaphorical interpretation of images in the works of Chinese and Russian poets, as well as the cultural and philosophical traditions that shaped their worldview.

Key words:
Moon; Month; image; symbol; Li Bo; Sergey Yesenin.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Есенин.07+821.581
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-205-230

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира

Символическое значение образов Луны и Месяца в поэзии Ли Бо и Сергея Есенина

© Ван Цунцун, Галай К. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Образы Луны и Месяца занимают особое место в произведениях мировой культуры и представляют собой главные символические элементы в поэзии двух выдающихся авторов — китайского поэта Ли Бо (李白) и русского поэта Сергея Есенина. Сравнительный анализ произведений Ли Бо и Есенина, а также сопоставление образов Луны и Месяца в их поэзии являются относительно новыми областями в китайском и российском литературоведении. Изучение символики данных образов позволит выявить общие закономерности и национальные особенности в их восприятии и художественном осмыслении, что будет способствовать углублению понимания специфики русской и китайской поэзии, а также расширению межкультурного диалога, в чем видится актуальность данного исследования.

Его новизна состоит в том, что впервые проводится комплексный, детальный анализ образов Луны и Месяца в стихотворениях Ли Бо и С. Есенина, предпринимается попытка их подробного типологического сопоставления.

Данное исследование опирается на теорию поэтической семантики В. В. Виноградова, согласно которой поэтическая речь рассматривается как эстетическая и историческая категория, которая не только воплощает эстетические ценности, но и отражает исторические и культурные особенности эпохи. Кроме того, важную роль в понимании символов Луны и Месяца с точки зрения различных культур играет теория языковой картины мира, поскольку, как утверждают исследователи, каждый язык формирует уникальную картину мира, которая влияет на восприятие и интерпретацию символов и понятий [Уфимцева, 2015; Фаткуллина, 2011]. Так, символы Луны и Месяца относятся к тем культурологическим феноменам, которые в разных культурах отличаются значениями и вызываемыми ассоциациями.

Научная проблематика данной статьи заключается в изучении того, как Ли Бо и С. Есенин использовали образы Луны и Месяца для выражения

CC BY

своих внутренних переживаний и философских воззрений. Цель авторов исследования — изучить символику образов Луны и Месяца в поэзии китайского и русского поэтов, а также выявить общие и отличительные черты их подходов в трактовке этих образов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для данного исследования послужили оригиналы и переводы стихотворений Ли Бо и Сергея Есенина, китайские и российские научные труды, посвященные культурно-эстетическому аспекту изучения образов Луны и Месяца, в том числе в поэзии данных авторов.

В ходе исследования использовались описательный, сравнительный и культурологический методы анализа. Особое внимание уделялось типологическому сопоставлению.

Изучение образа Луны в поэзии Ли Бо в Китае началось в 1980-х годах. Как отмечают филологи Лю Хуайжун и Сун Цяоюнь, первые попытки толкования образа Луны в китайской классической поэзии предпринимались в 1980-х годах и в основном ориентировались на исследование образа Луны в стихах Ли Бо, однако «результаты были относительно скудными»[1] [Лю Хуайжун и др., 2005, с. 67], но с 1990-х годов образ Луны в классической поэзии стал привлекать все больше и больше внимания учёных, «исследовательские работы продолжают появляться» [Там же].

В китайском литературоведении образ Луны в поэзии Ли Бо анализируется с разных точек зрения: ученые трактуют его исходя из связи с тематикой, идейным содержанием, эмоциональным подтекстом произведений, их стилистическими особенностями, используемыми в них художественными приёмами, идеологическими, эстетическими и философскими воззрениями самого автора, а также с концептом ФАЗЫ ЛУНЫ как древнекитайской единицей измерения времени. Помимо этого, филологи анализируют стихотворения поэта с точки зрения символики Луны, «космического» и трагического в сознании самого поэта, пытаясь объяснить причины его любви к Луне. Другие исследователи анализируют состояние изучения стихотворений Ли Бо о Луне в Китае, рассматривают переводы иероглифа *月 / Луна*, сравнивают образ Луны в творчестве Ли Бо с его репрезентацией в произведениях китайских и зарубежных поэтов.

По мнению китайских литературоведов, причина популярности «лунной» поэзии Ли Бо заключается в том, что его стихотворения о Луне «способствуют развитию китайской лунной культуры и достижению вершины ее расцвета» [Лю Хуайжун и др., 2005, с. 70], поскольку произведения

1 Здесь и далее, если не указано иначе, перевод наш. — В. Ц.

CC BY

поэта «демонстрируют беспрецедентные достижения как в плане использования средств выразительности, так и в плане представления глубины мысли» [Там же].

В то же время в китайском литературоведении на сегодняшний день мало исследованы образы Луны и Месяца в стихах Сергея Есенина. Можно отметить только две статьи, опубликованные более 25 лет назад: Чжу Лин и Линь Цзиньлин «叶赛宁诗歌中月亮形象的色彩寓意» / «Цветовая аллегория образов Луны и Месяца в поэзии Сергея Есенина» [Чжу Лин и др., 1998] и Чжу Лин «叶赛宁诗中的“月亮”形象赏析» / «Анализ образов “Луны и Месяца” в поэзии Сергея Есенина» [Чжу Лин, 1998]. В первой статье анализируется изменение цвета Луны (Месяца) в творчестве Есенина разных периодов и высказывается мнение, что этот цвет отражает «особый социальный фон того времени и особенное настроение поэта» [Чжу Лин и др., 1998, с. 62]. В другой статье рассматриваются образы Луны и Месяца в стихах Есенина, исходя из социальных условий, в которых они были написаны, и личного опыта поэта. Исследователи приходят к выводу, что образы Луны и Месяца в разные периоды творчества поэта различаются. По мнению Чжу Лин, Луна (Месяц) символизирует жизненный опыт и «противоречивый внутренний мир» С. Есенина, она может «испытывать с ним радость, грусть, боль и одиночество» [Чжу Лин, 1998, с. 60]. Автор также считает, что в стихах Есенина «Луна (Месяц), подобно пророку, способна предсказать надвигающееся несчастье» [Там же].

Сопоставительные исследования поэзии Ли Бо и С. Есенина в китайском литературоведении представлены в незначительном количестве. Можно назвать три наиболее значимые статьи: «Лингвострановедческий аспект изучения поэзии С. А. Есенина и Ли Бая[1]» [Сунь Цюхуа, 2018б], «Взаимосвязь концептуальной картины мира и национальной культуры в поэзии Сергея Есенина и Ли Бая» [Сунь Цюхуа, 2018а] и «Концепция природы в творчестве Есенина и Ли Бо» [Го Ли, 2012]. Первые две из них за авторством Сунь Цюхуа посвящены сравнительному анализу образов Луны и Месяца. В этих статьях частично проанализированы образы Луны и Месяца в китайской и русской культуре в целом и в поэзии Ли Бо и С. Есенина в частности. Автор полагает, что образ Месяца (Луны) в поэзии С. Есенина «ассоциируется с отчим домом, с родными рязанскими просторами» [Сунь Цюхуа, 2018а, с. 189], а Луна у Ли Бо символизирует не только «тоску по родным просторам», но и «по родственникам, друзьям и близким» [Там же, с. 191].

1 В некоторых работах китайский поэт Ли Бо пишется как Ли Бай. При транскрипции на русский язык сохраняются оба варианта.

CC BY

В последние годы русские учёные обращают все больше внимания на Ли Бо и его поэзию, но исследований, посвященных образу Луны в поэзии Ли Бо, до сих пор очень мало. Можно выделить две статьи: «Концепт “Луна” в творчестве Ли Бо» [Иванова и др., 2023] и «Образ воды и луны в произведениях Ли Бо» [Вахтель, 2023]. Между тем российских исследований, посвященных образам Луны и Месяца в поэзии С. Есенина, тоже не так много. Наиболее значимые результаты исследований российских ученых представлены в статьях [Баранов, 2018; Баринова, 2021; Маслоброд, 2022; Нестеров и др., 2016; Пименова и др., 2019; Южакова, 2021]. Отметим, что сравнительный анализ поэзии Ли Бо и С. Есенина в русской науке до сих пор не представлен, в частности, отсутствует сопоставление образов Луны и Месяца в поэзии Ли Бо и Есенина.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сходные мотивы в изображении Луны и Месяца в поэзии Ли Бо и Сергея Есенина

Луна (Месяц) как символ родного края. В произведениях китайских поэтов, на творчество которых повлияло восприятие Луны как мифологического архетипа матери жизни, «луна становится символом малой родины» [Лю Чуаньсинь, 1992, с. 109]. Так, Сюй Сюбин говорит, что у китайских литераторов «один взгляд на луну в небе вызывает тоску по родному краю» [Сюй Сюбин, 2015, с. 52]. Ли Бо, много лет странствовавший в чужих краях, вдали от родных и близких, также не мог не испытывать тоски по своей родине, когда он видел на ночном небе Луну. Одно из самых известных в Китае стихотворений «静夜思» [Веб-сайт …] / «Думы в тихую ночь», автором которого является Ли Бо, посвящено тоске по родному краю.

В первой половине стихотворения поэт рассказывает, что, пробудившись ото сна, думает, будто лунный свет, льющийся на пол у его кровати, похож на густой иней. Слово *霜* / *иней* передает ощущения одиночества и внезапного холода, которые испытывает лирический герой на чужбине. Во второй половине стихотворения показано, что он справился с состоянием сна и стал бодрее. Герой смотрит на яркую Луну и вспоминает свою родину, озаренную ее светом. Так ночное светило становится не просто элементом пейзажа, а символом глубокой тоски поэта по родному краю.

Ли Бо неоднократно выражал свою привязанность к малой родине в своих произведениях. В строках стихотворения *«天借一明月，飞来碧云端。故乡不可见，肠断正西看»* [Веб-сайт …] / «*В небе светит яркая Луна, летящая над голубыми облаками. Я не вижу своего родного города, смотрю на запад, и сердце разрывается»* поэт выражает свою тоску по родине и близким. Он вдохновлен яркой Луной, которая летит над лазур-

CC BY

ными облаками. Поэта отделяют от родины горы и реки, *«故乡不可见» / «родной край не виден»*, поэтому он, полный печали, долго смотрит в сторону родного края для того, чтобы увидеть его. То, что его «сердце разрывается», показывает, насколько глубока и сильна привязанность поэта к родным местам.

В стихотворении «峨眉山月歌» / «Песнь о Луне в горах Эмэйшань» образ «峨眉山月» / «Луна в горах Эмэйшань» становится символом малой родины поэта, в связи с этим слово *君 / Вы* приобретает богатый смысл, относясь одновременно и к Луне в горах Эмэйшань, и к родным, оставшимся дома. Всё стихотворение пронизано глубокой тоской по родным местам. В строках стихотворения *«梦绕边城月，心飞故国楼»* [Там же] / *«Во сне вижу Луну над приграничным городом, а после сна сердце возвращается в родной город»* вновь возникает образ Луны, который отражает глубокую тоску поэта по родному краю. В творчестве Ли Бо Луна является неотъемлемым символичным элементом пейзажа, создает ассоциации с малой родиной.

В лирике Сергея Есенина образы Луны и Месяца часто связаны с темой родины: на чужбине в отличие от родных мест Луна и Месяц предстают прекрасными, но холодными, но именно они пробуждают в поэте воспоминания о доме и родных просторах: *Золото холодное луны, // Запах олеандра и левкоя. // Хорошо бродить среди покоя // Голубой и ласковой страны* [Есенин, 1995, с. 261]. На чужбине Луна освещает всё холодным светом, тогда как на родине для русского поэта он становится теплее, роднее и ближе. Более того, для Есенина Луна на родине *«огромней в сто раз»* [Там же, с. 252], чем в чужих краях. Так же, как и у Ли Бо, она вызывает у поэта ностальгию по малой родине — своему селу, родным рязанским просторам, которые навеки остались в его памяти. Именно поэтому лирический герой *«готов рассказать»* Шаганэ, своей восточной возлюбленной, про *«поле»*, *«волнистую рожь при луне»* [Там же, с. 252—253]. Сергей Есенин — патриот, Родина для него олицетворяет целую вселенную, в которой «родная» Луна является одним из важнейших элементов. Хотя на чужбине она внешне такая же, как на родине, но все же *«… тегеранская луна // Не согреет песни теплотою»* [Там же, с. 269]. Для поэта на родине все ближе и роднее, чем на чужбине, где тоже вроде бы хорошо. Однако дома все же лучше, именно поэтому Есенин не просто тоскует по родному краю, поэтизируя его, но подчеркивает таким образом неразрывную связь с родными местами.

Итак, и Ли Бо, и Сергей Есенин обращаются к образам Луны и Месяца, чтобы выразить тоску лирического героя по родному краю. В то же время описываемые поэтами чувства обусловлены разными культурными традициями и философскими представлениями. Так, Луна имеет глубокое

CC BY

культурное значение и ценность с точки зрения выражения эмоционального отношения в китайской классической литературе. «Тоска по малой родине при взгляде на луну стала устойчивой культурно-психологической моделью» [Тянь Цяньшэн, 2002, с. 31]. В китайской культурной традиции это не просто личная эмоция автора, а отражение переживаний, общих для многих поколений китайских путешественников. Образ Луны связан с отражением глубокого чувства идентичности китайской нации, проявляющегося в восприятии китайцами родного края.

В поэзии С. Есенина обращение к образам Луны и Месяца тоже является способом выражения ностальгии. Однако в отличие от образа, используемого Ли Бо, у русского поэта Луна на чужбине и Луна на родине выступают словно два разных ночных светила, сравнивая которые поэт подчеркивает, что отдает предпочтение Луне в родных краях. Таким способом Есенин выражает свою любовь к родине.

Луна (Месяц) как символ одиночества поэта. В китайской поэзии Луна часто является символом одиночества, «привнося в поэзию мотив грусти, тоски, разочарования» [Чжао Паньпань, 2019, с. 719]. «У Ли Бо способность к страстным чувствам, откровенный и смелый характер, много друзей, но в его сердце живет сильное чувство одиночества... Его любовь к луне является отражением этого одиночества» [Чжун Имин, 2008, с. 101].

В первом стихотворении из цикла «月下独酌四首» / «Под Луной в одиночестве пью» читаем: *花间一壶酒，独酌无相亲。举杯邀明月，对影成三人* [Веб-сайт …] / *Среди цветов поставил я // Кувшин в тиши ночной // И одиноко пью вино, // И друга нет со мной. // Но в собутыльники Луну // Позвал я в добрый час, // И тень свою я пригласил — // И трое стало нас* (перевод А. И. Гитовича) [Ли Бо, 1957, с. 57]. В этом контексте Луна выступает другом, к которому обращается лирический герой в минуты одиночества, поиска родной души. Луна откликается на зов и танцует с героем в чаше его вина. Но, наслаждаясь моментом, поэт понимает, что скоро все закончится и он снова останется один.

В стихотворении «鹦鹉洲» / «Остров попугаев» звучат строчки: *迁客此时徒极目，长洲孤月向谁明* [Веб-сайт …] / *Скитальцу даль пуста, один я в целом свете! // Так для кого ж светла сиротская Луна?* (перевод С. Торопцева) [Ли Бо, 2008, с. 84] лирический герой находится на чужбине. Перед ним красивые пейзажи, но *скиталец* не в силах насладиться ими, поскольку он одинок в странствиях по свету. В этом контексте *孤月 / одинокая Луна* становится не только частью пейзажа, но и символом страданий поэта. В другом произведении есть строка *«青天中道流孤月»* [Там же] / *«Посреди синего неба плывет одинокая Луна»*. Через образ Луны

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

поэт говорит о своем одиночестве в обществе и досаде из-за отсутствия признания его таланта и невозможности достичь успеха на службе.

Когда поэт чувствует разочарование, неуверенность или беспомощность, он в поисках утешения всегда обращается к Луне. Ли Бо использует такие эпитеты, как *寒月 / холодная Луна*, *孤月 / одинокая Луна*, *霜月 / заиндевевшая Луна*, *冰月 / ледяная Луна* и другие, передающие печаль и душевное одиночество героя.

Мотив одиночества прослеживается и в стихах Сергея Есенина, в которых видна глубокая связь между настроением поэта и образами Луны и Месяца. Например, в цикле «Персидские мотивы», написанном во время поездок поэта на Кавказ, чувство одиночества на чужбине усиливается, поэтому Луна «представляется холодным, отстраненным “светилом”» [Василевская, 2019, с. 76]. Небесное светило становится «соучастником» грусти поэта: *Месяц рожу полощет в луже, // С неба светит лиловый сатин. // Я стою никому не нужен, // Одинокий и пьяный, один* [Есенин, 2004, с. 520]. Месяц, свет которого льется на землю *лиловым сатином*, создаёт ощущение пустоты и неприкаянности, усиливает чувство одиночества лирического героя, боль которого *«не тонет в проклятом вине»*, потому что *«хорошего в жизни мало»* и *«Даже та, что любил, перестала // Улыбаться при встрече мне»* [Там же].

Другие строки: *А когда ночью светит месяц, // Когда светит… черт знает как! // Я иду, головою свесясь, // Переулком в знакомый кабак* [Есенин, 1995, с. 167] — из стихотворения «Да! Теперь решено. Без возврата…» говорят о потере малой родины: *… Без возврата // Я покинул родные поля…* [Там же], — но город не принес счастья, поэт все так же одинок: *— Я такой же, как вы, пропащий, // Мне теперь не уйти назад* [Там же, с. 168]. Месяц в этом случае становится символом ночной тревоги, неприкаянности лирического героя. В этих строках Месяц разделяет переживания героя, который не находит утешения: в прошлое не вернуться, так как *«Низкий дом без меня ссутулится, // Старый пес мой давно издох»*, а будущее трагично *«На московских изогнутых улицах / Умереть, знать, судил мне Бог»* [Там же].

В стихотворении «Над окошком месяц. Под окошком ветер» Месяц — символ одиночества, как *«облетевший тополь»* и *«голос одинокий»* [Там же, с. 230], природа будто грустит вместе с человеком, испытывающим чувство одиночества из-за потери любви.

В строках *«И знакомые взору просторы // Уж не так под луной хороши»* [Там же, с. 183] позднего стихотворения «Этой грусти теперь не рассыпать…» Луна выступает символом утраты гармонии, свойственной молодости, когда *«Для меня было всё тогда новым»* [Там же]. Поэт замечает, что те-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

перь мир уже не кажется таким привлекательным: *Отцвела моя белая липа, Отзвенел соловьиный рассвет* [Там же]. Лирический герой чувствует себя оторванным от мира, он не находит радости в привычных вещах и событиях: *И знакомые взору просторы // Уж не так под луной хороши* [Там же]. Вместо *знакомых взору просторов* он видит *буераки… пеньки… косогоры*, которые *обпечалили русскую ширь* [Там же]. Природа, которая раньше казалась герою красивой и гармоничной, теперь вызывает у него лишь грусть из-за разочарования. Это чувство одиночества усиливается видом того, *«… От чего так легко зарыдать. // Покосившаяся избёнка, // Плач овцы, и вдали на ветру // Машет тощим хвостом лошадёнка»* [Там же, с. 183—184].

Таким образом, в произведениях обоих поэтов события в жизни лирических героев происходят под Луной, которая может быть другом-«собутыльником» и утешителем или холодным наблюдателем, но всегда образы Луны и Месяца — свидетели одиночества лирического героя и его душевных терзаний.

Луна как символ красоты женщины. В традиционной китайской философии Солнце ассоциируется с Ян (мужским началом), а Луна — с Инь (женским началом). Поэтому Луна считается «символом нежной женственности» [Мэн Сюсян, 1991, с. 84], её образ часто используют для описания женской красоты. Стихотворение «月出» / «Вышла на небо луна» из «诗经» («Шицзин»), первого сборника стихотворений в древнем Китае, содержит строчки *«月出皎兮，佼人僚兮»* [Веб-сайт …] / *«Вышла на небо луна и ярка, и светла... // Эта красавица так хороша и мила!»* (перевод А. А. Штукина) [Шицзин …, 1987, с. 111], которые описывают красавицу, медленно и грациозно идущую в сияющем свете Луны. Красота лунного света здесь символизирует красоту возлюбленной.

В поэзии Ли Бо красота женщины также является одним из мотивов, который воплощается через образ Луны. Например, в строках *«衔杯映歌扇，似月云中见» [Веб-сайт ...] / «Женщина подняла чашку и прикрыла лицо веером, как будто Луна спряталась в облаках»* поэт сравнивает движения женщины с природным явлением, тем самым подчеркивается загадочность красоты. Сравнение красоты лунного лика и лица женщины можно встретить и в других стихотворениях Ли Бо. Так, в строках *«翠娥婵娟初月辉，美人更唱舞罗衣»* [Там же] / *«Лица красавиц сияют, как новолуние, они по очереди поют и танцуют»* певицы изображены прекрасными как новолуние, их танцевальные способности и голос восхваляются как нечто исключительное. В строках *«眉目艳皎月。一笑倾城欢»* [Там же] / *«Глаза лучисты — что твоя луна, // Улыбкой царство может покорить»* (перевод С. А. Торопцева) [Ли Бо, 2011, с. 36] поэт сравнивает глаза женщины с ярким лунным светом, показывая её уникальную красоту.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

В творчестве Ли Бо образ Луны представлен исключительно как женский персонаж и обозначается лексемой *月 / Луна*. Отметим, что в китайском языке существительные не имеют категории рода, но лексема *月 / Луна* всегда связана с женским образом. Китайские богини Луны с древности изображались в виде женских фигур, и в традиционной китайской философии Луна ассоциируется с женским началом Инь.

В отличие от китайской поэзии в творчестве Есенина представлен не только образ Луны, имеющий женское начало, но и образ Месяца, связанный с мужским началом. Однако Луна как символ красоты встречается и в поэзии Сергея Есенина. Так, образ Луны связывается с образом молодой девушки, наделённой женственностью, скромностью и даже некоторой кокетливостью: *Тёмная ночь молчаливо пугается, // Шалями тучек луна закрывается* [Есенин, 2004, с. 117]. В стихотворении Луна наделяется качествами стыдливой и, возможно, кокетливой красавицы, прикрывающейся тучками, как шалью. Можно сравнить этот образ с восточной чадрой, под которой женщины прячутся от чужих взглядов. Мотив красоты в поэзии Есенина тесно связан с мотивом любви в молодые годы: для поэта природа чувств — загадка, поэтому часто лирический герой находится в конфликте с самим собой, он не понимает, что с ним происходит. В ряде произведений этот мотив воплощается с помощью образа Луны и Месяца: *При луне хороша одна, // При солнце зовет другая. // Не пойму я, с какого вина // Захмелела душа молодая?* [Там же, с. 274]; *На рассвете с вьющимся туманом // Уплыла и скрылася вдали... // И кивал ей месяц за курганом, // В голубой купаяся пыли* [Там же, с. 132] и др.

Таким образом, в ряде стихотворений обоих поэтов образ Луны наделяется через прием олицетворения женской красотой, лирический герой любуется ею. Этот прием позволяет показать Луну «живой» и «женственной», а значит, привлекательной, близкой читателю. Кроме того, в творчестве Есенина небесное светило становится свидетелем любовных отношений.

Луна (Месяц) как символ вечности. «Луна навсегда остаётся неизменной, вечно висящей высоко в небе. Для людей, чья жизнь ограничена, луна представляет вечность в смысле времени» [Сюй Сюбин, 2015, с. 52]. В китайской философии Луна является частью вечной природы, которая противопоставляется временной человеческой цивилизации. Мотив вечности представлен и в поэзии Ли Бо: *旧苑荒台杨柳新，菱歌清唱不胜春。只今惟有西江月，曾照吴王宫里人* [Веб-сайт …] / *В старом саду у заросшей террасы // ива и тополь свежи. // Орех водяной собирая, поют… // неотвратимая весна… // Осталась от прежнего только луна — // все светит над Западным цзяном: // А раньше сияла Ускому князю, // дворцовой*

красотке его (перевод В. М. Алексеева) [Чистые …, 2018, с. 60], *苍苍金陵月，空悬帝王州 [Там же] / Бледный свет Луны падал на город Цзиньлин, вися над городом, который когда-то был столицей шести династий*; *亡国生春草，王宫没古丘。空余后湖月，波上对瀛州* [Там же] / *Династия Восточная Цзинь окончательно пала, и дворец был уничтожен бесплодной травой. Лишь яркая Луна на озере Сюаньу смотрит поверх волн на некогда процветающий остров.* Философские раздумья поэта об истории и повседневной жизни включают в себя обращение к образу вечной Луны: человеческое общество переживает взлеты и падения, а лунный свет остается неизменным.

Схожие размышления можно встретить и в стихотворении «把酒问月» / «С кубком в руке вопрошая Луну». Сначала поэт обращается к Луне, пытаясь понять, сколько ей лет, затем он задумывается о вечной жизни этого небесного светила: *今人不见古时月，今月曾经照古人* [Веб-сайт …] / *Мы не можем теперь увидеть, друзья, // Луну древнейших времен. // Но предкам нашим светила она, // Выплыв на небосклон* (перевод А. И. Гитовича) [Ли Бо, 2000, с. 63]. Заканчивает поэт стихотворение мыслями о тленности человеческого мира под неизменно ясной Луной: *古人今人若流水，共看明月皆如此* [Там же] / *Мы приходим, уходим, как воды в движенье, // Каждый видит луну, что вот так же ясна* (перевод С. А. Торопцева) [Ли Бо, 2011, с. 114]). Луна в творчестве Ли Бо — это не только спутник лирического героя на трудном жизненном пути, но и свидетель исторических взлетов и падений человеческой цивилизации. Неизменность существования Луны отражает постоянство некоторых истин перед лицом изменчивого мира.

У Сергея Есенина образ Луны (Месяца) также воплощает представление о вечности, неизменности природы, которая противопоставляется суетному человеческому миру. Поэт спрашивает у Луны как хранительницы сакрального знания о своей судьбе, пытаясь разгадать тайны жизни и смерти: *Обратись лицом к седьмому небу, // По луне гадая о судьбе, // Успокойся, смертный, и не требуй // Тайны той, что не нужна тебе* [Есенин, 1995, с. 239]. Однако Луна, на протяжении тысячелетий наблюдающая за жизнью человека, не способна дать ответы на эти вопросы. Люди смертны — Луна вечна, она каждый месяц проходит цикл от рождения до умирания и вновь возрождается, такая же прекрасная, как и прежде, а человеку неподвластен такой цикл перерождения.

Схожие мысли звучат и в стихотворении «Весна», где поэт осмысливает социальные изменения, пришедшие с революцией, свое отношение к ним. При этом, несмотря на то, что *«Закон вращенья в мире есть, // Он — отношенье // Средь живущих»*, Луна остаётся неизменной, *«её не слопали*

CC BY

собаки», она просто скрывается и неизменно *«выплывет»* после *«людской кровавой драки»*, более того, Луна снова *«своим лимонным светом // Деревьям, в зелень разодетым, // Сиянье звучное // Польёт»* [Есенин, 1997, с. 154—155]. Автор размышляет о том, что человек живёт в мире перемен, которые вынуждают его *«в суровом октябре ... с метелями бороться»* [Там же, с. 154], а ночное светило выступает символом вечности, внеземной истины, которая не подвластна человеческим страстям и переменам.

Перемены в жизни человека, его метания, поиск своего места в жизни проходят, как и социальные изменения, под светом вечного небесного светила. Так, в стихотворении «Устал я жить в родном краю…» Месяц безмятежно плывет по небу и освещает все, что происходит на земле, но он не может вмешиваться в жизнь людей, в судьбу лирического героя, который испытывает чувство одиночества из-за метущейся души, не позволяющей ему найти свое место в жизни, где можно быть счастливым: *А месяц будет плыть и плыть, // Роняя весла по озерам… // И Русь все так же будет жить, // Плясать и плакать у забора* [Есенин, 1995, с. 140]. Трагичный путь лирического героя заканчивается: *В зеленый вечер под окном // На рукаве своем повешусь* [Там же, с. 139], — однако в мире ничего не меняется, поскольку *«месяц будет плыть и плыть»* и *«Русь все так же будет жить»* [Там же, с. 140].

В поэзии Ли Бо и Сергея Есенина представлено традиционное толкование образов небесных светил как вечных, величественных покровителей человеческого мира, испокон веков наблюдающих за его существованием.

3.2. Особенности символики в изображении Луны и Месяца

3.2.1. Особенности символики в изображении Луны у Ли Бо

Луна как символ тоски по родным и друзьям. Как уже было сказано выше, в китайской литературе образ Луны часто используется как символ тоски по родным и друзьям. Поэты передают свои чувства через обращение к природным явлениям, предлагая таким образом философское осмысление событий человеческой жизни.

Луна как символ тоски по родным встречается в стихотворении «子夜吴歌·秋歌» [Веб-сайт …] / «Осень. Из песен Цзы-е», где рассказывается о женщинах города Чанъань, которые стирают одежду при свете Луны, готовясь отправить ее своим мужьям, находящимся на войне. Под Луной женщина тоскует по мужу, горячо желая возвращения семьи и окончания войны. Луна не дает ей покоя: 日色欲尽花含烟，月明如素愁不眠 [Там же] / *Солнце садится, и сумерки становятся туманными, цветы словно в дымке, Луна сияет так ярко, как будто днем, мне не уснуть.*

Луна встречается в произведениях Ли Бо и как символ тоски по друзьям. В стихотворении «送张舍人之江东» / «Проводы Чжан Шежена

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

в Цзяндун» говорится: *吴洲如见月，千里幸相思* [Веб-сайт …] / *В месте Учжоу, куда вы направляетесь, светит яркая Луна. Несмотря на большое расстояние между нами, увидеть Луну — значит встретить друг друга, чтобы утешить свою тоску друг по другу.* Луна не просто заставляет вспоминать о друге, но и является связующим звеном между сердцами друзей. Наблюдая за Луной, лирический герой тоскует по своему другу и в другом стихотворении: *寒月摇清波，流光入窗户。对此空长吟，思君意何深* [Там же] / *По чистым волнам проплывает, качаясь, луна, // Сквозь окна и двери в сиянье проходит она. // Смотрю на нее и вздыхаю от горькой тоски, // Скучая по другу, раздумья мои глубоки…* (перевод А. Алексеевой) [Любуясь луной …].

Обращение к Луне — это выражение не только печали лирического героя из-за расставания с другом, но и надежды, что она останется рядом с его далеким другом и сможет «передать» ему заботу и беспокойство героя: *我寄愁心与明月，随君直到夜郎西* [Веб-сайт …] / *Я тревогой своей поделюсь с лучезарной луной, // Чтоб она унесла ее в этот далекий удел* (перевод С. А. Торопцева) [Ли Бо, 2011, с. 152].

Луна как символ благородства. Как известно, белый лунный свет символизирует чистоту. В традиционной китайской культуре считается, что достойному человеку необходимо обладать благородным характером, его должна отличать нравственная чистота, поэтому яркий белый свет Луны часто ассоциируется именно с благородством человека. Поэтому в китайской поэзии благородство воплощается в образе Луны, например, у поэта Цюй Юаня (屈原) в строках *«与天地兮同寿，与日月兮同光»* [Веб-сайт …] / *«Я буду жить столько же, сколько небо и земля, и буду сиять так же ярко, как Солнце и Луна»* лирический герой, живя долго на земле, стремится быть таким же благородным, как Солнце и Луна; тот же мотив представлен в произведении «月赋» / «Поэма о Луне», написанном Гунсунь Чэном (公孙乘), в котором яркий лунный свет, будучи ярче солнца и чище белого нефрита, сравнивается со *«君子之光»* [Там же] / *«светом благородного человека»*.

Традиционный образ Луны как символа благородства встречается и в творчестве Ли Бо. В строках *«醉月频中圣，迷花不事君»* [Веб-сайт …] / *«Он бывает Божественно пьян под луной, Не желая служить — Заблудился в цветах»* (перевод А. И. Гитовича) [Антология…, 1957, с. 91] поэт изображает героя Мэн Хаожаня, который в силу благородных качеств не стремится к славе и богатству, он счастлив «под луной». В строках *«明月出海底，一朝开光曜» [Там же]* / *«Так перл луны, восстав со дна морей, На землю изливает свет в ночи»* (перевод С. А. Торопцева) [Ли Бо, 2011, с. 92] поэт, проводя параллель между светом луны и жизнью лирического

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

героя Лу Чжунляня, передает свое восхищение его благородным характером и выдающимися талантами. В строках *«戒得长天秋月明，心如世上青莲色»* [Там же] / *«Сердце буддийского монаха высшего ранга светло, как Луна в небе, и чисто, как цветок лотоса»* уже два образа — «Луна» и «лотос» — используются для описания характера монаха; в то же время они выражают стремление самого поэта к благородству. По мнению китайского филолога Тянь Цяньшэн, Ли Бо «часто использовал луну, чтобы выразить свой необыкновенный характер» [Тянь Цяньшэн, 2002, с. 32]. Поэт в стихотворении *«众星罗青天，明者独有月»* [Веб-сайт …] / *«Небо полно звезд, лишь Луна ярко светит в небе»* говорит о том, что яркая Луна светит тем, кто чист сердцем.

Итак, образ Луны в поэзии Ли Бо как символ человеческого благородства, светлых мыслей и побуждений вписывается в контекст традиционной китайской культуры. Луна символизирует не только внешнюю чистоту (чистый блеск Луны, белый лунный свет), но и внутреннюю, нравственную (чистота помыслов и благородство поступков человека).

Луна как символ идеала. Высокие стремления Ли Бо простирались и за пределы поэтического творчества: он надеялся, что сможет стать чиновником при императорском дворе, и верил, что принесёт пользу своему народу. В связи с этими чаяниями образ Луны в ряде его стихотворений символизирует идеалы поэта и его честолюбивые стремления.

Военные и политические цели поэта находят отражение в строках: *弯弓辞汉月，插羽破天骄* [Веб-сайт …] / *Мы покинули «ханьскую Луну» вооруженными и отправились к границе, чтобы разбить вторгшихся гуннов.* Поэт использует словосочетание *汉月* / *ханьская Луна* для обозначения территории династии Тан. Он восхваляет храбрость воинов, защищающих Родину, и выражает желание, подобно воину, претворить собственные идеалы в жизнь.

Честолюбивые устремления поэта описаны в стихотворении: *俱怀逸兴壮思飞，欲上青天揽明月* [Там же] / *Вместе тоскуя, в едином порыве // стремлений своих — вознестись // в ясное небо, где можно достать // до луны, освещающей высь* (перевод А. Алексеевой) [В Сюаньчэне …]. Мечты поэта реализоваться на государственной службе облекаются в образ устремлений лирического героя прорваться сквозь небо, чтобы достать до Луны: здесь *明月 / яркая Луна* и желание достать до Луны символизируют идеал жизни — достижение успехов на службе.

Однако, не сумев воплотить в жизнь свои мечты о служении, лирический герой стремится постичь, хотя бы во сне, мир идеальный, существующий за пределами реальности: *我欲因之梦吴越，一夜飞度镜湖月* [Веб-сайт …] / *Прослышав о том, в царство у и Юэ // устремляюсь душою*

во сне, // Лечу до Зеркального озера, странствуя // ночью при ясной луне (перевод А. Алексеевой) [Во сне гуляя …].

Луна как метафорический образ в отражении исторических и политических событий. В поэзии Ли Бо Луна не только символизирует красоту природы и человека, идеальный мир, вечность, но и служит метафорой в поэтической интерпретации исторических и политических процессов, происходящих в стране.

В стихотворении «古朗月行» / «Древняя песня о Луне» Ли Бо прибегает к развернутой метафоре, так как на протяжении всего стихотворения разные грани образа Луны представляют эволюцию династии Тан (от эпохи расцвета до периода упадка). В этом стихотворении звучат сатирические мотивы, так как поэт глубоко переживает за судьбу Родины. В первой половине стихотворения процветание династии Тан сравнивается с яркой Луной, которая в свою очередь ассоциируется с *«白玉盘» / «тарелкой из белого нефрита»* и *«瑶台镜» / «зеркалом в месте под названием Яо Тай»*. В этот период страна отличалась политической стабильностью, экономически процветала, а народ жил в мире, который в представлении поэта был ярким, как лунный свет, и полным надежды. Однако во второй половине стихотворения в строках *«蟾蜍蚀圆影，大明夜已残»* [Веб-сайт …] / *«Там жаба по кусочкам ест луну, // И ночь опять становится темна...»* (перевод С. А. Торопцева) [Ли Бо, 2011, с. 205]) описано постепенное погружение страны в темноту и хаос. Такое состояние в стране объяснялось прежде всего тем, что император заботился только о своих удовольствиях, окружал себя коварными, как «жаба», чиновниками и пренебрегал государственными делами.

Согласно древнекитайской легенде, когда жаба поедает Луну, случается лунное затмение, его считали признаком катастрофы, предвестником несчастий и беспорядков. Предание было основано на вере в то, что затмение вызвано злой силой, пытающейся поглотить Луну. В другом стихотворении Ли Бо в строках *«蟾蜍薄太清，蚀此瑶台月»* [Веб-сайт …] / *«Жаба ест Луну на небе в месте под названием Яо Тай, и небо темнеет»* метафорически обыгрывается мысль о том, что император был обманут коварными чиновниками, в результате чего страну постигло несчастье.

В других стихотворениях Ли Бо также использует метафорический образ Луны, рефлексируя над историческими и политическими вопросами: *月化五白龙，翻飞凌九天* [Веб-сайт …] / *Луна превратилась в пять белых драконов, подлетела к девяти небесам.* Здесь образ Луны символизирует придворных, а летающий дракон — императора. Превращение Луны в дракона метафорически отражает захват трона придворными, что является аллегорией мятежа военачальника Ань Лушаня. Кроме того, *古月 / древняя Луна* является метафорой северных инородцев: *狂风吹古月，*

窃弄章华台 [Там же] / *Сильный ветер раздувал древнюю Луну, и мятежные генералы Кан Чуюань и Чжан Цзяянь мобилизовали войска для захвата Цзинчжоу*. Под инородцами подразумевались различные этнические группы северных приграничных районов и западных регионов в древнем Китае. Здесь поэт так называет мятежных генералов Кан Чуюаню и Чжан Цзяяню, которые подобно сильным ветрам разрушили покой страны.

Поэзия Ли Бо богата историческими и политическими отсылками, поскольку он был настоящим гражданином своей страны и переживал за ее судьбу. Обращение к образу Луны помогало поэту метафорически представить смутный период во время восстания Ань Лушаня, а также свои сомнения и переживания, вызванные историческими событиями.

3.2.2. Особенности символики в изображении Луны и Месяца у Сергея Есенина

Месяц как отражение синтеза народных традиций и христианских религиозных представлений. В русской культуре месяц связан с народной традицией, он «ближе к фольклору, это сказочный персонаж» [Южакова, 2021, с. 92], что можно увидеть и в поэзии Сергея Есенина. В то же время Месяц для поэта — христианский символ, берущий своё начало из библейских легенд. В творчестве поэта образ Месяца приобретает многогранный символический характер, отражает синтез народных традиций и христианских религиозных представлений.

В стихотворении «Нощь и поле, и крик петухов...» образ Месяца поэт связывает с процессом приготовления кутьи, традиционного обрядового блюда, в святом месте, где в крестьянской избе располагаются иконы: *Тихо, тихо в божничном углу, // Месяц месит кутью на полу…* [Есенин, 1995, с. 77], что подчеркивает тесную связь между религиозной и бытовой сторонами жизни крестьян. Образ Месяца в данном контексте символизирует единство духовного и материального как одного из ключевых элементов крестьянского мировоззрения. Примером такого единства служит сравнение в стихотворении «За темной прядью перелесиц…» Месяца с ягненком: *Ягнёночек кудрявый — месяц // Гуляет в голубой траве* [Там же, с. 66]. Образ ягненка — отсылка и к теме повседневного труда крестьян, традиционно державших крупный рогатый скот, и к символу невинной жертвы: в «Новом Завете» Иисуса Христа называли «Агнцем Божиим», который, принес себя в жертву людям. Традиционное для русского народа отношение к природным явлениям связано с умением видеть в природе божественный замысел, где каждый элемент — будь то Месяц или звезды — имеет свое значение и место в круговороте жизни. Такое восприятие природы глубоко укоренилось в крестьянской среде, что нашло отражение в поэзии Есенина.

CC BY

Одним из знаковых произведений поэта, где объединены мотивы народных традиций и религиозных верований, является стихотворение «То не тучи бродят за овином…», в котором поэт метафорически описывает появление Месяца: *Замесила Божья Матерь сыну // Колоб* [Там же, с. 113]. С одной стороны, Есенин описывает традиционный процесс приготовления хлеба (колоба), с другой стороны, упоминание колоба (колобка) — это не просто отсылка к персонажу русской народной сказки, но и к мифу о сотворении мира, получившему отражение в древнеславянских религиозных (языческих) представлениях. В этом стихотворении языческие верования соседствуют с христианскими: Божья Матерь выпекает Месяц для своего сына, но, устав во время игры, ребенок выпускает его из рук, и он катится по небу, как сказочный Колобок. Этот процесс символизирует движение Месяца по небосводу. При этом образ Божьей Матери трактуется и в традиционном ключе: она дарует свет не только своему ребенку, но и всему миру, воплощая идею добра и милосердия. Рождественская символика овина как яслей и Месяца как звезды, ведущей волхвов, включена в сюжет стихотворения.

Таким образом, в своих «лунных» стихотворениях Сергей Есенин часто художественно обрабатывает христианские сюжеты и образы, которые гармонично вплетены в стихию народной жизни.

Луна (Месяц) как символ прошлого, ностальгии и невозвратного времени. В своих поэтических произведениях Есенин часто вспоминает счастливую и беззаботную пору своей жизни, когда по деревенской традиции молодёжь выходила гулять вечером и возвращалась далеко за полночь: *Пусть дни тогда были короче, // Луна нам светила длинней* [Есенин, 2004, с. 222]. Мотив воспоминаний здесь тесно связан с мотивом сожаления о невозвратности юности, невозможности вернуться в прошлое: *За окном гармоника и сиянье месяца. // Только знаю — милая никогда не встретится* [Есенин, 1995, с. 217]. При этом воскрешать воспоминания помогает образ Луны: *Вечером синим, вечером лунным // Был я когда-то красивым и юным <…> Синее счастье! Лунные ночи!* [Там же, с. 284]. Лирический герой скучает по прежней жизни как по очень счастливому времени. Недаром эпитет *синий* является в поэзии С. Есенина синонимом тихой радости.

Луна (Месяц) в позднем творчестве С. Есенина выступает олицетворением прошедшей молодости, по которой поэт тоскует: *Не спится мне. Такая лунность! // Еще как будто берегу // в душе утраченную юность* [Есенин, 2004, с. 234]. «Лунность» напоминает лирическому герою об ушедшей юности с ее чистотой, беззаботностью, неподдельной радостью, любовью. Мы видим, что в поэзии С. Есенина понятие «молодость» сакрально, поэт идеализирует этот период своей жизни, он представляется

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ему потерянным раем. Образ Луны (Месяца) в художественном сознании поэта является непременной составляющей идеального мира прошлого. Кроме того, Луна (Месяц) вызывает мысли о потерянном времени, именно поэтому наблюдение за ней часто будит в поэте тоску и сожаление: *Ведь знаю я и знаешь ты, // Что в этот отсвет лунный, синий // На этих липах не цветы — // На этих липах снег да иней…* [Там же, с. 235]. Лирический герой осознает свою беспомощность перед быстротечностью времени.

Луна (Месяц) как символ скорой гибели поэта. Отличительной чертой образов Луны и Месяца у Сергея Есенина является их связь с жизненным путем поэта. В поэме «Черный человек» (1925), ставшей последним крупным произведением в жизни поэта, используется метафора *Месяц умер* [Есенин, 1998, с. 194], которая символизирует предчувствие приближающейся гибели. Недаром за год до этой поэмы в стихотворении «Метель» (1924) Есенин пишет: *Луну, наверное, // Собаки съели — // Ее давно // На небе не видать* [Есенин, 1997, с. 150]. *Луну собаки съели* — метафора лунного затмения, которая символически представляет разлад в душе поэта и намекает на его предчувствие скорой смерти.

Пророческой в творчестве Есенина является также другая строка, связанная с его восприятием Луны как самого важного небесного светила, влияющего на его жизнь и творчество: *И луны часы деревянные // Прохрипят мой двенадцатый час* [Есенин, 1995, с. 136], — написанная им еще за пять лет до трагической гибели, в 1920 году. Повторяемые рефреном слова о часах деревянных, которые прохрипят двенадцатый час, звучат как мрачное пророчество завершения жизни, творческого пути. Луна словно предупреждает лирического героя о том, что скоро придёт его конец так же, как скоро, возможно, придет конец близости человека и природы: *На тропу голубого поля // Скоро выйдет железный гость* [Там же].

Предчувствие скорой гибели в позднем творчестве поэта связано в художественном мире поэта с мотивами болезни, постепенного угасания. Недаром в стихотворении 1925 года «Неуютная жидкая лунность…» поэт упоминает «чахоточный свет луны» [Есенин, 2004, с. 220]. В позднем творчестве поэта «слово “лунность” рождает у него абсолютно иной образ, грустный и даже грубо приземлённый» [Маслоброд, 2022, с. 36].

Таким образом, С. Есенин в разные периоды творческой жизни наделяет образы Луны и Месяца разнообразными смысловыми гранями: они могут ассоциироваться не только с чем-то светлым, прекрасным, молодостью и любовью, но и с чем-то зловещим, загадочным, сулящим недоброе. Данные образы помогают поэту метафорически осмыслить важные этапы его жизни, например, описать периоды сомнений в себе и своем творческом будущем, предчувствие скорой гибели.

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Проанализировав символику образов Луны и Месяца в творчестве Ли Бо и Сергея Есенина, мы обнаружили, что они имеют ряд общих смыслов, отражающих схожее мировосприятие двух поэтов. Для обоих поэтов Луна (Месяц) олицетворяет тоску по малой родине, вызывает ностальгию и воспоминания о родных местах. Кроме того, Луна (Месяц) символизирует внутреннее одиночество и разочарованность в жизни обоих поэтов. В их стихах Луна (Месяц) часто предстает молчаливым свидетелем переживаний, страданий лирического героя, она разделяет его тоску и отчуждение от мира. В творчестве обоих поэтов есть стихи, в которых Луна ассоциируется с женской красотой. Поэты сравнивают Луну с прекрасными женщинами, подчеркивая их женственность, скромность и кокетливость. Наконец, небесное светило символизирует вечность и неизменность перед лицом изменчивого человеческого мира. Луна (Месяц) выступает постоянной спутницей поэтов на их жизненном пути, оставаясь неподвластной времени и переменам. Из этого следует, что сходство трактовки образов Луны и Месяца в поэзии Ли Бо и Сергея Есенина заключается в их общем стремлении к размышлениям о вечных истинах и непреходящих ценностях, отражая глубокое понимание поэтами человеческой природы и их места в большом и вечном мире.

Однако образы Луны и Месяца у поэтов имеют и различные символические значения, что обусловлено особенностями мировоззрения Ли Бо и Сергея Есенина и тем историко-культурным контекстом, в котором они жили и писали стихи.

У Ли Бо Луна является символом тоски по родным и друзьям, который отражает глубокую эмоциональную связь поэта с его близкими. Корни этого символа кроются в культурных традициях Китая. В традиционной китайской культуре полная Луна ассоциируется с воссоединением близких и семейным счастьем. Китайские праздники, такие как Праздник середины осени и Праздник фонарей, связаны с воссоединением семьи под лунным светом. Кроме того, у Ли Бо Луна ассоциируется с благородством характера, возвышенностью души и ее чистотой, что вписывается в рамки национальной традиции сравнения нравственного человека с ярким и чистым светом Луны. Поэт изображает Луну символом идеального мира, выражая тем самым страстное желание достичь своих честолюбивых целей служения государству и жить в соответствии со своими ценностями. Помимо этого, Луна является метафорическим образом, который используется для описания исторических и политических событий древнего Китая, например, лунное затмение в поэзии Ли Бо символизирует упадок и беспорядок внутри страны.

CC BY

У Сергея Есенина образ Месяца создан на основе синтеза народных традиций и христианских религиозных представлений, он объединяет мифологические и религиозные мотивы в уникальной поэтической космогонии. Образы Луны и Месяца в творчестве поэта являются символами прошлого, ностальгии человека, покинувшего малую родину, и невозвратности времени, они пробуждают у лирического героя тоску по счастливой и беззаботной молодости. Одновременно Луна (Месяц) выступает в художественном мире поэта предвестником гибели.

Таким образом, в поэзии Ли Бо и Сергея Есенина образы Луны и Месяца, с одной стороны, отражают национальные мифопоэтические традиции двух стран, метафорически описывают разнообразные явления жизни, помогают поэтам выразить широкий спектр человеческих эмоций, погрузить читателя в особенности русского и китайского историко-культурного контекста. С другой стороны, проведенный анализ показывает универсальность образов Луны и Месяца, которые на протяжении веков использовались в литературе для выражения идей и глубоких человеческих чувств.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Антология* китайской поэзии в 4 томах / пер. с кит. под общей редакцией Го Можо и Н. Т. Федоренко. — Москва : Худож. лит., 1957. — Т. 2. — 376 с.

2. *Веб-сайт* древней поэзии и прозы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gushiwen.cn (дата обращения 16.12.2024) (古诗文网: — 访问模式: https://www.gushiwen.cn)

3. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Стихотворения / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1995. — Т. 1. — 672 с.

4. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Стихотворения (Маленькие поэмы) / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1997. — Т. 2. — 464 с.

5. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Поэмы / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1998. — Т. 3. — 720 с.

6. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Изд. 2-е. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / С. А. Есенин. — Москва : ИМЛИ РАН, 2004. — Т. 4. — 544 с.

7. Во сне гуляя… — *Ли Бо.* Во сне гуляя по горе Тяньму, напел на память [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://poezia.ru/works/175470?ysclid=m4j27rd7tv181030912 (дата обращения 16.12.2024).

8. В Сюаньчэне… — Ли Бо. В Сюаньчэне на башне Се Тяо пьянствуем, прощаясь, с дядей Юнем, текстологом [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://poezia.ru/works/171740?ysclid=m4j1zowjjg717065940 (дата обращения 16.12.2024).

9. Любуясь луной… — Ли Бо. Любуясь луной, вспоминаю… [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://poezia.ru/works/174746?ysclid=m4j15uvfmz799788620 (дата обращения 16.12.2024).

10. *Ли Бо.* Избранная лирика / Ли Бо ; пер. с кит. А. Гитовича. — Москва : Гослитиздат, 1957. — 175 с.

11. *Ли Бо.* Китайский поэт Золотого века Ли Бо : 500 стихотворений / Ли Бо ; пер. с кит. С. А. Торопцева. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. — 326 с.

12. *Ли Бо.* Нефритовые скалы / Ли Бо ; [сост., подгот. текста, общ. ред. Р. В. Грищенкова]. — Санкт-Петербург : Кристалл, 2000. — 382 с. — ISBN 5-8191-0083-2.

13. *Ли Бо.* Чуский безумец Ли Бо / Ли Бо ; пер. с кит. С. Топорцева. — Москва : АСТ ; АСТ Москва ; Восток-Запад, 2008. — 287 с.

Литература

1. *Баранов А. В.* Функциональные и семантические особенности лексемы «месяц» в ранних стихотворениях и мини-поэмах Сергея Есенина / А. В. Баранов // Современное есениноведение. — 2018. — № 3 (46). — С. 45—51.

2. *Баринова Е. О.* «А месяц будет плыть и плыть, / Роняя весла по озерам...» : трансформация образа луны (месяца) в творчестве С. А. Есенина / Е. О. Баринова // Национальный стиль русской литературной классики : Материалы VI Межвузовской с международным участием научно-практической конференции. — Москва : Московский городской педагогический университет, 2021. — С. 133—143.

3. *Василевская А. С.* Трехцветная модель картины мира в цикле стихотворений С. Есенина «Персидские мотивы» / А. С. Василевская // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2019. — № 4 (35). — С. 74—82.

4. *Вахтель А. Д.* Образ воды и луны в произведениях Ли Бо / А. Д. Вахтель // Молодежь XXI века : образование, наука, инновации : Материалы XI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. — Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. — С. 158—159.

5. *Го Ли.* Концепция природы в творчестве Есенина и Ли Бо / Го Ли // Альманах современной науки и образования. — 2012. — № 3 (58). — С. 38—44.

6. *Иванова А. М.* Концепт «Луна» в творчестве Ли Бо / А. М. Иванова, А. В. Крайдер // Философия и наука в культурах Запада и Востока : Сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции с международным участием. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. — С. 127—132.

7. *Лю Хуайжун.* Обзор исследований образа луны в классической поэзии с 20-го века / Лю Хуайжун, Сун Цяоюнь // Вестник университета Ляочэн (Серия : Общественные науки). — 2005. — № 3. — С. 67—72. (刘怀荣, 宋巧芸. 20世纪以来古典诗词月亮意象研究综述 // 聊城大学学报(社会科学版). 2005年. 第3期. 第67—72页).

8. *Лю Чуаньсинь.* Луна над китайской поэзией : исследование архетипов китайской поэзии II / Лю Чуаньсинь // Записки Дунъюэ. — 1992. — № 2. — С. 105—110. (刘传新. 高悬于中国诗坛上空的月亮——中国诗歌的原型研究之二 // 东岳论丛. 1992年. 第2期. 第105—110页).

9. *Маслоброд С. Н.* Сергей Есенин — самый «лунный» поэт в русской литературе / С. Н. Маслоброд // Современное есениноведение. — 2022. — № 4 (63). — С. 34—37.

10. *Мэн Сюсян.* О архетипическом образе «луны» в китайской литературе / Мэн Сюсян // Журнал литературы, истории и философии. — 1991. — № 5. — С. 82—85. (孟修祥. 中国文学中有关“月亮”的原型意象 // 文史哲. 1991年. 第5期. 第82—85 页).

CC BY

11. *Нестеров С. Б.* Неуютная жидкая лунность / С. Б. Нестеров, Е. В. Беляева // Российский научный журнал. — 2016. — № 3 (52). — С. 129—139.

12. *Пименова М. В.* Особенности концептуализации неба и его объектов в произведениях С. А. Есенина / М. В. Пименова, А. А. Бакирова // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках : материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. — Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. — С. 167—176.

13. *Сунь Цюхуа.* Взаимосвязь концептуальной картины мира и национальной культуры в поэзии Сергея Есенина и Ли Бая / Сунь Цюхуа // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2018. — № 3. — С. 187—191.

14. *Сунь Цюхуа.* Лингвострановедческий аспект изучения поэзии С. А. Есенина и Ли Бая / Сунь Цюхуа // Иностранные языки в высшей школе. — 2018. — № 1 (44). — С. 71—78.

15. *Сюй Сюбин.* Литературный смысл и культурная интерпретация «Луны» / Сюй Сюбин // Вестник Вэйнаньского педагогического университета. — 2015. — Т. 30. — № 13— С. 51—56. (徐秀兵. “月”的文学意蕴与文化阐释 // 渭南师范学院学报. 2015年. 第30卷. 第13期. 第51—56页).

16. *Тянь Цяньшэн.* Образ луны в стихотворениях Ли Бо / Тянь Цяньшэн // Журнал литературы и истории. — 2002. — № 3. — С. 30—33. (田千生. 李白诗中的月亮意象 // 文史杂志. 2002年. 第3期. 第30—33页).

17. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание — образ мира — языковая картина мира / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. — 2015. — № 24. — С. 115—119.

18. *Фаткуллина Ф. Г.* Отражение этнического характера и культуры в концептосфере разноструктурных языков / Ф. Г. Фаткуллина // Русский язык в современном мире : традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. — Москва : Высшая школа перевода (факультет) Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2011. — С. 702—706.

19. *Чжао Паньпань.* Перевод смыслосодержания иероглифа月 «Луна» в поэзии Ли Бо / Чжао Паньпань // Вестник Башкирского университета. — 2019. — Т. 24. — № 3. — С. 718—724.

20. *Чжу Лин.* Анализ образов «Луны и Месяца» в поэзии Сергея Есенина / Чжу Лин // Любование известных произведений. — 1998. — № 1. — С. 60—63, 53. (朱凌. 叶赛宁诗中的“月亮”形象赏析 // 名作欣赏. 1998年. 第1期. 第60—63页, 53 页).

21. *Чжу Лин.* Цветовая аллегория образов Луны и Месяца в поэзии Сергея Есенина / Чжу Лин, Линь Цзиньлин // Преподавание иностранных языков (Вестник Сианьского института иностранных языков). — 1998. — № 3. — С. 61—64. (朱凌，林金玲. 叶赛宁诗歌中月亮形象的色彩寓意 // 外语教学(西安外国语学院学报). 1998年. 第3期. 第61—64页).

22. *Чжун Имин.* Анализ поэзии Ли Бо о луне / Чжун Имин // Вестник профессионально-технического института Цинъюань. — 2008. — Т. 1. — № 1. — С. 99—102. (钟一鸣. 论李白咏月诗 // 清远职业技术学院学报. 2008年. 第1卷. 第1期. 第99—102页).

23. *Чистые и* ровные мелодии. Традиционная китайская поэзия / пер. с кит. В. М. Алексеева. — Москва : РИПОЛ классик ; Пальмира, 2018. — 335 с. — ISBN 978-5-386-10855-7.

24. *Шицзин* : Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина ; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко ; Коммент. А. Штукина. — Москва : Худож. лит., 1987. — 351 с.

25. *Южакова Ю. А.* Символизм небесных тел в лирике С. А. Есенина / Ю. А. Южакова // Актуальные проблемы современной лингвистики : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Рязань : федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Рязанское высшее воздушно-десантное ордена Суворова дважды Краснознаменное командное училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова» Министерства обороны Российской Федерации, 2021. — С. 91—95. — ISBN 978-5-4331-0186-9.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024,
одобрена после рецензирования 07.03.2025,
подготовлена к публикации 16.03.2025.

Material resources

Admiring the moon... Li Bo. Admiring the moon, I remember... Available at: https://poezia.ru/works/174746?ysclid=m4j15uvfmz799788620 (accessed 16.12.2024). (In Russ.).

Guo Mo-jo, Fedorenko, N. T. (eds.). (1957). *Anthology of Chinese poetry in 4 volumes, 2.* Moscow: Art. lit. 376 p. (In Russ.).

In Xuancheng. Li Bo. In Xuancheng, on the Xie Tiao Tower, we are drinking, saying goodbye to Uncle Yun, a textual critic. Available at: https://poezia.ru/works/171740?ysclid=m4j1zowjjg717065940 (accessed 16.12.2024). (In Russ.).

Lee Bo. (2000). *Jade rocks.* Saint Petersburg: Kristall Publ. 382 p. ISBN 5-8191-0083-2. (In Russ.).

Lee Bo. (2011). *The Chinese poet of the Golden Age, Li Bo: 500 poems.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 326 p. (In Russ.).

Li Bo. (1957). *Selected lyrics.* Moscow: Goslitizdat. 175 p. (In Russ.).

Li Bo. (2008). *The Chusky Madman Li Bo.* Moscow: AST; AST Moscow; East-West. 287 p. (In Russ.).

The website of ancient poetry and prose [Electronic resource]. — Access mode : https://www.gushiwen.cn (accessed 12/16/2024). (In Chin.).

Walking in a dream... Li Bo. In a dream, walking along Mount Tianmu, I sang to memory. Available at: https://poezia.ru/works/175470?ysclid=m4j27rd7tv181030912 (accessed 12/16/2024). (In Russ.).

Yesenin, S. A. (1995). *Complete works: in 7 volumes. Poems, 1.* Moscow: Nauka; Golos. 672 p. (In Russ.).

Yesenin, S. A. (1997). *Complete works: in 7 volumes. Poems (Small poems), 2.* Moscow: Nauka; Golos. 464 p. (In Russ.).

Yesenin, S. A. (1998). *Complete works. In 7 volumes. Poems, 3.* Moscow: Nauka; Golos. 720 p. (In Russ.).

Yesenin, S. A. (2004). *The Complete Works: in 7 volumes, 2nd Ed. Poems not included in the Collection of Poems, 4.* Moscow: IMLI RAS. 544 p. (In Russ.).

References

Baranov, A. V. (2018). Functional and semantic features of the lexeme “month” in early poems and mini-poems by Sergei Yesenin. *Modern Yesenin studies, 3 (46):* 45—51. (In Russ.).

Barinova, E. O. (2021). “And the month will sail and sail, / Dropping oars on the lakes...”: transformation of the image of the moon (month) in the works of S. A. Yesenin. In: *National style of Russian literary classics: Materials VI Interuniversity scientific*

CC BY

and practical conference with international participation. Moscow: Moscow City Pedagogical University. 133—143. (In Russ.).

Clean and smooth melodies. Traditional Chinese poetry. (2018). Moscow: RIPOL Classic Group of Companies, Palmyra Publishing House. 335 p. ISBN 978-5-386-10855-7. (In Russ.).

Fatkullina, F. G. (2011). Reflection of ethnic character and culture in the conceptual sphere of different-structured languages. In: *Russian language in the modern world: traditions and innovations in teaching Russian as a foreign language and in translation.* Moscow: Higher School of Translation (Faculty) Lomonosov Moscow State University. 702—706. (In Russ.).

Go Li. (2012). The concept of nature in the works of Yesenin and Li Bo. *Almanac of Modern Science and Education, 3 (58):* 38—44. (In Russ.).

Ivanova, A. M., Krider, A. V. (2023). The concept of "Moon" in the works of Li Bo. In: *Philosophy and science in the cultures of the West and East: A collection of articles based on the materials of the VI All-Russian Scientific Conference with international participation.* Tomsk: National Research Tomsk State University. 127—132. (In Russ.).

Liu Huairong, Song Qiaoyun. (2005). An overview of the studies of the image of the moon in classical poetry since the 20th century. *Bulletin of Liaocheng University (Series: Social Sciences), 3:* 67—72. (In Chin.).

Liu Kuansing. (1992). Moon over Chinese poetry: a study of archetypes Chinese poetry II. *Note Dongyue, 2:* 105—110. (In Chin.).

Maslobrod, S. N. (2022). Sergey Yesenin — the most "lunar" poet in Russian literature. *Modern Yesenin Studies, 4 (63):* 34—37. (In Russ.).

Meng Xiuxiang. (1991). About the archetypal image of the "moon" in Chinese literature. *Journal of Literature, History and Philosophy, 5:* 82—85. (In Chin.).

Nesterov, S. B., Belyaeva, E. V. (2016). Uncomfortable liquid moon. *Russian Scientific Journal, 3 (52):* 129—139. (In Russ.).

Pimenova, M. V., Bakirov, A. A. (2019). *Features of conceptualization of the sky and its objects in the works of S. A. Yesenin. IV Firsov readings. Language in modern discursive practices: materials of reports and reports of the International Scientific and Practical Conference.* Moscow: People's Friendship University of Russia (RUDN University). 167—176. (In Russ.).

Shijing: The Book of Songs and Hymns. (1987). Moscow: Art. Lit. 351 p. (In Russ.).

Sun Qiuhua. (2018). The linguistic and cultural aspect of the study of poetry by S. A. Yesenin and Li Bai. *Foreign languages in higher education, 1 (44):* 71—78. (In Russ.).

Sun Qiuhua. (2018). The relationship between the conceptual picture of the World and national culture in the poetry of Sergei Yesenin and Li Bai. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 3:* 187—191. (In Russ.).

Tian Qiansheng. (2002). The image of the moon in the poems of Li Bo. *Journal of Literature and History, 3:* 30—33. (In Chin.).

Ufimtseva, N. V. (2015). Linguistic consciousness — the image of the world — the linguistic picture of the world. *Questions of psycholinguistics, 24:* 115—119. (In Russ.).

Vakhtel, A. D. (2023). The image of water and the moon in the works of Li Bo. In: *Youth of the XXI century: education, science, innovation: Proceedings of the XI All-Russian Student Scientific and Practical Conference with international participation.* Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. 158—159. (In Russ.).

Vasilevskaya, A. S. (2019). A three-color model of the worldview in the cycle of poems by S. Yesenin "Persian motifs". *Current issues of modern philology and journalism, 4 (35):* 74—82. (In Russ.).

Xu Xiubing. (2015). Literary meaning and cultural interpretation of "The Moon". *Bulletin of the Weinan Pedagogical University, 30 (13):* 51—56. (In Chin.).

Yuzhakova, Yu. A. (2021). The symbolism of celestial bodies in the lyrics of S. A. Yesenin. In: *Actual problems of modern linguistics: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference.* Ryazan: Federal State-owned Military Educational Institution of Higher Education "Ryazan Higher Airborne Order of Suvorov Twice Red Banner Command School named after Army General V. F. Margelov" of the Ministry of Defense of the Russian Federation. 91—95. ISBN 978-5-4331-0186-9. (In Russ.).

Zhao Panpan. (2019). Translation of the meaning of the hieroglyph "Moon" in the poetry of Li Bo. *Bulletin of the Bashkir University, 24 (3):* 718—724. (In Russ.).

Zhong Yiming. (2008). Analysis of Li Bo's poetry about the moon. *Bulletin of the Qingyuan Vocational Institute, 1 (1):* 99—102. (In Chin.).

Zhu Lin. (1998). Analysis of the images of the "Moon and the Month" in the poetry of Sergei Yesenin. *Admiring famous works, 1:* 60—63. (In Chin.).

Zhu Lin, Lin Jinling. (1998). The color allegory of the images of the Moon and the Month in the poetry of Sergei Yesenin. *Teaching foreign languages (Bulletin of the Xi'an Institute of Foreign Languages), 3:* 61—64. (In Chin.).

The article was submitted 18.12.2024;
approved after reviewing 07.03.2025;
accepted for publication 16.03.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кузьмина Р. П. Семантика пищевых запретов в лингвокультуре эвенов / Р. П. Кузьмина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 231—249. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-231-249.

Kuzmina, R. P. (2025). Semantics of Food Taboos in Linguistic Culture of Even People. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 231-249. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-231-249. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Семантика пищевых запретов в лингвокультуре эвенов

Кузьмина Раиса Петровна
orcid.org/000-0003-4964-3448
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
raisakuzmina2013@yandex.ru

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Semantics of Food Taboos in Linguistic Culture of Even People

Raisa P. Kuzmina
orcid.org/000-0003-4964-3448
PhD in Philology
senior research scientist
raisakuzmina2013@yandex.ru

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

© Кузьмина Р. П., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается семантика пищевых запретов в языке и культуре эвенов. Новизна исследования видится в том, что впервые исследуется семантика пищевых запретов в системе малых жанров эвенского фольклора, определяются место и роль пищевых запретов в обрядовой и духовной культуре этноса. Вводятся в научный оборот материалы по пищевым запретам, зафиксированные в ходе полевых исследований. Актуальность исследования обусловлена тем, что значимость запретов в обществе и традиционной культуре до сих пор остаётся недостаточно изученной. Запреты рассматриваются как важная часть фольклора, обычаев и традиций, как образцы народной культуры, выступающие основой народной педагогики и отражающие нравственные ценности и духовность народа. В статье приводятся определения безэквивалентных лексем, характерных для языка, используемого в жанре запретов-оберегов. Доказано, что большинство пищевых запретов-оберегов состоят из двух компонентов: в первой части содержится повеление о запрете, а во второй — объяснение причины этого запрета. Предлагается классификация пищевых запретов по 8-ми тематическим группам, в том или ином аспекте характеризующим особенности пищевого кода культуры эвенов. Подчеркивается, что согласно традиционной народной культуре в основе этого кода лежат основные принципы гармоничного сосуществования человека с окружающим пространством.

Ключевые слова:
пищевой код культуры; пищевые запреты у эвенов; лингвокультура; семантика; языковая картина мира; обряд; обычай; фольклористика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the semantics of food taboos within the language and culture of the Even people. The novelty of this research lies in its pioneering examination of food taboos within the system of minor genres of Even folklore, identifying their place and role in the ritual and spiritual culture of the ethnic group. The study introduces materials on food taboos collected during field research into academic discourse. The relevance of this research is underscored by the fact that the significance of taboos in society and traditional culture remains insufficiently explored. Taboos are viewed as an essential part of folklore, customs, and traditions, serving as exemplars of folk culture that underpin popular pedagogy and reflect the moral values and spirituality of the people. The article presents definitions of non-equivalent lexemes characteristic of the language used in the genre of protective prohibitions. It is demonstrated that most food taboos consist of two components: the first part contains a command prohibiting an action, while the second provides an explanation for this prohibition. A classification of food taboos is proposed, organized into eight thematic groups that characterize various aspects of the food code in Even culture. It is emphasized that, according to traditional folk culture, the foundation of this code lies in the fundamental principles of harmonious coexistence between humans and their surrounding environment.

Key words:
food code of culture; food taboos among the Even people; linguistic culture; semantics; linguistic worldview; ritual; custom; folklore studies.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 392.8(=1.47=512.211)
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-231-249

Научная специальность ВАК
5.9.4. Фольклористика
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Семантика пищевых запретов в лингвокультуре эвенов

© Кузьмина Р. П., 2025

1. Введение = Introduction

Запреты-обереги, будучи неотъемлемой частью обрядовой культуры эвенов, отражают мифологические воззрения и являются сводом правил, основой воспитания подрастающего поколения, регуляторами поведения человека в обществе, его отношения к окружающему миру. Жанр запретов-оберегов относится к одному из архетипических фольклорных жанров, дошедших до наших дней в неизменном виде. В современном мире, в ситуации искажения нравственных ориентиров, исчезновения миноритарных языков и культур, необходимость сбора и изучения запретов становится особенно актуальной. М. Е. Роббек отмечала: «Основная проблема цивилизации — утрата связи человека с природными ритмами. По поверьям эвенов, пища является основой жизни человека, поэтому в ней аккумулированы мудрость и вековой опыт народа» [Роббек, 2007, с. 79]. По мнению С. А. Арутюнова, «пища — это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике, и в то же время он легче и быстрее других поддается заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям» [Арутюнов, 2001, с. 10].

В последнее время растёт число научных трудов, посвящённых изучению пищевых табу в культуре питания народов России. Так, в статье А. В. Алдын-оолова рассмотрены ключевые аспекты запретов, присущих национальной тувинской кухне [Алдын-оолов, 2015]. Л. Г. Романовой представлено описание пищевых предписаний и ограничений, характерных для якутской культуры. В частности, автор уделяет особое внимание ограничениям, связанным с беременностью, свадебными церемониями и погребальными ритуалами, считающимися обрядами перехода. Также Л. Г. Романова анализирует ограничения, налагаемые на детей, обусловленные стремлением сохранить их здоровье и жизнь [Романова, 2019]. О. Б. Степановой проведено исследование, посвящённое осмыслению значения пищи в ключевых церемониях селькупской культуры. В своей работе она выделяет два вида пищи в селькупских ритуалах: приношения духам и пищу для людей

CC BY

[Степанова, 2024]. Широкий спектр пищевых ограничений, свойственных в традиционной культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, рассмотрен в статье М. М. Содномпиловой [Содномпилова, 2024].

По смысловому содержанию эвенские төңӈэкич ‘запреты-обереги’ близки к эвенкийским одё ‘запрет, оберег, табу’, коррелятом эвенкийской лексемы выступает эвенское слово *одявки* с семантикой ‘запрет, табу’, функционирующее в охотском диалекте и в ламунхинском говоре. По словам Г. И. Варламовой, эвенкийское одё — это «система запретов, регламентирующая поведение человека в обществе и его отношения с окружающей средой» [Варламова, 2004, с. 55].

Новизна исследования состоит в том, что впервые изучается семантика пищевых запретов-оберегов в эвенской лингвокультуре, предлагается их классификация по тематическим группам, дающая возможность более подробно исследовать важность этих запретов в пищевом коде культуры этноса. Ранее А. А. Бурыкиным была дана общая классификация всех запретов-оберегов по десяти тематическим группам: «1) Запреты, связанные с религиозными представлениями о духах-хозяевах; 2) Запреты, связанные с живой природой — животными и растениями; 3) Запреты, относящиеся к жилищу, орудиям труда, предметам домашнего обихода; 4) Запреты, связанные с человеком; 5) Запреты, связанные с общением людей; 6) Запреты, связанные с беременностью, рождением и воспитанием детей; 7) Запреты, связанные с представлениями о мире мертвых; 8) Суеверия различного рода с; 9) Запреты, связанные выражением чувств и эмоций; 10) Запреты, связанные с использованием различных языковых средств (словесные табу)» [Бурыкин, 2001, с. 93].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

До 1960-х годов запреты-обереги не выделялись как отдельный жанр эвенского фольклора. Первые записи запретов были опубликованы С. Н. Николаевым в 1964 году. В книгу вошли 50 охотничьих и общих запретов, записанные им у томпонских и оймяконских эвенов. Пять образцов запретов-оберегов, зафиксированные в 1974 году у эвенки из п. Анавгай Быстринского района Камчатской области, были опубликованы Ж. К. Лебедевой в 1985 году [Лебедева, 1985].

В последние десятилетия, начиная с 90-х, стало больше внимания уделяться сбору и документированию малых жанров эвенского фольклора, в том числе и запретов-оберегов. В работе «Душа эвена», опубликованной Е. Н. Боковой в 1998 году, представлены 105 оберегов, которые связаны с культом огня, почитанием духа земли, охотой, социальными нормами и оленем. Кроме того, книга «Эвенский фольклор», изданная Е. Н. Боко-

CC BY

вой на эвенском языке в 2002 году, содержит 88 оберегов. В монографию В. А. Роббека «Фольклор эвенов Березовки (образцы шедевров)» включены 60 запретов-оберегов с переводом на русский язык, записанные у березовских эвенов [Фольклор ..., 2005].

Монография А. А. Бурыкина «Малые жанры эвенского фольклора: загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы» — это единственное двуязычное издание, в котором систематизированы образцы 236 запретов-оберегов, собранные автором у восточных эвенов, а также опубликованные ранее [Бурыкин, 2001].

В статье методом сплошной выборки использованы 6 пищевых запретов-оберегов, записанных С. И. Николаевым [Николаев, 1964], пять пищевых-запретов, включенных в работу «Эвэн hаньинни» (Душа эвена) Е. Н. Боковой [Бокова, 1998], монография А. А. Бурыкина, куда введены восемь пищевых запретов-оберегов [Бурыкин, 2001].

Также были применены материалы из книги «Ойотунгцы из Аллаихи: (Историко-этнографические очерки)» Е. В. Едукина, опубликованной в 2001 году [Едукин, 2001]. Кроме того, в статье привлечены материалы, собранные автором в ходе полевых исследований у эвенов с. Себян-Кюель Ламунхинского наслега в Якутии.

Для анализа и интерпретации полученных данных применялись следующие методы: описательный метод, функционально-семантический подход и методы лингвокультурологического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В культуре эвенов запреты-обереги связаны с религиозными представлениями народа, демонстрируют анимистические и тотемистические воззрения, иллюстрируют отношение человека-эвена к природе, сакрализацию и персонификацию окружающего пространства.

В двуязычных словарях полисемичная лексема *төнуэкич* дается с дефиницией ‘предосудительно, грех, грешно; запрет, табу’ [ССТМЯ, т. 2; ЭРС]. В языках тунгусо-маньчжурской группы данная лексема зафиксирована только в эвенском языке, что дает основание полагать, что корень *төнуэ-* ‘грешить, быть грешным; верить в грехи; *перен.* быть беременной’ [ССТМЯ, т. 2; ЭРС], возможно, был заимствован из языков чукотско-корякской группы. О сходстве слов, обозначающих запрет в эвенском и чукотском языках, упоминал и А. А. Бурыкин. Он отмечал, что слова, означающие запрет, в этих языках имеют сходное звучание и значение [Бурыкин, 2001, с. 100]. В текстах пищевых запретов встречаются также лексемы, относящиеся к табуированным: *хинимкин* ‘грех, грешно; нельзя’, *нёнь* ‘нельзя, запрещено; грех, грешно’ [ЭРС].

CC BY

В лингвокультуре эвенов пищевые запреты-обереги можно разделить на несколько тематических групп в зависимости от их значения и особенностей функционирования.

3.1. Пищевые запреты-обереги, относящиеся к умилостивлению духов-хозяев (*төр мусанни* ‘дух земли’, *төр муранни* ‘дух земли’, *тог мусанни* ‘дух огня’

Данная группа пищевых запретов-оберегов обладает предостерегательной функцией, в их семантике усматривается строгая запретность. В мифологическом сознании эвенов такие тексты пищевых запретов относятся к сакрализованным запретам, в них обнаруживается мистическая вера в сверхъестественное, вера в наказание за совершенное: *Хисэчин дебэдникэн, дебэуи дяваттий төрлэ мултуми,* ***эди*** *депгэ —* ***нөне,*** *улэли. Тавар хи нөнич, кэнелич хогначавус* ***төнүэкич*** *хами дебэнус тен гөвэттэ* // Если вечером во время еды уронишь еду на землю, то **не** поднимай ее, оставь — **грех.** Говорят, что, зная о том, что ты живешь **грешно,** у тебя отобрали еду [Фольклор ..., 2005, с. 292]; *Деплэв тикчэв* ***экич*** *гявра гад -укал депчэ,* ***төнүэкич, төр мурандун*** *дебэвчэ* // Еду, упавшую в землю, второй раз не бери — **грешно,** она уже съедена **хозяином земли** [Бурыкин, 2001, с. 206—207].

Умилостивление *духа огня* в мифологическом сознании эвенов через механизм символизации должно было создать основу для счастья и благополучия рода. Кормление огня относится к обязательным ритуальным действиям, сопровождающим важные события в жизни человека, и воплощено в ряде пищевых запретов: ***Тогу*** *уличиннэй (деплэв улэннэ)* ***эди*** *омнаграр — тог ундин* // Не забывай о том, что надо покормить огонь (бросить туда еду) — огонь погаснет [Бокова, 1998, с. 38; Бурыкин, 2001, с. 203]; обычаев — *Аннамтав деплэв дебэдилми, дюллэ тогду улэнмэй* // Начиная есть какую-то еду, надо сначала бросить кусочек в огонь [Бокова, 1998, с. 50; Бурыкин, 2001, с. 225].

В традициях других народов также можно найти упоминания о почитании духа огня. Например, у чукчей есть обычай кормить огонь во время праздника, посвящённого молодому оленю [Дьячкова, 2001, с. 265].

У селькупов человек, вернувшийся в родные места, совершает обряд умилостивления огня, чтобы сообщить о своём возвращении. Огонь в этом случае становится связующим звеном между миром живых и миром духов [Степанова, 2024, с. 50].

3.2. Пищевые запреты-обереги, обусловленные почитанием тотемных предков и сакрализацией животных

В культуре эвенов выделены пищевые запреты, связанные с почитанием тотемных предков и сакрализацией животных. Например, у эвенов

CC BY

существовал целый комплекс ритуальных действий, проводимых во время разделки и приготовления медвежьей тушей. Переднюю часть туши привозили в стойбище и отмечали медвежий праздник Уркачак. Уркачак был внутренним праздником мужчин одного стойбища, одного рода. Во время праздника мясо ели, отрезая маленькие кусочки ножом. Откусывать мясо зубами было запрещено, чтобы не рассердить священного зверя. Приём пищи чередовался со спортивными состязаниями и общим весельем. После этого привозили и варили заднюю часть туши, которую уже могли есть и женщины. Самая старшая из них, получив первый кусок медвежьего мяса, бросала его в огонь очага. Это делалось в знак благодарности и искупления перед священным животным [Тураев и др., 1997, с. 121].

У быстринских эвенов готовка медвежьего мяса была прерогативой мужчин, женщины в это время уходили в самую дальнюю юрту и никогда не смотрели, как мужчины варят мясо. После того как мясо было приготовлено, самый уважаемый мужчина в семье усаживался и разливал отвар. Он вынимал куски медвежатины и нарезал их. Сначала он нарезал сердце мелкими кусочками и говорил, что это камень. Все присутствующие бросали эти кусочки в сторону своего носа, как будто это были камешки. Затем он нарезал глаза и делил их между всеми. Он кричал, как ворон: «Куг! Куг!» Его сородичи повторяли за ним. Нарезав медвежий язык и поделившись им со всеми, он придыхал: «Эхэ-эхэ-эхэ». Все присутствующие повторяли за ним. Женщины не участвовали в трапезе. На этот праздник допускались только очень старые женщины. Старым женщинам предлагали мясо с лап, прежде чем они начинали есть, они проводили обряд благодарения. С подростками, впервые участвовавшими в медвежьей охоте, проводился обряд посвящения в охотники, заключавшийся в том, что старейшина клал им в рот кусочки мяса и обмазывал их подбородки кусочком медвежьего лёгкого, говоря при этом, что теперь они стали настоящими добытчиками-мужчинами. Этот мужской праздник длился три дня, пока всё медвежье мясо не съедалось [Кастен и др., 2014, с. 175—179].

В культуре якутов существовала традиция, согласно которой мужчины могли есть мясо медведя только после проведения определённых обрядов. Женщинам же было запрещено употреблять медвежатину, поскольку согласно якутским преданиям медведь в древности был женщиной, поэтому считалось, что он мог принимать облик женщины [Саввин, 2005, с. 52]. Ранее у якутов существовал обычай, который предписывал, чтобы участники охоты выпивали тёплую кровь медведя, съедали кусок его сырой печени, сердца и жира после того, как он был убит. После этого они трижды выкрикивали «ух!», обращаясь к небу, и считали, что это защищало их от возможной мести со стороны медведя [Серошевский, 1993, с. 637].

CC BY

У орочей женщины могли присутствовать на пиршестве, но сидели отдельно, и, как пишет С. В. Березницкий, «они тоже получали свою порцию мяса, причем женщинам из рода охотника — хозяина медведя — разрешалось есть мясо только с внутренней стороны задних ног зверя… Половой член самца ели только старики. Этот обычай символизировал идею возрождения зверя. Кроме того, считалось, что так можно восстановить мужскую силу. Косточка члена не выбрасывалась. Собрав несколько таких косточек, орочи украшали ими берестяной сосуд и дарили его бесплодной женщине в качестве лечебного талисмана» [Березницкий, 1999, с. 83—84].

В культуре эвенов до сих пор существуют определённые запреты, соблюдаемые во время съедания медвежьего мяса. Когда эвены едят медвежатину, они не должны говорить, что едят именно медвежье мясо. Вместо этого они используют особое слово *куӈамдудай* (Лам), что означает ‘есть мясо медведя’ [ПМА, 2005], или — восточные эвены — слово *куӈакатлилдай* [ЭРС] с тем же значением. Кроме того, при поедании медвежьего мяса эвены обязательно подражают ворону, издавая характерные звуки, напоминающие карканье.

В большинстве групп эвенов гагара почитается как священная птица, и её употребление в пищу находится под строгим запретом. У томпонских эвенов существовал обычай, согласно которому женщинам и девушкам запрещалось есть гагару, поскольку считалось, что в случае нарушения этого запрета дети могут родиться заиками или немыми [Николаев, 1964, с. 197]. Истоки такого запрета восходят к мифам творения, где гагара выступает помощником демиурга при сотворении земли. Деревянная фигура гагары помещается на столбах шаманской могилы, так как она является духом-защитником шамана [Иохельсон, 2005, с. 316].

Подобное почитание гагары отмечено и в культуре ненцев. Легенда гласит, что в то время, когда птицы были людьми, у гагары были олени. Однажды человек-гагара перегнал стадо между двумя озерами, но человек-халей своим криком напугал оленей, которые повернули на ветер и растоптали человека-гагару. Теперь перед грозой гагара призывает оленей бежать за озера. Красивое оперение гагары напомнит парку, а кости крыльев и ног выглядят будто сросшимися после переломов [Харючи, 2012, с. 87].

В культуре якутов гагара, подобно кукушке, ворону и чайке, занимает важное место в шаманских ритуалах. Кулик и куропатка же считаются птицами, наделёнными магическими свойствами [Серошевский, 1993, с. 633].

У некоторых эвенских родов зафиксирован запрет на убиение гусей и поедание их мяса, восходящий, возможно, к древнему тотемистическому культу. По данным полевых исследований, один из родов, вошедших в состав ламунхинского рода эвенов, мог иметь связи с юкагирами гусиного

CC BY

рода (эрбэчкэнами), проживавшими на территории северо-западного Верхоянья. У юкагиров существует поверье, что Гусиный род назван так потому, что один из шаманов этого рода превратился в стерха и улетел вместе с птицами [Иохельсон, 2005, с. 176; Прокопьева, 2009, с. 57].

В повести «Охотник Тормита» А. В. Кривошапкин приводит предание, которое услышал главный герой Тормита от своей матери в детстве. Предание рассказывает о том, как однажды в давние времена над эвенским родом нависла большая беда. В лесах и тундре исчезли звери, а в озёрах и реках не стало рыбы. Наступил страшный голод, и начался мор. В этот трудный момент на обезлюдевшие стойбища прилетели гуси. Они унесли на своих крыльях в тёплые края нескольких детей эвенов. Весной, когда снег растаял, гуси вернулись с подросшими детьми обратно. После этого чуда прошло некоторое время, и в стойбищах снова стали появляться на свет эвенские дети. Именно от них пошёл весь эвенский люд. В конце рассказа мать Тормиты говорит: «Своей жизнью мы обязаны гусям» [Кривошапкин, 2018, с. 114—115].

В традиционной культуре эвенов мясо тотемных птиц, таких как лебедь и орел, считается священным и запретным. Орел является тотемом эвенского рода кара (карамŋо, каранут). У представителей этого рода есть легенда о том, как мальчик из их рода убил орла, и после этого его мать ослепла. Подобное почитание орла можно увидеть и в культуре якутов, где его называют тоён-кыл (господин-тварь) [Серошевский, 1993, с. 633].

3.3. Пищевые запреты-обереги, принятые в погребальной обрядности эвенов

В погребальной обрядности пищевые запреты соблюдаются и в настоящее время и играют ключевую роль. Когда готовят гроб, тело умершего одевают по сезону и кладут в доме головой к восходу. Рядом, справа, на специальном подносе оставляют его любимую еду. После похорон забивают верхового оленя покойного. Не допускается убивать необученных оленей, так как считается, что покойному будет трудно на нём отправиться в мир иной. Мясо убитого оленя обязательно делят между всеми родственниками умершего и соплеменниками, помогавшими в похоронах.

В связи с этим весьма интересным является аналогичный похоронный обряд, описанный И. А. Худяковым у ламутов Верхоянского округа: «После погребения поздно вечером родственники покойной разделали ритуальных оленей, мясо занесли в юрту, стали его варить и ели несколько дней. В другие юрты мясо не посылали, не было на поминальной трапезе и гостей. “Чужие это мясо не едят, — пояснили родственники, — иначе душа оленя не попадет к покойной. Мы верим, что она не умерла, а уехала жить в другое место, и, чтобы там не ходить пешком и иметь все нужное,

CC BY

мы послали ей оленей и отдали часть имущества”» [Худяков, 1969, с. 112; Тураев и др., 1997, с. 114—115].

Во время похоронного обряда аллаиховские и нижнеколымские эвены забивают оленя ножом в сердце и снаряжают его вьюками. Они отделяют рога с лобашами, привязывают их к кресту могилы и шкуру оленя снимают чулком, не повреждая жилки. Мясо, отделённое от костей, называют «hордэ». Его можно есть всем, кроме близких родственников умершего [Едукин, 2001, с. 99; Шарина и др., 2018, с. 168].

По свидетельству Я. Линденау, во время похорон охотские ламуты в качестве жертвенного животного закалывали собаку и угощали дух огня, клали ее в могилу, а остальное съедали сами и возвращались домой [Линденау, 1983, с. 68].

3.4. Пищевые запреты, принятые в свадебном обряде

Во время свадебного обряда соблюдались определённые пищевые запреты, являющиеся частью ритуала. Гижигинские эвены во второй день свадьбы, согласно описанию У. Г. Поповой, проводили особый ритуал. Перед тем как приступить к угощению, которое приготовила и предложила молодая, каждый из гостей, начиная со старшего по возрасту, бросал кусочек еды в костёр. Это делалось в знак пожелания счастья молодой семье. Чем ярче вспыхивал костёр, тем больше счастья он «ворожил» молодым. Если костёр в очаге горел плохо, то резали ещё одного, самого лучшего и жирного оленя из стада молодых. Его кровью и жиром «кормили» огонь в знак умилостивления духа огня-очага [Попова, 1981, с. 158].

3.5. Пищевые запреты, связанные с беременностью женщины

Пищевые запреты-обереги, которые соблюдаются во время беременности, направлены на то, чтобы уберечь женщину и будущего ребёнка от болезней. К примеру, считается, что мясо горного барана по своим свойствам является «тяжелым» и его не стоит есть больным людям и беременным: *Хутэлбэчэ асиду уямкам, эгдетэ, мунрукан улдэвэн* ***энмэй*** *бөр* // Беременной женщине **нельзя** давать мясо снежного барана [Бурыкин, 2001, с. 210; Бокова, 1998, с. 50]; *Бунно ахи хяуом* ***эхни*** *дебгэрэр — кууан дяхлалкан один* // Беременная женщина **не ест** мясо налима — ребенок станет слюнявым [ПМА, 2005].

Беременная женщина не должна есть кончик толстой кишки оленя, поскольку это может привести к удушью ребёнка во время родов [ПМА, 2005].

Посуда беременной женщины не должна пустовать, так как это может ускорить отхождение вод во время родов. После родов женщине обычно дают уху из карасей или чай с молоком, чтобы у неё было достаточно грудного молока. Нос новорождённого ребёнка мазали оленьим молоком,

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

чтобы он познакомился с её вкусом и запахом. Это также делалось для защиты — чтобы душа ребёнка не пугалась.

3.6. Пищевые запреты-обереги в питании детей

Многие запреты на употребление в пищу определённых частей тела животных и рыб распространяются в первую очередь на детей. В семантике запретов выражено предостережение, несоблюдение которого влечет наказание — смерть одного из родителей или родственников: *Детям запрещалось есть придаток печени животных — осиротеет* [Николаев, 1964, с. 197; Бурыкин, 2001, с. 250].

У эвенов, проживающих в Томпонском и Оймяконском районах, существует запрет на употребление в пищу хрящевой ткани лопаточной кости. Согласно легенде, которую приводит С. И. Николаев, в древние времена дядя по материнской линии начал обижать одного из своих племянников, кормя его объедками. Несчастный, грызя пустую лопаточную кость, проклял своего дядю, и тот умер. Поэтому, чтобы избежать подобной участи, не стоит употреблять в пищу лопаточную кость [Николаев, 1964, с. 197].

Многие пищевые табу, основываясь на установках симпатической магии, служат предостережениями от возможных заболеваний, например, детям запрещалось употреблять в пищу предреберье животных, поскольку считалось, что это могло привести к развитию воспаления лёгких. Кроме того, девочкам было запрещено есть затылочное мясо, поскольку это могло вызвать судороги в области шеи. Детям также запрещалось употреблять в пищу костный мозг, так как это могло привести к проблемам с зубами. Ещё не заговорившим детям не давали есть кровяную колбасу из кобыльего мяса, поскольку считалось, что это повлечет за собой остановку в речевом развитии. Детям не разрешалось употреблять в пищу говяжий бульон — это могло привести к потливости [Там же].

В отношении селезёнки как части тела животных у эвенов различных групп существуют семантически противоречивые запреты. Так, в записанном С. И. Николаевым у томпонских и оймяконских эвенов запрете детям запрещается есть селезёнку, поскольку это может привести к заболеванию этого органа в ответственный момент [Там же]. У эвенов, населяющих Ламунхинский наслег, этот запрет приобретает необычное для тех мест семантическое наполнение. Существует поверье, согласно которому девочке следует употреблять в пищу селезёнку, чтобы в будущем стать искусной мастерицей по выделке шкур [ПМА, 2005].

Символическим смыслом обладает существующий у эвенов запрет на поедание заячьего сердца детьми: съесть сердце зайца или куропатки — станешь трусливым. В современном обществе подобные ограничения зачастую облекаются в ироническую форму и не воспринимаются всерьёз.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Такие же семантически близкие пищевые табу встречаются в культуре якутов и монголов [Худяков, 1969, с. 202; Содномпилова, 2024, с. 74].

3.7. Пищевые запреты, касающиеся воспитания и этических принципов поведения в обществе

В эвенской лингвокультуре большинство пищевых запретов-оберегов связано с воспитанием и этическими нормами. Эту группу запретов можно разделить на три типа: 1) Запрет, который устанавливает правила поведения человека в быту, без пояснений: *Юноша, чтобы показать мужскую гордость, достоинство и отсутствие ребячества, в гостях не должен есть или же в гостях не должен оставлять на тарелке рыбью голову или костный мозг* [Бурыкин, 2001, с. 43]; 2) Запреты, основанные на представлении о греховности тех или иных поступков.: *Нельзя есть в головном уборе — грешно* [Николаев, 1964, с. 199]; *Пищу нельзя выливать через тыльную сторону ладони — грешно* [Там же]; 3) Пищевые запреты с пояснениями о возможном наказании за его нарушение: *Дэсчиникэн* ***энмэй*** *дептэ-мэний нууччинри* // **Нельзя** лежа есть — сам себя проклянешь (навлечешь на себя проклятие) [Бокова, 1998, с. 46]; *Омолго куна итикив* ***эхни*** *чувгарар — ат буюсэмнэлэ овран* //´Мальчик **не должен** лизать мутовку — станет неудачливым охотником [ПМА, 2005].

В культуре эвенов существуют обычаи, в которых имеются запреты-установки, касающиеся поведения во время еды, обладающие воспитательной функцией, где функцию запрета выполняет индикатив *энмэй* ‘отсутствие чего-либо’, например: *Хоя бэйнюн дебэтникэн мэн дюлдэдукий ганмай, дьуллэ-нюн* ***энмэй*** *наутир* // Когда вместе сидят и едят много людей, надо брать еду прямо перед собой, нельзя хватать раньше еду раньше всех [Бокова, 1998, с. 50].

Эвены делились с соседями самыми лучшими кусками мяса и рыбы, соблюдая обычай *нимат* ‘доля, пай (дарственный от охоты, часть добычи при разделе); обычай отдавать добычу в дар старшему для распределения ее поровну между соседями’ [ЭРС], функционирующий и в настоящее время в местах компактного проживания эвенов. При этом посуду обязательно накрывали веткой тальника. Если человек получал угощение, то он должен был обязательно положить на посуду что-то в ответ [Шарина и др., 2018, с. 168].

3.8. Пищевые запреты, касающиеся поедания частей тела животных и птиц

В традиционной культуре эвенов выявлено множество пищевых запретов, которые призваны защитить людей. Они определяют, какие части животных и птиц можно есть, а какие нельзя, а также объясняют причины этих запретов. Эта группа пищевых запретов обладает обережной и предо-

CC BY

стерегательной функциями. Запреты состоят из двух частей: первая часть содержит императивные конструкции — отрицательные формы повелительного наклонения *эди* ‘нельзя’, *эстэн* ‘нельзя’, форма желательного действия *энмэй* ‘отсутствие чего-либо’, производные от отрицательного глагола *эдэй* с дефиницией ‘не делать чего-либо, не совершать какого-либо действия’; вторая часть — объяснение последствий нарушений запрета.

В этой группе выделено больше всего пищевых запретов с компонентом *олень* с различной коннотацией. Пищевые запреты с компонентом *олень* обладают предостерегательной функцией и нравственной установкой, их нарушение может привести к негативным последствиям. Например, в разговорном дискурсе ламунхинских эвенов существует запрет на употребление в пищу хвостовой части мяса оленя. Согласно этому запрету, человек, который съест эту часть туши, может стать морально неустойчивым и безответственным: *Орон ховдиван* ***эстэн*** *дебгэрэр — колдику одинни* // Хвостовую часть оленя **нельзя** есть — станешь легкомысленным [ПМА, 2005]. Образная лексема *колдику*, не зафиксированная ранее в словарях, в ламунхинском говоре эвенского языка используется с прямой дефиницией ‘легкомысленный, безответственный’, производна от эвенкийской зоолексемы *колдоке* со значением ‘бабочка’ [ССТМЯ, т. 1]. В лингвокультуре ламунхинских эвенов слово *колдику* обладает негативной коннотацией и характеризует человека ведущего не совсем праведный образ жизни.

У ламунхинских эвенов существует табу на употребление в пищу кончика языка оленя, распространяющееся на детей и представителей молодого поколения. По поверью, это может сделать человека сварливым, что не приветствуется в эвенском социуме: *Орон енүэн хурэвэн* ***эстэн*** *дебгэрэр — бябаку одинни* // **Нельзя** есть кончик языка оленя — сварливым станешь [ПМА, 2005].

Семантически схожими выступают пищевые табу, отмеченные у монголов и якутов: у них запрещалось давать детям кончик языка из опасений, что он мог стать болтливым или бранчливым [Худяков, 1969, с. 202; Содномпилова, 2024, с. 74].

У эвенов Гижиги был отмечен запрет-установка, по которому поедание оленьего языка у рода дялланкар считается табуированным: *Дялланкар* ***эстэн*** *оран енүэвэн деббөттэ –төнүэвэттэ* // Эвены рода дялланкан **не едят** олений язык — соблюдают запрет, избегают (Гижига (Охотское побережье), В. Е. Кундырь) [Бурыкин, 2001, с. 207].

Оленные чукчи наделяли сакральным смыслом кончики языка, сердца и третий отдел желудка оленя, полагая, что эти части предназначены для духов и не должны быть употреблены в пищу [Дьячкова, 2001, с. 265—266].

CC BY

Пищевые запреты, имеющие предостерегательный характер, репрезентируют бережное отношение человека к оленю: *Оран уггон* ***эди*** *дебгэрэр -учики дагарамкандинри* // **Не ешь** олений лен (волокна в мясе на спине) — твой верховой олень набьет себе спину [Бурыкин, 2001, с. 207; Бокова, 1998, с. 46].

4. Заключение = Conclusions

В культуре эвенов многие предписания, нормы поведения, заложенные в запретах-оберегах, не забыты и выполняются и в настоящее время. Составляя основу народной педагогики, они отражают нравственные ориентиры и служат уникальным мерилом духовности. В эвенской лингвокультуре образцы этого жанра по семантическому содержанию и по функциям довольно близки к итка (обычай, традиция; закон, уставу) эвенов. Большая часть пищевых запретов имеют своей основой умилостивление духов-хозяев, почитание тотемных животных, отражая архетипические представления эвенов о мире и являясь важной частью их религиозных взглядов. В этнической лингвокультуре многие табу, связанные с медведем, остаются практически неизменными. Пищевые запреты, принятые в свадебном обряде, можно рассматривать как нормы, регулирующие нравственные принципы и способствующие счастливой жизни молодожёнов. В предписаниях для роженицы присутствует мотив обережной функции (для сохранения здоровья беременной женщины и плода). Сохранились у эвенов по настоящее время также пищевые установки и предписания в похоронной обрядности. Они служат для того, чтобы умилостивить душу усопшего и создают ритуальный этикет. Пищевые запреты, касающиеся детей, имеют гендерную специфику, определяют правила поведения для мальчиков и девочек и служат своего рода оберегами.

В эвенской лингвокультуре пищевые запреты можно условно разделить по различным основаниям: по виду обрядности (в свадебном обряде, в погребальной обрядности), по этапам жизненного цикла человека (при кормлении детей, в период беременности), по сакральному объекту магического воздействия (умилостивление духов-хозяев, почитание тотемных предков и сакрализация животных); по функции (социальная: запреты, связанные с воспитанием и общественными нормами этики; врачебная, магическая: употребление определённых частей тела животных и птиц в пищу).

В эвенской лингвокультуре имеется особая система лексических и грамматических средств, выражающих запрет, разнящихся по смысловому содержанию и характеру применения. Используются отрицательные императивные конструкции: *эди* ‘нельзя’, *эстэн* ‘нельзя’, *экич* ‘нельзя, невозможно’; формы желательного действия *энмэй*: ‘отсутствие чего-либо’,

CC BY

эхни ‘не делать чего-либо’, производных от отрицательного глагола *эдэй*, означающего ‘не делать чего-либо, не совершать какого-либо действия’.

Эвенские формулы запрета включают в себя сакрализованную лексику, жанрово специфичную: *төнүэкич* ‘грех, грешно; запрет, табу’, *хинимкин* ‘грех; грешно, нельзя’, *нёнь* ‘нельзя, запрещено; грех, грешно’, *нуҥуттай* ‘предвещать, накликать беду, несчастье’, *куҥамдудай* (Лам), *куҥакатлилдай* [ЭРС] ‘есть мясо медведя’.

Сопоставление разнообразных аспектов пищевых табу в культуре локальных групп эвенов и в культурах других народов позволило выявить степень их сходства, области соприкосновения или, наоборот, этнокультурное своеобразие. Выбор грамматических средств, выражающих запрет, является универсальным для многих культур. Общим для всех запретов в этнических лингвокультурах выступает императив «нельзя». Аналогии прослеживаются в типологии и классификации пищевых запретов, а также в семантической структуре формулы запрета.

В полиэтничной среде, в которой проживают эвены, происходит взаимовлияние культур и традиций, что отражается в некоторых пищевых запретах. Например, можно выделить некоторые общие черты в пищевых табу, связанных с тотемным предком — медведем, у якутов и локальных групп эвенов, проживающих на территории Якутии. Многие эвенские запреты, адресованные детям и касающиеся определённых частей тела животных, имеют аналогии в лингвокультуре тюрко-монгольских народов. Оленина является одним из главных продуктов в рационе кочевых эвенов, и с ней связано множество запретов и ограничений в питании. Это отношение к различным частям оленьей туши также нашло отражение в культуре других народов, занимающихся оленеводством. Обнаружены схожие аспекты в регламентах, определяющих этикет и поведение во время трапезы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Принятые сокращения

Лам — ламунхинское: записанное в местности Эндыбал Ламунхинского наслега Республики Саха (Якутия).

Источники и принятые сокращения

1. *Бокова Е. Н.* Душа эвена. Короткие рассказы, пословицы, загадки, запреты и т. д. / Е. Н. Бокова. — Якутск : Бичик, 1998. — 96 с.

2. *Кривошапкин А. В.* Тормита буюсэмҥэ / А. В. Кривошапкин. — Якутск : Бичик, 2018. — 208 с. — ISBN 978-5-7696-5367-4.

3. *Лебедева Ж. К.* Эвенские приметы и запреты-обереги / Ж. К. Лебедева // Легенды и мифы Севера. — Москва : Современник, 1985. — С. 199—200.

CC BY

4. ПМА — *Полевой* материал автора Кузьминой Р. П. Интервью в местности Эндыбал Ламунхинского наслега Республики Саха (Якутия) : записано в сентябре 2005 г.

5. ССТМЯ — *Сравнительный* словарь тунгусо-маньчжурских языков : в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. — Ленинград : Наука, 1975, 1977. — Т. 1. — 672 с.

6. *Фольклор* эвенов Березовки : образцы шедевров / составитель В. А. Роббек. — Якутск : Изд-во ИПМНС СО РАН, 2005. — 362 с. — ISBN 5-902196-02-01.

7. ЭРС — *Эвенско-русский* словарь / В. А. Роббек, М. Е. Роббек. — Новосибирск : Наука, 2005. — 353 с. — ISBN 5-02-032334-9.

Литература

1. *Алдын-оолов А. В.* Пищевые запреты в тувинской традиционной культуре / А. В. Алдын-оолов // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов XI Международной молодежной научной конференции (Томск, 08–10 апреля 2015 г.). — Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2015. — Выпуск 11. — Т. 2. — С. 78—85.

2. *Арутюнов С. А.* Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России / С. А. Арутюнов // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. — Москва : Наука, 2001. — С. 10-17. — ISBN 5-02-008756-4

3. *Березницкий С. В.* Мифология и верования орочей / С. В. Березницкий. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1999. — 208 с. — ISBN 5-85803-090-4.

4. *Бурыкин А. А.* Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты) / А. А. Бурыкин. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2001. — 288 с. — ISBN 5-85803-180-3.

5. *Варламова Г. И.* Мировоззрение эвенков : Отражение в фольклоре / Г. И. Варламова. — Новосибирск : Наука, 2004. — 185 с. — ISBN 5-02-029723-2.

6. *Дьячкова Г. С.* Традиции и инновации в питании чукчей-оленеводов в XX веке / Г. С. Дьячкова // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. — Москва : Наука, 2001. — С. 262—270. — ISBN 5-02-008756-4.

7. *Едукин Е. В.* Ойотунгцы из Аллаихи : (Истор -этноф. очерки) / Е. В. Едукин. — Якутск : Северовед, 2001. — 108 с.

8. *Иохельсон В. И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В. И. Иохельсон. — Новосибирск : Наука, 2005. — 675 с. — ISBN 5-02-032335-7.

9. *Кастен Э.* Духовная культура эвенов Быстринского района / Э. Кастен, Р. Н. Авак. — Серия : Языки и культура народов Дальнего Востока России. — [б. и.] : SEC Publications, 2014. — 197 с. — ISBN 978-3-942883-20-7.

10. *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.) : историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я. И. Линденау ; пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой ; под общ. ред. И. С. Вдовина. — Магадан : Кн. изд-во, 1983. — 176 с.

11. *Николаев С. И.* Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии / С. И. Николаев. — Якутск : Якуткнигоиздат, 1964. — 200 с.

12. *Попова У. Г.* Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917—1977 гг. / У. Г. Попова. — Москва : Наука, 1981. — 301 с.

13. *Прокопьева П. Е.* Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре / П. Е. Прокопьева. — Новосибирск : Наука, 2009. — 143 с. — ISBN 978-5-02-032136-6

14. *Роббек М. Е.* Традиционная пища эвенов / М. Е. Роббек. — Новосибирск : Наука, 2007. — 164 с. — ISBN 978-5-02-032399-5.

15. *Романова Л. Г.* Есть или не есть : пищевые запреты в якутской культуре / Л. Г. Романова // Этнографическое обозрение. — 2019. — № 6. — С. 172—183. — DOI: 10.31857/S086954150006199-8.

16. *Саввин А. А.* Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии) / А. А. Саввин. — Якутск : ИГИ АН РС (Я), 2005. —274 с. — ISBN 5-471-00224-5.

17. *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — Москва : Ассоц. «Рос. полит. энцикл.», 1993. — 736 с. — ISBN 5-86004-001-6.

18. *Содномпилова М. М.* Пищевые запреты и ограничения в традиционном обществе тюрко-монголов Внутренней Азии / М. М. Содномпилова // Народы и религии Евразии. — 2024. — Т. 29. — № 1. — С. 67—79. — DOI: 10.14258/nreur(2024)1–05.

19. *Степанова О. Б.* Традиционная обрядовая пища северных селькупов / О. Б. Степанова // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на дальнем востоке. — 2024. — № 1. — С. 48—56. — DOI: 10.24866/1997-2857/2024-1/48-56.

20. *Тураев В. А.* История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки / В. А. Тураев, Б. А. Спеваковский, Н. В. Кочешков. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — 180 с. — ISBN 5-02-028337-1.

21. *Харючи Г. П.* Природа в традиционном мировоззрении ненцев / Г. П. Харючи. — Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2012. — 160 с. — ISBN 978-5-89566-115-4.

22. *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа / И. А. Худяков. — Ленинград : Наука, 1969. — 437, [2] с.

23. *Шарина С. И.* Нижнеколымский говор эвенского языка / С. И. Шарина, Р. П. Кузьмина. — Новосибирск : Наука, 2018. — 184 с. — ISBN 978-5-7692-1603-9.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024,
одобрена после рецензирования 26.12.2024,
подготовлена к публикации 22.02.2025.

Material resources

Bokova, E. N. (1998). *The soul of even. Short stories, proverbs, riddles, prohibitions, etc.* Yakutsk: Bichik. 96 p. (In Russ.).

ERS, 2005 — Robbek, V. A., Robbek, M. E. (2005). *Evensko-Russian dictionary.* Novosibirsk: Nauka Publ. 353 p. ISBN 5-02-032334-9. (In Russ.).

Robbek, V. A. (ed.). *Folklore of the Evens of Berezovka: examples of masterpieces*. Yakutsk: Publishing house of the Institute of Pedagogical Sciences of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005. 362 p. ISBN 5-902196-02-01.

Krivoshapkin, A. V. (2018). *Tormita buyuseme.* Yakutsk: Bichik. 208 p. ISBN 978-5-7696-5367-4. (In Even.).

Lebedeva, Zh. K. (1985). Even signs and prohibitions-amulets. In: *Legends and myths of the North.* Moscow: Sovremennik. 199—200. (In Russ.).

PMA — *Field material by Kuzmina, R. P. Interview in the Endybal area of the Lamunkhinsky district of the Republic of Sakha (Yakutia): recorded in September 2005.* (In Russ.).

SSTMYa, 1975, 1977 — Riches, V. I. (ed.). *Comparative Dictionary of the Tungus-Manchurian languages: in 2 volumes, 1.* Leningrad: Nauka. 672 p. (In Russ.).

CC BY

References

Aldyn-oolov, A. V. (2015). Food bans in Tuvan traditional culture. In: *Issues of history, international relations and documentation*. Tomsk: Tomsk State University Publishing House. *11 (2):* 78—85. (In Russ.).

Arutyunov, S. A. (2001). Basic food models and their local variants among the peoples of Russia. In: *Traditional food as an expression of ethnic identity.* Moscow: Nauka Publ. 10—17. ISBN 5-02-008756-4. (In Russ.).

Bereznitskiy, S. V. (1999). *Mythology and beliefs of the Orochi.* Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 208 p. ISBN 5-85803-090-4. (In Russ.).

Burykin, A. A. (2001). *Small genres of Even folklore. Riddles, proverbs and sayings, prohibitions, amulets, customs and regulations, omens (research and texts).* St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 288 p. ISBN 5-85803-180-3. (In Russ.).

Dyyachkova, G. S. (2001). Traditions and innovations in the nutrition of Chukchi reindeer herders in the 20th century. In: *Traditional food as an expression of ethnic identity.* Moscow: Nauka Publ. 262—270. ISBN 5-02-008756-4. (In Russ.).

Edukin, E. V. (2001). *The Oyotung people from Allaihi: (History) essays).* Yakutsk: Severologist Publ. 108 p. (In Yakut.).

Haryuchi, G. P. (2012). *Nature in the traditional worldview of the Nenets.* Saint Petersburg: Historical Illustration. 160 p. ISBN 978-5-89566-115-4. (In Russ.).

Iokhelson, V. I. (2005). *Yukagirs and yukagirized tunguses.* Novosibirsk: Nauka Publ. 675 p. ISBN 5-02-032335-7. (In Russ.).

Kasten, E., Avak, R. N. (2014). Spiritual culture of the Evens of the Bystrinsky district. In: *Series: Languages and Culture of the peoples of the Russian Far East.* [B. I.]: SEC Publications. 197 p. ISBN 978-3-942883-20-7. (In Russ.).

Khudyakov, I. A. (1969). *A brief description of the Verkhoyansk district.* Leningrad: Nauka Publ. 437, [2] p. (In Russ.).

Lindenau, Ya. I. (1983). *Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast.* Magadan: Publishing House. 176 p. (In Russ.).

Nikolaev, S. I. (1964). *Evens and Evenks of Southeastern Yakutia.* Yakutsk: Yakutknig publishing house. 200 p. (In Russ.).

Popova, U. G. (1981). *Evens of the Magadan region. Essays on the history, economy and culture of the Evens of the Okhotsk coast in 1917—1977.* Moscow: Nauka Publ. 301 p. (In Russ.).

Prokopyeva, P. E. (2009). *Reflection of mythological thinking in Yukaghir folklore.* Novosibirsk: Nauka Publ. 143 p. ISBN 978-5-02-032136-6. (In Russ.).

Robbek, M. E. (2007). *The traditional food of the Evens.* Novosibirsk: Nauka Publ. 164 p. ISBN 978-5-02-032399-5. (In Russ.).

Romanova, L. G. (2019). To eat or not to eat: food bans in Yakut culture. *Ethnographic review, 6:* 172—183. DOI: 10.31857/S086954150006199-8. (In Russ.).

Savvin, A. A. (2005). *Food of the Yakuts before the development of agriculture (the experience of a historical and ethnographic monograph).* Yakutsk: IGI AN RS (Ya). 274 p. ISBN 5-471-00224-5. (In Russ.).

Seroshevsky, V. L. (1993). *Yakuts. The experience of ethnographic research.* Moscow: Assoc. “Russian politics. the encyclopedia.”. 736 p. ISBN 5-86004-001-6. (In Russ.).

Sharina, S. I., Kuzmina, R. P. (2018). *Nizhnekolymsky dialect of the Even language.* Novosibirsk: Nauka Publ. 184 p. ISBN 978-5-7692-1603-9. (In Russ.).

CC BY

Sodnompilova, M. M. (2024). Food bans and restrictions in the traditional society of the Turko-Mongols of Inner Asia. *Peoples and religions of Eurasia, 29 (1):* 67—79. DOI: 10.14258/nreur(2024)1–05. (In Russ.).

Stepanova, O. B. (2024). The traditional ritual food of the northern Selkups. *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East, 1:* 48—56. DOI: 10.24866/1997-2857/2024-1/48-56. (In Russ.).

Turaev, V. A., Spevakovsky, B. A., Kocheshkov, N. V. (1997). *History and culture of the Evens. Historical and ethnographic essays.* Saint Petersburg: Nauka Publ. 180 p. ISBN 5-02-028337-1. (In Russ.).

Varlamova, G. I. (2004). *The worldview of the Evenks: Reflection in folklore.* Novosibirsk: Nauka Publ. 185 p. ISBN 5-02-029723-2. (In Russ.).

The article was submitted 17.09.2024;
approved after reviewing 26.12.2024;
accepted for publication 22.02.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Ламзина А. В. Латинский код в «раме текста» сборника «Cor Ardens» / А. В. Ламзина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 250—272. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-250-272.

Lamzina, A. V. (2025). Latin Code in “Frame of Text” of Collection “Cor Ardens”. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 250-272. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-250-272. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Латинский код в «раме текста» сборника «Cor Ardens»

Ламзина Анна Владиславовна
orcid.org/0000-0001-6464-9675
Scopus Author ID: 58683496200
кандидат филологических наук,
департамент иностранных языков
alamzina@mail.ru

Московский
физико-технический институт
(национальный исследовательский
университет)
(Долгопрудный, Россия)

Latin Code in “Frame of Text” of Collection “Cor Ardens”

Anna V. Lamzina
orcid.org/0000-0001-6464-9675
Scopus Author ID: 58683496200
PhD in Philology,
Department of Foreign Languages
alamzina@mail.ru

Moscow Institute
of Physics and Technology
(National Research University)
(Dolgoprudny, Russia)

© Ламзина А. В., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена латинскому «рамочному тексту» одного из ключевых стихотворных сборников Вяч. Иванова «Cor Ardens». Рассматриваются вопросы семантики и символики латинских элементов в заголовочном комплексе, объединяющем названия разных уровней иерархической структуры издания: сборника как макро-цикла, разделов-книг, входящих в него, циклов, отдельных стихотворений. В качестве материалов привлекаются элементы рамы текста: заглавия, подзаголовки, эпиграфы и посвящения. Поднимается вопрос о важности латинского кода в раме текста, в связи с тем, что удельный вес цитат и высказываний на латинском языке в рамочных элементах многократно превышает иные культурные, лингвистические и исторические отсылки. Доказано, что латинский код прочитывается через античную и христианскую оптику и выстраивает метасюжет сборника: от тяжелого переживания утраты близкого человека до мистического опыта общения с духом умершей и принятия неизбежного. Новизна исследования видится в том, что вопрос рамы текста в сборнике «Cor Ardens» не отрефлексирован в отечественной науке и не связывается с культурной и научной деятельностью Вячеслава Иванова. Предлагается классификация функций «латинского кода»: смыслообразующая, символическая, интертекстуальная, аксиологическая и пр.

Ключевые слова:
рама текста; латинский код; Вячеслав Иванов; эпиграфы; посвящения; заглавия; заголовочный комплекс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the Latin “frame of text” within one of the key poetic collections by Vyacheslav Ivanov, titled “Cor Ardens.” It examines the semantics and symbolism of the Latin elements present in the title complex, which encompasses titles at various hierarchical levels of the publication: the collection as a macro-cycle, the sections or books it contains, cycles, and individual poems. The analysis draws on elements of the text’s frame, including titles, subtitles, epigraphs, and dedications. The significance of the Latin code within this frame is highlighted, particularly given that the proportion of quotations and statements in Latin within these framing elements far exceeds other cultural, linguistic, and historical references. It is demonstrated that the Latin code is interpreted through both ancient and Christian lenses, constructing a meta-narrative for the collection that traverses from the profound experience of loss to a mystical communion with the spirit of the deceased and the acceptance of inevitability. The novelty of this research lies in addressing the text’s frame in “Cor Ardens,” a topic that has not been reflected upon in domestic scholarship and is not linked to Vyacheslav Ivanov’s cultural and scientific activities. A classification of the functions of the “Latin code” is proposed, including meaning-making, symbolic, intertextual, axiological, among others.

Key words:
frame of text; Latin code; Vyacheslav Ivanov; epigraphs; dedications; titles; title complex.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Иванов.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-250-272

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Латинский код в «раме текста» сборника «Cor Ardens»

© Ламзина А. В., 2025

1. Введение = Introduction

Вячеслав Иванов — ученый и поэт, идеи которого во многом определили вектор развития литературы Серебряного Века. Салон Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал «Башня», проводивший собрания по средам, стал точкой притяжения самых известных людей эпохи. Идеи, которыми обменивались на «башне», нашли отражение в том числе в так называемом «башенном тексте», в число которого входит книга Вячеслава Иванова «Cor Ardens» [Башня ..., 2006, с. 3], посвященная им памяти супруги. Это обусловливает важность анализа «Cor Ardens» в контексте смыслов и направлений Серебряного века.

«Cor Ardens» отличается большим разнообразием видов и форм рамы текста [Ламзина, 2024, с. 241], включающей в себя «заглавия, подзаголовки, эпиграфы и посвящения, авторские предисловия, послесловия, авторские примечания и даты» [Кихней и др., 2021, с. 113], которые «формируют метасюжет книги, задают ее основные семантические линии и обусловливают порядок расположения текстов внутри книги» [Там же]. Рама текста в «Cor Ardens» представлена заглавиями книги, ее разделов, циклов внутри разделов, многочисленными эпиграфами — к книге в целом, к ее разделам, к циклам и к отдельным стихотворениям, а также посвящениями, которые предпосланы всему тексту, разделам и отдельным произведениям. Эти элементы рамочного текста иерархически организованы и складываются в своеобразный «диалог с посвященными», позволяющий читать произведения Вячеслава Иванова как на «профанном», так и на «сакральном» уровне. О двухуровневой организации его текстов говорит С. А. Титаренко, связывая это противопоставление «сакрального» и «профанного» с топосом Древнего Рима в творчестве поэта [Титаренко, 2012, с. 92]. По нашей гипотезе, это противопоставление «текста для посвященных» — «тексту для непосвященных» в «Cor Ardens» проявляет себя через «латинский код» — использование в раме текста латинского языка. Латинские цитаты и выражения отсылают к двум кар-

CC BY

динально разным культурным парадигмам, в равной степени интересовавшим Вячеслава Иванова, — к Древнему Риму и к европейскому Средневековью, что позволяет понимать его тексты через двойную оптику восприятия.

Целью исследования стало выявление видов, форм и функций латинского кода в рамочном тексте сборника Вячеслава Иванова. С учетом научного и личного интереса Иванова к латинскому языку и древнему Риму в целом исследование латинского кода представляется актуальным и важным в контексте исследования творчества Иванова и влияния его на развитие отечественной литературы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Название всей книги и трех разделов из пяти («Cor Ardens», «Speculum Speculorum» и «Rosarium») — на латинском языке. Удельный вес «латинского текста» в книге является беспрецедентным: из 314 произведений, включенных в сборник, 31 текст имеют заголовок на латинском языке (для сравнения — 1 текст имеет заголовок на немецком, 6 — на итальянском и 1 — на греческом), в трех разделах присутствуют посвящения и эпиграфы на латинском языке, причем присутствуют эпиграфы, представляющие собой авторские стихотворения Иванова на латинском, переведенные им же на русский язык.

При всем многообразии исследований, посвященных творчеству Иванова вообще и «Cor Ardens» в частности (например: [Тюрина, 1997; Тюрина, 2003; Арефьева, 2012; Проскурина, 2001; Пучкова, 2021; Маштакова, 2014а; Маштакова, 2014б; Сергеева, 2004; Сергеева, 2009]), вопрос «латинского текста» в них не рассматривается. Это обусловливает научную новизну предпринимаемого исследования.

В целях выявления латинского кода и его семантической нагрузки в раме текста сборника Вячеслава Иванова «Cor Ardens» были выделены все части рамы: эпиграфы, посвящения, заглавия, жанровые пометы и пр. С опорой на концепцию рамы текста [Ламзина, 2024; Кихней, Ламзина 2021] эти элементы были структурированы в иерархическом порядке: заглавия и посвящения пяти разделов книги и рама текста внутри стихотворений и циклов.

Далее в раме текста были вычленены элементы, связанные с латинским языком и латинской культурой — написанные на латинском языке цитаты и авторские строки Иванова, используемые им в качестве посвящений, заглавий и эпиграфов. В выделенных фрагментах был прослежен внутренний метасюжет сборника, его имплицитный посыл «для посвященных», связанный с опытом переживания утраты близкого человека.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Рамочный текст сборника «Cor Ardens»: названия разделов и циклов в книге

Сборник стихов «Cor Ardens» был создан Вячеславом Ивановым в 1907 году — в год смерти его супруги, Лидии Зиновьевой-Аннибал. Иванов посвятил сборник памяти Зиновьевой-Аннибал, и вынесенное в заглавие «пылающее сердце» («пламенеющее сердце») относится именно к ней. Поэт начал собирать книгу еще при жизни супруги и первоначально планировал три раздела — «Cor Ardens», «Speculum Speculorum» и «Эрос». Смерть супруги внесла коррективы в его планы: были написаны еще два раздела, один из которых отсылает к Петрарке и его «Канцонам на смерть», второй — к мистическому переживанию общения с умершей и воплощения умершей в живой.

Первоначальное название сборника на момент его создания звучало так же, как окончательное, однако в процессе работы Иванов обдумывал название «Iris in iris», о чем свидетельствует отрывок из его письма, ср. комментарий, представленный составителями сборника сочинений писателя: «Вскоре у В. И. являются сомнения в выборе заглавия; он собирается его переменить и назвать книгу — “Iris in Iris”. 9. 1. 1907 г. он пишет: “Iris in Iris” скоро вышлю. Сомов уже набросал предварительный эскиз обложки» [Иванов, 1974, с. 693]. Латинское слово *Iris* имеет несколько значений [Дворецкий, 1996, с. 557] — это имя богини Ириды, богини радуги и вестницы богов, название цветка «ирис», а также обозначение радужной оболочки глаза. В восприятии Вс. Иванова значимым в структуре этого слова был смысловой компонент ‘радуга’, о чем свидетельствует его письмо 1907 года: «Не я виноват, а Сомов, что восстановлено прежнее заглавие Cor Ardens в противоречии с последним объявлением. Я ведь предоставил художнику вдохновляться идеей “Сердца” или “Радуги” по своему выбору. Эскизы Сомова к Iris in Iris его не удовлетворили. Готовую обложку он, вероятно, уже выслал. Рукопись моя почти готова, вышлю на днях» [Иванов, 1974, с. 693].

Сочетание *iris in iris* представляет собой каламбур, в котором две омоформы принадлежат двум совершенно различным парадигмам: первое *iris* не идентично второму *iris*. Предлог *in* присоединяет к себе существительные со значением направления в винительном падеже и существительные со значением местонахождения в аблативе. Существительное в значении ‘богиня Ирида’ имеет наращение *Iris — Iridis*, соответственно, в косвенном падеже это наращение проявилось бы — «Ирида среди Ирид» звучало бы как *Iris in Iridibus*. В качестве имени нарицательного слово *iris* в аблативе образовывалось бы как *iribus*, то есть получилось бы выражение: *iris in iribus* («радуга среди радуг» либо «ирис среди ирисов»). Следовательно,

CC BY

то слово *iris*, которое идет после предлога *in*, является аблативом множественного числа от *ira* ‘гнев’ (существительное первого склонения), и черновой вариант заглавия имеет смысл «Радуга в гневе» / «Ирида в гневе» (дословно — «в гневах»), что согласуется с оставленным в окончательном варианте образом «пламенеющего сердца».

В одноименном стихотворении “Iris in iris”, присутствующем в книге «Cor Ardens», прямо говорится о «гневах радуги»:

Над севами грады
Голубиные падают.
Над гневами радуги
Любимою радуют
Надеждой оратаев,
Небес соглядатаев [Иванов, 1974, с. 261].

При этом одна из частей «Cor Ardens» озаглавлена «Speculum speculorum» («зеркало зеркал»), где в одном словосочетании представлен как раз полиптотон: задействованы две различные формы одного и того же слова, а не идентичные омоформы. Иванов в рамочном тексте сборника, таким образом, играет с читателем, отсылая к своему безупречному владению латынью вплоть до умения составлять шутки-каламбуры, которые посвященный читатель должен уметь увидеть.

Отказ от заглавия «Iris in iris» в пользу «Cor Ardens» символизирует также предпочтение «горения» — «гневу». Чувство гнева часто описывается в античной культуре — например, гнев Ахиллеса, с которого начинается «Илиада», гнев Зевса / Юпитера, безжалостно расправляющегося с врагами и соперниками. «Горение», акцентируемое в окончательном варианте заголовка, не идентично гневу. Это может быть более позитивное, христианское чувство: горение как страдание, желание помочь — что впоследствии и акцентируется в тексте.

Первая часть «Cor Ardens» озаглавлена «Ecce Cor Ardens» («вот пылающее сердце»), что отсылает к фразе Понтия Пилата «Ecce homo» («се человек»). В 19 главе Евангелия от Иоанна, в 5-м стихе Понтий Пилат говорит: «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!» (Иоанн, 19) [Библия, 2019, с. 1394]. Этой фразой он подчеркивает именно человеческую природу Иисуса, так как при этом он указывает на его раны и страдания. На соответствующей картине Тициана «Ecce Homo» 1543 года показано, как к толпе выводят едва держащегося на ногах израненного Иисуса, а Понтий Пилат, глядя на собравшуюся толпу, показывает на него.

Под образом «пылающего сердца» Иванов понимал свою супругу, что эксплицитно отражено в посвящении:

CC BY

той, чью судьбу и чей лик
я узнал в этом образе мэнады
«с сильно бьющимся сердцем»
ΠΑΛΛΟΜΕΝΗΣ ΚΡΑΔΙΗΝ
— как пел Гомер —
когда ее огненное сердце
остановилось [Иванов, 1974, с. 225].

Соответственно, используя формулу с *Ecce*, Иванов указывает на страдания Лидии Зиновьевой-Аннибал — не только в отношении болезни, от которой она умерла, но в целом в отношении ее служения людям и самоотдачи. Это и предопределяет отказ в заголовке всей книги от идеи гнева в пользу идеи горения. Первоначально сборник задумывался как книга лирики, посвященная живой Лидии Зиновьевой-Аннибал, правки в композицию и рамочный текст были внесены уже после ее смерти. Первый вариант содержал три раздела и заканчивался на «Эросе» [Иванов, 1974, с. 693].

Смысл заглавия второго раздела, «Speculum speculorum», Иванов сам поясняет в статье «Религиозное дело Вл. Соловьева»: «Человек, в тварном сознании зависимости познания своего от некой данности, кажется себе самому похожим на живое зеркало. Все, что познает он, является зеркальным отражением, подчиненным закону преломления света и, следовательно, неадекватным отражаемому. Правое превращается в этом отражении в левое, и левое в правое; связь и соразмерность частей остались те же, но части переместились, фигура отражения и проекция отражаемого тела на плоскости не наложимы одна на другую, в том же порядке сочетания линий. Как восстановляется правота отражения? Через вторичное отражение в зеркале, наведенном на зеркало. Этим другим зеркалом — speculum speculi — исправляющим первое, является для человека, как познающего, другой человек. Истина оправдывается только будучи созерцаемою в другом...» [Иванов, 1974, с. 711]. Таким «зеркалом зеркала», другом и соратником, Иванову представляется, очевидно, Брюсов: «Speculum speculorum» посвящено Валерию Брюсову, и посвящение также написано на латинском языке:

“Immutata dolo speculi recreatur imago
adversis speculis integram ad effigiem”
Валерию Брюсову
Sanctae mnemosynon sodalitatis.

(«Не измененный хитростью зеркала образ воссоздается в целости в противопоставленном зеркале» … в память о священной дружбе) (перевод наш. — *А. Л.*).

CC BY

Образ зеркал, отражающих друг друга, у Вячеслава Иванова отсылает к воссозданию образа в его неискаженном варианте. Впоследствии у его однофамильца Георгия Иванова было представлено противоположное прочтение данной метафоры:

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.
[Иванов, 1994, с. 321].

«Speculum specula» — «зеркало зеркала», то есть один человек по отношению к другому человеку. Иванов в заголовке использует родительный падеж множественного числа — *speculorum*, указывая на то, что таких «зеркал» в его жизни было много.

В «Speculum speculorum» собраны стихотворения, посвященные друзьям Иванова, постоянным посетителям «Башни». Размещая их в этом разделе, автор подчеркивает роль друзей как взаимноотражающего зеркала. Супруга поэта, Лидия Зиновьева-Аннибал, также была одним из таких «зеркал», в котором он находил одно из отражений своих идей.

Третий раздел книги «Cor Ardens» назван «Эрос» (на русском языке), и он не содержит в себе ни одного стихотворения с латинским заглавием (и только одно с посвящением на латыни). В текстах, включенных в «Эрос», очень много отсылок к греческой мифологии: в раме и непосредственно в теле текста упоминаются Гермес, Вакх, непосредственно Эрос, Иокаста и т. д. В целом «Эрос» стоит особняком в сборнике: туда Иванов намеренно собрал «греческие» стихотворения, и в центральной книге «Cor Ardens» «латинский код» как бы прерывается.

Далее, в четвертой книге автор возобновляет раму текста на латинском языке. Книге «Жизнь и смерть» предпослан эпиграф на латинском языке с авторским переводом в примечании:

«Краткий срок разлучения, долгий срок единения во славу Господа.

Все, протерпевшие долю земную, придут сюда, жизнью истощенные. Вы освещаетесь в днях. Агнец Божий, Спаситель мира, сподоби нас явиться чистыми на Вечерю Твою.

Чистой водою омой наши ноги, очисти грехи тяжкие очистительным огнем» [Иванов, 1974, с. 839].

Данный текст, написанный Ивановым, стилизует библейские тексты, в том числе и в переводе: он содержит такие слова, как *агнец, вечеря* и прочие номинации, которые отсылают к контексту псалмов и других текстов библейского корпуса. Данный авторский текст актуализирует идею воскресения бессмертной души: Иванов вновь оплакивает свою супругу и обращается к мысли о ее смерти.

CC BY

Подзаголовок четвертого раздела «Канцоны и сонеты, посвященные имени Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал» отсылает к аналогичному заголовку книги Петрарки, и эпиграф к «Канцоне первой» четвертой книги на итальянском языке взят из первой канцоны Франческо Петрарки на смерть Лауры. В четвертой книге практически не представлен рамочный текст на латинском языке: заглавия Иванов дает на русском языке, эпиграфы к стихотворениям — на итальянском. При этом небольшое эпилоговое стихотворение, завершающее четвертую книгу, написано автором на латинском языке. Анализируя книгу «Любовь и смерть», Л. Г. Панова указывает, что рама текста содержит переклички с Петраркой: «Подражая Петрарке, Вяч. Иванов обрамил стихи латынью: в зачине это гимн, а в заключении — проза <…> Ее самая последняя, метатекстуальная, фраза “EXIT LIBER DE AMORE ET MORTE”, об окончании книги о любви и смерти, отсылает к знаменитому началу “Новой жизни” — метафоре книги памяти, а также латинской фразе “Incipit vita nova”» [Alighieri, 2010, с. 33]. «Идея соединительного прозаического текста по принципу “Новой жизни” Иванову была подсказана Кузминым, но этим советом он, как мы только что видели, распорядился по-своему» [Панова, 2019, с. 49]. Таким образом, «латинский код» четвертой книги «Cor Ardens» является отсылкой к Петрарке, а через использование его мотивов стало возможным выражение бесконечной любви к своей утраченной возлюбленной, не иссякшей после ее смерти.

Пятый раздел «Cor Ardens» называется «Rosarium» (розарий), и в нем превалирует образ розы (роз). Как первый раздел пронизан образами сердца и солнца, что соединяет в себе авторский образ «пылающего сердца», так пятый раздел постоянно задействует образ розы. В раме текста самой книги присутствует посвящение «Ad Rosam» (К розе), в названиях стихотворений на русском и на латинском языке используется слово «роза» («Роза Меча», «Роза Преображения», «Cor Ardens Rosa» и пр.).

Таким образом, «большая» рама текста «Cor Ardens» включает в себя значительное количество слов и выражений на латинском языке, причем Вячеслав Иванов сознательно работает с «латинским кодом», то «включая», то «выключая» его: в книге «Эрос», содержащей в себе большое количество греческих мотивов, латинский рамочный текст отсутствует. Общий рисунок «латинского кода» указывает на личность Лидии Зиновьевой-Аннибал, неравнодушного человека («пылающее сердце»), верного соратника («зеркало зеркал»), пылкой возлюбленной («эрос»), вечной возлюбленной после смерти («книга любви и смерти») и вошедшей в бессмертие через мистический образ розы («розарий»).

CC BY

Далее рассмотрим латинский код в «малой» раме текста, то есть в заглавиях, эпиграфах и посвящениях стихотворений, входящих в состав «Cor Ardens»".

3.2. Рамочный текст стихотворений, входящих в различные разделы сборника «Cor Ardens»

В первом разделе «Cor Ardens» первый элемент латинского кода в раме текста содержит стихотворение «De profundis» («Из глубины»), название которого цитирует псалом 129 «Из глубины воззвах» (на латинском языке «De profundis clamavi») [Библия, 2019, с. 742].

В качестве эпиграфа к «De profundis» Иванов вставляет четверостишие на латинском языке собственного сочинения:

Sole splendidior, candidior nive
Subtilique minus subditus aethere
Vitae corporeae condicionibus
Arcanus morituri incola pectoris [Иванов, 1974, с. 237].

Этот текст переведен автором в примечаниях в конце книги (где содержатся переводы не всех включенных в "Cor Ardens» текстов на иностранных языках. Иванов озаглавил данное примечание «Переводы важнейших иноязычных текстов» [Иванов, 1974, с. 838] и дал следующий авторский перевод данного эпиграфа:

Ярче солнца, снега белее,
менее легчайшего эфира
подвластный законам плоти мирской —
тайный насельник смертной груди [Иванов, 1974, с. 838].

Ключевым словом данного четверостишия является слово *incola* «житель» — имеется в виду бессмертная душа, которая проживает в груди смертных людей. Эта душа белее снега, ярче солнца и неподвластна ограничениям земной жизни. С учетом отсылки к псалму «De profundis», в тексте которого бессмертная душа ожидает Господа сильнее, чем сторож — утренней зари, можно заключить, что Иванов пишет стихотворение, актуализирующее образ бессмертия в смертном человеке. Четвертая строфа данного стихотворения практически полностью воспроизводит латинское четверостишие автора:

Есть некий бог во мне, — так с Солнцем спорит прах,
Тебя лучистей и светлее,
Воздушней, чем эфир, рассеянный в мирах,
И снега белого на девственных горах
Пречистой белизной белее! [Иванов, 1974, с. 237].

CC BY

Поскольку текст четверостишия на латинском языке является авторским, следует признать, что Иванов извлек из текста ключевой образ и вставил в качестве эпиграфа к самому тексту. Это актуализирует образ бессмертия души, волновавший его в контексте утраты любимой супруги.

Далее латинский рамочный текст проявляется в заголовке стихотворения «Populus-rex» («народ-царь») из цикла «Година гнева». Иванов впервые опубликовал данное стихотворение в журнале «Вопросы жизни» в 1905 году [Иванов, 1974, с. 703], и оно, несомненно, было реакцией на революционные события. Стихотворение подписано датой «18 октября 1905 года», то есть на следующий день после обнародования знаменитого манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка».

В этом же цикле содержатся два стихотворения, в рамочном тексте отсылающие к Вергилию: «Sacra fames» («Святая жажда») — это крылатое выражение из текста «Энеиды», которое полностью звучит как «Auri sacra fames» («священная жажда золота»). Иванов сознательно отсекает первое слово, говоря не только о жадности, но и о нужде, провоцирующей жажду и голод (слово *fames* может означать также ‘голод’ [Дворецкий, 1996, с. 415]):

Мудрость нудит выбор: «Сытость — иль свобода».
Жизнь ей прекословит: «Сытость — иль неволя».
Упреждает Чудо пламенная Воля;
Но из темной жизни слабым нет исхода.

Мудрость возвещает, что Любовь — Алканье.
Жизнь смеется: «Голод — ненависть и злоба».
И маячит Слова нищее сверканье
Меж даяньем хлеба и зияньем гроба [Иванов, 1974, с. 255].

События октября 1907 года Иванов воспринял одобрительно, о чем свидетельствует следующее после «Sacra fames» стихотворение «Люцина», также с эпиграфом из Вергилия. Люцина — это второе имя богини Дианы (Артемиды), а цитата «fave, Lucina», использованная Ивановым в эпиграфе, взята из IV Эклоги Вергилия из книги «Буколики». Полностью контекст стихотворения звучит следующим образом: “casta fave Lucina: tuus iam regnat Apollo” [Вергилий, 1979, с. 39] / безмолвствуй, дева Люцина: теперь уже твоим царством правит Аполлон (перевод наш. — *А. Л.*). Цитата отсылает к образу «золотого века» в будущем, являющемуся новацией Вергилия: «Ко времени написания эклоги (40 г. до н. э.) кончался круг Дианы (железный век) и начинался новый круг — Аполлона, в котором ожидалось возвращение золотого века, некогда уже бывшего на Земле и ушедшего вместе с кругом Сатурна (в античной поэтической традиции

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

до Вергилия золотой век — всегда прошлое). Историческое основание для ожидания Золотого века — мир, заключенный между Октавианом и Антонием, дававший надежду на спокойные времена и расцвет Италии» [Вергилий, 1979, с. 458]. Стихотворение «Люцина» подписано датой «на новый 1906 год», что указывает на восприятие Ивановым нового года как наступления новой жизни, новой эпохи — светлого века Аполлона. Политические события 1905 года, таким образом, были восприняты Ивановым положительно: приветствуя манифест, поэт видит в нем символ новой эры.

Первый раздел сборника «Cor Ardens» завершается незаконченным сонетом «Exit Cor Ardens» («заходит пылающее сердце»), который отсылает к рамочному тексту книги сонетов Петрарки — «Exit liber…». Сонет обрывается на двух катренах, терцин нет — так Иванов демонстрирует бесконечную скорбь по смерти Лидии Зиновьевой-Аннибал, жизнь которой оборвалась слишком рано. Последние шесть строк представлены отточиями: завершение жизни возлюбленной супруги осталось ненаписанным.

Книга «Speculum Speculorum» открывается циклом «Arcana» («Тайны» [Дворецкий, 1996, с. 90]), который, в свою очередь, начинается со стихотворения «Carmen saeculare» («Вековая песня» — песня, которая исполнялась во время празднеств, знаменующих окончание одного века и начало следующего, так называемых «секулярных игр» [Дворецкий, 1996, с. 892]). В «Carmen saeculare» входят 4 части с латинскими названиями: «Subtile virus caelitum» («Тонкий небесный яд»), «Vitiato melle cicuta» («Осквернённая медом цикута»), «Adamantia proles» («Стальное племя»), «Aevum aetherium» («Небесный век»). Вкупе с эпиграфом к стихотворению на русском языке эти четыре заглавия отсылают к четырем периодам в истории человечества: «Есть семь мировых кормчих и семь державств небесных, коим повелел Бог ведать всю сию громаду вселенной; их же светила зримые и имена на языке небесном суть: Аратрон, Бефор, Фалег, Ох, Хагиф, Офиель, Фил. И правительствует каждый лет 490. Владычествовал Бефор от 60 г. до Рождества Слова по 430 г.; ему наследовал Фалег до 920 г.; Фалегу Ох до 1410 г. Хагиф царствует по 1900 г.; оттоле Офиель» [Иванов, 1974, с. 286]. В эпиграф стихотворения вынесена цитата из Корнелия Агриппы — немецкого оккультиста и алхимика, к произведениям которого неоднократно обращался Валерий Брюсов в романе «Огненный ангел». В письме Брюсову Иванов упоминает о «Carmen saeculare», говоря: «Этим стихотворением обязан опять тебе: это ты показал мне у Агриппы, что с 1900 г. судьбами земли правит новый звездный демон» [Иванов, 1974, с. 712]. В четырех частях стихотворения Иванов описывает, таким образом, четыре эпохи, рубеж которых приходится как раз на 1900-е годы. Дата под стихотворением проставлена римскими цифрами, названия частей не переведены автором

CC BY

в примечании, что усугубляет атмосферу стихотворения «для посвященного». Тема наступления новой эры согласуется с основными мотивами «Годины гнева» из первого раздела книги. Так Иванов еще раз указывает на наступление нового века, в первом случае считывая его через греческую мифологию, во втором — через средневековую мистику.

Также в «Speculum speculorum» входят отдельные стихотворения с заглавиями на латинском языке: «Taedium phaenomeni» («Тоска явлений»), «Petronius Redivivus» («Воскресший Петроний», посвященное В. Ф. Нувелю, музыканту и соавтору журнала «Мир искусства»). Последнее отсылает к образу Гая Петрония Арбитра — государственного деятеля и писателя, автора «Сатирикона». «Прекрасно образованный, он умел пользоваться жизнью и был в Риме авторитетом в области хорошего вкуса (поэтому его называли арбитром изящества — *arbiter elegantiarum* — отсюда и его прозвище), но он также хорошо исполнял свои обязанности консула (62 г.) и проконсула в Вифинии. В качестве знатока придворного этикета и отношений снискал симпатию и доверие Нерона в самых интимных делах» [Античные писатели ..., 1999, с. 119]. В тексте стихотворения Иванов прямо говорит о реинкарнации:

Ты был ли некогда Петроний
Вблизи Нерона своего,
Заступник вкуса, друг ироний,
Мой милый, мудрый Renouveau? [Иванов, 1974, с. 332].

«Петроний» — это было прозвище Нувеля на «средах» Иванова [Богомолов, 2009, с. 196]. Нувель был большим другом Михаила Кузмина, с которым вместе они посещали «среды» Вячеслава Иванова, Кузмин носил прозвище «Антиной» [Богомолов, 2009, с. 196]. Иванов, возможно, под «Нероном» нового Петрония понимает именно Кузмина, что подтверждается и композицией сборника: следующее за «Petronius Redivivus» стихотворение «Анахронизм» посвящено М. Кузмину.

Стихотворение «Consolatio ad sodalem» («Утешение товарищу») сопровождается эпиграфом из стихотворения еще одного постоянного участника «сред» — поэта Юрия Верховского. Иванов и Верховский обменивались поэтическими посланиями с обоюдными посвящениями, что и продемонстрировано в «Consolatio ad sodalem».

В конце части «Speculum speculorum» присутствуют стихотворения с латинскими заглавиями: «Leoni aquila alas» («Льву крылья орла») [Иванов, 1974, с. 353] и стихотворение, названное авторской строкой гекзаметра «Campus aratra vocat, fatalia fert iuga virtus» («Поле зовет плуг. Роковое иго несет сила благая») [Иванов, 1974, с. 353]. Последнее посвящено

CC BY

И. М. Гревсу — другу Вячеслава Иванова, историку, специалисту по древнеримской системе землевладения.

Авторский перевод строки не вполне соответствует оригиналу: слово *aratrum* ‘плуг’ [Дворецкий, 1996, с. 70] стоит во множественном числе: «Поле зовет плуги». Это никак не объясняется вопросами стихотворного размера, использованного автором — в строку так же подошло бы и слово *aratrum* в единственном числе. Слово *virtus*, переведенное автором как «сила благая», означает просто «силу, энергию», и в то же время «доблесть, добродетель» [Дворецкий, 1996, с. 827]. Стихотворение состоит из двух частей — сонетов, в которых автор обращается к идее совместного труда за плугом и возврата к тем временам, когда «ты был мне брат — привратник Рима» [Иванов, 1974, с. 353]. Тем самым Иванов указывает на некое родство душ с Гревсом и соратничество в прошлом, о возврате к которому говорит заголовок текста.

Следующее стихотворение «Ultimum vale» («Прощай в последний раз») также имеет посвящение Иннокентию Анненскому, с которым Иванов обменивался посланиями в стихах. Анненский посвятил Иванову стихотворения «Мифотворцу — на башню» и «Другому» [Галанина, 2010, с. 484], Иванов, в свою очередь, в ответ ему написал «Ultimum vale», вошедшее в «Cor ardens».

В целом, рамочный текст «Speculum speculorum» указывает, главным образом, на дружеские связи поэта с другими авторами, посещавшими «башню» Иванова, общавшимися с ним. Стихотворения, как можно предположить, отсылают к дружеским беседам, которые Иванов вел со своими знакомыми и посетителями «сред».

В следующей части «Cor ardens», «Эрос», как было указано выше, принципиально отсутствует «латинский код» в рамочном тексте. Называя в четверостишии-посвящении свою супругу ее «греческим» прозвищем *Диотима*, принятым на «средах», Иванов эксплицитно указывает на «греческую» природу данной части своего сборника. Первое стихотворение «Эроса», «Земля», также посвящено «Диотиме» [Иванов, 1974, с. 363], и далее по всему тексту указанной части как в рамочном, так и в основном тексте присутствуют греческие мотивы: стихотворения носят названия «Сирена», «Вызывание Вакха», «Симпосион», «Антэрос», «Гермес» и пр. Единственный фрагмент на латинском в книге «Эрос» — посвящение “ad Lydiam” в X сонете из цикла «Золотые завесы». Сонет посвящен имени «Лидия», обыгрывается именно звучание имени, а не прозвища:

Что в имени твоем пьянит? Игра ль
Лидийских флейт разымчивых, и лики
Плясуний-дев? Веселий жадных клики —
Иль в неге возрыдавшая печаль? [Иванов, 1974, с. 388].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Во вторую часть «Cor Ardens» входят две книги — «Любовь и смерть» и «Rosarium». Эпиграф «Любви и смерти» вновь активизирует латинский код и одновременно отсылает к книге Франческо Петрарки, на что эксплицитно указывает и полностью приведенная в тексте I Канцона Петрарки на смерть Лауры.

В «Любви и смерти» часто встречаются вставки на итальянском языке (как отсылка к Петрарке), ср.:

В одно кольцо сольются кольца скоро,
И с Вечностью запретный Мигу брак
Свершится. «Sempre, слышишь?» — «Слышу. Ora».

(*Ora* — «сейчас», *Sempre* — «всегда» на итальянском языке) [Иванов, 1974, с. 424].

У сонетов также присутствуют эпиграфы из Петрарки на итальянском языке, и в целом в раме текста внутри «Любви и смерти» гораздо больше итальянских отсылок, чем латинских. Вся книга «Любовь и смерть» завершается авторским стихотворением на латинском языке с переводом Иванова:

AMOR BEATAM ME VOCAT NON PERPERAM
DOLENS. EAMNE NOS BEATITUDINEM
UT SIMUS UNA OREMUS? AN UT UNA DEO
INSERVIAMUS? NUNC AMOR CAELI BEAT.
DUM NE BEATITUDINEM TURBES DEI
INSCITIA DONUMQUE ODORIS EFFLUAT.
ERGO BEATAM ME VOCET DOLOR PIUS [Иванов, 1974, с. 445].

Этот текст относится к «важнейшим», которые автор переводит для читателей сам. Перевод Иванова звучит следующим образом: «Любовь счастливою меня зовет ненапрасно страстна́я. Не о том ли благе, чтоб воедино стать, мы молим? И, став воедино, Господу служить? Ныне любовь небесная счастие приносит. Только бы не оскорбить любви Господней неразумением; только б не утратить даров благоуханий. Потому, да зовет меня счастливою страданье вероносное» [Иванов, 1974, с. 840].

Стихотворение написано от лица женщины, и его авторский перевод содержит несколько неточностей по сравнению с оригиналом: так, слово «страстна́я» как определение любви (*amor*) в оригинале — *dolens*, причастие от глагола *doleo*, означающего ‘испытывать боль, страдать’ [Дворецкий, 1996, с. 264]. Любовь в переводе «страстна́я», в оригинале — «мучительная». Иванов принял решение выбрать нетривиальное определение, связывающее контекст со Страстной Неделей, неделей мучения перед смертью.

CC BY

Далее, «воедино» в русском переводе передано наречием, в латинском тексте используется слово *una* — числительное «один» в женском роде, то есть «стать одной», «став одной, Господу служить». В тексте на латинском языке как будто бы опущено еще одно существительное, «одной сущностью» (*substantia*), Возможно, также элиминировано слово «андрогин», которое в латинском языке могло быть как мужского, так и женского рода [Дворецкий, 1996, с. 57]. Стихотворение на русском языке, предшествующее стихотворению на латинском, говорит о слиянии супругов в единое целое:

Последний знак, и будут два — одно:
Зане двоим, кто на одной постели
Вкушали нег Господнее вино
И смертный оцт, в неразлученном теле
Свершиться и воскреснуть суждено… [Иванов, 1974, с. 444].

При сопоставлении оригинала и перевода выявляется также несовпадение форм глагола во фразе «Только бы не оскорбить любви Господней неразумением; только б не утратить даров благоуханий». В переводном тексте Иванов использует безличные конструкции, в оригинале — «только бы ты не взволновал любви Господней неразумением» (*turbes* — конъюнктив 2 лица единственного числа от глагола *turbo* [Дворецкий, 1996, с. 790]), «только бы он (она) не рассеял бы божественный дар» — глагол *effluere* («вытекать, растекаться, исчезать» [Дворецкий, 1996, с. 275]) стоит в форме 3 лица, то есть в диалоге между «я» и «ты» появляется некто третий — тот, кто мог бы рассеять дары Бога. Известно, что Вячеслав Иванов поддерживал и развивал идею тройственного союза — «третьим» в данной истории может быть, например, тот, кто вместе с супругами участвовал в браке. В. Паперный указывает, что в разные периоды эту роль играли С. Городецкий и М. В. Сабашникова [Паперный, 2008, с. 213]. Также в роли «третьего» после смерти Зиновьевой-Аннибал может выступать и ее дух, персонализированный самим Ивановым, а также ее дочь, падчерица Иванова, Вера Шварсалон: «Как известно, после безвременной смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, наступившей в октябре 1907 года, Иванов в течение довольно продолжительного времени поддерживал оккультные контакты с духом покойной, причем контакты эти были окрашены всеми возможными красками эротического — от самых спиритуально-сублимированных до самых физиологически-грубых. Сложность возникшей ситуации заключалась также в том, что, по-видимому, еще до того, как оккультный эпилог его романа с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал завершился, Иванов вступил в брачные отношения с ее дочерью и своей падчерицей — Верой Шварсалон, которые он реализовал раньше, чем официально оформил

CC BY

(и здесь тоже, один за другим, были нарушены многие моральные запреты). Начиная свой новый брак в условиях мистической незавершенности брака со старой женой и вступив по этому поводу в своего рода мистические переговоры с ней, Иванов, таким образом, вновь сконструировал — уже как бы невольно — свою эротическую жизнь как соединение Трех. И в этой новой тройственной конструкции было новое расширение ивановского нигилизма — нарушение моральных и поведенческих запретов, налагаемых смертью» [Паперный, 2008, с. 213].

Пятая книга «Cor Ardens», имеет название на латинском языке — «Rosarium» — и отсылает к образу розы, который многократно повторяется в рамочном тексте стихотворений. Так, в сборник входят произведения, названные на латинском языке: «Ad Rosam» («К Розе»), «Turris eburnean» («Башня из слоновой кости»), «Cor Ardens Rosa» («Пылающее сердце розы»), «Signum Rosae» («Знак Розы»), «Rosa Centifolia» («Столистая роза»), «Crux Amoris» («Крест любовей»), «Crux Florida» («Цветущий крест»), «Rosa in Cruce» («Роза на кресте»), «Sol Incarnatus» («Воплощенное солнце»), «Rosa Sofia» («Роза София»), «Saturnia Regna» («Царство Сатурново»), «Sub Rosa» («Под розой»), «Ultima Cera» («Завещание»).

Также в разделе «Rosarium» присутствует большое количество стихотворений со словом *Роза* в названии на русском языке: «Роза Меча», «Роза Преображения», «Роза Союза», «Роза Возврата», «Роза Трех Волхвов», «Роза обручения», «Роза Вечных Врат», «Роза Огня», «Роза Горы Кармела», «Роза Царицы Савской», «Роза Крови», «Роза Царского Сына», «Роза Пчелиного Жала», «Роза Диониса» и пр. Автор тем самым создает действительно «розарий» — совокупность различных «роз», «цветник». Слово *роза* многократно встречается и в текстах самих стихотворений:

Если, хоть раз, видел твой взор — огни розы,
Вечно в душе живы с тех пор — огни розы.

Сладкая мгла долы томит, глухой пурпур...
Жди: расцветут, вспыхнув меж гор, огни розы [Иванов, 1974, с. 459].

В цикле сонетов «Розы в Субиако» второй сонет предваряется эпиграфом из Франциска Ассизского «Noli eos esse meliores» — «Не [желай] им быть лучшими» (эту цитату использует в своем произведении 1911 года «Без шапки» А. М. Ремизов, и в его трактовке она переведена как «Не желай, чтобы они были лучше»). Фраза взята из «Epistula ad Ministrum» («Послания к министру») Франциска. «В этом послании св. Франциск отвечает брату, который обратился к нему за советом в минуты духовного кризиса, приведшего его к мысли оставить свое служение и уйти в пустынь.

CC BY

Св. Франциск, тонко чувствуя состояние души брата, просит его воспринимать все, что бы с ним ни происходило, как дар из рук Божиих, стремясь убедить, что жизнь в повседневных трудах и заботах, страданиях из-за несправедливых обид лучше и более ценна в очах Господа, чем пустынножительство. В этом заключалось одно из фундаментальных положений нового монашества: не побег из мира, но стойкое пребывание в нем и утверждение своих идеалов несмотря ни на какие искушения» [Франциск, 1995, с. 188]. Сонет Иванова, предпосланный соответствующим эпиграфом, содержит в себе посыл: «принимай мир таким, какой он есть»:

Возвеселись, и не ропщи, что зной
Должны палить и стужей веять вьюги;
Благослови на воинах кольчуги,
На пардах — пятна, и на соснах — хвои [Иванов, 1974, с. 498].

В целом, рамочный текст «Rosarium», многократно задействующий образы розы и креста, отсылает к розенкрейцерам, изучение которых было чрезвычайно популярным в Серебряном веке [Колесников, 2011, с. 5]. Вячеслав Иванов глубоко заинтересовался тематикой розенкрейцеров как раз в 1907 году, и его увлечение поэтикой этого ордена перекликается с посмертным общением с супругой и последующим браком с ее дочерью: «Из дневника Иванова 1909 года видно, что эта символика приобретает и автобиографический смысл. Она связывает Иванова, с одной стороны, с покойной женой, Лидией Дмитриевной, а с другой — с Верой Константиновной Шварсалон. 28 июня он пишет: «Л[идия] сказала мне: “Один твой долг — Дорофея. Она должна образовать розу в кресте нашей любви”. … “Дорофея” (этимологически “божий дар”), видимо, дочь Лидии — Вера, которую Лидия “дарит” своему мужу» [Иванов, 1990, с. 125].

Таким образом, тематика розы и креста подводит Иванова к закономерному выводу о преемственности, появлении “розы в кресте любви”: скорбь по умершей переходит к более светлому чувству принятия «Божьего дара», дочери Зиновьевой-Аннибал.

Также представляется, что в названии «Rosarium» и в использовании образа розы в стихотворениях и в раме текста присутствует еще одна важная для Иванова интертекстуальная отсылка. События, происходившие в жизни Вячеслава Иванова (брак с дочерью после смерти матери), во многом напоминают события, изложенные в рассказе Эдгара По «Морелла»: главный герой хоронит супругу, но с каждым днем отмечает в чертах дочери сходство с умершей. В итоге герой По начинает жить с дочерью, как бы заместившей мать, а когда и дочь умирает, обнаруживает, что она и была умершей супругой: тела первой умершей в склепе нет. В тексте По

CC BY

присутствует упоминание о реалии древнеримской культуры. Перед смертью супруга говорит своему мужу: «Ибо часы твоего счастья миновали, и цветы радости не распускаются дважды в одной жизни, как дважды в год распускались розы Пестума» [По, 1972, с. 128]. Иванову фактически удалось увидеть «двойное цветение» роз Пестума — после счастливого брака с матерью вступить в не менее счастливый брак с дочерью. Вероятнее всего, многочисленные образы роз в последнем разделе сборника отсылают не только к символике розенкрейцерства, но и к этому образу «двойного цветения».

4. Заключение = Conclusions

Заголовочный комплекс стихотворных произведений и их сборников обладает большой обобщающей и смысло-протекторной силой. Частое использование латинского кода в раме текста сборника несет в себе большую функционально-смысловую нагрузку. Подытожим его художественные функции: 1) эзотерическая, крипто-грамматическая функция, отсылающая к практике мистического общения с умершей супругой; 2) неразрывно связанная с первой — избирательно-коммуникативная (послание «для посвященных» в противовес тексту «для профанов»); 3) символико-семантизирующая (заглавия разделов задают ключевые символы книги, код, через который она прочитывается — «сердце — зеркало — роза»); 4) интертекстуальная функция, позволяющая с помощью рамы ввести в текст как явные, так и скрытые отсылки к знаковым текстам на латинском языке и в целом к ключевым текстам мировой культуры.

Использование в качестве семантического путеводителя латинского языка позволяет ввести как античные, так и христианские коннотации: текст редуплицируется в «зеркале зеркал», автор прямо указывает на множественную оптику прочтения и поливалентности смыслов. Полифония переводов (для тех, кто понимает латинский язык и может сопоставить авторские переводы с оригиналами) способствует расширению амплитуды смыслов и порождению бесконечного количества прочтений текста.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Библия.* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. В синодальном переводе. — Москва : Никея, 2019. — 1600 с.

2. *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида / Вергилий. — Пер. с латинского С. В. Шервинского. Комментарий Н. А. Старостиной. — Москва : Художественная литература, 1979. — 552 с.

CC BY

3. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — Москва : Русский язык, 1996. — 846 с.

4. *Иванов В. И.* Собрание сочинений в 4 томах / В. И. Иванов. — Брюссель : Жизнь с Богом, 1974. — Т. 2. — 852 с.

5. *Иванов В. И.* Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным. Публикация М. Вахтеля / В. И. Иванов // Минувшее. — Париж : Atheneum, Феникс, 1990. — № 10. — С. 121—141.

6. *Иванов Г.* Собрание сочинений в 3 т / Г. Иванов. — Москва : Согласие, 1994. — Т. 1. — 656 с.

7. *По Э. А.* Морелла / Э. А. По ; Пер. И. Г. Гуровой ; Избранные произведения в двух томах. — Москва : Художественная литература, 1972. — Т. 1. — 416 с.

9. *Франциск* Ассизский, Святой. Сочинения. — Москва : Издательство Францисканцев, 1995. — Т. 1. — 288 с. — ISBN 5-87245-023-0.

Литература

1. *Арефьева Н. Г.* Дионисийские черты лирической героини в поэтическом сборнике Вячеслава Иванова “Cor ardens” / Н. Г. Арефьева. // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2012. — № 11 (147). — С. 4—9.

2. *Башня* Вячеслава Иванова и культура Серебряного века / ред. В. Е. Багно и др. — Санкт-Петербург : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. — 384 с. — ISBN 978-5-8465-0573-5.

3. *Белкин М. Е.* Античные писатели : Словарь / М. Е. Белкин, Е, Випшицкая-Браво. — Санкт-Петербург : Лань, 1999. — 448 с. — ISBN 5-8114-0104-3

4. *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах : документальные хроники / Н. А. Богомолов. — Москва : Intrada, 2009. — 286 с. — ISBN 978-5-87604-222-4.

5. *Галанина Ю. Е.* О некоторых реалиях в мифологическом пространстве Башни Вяч. Иванова (по архивным материалам) / Ю. Е. Галанина // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. — Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, 2010. — Выпуск 1. — С. 469—493.

6. *Кихней Л. Г.* Специфика «рамочного текста» в книгах М. А. Зенкевича «Дикая порфира» и «Под мясной багряницей» / Л. Г. Кихней, А. В. Ламзина // Филологический класс. — 2021. — Т. 26. — № 3. — С. 112—124. — DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-10.

7. *Колесников С. А.* Церковь и художественная литература Серебряного века : диалог и противостояние / С. А. Колесников // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2011. — Т. 12. — № 24 (95). — С. 5—12.

8. *Ламзина А. В.* Заглавие в лирике серебряного века как способ моделирования диалога с культурной традицией / А. В. Ламзина // Метрополия и диаспора: альтернативные/тождественные миры русской литературы XX века. Коллективная монография, посвященная памяти профессора Владимира Вениаминовича Агеносова. — Москва : Издательская группа «Юрист», 2024. — С. 241—250.

9. *Маштакова Л. В.* Книга стихов “Cor Ardens” Вяч. Иванова : особенности архитектоники / Л. В. Маштакова // IV Информационная школа молодого ученого. Всероссийская междисциплинарная молодежная конференция с международным участием, сборник научных трудов. — Екатеринбург : Уральский центр академического обслуживания, 2014а. — С. 97—103.

10. *Маштакова Л. В.* “Cor Ardens” Вяч. Иванова: поэтика заглавий пяти поэтических книг / Л. В. Маштакова // Движение времени и законы жанра. XVIII Всероссийская

CC BY

научно-практическая конференция словесников. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014б. — С. 75—78.

11. *Панова Л. Г.* Итальянясь, русея. Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама / Л. Г. Панова. — Москва : РГГУ, 2019. — 672 с. — ISBN 978-5-7281-2913-4

12. *Паперный В.* Вяч. Иванов : Между Чернышевским и Беме / В. Паперный // Universitas Tartuensis Humanoria : Littera Russicae / Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI : Новая серия. — Тарту : Тартуский университет, 2008. — С. 212—215.

13. *Проскурина В.* “Cor Ardens” : смысл заглавия и эзотерическая традиция / В. Проскурина // Новое литературное обозрение. — 2001. — № 5 (51). — С. 10.

14. *Пучкова А. В.* Реализация концепции «всеединства» в сборнике Вячеслава Иванова “Cor Ardens” / А. В. Пучкова, С. С. Терехова // Казанская наука. — 2021. — № 7. — С. 23—25.

15. *Сергеева Е. В.* Вербализация художественного концепта «время» в цикле В. И. Иванова “Cor Ardens” / Е. В. Сергеева // Слово. Словарь. Словесность. К 225-летию основания Российской Академии. — Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2009. — С. 300—304.

16. *Сергеева Е. В.* Особенности лексической экспликации концептов «свет» и «огонь» в поэзии В. Иванова (цикл “Cor Ardens”) / Е. В. Сергеева // Язык и межкультурная коммуникация. — Материалы 1 Межвузовской научно-практической конференции. — 2004. — С. 192—194.

17. *Титаренко С. Д.* «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова / С. Д. Титаренко. — Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2012. — 654 с. — ISBN 978-5-9676-0486-7.

18. *Тюрина И. И.* Дионисийская концепция любви и смерти в сборнике Вяч. Иванова “Cor ardens” / И. И. Тюрина // Культура и текст. — 1997. — № 2. — С. 55—62.

19. *Тюрина И. И.* Дионисизим и идея жизнетворчества у В. Иванова (личностно-биографический аспект) / И. И. Тюрина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2003. — № 1. — С. 35—39.

Статья поступила в редакцию 26.12.2024,
одобрена после рецензирования 18.02.2025,
подготовлена к публикации 10.03.2025.

Material resources

Dvoretsky, I. H. (1996). *Latin-Russian dictionary.* Moscow: Russian Language. 846 p. (In Russ.).

Francis of Assisi, Saint. Essays, 1. (1995). Moscow: Franciscan Publishing House. 288 p. ISBN 5-87245-023-0. (In Russ.).

Ivanov, G. (1994). *Collected works in 3 volumes, 1.* Moscow: Concord. 656 p. (In Russ.).

Ivanov, V. I. (1974). *Collected Works in 4 volumes, 2.* Brussels: Life with God. 852 p. (In Russ.).

Ivanov, V. I. (1990). From V. I. Ivanov’s correspondence with A. D. Skaldin. The publication of M. Vakhtel. In: *The past, 10.* Paris: Atheneum, Phoenix. 121—141. (In Russ.).

Poe, E. A. (1972). *Morella, 1.* Moscow: Fiction. 416 p. (In Russ.).

The Bible. (2019). *Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments with parallel passages and appendices. In the synodal translation.* Moscow : Nikeya Publ. 1600 p. (In Russ.).

Virgil. (1979). *Bucolic. The Georgics. The Aeneid.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 552 p. (In Russ.).

References

Arefieva, N. G. (2012). The Dionysian features of the lyrical heroine in Vyacheslav Ivanov's poetry collection "Cor ardens". *Bulletin of Orenburg State University, 11 (147):* 4—9. (In Russ.).

Bagno, V. E. (ed.). (2006). *Vyacheslav Ivanov's Tower and the culture of the Silver Age.* Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University. 384 p. ISBN 978-5-8465-0573-5. (In Russ.).

Belkin, M. E. (1999). *Ancient Writers: Dictionary.* Saint Petersburg: Lan Publ. 448 p. ISBN 5-8114-0104-3. (In Russ.).

Bogomolov, N. A. (2009). *Vyacheslav Ivanov in 1903—1907: documentary chronicles.* Moscow: Intrada. 286 p. ISBN 978-5-87604-222-4. (In Russ.).

Galanina, Yu. E. (2010). On some realities in the mythological space of the Vyach Tower. Ivanova (based on archival materials). In: *Vyacheslav Ivanov. Research and materials, 1.* Saint Petersburg: Pushkin House Publishing House. 469—493. (In Russ.).

Kihney, L. G., Lamzina, A. V. (2021). The specifics of the "framework text" in M. A. Zenkevich's books "Wild Porphyry" and "Under the meat purple". *Philological class, 26 (3):* 112—124. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-10. (In Russ.).

Kolesnikov, S. A. (2011). The Church and fiction of the Silver Age: dialogue and confrontation. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics, 12 / 24 (95):* 5—12. (In Russ.).

Lamzina, A. V. (2024). The title in the lyrics of the Silver Age as a way of modeling dialogue with cultural tradition. In: *Metropolis and Diaspora: Alternative/Identical Worlds of twentieth-century Russian Literature. A collective monograph dedicated to the memory of Professor Vladimir Veniaminovich Agenosov.* Moscow: Lawyer Publishing Group. 241—250. (In Russ.).

Mashtakova, L. V. (2014a). The book of poetry "Cor Ardens" by Vyacheslav Ivanova: features of architectonics. In: IV Information School of a young scientist. All-Russian Interdisciplinary Youth Conference with international participation, collection of scientific papers. Yekaterinburg: Ural Academic Service Center Printing House. 97—103. (In Russ.).

Mashtakova, L. V. (2014b). "Cor Ardens" Vyach. Ivanova: Poetics of the titles of five poetic books. In: *The movement of time and the laws of genre. XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference of Wordsmiths.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 75—78. (In Russ.).

Panova, L. G. (2019). *Italianasia, rusea. Dante and Petrarch in the Artistic Discourse of the Silver Age from the Symbolists to Mandelstam.* Moscow: RGGU. 672 p. ISBN 978-5-7281-2913-4. (In Russ.).

Paperny, V. (2008). Vyach. Ivanov: Between Chernyshevsky and Boehme. In: *Universitas Tartuensis Humanoria: Littera Russicae.* Tartu: University of Tartu. 212—215. (In Russ.).

Proskurina, V. (2001). "Cor Ardens": the meaning of the title and the esoteric tradition. *New Literary Review, 5 (51):* P. 10. (In Russ.).

Puchkova, A. V., Terekhova, S. S. (2021). Realization of the concept of "unity" in Vyacheslav Ivanov's collection "Cor Ardens". *Kazan Science, 7:* 23—25. (In Russ.).

Sergeeva, E. V. (2004). Features of the lexical explication of the concepts “light” and “fire” in V. Ivanov’s poetry (cycle “Cor Ardens”). *Language and intercultural communication. Materials of the 1st Interuniversity scientific and Practical Conference.* 192—194. (In Russ.).

Sergeeva, E. V. (2009). Verbalization of the artistic concept ‘”time” in V. I. Ivanov’s cycle “Cor Ardens”. In: *Word. Dictionary. Literature. On the 225th anniversary of the founding of the Russian Academy.* Saint Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 300—304. (In Russ.).

Titarenko, S. D. (2012). *“Faust of our Century”: The Mythopoetics of Vyacheslav Ivanov.* St. Petersburg: Publishing House “Petropolis”. 654 p. ISBN 978-5-9676-0486-7. (In Russ.).

Tyurina, I. I. (1997). The Dionysian concept of love and death in the collection of Vyach. Ivanova “Cor ardens”. *Culture and text, 2:* 55—62. (In Russ.).

Tyurina, I. I. (2003). Dionysizim and the idea of life creation in V. Ivanov (personal and biographical aspect). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 1:* 35—39. (In Russ.).

The article was submitted 26.12.2024;
approved after reviewing 18.02.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Поташова К. А. Образ солнца в творчестве М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина : диалектика рационального и метафизического / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 273—289. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-273-289.

Potashova, K. A. (2025). Image of Sun in Works of M. V. Lomonosov and G. R. Derzhavin: Dialectics of Rational and Metaphysical. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 273-289. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-273-289. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ солнца в творчестве М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина: диалектика рационального и метафизического

Поташова Ксения Алексеевна
orcid.org/0000-0002-0164-0371
кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской и зарубежной литературы kseniaslovo@yandex.ru

Государственный университет просвещения (Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда проект № 23-78-01016

Image of Sun in Works of M. V. Lomonosov and G. R. Derzhavin: Dialectics of Rational and Metaphysical

Ksenia A. Potashova
orcid.org/0000-0002-0164-0371
PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature
kseniaslovo@yandex.ru

State University of Education (Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-78-01016

© Поташова К. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена поэтической космологии М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина. Космологическая поэзия Ломоносова и Державина рассмотрена в аспекте визуализации словесного художественного образа. В статье прослежена эволюция принципов создания космического пространства в философской поэзии второй половины XVIII века. Посредством соотнесения эмпирической и научной картины мира с основами христианского мировоззрения доказано, что при общем для поэтов понимании Вселенной как божественного творения, богопостижения как интеллектуального обращения к каждому элементу галактики поэтическая космология Ломоносова и Державина неодинакова. Утверждается, что «Утренние размышления о Божием величестве» Ломоносова явились безусловным образцом синтеза научного и эмпирического знания, его опытные наблюдения за движением небесных тел стали импульсом, наметившим взаимопроникновение символического и рационального взгляда на пространство Вселенной. Анализ произведения Державина «Утро» показал, что он, развивая астрономическую тему в русской поэзии, идет по пути эстетизации космоса, привнося в космогонию яркие цветосветовые детали. Выявлено новаторство художественной космологии Державина по отношению к физико-теологической поэзии Ломоносова, связанное с расширением изображения космического пространства за счет внимания к деталям описания земного бытия и его прославления.

Ключевые слова:
художественный образ; образ солнца; поэтическая космология; космос в поэзии; М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the poetic cosmology of M. V. Lomonosov and G. R. Derzhavin, focusing on the visualization of verbal artistic imagery within their cosmological poetry. The evolution of principles governing the creation of cosmic space in the philosophical poetry of the late 18th century is traced. By correlating empirical and scientific worldviews with the foundations of Christian belief, it is demonstrated that while both poets share a common understanding of the universe as a divine creation, their approaches to divine contemplation as an intellectual engagement with each element of the galaxy reveal distinct differences in their poetic cosmology. It is asserted that Lomonosov's "Morning Reflections on the Majesty of God" stands as an exemplary synthesis of scientific and empirical knowledge, where his observational experiences regarding celestial movements provide an impetus for a nuanced interplay between symbolic and rational perspectives on the universe's space. An analysis of Derzhavin's poem "Morning" illustrates how he advances the astronomical theme in Russian poetry by aestheticizing the cosmos, introducing vivid color and light details into his cosmogony. The innovative character of Derzhavin's artistic cosmology, in contrast to Lomonosov's physico-theological poetry, is identified as a result of expanding the depiction of cosmic space through a focus on the intricacies of earthly existence and its glorification.

Key words:
artistic imagery; image of the sun; poetic cosmology; cosmos in poetry; M.V. Lomonosov; G.R. Derzhavin.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Ломоносов.07+821.161.1Державин.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-273-289

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Образ солнца в творчестве М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина: диалектика рационального и метафизического

© Поташова К. А., 2025

1. Введение = Introduction

Вторая половина XVIII века явилась значимым периодом в развитии естественных и технических наук, временем появления большого количества оптических приборов, раздвинувших мыслимые границы вселенной и открывших человеческому глазу многообразие пространства галактики. Устремленность человека в космос определила сосуществование двух мировоззренческих моделей в оценке этого пространства: научное мировоззрение, связанное с пониманием пространства вселенной как объективного и реального, а также эмпирическое, в рамках которого постижение мира сопрягалось с «метафизической потребностью» [Левицкий, 2003, с. 27] человека в поиске смысла бытия. Отсутствие в XVIII веке четких границ между философией и естественными науками обусловило появление «физико-теологических произведений» [Левитт, 2006, с. 59], основывающихся на синтезе античной философии и святоотеческой литературы с научными наблюдениями, а также выдвигающих тезис, что, «хотя Бог непостижим, его можно постигать через чувственный мир» [Левитт, 2006, с. 59]. Ярким примером такого синтеза явилась поэзия М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина, задававшихся вопросом об устроении галактики. Научная новизна настоящей статьи определяется выявлением онтологии и эстетики образа солнца в поэзии Ломоносова и Державина.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — проследить эволюцию принципов создания космического пространства в философской поэзии второй половины XVIII века. В соответствии с поставленной целью в статье решается ряд задач, направленных на реконструкцию модели познания Вселенной и ее поэтического выражения в русской словесности XVIII века: выявить особенности поэтической космологии Ломоносова и Державина в аспекте визуализации

CC BY

словесного художественного образа; рассмотреть поэтику, эстетику и онтологию образа солнца как важного элемента художественной образности философской поэзии XVIII века; выявить особенности отражения символического и рационального взгляда на небесные светила в поэтической космологии Ломоносова и Державина. Решение поставленных задач направлено на выработку эффективной методологии анализа образов небесных светил, основанной на микроанализе художественного текста.

Поэзия XVIII века, связанная с осмыслением устроения мироздания, привлекает внимание синтезом естественно-научного знания и философских основ, таковыми стали размышления о небесных светилах в творчестве Ломоносова и Державина, открывшие дальнейший путь развития поэтической космологии Жуковского, Лермонтова, Тютчева. Материалом для исследования выступили «Утренние размышления о Божием величестве» (1743) Ломоносова, открывшие для русской поэзии процесс созерцания космического пространства, его «Письмо о пользе стекла», приложение к трактату «Явление Венеры на Солнце», отражающее философские взгляды поэта на вопросы познания, рассмотренные в сопоставлении со стихотворениями «Утро» и «Фонарь» Державина. К исследованию привлекается и так называемая физико-теологическая словесность — публицистика из журнала «Размышления о делах Божиих в Царстве натуры и Провидения на каждый день года» (1787—1788), открывшая многообразие астрономической образности.

Исследователи не раз обращались к выявлению специфики космической образности в творчестве Ломоносова и Державина. Отмечались жанровые особенности физико-теологической поэзии Ломоносова [Левитт, 2006], характерные для нее «черты церковной гимнографии» [Елепова, 2012, URL], смещение акцента с научной проблематики в сторону создания яркого «художественного образа» [Лебедев, 1990, с. 180], рассматривалась визуальная природа размышлений, основывающихся на перечислении «картин-доказательств, связавших зрительные образы и лирические раздумья в единый комплекс» [Павляк, 2011, с. 22]. Ученые обращали внимание и на значимое для художественного мира Ломоносова тождество познания и зрения, что обнаруживается, например, в работах М. Левитта, подчеркивающего разницу «между внутренним и внешним зрением, слабость чувственного зрения по сравнению с недостигаемым божественным прозрением» [Левитт, 2006, с. 68], и В. Л. Коровина, указавшего, что зрение выступает у поэта метафорой «приблизительного и точного (полученного в откровении) знания» [Коровин, 2017, с. 56]. Рассматривая космическую образность Державина в аксиологическом аспекте, ученые сходились во мнении, что поэт в своих стихотворениях говорит о «призвании человека стремиться к небесному отечеству» [Коровин, 2024, с. 37], космос в его

CC BY

творчестве понимается как стремление «к активному слиянию с богопорядком в природе, к сотворчеству с Богом» [Крон, 1995, с. 270], в центре поэтической космологии Державина лежит освобожденное от классицистических канонов понимание о том, что «благая тварная вселенная» имеет «свой бытийный центр в Боге» [Казин, 2019, с. 225]. Однако, несмотря на довольно большое количество исследований, посвященных астрономическим картинам в творчестве обоих поэтов, динамика космической образности, оформившейся под влиянием характерных для XVIII века «различных культурных токов» [Есаулов, 2019, с. 30], и более частный вопрос о значении оптической механики для создания эмоционально насыщенного образа небесного тела не получили целостного научного освещения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Солнце как зримая метафора Божьего величия в творчестве Ломоносова и Державина

В центре поэтической космологии классицизма лежит зримая метафора солнца как образного воплощения самого Божьего величества, именно взгляд на солнце позволяет представить, «каков Зиждитель сам» [Ломоносов, 1950—1983, т. 8, с. 117]. Такое понимание солнца положено в основу «Утренних размышлений о Божием величестве» (1743) Ломоносова и «Гимна солнцу» (1802) Державина. Трактовка образа солнца как «ключевого символа божественного величества» [Левицкий, 2012, с. 56] в одическом творчестве Державина не ставилась под сомнение. У Державина солнце представляется центром мироздания. Воспевая солнце, поэт прославляет самого Господа, восклицая: «О солнце! о душа вселенной! // о точный обликъ божества!» [Державин, 1864—1883, т. 2, с. 413]. Отождествляя Бога со светом, Державин рисует грандиозные космические картины, связанные с устройством мироздания, существующего благодаря тому, что Бог источает свет: «Пускай тотъ управляетъ нами, // Кто движетъ солнцами, звѣздами; // Онъ знаетъ ихъ и нашъ конецъ!» [Там же, с. 470]. Святой Григорий Богослов писал: «То, что для плотского человека солнце, то для духовных — Бог» [Григорий Богослов, 2000, т. 1, с. 390]. Так и у Державина, к солнцу сводится все живое, это «небесное лицо», которое «глядитъ // На всѣхъ веселое, веселое, младое» [Державин, 1864—1883, т. 2, с. 15], оно воплощает саму жизнь, существующую буквально до последнего солнечного луча («Какъ солнцѣ тускло ниспущаетъ // Послѣдніе свои лучи» [Там же, с. 413]). В этой связи солнце включено и в этические координаты человеческой жизни — это «небесъ всевидящее око» [Там же, с. 413], символ миропорядка, оно ассоциируется с христианской добродетелью («безсмертной правды солнца лучъ» [Там же, с. 590]). Державин, наблюдая за игрой солнечного луча, говорит

CC BY

о «законе естества», связанном с отражением света от него другими небесными светилами («Собщать ли солнцу блескъ звѣздамъ» [Там же, с. 219]), на этом физическом явлении поэт утверждает метафизику солнечного свечения («Богъ свѣта, преклонись на лиру, // И озари твоимъ лучемъ» [Там же, с. 413]), уподобляя его теплоте и свечению, идущему от Бога.

В поэзии Ломоносова однозначного объяснения образ солнца как христианский символ не получил. Если обратиться к тексту «Утренних размышлений…», несомненным представляется то, что поэт, испытывая безусловную радость приятия мира как Божественного творения, мыслит утро христианским чудом освобождения глаз «от мрачной ночи» и временем открытия многообразия мира («Уже прекрасное светило // Простерло блеск свой по земли, // И Божия дела открыло» [Ломоносов, 1950—1983, т. 8, с. 117]. При этом одной только констатации восхитительности солнца, заданной в открывающем стихотворение пейзажном экфрасисе утра, Ломоносову как ученому-астроному недостаточно. В связи с этим слишком поверхностным представляется сделанное А. В. Западовым заключение о мировоззренческих координатах поэта: «Христианские догмы были совсем чужды Ломоносову, не религиозные цели преследовал Ломоносов, занимаясь переложением псалмов» [Западов, 1961, с. 161].

Поэтическое размышление Ломоносова об утре наметило, по точному указанию В. В. Зеньковского, «первые проявления свободной религиозно-философской мысли», и это новаторство выразилось именно во взгляде на солнце, в порожденных им ассоциативных образах. При том, что солнце мыслится поэтом как Божественное творение («О коль пресветлая лампада, // Тобою, Боже, возжжена» [Там же, с. 118]), он ставит в один ряд с метафизическим рациональное обращение к солнцу. О совмещении эмпирики и научного знания Ломоносов в эмоциональной форме рассуждает в содержательных «Прибавлениях» к «Явлению Венеры на Солнце», отражающих философские взгляды поэта на вопросы познания. В то время, когда в астрономии стали активно появляться космогонические гипотезы о физических свойствах Вселенной, часто идущие вразрез с традиционной христианской картиной мира, Ломоносов формулирует основное назначение деятельности астронома в религиозной парадигме: «Воображаем себе тем явственнее Создателя, чем точнее сходствуют наблюдения с нашими предсказаниями; и чем больше постигаем новых откровений, тем громче Его прославляем» [Там же, т. 2, с. 372]. В сопряжении с христианским знанием такие представления поэта об астрономии, о предназначении астронома, заключающемся в прославлении «Божиего величества», и должны пониматься как магистральный вектор трактовки его «Утренних размышлений…», да и вообще развития астрономического знания в его трудах.

CC BY

В своих «Утренних размышлениях…» Ломоносов задается и сугубо научным вопросом о «светиле дневном»: что же есть солнце как физический объект галактики, какими природными свойствами оно обладает? Эти возможные свойства облекаются им в центральной, «астрономической» строфе стихотворения в светоносные и огненные метафоры, порожденные пониманием великости космического тела. Все вызванные светилом ассоциации такие же грандиозные, как и само солнце: «горящий вечно океан», «сия ужасная громада» [Там же, т. 8, с. 118]. Если Державин ограничивается поэтизаций теплоты солнечных лучей («лиющее златые реки», «но лишь солнце появилось // и затеплились кресты»), то Ломоносов стремится через воссоздание процесса умозрительного постижения космического объекта ответить на вопрос, что же там, на солнце. Взгляд на солнце порождает череду предположений: «там огненны валы стремятся», «там вихри пламены крутятся», «там камни, как вода, кипят» [Там же, с. 118]. В представлении Ломоносова солнце есть первооснова утреннего пейзажа, в обращении к нему как к космическому телу намечается оппозиция: «прекрасное светило» и «сия ужасная громада», однако антиномичными снабжающие солнце определения «прекрасная» и «ужасная» выступают только на первый взгляд. Стремясь постигнуть солнце, Ломоносов пытается дать ему измерение, именно широтой пространственных координат характеризуются космогонические картины «Утреннего размышления…»: солнце направляет свои лучи «по земли», или, более конкретно, на «поля, бугры, моря и лес», то есть на всю Землю. Аналогично и у Державина, передающего пространственную всеохватность в одном лишь пространственном местоимении «вся»: «Смотри и солнце золотое // Днесь лучезарнѣе горитъ;; <…> // На всѣхъ веселое, младое; // И будто вся играетъ тварь!» [Державин, 1864—1883, т. 2, с. 15].

Называние солнца «громадой» также вызвано этим стремлением охватить взором то, что не поддается конкретизации размера. В продолжение этого поэт перечисляет далее физические качества солнца, и каждая ассоциация вновь и вновь подчеркивает ограниченность научного познания, солнце оказывается неподвластным для установления его точной величины — это и «океан», и «валы», и «вихри». Невозможность измерить небесные светила Ломоносов подчеркивает и в созвучной астрономической картине в «Выбранной оде из Иова» (1751): «Бесчисленны тьмы новых звезд», «в обширности безмерных мест», «от солнца воссияли // Повсюду новые лучи» [Ломоносов, 1950—1983, т. 8, с. 338]. Здесь космическая картина такая же безмерная, эмпирическая. Державин, не подвергая сомнению грандиозность солнца («О благодетель вещества!»), делает его более «домашним», жизнь простого человека связывается с возможностью видеть солнечный луч, подобно народной традиции солнце ассоциируется с добротой и теплом: «...

CC BY

солнце красно // обратилося къ веснѣ»» [Державин, 1864—1883, т. 2, с. 4]; «Солнце блещетъ, какъ женихъ» [Державин, 1864—1883, т. 1, с. 276].

При описании физических качеств солнца примечательна у Ломоносова и череда действий, на нем происходящих: все действия стихийны, неподвластны человеку. Можно говорить и о том, что они вторят ранним добиблейским мифопоэтическим представлениям о мировом океане как воплощении хаоса, из которого в дальнейшем происходит вся Вселенная, и собственно Библейским картинам о сотворении мира, в особенности из Второго послания апостола Петра, где эсхатологической картине мироздания сопутствуют вода и огонь, к образам которых и обращается Ломоносов в своих размышлениях: «Вначале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою: потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков» [Библия, 2014, с. 1217].

Обобщающими наблюдения Ломоносова и Державина над солнцем становятся категории прекрасного и ужасного, понимаемые им как близкие эстетические категории. Введенные в условный «портрет» грандиозные его свойства создают образ солнца как «необычного и нетипичного» [Поташова, 2024, с. 179], доселе неизведанного, тем самым намечая в стихотворении проблему поиска сути познания небесного светила, которая развивается и в «Утренних размышлениях…», и в «Вечерних размышлениях о Божием величестве при случае великого северного сияния», и в «Письме о пользе стекла» Ломоносова, и в поэтической гимнографии Державина, задающегося вопросом о том, можно ли вообще познать Вселенную.

3.2. Физико-теологические размышления Ломоносова о феномене солнца

В обращении к солнцу Ломоносов использует два разнонаправленных взгляда. Объемным картинам в начале стихотворения, подразумевающим утверждение Божьего присутствия на земле и на небе, соответствует движение взора сверху вниз («Но взор Твой в бездну проницает // Не зная никаких предел» [Ломоносов, т. 8, с. 119], это собственно Божье покровительство, зримо переданное в метафорическом образе солнца, испускающего на землю свои лучи («От светлости Твоих очей // Лиется радость твари всей» [Там же, с. 119]). В центральной части поэтических размышлений вектор взгляда меняется на познавательный — от низа вверх, к солнцу. Обязательным условием, которое задает Ломоносов для постижения качеств солнца как небесного светила, является расширение физических границ человеческого зрения: «Когда бы смертным толь высоко // Возможно было возлететь, // Чтоб к солнцу бренно наше око // Могло, приблизившись, воззреть» [Там же, с. 117].

CC BY

Взгляд поэта переходит к стремлению приоткрыть неизведанную природу солнца, создавая при этом образ необычного глаза, в возможности которого входит «находить предметы, рассчитывать расстояния, фиксировать расположение вещей и их связи» [Богатырева, 2012, с. 238], то есть создается своего рода телескоп. Два ментальных процесса — видеть и знать — для Ломоносова оказываются взаимосвязанными, невозможно познать астрономическое явление без его приближенного разглядывания, без него человек обладает только предварительным знанием, что подчеркивается в первой же конструкции стихотворения со словом «уже», структурирующим ситуацию привычности для глаза («Уже прекрасное светило // Простерло блеск свой по земли» [Ломоносов, т. 8, с. 117]). Стоит отметить и то, что для Ломоносова подобные конструкции характерны и в поэтических контекстах указывают на ранее свершенное обладание научным знанием (как, например, в «Письме о пользе стекла»: «Уже в стекле нам барометры // Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры» [Там же, с. 519]). В трактате «Явление Венеры на Солнце» Ломоносов также отождествляет процесс научного познания галактики со зрительным восприятием, что проявилось не только на лексическом уровне (наиболее частотными в трактате являются глаголы *видеть, зреть, наблюдать* и их производные), но и в выдвинутой им идее «обсерваторова глаза» [Там же, т. 2, с. 368], основывающейся на понимании глаза как своего рода оптического механизма, приближающего человеческий разум к постижению Вселенной.

Физико-теологическим размышлениям Ломоносова оказывается созвучной теория «воспринимающего глаза» Леонардо да Винчи, заложившая основу «синтеза оптических, кинетических и анатомических опытов» [Лиманская, 2021, с. 180]. В работе «О глазе» да Винчи выводит ряд суждений онтологического толка о зрении как чуде, давшем возможность «вместить в себе образы всей Вселенной», о его Богом заданном предназначении направлять «человеческое размышление к созерцанию божественного» [да Винчи, 1935, т. 1, с. 211]. Эти суждения находят свое непосредственное развитие у Ломоносова, да и вообще оказываются созвучными астрономическим изысканиям XVIII века. У Ломоносова эта идея концентрируется в патетическом заключении из «Утренних размышлений…»: «И, на Твою взирая тварь, // Хвалить Тебя, безсмертный Царь» [Ломоносов, т. 8, с. 119]. Однако, хотя человечество обладает возможностью использования оптических приспособлений для астрономических наблюдений, поэт все же приходит к выводу о неосуществимости познания устроения галактики в абсолютной полноте. Ломоносов приравнивает обращение к сфере космоса к процессу богопостижения, что следует и из риторического воз-

CC BY

звания в заключительной строфе «Утренних размышлений…» («Творец! покрытому мне тмою // Простри премудрости лучи» [Там же]) и еще более явственно прослеживается в «Вечерних размышлениях…». Если в основу первых автор кладет форму монолога-самопознания, то вторые построены на ситуации диалога — обращения к «премудрым» ученым-астрономам, претендующим на полноту научного знания о Вселенной, с вопросами, хотя и касающимися небесных тел, но связанными с пониманием величия Творца: «Скажите ж, коль пространен свет? // И что малейших дале звезд? // Несведом тварей вам конец?» [Там же, с. 123]. И в этом воображаемом споре Ломоносов еще раз убеждается в невозможности познания Вселенной и в том, что человеку доступно лишь к ней прикоснуться.

«Утренние размышления…» Ломоносова — это размышления прежде всего поэта, а не ученого. Картины наблюдения за солнцем строятся им в предположительной форме: он рассужжает о том, что могло бы быть, если бы «бренно око» [Там же, с. 117] могло посмотреть на солнце. Само его описание строится на основе образов. Ломоносов привносит в поэзию особый тип созерцания астрономической Вселенной, которое, согласно учению Плотина, предполагает наличие «мыслящей потенции»: в данном случае это стремление постигнуть физические особенности солнца и зрительно-мыслительный акт, прозревающий форму объекта.

Идея о том, что главное назначение глаза в «познании чудес Творца» [Поташова, 2021, с. 135], развивается в публицистике протоиерея Покровского собора Иоанна (Харламова), а именно в статьях, размещенных в издававшемся им в 1780-х годах с целью популяризации научного знания журнале «Размышления о делах Божиих в Царстве натуры и Провидения на каждый день года». Журнал включает в себя статьи о различных астрономических и природных явлениях вперемежку с заметками о наблюдениях над устроением органов чувств, которые объявлены необходимыми человеку для «показания величества Божеской премудрости, силы и благости» [Размышления …, 1787, с. 127]. Так, в статье «Удивительное в зрении», вписывающейся в традицию физико-теологической словесности второй половины XVIII века, отец Иоанн создает гимн Творцу и прославляет человека как высшую ступень Божественного создания, именно «Божьей благостью» и чудом называет он возможность видеть. Вместе с тем автора интересует и сам механизм зрения, который, по его мнению, выходит за границы физиологической оптики. Конечной точкой световых лучей оказывается не только «жила зрительная» (чувства) и «производимые впечатления, какие внешние предметы делают в мозгу» (разум), но и «душа» [Там же, с. 124]. Поэтизируемая отцом Иоанном концепция перцептивного познания мира, центром которой является зрение, проецируется им и на

CC BY

наблюдения за солнцем как «прекраснейшим из творений». Наблюдение за солнцем в размышлениях автора состоит из двух этапов: собственно созерцание, открывающее цветовое и световое многообразие небесного тела (наблюдение над «златой ясностью», «блистательным жемчугом лучей» [Там же, с. 121], в цветовых эпитетах им выражается процесс воздействия на чувства), и восхищение солнцем как «совершенным» творением, что «человеческий глаз в полной мере понести не может», и это уже воздействие на душу человека. И здесь обнаруживаются созвучия с ломоносовской концепцией познания Вселенной из «Утренних размышлений…», за исключением того, что протоиерей Иоанн не стремится измерить то или иное астрономическое тело, но восхищается его красотой.

3.3. Созерцание красоты солнца как диалог с Богом в стихотворении «Утро» Державина

Концепцию апологии зрения развивает и Державин в стихотворении «Утро», в центре которого так же, как и у Ломоносова, оказывается астрономическая картина пробуждающегося солнца, вызывающая размышления автора о мироздании. Как и Ломоносов, Державин стремится охватить зрением все пространство Вселенной: «Какое зрѣлище! какой прекрасный пиръ // Открылся всей ему природы!» [Державин, 1864—1883, т. 2, с. 317]. Стихотворение основано на ситуации созерцания: старец-мудрец смотрит на пробуждающуюся природу, улавливая мельчайшие световые рефлексы солнца («Онъ зрѣлъ: какъ свѣта Богъ съ морями лишь сравнялся, // То алый лучъ по нихъ восколебался; // Посыпались со скалъ // Рубины, яхонты, кристаллъ» [Там же, с. 318]), все цветовое многообразие от воздействия его лучей («Багряны тѣни, бирюзовы // Слилися съ златомъ въ облакахъ, — // И все — сіяніе покрыло!» [Там же, с. 318]). Зрительная природа познания акцентируется на протяжении всего стихотворения: это и рефреном звучащие зрительные формулы («Онъ зрелъ», «Онъ видѣлъ», «Какое зрѣлище! какой прекрасный пиръ» [Там же, с. 317]), и само построение изложения, описывающего поступательное наблюдение за небесным телом и изменениями, происходящими в пространстве в связи с его пробуждением. Однако зрение в этом стихотворении иной природы, нежели у Ломоносова. Хотя Державиным и выбран тот же вектор взгляда от низа к верху («Возсѣлъ на мшистый пень подъ дубомъ многолѣтнымъ // И внизъ изъ-подъ вѣтвей пустилъ свой взоръ» [Там же, с. 317]) и возможности этого взгляда во много раз преувеличены, благодаря чему доступны пространственно широкие картины, которые не увидит человек в повседневности, но в этом взгляде отсутствует научный рационализм, это взгляд высшего порядка, духовное зрение. Державинское «Утро» в большей степени отвечает личностным переживаниям, понимается как поэтическая форма «выражения душевных

CC BY

устремлений» [Киселева, 2011, с. 75]. Нельзя не согласиться с А. Н. Пашкуровым, называющим идейным стержнем философской поэзии конца XVIII века «пафос духовного освобождения, полет» [Пашкуров, 2023, с. 41], при этом стоит дополнить, что мышление о мироздании у Державина приобретает новое звучание, связанное с идеей красоты, через которую постигается основа бытия. Именно в созерцании красоты небесного светила Державина устанавливает диалог с Богом, процесс созерцания обусловливает и сложную пространственную организацию стихотворения, соотнесенную и со взглядом лирического героя вверх на небо как на живописное полотно, и, наоборот, со взглядом вниз — взглядом Творца, обозревающего явленные в красоте Его творения.

Лирический герой стихотворения — Мудрец — не стремится познать физические свойства солнца, его размышления занимает солнце как божественное чудо, оттого «Утро» Державина по отношению к «Утренним размышлениям…» Ломоносова оказывается композиционно перевернутым. Державин начинает свое стихотворение с создания «портрета» солнца, данного в сугубо эстетическом ключе, а затем созерцает процесс распространения света от него по всему пространству Земли. Если Ломоносов распространение тепла и света фиксирует лишь в двух фразах («Простерло блеск свой по земли»; «От мрачной ночи свободились // Поля, бугры, моря и лес» [Ломоносов, т. 8, с. 118]), то Державин, сосредотачивая свой взгляд на пространстве Земли, акцентирует все многообразие нижнего яруса мироздания, населяя и расцвечивая его («А тамъ среди лѣсовъ гора переступаетъ, — // Подъемлетъ хоботъ слонъ и съ древъ плоды снимаетъ; // Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись // И на верблюдѣ поднялись» [Державин, т. 2, с. 318]). Под Божьим чудом Державин мыслит не только солнце, но и саму Землю, каждый элемент которой также есть доказательство Божьего присутствия. Космология Державина имеет временное измерение: по отношению к картинам неба и населяющим его солнцу, луне и звездам Державин использует время более архаичное, оттого небесные картины даны им в аспекте мифопоэтики, Земле же соответствует иное время и иное изображение, время от сотворения мира. Под *Вселенной* в своем поэтическом размышлении Державин понимает скорее обитаемую Землю, что согласуется с раннехристианским употреблением этого слова, небесные светила движутся именно над Землей, обеспечивая ее светом.

Избирая в качестве героя стихотворения старца Клеанта («Клеантъ, проснувшійся въ пещерѣ, всталъ // И свѣта дожидался» [Там же, с. 316]), или, точнее, греческого ученого стоика Клеанфа, Державин вступает в диалог с Ломоносовым-ученым, который в своем «Письме о пользе стекла» не раз вспоминает этого же мудреца в негативном ключе по отношению к на-

CC BY

учному астрономическому знанию («Коперник что учил, сомнения в том нет, // Клеантов не боясь, мы пишем все согласно» [Ломоносов, т. 8, с. 517]; «Коль точно знали б мы небесныя страны, // Движение планет, течение луны, // Когда бы Аристарх завистливым Клеантом // Не назван был в суде неистовым Гигантом» [Там же, с. 516]). Клеанф в своем «Гимне Зевсу» обращается к той же идее, что впоследствии и Ломоносов, и Державин («Нет ничего на земле, что помимо тебя бы возникло, // Нет ни в эфире небесном, ни в моря глубокой пучине» [Эллинские поэты, 1999, с. 202]), но взгляд его на Вселенную — это взгляд эмпирический («Вселенная предстает одним большим живым существом, душа которого — Бог, а сердце — Солнце» [Там же, с. 202]). Клеанф не принимает астрономических изысканий упомянутого Ломоносовым Аристарха Самосского, оставившего трактат «О величинах и расстояниях Солнца и Луны», в котором предпринята одна из первых попыток научных расчетов, описывающих солнечную систему. Плутарх сообщает: «Так Клеанф полагал, что греки должны привлечь к суду Аристарха Самосского за то, что он будто двигает с места центр мира, потому что сей муж пытался объяснять небесные явления предположением, что небо неподвижно» [Плутарх, 2000, с. 136]. В подобном соотношении находятся космогонические представления Ломоносова-ученого, отнюдь не исключавшего научного познания Вселенной, и Державина-поэта с его выраженным эмоционально-эстетическим принципом наблюдения за космическим пространством, при том что оба они ставят в центр познания именно зрительное начало.

4. Заключение = Conclusions

Принимая во внимание, что исследования в области астрономии явились в XVIII веке новым обширным научным знанием, направленным, по словам Ломоносова, на «лучшее исследование истины» [Ломоносов, т. III, с. 31], космические картины не могли не получить своего отражения в произведениях словесности. В то же время обращение к гимнографии Ломоносова и Державина, а также публицистическим сочинениям протоиерея Иоанна (Харламова) показывает, что присутствие астрономических образов в русской поэзии определилось не столько активным развитием оптической механики, сколько конкретно-чувственным наблюдением за космическими явлениями, что и сформировало особое отношение к космосу. Понимание пространства Вселенной как Божьего творения обусловило появление размышлений о сущности человеческого зрения в сопряжении с явлениями духовно-нравственного порядка и оформило образный комплекс физико-теологической словесности, понимающей небесные тела не только в буквальном значении, но и как духовный источник света, сим-

CC BY

вол Божьего присутствия, источник истины и просвещения. Безусловным образцом синтеза научного и эмпирического знания стали «Утренние размышления о Божием величестве» Ломоносова, его опытные наблюдения за движением небесных тел выступили импульсом, наметившим взаимопроникновение метафизического и рационального взгляда на пространство Вселенной, поэт привносит «свой эмпирический и свой духовный опыт» [Киселева, 2024, с. 54] в созданные картины мироздания. Развивая далее астрономическую тему в русской поэзии, Державин идет по пути эстетизации космической образности, привнося в космогонию яркие цветосветовые детали. Утренние размышления обоих поэтов объединяет обращение к Богу как Зиждителю или Зодчему, подчеркивается идея Божьего устроения мироздания, богопостижение представляется ими как интеллектуальное обращение к каждому элементу галактики. Однако если Ломоносов, будучи ученым-астрономом, в своих размышлениях стремится опытным путем познать физическую сущность небесных тел, то Державин, оттачивая каждую деталь, направленную на выражение красоты Вселенной, смещает регистр с прославления солнца на воспевание пространства земного бытия, тем самым формируя новый, эстетический вектор познания галактики.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Библия.* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : канонические : в русском переводе с параллельными местами и приложением. — Москва : Свет на Востоке, 2010. — 294 с. — ISBN 978-3-939887-77-5.

2. *Григорий* Богослов. Собрание творений : в 2 т. — Москва : АСТ, 2000. — 309 с. — ISBN 978-5-00127-336-3.

3. *Державин Г. Р.* Сочинения : [в 9 т.] / Г. Р. Державин ; с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. — Санкт-Петербург : Имп. Акад. наук, 1864—1883.

4. *Леонардо да Винчи.* [пер. А. А. Губера и др.]. — Москва : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2010. — 23 см. — ISBN 978-5-98062-027-1.

5. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений : в 11 т. — Москва, Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1950—1983.

6. *Плутарх.* О лике, видимом на диске Луны / В. В. Петров // Философия природы в античности и в средние века / Общая редакция, составление, введение : П. П. Гайденко, В. В. Петров. — Москва : Прогресс-Традиция, 2000. — С. 132—183.

7. *Размышления* о делах Божиих в царстве натуры и провидения на каждый день года : издание периодическое. — Москва : В типографии Компании типографической, 1787—1788. — 8° (22 см).

8. *Эллинские* поэты, VIII—III вв. до н. э. / Подгот. М. Л. Гаспаров и др. — Москва : Ладомир, 1999. — 515 с.

CC BY

Литература

1. *Богатырева Е. Д.* Оптика восприятия и топология мысли / Е. Д. Богатырева // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2012. — № 3 (10). — С. 236—244.

2. *Вавилов С. И.* Ночезрительная труба М. В. Ломоносова / С. И. Вавилов // Ломоносов : Сборник статей и материалов. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1946. — С. 71—87.

3. *Елепова М. Ю.* К вопросу о жанровой природе духовных од М. В. Ломоносова / М. Ю. Елепова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2012. —№ 3. — С. 88—93.

4. *Есаулов И. А.* Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 2. — С. 30—66. — DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262.

5. *Западов А. В.* Отец русской поэзии: о творчестве Ломоносова / А. В. Западов. — Москва : Советский писатель, 1961. — 282 с.

6. *Казин А. Л.* Космический дар в русской литературе и философии. Опыт междисциплинарного исследования / А. Л. Казин // Новый филологический вестник. — 2019. — № 2 (49). — С. 223—234. — DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00045.

7. *Киселева И. А.* Онтология стихии в художественном мире М. Ю. Лермонтова / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Философские науки. — 2011. — № 4. — С. 74—78.

8. *Киселева И. А.* М. Ю. Лермонтов как духовный преемник А. С. Пушкина / И. А. Киселева // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2024. — № 2 (117). — С. 45—48. — DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58

9. *Коровин В. Л.* Книга Иова в русской поэзии XVIII — первой половины XIX века / В. Л. Коровин. — Москва : Водолей, 2017. — 204 с. — ISBN 978-5-91763-373-2.

10. *Коровин В. Л.* «Закрой глаза — и ты увидишь» : стихотворение Г. Р. Державина «Явление» (1810) и “Die Erscheinung” Л. Козегартена / В. Л. Коровин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7 : Литературоведение. — 2024. — № 2. — С. 31—46. — DOI: 10.31249/lit/2024.02.02.

11. *Крон А.-Л.* «Евгению. Жизнь Званская» как метафизическое стихотворение / А.-Л. Крон // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. — 1995. — Т. IV. — С. 268—282.

12. *Лебедев Е. Н.* Ломоносов / Е. Н. Лебедев. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 602 с.

13. *Левитт М.* «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве» Ломоносова : опыт определения теологического контекста / М. Левитт // XVIII век. — 2006. — Т. 24. — С. 57—70.

14. *Левицкий А.* Образ солнца в поэзии Державина / А. Ливицкий // Русская литература. — 2012. — № 1. — С. 55—65.

15. *Павляк О. Н.* Ода М. В. Ломоносова «Утреннее размышление о Божием Величестве» (опыт аксиологического прочтения) / О. Н. Павляк // Балтийский филологический курьер. — 2011. — № 8. — С. 7—24.

16. *Пашкуров А. Н.* Предромантическая танатология в русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков как мировоззрение / А. Н. Пашкуров // Filologos. — 2023. — № 2 (57). — С. 39—45. — DOI: 10.24888/2079-2638-2023-57-2-39-45.

17. *Поташова К. А.* Батальная поэтика М. Ю. Лермонтова / К. А, Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — Т. 21. — № 2. — С. 176—195. — DOI: 10.15393/j9.art.2023.12183.

18. *Поташова К. А.* «Стекла оптики» как средство миропознания в стихотворении Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» / К. А. Поташова // Два века русской классики. — 2024. — Т. 6. — № 2. — С. 6—19. — DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-2-6-19.

19. *Лиманская Л. Ю.* К вопросу о взаимосвязи теории циркулярного движения, светотени и теории зрения Леонардо да Винчи / Л. Ю. Лиманская // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2021. — № 3. — С. 173—181. — DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-173-181.

Статья поступила в редакцию 08.12.2024,
одобрена после рецензирования 23.02.2025,
подготовлена к публикации 09.03.2025.

Material resources

Derzhavin, G. R. (1864—1883). *Essays: [in 9 volumes].* St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences. (In Russ.).

Gaidenko, P. P. (ed.). (2000). Plutarch. About the face visible on the Moon's disk. In: *Philosophy of nature in antiquity and the Middle Ages.* Moscow: Progress-Tradition. 132—183. (In Russ.).

Gregory the Theologian. Collected works: in 2 volumes. (2000). Moscow: AST. 309 p. ISBN 978-5-00127-336-3. (In Russ.).

Hellenic poets, VIII—III centuries BC. (1999). Moscow: Ladomir Publ. 515 p. (In Russ.).

Leonardo da Vinci. (2010). Moscow: Artemy Lebedev Studio Publishing House. 23 cm. ISBN 978-5-98062-027-1. (In Russ.).

Lomonosov, M. V. (1950—1983). *Complete works: in 11 volumes.* Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

Reflections on the works of God in the realm of nature and providence for every day of the year: periodical edition. (1787—1788). Moscow: In the printing house of the Printing Company. 8° (22 cm). (In Russ.).

The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments: canonical: in Russian translation with parallel passages and an appendix. (2010). Moscow: Light in the East. 294 p. ISBN 978-3-939887-77-5. (In Russ.).

References

Bogatyreva, E. D. (2012). Optics of perception and topology of thought. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University, 3 (10):* 236—244. (In Russ.).

Esaulov, I. A. (2019). Paraphrase and the formation of new Russian literature (problem statement). *Problems of historical poetics, 17 (2):* 30—66. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262. (In Russ.).

Kazin, A. L. (2019). The cosmic gift in Russian literature and philosophy. The experience of interdisciplinary research. *New Philological Bulletin, 2 (49):* 223—234. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00045. (In Russ.).

Kiseleva, I. A. (2011). The ontology of the elements in the artistic world of M. Y. Lermontov. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical sciences, 4:* 74—78. (In Russ.).

Kiseleva, I. A. (2024). M. Y. Lermontov as the spiritual successor of A. S. Pushkin. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences, 2 (117):* 45—48. DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58. (In Russ.).

Korovin, V. L. (2017). *The book of Job in Russian poetry of the XVIII — first half of the XIX century.* Moscow: Aquarius. 204 p. ISBN 978-5-91763-373-2. (In Russ.).

Korovin, V. L. (2024). "Close your eyes and you will see": a poem by G. R. Derzhavin "Phenomenon" (1810) and "Die Erscheinung" by L. Kozegarten. Social Sciences and Humanities. *Russian and foreign literature. Series 7: Literary Criticism, 2:* 31—46. DOI: 10.31249/lit/2024.02.02. (In Russ.).

Kron, A.-L. (1995). "Eugene. Zvanskaya's Life" as a Metaphysical Poem. *The Norwich Symposia on Russian Literature and Culture, IV:* 268—282. (In Russ.).

Lebedev, E. N. (1990). *Lomonosov.* Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 602 p. (In Russ.).

Levitsky, A. (2012). The image of the sun in Derzhavin's poetry. *Russian Literature, 1:* 55—65. (In Russ.).

Levitt, M. (2006). "Evening reflection on God's Majesty" and "Morning reflection on God's Majesty" by Lomonosov: the experience of defining the theological context. *XVIII century, 24:* 57—70. (In Russ.).

Limanskaya, L. Y. (2021). On the relationship between the theory of circular motion, chiaroscuro and Leonardo da Vinci's theory of vision. *Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Philosophy. Sociology. Art history", 3:* 173—181. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-173-181. (In Russ.).

Pashkurov, A. N. (2023). Pre-romantic thanatology in Russian poetry at the turn of the XVIII—XIX centuries as a worldview. *Philologos, 2 (57):* 39—45. DOI: 10.24888/2079-2638-2023-57-2-39-45. (In Russ.).

Pavlyak, O. N. (2011). Ode by M. V. Lomonosov "Morning reflection on God's Majesty" (experience of axiological reading). *Baltic Philological Courier, 8:* 7—24. (In Russ.).

Potashova, K. A. (2023). The battle poetics of M. Y. Lermontov. *Problems of historical Poetics, 21 (2):* 176—195. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12183. (In Russ.).

Potashova, K. A. (2024). "Glasses of optics" as a means of world knowledge in G. R. Derzhavin's poem "Eugene. Zvanskaya's Life". *Two centuries of Russian classics, 6 (2):* 6—19. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-2-6-19. (In Russ.).

Vavilov, S. I. (1946). *Lomonosov's Night vision tube. In: Lomonosov: Collection of articles and materials.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 71—87. (In Russ.).

Yelepova, M. Y. (2012). On the question of the genre nature of the spiritual odes of M. V. Lomonosov. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 3:* 88—93. (In Russ.).

Zapadov, A. V. (1961). *The Father of Russian poetry: about the work of Lomonosov.* Moscow: Soviet Writer. 282 p. (In Russ.).

The article was submitted 08.12.2024;
approved after reviewing 23.02.2025;
accepted for publication 09.03.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Турышева О. Н. Крылья Грегора Замзы : реализация мотива в русской мысли / О. Н. Турышева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 290—305. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-290-305.

Turysheva, O. N. (2025). Wings of Gregor Samsa: Motif's Implementation in Russian Thought. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 290-305. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-290-305. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Крылья Грегора Замзы: реализация мотива в русской мысли

Турышева Ольга Наумовна
orcid.org/0000-0002-3014-6153
доктор филологических наук, доцент
кафедра русской
и зарубежной литературы
oltur3@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Wings of Gregor Samsa: Motif's Implementation in Russian Thought

Olga N. Turysheva
orcid.org/0000-0002-3014-6153
Doctor of Philology, Associate Professor
Department of Russian
and Foreign Literature
oltur3@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Турышева О. Н., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рецепции новеллы Ф. Кафки «Превращение» в русской мысли. Целью статьи является анализ различных интерпретационных версий относительно наличия крыльев у превратившегося Грегора Замзы. Сопоставлены разные трактовки новеллы, актуализирующие внешний облик героя: русского переводчика Г. Ноткина, русского критика В. Белоножко, русскоязычного драматурга З. Сагалова, автора пьесы «Не верьте господину Кафке». Выявлено, что вопрос о крыльях Грегора имеет противоположное решение в научной и переводческой, с одной стороны, и художественной, с другой стороны, герменевтике новеллы. Вопрос о наличии у превратившегося Грегора крыльев был поставлен В. Набоковым. В научной и переводческой традиции, полемизирующей с трактовкой В. Набокова, превращение Грегора в жука, наделенного крыльями, отвергается. Художественный опыт герменевтики новеллы, наоборот, изображает Грегора крылатым существом. Релевантность такой интерпретации новеллы обоснована обращением к незаконченному роману Ф. Кафки «Свадебные приготовления в деревне», в котором содержится образ превращения в жука, наделенного крыльми. Сопоставительный анализ и наблюдения автора легли в основу оригинальной интерпретации новеллы. Предложенная трактовка подкреплена анализом повествовательной специфики новеллы и обращением к практике английского перевода лексемы, обозначающей насекомое, в которое превратился Грегор.

Ключевые слова:
Франц Кафка; новелла; *Превращение*; Зиновий Сагалов; образ Грегора Замзы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to the reception of Franz Kafka's novella "The Metamorphosis" within Russian intellectual discourse. The aim of this article is to analyze various interpretative perspectives regarding the presence of wings in the transformed Gregor Samsa. The analysis juxtaposes different readings of the novella, highlighting the perspectives of Russian translator G. Notkin, critic V. Belonozhko, and Russian-speaking playwright Z. Sagalov, author of the play "Don't Trust Mr. Kafka." It is revealed that the question of Gregor's wings presents contrasting resolutions in scholarly and translational hermeneutics on one hand, and artistic interpretations on the other. The issue of whether transformed Gregor possesses wings was raised by V. Nabokov, and in the scholarly and translational tradition that challenges Nabokov's interpretation, Gregor's metamorphosis into a winged insect is rejected. Conversely, artistic hermeneutics portray Gregor as a winged creature. The relevance of this interpretation is substantiated by referencing Kafka's unfinished novel "Wedding Preparations in the Village," which contains an image of transformation into an insect with wings. The comparative analysis and observations presented by the author form the basis for an original interpretation of the novella, supported by an examination of its narrative specifics and a discussion of English translation practices regarding the lexeme denoting the insect into which Gregor transformed.

Key words:
Franz Kafka; novella; *The Metamorphosis*; Zinovy Sagalov; image of Gregor Samsa.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.112.2Kafka.06
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-290-305

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Крылья Грегора Замзы: реализация мотива в русской мысли

© Турышева О. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Есть все основания считать, что в отечественной герменевтике новеллы Франца Кафки «Превращение» доминирует апокалиптическая интерпретация. В ее рамках катастрофа, произошедшая с Грегором Замза, как правило, объясняется неумолимым действием непостижимых высших сил, а ее смысл связывается с выражением мысли об изначальном алогизме человеческого бытия, одиночестве, униженности и ничтожности человека перед лицом необходимости. Содержание этой трактовки хорошо резюмировал Юрий Владимирович Манн в работе 1999 года, посвященной типологическим связям Кафки и Гоголя: «Отказали какие-то коренные законы бытия», и «рушится весь образ жизни, угроза нависает над коренными основами индивидуального существования», — пишет Манн по поводу метаморфозы Грегора Замзы [Манн, 1999, с. 165—166]. Такая трактовка, конечно, отвечает трагическому пафосу новеллы и всего творчества Кафки, но, как представляется, вовсе не исчерпывает его. Недаром в русской мысли о «Превращении» было замечено, что превратившийся Грегор обладает крыльями.

Впервые на это обратил внимание В. Набоков. В лекциях, прочитанных американским студентам в 1950-е годы, Набоков предпринял опыт реконструкции внешнего вида Грегора после метаморфозы. Опора на энтомологическое знание позволила ему обнаружить схожесть насекомого, в которого превратился Грегор, с майским жуком. Майский жук, утверждает Набоков, под жестким панцирем имеет «жиденькие крылья», с помощью которых он может «в неуклюжем полете преодолевать многие километры». Однако, пишет Набоков, «Грегор так и не узнал, что под жестким покровом на спине у него есть крылья» [Набоков, 1998, с. 335].

В статье предлагается сопоставление реакций русских и русскоязычных профессиональных реципиентов «Превращения» на мнение Набокова об облике превратившегося Грегора. Актуальность такого сопоставления

CC BY

связана с необходимостью дальнейшей интерпретации новеллы Кафки, считающейся одним из самых загадочных произведений европейской литературы XX века. Кроме того, выявление специфики решения вопроса о наличии у превратившегося Грегора крыльев в русской мысли позволит выявить и характерные для нее векторы понимания «Превращения». Статья предлагает новый аспект в герменевтике новеллы, не фигурировавший в наших предыдущих работах, посвященных «Превращению».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал исследования составляют разные трактовки новеллы, актуализирующие внешний облик героя и предложенные в рамках русской и русскоязычной мысли. Среди них трактовка переводчика творчества Ф. Кафки на русский язык Г. Ноткина, русского критика В. Белоножко, русскоязычного драматурга З. Сагалова, автора пьесы «Не верьте господину Кафке». В статье предпринимается сопоставление научной и художественной герменевтики «Превращения» в аспекте решения вопроса об облике существа, в которое превратился Грегор Замза. Подобное сопоставление ранее не предпринималось.

Анализ художественной рефлексии о «Превращении», представленной в фантазийной пьесе З. Сагалова, которая не была до сего момента предметом научного исследования, опирается на имманентную и интертекстуальную методологию. В качестве интертекстуального материала мы обращаемся к фрагменту незаконченного произведения Ф. Кафки 1906—1907 годов, опубликованного М. Бродом после смерти Кафки под названием «Свадебные приготовления в деревне». Привлечение этого незавершенного текста также позволяет осуществить «методологию параллельных мест» — базовую, по определению А. Компаньона, литературоведческую методологию, которая состоит в использовании для прояснения семантически темного фрагмента другого фрагмента того же автора [Компаньон, 2001]. Поэтому обращение к «Свадебным приготовлениям в деревне» обеспечивает интерпретирующую стратегию в отношении новеллы «Превращение». В свою очередь и пьеса З. Сагалова рассматривается ка опыт художественной герменевтики «Превращения». Так, сквозь призму фантазии Сагалова и привлечения «параллельных мест» из другого произведения Кафки уточняется ранее выдвинутая нами интерпретация «Превращения» [Турышева, 2021а].

Решение вопроса об облике существа, в которое превратился Грегор Замза, также опирается на лингвистический анализ этимологии лексемы, использованной Кафкой для описания превратившегося героя, предпринятый С. Бернофски, а также практику ее перевода на английский язык, охарактеризованную У. Гудерхамом.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Критика набоковской реконструкции

В научной герменевтике «Превращения» изложенная выше энтомологическая версия Набокова не была воспринята серьезно. Наоборот, со стороны исследователей и переводчиков Кафки реконструкция Набокова была подвергнута однозначной критике. Так, Герберт Ноткин в эссе, написанном в форме диалога с Набоковым, упрекнул его энтомологическую «диагностику» в недостоверности, ссылаясь на Т. Адорно и Г. Яноуха: «Вы категорически отметаете таракана. А как насчет клопа, Владимир Владимирович? Это не только у меня возникает такой вопрос, вот и Адорно, вспоминая вслед за Беньямином о способности Кафки оживлять, материализовывать метафоры, “ловя их на слове”, пишет: “Иногда те или иные слова, в особенности метафоры, вырываются из текста и обретают независимое существование”. И далее: “В “Превращении” можно, продолжая линию дословности, рассматривать путь эволюции впечатлений: “Эти коммивояжеры — как клопы“ — расхожее выражение, которое Кафка, с его самоощущением наколотого на булавку насекомого, должен был подхватить…”. И по свидетельству Густава Яноуха, Кафка говорил: “Клоп”. Да и превращение произошло в постели… Слышу-слышу Ваше презрительно-возмущенное: “Постельный клоп — кровососущий паразит. А паразиты — это члены семьи Грегора, а не он”. Если и так, то ведь только *до* превращения, Владимир Владимирович. А уж после превращения паразитировать на Грегоре они никак не могут, роли меняются» [Ноткин, 2011].

Неприятие энтомологической версии Набокова в эссе Г. Ноткина обосновано не только опорой на мнение Т. Адорно и Г. Яноуха. Оно также связано с его категорическим несогласием с набоковской интерпретацией «Превращения». Набоков читает «Превращение» как новеллу о предательстве героя его семьей, настаивая на том, что животное, нечеловеческое начало отличает не столько превратившегося Грегора, сколько его бессердечных родственников. Грегору же Набоков присваивает одиночество и неизбежно трагическую судьбу непонятого гения: «Обособленность, странность так называемой реальности — вечные спутницы художника. Семья Замзы вокруг фантастического насекомого — не что иное, как посредственность, окружающая гения» [Набоков, 1998, с. 337]». Такая интерпретация, выводящая трагедию превращения из романтического конфликта между творчески одаренной личностью и ее посредственным окружением, вызывала несогласие не только у Г. Ноткина. Ю. Данилкова пишет: «Эта интерпретация <…> казалось бы, ни коим образом не проистекает из анализа текста новеллы: Грегор Замза предстает как обладатель вполне “буржуазной”, прозаичной профессии. Однако это не мешает Набокову говорить о Замзе как о “гении”,

CC BY

а не просто о страдающем человеке. Многомерная реальность произведений Кафки не позволяет судить о правильности заключений В. Набокова» [Данилкова, 2021, с. 30]. Г. Ноткин, также отвергая романтический пафос Набокова, призывает видеть в Грегоре не непонятого художника и жертву экономического и психологического насилия со стороны семьи, а того, кто ответственно выполняет свои сыновние обязанности.

Впрочем, такая интерпретация вступает в противоречие с интертекстуальным наблюдением, предлагаемым Г. Ноткиным в этом же эссе: аллюзивное привлечение рассказа Дж. Лондона «Отступник» принуждает критика все-таки признать в превращении Грегора семантику побега из-под власти семьи: «Пресс сильнее всего давит на него. Он устал физически, он устал от унижений <…> Что бывает под таким непрерывным давлением обстоятельств? Приходит на память убежавший от изматывающей работы, нарушивший долг и бросивший родных маленький отступник из одноименного рассказа Джека Лондона. Он не хотел их бросать, он — не выдержал и превратился в отступника. Так пар, непрерывно сжимаемый под поршнем, в конце концов испытывает превращение: в какой-то момент начинается ожижение. А здесь — ожуковление» [Ноткин, 2011]. В этом пассаже Г. Ноткин невольно подтверждает критикуемую им трактовку Набокова о превращении как результате невыносимого внешнего давления и отчуждения человека от самого себя.

Другой пример критики набоковской реконструкции — статья В. Белоножко, который называет «энтомологическую перлюстрацию» «Превращения» безнадежной ошибкой, а самого Набокова обвиняет в эстетской тенденциозности: «Набоков изо всех сил пытается сконструировать физический облик Грегора Замзы в ипостаси жука», так как «клоп — самое отвратительное и мерзкое насекомое <…> [но] в истории семейства Грегора Замзы клоп-кровосос — пусть символически — сыграл бы более определенную роль», — пишет В. Белоножко, поддерживая версию Г. Ноткина [Белоножко]. Впрочем, в интерпретации этого исследователя акцент сделан на биографических основаниях кафковской фантазии: «Кафка имел здесь в виду одного себя <…> Это свои семейственные узы он врастил в хитиновый панцирь насекомого. <…> Конечно, подразумевая самого себя, он рисовал лишь надежды и упования своего семейства, которые всеми силами своей писательской натуры вынужден был дискредитировать <…> таково уж было его призвание и роковая участь» [Белоножко].

Эта интерпретация также не свободна от противоречий, которые, впрочем, становятся предметом размышлений самого ее автора: предвосхищая вопрос о том, почему Кафка использовал образ «мерзкого насекомого», если он имел в виду самого себя, В. Белоножко пишет: «Личина насекомого — это

CC BY

как бы удаление в монастырь одиночества, приспособленного для размышлений и подведения итогов прожитой и непрожитых жизней» [Белоножко].

Возражение также вызывает утверждение В. Белоножко о том, что образ кровососущего насекомого символически был бы более оправдан в авторской концепции Кафки. Представляется, что характер изображения превратившегося Грегора, в образе которого так выразительно подчеркнуты страх обременения семьи и готовность освободить ее от тягот добровольной смертью, вряд ли сочетается с паразитическими качествами, присваиваемыми ему Г. Ноткиным и В. Белоножко. Причем допущение о клопе не согласуется даже с содержанием самих выдвигаемых интерпретаций. Таким образом, оба привлеченных нами критических мнения в доказательстве уязвимости энтомологической версии Набокова предлагают не менее уязвимые трактовки.

3.2. Актуализация мотива крыльев в пьесе З. Сагалова

Если в ***критической*** мысли набоковская реконструкция была отвергнута, то в ***художественной*** рефлексии о новелле Кафки мотив крыльев у превратившегося Грегора получил свою реализацию — в одноактной пьесе З. Сагалова «Не верьте господину Кафке». Зиновий Сагалов (1930—2020) — известный драматург, сценарист и литератор. Пьеса «Не верьте господину Кафке» была написана в 2005 году в Германии, где он пребывал в последние годы своей жизни. На российской сцене спектакль по пьесе был поставлен в Московском драматическом театре «Свое время» (реж. М. Штерн) и Театре Историй (реж. К. Календарева).

В фантазийной драме З. Сагалова Грегор превращается в жука, не просто знающего о своих крыльях, но и пользующегося ими. Причем превращение несчастного маленького человека в летающего жука изображено в пьесе как инициированное самим Кафкой: Кафка выведен в качестве одного из героев пьесы. Он снимает комнату в пансионе, хозяйкой которого является Грета Замза. Собственно, вся пьеса представляет собой монолог Греты, которая пишет письмо прокурору с доносом на своего постояльца Кафку. Преступления, которые Грета вменяет Кафке, — это очернительство ее семьи в новелле «Превращение», его семитское происхождение, практикуемая им черная магия и, главное, околдовывание и расчеловечивание брата, превращение его «во врага государства». Грету терзает и то, что дружба Грегора с Кафкой сделала его счастливым:

«Придет к ночи [после встречи с Кафкой], — рассказывает Грета, передавая реплики брата, — глаза блестят, возбужденный, будто со свидания с любимой девушкой. О чем же вы столько говорили, спрашиваю. “Ой, сестричка, о разном, всего не упомнишь. Учит он меня жить вне жизни”. Это как такое может быть? “Да я еще сам толком не знаю, вот только учусь”» [Сагалов].

CC BY

Очевидно, что метафора «жизнь вне жизни» у Сагалова означает преодоление зависимости от тягот обыденной жизни, унижающих достоинство. Недаром драматург присваивает Грегору военное прошлое: во время Первой мировой войны он служил в кавалерийском корпусе, стал инвалидом в результате газовой атаки на французов и получил железный крест за храбрость. В этом сюжете Сагалов разворачивает намеченный в «Превращении» мотив военной службы Грегора, представленный у Кафки описанием висящей в гостиной фотографии: на ней «был изображен лейтенант, который, положив руку на эфес шпаги и беззаботно улыбаясь, внушал уважение своей выправкой и своим мундиром» [Кафка, 2004, с. 15].

Нынешнее положение Грегора в драме Сагалова тяготит и раздражает Грету: должность коммивояжера, которую она выпросила для брата, окончательно уничтожила его здоровье и обессмыслила жизнь. В фантазии Сагалова он служит коммивояжером исключительно ради собственного пропитания: родители его умерли до событий, лежащих в основе действия драмы, а Грета является вполне обеспеченной хозяйкой пансиона, и мечты брата оплатить ей учебу в консерватории вызывают у нее только презрительный смех. Впрочем, сам Грегор у Сагалова лишен чувства ресентимента, его мучает усталость и бессмыслица обыденного существования. В представлении Греты, Кафка («чернокнижник и дьявол») и научил Грегора избавлению — через превращение в жука, наделенного крыльями: «Прилетел, сел на подоконник, крылышки сложил, глазищами крутит. Вот они, крылья, о которых он, подлец, мечтал. Скучно ему, видите ли, ходить по земле» [Сагалов].

Однако крылья не спасают Грегора: Грета казнит брата за попытку освобождения, заманивая его в фанерный ящик и уничтожая собственноручно приготовленным инсектицидом. Заканчивается ее письмо прокурору требованием привлечь к ответственности самого Кафку — за распространение антипатриотических идей и вовлечение в семитский заговор против государства ее брата, вследствие чего тот и утратил человеческий облик. Грегор становится здесь жертвой не только бессердечия семьи, но и государственной идеологии. Действие в пьесе разворачивается в конце 30-х годов, когда Чехословакия была оккупирована нацистской Германией. А финал пьесы содержит лаконичную информацию о смерти Кафки от туберкулеза (в контексте произведения ее можно прочитать и как результат газовой атаки Греты) и гибели в концентрационных лагерях его сестер и Милены Есенской.

Монодрама Сагалова — это произведение с отчетливым антитоталитарным пафосом. Мотив присвоения Грегору осознания своих прав и возможностей и опыта освобождения значительно усиливает этот пафос. Не-

CC BY

даром Сагалов присваивает событию превращения не катастрофическую (как в научной герменевтике), а положительную семантику — семантику преодоления и освобождения, связывая трагедию героя не с зооморфным превращением, а с внешним преследованием за претензию на свободу.

3.3. Мотив крыльев в незавершенном произведении Кафки

Релевантность фантазии З. Сагалова — о позитивном освободительном смысле превращения Грегора — подтверждается и контекстом кафковского творчества. Так, «Превращению» предшествует опыт незавершенного романа 1906—1907 годов, изданного Максом Бродом под названием «Свадебные приготовления в деревне». В нем уже содержится образ превращения человека в жука, причем, жука, отчетливо наделенного крыльями.

Герой данного фрагмента — смертельно уставший молодой человек Эдуард Рабан, который испытывает сокровенное желание отправить тело выполнять необходимые социальные функции, оставив душу в постели. Причем герой отождествляет себя именно с душой, которая, отпустив тело, «приобретает фигуру какого-то большого жука, жука оленя или майского жука» [Кафка, 1999, с. 87].

В «Превращении» Кафка не называет определенно насекомое, в которого превратился Грегор. Недаром номинация существа, в образе которого Грегор обнаружил себя «после беспокойного сна», — *ungeheuren Ungeziefer* — является серьезной проблемой для переводчиков и комментаторов. Как пишет переводчик новеллы на английский язык С. Бернофски, *Ungeziefer* происходит от средневерхненемецкого *ungezibere*, отрицательной формы древневерхненемецкого *zebar*, что означает ‘жертвоприношение’ или ‘жертвенное животное’: «Таким образом, “ungezibere” — это нечистое животное, непригодное для жертвоприношения, а “Ungeziefer” описывает класс отвратительных ползучих тварей. Это слово в немецком языке в первую очередь ассоциируется с шестиногими существами <…>. “Ungeziefer” также используется в неформальной речи как синоним слова “жук”, хотя его коннотация — “грязный, отвратительный жук”» [Bernofsky, 2014].

Как следует из обзора У. Гудерхама, сопоставившего разные переводы первой фразы новеллы на английский язык, в большинстве случаев переводчики тяготеют к лексемам *жук*, *насекомое* и *паразит*, только в двух переводах использованы слова *клоп* (перевод 2014 года К. Монкриффа) и *таракан* (перевод 2007 года М. Хофманна) [Gooderham, 2015]. Напомним, что С. К. Апт переводит *ungeheuren Ungeziefer* как *страшное насекомое*.

Ссылку на трудности и разнообразие перевода лексемы, обозначающей существо, в которое превратился Грегор, мы используем для акцентирования того факта, что Кафка в «Превращении» избегал какой-либо определенности в описании метаморфозы героя. Известно также, что Кафка категори-

CC BY

чески сопротивлялся и иллюстрированию своей новеллы при подготовке ее первой публикации в 1915 году. Реконструировать внешний вид и видовую принадлежность насекомого, в которого превратился Грегор, Набокову позволили только его специальные знания в области энтомологии. А в фантазии Эдуарда Рабана из фрагмента «Свадебные приготовления в деревне» вид жука автором четко обозначен. И это жук, как сказал бы Набоков, которому, видимо, этот фрагмент был незнаком, способный к полету. Более того, это «большой жук», как и предполагал Набоков, читая «Превращение».

Однако сам Эдуард Рабан спасительные возможности метаморфозы в «майского жука или жука-оленя» связывает не с наличием крыльев, а со способностью такого жука впадать в спячку. В истории Рабана сон — залог отдыха, утешения и освобождения от изнурительных социальных обязанностей. Поэтому в данном фрагменте метаморфоза, о которой мечтает герой, наполняется исключительно положительным в восприятии героя содержанием: она позволила бы ему пережить в беспамятстве сна те моменты жизни, которые кажутся ему трудно выносимыми в реальности. Рабан — литературный предшественник Замзы, но если в случае Рабана превращение в большого жука — только мечта, то Замзу Кафка терзает ее осуществлением.

Так, обретя облик жука, Грегор, не обнаруживает ни способности «впадать в спячку» (которую в фантазии лелеет Рабан), ни наличия крыльев (о которых Рабан не задумывается, но которые априори подразумеваются в облике насекомого, с которым он связывает возможность отдыха). Замза, наоборот, после превращения теряет сон. Единственное упоминание о сне, похожем на обморок, приходится на вечер первого дня превращения. Впоследствии же Грегор, как неоднократно сообщается, «лежал долгими ночами, не засыпая ни на одно мгновение» [Кафка, 2004, с. 27].

3.4. Мотив крыльев в «Превращении»

Мотив крыльев, намеченный, но не реализованный в «Свадебных приготовлениях в деревне», имплицитно присутствует и в «Превращении». Его можно разглядеть в описании того, как бессонными ночами Грегор-жук «не жалея трудов, придвигал кресло к окну, вскарабкивался к проему и, упершись в кресло, припадал к подоконнику, что было явно только каким-то воспоминанием о чувстве освобождения, охватывавшем его прежде, когда он выглядывал из окна» [Кафка, 2004, с. 27]. Воспоминание о чувстве освобождения, возникавшее при взгляде из окна в бытность Грегора человеком, аллюзивно вполне возможно соотнести с мечтой о крыльях, которая, видимо, брезжит на периферии сознания и после превращения.

В то же время вполне определенно мотив крыльев звучит в сцене, описывающей, как Грегор-жук наблюдает за тем, как Грета ищет его, загляды-

CC BY

вая под диван: «Ведь где-то, о господи, он должен был находиться, не мог же он улететь!» [Кафка, 2004, с. 21] (Gott, er mußte doch irgendwo sein, er hatte doch nicht wegfliegen können) [Kafka, 2004, S. 20]. Данное восклицание вполне возможно рассматривать как форму несобственно-прямой речи самого Грегора (об этой особенности субъектной организации «Превращения» подробно см.: [Бровина, 2008, 2009; Пестова, 2010; Павлова, 2003; Павлова, 2005]), и в этом случае становится очевидно, что он однозначно и с горькой иронией отвергает способность своего нового тела летать. Следовательно, превратившийся Грегор предпринимает двойное отрицание в отношении новообретенного облика: он отрицает возможность «впадать в спячку» и возможность «неуклюжего» полета [Набоков, 1998]. Это двойное отрицание, предпринятое Грегором и обусловившее его гибель, зеркально соответствует его номинации в первом предложении новеллы: «ungeheuren Ungeziefer».

3.5. Пьеса З. Сагалова как опыт художественной герменевтики «Превращения»

Таким образом, если в «Превращении» герой лишен осознания своих возможностей, то в пьесе Сагалова, наоборот, превращение в жука мотивировано желанием героя с помощью крыльев преодолеть унижение. Причем у Сагалова положительный характер метаморфозы подчеркивается еще одним мотивом: драматург присваивает самому Кафке желание спасти своего героя, искупить перед ним вину — за то, что в новелле обрек его на муки и смерть.

Введение этого мотива — мотива ответственности автора за своего героя — потребовало от драматурга оригинальной разработки временно*й* организации пьесы. Действие в ней разворачивается в конце 1930-х годов и связывается с событиями начала Второй мировой войны, а именно немецкой оккупации Чехословакии. В контекст этих событий Сагалов вписывает сюжет дружбы Кафки с Грегором. В его драматургической фантазии Кафка познакомился с Грегором уже после создания новеллы «Превращение», которую он, по мысли Сагалова, писал «с натуры», наблюдая за семьей Замза. Поселение в пансион Греты и знакомство с Грегором представлено у Сагалова как покаянный поступок автора, который пытается спасти своего героя от участи, ранее для него придуманной, и придуманной небезосновательно: Кафка в изображении Сагалова смог разглядеть в Грегоре и убийственную усталость, и жертвенное начало — то, что в новелле было изображено как условия бессознательной метаморфозы и добровольной смерти. Поэтому, встретившись с Грегором спустя годы после создания новеллы, Кафка пытается придать его жизненному сюжету спасительное завершение: наделить крыльями и так позволить ему осуществить ранее

CC BY

неосознаваемую претензию на свободу. В результате трагизм ситуации у Сагалова переводится из плоскости взаимодействия героя со своим бессознательным (как это было в новелле Кафки) в плоскость взаимодействия героя с внешним миром, отравленным преступной идеологией. Эти смыслы подчеркнуты и в эпилоге пьесы, где сообщается о гибели в газовой камере сестер Кафки и его возлюбленной.

Обратим внимание на то, что разработка данной семантики потребовала от Сагалова отступления от фактов: Кафка умер в 1924 году и, следовательно, никак не мог наблюдать рост антисемитизма в стране периода конца Первой Чехословацкой республики. Второе предпринятое в пьесе допущение касается знакомства Греты с содержанием новеллы «Превращение». Известно, что новелла при жизни Кафки опубликована не была. Конечно, данные допущения оправданы художественной природой фантазии Сагалова. Более того, только перевод действия в 1930-е годы, как и присвоение «Превращению» статуса опубликованного издания позволили драматургу развернуть антинацистскую проблематику, которая в пьесе является сюжетообразующей, оправдывая ее фактографическую неточность.

При этом следует отметить, что пьеса Сагалова свидетельствует о хорошем знании автором кафковского творчества и кафковской биографии. Он цитирует «Письмо к отцу», некоторые новеллы Кафки, его дневники. В частности, поэтому, а также потому, что он разрабатывает мотив, имплицитно присутствующий в творчестве Кафки, его драматургическую фантазию можно рассматривать в качестве опыта герменевтики «Превращения», где метаморфоза Грегора выглядит как попытка преодоления тягот обыденной жизни. Логика художественной интерпретации, предпринятой Сагаловым, обоснована наличием ее оснований в творчестве Кафки и в свою очередь повышает убедительность герменевтики «Превращения» как новеллы о неудавшемся освобождении.

Мотив ответственности автора за своего героя, введенный Сагаловым, переводит его драму в разряд металитературных произведений, разрабатывающих тему взаимоотношений автора и героя. Интересно, что в европейской литературе этот мотив начинает формироваться в начале XX века (об этом подробнее см.: [Турышева, 2021б]), а у Сагалова он оказывается связан с творчеством Кафки, одного из самых значительных европейских писателей этого времени. Видимо, писательская интуиция позволила Сагалову реализовать потенциально актуальное для европейского модернизма содержание.

Примечательно, что в модернистских произведениях с сюжетом взаимоотношения автора и героя, как правило, разрабатывается тема власти автора над героем: изображенный в таких произведениях автор утверждает свое безусловное право поступать со своим героем так, как ему заблаго-

CC BY

рассудится, оправдывая это право своим демиургическим статусом. Так, героем романа Мигеля Унамуно «Туман» (1914) является автор, высмеивающий претензии своего героя на самостоятельный поступок и убивающий его в финале. Подобным образом в отношении своих героев поступает изображенный автор в романах К. Вагинова «Козлиная песнь» (1928) и «Труды и дни Свистонова» (1929). Кафке же Сагалов присваивает глубоко сочувственное и покаянное отношение к своему герою, что в интертекстуальной перспективе также задает важный вектор в понимании и интерпретации новеллы «Превращение». Опираясь на версию Сагалова, мы и пафос «Превращения» можем связать с мыслью об «участном», по знаменитому бахтинскому выражению, понимании автором своего героя.

4. Заключение = Conclusions

Предпринятое нами сопоставление разных трактовок облика превратившегося Грегора, а также актуализация интертекстуального контекста новеллы «Превращение» с фрагментом «Свадебные приготовления в деревне» и пьесой З. Сагалова «Не верьте господину Кафке» позволяют по-особому осветить вопрос о трагическом содержании новеллы. Его вполне возможно связывать вовсе не с тем, что герой превращается в насекомое, будучи жертвой непостижимых высших сил, что является интерпретационной традицией в отечественной герменевтике, но с тем, что Грегор Замза не смог осознать зооморфное превращение в качестве материализации собственной глубинной потребности. Мы можем трактовать превращение Грегора как метафору бегства от тягот обыденной жизни, но бегства, ставшего результатом деятельности бессознательного, а не сознания. С новообретенным обликом возможность освобождения героем не связывается. Единственный выход, который находит герой, — это выход, прямо противоположный тем возможностям, которые открывала перед ним зооморфная метаморфоза.

Выдвинем еще одно предположение, вытекающее из вышеизложенной интерпретации и, в то же время, поддерживающее ее. Это предположение, основанное на этимологии номинации *ungeheuren Ungeziefer*. Если актуализировать древний смысл корня, от которого произошло слово *Ungeziefer* («жертвенное животное»), то отрицательная приставка *un* обостряет семантику непригодной, ненужной жертвы. Такой жертвой выглядит само превращение: бессознательное событие превращения, в результате которого человеческое тело Грегора было принесено в жертву его усталости и отчаянию, не стало предметом осознания, девальвировав таким образом сам смысл метаморфозы.

В пьесе Сагалова как раз и находит свое воплощение мотив крыльев, предполагаемый в «Свадебных приготовлениях в деревне», но отторжен-

CC BY

ный от героя в «Превращении». Отторженный от героя, но вовсе не отвергнутый автором (на этом как раз и настаивал Набоков). Представляется, что не так и необоснованно.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Кафка Ф.* Свадебные приготовления в деревне / Ф. Кафка // Рассказы. Пропавший без вести / пер. С. Апт. — Харьков ; Москва : Фолио, 1999. — С. 84—99.

2. *Kafka F.* = Кафка Ф. Die Vervandlung = Превращение. Literatur in zwei sprachen. — Moskau ; Augsburg : Im Werden Verlag, 2004. — 53 с. — ISBN 978-5-7873-1136-5.

3. *Сагалов З.* Не верьте господину Кафке! [Электронный ресурс] / З. Сагалов. — Режим доступа : https://umotnas.ru/umot/zinovij-sagalov-ne-verete-g-nu-kafke/ (дата обращения 20.11.2024).

Литература

1. *Белоножко В.* Превращение Набоковым «Превращения» Ф. Кафки [Электронный ресурс] / В. Белоножко. — Режим доступа : https://kafka.ru/kritika/read/prevrashenie-prevrasheniya (дата обращения 20.11.2024).

2. *Бровина А. В.* Несобственно-прямая речь как доминирующий элемент авторского стиля Ф. Кафки / А. В. Бровина // Актуальные проблемы лингвистики : Материалы ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 01—02 февраля 2008 года. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2008. — Т. 21. — С. 23—24.

3. *Бровина А. В.* Сопоставительный анализ языковых средств выражения несобственно-прямой речи в немецком и русском языках : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.20 / А. В. Бровина. — Екатеринбург, 2009. — 24 с.

4. *Данилкова Ю. Ю.* Кафка и Набоков как читатели Достоевского / Ю. Ю. Данилкова // Журнал филологических исследований. — 2021. — Т. 6. — № 1. — С. 28—32.

5. *Компаньон А.* Демон теории : Литература и здравый смысл / А. Компаньон ; Пер. С. Зенкина. — Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2001. — 336 с. — ISBN 5-8242-0079-3.

6. *Манн Ю. В.* Встреча в лабиринте : Кафка и Гоголь / Ю. В. Манн // Вопросы литературы. — 1999. — Выпуск 2. — С. 162—186.

7. *Набоков В.* Ф. Кафка, «Превращение» / В. Набоков // Лекции по зарубежной литературе. — Москва : Независ. газ., 1998. — С. 325—366.

8. *Ноткин Г.* В контакте с Набоковым: «Превращение» Ф. Кафки [Электронный ресурс] / Г. Ноткин // Звезда. — 2011. — № 5. — Режим доступа : https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/5/v-kontakte-s-nabokovym-prevrashhenie-francza-kafki.html (дата обращения 20.11.2024).

9. *Пестова Н. В.* Функции несобственно-прямой речи в реализации концепта «смешение» Ф. Кафки / Н. В. Пестова // Известия Волгоград. гос. педагогич. ун-та. — 2010. — № 2. — С. 4—8.

10. *Павлова Н. С.* Форма речи как форма смысла / Н. С. Павлова // Вопр. лит. — 2003. — № 4. — С. 167—182.

11. *Павлова Н. С.* Природа реальности в австрийской литературе. — Москва : Яз. славянской культуры, 2005. — 312 с. — ISBN 5-9551-0106-3.

12. *Турышева О. Н.* Незавершенное в роли интерпретанты (на материале двух текстов Ф. Кафки) / О. Н. Турышева // Незавершенное: феномен творческой практики. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2021а. — С. 126—144. — ISBN 978-5-00165-296-0.

13. *Турышева О. Н.* Герой в противоборстве с автором : к вопросу о неописанном металитературном сюжете / О. Н. Турышева // Практики и интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. — 2021б. — Т. 6. — № 3. — С. 96—113. — DOI: 10.18522/2415-8852-2021-3-96-113.

14. *Bernofsky S.* On Translating Kafka's "The Metamorphosis" [Electronic resource] / S. Bernofsky. — Access mode : https://www.newyorker.com/books/page-turner/on-translating-kafkas-the-metamorphosis/14 января 2014. (accessed 20.11.2024).

15. *Gooderham V.* Б. Kafka's Metamorphosis and its mutations in translation [Electronic resource] / У. Gooderham. — Access mode : https://www.theguardian.com/books/books-blog/2015/may/13/kafka-metamorphosis-translations (accessed 20.11.2024).

Статья поступила в редакцию 27.11.2024,
одобрена после рецензирования 21.01.2025,
подготовлена к публикации 10.03.2025.

Material resources

Kafka, F. (1999). Wedding preparations in the village. In: *Short stories. Missing.* Kharkov; Moscow: Folio. 84—99. (In Russ.).

Kafka, F. = Кафка Ф. (2004). *Die Vervandlung = Transformation. Literatur in zwei sprachen.* Moskau; Augsburg: Im Werden Verlag. 53 s. ISBN 978-5-7873-1136-5. (In Germ.).

Sagalov, Z. *Don't believe Mr. Kafka!* Available at: https://umotnas.ru/umot/zinovij-sagalov-ne-verete-g-nu-kafke/ (accessed 11.20.2024). (In Russ.).

References

Belonozhko, V. *Nabokov's Transformation of F. Kafka's "Transformations".* Available at: https://kafka.ru/kritika/read/prevrashenie-prevrasheniya (accessed 20.11.2024). (In Russ.).

Bernofsky, S. *On Translating Kafka's "The Metamorphosis".* Available at: https://www.newyorker.com/books/page-turner/on-translating-kafkas-the-metamorphosis/14 января 2014. (accessed 20.11.2024).

Brovina, A. V. (2008). Inappropriate direct speech as the dominant element of the author's style of F. Kafka. In: *Actual problems of linguistics: Proceedings of the annual scientific conference, Yekaterinburg, February 01—02, 2008, 21.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 23—24. (In Russ.).

Brovina, A. V. (2009). *Comparative analysis of linguistic means of expressing non-direct speech in German and Russian.* Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 24 p. (In Russ.).

Companion, A. (2001). *The demon of theory: Literature and common sense.* Moscow: Publishing House named after. Sabashnikov. 336 p. ISBN 5-8242-0079-3. (In Russ.).

Danilkova, Yu. Yu. (2021). Kafka and Nabokov as readers of Dostoevsky. *Journal of Philological Research, 6 (1):* 28—32. (In Russ.).

Gooderham, Y. *B. Kafka's Metamorphosis and its mutations in translation.* Available at: https://www.theguardian.com/books/booksblog/2015/may/13/kafka-metamorphosis-translations (accessed 20.11.2024).

Mann, Yu. V. (1999). Meeting in the labyrinth: Kafka and Gogol. *Questions of literature, 2:* 162—186. (In Russ.).

Nabokov, V. F. (1998). Kafka, "Transformation". In: *Lectures on foreign literature.* Moscow: Nezavisimosti. gaz. 325—366. (In Russ.).

Notkin, G. (2011). In contact with Nabokov: F. Kafka's "Transformation". *Zvezda, 5.* Available at: https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/5/v-kontakte-s-nabokovym-prevrashhenie-francza-kafki.html (accessed 20.11.2024). (In Russ.).

Pavlova, N. S. (2003). The form of speech as a form of meaning. *Vopr. Lit, 4:* 167—182. (In Russ.).

Pavlova, N. S. (2005). *The nature of reality in Austrian literature.* Moscow: Yaz. of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-9551-0106-3. (In Russ.).

Pestova, N. V. (2010). The functions of non-direct speech in the implementation of the concept of "mixing" by F. Kafka. *Izvestiya Volgograd. gosudarstvennogo pedagogich. unta, 2:* 4—8. (In Russ.).

Turysheva, O. N. (2021a). The Unfinished as an interpreter (based on two texts by F. Kafka). In: *Unfinished: the phenomenon of creative practice.* Yekaterinburg: Ural Publishing House. University of Saint Petersburg: Alethea. 126—144. ISBN 978-5-00165-296-0. (In Russ.).

Turysheva, O. N. (2021b). Hero in confrontation with the author: on the issue of an undescribed metal literary plot. *Practices and interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Research, 6 (3):* 96—113. DOI: 10.18522/2415-8852-2021-3-96-113. (In Russ.).

The article was submitted 27.11.2024;
approved after reviewing 21.01.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Фролова А. С. Рецепция античного сюжета об Одиссее в драме Штефана Шютца «Возвращение Одиссея» («Odysseus´ Heimkehr») / А. С. Фролова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 306—321. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-306-321.

Frolova, A. S. (2025). Reception of Ancient Plot of Odyssey in Stefan Schütz's Play "Odysseus' Heimkehr". *Nauchnyi dialog, 14* (2): 306-321. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-306-321. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рецепция античного сюжета об Одиссее в драме Штефана Шютца «Возвращение Одиссея» («Odysseus´ Heimkehr»)

Фролова Анна Сергеевна
orcid.org/0009-0003-3571-1531
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры
зарубежной литературы
froenka@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 23-28-00559

Reception of Ancient Plot of Odyssey in Stefan Schütz's Play "Odysseus' Heimkehr"

Anna S. Frolova
orcid.org/0009-0003-3571-1531
PhD in Philology,
Lecturer at the Department
of Foreign Literature
froenka@yandex.ru

National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00559

© Фролова А. С., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИИ

Аннотация:

Анализируются особенности трансформации сюжета о возвращении Одиссея на Итаку в драме Штефана Шютца «Возвращение Одиссея» (1972). Актуальность исследования обусловлена представленными в пьесе стратегиями репрезентации современности, связанными с рецепцией античного наследия. Использованы культурно-исторический метод исследования, рецептивный и мифопоэтический подходы к анализу художественного текста. Сделан вывод, что все мифологические персонажи в пьесе подвергаются переосмыслению: образы Телемаха и Пенелопы травестируются и дегероизируются, Одиссей также лишен своей героичности. Проблема идентичности, связанная с образом Одиссея, интерпретируется как одна из центральных в пьесе. Её раскрытие структурно реализовано на композиционном уровне пьесы через мотив узнавания. Художественная работа с мифом Штефана Шютца оценивается как соответствующая основным тенденциям рецепции Античности в драматургии ГДР. Доказано, что пьеса имеет ярко выраженную социально-критическую направленность, связанную с изображением последствий тоталитарного строя и механизмов формирования идеологии. Демонстрируется воплощение этих идей в тексте драмы через метафору болезни как инструмента контроля над общественным сознанием.

Ключевые слова:
античность; Одиссей; мотив узнавания; Штефан Шютц; историческое время; драматургия ГДР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the distinctive features of the transformation of the plot concerning Odysseus's return to Ithaca in Stefan Schütz's play "Odysseus' Heimkehr" (1972). The relevance of this study is underscored by the strategies of representation of modernity presented in the play, which are intricately linked to the reception of ancient heritage. Employing a cultural-historical method, along with receptive and mythopoetic approaches to textual analysis, the study concludes that all mythological characters in the play undergo a process of re-evaluation: the figures of Telemachus and Penelope are travestied and deheroized, while Odysseus himself is stripped of his heroic stature. The issue of identity, as it pertains to the character of Odysseus, is interpreted as one of the central themes of the play. Its exploration is structurally realized at the compositional level through the motif of recognition. Schütz's artistic engagement with myth is assessed as being in line with the main tendencies in the reception of Antiquity within GDR dramaturgy. The play is demonstrated to possess a pronounced socio-critical orientation, reflecting on the consequences of totalitarian regimes and the mechanisms of ideological formation. This thematic exploration is embodied in the text of the drama through the metaphor of illness as a tool for controlling public consciousness.

Key words:
antiquity; Odysseus; motif of recognition; Stefan Schütz; historical time; GDR dramaturgy.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.112.2Шютц.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-306-321

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира

Рецепция античного сюжета об Одиссее в драме Штефана Шютца «Возвращение Одиссея» («Odysseus´ Heimkehr»)

© Фролова А. С., 2025

1. Введение = Introduction

Характерной особенностью драматургии Германской демократической республики является обращение к Античности. Крупнейшие драматурги этого периода — Хайнер Мюллер, Петер Хакс, Фолькер Браун, Томас Браш, Штефан Шютц, Хартмут Ланге — в качестве материала своих пьес используют мифологические сюжеты и образы. Интерес к мифу был обусловлен целым комплексом причин. В условиях культурно-политической цензуры в ГДР миф давал возможность изобразить актуальные социально-политические проблемы так называемым эзоповым языком. Наиболее глубинной причиной обращения к мифу являлся поиск опорных структур, носящих вневременной характер и выполняющих роль экзистенциальных моделей поведения человека, которые особенно актуальны в переломные исторические моменты. Сюжеты и образы мифологии, «благодаря заложенной в них изменчивости и поливариативности» [Шарыпина, 2016, с. 22], актуализируются в зависимости от художественной стратегии авторов, их политических, философских, этических и эстетических взглядов.

Рецепции подвергаются самые разные мифологические образы: Филоктет, Медея, Ахилл, Клитемнестра, Ифигения, Орест, Геракл и др. Фигура Одиссея среди них не является исключением. Как отмечает Т. А. Шарыпина, многочисленность литературных интерпретаций мифа об Одиссее в немецкой литературе XX века связана с «изначальной смысловой насыщенностью этого древнейшего мифологического образа» [Шарыпина, 2016, с. 26], его двойственностью. Роман Мних также подчеркивает, что «среди героев и персонажей античности именно Одиссей представляет и воплощает наиболее многогранную личность, психологически мотивированную» [Мних, 2015, с. 13].

В статье «Одиссей в немецкой литературе до и после 1945» Гюнтер Хенцшель отмечает, что авторы Восточной Германии чаще, чем писатели Западной Германии, обращаются к фигуре Одиссея [Häntzschel, 2003, S. 69].

CC BY

Назовем лишь несколько драматургических интерпретаций. Так, в пьесе Хартмута Ланге «Убийство Аякса, или Дискуссия о колке дров» («Die Ermordung des Aias oder Ein Diskurs über das Holzhacken», 1971) соперничество между Одиссеем и Аяксом из-за доспехов Ахилла является аллегорией борьбы Троцкого и Сталина за власть. Образ Одиссея возникает и в пьесе Хайнера Мюллера «Цемент» («Zement», 1972), в которой «персонажи мифологизируются в рамке гомеровской “одиссеи” <...>; протагонист Глеб Чумалов олицетворяет нового Одиссея» [Котелевская, 2018, с. 280]. Мотив странствий Одиссея разрабатывается в поздних произведениях Франца Фюмана: радиопьесе «Тени» («Die Schatten», 1984) и «балете» «Кирка и Одиссей» («Kirke und Odysseus». Ein Ballet, 1984), а также в прозаическом сборнике «“Скитания и возвращение Одиссея” и другие рассказы» («Irrfahrt und Heimkehr des Odysseus und andere Erzahlungen», 1980).

Цель настоящей статьи — проанализировать специфику трансформации античного сюжета об Одиссее в драме Штефана Шютца «Возвращение Одиссея» («Odysseus’ Heimkehr», 1972). Анализ пьесы Штефана Шютца позволяет расширить панораму образов Одиссея в немецкоязычной драматургии второй половины XX века, а также выявить ключевые авторские стратегии рецепции этого античного сюжета. Актуальность исследования обусловлена тем, что художественные стратегии репрезентации современности, выработанные в немецкоязычной драматургии ГДР и связанные с обращением к мифологическим образам, сюжетам и персонажам, не только оказали значительное влияние на дальнейшее развитие драматургического языка, но остаются востребованными и сегодня как в немецкоязычной литературе, так и в других странах, находящихся в сходных социально-политических условиях.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования является пьеса «Возвращение Одиссея» («Odysseus´ Heimkehr») Штефана Шютца. Творческое наследие Штефана Шютца не переведено на русский язык и не изучено в отечественной германистике, что обусловливает новизну данного исследования.

Штефан Шютц (1944—2022) — немецкоязычный драматург и писатель. После окончания в 1965 году государственного театрального училища в Восточном Берлине Шютц работал актером в театре «Нойштрелиц» (Theater Neustrelitz) и в «Ландестеатре» (Landestheater Halle), а в 1968 году по приглашению Хелены Вайгель занял должность помощника режиссера в «Берлинер ансамбль» (Berliner Ensemble). Первые пьесы Штефана Шютца появляются в 1970-е годы. В них заметен интерес к античным сюжетам и образам, не ослабевающий на протяжении всего творческо-

CC BY

го пути драматурга: «Возвращение Одиссея» (1972), «Амазонки» («Die Amazonen», 1974), «Лаокоон» («Laokoon», 1979), «Одержимость Ореста» (Orestobsession, 1989). В 1980 году Штефан Шютц переехал в ФРГ, где продолжил работу в качестве драматурга в Вуппертале. С 1980-х годов Шютц активно работал с прозаической формой. Среди литературных наград Штефана Шютца премия Герхарта Гауптмана (1979) за драматургию и премия Альфреда Дёблина (1985) за роман «Медуза» («Medusa»). Исследователи часто относят Штефана Шютца, как и Хартмута Ланге, к драматургической школе Хайнера Мюллера [Waldow, 2009, S. 8]. Так, Фолькер Ридель отмечает, что Штефан Шютц во многом наследует Хайнеру Мюллеру. Для их творчества характерны цинизм и сарказм, а также гендерная проблематика, «тема власти и радикальная критика немецкого общества их времени — преимущественно, но никоим образом не исключительно, восточного» [Riedel, 2001, S. 118].

Пьеса «Возвращение Одиссея», написанная в 1972 году и посвященная Хайнеру Мюллеру, относится к раннему периоду творчества Штефана Шютца. Небольшая по объему пьеса состоит из 13 картин. Действие стремительно разворачивается от картины к картине, практически каждая из которых происходит в отдельной локации. Название картин («В хижине Евмея», «В доме Одиссея», «В городе» и т. д.) в большинстве случаев обозначает место действия. О происходящих в условных промежутках между картинами событиях читатели / зрители узнают из реплик и диалогов действующих лиц. Шютц не разрушает традиционные структурные элементы драмы, уделяя большое внимание специфике диалога, развитию действия и конфликта. Хайнер Мюллер высоко ценил выразительный, «иногда ошеломляюще прекрасный язык» пьес Штефана Шютца, подчеркивая, что драматург не создаёт статичные исчерпывающие картины, а намечает «траектории движения», которые открывают новые перспективы для его персонажей и дальнейшего хода событий [Schütz, 1992, S. 1]. Отметим, что фигура Одиссея появляется в пьесе Хайнера Мюллера «Филоктет» («Philoktet», 1958—1964). Как пишет Э. В. Венгерова, в «Филоктете» Хайнера Мюллера «тема манипуляции общественным мнением становится сквозной и самой трагической» [Венгерова, 1983, с. 8]. Эту тему развивает в своей пьесе и Штефан Шютц. Однако если у Мюллера Одиссей воплощает собой цинизм и безжалостность власти, то в произведении Шютца он сам попадает в жернова этих механизмов.

Теоретико-методологическую основу статьи составили как классические работы по мифопоэтике [Blumenberg, 1979; Мелетинский, 2012], так и труды, посвященные специфике рецепции античности в творчестве отдельных драматургов ГДР [Raddatz, 2001; Lehmann, 1991; Riedel, 2001; Riedel,

CC BY

2002; Waldow, 2009], а также русскоязычные исследования современной немецкоязычной литературы [Шарыпина, 2016; Котелевская, 2018].

В предлагаемой статье использован комплексный подход к изучению драматургического текста, включающий культурно-исторический метод исследования, рецептивный и мифопоэтический подходы к анализу художественного текста.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Внешний конфликт пьесы «Возвращение Одиссея» Штефана Шютца сосредоточен на борьбе за власть на Итаке. Сама ситуация возвращения Одиссея домой — центральное событие пьесы, вынесенное в заглавие, — тесно сопряжена не только с претензиями героя Троянской войны вернуть власть на острове, но и с проблемой идентичности и самоидентичности Одиссея. Невозможность узнавания становится демонстрацией глубокого мировоззренческого различия жителей Итаки и Одиссея. В пьесе вскрываются механизмы формирования идеологии, манипуляции и контроля над общественным сознанием и «телом» народа, пораженным болезнью (струпьями). В противостоянии индивида и власти вернувшийся Одиссей обречен на поражение, он так и остается неузнанным, а в финале пьесы убит как источник инакомыслия и угрозы для действующей власти.

3.1. Болезнь как метафора общественного сознания

Пьеса начинается с монолога Одиссея, выброшенного на Итаку. С первых слов в речи Одиссея намечается одна из ключевых тематических линий пьесы: многообразие форм насилия над человеком. Герой, переживший войну и многолетние странствия, говорит о Трое как об «ein Berg von Toten» [Schütz, 1992, S. 9] («гора мертвецов») (здесь и далее перевод пьесы Шютца выполнен нами. — *А. Ф.*); о богине Кирке как об «Ideologin, die aus Menschen Schweine mästet» [Ibild., 1992, S. 9] («идеолог, откармливающий людей до свиней»). Насыщенная образами, эмоциональная речь Одиссея выражает одновременно внутреннее напряжение и ликование по поводу возвращения домой. Своеобразным воплощением этих чувств становится танец. В финале монолога изможденный герой кружится в танце и падает на песок.

Первым человеком, которого Одиссей встречает на острове, оказывается его бывший раб, свинопас Евмей. Из диалога с Евмеем Одиссей узнает, что на острове за годы его отсутствия произошли разительные перемены. Итака больна. Проявлением болезни является покрывающая тело свиней и людей короста: «Prachtvolles Fleisch, geschorft in Jahrhunderten» [Ibild., 1992, S. 10] («Великолепное мясо, веками покрытое струпьями»). В натуралистическом, физиологическом описании болезни подчеркнута параллель между животным и человеком, в равной мере подверженными заражению.

CC BY

Происхождение распространившейся на Итаке кожной болезни в пьесе не называется, в то же время сам Одиссей связывает её появление с безнравственным образом жизни народа, забывшего о понятии меры. Итака в пьесе Шютца «не только провинциальна и архаична, но и извращенна» [Riedel, 2001, S. 118]. Болезнь, поражающая тело, является одновременно следствием измененного сознания и инструментом его контроля. Как квинтэссенция звучат слова Антиоса: «Schorf ist die Inkarnation der Menschlichkeit» [Schütz, 1992, S. 20] («Струп — воплощение человечества»). Власти Итаки во главе с Телемахом не пытаются остановить распространение болезни, прагматично используя её в собственных целях. Совершается подмена понятий: болезнь представляется как здоровое, естественное состояние. Болезнь мифологизируется в сознании народа и воспринимается как необходимая стадия, ведущая к формированию нового общества. Так, Евмей в разговоре с Телемахом рассказывает о грядущем через столетия перерождении: «Man sagt, wir werden Raupen sind, unschön für die Umwelt, dann aber Schmetterlinge, Fanale einer neuen Gesellschaft» [Ibild., 1992, S. 20] («Говорят, мы станем гусеницами, неприятными для окружающей среды, а затем бабочками, предвестниками нового общества»). Медленная поэтапная метаморфоза — иллюзия превращения. Болезнь — своеобразная метафора стадии развития общества и трансформации всего человечества.

В изображении народа и власти отчетливо прослеживается критическая направленность пьесы Шютца, критика современного общественного устройства и механизмов манипуляции сознанием человека. Болезнь в пьесе становится идеологией, основополагающей и объединяющей общественной идеей. Так, отсутствие струпьев у Одиссея является непримиримым основанием его отличия: «Ich Frage euch, kann ein ganzes Volk erkranken? Nein! Also ist es dieses Individuum, das den Aussatz hat und uns versucht anzustecken!» [Ibild., 1992, S. 51] («Я спрашиваю вас, может ли целый народ заболеть? Нет! Значит, именно этот человек болен проказой и пытается заразить нас!»). Это различие не только физическое, но и мировоззренческое. «Er is anders, hat keinen Schorf. Ein Spion, den man uns schickt. Und Fragen quellen aus ihm, die unserem Denken zuwider sind» [Ibild., 1992, S. 38] («Он — другой, у него нет проказы. Шпион, посланный к нам. И его вопросы претят нашему мышлению»), — говорит Телемах. Всё во внешнем облике Одиссея указывает на его чуждость народу Итаки. Одиссей не только не поражён болезнью, но и за годы странствий не постарел, он выглядит моложе даже своего сына Телемаха.

Несмотря на то, что законная власть на Итаке принадлежит Одиссею и он также является «носителем гуманистических идей» [Riedel, 2001, S. 118],

CC BY

у него нет сторонников. Единственным персонажем пьесы, который симпатизирует Одиссею, является могильщик. В 11 картине «Во дворце Телемаха, ранее — Одиссея» («Im Palast des Telemachos, vormals Odysseus´») Одиссей предпринимает попытку силой захватить власть. Его речь во дворце напоминает политическую программу, в которой центральное место занимают лозунги борьбы со струпьями, выделенные графически: «SCHORF IST SCHLECHT — KAMPF DEM SCHORF!» [Schütz, 1992, S. 59] («СТРУПЬЯ — ЭТО ПЛОХО — БОРЬБА СО СТРУПЬЯМИ»). Одиссей настаивает на том, что болезнь надо лечить, и призывает к строительству специальных чесальных машин (Kratzmaschine). Однако, чтобы остановить распространение болезни, необходимо сначала изменить отношение народа к ней. В противостоянии с властью в одиночку Одиссею не под силу победить, он будет убит. Телемах, оценивая речь Одиссея, говорит: «Klug geredet, doch welche Rolle spielen wir in diesem Spektakel?» [Ibild., 1992, S. 59] («Умно, но какую роль мы играем в этом спектакле?»). В вопросе Телемаха подчеркивается театральность, условность происходящего. Телемах готов на время исполнить роль побежденного, чтобы впоследствии обратить это в свою пользу. Надежда на реальное изменение хода действия в пьесе фактически отсутствует. Так, после убийства Одиссея Телемах устанавливает свою беспрекословную власть на Итаке, используя план отца по борьбе со струпьями. Несмотря на то, что болезнь теперь лечится, она продолжает оставаться инструментом общественного контроля.

3.2. Рефлексия идентичности и структурная роль мотива узнавания в композиции пьесы

Все мифологические персонажи, за исключением Одиссея, в пьесе Штефана Шютца переворачиваются в свою полную противоположность. Можно говорить о практически джойсовской «пародийной травестии гомеровского эпоса и мифа» [Мелетинский, 2012, с. 273]. Так, Телемах изображён как одержимый жаждой власти, ради получения которой готов на инцест с собственной матерью. Из любящей, верной жены Пенелопа превращается в женщину, освободившуюся от долга супружеской верности. Она критикует патриархальное общественное устройство, в котором мужчинам свойственно исключительно стремление к власти, ослабляющее все другие желания. Пенелопа указывает на бессилие мужчин, называя свой век импотентным: «Ob zärtlich, ob brutal, Männer sind unbrauchbar! Krüppel im Bett. Nur fressen können sie und Reden halten» [Ibild., 1992, S. 24] («Ласковые или грубые, мужчины бесполезны! Калеки в постели. Они могут только жрать и выступать с речами»).

Важным является и тот факт, что Пенелопа в пьесе Шютца сама наделена властью: за ней по-прежнему остается право принятия решения, кто

CC BY

станет будущим правителем Итаки. Пенелопа использует свое положение и спит с каждым женихом. Как отмечают Рэймонд Фернесс и Малкольм Хамбл, тема «социально-политического измерения отношений между полами» [Furness et al., 1997, S. 273] актуальна для всего творчества Штефана Шютца. В «Возвращении Одиссея» все отношения между мужчиной и женщиной (Пенелопа и Телемах, Пенелопа и Одиссей, Пенелопа и женихи) опосредованы властью и становятся формой её проявления. Чувственность, любовь изымаются из отношений, и, как следствие, остается только физиологическая, сексуальная составляющая, порой граничащая с насилием.

В седьмой и восьмой картинах пьесы «В покоях Пенелопы» («Im Gemach der Penelope») изображён момент близости Пенелопы и Одиссея. Оставшись наедине с Одиссеем, Пенелопа якобы узнает своего мужа. По аристотелевскому канону трагедии, узнавание — «самое важное для фабулы и самое важное для действия» [Аристотель, 1927, с. 53]. Соединенное с перипетией, оно должно вести к перемене, перелому хода событий. К моменту уединения Одиссея и Пенелопы узнавание для Одиссея становится критическим, так как до этого момента ему не удается никого убедить в том, что он — Одиссей. Отличительные приметы, по которым Одиссей может быть узнан (например, рубец на ноге, по которому в поэме Гомера героя узнает кормилица), в пьесе Штефана Шютца отсутствуют. Моменту узнавания предшествует диалог Одиссея и Пенелопы, в котором Одиссей эмоционально и в ярких образах описывает парадоксальное чувство, которое он испытывает по отношению к Итаке. Так, гнев от наблюдаемого разложения и извращенности соединяется с «Die Faszination [...] Geschwüre und [...] Zufriedensein am Leben» [Ibild., 1992, S. 36], («очарованием [...] язв и [...] удовлетворенностью жизнью»), в котором пребывает народ Итаки. Размышления Одиссея не находят поддержки у Пенелопы, но в конце диалога она неожиданно обращается к нему как к своему мужу и предлагает остаться на ночь. На вопрос Одиссея о том, как жена его узнала, Пенелопа отвечает: «Ich war nicht sicher. Erst deine Sprache hat mich überzeugt» [Schütz, 1992, S. 38] («Я не была уверена. Именно твой язык убедил меня»). Складывается впечатление, что именно язык способен служить инструментом для определения идентичности.

Ситуация узнавания сопряжена с проблемой самоопределения Одиссея. После ночи, проведенной с Пенелопой, Одиссей произносит монолог, демонстрирующий нарастающие внутренние противоречия и возникающее сомнение в своей субъектности: «Bin ich nicht Odysseus? Habe nicht gekämpft vor Troja? [Ibild., 1992, S. 39] («Я не Одиссей? Я не воевал под Троей?»). С одной стороны, узнавание Пенелопой снимает эти вопросы: «Und doch bin ich es, das Weib hat mich erkannt» [Ibild., 1992, S. 39] («Но это

CC BY

я, жена меня узнала»). В то же время Одиссей не понимает природы произошедших с ним изменений, не может соотнестись со своей внешностью, которая не соответствует его возрасту: «Ich bin Odysseus! Aber warum jünger als mein Sohn, machtzerfressene Hülle!» [Ibild., 1992, S. 39] («Я — Одиссей! Но почему я моложе своего сына, оболочка, разъеденная властью!»). Одиссей чувствует, что на родном острове ему нет места. В финале монолога констатируется практически физическое ощущение отчуждения героя от Итаки, которая ему противна: «Diese Hölle stinkt. Und auch meine Weib» [Ibild., 1992, S. 39] («Этот ад воняет. И моя жена тоже»). С пробуждением Пенелопы разоблачается и мнимое узнавание. Драматический момент узнавания на самом деле оказывается не более чем обязательным элементом в ролевой любовной игре Пенелопы, условием для мужчин в этой игре: каждый жених должен изображать Одиссея. Так, художественный приём классической трагедии низведен до бытового действия, имеющего сексуальный характер. Апофеозом раскрытия обмана Пенелопы становится сцена инцеста Телемаха и Пенелопы, гарантирующая Телемаху единоличное правление на острове.

Кульминационный момент узнавания и его разоблачение актуализируют проблему подлинности, достоверности происходящего и возможности её верификации как для Одиссея, так и для читателей / зрителей. Драматическая форма Штефана Шютца, в которой, как уже отмечалось, диалог занимает ключевое место, демонстрирует разъятие коммуникации. Читатели / зрители становятся свидетелями того, как легко в слова облекается ложь Пенелопы, а речам Одиссея, наоборот, никто не верит. Так, лишенный субъектности Одиссей фактически лишён языка.

3.3. Трансформация времени. Онемевший Одиссей = «жалкий поэт»

Дважды в пьесе Одиссей пытается рассказать о Троянской войне как о собственном пережитом опыте: в диалоге с Евмеем (во второй картине «Хижина Евмея. Пастухи и погонщик») и на собрании женихов (в шестой картине «В доме Одиссея», предшествующей сцене ложного узнавания). Трагическая невозможность признания Одиссея заключается в том, что временное измерение Одиссея и жителей Итаки не совпадает. В пьесе неоднократно подчеркивается, что Одиссей не может быть причастен к событиям Троянской войны, потому что она была тысячелетия назад. Обнаженные временные разрывы (тысячелетия) указывают на утраченную связь между прошлым и настоящим: Евмей называет войну под Троей «längst Vergangenheit» [Schütz, 1992, S. 17.] («давним прошлым»). Другие маркеры времени (отмечается, что Пенелопа садится за стол с женихами впервые за 50 лет) также указывают на то, что на Итаке складывается собственное

CC BY

летоисчисление, не совпадающее с историческим временем. «Deine Mutter hat dir übel mitgespielt, da dich ohne Datum leben ließ» [Schütz, 1992, S. 22] («Твоя мать плохо с тобой играла, раз позволила тебе жить без дат») — издевательски говорит Одиссею Телемах. Евмей также обвиняет Одиссея не просто во лжи, но в намерении нарушить ход времени: «Willst du uns die Zeit verdrehen?» [Schütz, 1992, S. 17] («Хочешь исказить наше время?»). Как отмечает Элли Егер, исчисление времени тысячелетиями у жителей Итаки связано с остановившимся развитием, «застой стал привычкой» [Jäger, 1977, S. 239]. Трансформация временного измерения на Итаке и поразившая жителей болезнь демонстрируют, таким образом, кризисное состояние настоящего и будущего, олицетворением которого в пьесе является сниженный образ свиньи-оракула (Orakelschwein).

В шестой картине «В доме Одиссея» («Im Haus des Odysseus») слушатели Одиссея (женихи, Телемах и Пенелопа) не ждут от него достоверной информации, сведений о Троянской войне. Одиссей предстает перед ними как эпический поэт, рассказчик, рапсод. Попытка рефлексивного описания Одиссеем собственных ощущений обрывается Телемахом, который требует не описания взглядов, а преданий (Überlieferung) из Трои. Но рассказ Одиссея лишён связности. Его речь — краткие, обрывочные предложения. «Es ist war, ich habe Blut getrunken von Troja, aber vergessen den Lauf der Dinge» [Schütz, 1992, S. 33] («Это правда, я пил кровь под Троей, но забыл ход вещей») — говорит Одиссей. Одиссей прямо указывает не только на невозможность восстановить последовательность, хронологию событий, но и на утраченное на войне чувство времени: «Ich weiß nicht wieviel Jahre, Sturm auf Sturm, der Kampf sich hinzog» [Ibild., 1992, S. 33] («Я не знаю, сколько лет, атака за атакой, длилась битва»). Вместо описания героических подвигов Одиссей говорит о насилии, принимающем разные формы, воровстве, сексуальном насилии: «Helena fraß unsere Mannschaft auf und vögelte in den Mauern der belagerten Stadt den Paris» [Ibid., 1992, S. 33] («Елена сожрала наш отряд и оттрахала Париса в стенах осаждённого города»). В словах Одиссея намечается рефлексия самой возможности свидетельствования о войне и поэзии как формы художественного свидетельства: «Wer im Gewühl des Blutes stand, kann mehr schwerlich beschreiben» [Ibid., 1992, S. 34] («Кто стоял в гуще крови, вряд ли может описать больше»). Сомнению подвергается и возможность повествования, целостного нарратива. В эссе «Рассказчик» (Der Erzähler, 1936), анализируя причины исчезновения искусства рассказывания, Вальтер Беньямин пишет: «Разве мы не заметили, что, когда закончилась война, люди пришли с фронта онемевшими? Вернулись, став не богаче, а беднее опытом, доступным пересказу?» [Беньямин, 2021, с. 249]. Так и Антиос в пьесе заявляет об оску-

CC BY

дении, вымирании поэтического искусства, понимаемого здесь как устная традиция: «Поэты становятся всё беднее и беднее» («Die Sänger werden immer magerer» [Schütz, 1992, S. 34]). Как следствие, в награду за рассказ Одиссею достаются только кости и удары. Так, перед нами фактически онемевший Одиссей, «mieser Sänge» [Ibid., 1992, S. 33] («жалкий поэт»), не способный рассказать историю.

В эссе «Рубец на ноге Одиссея» Эрих Ауэрбах, характеризуя специфику речи героев и структуру повествования в «Одиссее», подчеркивает ключевую особенность гомеровской поэмы: здесь «ничего не совершается в молчании», «нет таких речей, где бы страх или гнев упразднил орудие логического членения мысли или же привел их в полный беспорядок» [Ауэрбах, 2021, с. 72]. Такая цельность, связность изложения и речи объясняется тем, что эпическая поэзия Гомера не претендует на историческую правдивость, «материал и сюжет всецело остаются в кругу мифологического сказания» [Там же, 2021, с. 91]. Одиссей Штефана Шютца уже не является носителем эпического сознания и поэтому не справляется с ролью эпического поэта-рассказчика. Однако он также не может выстроить и историческое повествование. Распадающаяся речь Одиссея демонстрирует, что историческое событие — Троянская война — с трудом поддаётся описанию. Так, возникает своеобразный конфликт эпического и исторического повествования.

Пьеса Штефана Шютца показывает несостоявшееся возвращение Одиссея на родину. Тема изменения является, на наш взгляд, ключевой в пьесе. С островом, обществом, временем и, наконец, Одиссеем происходят парадоксальные трансформации. Физически не состарившийся, не изменившийся Одиссей лишён своего прошлого («Dies Ithaka hat meine Vergangenheit begraben» [Schütz, 1992, S. 33]) («Эта Итака похоронила моё прошлое»). Одиссей предстает как чужой не только народу Итаки, но и времени. Символична гибель Одиссея, самого сложного героя античности, и сцена его захоронения, сопровождаемая словами могильщика об отправке Одиссея в Аид. В финале монолога могильщика звучит оксюморонная формула: «Eine Odyssee des Alltags» [Ibild., 1992, S. 61] («Одиссея повседневности»). Как и в названии поэмы Гомера имя Одиссея становится нарицательным. Перед нами, таким образом, современная Одиссея XX века, демонстрирующая кризис идентичности и невозможность быть собой, всеобщее заблуждение и отчуждение людей друг от друга. Единственный выход, который намечен в словах могильщика — это жизнь вдали от обреченного острова. В качестве направления своего пути могильщик называет неведомую даль Востока («Ostwärts! Unbekannte Weite!» [Schütz, 1992, S. 61]) («На восток! Неизведанные дали!»). Слова могильщика могут быть прочитаны как своеобраз-

CC BY

ный итог всей европейской цивилизации и культуры XX века, а движение на Восток — как путь к «колыбели человечества».

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ пьесы Штефана Шютца «Возвращение Одиссея» показывает, что социально-критическая составляющая выражена в ней наиболее ярко. Специфика рецепции античности в пьесе Штефана Шютца находится в русле общих тенденций драматургии ГДР. Обращение к античному сюжету позволяет изобразить острые социальные и политические вопросы. Как справедливо отмечает Элли Егер, «в этой пьесе высвечены все возможные негативные стороны использования власти» [Jäger, 1977, S. 239]. Пьеса Шютца может быть прочитана как критика социалистического проекта, но шире — она осмысляет формы и последствия любого тоталитарного строя. Изображение и проблематизация трагического опыта «расчеловечивающей “работы” утопической машины социализма» [Котелевская, 2018, с. 279] сближает Штефана Шютца с его знаменитым современником — крупнейшим немецкоязычным драматургом Хайнером Мюллером, которому и посвящена пьеса. Вслед за Мюллером Шютц метафорически показывает, что идеология, как болезнь, проникает во все сферы человеческой жизни, буквально разъедает тело. Трансформации, которым подвержены основные мифологические персонажи в пьесе (Телемах и Пенелопа), связаны с травестией их античных прототипов, которая используется Шютцом для изображения негативных последствий одержимости властью.

С образом Одиссея в пьесе прежде всего связана проблема идентичности. Шютц трансформирует сюжет о возвращении Одиссея на родину, демонстрируя катастрофическую невозможность этого возвращения, принципиальное несовпадение Одиссея с изменившейся Итакой. Одиссей и жители Итаки существуют в разных темпоральных режимах и являются носителями различных идеологических установок. Столкновение разных мировоззрений становится одним из центральных конфликтов в пьесе. Значительное место в драме занимает проблематизация категории времени и связанного с ним понятия истории. Одиссей уже не является эпическим героем и не может выступать в качестве носителя мифологического сознания, которым наделены жители Итаки. Историческое сознание в полной мере ему также не характерно. Таким образом, экзистенциальная невозможность Одиссея включиться в общественные процессы изменившейся родины обусловлена разницей мировоззренческих и идеологических позиций, что для самого Одиссея оборачивается смертью. Это не только подчеркивает нежизнеспособность гуманистических взглядов внутри тотали-

CC BY

тарной системы, развернутой на Итаке Телемахом, но и выявляет кризис самой гуманистической идеи.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Schütz S.* Wer von euch : Stücke nach der Antike / S. Schütz — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1992. — 336 p. — ISBN 978-3596114276.

Литература

1. *Аристотель.* Поэтика / Аристотель ; Пер. Н. И. Новосадского. — Ленинград : Academia, 1927. — 120 с.

2. *Ауэрбах Э.* Филология мировой литературы. Эссе и письма : [перевод с немецкого] / Э. Ауэрбах. — Москва : Культурная революция. 2021. — 224 с. — ISBN 978-5-6043669-7-4.

3. *Беньямин В.* Судьба и характер : эссе : [перевод с немецкого] / В. Беньямин. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 448 с. — ISBN 978-5-389-15380-6.

4. *Венгерова Э. В.* Драматическая поэзия Хайнера Мюллера и поэтическая драма Петера Хакса / Э. В. Вегерова // Поэтическая драма. — Москва : Радуга, 1983. — С. 5—26.

5. *Котелевская В. В.* Новый Одиссей Хайнера Мюллера : неомифологическая трактовка Октябрьской революции в пьесе «Цемент» / В. В. Котелевская // Литература и революция век двадцатый. — Москва : ЛИТФАКТ, 2018. — С. 279—287. — ISBN 978-5-9500994-3-4.

6. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Академический Проект ; Мир, 2012. — 331 с. — ISBN 978-5-8291-1318-6.

7. *Мних Р.* Одиссей в эпоху модернизма : концептуализация и символика образа / Р. Мних // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма / ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО РАН. — Москва : Издательство “Индрик”, 2015. — С. 12—31.

8. *Шарыпина Т. А.* К проблеме трансформации античных сюжетов и образов в немецкоязычной литературе XX века / Т. А. Шарыпина // Российский гуманитарный журнал. — 2016. — Т. 5. — № 1. — С. 22—28. — DOI: 10.15643/libartrus-2016.1.3.

9. *Blumenberg H.* Arbeit am Mythos / H. Blumenberg. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1979. — 699 p. — ISBN 978-3518075159.

10. *Furness R.* A Companion to Twentieth-Century German Literature / R. Furness, M. Humble. — London : Routledge, 1997. — 328 p. — ISBN 0-415-15056-6.

11. *Häntzschel G.* Odysseus in der deutschen Literatur vor und nach 1945 / G. Häntzschel // Odysseen 2001. Fahrten — Passagen — Wanderungen. — München : Fink, 2003. — Pp. 119—131.

12. *Jäger E.* Nachwort / E. Jäger // Odysseus‘ Heimkehr; Fabrik im Walde ; Kohlhaas ; Heloisa und Abaelard : Stücke. — Berlin : Henschelverlag, 1977. — Pp. 236—244.

13. *Lehmann H-T.* Theater und Mythos : die Konstitution des Subjekts im Diskurs der antiken Tragödie / H-T. Lehmann. — Stuttgart : Metzler, 1991. — 232 p. — ISBN 978-3476007544.

14. *Raddatz F. M.* Wie Commander Buffalo Bill Cody den Dramatiker Stefan Schütz mit einem schweren Eisenhammer aus den Fangarmen der Nova-Polizei befreite / F. M. Raddatz // Wer von euch : Stücke nach der Antike. — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1992. — Pp. 323—335.

15. *Riedel V.* Abrechnungen. Die Antikestücke von Stefan Schütz in ihrem literarischen Kontext / V. Riedel // Mythen in nachmythischer Zeit. Die Antike in der deutschsprachigen Literatur der Gegenwart. — Berlin, New York : De Gruyter, 2002. — Pp. 300—317. — ISBN 3-11-016869-3.

16. *Riedel V.* Die Antikestücke von Stefan Schütz / V. Riedel // Phasis. — 2001. — № 4. — Pp. 117—124.

17. *Waldow V.* Der antike Mythos im ostdeutschen Drama der Vor- und Nachwendezeit : Heiner Müller, Stefan Schütz, Thomas Brasch, Volker Braun und Peter Hacks / V. Waldow. — München : GRIN Verlag, 2009. — 108 p.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024,
одобрена после рецензирования 03.12.2024,
подготовлена к публикации 27.02.2025.

Material resources

Schütz, S. (1992). *Wer von euch: Stücke nach der Antike.* Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. 336 p. ISBN 978-3596114276. (In Germ.).

References

Aristotle. (1927). *Poetics.* Leningrad: Academia. 120 p. (In Russ.).

Auerbach, E. (2021). *Philology of world literature. Essays and letters.* Moscow: Cultural Revolution. 224 p. ISBN 978-5-6043669-7-4. (In Russ.).

Benjamin, V. (2021). *Fate and character: essay.* Saint Petersburg: ABC, ABC-Atticus. 448 p. ISBN 978-5-389-15380-6. (In Russ.).

Blumenberg, H. (1979). *Arbeit am Mythos.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. 699 p. ISBN 978-3518075159.

Furness, R., Humble, M. (1997). *A Companion to Twentieth-Century German Literature.* London: Routledge. 328 p. ISBN 0-415-15056-6.

Häntzschel, G. (2003). Odysseus in der deutschen Literatur vor und nach 1945. In: *Odysseen 2001. Fahrten — Passagen — Wanderungen.* München: Fink. 119—131. (In Germ.).

Jäger, E. (1977). Nachwort. In: *Odysseus Heimkehr; Fabrik im Walde; Kohlhaas; Heloisa und Abaelard: Stücke.* Berlin: Henschelverlag. 236—244. (In Germ.).

Kotelevskaya, V. V. (2018). The new Odyssey of Heiner Muller: a neo-mythological interpretation of the October Revolution in the play “Cement”. In: *Literature and Revolution of the twentieth century.* Moscow: LITFAKT. 279—287. ISBN 978-5-9500994-3-4. (In Russ.).

Lehmann, H-T. (1991). *Theater und Mythos: die Konstitution des Subjekts im Diskurs der antiken Tragödie.* Stuttgart: Metzler. 232 p. ISBN 978-3476007544. (In Germ.).

Meletinsky, E. M. (2012). *Poetics of myth.* Moscow: Academic Project; Mir. 331 p. ISBN 978-5-8291-1318-6. (In Russ.).

Mnikh, R. (2015). Odyssey in the era of Modernism: conceptualization and symbolism of the image. In: *“Eternal” plots and images in literature and art of Russian Modernism.* Moscow: Indrik Publishing House. 12—31. (In Russ.).

Raddatz, F. M. (1992). Wie Commander Buffalo Bill Cody den Dramatiker Stefan Schtütz mit einem schweren Eisenhammer aus den Fangarmen der Nova-Polizei befreite. In: *Wer von euch: Stücke nach der Antike.* Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. 323—335. (In Germ.).

Riedel, V. (2001). Die Antikestücke von Stefan Schütz. *Phasis, 4:* 117—124. (In Germ.).

Riedel, V. (2002). Abrechnungen. Die Antikestücke von Stefan Schütz in ihrem literarischen Kontext. In: *Mythen in nachmythischer Zeit. Die Antike in der deutschsprachigen Literatur der Gegenwart.* Berlin, New York: De Gruyter. 300—317. ISBN 3-11-016869-3. (In Germ.).

Sharypina, T. A. (2016). On the problem of the transformation of ancient plots and images in German-language literature of the 20th century. *Russian Humanitarian Journal, 5 (1):* 22—28. DOI: 10.15643/libartrus-2016.1.3. (In Russ.).

Vengerova, E. V. (1983). The dramatic poetry of Heiner Muller and the poetic drama of Peter Hacks. In: *Poetic Drama.* Moscow: Raduga. 5—26. (In Russ.).

Waldow, V. (2009). *Der antike Mythos im ostdeutschen Drama der Vor- und Nachwendezeit: Heiner Müller, Stefan Schütz, Thomas Brasch, Volker Braun und Peter Hacks.* München: GRIN Verlag. 108 p. (In Germ.).

The article was submitted 04.11.2024;
approved after reviewing 03.12.2024;
accepted for publication 27.02.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Чжан Юйкунь. Генезис и эволюция художественного конфликта : от Античности до Средневековья / Чжан Юйкунь, А. Г. Коваленко, Сюй Юйминь // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 322—338. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-322-338.

Zhang Yukun, Kovalenko, A. G., Xu Yumin. (2025). Genesis and Evolution of Literary Conflict: From Antiquity to Middle Ages. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 322-338. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-322-338. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Генезис и эволюция художественного конфликта: от Античности до Средневековья

Чжан Юйкунь
orcid.org/0009-0009-2685-8885
аспирант, кафедра
русской и зарубежной
литературы,
корреспондирующий автор
1042235071@pfur.ru

Коваленко Александр Георгиевич
orcid.org/0000-0002-6747-285X
доктор филологических наук,
профессор, кафедра русской
и зарубежной литературы
ak-taurus@mail.ru

Сюй Юйминь
orcid.org/0009-0003-4298-9830
аспирант, кафедра русской
и зарубежной литературы
1042238002@pfur.ru

Российский университет дружбы
народов
имени Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Genesis and Evolution of Literary Conflict: From Antiquity to Middle Ages

Zhang Yukun
orcid.org/0009-0009-2685-8885
PhD Student,
Department of Russian
and Foreign Literature,
corresponding author
1042235071@pfur.ru

Alexander G. Kovalenko
orcid.org/0000-0002-6747-285X
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
ak-taurus@mail.ru

Xu Yumin
orcid.org/0009-0003-4298-9830
PhD Student, Department of Russian
and Foreign Literature
1042238002@pfur.ru

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

© Чжан Юйкунь, Коваленко А. Г., Сюй Юйминь, 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу генезиса и эволюции художественного конфликта начиная с Античности и до Средневековья. Используя методы историко-философского и литературоведческого анализа, авторы исследуют теоретические предпосылки конфликта, его структурные особенности и трансформацию в различные эпохи. Особое внимание уделено сопоставлению подходов античных философов, таких как Аристотель и Платон, и интерпретаций конфликта в средневековой литературе, где доминируют внутренние моральные и духовные противоречия. Результаты исследования позволяют отметить, что развитие конфликта отражает изменения культурных и философских ценностей общества, приводящие к переосмыслению как внешних, так и внутренних аспектов произведения. Сделан вывод о том, что художественный конфликт является динамичным и многогранным явлением, способствующим глубокой интерпретации текстов. Показано, что анализ текстов классических и средневековых произведений позволяет выявить специфические механизмы формирования конфликтов, а сравнительный подход способствует глубокому пониманию эволюционных процессов в литературном дискурсе. Утверждается, что историческое развитие конфликтов в литературе отражает изменяющиеся философские и культурные ценности общества, придавая конфликту новый смысл и форму в каждом историческом периоде.

Ключевые слова:
художественный конфликт; эволюция художественного конфликта; античная литература; средневековая литература; конфликт в литературоведении.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the genesis and evolution of literary conflict from Antiquity to the Middle Ages. Employing historical-philosophical and literary critical methods, the authors investigate the theoretical underpinnings of conflict, its structural features, and its transformations across different eras. Particular attention is paid to a comparative analysis of the approaches of ancient philosophers such as Aristotle and Plato, and the interpretations of conflict in medieval literature, where internal moral and spiritual contradictions predominate. The findings reveal that the development of conflict reflects shifts in societal cultural and philosophical values, leading to reinterpretations of both external and internal aspects of literary works. The study concludes that literary conflict is a dynamic and multifaceted phenomenon crucial for deep textual interpretation. Analysis of classical and medieval texts reveals specific mechanisms of conflict formation, while a comparative approach facilitates a nuanced understanding of evolutionary processes within literary discourse. The historical development of literary conflict, therefore, mirrors changing philosophical and cultural values, imbuing conflict with new meaning and form in each historical period.

Key words:
Literary conflict; Evolution of literary conflict; Classical literature; Medieval literature; Conflict theory; Literary criticism; Aristotle; Plato; Comparative literature; Historical-philosophical analysis.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 82(091)
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-322-338

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Генезис и эволюция художественного конфликта: от Античности до Средневековья

© Чжан Юйкунь., Коваленко А. Г., Сюй Юйминь., 2025

1. Введение = Introduction

Понятие художественного конфликта — одно из центральных в литературоведении, определяющее структуру и содержание произведения, раскрывающее мировоззрение персонажей и помогающее выстроить сюжет. Научный интерес к художественному конфликту начался с философской концепции в античности, где конфликт понимался как разрушающий гармонию и впоследствии необходимый для ее восстановления. Конфликт стал одним из основных элементов теории драмы, изучался такими философами и учеными, как Аристотель, Платон и Гегель, и стал основой для развития теории литературы. Однако с каждой новой исторической и культурной тенденцией понимание конфликта трансформировалось, добавлялись новые аспекты и усложнялись интерпретации.

Изучение конфликта в античной литературе, начиная с гомеровских эпосов и древнегреческого театра, заинтересовало древних философов и впоследствии легло в основу теоретических трудов Аристотеля. В Средние века понятие конфликта расширилось, и акцент сместился с внешнего конфликта на внутреннюю борьбу души. Под влиянием христианской теологии литературные конфликты стали касаться внутренних моральных дилемм и духовных проблем, отражая борьбу между добродетелью и пороком. Новый тип конфликта формируют «Исповедь» святого Августина и поэма Пруденция «Психомахия».

Конфликт неоднократно и успешно попадал в фокус научных исследований с позиций разнообразных отраслей человеческого знания. В поисках метаметода его исследования и урегулирования проводились тщательные исследования конфликта как универсального феномена с точки зрения психологии, философии, социологии, лингвистики и т. д. Более того, объединяющей платформой для совместных усилий ученых в вопросе разностороннего изучения конфликта выступили конфликтология и лингвоконфликтология

CC BY

как отрасли, сформировавшиеся в 80-х годах прошлого века, рассматривавшие генезис конфликтов прежде всего как социального явления, закономерности их развития, принципы урегулирования. Современный инструментарий лингвосемиотических методов исследования позволяет сформировать и репрезентировать алгоритм исследования конфликтной коммуникации, в частности, в художественном дискурсе [Kumral, 2013], медийном [Malki, 2018], политическом [Panasenko, 2018], с позиций корпусной лингвистики [Юсупова, 2018], когнитологии [Panasenko, 2018] и др.

Научная проблема заключается в том, что к настоящему времени еще отсутствует целостное понимание эволюции художественного конфликта на протяжении веков. Несмотря на значительный вклад отдельных ученых, таких как В. В. Виноградов, Ю. М. Ротман и М. М. Бахтин, исследования, посвященные изменению подходов к интерпретации конфликта от античности до средневековья, по-прежнему немногочисленны. К тому же научные работы, посвященные различным этапам развития конфликта, редко объединяют античные и средневековые концепции, что затрудняет понимание преемственности и изменений в данной категории в исторической перспективе.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения художественных конфликтов, что важно для прояснения взаимосвязи между исторической эволюцией литературы и эволюцией философских и культурных подходов к конфликту. Сравнивая античные и средневековые концепции, можно понять, как культурные и религиозные трансформации определяли трактовку конфликта и влияли на художественные произведения разных периодов. Сопоставление различных литературных традиций способствует развитию теории конфликта, выявляя исторические и философские корни категории конфликта и ее роль в литературе.

Новизна исследования заключается в том, что авторы предлагают целостный подход к эволюции художественного конфликта, объединяя античные и средневековые теории и анализируя функционирование конфликта в философских системах разных периодов.

Цель исследования — проследить возникновение и развитие концепции художественного конфликта, выявить его основные структурные формы и интерпретационные подходы в разные эпохи. Анализируется переход от внешнего, эпического конфликта к более сложным внутренним и духовным аспектам конфликта, характерным для средневековой литературы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования является литературный и философский анализ конфликта как центральной категории в западной литературе, начи-

CC BY

ная с Античности и до Средневековья. Исследование основано на текстах классической античной философии, включая произведения Платона, Аристотеля и Гегеля, а также эпическую литературу Древней Греции и Рима, а именно — «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Особое внимание уделено средневековым литературным произведениям, таким как «Божественная комедия» Данте и драматические произведения с аллегорическими изображениями конфликта, характерными для христианской литературы и моралите.

Методы исследования включают историко-философский и литературоведческий анализ. Историко-философский подход позволяет рассмотреть теоретические корни конфликта, начиная с философии Гегеля и античных представлений о столкновении противоположностей. Литературоведческий анализ обращается к рассмотрению конфликтов в структуре сюжетов и характеров персонажей, выявляя значение конфликта как движущей силы сюжета и отражения мировоззренческих установок общества. В работе использован также сравнительный анализ конфликтов в различных культурах и жанрах, что позволяет отразить разнообразие подходов и трансформаций категории конфликта в разные исторические эпохи.

В процессе анализа установлено, что конфликт в античной философии понимается как нарушение гармонии, которое должно завершиться восстановлением равновесия, тогда как в Средневековье акцент смещается на внутреннюю борьбу души. Такой подход позволяет раскрыть особенности эволюции художественного конфликта и его значимость в культурной традиции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Понятие конфликта в литературе

Теория конфликта в литературе во многом сформировалась под влиянием идей гегелевской философии, где конфликт (или «коллизия») рассматривается как столкновение противоположностей. По Гегелю, конфликты возникают вследствие нарушения гармонии, и это нарушение ведет к борьбе, которая завершается победой одной стороны и восстановлением равновесия. Для Гегеля коллизия — это предпосылка действия, но сама по себе она не является действием. Его теория предполагает, что задача искусства заключается в восстановлении идеала путем разрешения противоречия, то есть конфликты должны приводить к гармонии и завершаться [Гегель, 1968].

В современном литературоведении понятия «конфликт» и «коллизия» различаются, несмотря на то, что Гегель использовал соответствующие слова как синонимы. Современные словари указывают, что *коллизия* — это столкновение сил, лежащее в основе художественного действия, которое имеет более масштабный и исторический характер. Она представляет со-

CC BY

бой глобальные, значительные противоречия и выступает как структурный элемент сюжета [Коваленко, 2001]. *Конфликт* же в литературе понимается как более широкий термин, включающий не только столкновение сторон, но и внутренние переживания персонажей, неразрешимые моральные и философские вопросы, которые могут не всегда иметь завершение или четкое разрешение, как это предполагал Гегель.

Ранее мы уже писали о том, что, по нашему мнению, термин *конфликт* является недостаточно точным и ограниченным для описания многообразия отношений и взаимодействий внутри художественного произведения [Коваленко, 2001]. Слово *конфликт* не охватывает все аспекты художественного произведения, такие как более тонкие взаимоотношения между героями, оттенки смыслов и значений, которые не всегда можно описать как жесткое противостояние [Там же]. Предлагаем вместо *конфликт* использовать термин *антиномия*, введенный Кантом. Антиномия позволяет шире рассматривать взаимодействия в художественном произведении, включая отношения между автором и текстом. Антиномия открывает более широкое пространство для анализа, позволяя учитывать множество нюансов и оттенков, которые традиционное понимание конфликта может упустить.

По мнению В. Л. Лукова, конфликт в художественном произведении — «противоречие, образующее сюжет, формирующее систему образов, концепцию мира, человека и искусства, особенности жанра, выражающееся в композиции, накладывающее отпечаток на речь и способы описания героев, могущее определять специфическое воздействие произведение на человека — катарсис» [Луков, 2010].

Конфликт является неотъемлемой частью художественного произведения как способа моделирования действительности, самого человеческого бытия. Если сравнивать любой художественный дискурс с человеческим организмом, то по внимательному и вдумчивому «прочтению» обнаружим, что конфликт ощущается во всех, «вплоть до самых маленьких, кровеносных сосудах живого художественного организма произведения, преимущественно драмы» [Барт, 2015]. В драматургии, киноискусстве, литературе конфликт является ядром проблемно-тематического уровня, на котором происходит сюжетная реализация темы развертывания конфликта как взаимодействия персонажей между собой, характеров и обстоятельств и т. д. Иными словами, он является обязательным компонентом драматического произведения, который находится в связях с другими элементами художественного произведения (характер, сюжет, идейное содержание, стиль и т. д.), поскольку на конфликте строится сюжетная линия произведения, и именно благодаря конфликту сюжетная линия движется вперед и приобретает значение и смыслоинтерпретаций. Семиотика интраперсонального конфликта в художествен-

CC BY

ном и кинодискурсах основана на сочетании вербального, невербального и кинематографического семиотического ресурса и представлена интегративной семиотической моделью его исследования и анализа.

Конфликт в художественном произведении не идентичен конфликту в реальной жизни. В литературе конфликт должен отражать не просто борьбу между персонажами или силами, но и включать отношения между различными элементами внутри текста. Кроме того, текст подчеркивает важность связи между автором и произведением, что может быть своеобразным видом конфликта, заключающимся в необходимости авторского осмысления и интерпретации создаваемого текста. Такой подход подразумевает, что литературный конфликт отражает не только борьбу как таковую, но и более сложные, внутренние аспекты художественного текста, такие как мировоззрение автора, интерпретация читателем и эстетическое единство произведения. Этот вид конфликта может быть представлен неявно и может подразумевать взаимодействие идей, смыслов и значений, что позволяет смотреть на текст в его многообразии и глубине.

По критерию литературного рода конфликты подразделяются на эпические, драматические, лирические; исходя из литературных видов — комические, трагические и т. п. Как отмечает А. Рэнд, основные типы конфликтов выделяются традиционно по признаку «уровень противостояния» и подразделяются на следующие типы: «человек против себя» (Man / Person vs Self), «человек против человека» (Man vs Man), «Человек против общества» (Man vs Society), «человек против природы» (Man vs Nature), «человек против технологии / машины» (Man vs Technology / Machine), «человек против Бога / судьбы/ неизбежности / сверхъестественного» (Man vs Supernatural / God / Fate / Destiny), и др. [Rand, 2000]. А. Рэнд считает, что если конфликт по типу «человек против человека» (Man vs Man) автор размещает в зоне персонажа, а конфликты по типу «человек против себя» (Man / Person vs Self), «человек против Бога / судьбы / неизбежности / сверхъестественного» (Man vs Supernatural / God / Fate / Destiny) — в зоне нарратора, то остальные вышеупомянутые типы могут быть реализованы в так называемой промежуточной зоне дисгармонизационной плоскости художественного дискурса [Rand, 2000].

Объединяющим признаком внутреннего и внешнего конфликта в литературе является тематический признак «сфера проявления» конфликта, где, соответственно, различают художественное моделирование таких типов конфликта, как политический, социальный, национальный, религиозный, экономический, идейный, бытовой, семейный, философский, экзистенциальный, морально-этический, духовный (между разумом и чувством, дружбой и истиной, желанием и долгом и др.) и др. Разнообразие

CC BY

и разноуровневость сфер проявления внутренних и внешних конфликтов в общественном бытии подтверждает постулат философов-экзистенциалистов о несоизмеримости философских категорий экзистенции / эссенции, что предполагает драматичность человеческого существования а также проблемы выбора и свободы как потенциального переживания кризиса и конфликтов [Мэй, 2004]. Следовательно, само существование измерений экзистенции, эссенции, свободы выбора, страха (Frygt / Angest) предполагает существование конфликта как движущей силы прогресса человечества [Guignon, 2001; Spinelli, 2008]. Более того, в условиях динамических, глобальных, личностных, ценностно-культурных, ценностно-смысловых изменений одновременное существование человека на разных уровнях социума от микроуровня (индивидуальные характеристики, семья, друзья, школа, церковь и т. д.) до макроуровня (социоэкономический статус, культура, образование, законодательная система, идеология и т. д.) приводит к ситуации, когда происходит сложное переплетение конфликтов из разных «сфер проявления» человеческого бытия, что, соответственно, закладывает основу для такого сложного и многокомпонентного явления, как интраперсональный (внутренний) конфликт, который имеет экзистенциальную подоплеку.

3.2. Конфликт в античной традиции

Само понятие художественного конфликта берет свои истоки в философских и литературных теориях Древней Греции и Рима, где оно играло значительную роль в формировании драматической и эпической структуры произведений. Вкладом в развитие понимания конфликта стало произведение Аристотеля «Поэтика», написанное около 335 года до н. э. Здесь философ вводит концепции, которые впоследствии стали основополагающими для западной теории драмы. Аристотель описывает конфликт как центральный элемент, формирующий трагедию и драму. Он определяет понятие «перипетии» — резкого поворота судьбы, когда события неожиданно изменяют свое направление. Перипетия становится катализатором конфликта, обостряя его до максимального напряжения, что позволяет зрителям пережить катарсис — очищение эмоций через сопереживание героям и осмысление их переживаний [Аристотель, 1957]. Аристотель также вводит понятие «хамартии» — фатальной ошибки или недостатка, которые являются причиной падения героя. В соответствии с его концепцией идеальный трагический герой — человек высокого статуса, который, несмотря на благородные намерения, совершает ошибку, ведущую к трагедии. Это внутреннее противоречие между намерениями героя и его действиями становится источником трагического конфликта. Через изображение таких конфликтов Аристотель обосновывает идею, что искусство должно стре-

CC BY

миться не к воспроизведению реальности, а к изображению идеализированной формы реальности, отражающей глубинные этические принципы.

Идеи Платона также оказали значительное влияние на формирование концепции конфликта в литературе, в данном случае рассматриваемого с позиции философского дискурса. В своих диалогах Платон описывает столкновение различных философских позиций, используя для этого характеры, представляющие противоположные взгляды. В этих диалогах конфликт является движущей силой, раскрывающей идеологические и моральные противоречия, что позволяет Платону выстраивать философские аргументы через столкновение идей [Платон, 1971]. Одним из самых известных образов, представленных Платоном, является аллегория пещеры, описанная в VII книге «Государства». Эта аллегория представляет конфликт между невежеством и знанием, иллюзией и истиной, где персонажи вынуждены бороться с собственными представлениями о реальности. Выход из пещеры и открытие истины отражают напряжение между старым и новым, между ограниченностью восприятия и стремлением к познанию. Этот метод представления противоречивых точек зрения создал традицию использовать литературный конфликт как способ демонстрации и исследования философских концепций.

Ярким примером изображения многоуровневого конфликта является эпическая традиция древнегреческой литературы. В «Илиаде» и «Одиссее» Гомера конфликты происходят на нескольких уровнях: между богами и смертными, между народами и на уровне личных противоречий в душах главных героев. Конфликт между Ахиллом и Агамемноном в «Илиаде» символизирует борьбу между личной честью и долгом перед обществом, создавая сложное сочетание внешних и внутренних противоречий, которые позже будут воспроизводиться в других произведениях. Боги в эпосах Гомера также активно участвуют в человеческих делах, порождая новые конфликты своими вмешательствами. Это придает произведениям космическое измерение, в котором судьба человека становится ареной для противоборства высших сил [Гринцер, 2007]. В «Одиссее» тема конфликта переходит на уровень путешествия героя. Одиссей сталкивается как с внешними преградами, так и с собственными слабостями. Его конфликт с природными и сверхъестественными силами, а также его внутренняя борьба между стремлением вернуться домой и искушениями, встречающимися на пути, раскрывают понятие эпического конфликта в различных формах. Эти конфликты подчеркивают идею о том, что человек одновременно находится в борьбе с окружающим миром и со своей собственной природой.

В римской литературе античные представления о художественном конфликте получили продолжение, но акцент сместился в сторону граж-

CC BY

данского долга и индивидуальной добродетели. Так, в «Энеиде» Вергилия конфликт Энея с его собственными желаниями и божественным предназначением воплощает внутреннюю борьбу между личной свободой и обязанностью перед обществом и богами. Этот образ станет одним из главных мотивов в западной литературе, символизируя конфликт между личными и общественными интересами, что получит дальнейшее развитие в эпоху Средневековья и Возрождения. «Метаморфозы» Овидия также исследуют природу конфликта, но делают это через призму трансформации. Многие сюжеты поэмы связаны с конфликтами, возникающими из страстей и желаний, будь то противостояние между богами и смертными или внутренние переживания персонажей. Показ этих конфликтов через мифологические метаморфозы подчеркивает неизбежное воздействие внутренних и внешних сил на человеческую природу.

3.3. Конфликт в литературе эпохи Средневековья

Эпоха Средневековья внесла значительные изменения в представление о конфликте в литературе, сместив акценты от внешних столкновений к глубокой внутренней борьбе, связанной с духовными и моральными противоречиями. Распространение христианства в Европе способствовало развитию нового взгляда на человека и его внутренний мир, где ключевая борьба разворачивалась не только между героями и обстоятельствами, но и внутри самого героя, между его духовными устремлениями и плотскими искушениями. Средневековая литература создала особую категорию внутреннего конфликта, который отражал борьбу между добродетелью и пороком, духом и телом, а также личными стремлениями и требованиями общественного долга.

Значительное влияние на литературное понимание конфликта оказала «Исповедь» святого Августина [Августин, 1992], написанная в конце IV века. Это произведение представляет собой личное повествование о внутренней борьбе, с которой сталкивается человек, стремящийся к Богу. Августин описывает свои попытки преодолеть плотские искушения и обрести духовное просветление, анализируя свои действия и помыслы в свете христианских ценностей. Основой исповеди Августина становятся его глубокие экзистенциальные переживания. В первых девяти книгах он излагает историю своей жизни, которая не подчинена строгой логике, а скорее выражена через эмоциональное наполнение и искренние признания. Как отметил исследователь В. Л. Рабинович, его исповедь можно назвать «текстом-плачем», поскольку она словно «выплакана» автором. Рабинович подчеркивает, что Августин стремится глубоко заглянуть в собственную душу и прояснить её природу, тем самым отдаляясь от традиций классической риторики и академического мышления [Рабинович, 1991].

CC BY

Большая часть исповеди Августина посвящена его внутренней борьбе: он описывает переход от языческого мировоззрения к свету христианской веры. Это не просто рассказ о религиозном обращении; это путеводитель по духовному пути, по которому Августин прошел, чтобы стать глубоко верующим. Исповедь Августина можно рассматривать как покаянный диалог верующего, обретшего христианскую идентичность. «Исповедь» Августина представляет собой эмпатический диалог, охватывающий две основные линии: обращение к Богу и глубокую беседу с самим собой. Эти обращения выражают внутреннюю борьбу и обретение мира, подчеркивая внутренние переживания Августина как христианина. Переживания Августина обретают направленность, обращенную к Богу, становясь центральной осью его духовных исканий. В каждой главе его произведений звучит искреннее обращение к Создателю, раскрывающееся через диалог, полный благодарности и уважения, как ученика перед учителем. Августин наполняет свои мысли откровенностью, демонстрируя свою преданность и смирение перед высшей силой, на которую он возлагает все свои надежды. Особую значимость «Исповеди» придают многочисленные цитаты из Библии, которые придают его экзистенциальным размышлениям еще более глубокий религиозный смысл. Эти библейские отсылки не только усиливают духовную атмосферу текста, но и подчеркивают стремление Августина к познанию истины через священные писания. Таким образом, «Исповедь» отражает религиозный дух эпохи, когда высшей ценностью считался путь к Богу, а истинная жизнь человека предполагала освобождение от греховности, возможное лишь благодаря божественной милости и благодати. Сильное влияние на взгляды Августина оказал неоплатонизм — философия, ставшая особенно популярной в его время. Многие исследователи отмечают, что мировоззрение Августина, его подход к понятиям греха и духовного возрождения во многом связаны с этим философским направлением, которое соединяло классическую философию с христианской верой. Внутренний конфликт между мирскими желаниями и духовными стремлениями становится новым видом борьбы, которая впоследствии станет центральной темой средневековой литературы.

Концепция внутреннего конфликта, как войны души с телесными страстями, получила развитие в V веке в поэме «Психомахия» Пруденция [Prudence, 1963]. В этом произведении борьба между добродетелями и пороками олицетворена в виде битвы между воинами, что отражает представление о духовной борьбе как о настоящей войне, проходящей внутри человека. Аллегорический подход к конфликту стал основой для дальнейшего развития литературы морали и нравственных представлений, особенно в жанре аллегорий, где конфликт олицетворенных добродетелей и гре-

CC BY

хов отражает духовную напряженность, с которой сталкивается каждый верующий.

Средневековая литература представила также новый тип конфликта, который был связан с социальными и куртуазными ценностями. Появление рыцарского романа в XII—XIII веках внесло новые измерения в изображение конфликта. Романы о короле Артуре Кретьена де Труа представляют конфликты между любовью и долгом, личным желанием и общественными ожиданиями. Концепция куртуазной любви, сформулированная в «De Amore» (Искусство куртуазной любви) Андреаса Капеллануса, представила сложную систему романтических и социальных взаимодействий, чреватых конфликтом. В «Смерти Артура» сэра Томаса Мэлори конфликт между индивидуальным желанием и общественным долгом достигает своей кульминации в любовном треугольнике Артура, Гвиневры и Ланселота. Это произведение является примером того, как средневековая литература изображала конфликт результатом несовместимых моральных кодексов.

В рыцарских романах исследованию подвергались конфликты, возникающие из столкновения личных желаний и общественных обязанностей, любви и долга. Главные герои, как правило, разрываются между стремлением следовать кодексу чести, защищать слабых и сражаться за веру и своим стремлением к личному счастью или романтической любви. Примером такого конфликта является «Смерть Артура» сэра Томаса Мэлори, где конфликт между королем Артуром, его женой Гвиневрой и лучшим рыцарем Ланселотом обостряется в форме любовного треугольника. В этом романе исследуется трагическая природа конфликта, возникающего, когда личные чувства сталкиваются с общественными обязанностями, что ведет к падению королевства Артура и гибели многих героев. Мэлори показывает, что даже великие и добродетельные люди не могут избежать роковой борьбы между долгом и любовью, что делает конфликт в произведении морально сложным и драматически напряженным.

Куртуазная любовь, нашедшая свое место в средневековом романе, предполагает возвышенные и зачастую платонические отношения между рыцарем и дамой, находящейся выше него по статусу или недоступной для брака. В трактате А. Капеллануса «О правилах куртуазной любви» описаны сложные правила и нормы, регулирующие куртуазные взаимоотношения, что создает дополнительное напряжение в литературе того времени. Появляется новый вид конфликта, где стремление рыцаря к куртуазной любви сталкивается с реальностью его обязанностей перед семьей, обществом и Богом. Такая любовь, разрывая героя между страстью и моральным долгом, становится источником внутренней борьбы, придавая персонажам более глубокий, психологический характер.

CC BY

Монументальный труд «Божественная комедия» Данте Алигьери [Данте, 1982], написанный в начале XIV века, представляет собой обширное исследование духовных и моральных конфликтов на пути к спасению. Путешествие Данте через Ад, Чистилище и Рай символизирует внутренний путь самого автора к очищению и постижению духовной истины. Данте сталкивается с историческими, мифологическими и вымышленными персонажами, каждая встреча с которыми олицетворяет определенные моральные и философские дилеммы. Встречи героя с душами грешников в Аду и праведников в Раю служат для иллюстрации различных форм конфликта — политического, нравственного, личного и духовного — и их последствий в загробной жизни. Личность самого Данте оказывается в центре внутреннего конфликта. В этом путешествии он проходит через различные этапы духовного развития, начиная от страха и сомнений до уверенности и благочестия. «Божественная комедия» показывает, как борьба за душу может принимать формы не только внешнего противостояния, но и глубоких внутренних разногласий, которые ведут героя через очищение и искупление.

Средневековая драма также способствовала развитию представлений о конфликте, особенно через моральные и мистериальные пьесы. Мистериальные пьесы драматизировали библейские сюжеты и показывали борьбу между добром и злом, божественной волей и человеческой слабостью. В этих пьесах ярко проявлялся конфликт между праведностью и грехом, а также между обязательствами перед Богом и искушениями земной жизни. Моральные пьесы, такие как «Каждый человек», изображали конфликт в аллегорической форме, где персонажи олицетворяли добродетели и пороки. Герой, как правило, сталкивался с внутренней борьбой между своими греховными наклонностями и желанием достичь спасения, что делало конфликт более психологически насыщенным. В таких произведениях фигура зла часто изображалась харизматичной и соблазнительной, создавая увлекательную, но смертельно опасную ситуацию для главного героя. Такой подход подчеркивал, что зло является неотъемлемой частью человеческой природы и что борьба за душу происходит на внутреннем уровне человека. Переход к вернакулярной литературе в позднем Средневековье открыл новые возможности для изображения социальных и классовых конфликтов. Яркий пример — «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера [Чосер, 2012]. Произведение представляет собой сборник историй, рассказанных паломниками разных сословий и профессий, что позволяет автору исследовать различные точки зрения, противоречия и конфликты, присутствующие в средневековом обществе. Каждый персонаж сталкивается с внутренними и внешними противоречиями, отражающими их собственные взгляды на жизнь и социальные роли. Конфликты, представленные в «Кентербе-

CC BY

рийских рассказах», варьируются от личной морали до социальной справедливости, что делает произведение микрокосмом средневековой жизни с ее разнообразными конфликтами и перспективами. Например, в «Повести о мельнике» изображены конфликты между различными сословиями, где личные амбиции и моральные ценности вступают в противоречие с общественными ожиданиями и нормами.

4. Заключение = Conclusions

Прослеживаемая в данной работе эволюция художественного конфликта от античности до Средневековья демонстрирует важные изменения в понимании и интерпретации конфликта, обусловленные влиянием философских и культурных парадигм разных эпох. Античная традиция, представленная работами Аристотеля и Платона, рассматривала конфликт как важнейший элемент в создании драматического действия и стремилась восстановить гармонию через разрешение противоречий. Конфликт здесь предстает не просто как сюжетная коллизия, а как философская концепция, отражающая движение от дисгармонии к единству. С наступлением Средневековья восприятие конфликта меняется со столкновения внешних событий на глубокую внутреннюю борьбу души, связанную с христианскими представлениями о добре и зле и спасении. Появление таких произведений, как «Психомахия» Пруденция и «Исповедь» Августина, закрепило новый взгляд на конфликт, в центре которого оказались нравственные и духовные противоречия. Этот период также придал художественному конфликту аллегорическую форму, подчеркнув борьбу между добродетелью и пороком как универсальный духовный процесс, затрагивающий каждого.

Сравнительный анализ античной и средневековой литературных традиций показывает, что художественный конфликт развивался в ответ на изменение мировоззренческих систем и философских установок. Если в античности художественный конфликт был средством осмысления внешних и личностных конфликтов, то в Средние века художественный конфликт становится механизмом распознавания не только поступков героев, но и внутренних психических процессов, определяющих их внутренние ценности. Таким образом, работа подтверждает роль художественного конфликта как культурного индикатора, отражающего этические и философские установки обществ в разные эпохи.

Выявленные особенности эволюции конфликта открывают возможности для дальнейших исследований, посвященных его роли в литературе Нового времени и Ренессанса, где конфликт продолжает усложняться, взаимодействуя с новыми гуманистическими идеями и формируя более многослойные характеры.

CC BY

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Аврелий А.* Исповедь / А. Аврелий. — Москва : Республика, 1992. — 335 с.

2. *Аристотель.* Об искусстве поэзии / Аристотель ; пер. В. Г. Аппельрота ; комм. Ф. А. Петровского. — Москва : Гослитиздат, 1957. — 183 с.

3. *Гегель Г. В.* Эстетика. В 6 т. / Г. В. Гегель. — Москва : Искусство, 1968. — Т. 1. — 547 с.

4. *Данте Алигьери.* Божественная комедия / Данте Алигьери ; [Пер. с ит. и примеч. М. Лозинского. — Москва : Правда, 1982. — 640 с.

4. *Платон.* Сочинения : в 3 т. — Москва : Мысль, 1971. — Т. 3. — Ч. 1. — 460 с.

5. *Чосер Д.* Кентерберийские рассказы / Д. Чосер. — Москва : Наука, 2012. — 951 с. — ISBN 978-5-02-036871-2.

6. *Prudence.* Œuvres. Tome III. Psychomachie. Contre Symmaque / Texte établi et traduit par M. Lavarenne. — Paris : Société d'Édition «Les Belles Lettres», 1963. — 205 с.

Литература

1. *Барт Р.* Третий смысл / Р. Барт ; [перевод Сергей Зенкин и др.]. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2015. — 103 с. — ISBN 978-5-91103-253-1.

2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 424 с.

3. *Газизов Н. Р.* «Божественная комедия» Данте и Соната Листа «по прочтении Данте» : к вопросу общности и отличия / Н. Р. Газизов // Студенческий вестник. — 2023. — № 31—2 (270). — С. 23—24.

4. *Гордеева Г.* Пространство для конфликта. Автор и герой : позиция и дистанция / Г. Гордеева // Литературное обозрение. — 1983. — № 4. — С. 11—14.

5. *Гринцер Н. П.* Гомер глазами Гомера / Н. П. Гринцер // Вестник истории, литературы, искусства. — 2007. — Т. 4. — С. 245—257.

6. *Коваленко А. Г.* Художественная конфликтология : Структура и поэтика художественного конфликта в русской литературе XX века / А. Г. Коваленко. — Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. — 114 с. — ISBN 5-209-01401-0.

7. *Кормилов С. И.* Конфликт / С. И. Кормилов // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — Москва : Интелвак, 2001. — ISBN 5-93264-026-X.

8. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. — Москва : Наука, 1992. — 272 с.

9. *Луков В. А.* Конфликт в литературном произведении / В. А. Луков // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 5. — С. 6.

10. *Мэй Р.* Открытие Бытия / Р. Мэй. — Москва : Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. — 192 с. — ISBN 978-5-88230-137-7.

11. *Рабинович В. Л.* Человек в исповедальном жанре / В. Л. Рабинович // о человеческом в человеке. — Москва : [б. и.], 1991. — С. 298—326.

12. *Сахновский-Панкеев В. А.* Драма : Конфликт. Композиция. Сценич. Жизнь / В. А. Сахновский-Панкеев. — Ленинград : Искусство. Ленингр. отд-ние, 1969. — 232 с.

13. *Современный* словарь-справочник по литературе / Сост. С. И. Корнилов. — Москва : Олимп, 2000. — 704 с.

14. *Юсупова С. М.* Концепт «конфликт» в корпусном измерении идиом / С. М. Юсупова // Современные исследования социальных проблем. — 2018. — Выпуск 10 (4). — С. 280—292. — DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-280-292.

15. *Guignon C.* Existentialism : Basic Writings / C. Guignon. — Indianapolis : Hackett Publishing, 2001. — 295 p.

16. *Kumral N.* Semiotic analysis of textual communication in Snow by Julia Alvarez / N. Kumral // Journal of Language and Linguistic Studies. — 2013. — Vol. 9 (2). — Pp. 31—44.

17. *Malki I.* Conflict resolution strategies in media discourse : The case study / I. Malki // International Journal of Social Science Studies. — 2018. — Vol. 6. — Pp. 24—35.

18. *Panasenko N.* Conflict, confrontation, and war reflected in mass media : Semantic wars, their victors and victims / N. Panasenko, Ľ. Greguš, I. Zabuzhanska // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. — The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava. — 2018. — Vol. III (2). — Pp. 132—163.

19. *Rand A.* The Art of Fiction : A Guide for Writers and Readers / A. Rand. — London, New York : Penguin, 2000. — 378 p. — ISBN 0452281547.

20. *Spinelli E.* An existential approach to conflict : a revised version of the keynote lecture / E. Spinelli // Coaching : An International Journal of Theory, Research and Practice. — 2008. — Vol. 1:2. — Pp. 120—131.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024,
одобрена после рецензирования 24.02.2025,
подготовлена к публикации 15.03.2025.

Material resources

Aristotle. (1957). *On the art of poetry.* Moscow: Goslitizdat. 183 p. (In Russ.).

Aurelius, A. (1992). *Confession.* Moscow: Republika Publ. 335 p. (In Russ.).

Chaucer, D. (2012). *The Canterbury Tales.* Moscow: Nauka Publ. 951 p. ISBN 978-5-02-036871-2. (In Russ.).

Dante Alighieri. (1982). *The Divine Comedy.* Moscow: Pravda. 640 p. (In Russ.).

Hegel, G. V. (1968). *Aesthetics. In 6 volumes, 1.* Moscow: Iskusstvo Publ. 547 p. (In Russ.).

Plato. (1971). *Essays: in 3 volumes, 3 (1).* Moscow: Mysl. 460 p. (In Russ.).

Prudence. (1963). *Œuvres. Tome III. Psychomachie. Contre Symmaque.* Paris : Société d'Édition «Les Belles Lettres». 205 c. (In Frenc.).

References

Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity.* Moscow: Iskusstvo Publ. 424 p. (In Russ.).

Barth, R. (2015). *The Third Meaning.* Moscow: Adam Press. 103 p. ISBN 978-5-91103-253-1. (In Russ.).

Gazizov, N. R. (2023). "The Divine Comedy" by Dante and Liszt's Sonata "after reading Dante": on the issue of community and difference. *Studencheskiy vestnik, 31—2 (270):* 23—24. (In Russ.).

Gordeeva, G. (1983). Space for conflict. The author and the hero: position and distance. *Literary Review, 4:* 11—14. (In Russ.).

Grinzer, N. P. (2007). Homer through the eyes of Homer. *Bulletin of History, Literature, Art, 4:* 245—257. (In Russ.).

Guignon, C. (2001). *Existentialism: Basic Writings.* Indianapolis: Hackett Publishing. 295 p.

Kormilov, S. I. (2001). Conflict. In: *Literary Encyclopedia of terms and concepts.* Moscow: Intelvak Publ. ISBN 5-93264-026—X. (In Russ.).

Kovalenko, A. G. (2001). *Artistic conflictology: The structure and poetics of artistic conflict in Russian literature of the XX century.* Moscow: Publishing House of the Russian University of Friendship of Peoples. 114 p. ISBN 5-209-01401-0. (In Russ.).

Kumral, N. (2013). Semiotic analysis of textual communication in Snow by Julia Alvarez. *Journal of Language and Linguistic Studies, 9 (2):* 31—44.

Lotman, Yu. M. (1992). *Culture and Explosion.* Moscow: Nauka Publ. 272 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2010). Conflict in a literary work. Information humanitarian portal Znanie. *Understanding. Ability, 5:* P. 6. (In Russ.).

Malki, I. (2018). Conflict resolution strategies in media discourse: The case study. *International Journal of Social Science Studies, 6:* 24—35.

May, R. (2004). *The Discovery of Being.* Moscow: Institute of General Humanitarian Research. 192 p. ISBN 978-5-88230-137-7. (In Russ.).

Modern dictionary of Literature. (2000). Moscow: Olymp Publ. 704 p. (In Russ.).

Panasenko, N., Greguš, L., Zabuzhanska, I. (2018). Conflict, confrontation, and war reflected in mass media: Semantic wars, their victors and victims. *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava, III (2):* 132—163.

Rabinovich, V. L. (1991). A man in the confessional genre. In: *About the human in man.* Moscow: [b. i.]. 298—326. (In Russ.).

Rand, A. (2000). *The Art of Fiction: A Guide for Writers and Readers.* London, New York: Penguin. 378 p. ISBN 0452281547.

Sakhnovsky-Pankeev, V. A. (1969). *Drama: Conflict. The composition. Scenic. Life.* Leningrad: Iskusstvo Publ. Leningr. publishing house. 232 p. (In Russ.).

Spinelli, E. (2008). An existential approach to conflict: a revised version of the keynote lecture. *Coaching: An International Journal of Theory, Research and Practice, 1:2:* 120—131.

Yusupova, S. M. (2018). The concept of "conflict" in the corpus dimension of idioms. *Modern research on social problems, 10 (4):* 280—292. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-280-292. (In Russ.).

The article was submitted 10.11.2024;
approved after reviewing 24.02.2025;
accepted for publication 15.03.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Шарапенкова Н. Г. «Северный импульс» в творческом становлении Андрея Белого / Н. Г. Шарапенкова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 339—357. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-339-357.

Sharapenkova, N. G. (2025). Northern Impulse in Creative Development of Andrei Bely. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 339-357. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-339-357. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Северный импульс» в творческом становлении Андрея Белого

Шарапенкова Наталья Геннадьевна
orcid.org 0000-0002-2161-7494
доктор филологических наук,
заведующая кафедрой
германской филологии
и скандинавистики,
ведущий научный сотрудник, доцент
natshar@mail.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
в Петрозаводском государственном
университете за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 24-28-01401
«Поэтика Севера в творчестве русских
и скандинавских писателей
XX—XXI веков»,
https://rscf.ru/project/24-28-01401/

Northern Impulse in Creative Development of Andrei Bely

Natalia G. Sharapenkova
orcid.org 0000-0002-2161-7494
Doctor of Philology,
Head of the Department
of Germanic Philology and Scandinavian
Studies, Leading Research Fellow,
Associate Professor
natshar@mail.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Acknowledgments:
The research was conducted
at Petrozavodsk State University
with the support of a grant
from the Russian Science Foundation,
Project № 24-28-01401 “The Poetics
of the North in the Works of Russian
and Scandinavian Writers
of the 20th–21st Centuries”,
https://rscf.ru/project/24-28-01401/

© Шарапенкова Н. Г., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена научной значимостью проблемы русско-скандинавских взаимосвязей, особенно на рубеже XIX—XX веков. В статье в контексте заявленной проблематики — культурного диалога России и Скандинавии — анализируются ранние произведения одного из ярчайших представителей русского символизма, Андрея Белого. В исследовании использован недавно введенный в научный оборот автобиографический материал, без которого невозможен полноценный анализ написанного Андреем Белым. Выполнен краткий обзор подходов к симфониям (главным образом, к «Северной симфонии (1-й героической)»). На основе автобиографического и эпистолярного наследия выявлены вопросы рецепции Андреем Белым музыки Э. Грига и драм Г. Ибсена, проанализированы образы, навеянные тематикой Севера, скандинавским фольклором и мифологией. Обозначены мотивы «Северной симфонии (1-й героической)» (Вечности, Зари, безвременья и др.). Сделаны выводы о том, что художественное пространство «Северной симфонии» представлено как «пространство сознания» повествователя. В ходе проведенного исследования выявлены такие черты, как ориентация симфонии Андрея Белого на структуру музыкального произведения, приемы выразительности, а также введение в прозу ритма. Утверждается, что затем они находят свое воплощение в последующих произведениях писателя («Петербург», 1913, «Москва», 1924—1932).

Ключевые слова:
Андрей Белый; Северная симфония; русско-скандинавские взаимосвязи; локус Север; ритмическая проза.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this study is underscored by the scholarly significance of the issue of Russian-Scandinavian connections, particularly at the turn of the 19th to 20th centuries. This article examines the early works of one of the most prominent figures of Russian symbolism, Andrei Bely, within the context of the cultural dialogue between Russia and Scandinavia. Utilizing recently introduced autobiographical material, which is crucial for a comprehensive analysis of Bely's writings, the research provides a concise overview of approaches to symphonies, with a focus on the "Northern Symphony (First Heroic)." Through an exploration of Bely's autobiographical and epistolary heritage, the study identifies his reception of the music of Edvard Grieg and the dramas of Henrik Ibsen, analyzing images inspired by themes of the North, Scandinavian folklore, and mythology. The motifs of the "Northern Symphony (First Heroic)" — such as Eternity, Dawn, and Timelessness — are delineated. The findings suggest that the artistic space of the "Northern Symphony" is presented as a "space of consciousness" for the narrator. The research reveals characteristics such as Bely's orientation towards the structure of musical composition, expressive techniques, and the incorporation of rhythm into prose. It is argued that these elements later manifest in Bely's subsequent works ("Petersburg," 1913; "Moscow," 1924-1932).

Key words:
Andrei Bely; Northern Symphony; Russian-Scandinavian connections; locus of the North; rhythmic prose.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Белый.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-339-357

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

«Северный импульс» в творческом становлении Андрея Белого

© Шарапенкова Н. Г., 2025

1. Введение = Introduction

Наиболее интенсивное взаимодействие литератур и культур России и Скандинавии происходило на рубеже XIX—XX веков. Русскими символистами локус Север, особенности северного ландшафта, образы и сюжеты скандинавской мифологии и фольклора, мотивно-образный ряд произведений скандинавских писателей были восприняты как явления близкие, родственные. Север представал для них как некое «запредельное пространство» [Барковская, 2018, с. 189], а путь на Север — как «духовное странствие» [Там же]. Чл.-корр. В. В. Полонский справедливо отмечает: «Именно на рубеже столетий русская литература открывает для себя *поэтику Севера* как целостный романтико-модернистский культурный комплекс…» [Полонский, 2019, с. 4].

Русский модернизм, отразивший *умонастроение* эпохи рубежа XIX—XX веков, стал значимой частью новой неклассической парадигмы мышления, новой эстетики и сформировавшейся — в связи с новыми канонами прекрасного — поэтики. Вяч. Иванов, К. Бальмонт, Андрей Белый, Ал. Блок, «возвестившие» о формировании новой парадигмы прекрасного, в своем литературном и публицистическом творчестве проявляли глубинный интерес к «северному», «гиперборейскому» мифу и скандинавскому фольклору, а также к литературе сопредельного Скандинавского региона.

Выйдя из тени полудозволенности и полузапрета, творчество Андрея Белого и сама его личность в конце XX — начале XXI веков вновь попали в фокус филологических исследований. В качестве ярчайшего подтверждения этому приведем сборники по итогам международных научных конференций «Андрей Белый в изменяющемся мире», выпущенные Мемориальной квартирой Андрея Белого [Андрей Белый ..., 2008; Миры Андрея Белого ..., 2011; Арабески Андрея Белого ..., 2017; Андрей Белый ..., 2024], которые, с одной стороны, объединили усилия отечественных и зарубежных ученых-литературоведов, лингвистов, культурологов и философов

CC BY

в изучении наследия этого одного из самых «головоломных» для понимания писателей, с другой стороны, дали импульс для дальнейшего изучения многогранного творчества выдающегося русского символиста.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом данного исследования стали *симфонии* Андрея Белого, в первую очередь «Северная симфония (1-я, героическая)». Написанная в 1889—1900 годах, она вышла в свет только в 1904 году, уже после выхода в 1902 году «Симфонии (2-й драматической)», которая заняла особое место в творческой эволюции автора и интерес к которой значительно выше в филологической науке, чем к «Северной».

Академик А. В. Лавров, издавший после долгого забвения четыре Симфонии [Белый, 1991] Андрея Белого и тем самым давший импульс для их дальнейшего изучения [Букхарт, 1999, с. 72—89; Долгополов, 1990; Хмельницкая, 1988, с. 103—131 и др.], «выстраивает» во вступительной статье своего рода ряд произведений-«знамений», открывающих новую символистскую эстетику: «Вслед за “Симфонией” Белого увидели свет “Кормчие звезды” (1903) Вячеслава Иванова и “Стихи о Прекрасной Даме” (1904) Александра Блока. Внешне разительно несхожие между собою, эти три книги в равной мере возвестили о новом эстетическом мировидении, стали своего рода опознавательными знаками начала века, воспринимавшегося и как начало новой, неведомой жизни, новых чувствований и восприятий» [Лавров, 1990, с. 5—6].

Первые симфонические опыты в области литературы Андрея Белого, по словам Д. В. Философова, «свидетельствуют о большой силе, мятущейся и стремящейся к Богу души. Здесь подлинный дух пророчества» [Философов, 1903]. Э. К. Метнер, ставший на долгие годы другом и наставником Андрея Белого [Лавров, 2017, с. 5—83], выявляя отличие в хронотопе двух симфоний, замечает: «Первая симфония разыгрывается во время оно в тридесятом царстве: это — сказка» [Метнер, 2004, с. 41]. Особый упор Э. К. Метнер делает на музыкальном смысле симфоний: «Смелая, почти дерзкая попытка Андрея Белого знаменательна как яркий признак проникновения поэзии элементами музыки» [Метнер, 2004, с. 42]. Одна из интереснейших и развернутых рецензий принадлежит о. Павлу Флоренскому [Флоренский, 2004, с. 54—68], который выделяет стилевую манеру — создание нового типа прозы, «местами доходящей почти до стихотворной формы» [Там же, с. 54]. П. Флоренский напрямую соотносит «Северную симфонию» с «искусством чистого слова», с симфониями, в которой «музыка по преимуществу, чистая музыка» [Там же, с. 62]. Помимо этого, критик подробно останавливается на тематическом плане симфонии, называя

CC BY

ее апокалиптической (по духу), а также «*поэмою мистического христианства»* [Там же, с. 68].

В исследованиях 70—90-х годов XX века подчеркивалась художественная несостоятельность «Северной симфонии (1-й героической)». Так, к примеру, Е. В. Старикова делает вывод, что первая симфония построена на приеме «иллюстрирования красочным образом музыкального звучания слова и фразы…» [Старикова, 1974, с. 196]. Л. К. Долгополов приводит свои наблюдения о героях симфонии: «…в ней действуют короли, королевны, рыцари, имеется замок в горах, утонувший в белых облаках» [Долгополов, 1988, с. 92].

Переизданные академиком А. В. Лавровым в 1991 году после долгого перерыва симфонические опыты Андрея Белого [Белый, 1991] дали толчок для новых интерпретационных подходов к этим образцам синтетического жанра, соединяющего слово и музыку, слово и живопись, прозу и поэзию. Дополнительным стимулом стал выпущенный в полном объеме автобиографический корпус трудов Андрея Белого, включающий в себя, к примеру, «Материал к биографии» [Белый, 2016, с. 29—328], «Ракурс к дневнику» [Там же, с. 329—654], а также вышедшие до этого, в 90-е годы XX века мемуары писателя (к примеру, [Белый, 1989б]), корпус его эпистолярного наследия [Андрей Белый и Иванов-Разумник ..., 1998; Андрей Белый и Александр Блок ..., 2001 и др.].

В основном интерес в исследованиях конца XX — начала XXI веков сфокусирован на «Симфонии (2-й, драматической)», ставшей своего рода «литературным рождением» Андрея Белого [Хмельницкая, 1988, с. 103]. Так, по словам Д. Буркхарта, в «Симфонии (2-й, драматической)» Андрей Белый создает «многогранный, бесконечно многосторонний и многострунный, симфонически организованный мир России 1900-го» года [Буркхарт, 1999, с. 87]. В свет вышли статьи, посвященные непосредственно анализу и интерпретации первой симфонии, а именно: поэтике заголовка [Балина, 2014], «особенностям символики пространства» [Скойбеда, 2020, с. 43], жанровому синтезу [Тухто, 2020], а также восприятию симфоний как предтечи постмодернизма [Поттосинова, 2001], особенностям мистицизма писателя [Севастьянова, 2013] и связям с драмами Г. Ибсена [Тулякова, 2013]. Все эти, как и ряд других исследований, свидетельствуют об актуализации в современной филологической науке проблем раннего и не до конца еще отрефлексированного этапа творчества Андрея Белого.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Северная симфония (1-я, героическая)»: к истории создания

Русские символисты тяготели в своем творчестве к музыке, в которой они видели символ мировой стихии. По Андрею Белому, «в симфониче-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ской музыке, как наиболее совершенной форме, рельефнее кристаллизованы задачи искусства» [Белый, 1994, с. 103]. Белый-теоретик называет в статье «Формы искусства» имена трех преобразователей, синэстетиков: Вагнера, «снизошедшего до поэзии»; Ибсена, «восшедшего к музыке»; живописца А. Бёклина, у которого, как звуковые соответствия в музыкальном произведении, в его картине «Остров мертвых» «поражают соответствия» между фигурой и фоном [Там же, с. 105]. Идеи и открытия в области синтеза искусств, новое осмысление природы мифа Р. Вагнером, Г. Ибсеном, А. Бёклиным будут восприняты молодым писателем: творческий отклик на эти «штудии» и находим в его ранних симфонических опытах.

«Северная симфония (1-я героическая)» строится по законам музыкального произведения. Впоследствии, выстраивая ретроспективно анализ природы своего подхода и генезиса произведений, Андрей Белый писал: «…синтез материала переживал я не рефлексией, а звуком музыкальной темы, программу к которой, то есть сюжет, я должен найти» [Белый, 1988, с. 12]; «…я в этом периоде работы уподобляю себя композитору, ищущему текст для превращения музыкальной темы в литературно-сюжетную» [Там же, с. 13].

Назвав свои первые произведения *симфониями*, Андрей Белый, несомненно, указывал на их синтетическую природу: «…сюжеты первых четырех книг, мною вынутых из музыкальных лейтмотивов, названы мной не повестями или романами, а Симфониями. Отсюда их интонационный, музыкальный смысл, отсюда и особенности их формы, и экспозиция сюжета, и язык» [Там же, с. 20]. Созданные по примеру музыкальной симфонии, симфонии в прозе [Белый, 2016, с. 53] отвечали запросам самих символистов о создании универсального искусства, подобно музыкальным драмам Р. Вагнера (его идеи «Gesamtkunstwerk»).

«Боренька напечатал “Симфонию”» [Белый, 1989б, с. 40], — так в третьем лице автор пишет о себе. Речь идет о вышедшей в 1902 году «Симфонии (2-й, драматической)». Напомним, что «Северная симфония (1-я, героическая)» создавалась и приобретала форму в 1899, 1900 годы, вышла в свет в 1904 году. Смерть горячо почитаемого Льва Ивановича Поливанова, директора гимназии, в которой учился Б. Бугаев, помимо того, что была воспринята «как большой…удар» [Белый, 2016, с. 51], послужила толчком к написанию претекста: «…я жил, переполненный, взволнованный, удивленный и восхищенный образом “Лев”, к которому тянулось сознание…» [Там же, с. 51], «…под влиянием кончины Поливанова я пишу нечто очень смутное, что впоследствии легло в основу формы “*Симфоний*”, нечто космическое и одновременно симфоническое» [Белый, 2016, с. 51]. Андрей Белый воссоздал этот период ретроспективно в письме литератору и другу Иванову-Разумнику в 1899 году: «…я отдался странной, дикой, туманной, космической

эпопее в прозе <…> из этой формы родились “*Симфонии*”. Собственно говоря, первой Симфонией была не *Северная*, а эта, уничтоженная» (курсив А. Белого. — *Н. Ш.*) [Андрей Белый и Иванов-Разумник ..., 1998, с. 488].

Суровый, порой аскетичный ландшафт далекой и таинственной северной страны, в которой разворачивается действие «Северной симфонии», передан такими образами, как «кучка чахлых, северных берез» [Белый, 1990, с. 39], «северные поля», «сосны, прижимавшиеся друг к другу одинокой кучкой» [Белый, 1991, с. 36], а также образами северного ветра-Ревуна и ветра-летуна, описанием зимних бесплодных просторов, конкретных северных маркеров (таких, как, к примеру, северное (полярное) сияние): *Над лесными вершинами пролетал ветер, Ревун, сжимая сердце смутным предчувствием* [Белый, 1991, с. 43]; *Словно отдыхал один из холодных летунов замороженного полюса* [Там же]; *Приходила северная зима. Блистала по ночам у горизонта полярным сиянием* [Там же].

Одной из важнейших характеристик описания Севера выступают образы северного грозового неба, утреннего-«предрасветного» или, напротив, закатного неба, на котором фиксируется взгляд повествователя во вступлении к симфонии и образы которого (неба) оказываются значительными для героев на протяжении всего повествования: именно туда они устремляют свои взоры, там разразится и нешуточная битва великана с тучами: *Лебеди знакомой вереницей на заре тянулись к далекому северу* [Там же, с. 47]; *Но в небе стоял белый ком, а у горизонта лежала дымовая, кабанья голова* [Там же, с. 59].

3.2. «Северная симфония (1-я, героическая)»: влияние музыки Э. Грига

Символичность заголовка «Северной симфонии (1-й, героической)» и его мотивно-тематическое поле, связанное с локусом Север, а также посвящение норвежскому композитору Э. Григу важны для автора, подтверждение тому находим в письме к В. Брюсову, редактору «Скорпиона»: «... нельзя ли озаглавить “Симфонию” как-нибудь индивидуальнее, а то произойдет неизбежная путаница со *второй*. Я предлагаю ряд заглавий, предоставляя вам выбор наиболее подходящих: “*Северная симфония*”, “*Север*”, “*Северные страны*”, “*Рыцарь и королевна*”, “*Королевна*”. Если угодно в скобках (первая), а то и этого не нужно. Мне думается лучше всего: “Королевна” и “*Северная симфония*”» (курсив наш. — Н. Ш.) [Литературное наследство ..., 1976, с. 366].

В «Материалах к биографии» будущий писатель отмечал: «Октябрь — декабрь (1898 года. — *Н. Ш.).* Эти месяцы окрашены для меня начинающимся увлечением Григом, которое тянется два года … “Lyrische Stücke” производит на меня <…> сильное впечатление…» [Белый, 2016, с. 49].

CC BY

«Дома ежедневно слушаю Грига; Григ берет меня все глубже…» [Там же, с. 53]. Романтическая музыка Э. Грига, по воспоминаниям Андрея Белого, ему «внушает чисто музыкальную тему Северной Симфонии» [Там же, с. 54], тема «складывающейся сюиты» — *«северная весна»* [Там же], «… лесные чащи были навеяны балладою Грига, положенной в основу второй и третьей части “Симфонии”» [Белый, 1990, с. 136]. Именно музыка Э. Грига с его тягой к легендам и образам скандинавского (норвежского) фольклора и мифологии (тролли, гномы, эльфы), одухотворением северной природы (фьордов и горных вершин, северного сияния и морской глади) стали сильнейшим творческим импульсом для формирования идейного, мотивного и образного ряда «Северной симфонии», что важнее, самого «настроения» произведения. Помимо романса Э. Грига «Королевна», образ которой отсылает к главной героине «Северной симфонии», автор выделяет и Op. 24 («Баллада в форме вариаций на норвежские народные мотивы»), романс «Лебедь», а также Op. 17 (сборник «25 норвежских народных песен и танцев»).

Вторая и третья части «Северной симфонии» Андрея Белого изобилуют описаниями маленьких подземных существ. Гномы — существа-карлики из германо-скандинавского фольклора, вошли в кругозор Б. Бугаева из сказок братьев Гримм, которые читала ему гувернантка-немка, а также в дальнейшем и из музыки норвежца (помимо указанного выше, к примеру, «Шествие гномов», Op. 54).

На лесном холме стояли два мечтательных гнома.

Они глядели вслед проезжающему рыцарю и подпирали короткой ручкой скуластые лица свои.

Слушали песни зари [Белый, 1991, с. 55];

Не раз можно было видеть среди темноты рубиновые глазки старого гнома; не был он лесником, но выползал из норы покурить трубку с киркою в руке; он боролся под землей с притяжением [Там же, с. 51].

В первом отрывке есть и авторские коннотации образов карликов, они «мечтательные» и слушают «песни зари» («заря» — один из важнейших мотивов симфоний). Во втором — автор воссоздает их подземный мир и указывает на их ремесло: добыча и хранений кладов с драгоценными камнями. В симфонии широко «разработана» тема «козлования» и представлен целый ряд персонажей «с козлиными ногами»: *...водились козлоногие в лесу* [Там же, с. 40], *Меж стволов ковылял козлоногий лесник, пропадая где-то сбоку* [Там же, с. 47]. Это и сам герой — *козлобородый* рыцарь [Там же, с. 51], и множество других героев скандинавского пантеона низшей мифологии с авторскими модуляциями (к примеру, *незнакомец, окутанный черным плащом и с куриными лапами вместо ног* [Там же, с. 59)].

CC BY

Фавн (пан) — еще один представитель низшей мифологии, который входит в число персонажей «Северной симфонии».

Это была игра козлоногого фавна [Там же, с. 50].

В дни безумий:

С жаждой дня у огня среди мглы фавны, колдуньи, козлы, возликуем.

«В пляске, равны, танец славный протанцуем среди мглы!.. Козлы!..»

«Фавны!» [Там же, с. 62].

В приведенном отрывке с его ощутимой ориентацией на стихотворную рифму и ритм воспроизведен своего рода шабаш «нечисти» с призывом «протанцевать в мглу». Мгла, тьма, туманность — важнейший элемент картины мира симфоний. В образе фавна писателю важен его «звериный» подтекст и стремление к плотским наслаждениям, которые одолеют молодого рыцаря в «Северной симфонии». Вторая и третья части «Северной симфонии» — «драматическая» и «трагическая» [Флоренский, 2004, с. 66] — представляют собой реализацию темы борения молодого рыцаря со звериным (плотским) началом своей природы и «темными наследственными силами» [Белый, 1991, с. 51], а также мотива одоления им «тумана сатанизма» [Белый, 1991, с. 66], «богомерзких ужасов» [Там же, с. 57] и темы принятия христианства. Рыцарь из «Северной симфонии» завязнет в «трясине безвременья», а собственное возможное *спасение* «от ужасов и волнений», навеянных языческими силами, одолевавших его, герой (хоть и не сразу, как и Пер Гюнт Г. Ибсена) осознает в любви, в понимании ее как служения Высшему долгу. Произойдет это уже за пределами человеческого существования, после смерти рыцаря (четвертая часть симфонии, «мистическая и прекрасная» [Флоренский, 2004, с. 66]).

3.2. «Северная симфония (1-я, героическая)»: аллюзии на драмы Г. Ибсена

Второй важнейшей составляющей художественного мира «Северной симфонии (1-й героической)»» являются драмы «властителя умов» эпохи рубежа XIX—XX веков, Генрика Ибсена. В 1897 году Андрей Белый (Борис Бугаев, псевдоним появится позже благодаря М. С. и О. С. Соловьевым, жившим этажом ниже Бугаевых и оказавшим на становление писателя большое влияние) ставит перед собой задачу «основательно ознакомиться с Ибсеном» [Белый, 2016, с. 43] и «проглатывает целиком Ибсена и Достоевского — одновременно» [Там же, с. 45]. Среди потрясений того времени: «точно удар грома» — *«Преступление и наказание»* (выделено автором цитаты. — *Н. Ш.*) [Там же], и «другой такой удар грома» — *«Северные богатыри» и «Гедда Габлер»* [Там же], «Ибсен — разрыв бомбы во мне» [Белый, 1989б, с. 319].

Г. Ибсен станет постоянным духовным спутником Андрея Белого, от ранних симфоний (образ зашифрован в «Симфонии (2-й драматической)»:

CC BY

Тут был и норвежский лев, чье рыкание раздражало покойницу… [Белый, 1991, с. 150]) и до последнего романа «Москва» (1924—1932), в котором один из героев, Задопятов, иронически уподоблен норвежскому драматургу: *Задопятов, соклассник, захаживал; после раздулся в седовласую личность, строчащую все предисловия к Ибсену (Ибсен — норвежский рыкающий лев, окруженный прекрасною гривой седин)* [Белый, 1989а, с. 37]. Новаторству драматурга Ибсена, структуре его пьес, реформированию им театра, а также важнейшей идее младосимволистов — «жизни как творчеству» — посвящены статьи русского писателя, такие как «Ибсен и Достоевский» (1905), «Кризис сознания и Генрик Ибсен» (1911), «Формы искусства» (1902) и др.

Первые реминисценции на художественный мир драм Г. Ибсена и — шире — на героев скандинавского фольклора находим в «Северной симфонии (1-й героической)».

Тролли — традиционные существа норвежского фольклора — становятся главными фантастическими героями драмы «Пер Гюнт» (1867) Г. Ибсена и созданной Э. Григом на его основе сюиты с одноименным названием. Как и тролли в драме Г. Ибсена с их призывом «Тролль, будь доволен собою самим» [Ибсен, 2006, с. 49] уводят Пер Гюнта от подлинного «я», так и «богомерзкий дворецкий» хочет увести молодого рыцаря в первой симфонии от молитв, от истинного служения, от чистой и непорочной любви, погрузить в «козлование» и сатанизм: *Не раз видели темной, осенней ночью, когда он, как паук, заглядывал к молодому рыцарю. Рассыпал зеленые порошки. Приводил из лесу знатоков козлованья* [Белый, 1991, с. 57]. Ибсеновский контекст важен для понимания идейного стрежня и главной героини симфонии Андрея Белого: королевна отсылает читателя не только к романсу Грига, о чем говорилось выше, но и к образу Сольвейг Ибсена с ее идеей христианской (милосердной) любви, любви-caritas. В последнем акте драмы Сольвейг появляется с молитвенником в руке, она сохраняет целостность Пер Гюнта (Пер Гюнт: «Где был «самим собой» я — таким, / каким я создан был, — единым, цельным». Сольвейг: «В надежде, вере и в любви моей» [Ибсен, 2006, с. 170]). Так, и королевна «принесла свет с вершины» [Белый, 1991, с. 74], «молилась за брата» [Там же, с. 68], и он был «спасенный рыцарь» [Там же, с. 73].

Помимо «Пер Гюнта», важнейшим импульсом для начинающего писателя выступает драма «Северные богатыри». Именно под таким названием 14 января 1892 года на сцене Малого театра состоялась премьера пьесы Г. Ибсена «Воители в Хёльгеланде». Являющаяся вершиной национального романтизма, пьеса строилась на сюжетах о Сигурде и скальде Эрнульфе, близка «Саге о Вёльсунгах» и «Песне о нибелунгах». Указания на

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

страну Севера, в которой разворачиваются во многом трагические события симфонии Андрея Белого, перекликаются с драмой Ибсена. Наблюдения, приведенные выше, позволяют в данном контексте посмотреть и на содержание «Северной симфонии» Андрея Белого. Герой первой части «Северной симфонии» — король, отец королевны, — не выполняет наказ (как это следовало бы ожидать от героя сказки), данный ему отцом перед смертью. Наказ короля-отца: *«Ты выстрой башню и призови к вершинам народ мой <…> Веди их к вершинам, но не покинь их <…> Лучше пади вместе с ними, о, сын мой!»* [Там же, с. 38]. Смерть у Андрея Белого (старого короля или состарившейся королевы) далека от физиологического ее понимания, она дана в символико-сказовой манере и в христианском контексте (в четвертой части). Так, старый мертвый король будет ожидать молодого в своей стране, на Севере: *Почивший король все сидел на гробнице, поджидая убежавшего сына* [Там же, с. 44].

После смерти старого короля послушать речи молодого приходили викинги — *северные богатыри* [Белый, 1991, с. 38] (реминисценция на драму Г. Ибсена «Воители к Хёльгеланде»). *Стаи* ***северных богатырей*** *собирались к древнему трону, а у трона король молодой говорил новые речи* (выделено нами. — *Н. Ш.*) [Там же, с. 38]. Северные богатыри и великаны (*Где-то недалеко прошли великаны ускоренным шагом и утонули в глубине горизонта* [Там же, с. 59]) — аллюзивный план «Северной симфонии», отсылающий как к фольклорной германо-скандинавской традиции (тролли, ётуны), так и к музыке Э. Грига и драмам молодого Г. Ибсена. Великаны здесь — метафорическое выражение громад туч, гонимых к горизонту. Молодой король в «Северной симфонии» покидает свою страну, которая осталась далеко, «в северных полях» [Там же, с. 44], и в которой теперь «на тяжелом троне восседал Мрак» [Там же]. Молодой король уводит свою королеву на «вершину великой мраморной башни» [Там же, с. 41], где у них рождается молодая королевна. Дочь молодого короля, — «одинокий, северный цветок» [Там же, с. 48] — ведет в «Северной симфонии» партию Вечности. *Вечность строгою птицею летала во мраке ночном. Королевна росла на вершине* [Там же, с. 42]). Начиная со своего рождения из «тоски и туманной меланхолии» ей уготован путь, выражаясь образно, в «голубую бесконечность, голубую чистоту восходящей линии» [Там же, с. 41]. В третьей части разносится пророчество о королевне: *...ужас недолго продолжится, … Господь пошлет им святую* [Там же, с. 68]. В первой части симфонии, повествующей о линии короля — королевы — королевны, дано описание особенной ночи — рождественской: *Раз в году ночь зажигалась огнями: невидимые силы разжигали иллюминацию. Сквозь морозные узоры из окна рвался странный свет. Всюду ложились отсветы и огненные*

CC BY

знаки [Там же, с. 44]. Данная сцена перекликается с третьей и четвертой частью симфонии, в которой даны картины чистилища, преддверия рая и возникают образы «белых детей» и образ Христа.

Параллельно истории короля и его дочери ведется линия второго главного героя симфонии, молодого рыцаря, образ которого отсылает как к «Северным богатырям» Г. Ибсена, к его главному действующему лицу, рыцарю Сигурду, так и к рыцарям из немецких сказок и баллад. В симфонии Андрея Белого рыцари представлены в неоднозначном свете: они, язычники, поклоняются силам природы (отец молодого рыцаря совершал «обряд шарового ужаса» [Там же, с. 53]), грабят на дороге (*Рыцари выезжали грабить проезжающих <…> в те времена можно было встретить мрачного всадника, горбоносого и с козлиной бородой <…> недаром ходили козлы вместе с людьми на шабаш ведьм* [Там же, с. 51], но и, в то же время, рыцарям послана святая — королевна, перед троном которой они *преклоняли колени <…> держа в руках пернатые уборы* [Там же, с. 74].

Молодой рыцарь живет в замке с готическими окнами, двойственная природа которого выражена в его стремлении упасть ниц «перед озаренным Распятием» [Там же, с. 55] и одновременно в его тяге «совершить обряды тайных ужасов» на шабаше. Молодой рыцарь ведет своего рода партию «безвременья» и должен встретиться с Вечностью (королевной). Первый раз, увидев королевну, рыцарь оцепенел и «с восторгом внимал этой песне, песне сверкающих созвездий и огнистого Сатурного кольца. Невозможное казалось близко» [Там же]. В кульминационной сцене-объяснении с рыцарем она признается, что она, королевна, «безвенечная, безцарственная» [Там же, с. 62], и предлагает своему брату-рыцарю «дружбу честную, как лилия …Белую» [Там же]. Иными словами, королевна — существо надмирное, устремленное в молитвах к запредельному; царство ее Божье, она Христова невеста. Молодой рыцарь должен пройти путь борения с язычеством и через любовь-служение королевне и собственную смерть выйти к христианству. Текст симфонии «сориентирован» на вертикаль: *Много веков в этих странах тянулись к Вершинам, но король с королевной всходили к вершине мраморной башни…* [Там же, с. 41]; *На вершине король в красной мантии простирал руки Востоку…*; *И там высоко …как бы в огненном небе … неведомая молодая королевна простирала заходящему солнцу свои тонкие белые руки* [Там же, с. 55].

Рыцарь, «свойственник козла», в сцене преклонения перед троном королевны «смотрел на королевну глазами темными, как могила», затем «испуганно помертвел» [Там же, с. 74]. После этой сцены рыцарь встретится со смертью — «задумчивой женщиной в черном» (вариация Вечности. — *Н. Ш.*) [Там же, с. 75], но он «будет спасен» молитвами королевны

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

и только тогда, когда «смерть покроет хитоном своим». Смерть помогает рыцарю разорвать тенёты безвременья. Партия королевны олицетворяет собой верхний план повествования, низовой план которого есть «козлование», «туман сатанизма» (партия рыцаря). Попытка соединить верхний и низовой планы и есть любовь рыцаря к королевне. Молодой рыцарь проходит через двойное испытание соблазном к христианству, топика которого подана в четвертой части симфонии еще условно, намеками (водная стихия, «Кто-то белый, в мантии из снежного тумана» с «зеленоватым нимбом» [Там же, с. 88]. Однако здесь уже намечена идея синтеза, важнейшая для всех симфоний писателя, — через цветовой эпитет «белая радость» и «белые дети» [Белый, 1991, с. 88] и мотив скорой Зари. Белый цвет для Андрея Белого — «пленум всех цветов» (то есть синтез), «символ богочеловечества», «белый сверкнувший луч мистического солнца, условие необходимое для восприятия божественного «видения» [Андрей Белый и Александр Блок ..., 2001, с. 43]. Но сам синтез, тем не менее, еще не состоялся, в четвертой части симфонии есть только предощущение возжелаемого синтеза.

В «Северной симфонии» переплетаются две борющиеся темы — *безвременье* и *Вечность*: отношения рыцаря и королевны, обрамленные этой борьбой, тема заоблачных видений во Вступлении и т. д. Андрей Белый в письме к Ал. Блоку так комментирует две борющиеся темы в симфонии: «…в Апокалипсисе — и жгучесть огня, и белизна холодного снега — убеленность. Эти противоположные отблески звучат и борются в музыке. “*Она — искусство движения*”. Недаром в “*симфониях*” всегда две борющаяся темы; в музыкальной теме — она сама, отклонение от нее в многочисленных вариациях, и возврат “*сквозь огонь диссонанса*”» [Там же, с. 25]. Функцию «возврата сквозь огонь диссонанса» берет на себя повествователь (заявивший о себе в Прелюдии), в его «игре» соединены низкое и высокое, пафос и ирония. (*Бледнокаменное лицо полыхало и мерцало от внезапных вспышек и взрывов <…> Так он рвал и разбрасывал вокруг себя тучи, и уста мои слагали грозовые песни…* [Белый, 1991, с. 37]).

Сам образ мира во Вступлении к «Северной симфонии» явлен как наплывающие образы облачных видений, а на самом небосводе загораются знамения, расшифровывать которые «призван» повествователь. Художественный мир симфонии строится на принципе антиномий (верх и низ, небо и земля (поля и лесные гущи), космос и хаос, жизнь и смерть, земное бытование и камышовый мир (предрай или чистилище), вечность и безвременье, вечность и время, добро и зло, язычество и христианство). Вечное противоборство этих пар пронизывает все содержание симфонии и одновременно организует все его пространство. Повествователь во Всту-

CC BY

плении к «Северной симфонии» через образы битвы гиганта (великана) с небесными тучами-громадами передает свое внутреннее чувство разорванности (в связи с важностью фрагмента приведем его здесь целиком):

Большая луна плыла вдоль разорванных облак …

Мне казалось, что эта ночь продолжается века и что впереди лежат тысячелетия…

Многое мне мерещилось. О многом я впервые узнал … [Там же].

Как? … Еще живо?.. Еще не уснуло?

Усни, усни…О, разорванное сердце! [Там же, с. 36].

Повествователь «Северной симфонии» «надевает» на себя маску юродивого, паяца, над которым смеется весь мир. Именно повествователь начинает и «ведет» партию безвременья, которую потом подхватит и молодой рыцарь: *О я, молодой глупец, сыч, шарманка … О ты, туманное безвременье!* [Там же, с. 37]. Повествователь время от времени устремляет свой взор на небосвод, где разворачивается нешуточная борьба великана с тучами: *Впереди передо мной на туманном горизонте угрюмый гигант играл синими тучами* [Там же].

С темой разорванности сознания повествователя связан и амбивалентный образ кентавра, который отсылает к мифологической традиции и одновременно к картинам А. Бёклина «Битва кентавров», «Пан в тростнике», «Пан в камышах», ставшим крайне популярными на рубеже веков в России [Кузнецова, 2023]. Вместе с тем образ кентавра в раннем творчестве Андрея Белого не только несет аллюзии на полотна А. Бёклина, но и наполнен собственно авторским содержанием (становится героем «Симфонии (2-й, драматической)», стихотворений сборника «Золото в лазури»). В тексте «Северной симфонии» кентавр наделен странными свойствами, от него исходит «чувство священного ужаса» и восторга: он «улыбался молниевой улыбкой …чуть страшной» и «кричал лирным голосом» [Белый, 1991, с. 37]. Неслучайно молодой рыцарь, чтобы избежать «гибельного страшного соблазна сатанизма», убивает «лесного бородача с лошадиным туловищем», тем самым преодолевая двойственность своей природы (тяготение вверх и вниз, стремление к плоти и душе и др.).

Кентавр в «Северной симфонии» приносит Королевне весть о том, что видел «розовое небо» (на языке молодого Белого это символ предвестия Зари, который станет ключевым в «Симфонии (2-й, драматической)». Через образ «розовое небо» начинающий автор выходит к алой заре и к Знамениям, а далее и к образу из «Откровения Иоанна Богослова» — «Жена, облаченная в Солнце». Во введении повествователь вовлечен в игру демонических сил природы. Описанная эфемерность облаков, находящихся в постоянном движении, их обманчивая «плотная мягкость» никак не вяжутся

CC BY

с изображенной серьезно и «строго» борьбой повествователя с великаном, погибшего в этой борьбе. Именно повествователь (в отличие от молодого рыцаря) соединяет противоположности: небо и землю, верх и низ.

4. Заключение = Conclusions

В ходе проведенного исследования были подтверждены выводы об осмыслении пространства Севера как некого запредельного, сказочного, мистически-насыщенного.

В статье выявлен «северный импульс» в формировании образной, мотивной системы и идиостиля Андрея Белого, а именно продемонстрировано, что художественные творения (драмы) Г. Ибсена и музыкальные произведения Э. Грига, а также образы скандинавского фольклора и мифологии вошли в «умственный горизонт» будущего писателя-символиста очень рано. Это убедительно подтверждает автобиографический корпус текстов писателя, трилогия его воспоминаний и обширное эпистолярное наследие. Многие мотивы и образы симфоний (Зари, Вечности, безвременья, «белая радость», «белые дети»), а также тяготение к лиризации и ритмизации прозы, выдвижение на первый план «пространства сознания» повествователя найдут свое воплощение в произведениях, принесших в дальнейшем писателю мировую славу, в первую очередь роман «Петербург». Две борющиеся темы в «Северной симфонии (1-й героической)» — это, как было представлено в исследовании, и есть борьба двух сюжетообразующих мотивов произведения, безвременья и Вечности, и их вариации, партии которых «ведут» королевна и рыцарь.

«Северная симфония (1-я героическая)», построенная по законам музыкального произведения, видится нам «начальным сильным аккордом» Андрея Белого, здесь заявлен образ повествователя как маска автора, вбирающая такие черты, как разорванность сознания, «поэтическое косноязычие» [Лотман, 1988, с. 437] и важная для последующего творчества тема духовной провокации, а также наметившаяся в финале Симфонии идея гармонии и синтеза, реализованная в мотиве «белая радость». Вступление играет роль своеобразного ***кода к*** «Северной симфонии», а образ повествователя — «наблюдателя небесных громад» — становится тем «нравственным центром» или «центром перспективы» [Флоренский, 1991, с. 64], позволяющим «увидеть, что “образы”, конкретное у Белого прозрачно, что через него видно иное» [Там же]. Столь высокий ранг образа повествователя, творящего мир образов и смыслов, будет характерен для всего творческого метода Андрея Белого, в «Северной симфонии» же является подлинным открытием начинающего писателя. Вместе с тем «Северная симфония» — это только заявка Андрея Белого на создание образа повествователя.

CC BY

Первые прозаические произведения дали импульс эстетическим поискам писателя основ своего художественного метода, таким как лиризация прозы, введение в прозу ритма и рифмы, интонирование отрезков (фраз), сегментов текста, создание структурированного визуального облика текста, сближение (поиск синтеза) двух разных родов искусства — искусства слова и музыки, слова и живописи, сближение прозы и поэзии. Исследование подтверждает, что «Северная симфония (1-я героическая)» — важнейший этап для понимания дальнейшей эволюции одного из самых сложных и невероятно притягательных писателей XX века, Андрея Белого.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Андрей* Белый : ракурсы, контексты, подтексты. Статьи и публикации / отв. ред. М. Л. Спивак ; ред.сост. Е. В. Глухова, И. Б. Делекторская, М. Л. Спивак. — Москва : ИМЛИ РАН, 2024. — 863 с. — ISBN 978-5-9208-0737-3.

2. *Андрей* Белый в изменяющемся мире : к 125-летию со дня рождения / [сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская]. — Москва : Наука, 2008. — 594 с. — ISBN 978-5-02-036013-6.

3. *Андрей* Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2001. — 608 с. — ISBN 5-93006-025-В.

4. *Андрей* Белый и Иванов-Разумник. Переписка 1913—1932 гг. / публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. — Санкт-Петербург : Atheneum. Феникс, 1998. — 736 с. — ISBN 5-901027-18-3.

5. *Арабески* Андрея Белого: Жизненный путь, идейные искания, поэтика / Филологический факультет Белградского университета, Гос. Музей А. С. Пушкина. Мемориальная квартира Андрея Белого, ИМЛИ РАН ; ред. -сост. : К. Ичин, М. Л. Спивак ; ред. : И. В. Волкова, И. Б. Делекторская. — Белград ; Москва : Изд-во фил. факультета в Белграде, 2017. — 718 с. — ISBN 978-86-6153-303-7.

6. *Белый А.* Как мы пишем / А. Белый // Проблемы творчества. — Москва : Сов. писатель, 1988. — С. 10—19. — ISBN 5-265-00346-0.

7. *Белый А.* Москва / А. Белый ; сост. С. И. Тиминой. — Москва : Сов. Россия, 1989а. — 768 с.

8. *Белый А.* На рубеже двух столетий / А. Белый. — Москва : Художественная литература, 1989б. — 670 с.

9. *Белый А.* Симфонии / А. Белый. — Ленинград : Художественная литература, 1991. — 528 с. — ISBN 5-280-01316-1.

10. *Белый А.* Символизм как миропонимание / А. Белый. — Москва : Республика, 1994. — 528 с. — ISBN 5-250-02224-3.

11. *Барковская Н. В.* Север как «иное» пространство в русском модернизме / Н. В. Барковская // Проблемы исторической поэтики : научный журнал. — 2018. — Т. 16. — № 1. — С. 189—206. — DOI: 10.15393/j9.art.2018.4861.

12. *Балина О. Г.* Поэтика заглавия «Северной симфонии» Андрея Белого / О. Г. Балина // Павермановские чтения. — Екатеринбург : Ажур, 2014. — Выпуск 2. — С. 60—64.

CC BY

13. *Буркхарт Д.* К семиотике пространства : «московский текст» во «Второй (драматической) симфонии Андрея Белого» / Д. Буркхарт // Москва и «Москва» Андрея Белого. — Москва : РГГУ, 1999. — С. 72—89. — ISBN 5-7281-0051-1.

14. *Долгополов Л. К.* Роман Андрея Белого «Петербург» / Л. К. Долгополов. — Москва : Сов. писатель, 1988. — 414 с.

15. *Ибсен Г.* Пер Гюнт : Драматическая поэма в пяти действиях / Г. Ибсен. — Москва : ОГИ, 2006. — 778 с. — ISBN 5-94282-435-5.

16. *Кузнецова Е. В.* Мотивы живописи Арнольда Бёклина в творчестве Ивана Бунина и Андрея Белого / Е. В. Кузнецова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2023. — № 1. — С. 180—194. — DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-180-194.

17. *Лавров А. В.* Моцарт и Сальери. К истории взаимоотношений Андрея Белого и Эмилия Метнера / А. В. Лавров // Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902—1915. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — Т. 1. — С. 5— 83. — ISBN 978-5-4448-0685-2.

18. *Литературное* наследство / Акад. наук СССР, Ин-т литературы, Пушк. дом. — Москва : Наука, 1976. — 854 с.

19. *Литературное* наследство. Андрей Белый : Автобиографические своды : Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев ; научн. ред. М. Л. Спивак ; сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад. — Москва : Наука, 2016. — Т. 105. — 1120 с. — ISBN 978-5-02-039975-4.

20. *Лотман Ю. М.* Поэтическое косноязычие Андрея Белого / Ю. М. Лотман // Андрей Белый. Проблемы творчества. — Москва : Сов. писатель, 1988. — С. 437—443. — ISBN 5-265-00346-0.

21. *Метнер Э. К.* Симфонии Андрея Белого / Э. К. Метнер // Андрей Белый : pro et contra. — Санкт-Петербург : Рус. Христиан. Гуман. Ин-т, 2004. — С. 39—53. — ISBN 5-88812-121-5.

22. *Полонский В. В.* Русская литература и Скандинавия : случай Кнута Гамсуна / В. В. Полонский. — Москва : РАН. 2019. — 44 с. — ISBN 978-5-907036-59-8.

23. *Поттосина В. Г.* Синтез искусств в теории и раннем творчестве Андрея Белого : Цикл «Симфонии» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / В. Г. Поттосинова. — Москва, 2001. — 181 с.

24. *Севастьянова В. С.* Мистицизм в творчестве Андрея Белого («Симфонии») / В. С. Севастьянова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 11—2. — С. 78—80.

25. *Скойбеда П. Б.* Символика пространства в «Северной симфонии» Андрея Белого / П. Б. Скойбеда // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. — 2020. — № 3. — С. 43—48.

26. *Старикова Е. В.* Реализм и символизм / Е. В. Старикова // Развитие реализма в русской литературе. — Москва : Наука, 1974. — Т. 3. — С. 194—201.

27. *Тулякова Н. А.* «Пер Гюнт» Г. Ибсена и Северная симфония Андрея Белого / Н. А. Тулякова // От текста к контексту. — 2013. — № 1. — С. 132—138.

28. *Тухто М. Е.* К вопросу о музыкальной фактуре «Северной Симфонии» Андрея Белого / М. Е. Тухто // Stephanos. — 2020. — С. 98—104. — DOI: 10.24249/2309-9917-2020-41-3-98-104.

29. *Философов Д. В.* Андрей Белый. Северная симфония (1-я, героическая). — Москва : Скорпион», 1903.

CC BY

30. *Флоренский П.* «Золото в лазури» Андрея Белого. Критическая статья / П. Флоренский // Контекст — 1991. — Москва : Наука, 1991. — С. 62—67.

31. *Флоренский П.* Спиритизм как атихристианство / П. Флоренский // Андрей Белый : pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. — Санкт-Петербург : Рус. Христиан. Гуман. Ин-т, 2004. — С. 54—68. — ISBN 5-88812-121-5.

32. *Хмельницкая Т. Ю.* Андрей Белый : Проблемы творчества / Т. Ю. Хмельницкая. — Москва : Советский писатель, 1988. — С. 103—131. — ISBN 5-265-00346-0.

Статья поступила в редакцию 07.12.2024,
одобрена после рецензирования 27.02.2025,
подготовлена к публикации 10.03.2025.

References

Andrey Bely and Alexander Blok. (2001). *Correspondence. 1903—1919.* Moscow: Progress-Pleiade. 608 p. ISBN 5-93006-025-V. (In Russ.).

Andrey Bely and Ivanov-Razumnik. (1998). *Correspondence of 1913—1932.* St. Petersburg: Atheneum. Phoenix. 736 p. ISBN 5-901027-18-3. (In Russ.).

Andrey Bely in a changing world: on the 125th anniversary of his birth. (2008). Moscow: Nauka Publ. 594 p. ISBN 978-5-02-036013-6. (In Russ.).

Balina, O. G. (2024). Poetics of the title of Andrei Bely's "Northern Symphony". In: *Paverman Readings, 2.* Yekaterinburg: Azhur. 60—64. (In Russ.).

Barkovskaya, N. V. (2018). The North as a "different" space in Russian modernism. *Problems of historical poetics: a scientific journal, 16(1):* 189—206. DOI: 10.15393/j9.art.2018.4861. (In Russ.).

Bely, A. (1988). How we write. In: *Problems of creativity.* Moscow: Soviet Writer. 10—19. ISBN 5-265-00346-0. (In Russ.).

Bely, A. (1989a). *Moscow.* Moscow: Sov. Russia. 768 p. (In Russ.).

Bely, A. (1989b). *At the turn of two centuries.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 670 p. (In Russ.).

Bely, A. (1991). *Symphonies.* Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 528 p. ISBN 5-280-01316-1. (In Russ.).

Bely, A. (1994). *Symbolism as a worldview.* Moscow: Republika Publ. 528 p. ISBN 5-250-02224-3. (In Russ.).

Burkhart, D. (1999). Towards the semiotics of space: The "Moscow Text" in Andrei Bely's "Second (Dramatic) Symphony". In: *Moscow and Andrei Bely's "Moscow".* Moscow: RGGU. 72—89. ISBN 5-7281-0051-1. (In Russ.).

Dolgopolov, L. K. (1988). *Andrei Bely"s Novel "Petersburg".* Moscow: Soviet writer. 414 p. (In Russ.).

Filosofov, D. V. (1903). *Andrey Bely. Northern Symphony (1st, heroic).* Moscow: Scorpion. (In Russ.).

Florensky, P. (1991). *"Gold in azure" by Andrey Bely. Critical article. Context — 1991.* Moscow: Nauka. 62—67. (In Russ.).

Florensky, P. (2004). Spiritualism as Atheism. In: *Andrey Bely: pro et contra. The personality and creativity of Andrei Bely in the assessments and interpretations of his contemporaries.* St. Petersburg: Rus. Christians. Humane. In-t. 54—68. ISBN 5-88812-121-5. (In Russ.).

Galushkin, A. Y., Korostelev, O. A. (eds.). (2016). *Literary heritage. Andrey Bely: Autobiographical collections: Material for a biography. An angle to the diary. Registration records. Diaries of the 1930s., 105.* Moscow: Nauka Publ. 1120 p. ISBN 978-5-02-039975-4. (In Russ.).

Ibsen, G. (2006). *Peer Gynt: A Dramatic Poem in five acts.* Moscow: OGI Publ. 778 p. ISBN 5-94282-435-5. (In Russ.).

Khmelnitskaya, T. Y. (1988). *Andrey Bely: Problems of creativity.* Moscow: Soviet Writer. 103—131. ISBN 5-265-00346-0. (In Russ.).

Kuznetsova, E. V. (2023). The motifs of Arnold Beklin's painting in the works of Ivan Bunin and Andrei Bely. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology, 1:* 180—194. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-180-194. (In Russ.).

Lavrov, A. V. (2017). Mozart and Salieri. On the history of the relationship between Andrei Bely and Emili Medtner. In: *Andrei Bely and Emili Medtner. Correspondence. 1902—1915, 1.* Moscow: New Literary Review. 5—83. ISBN 978-5-4448-0685-2. (In Russ.).

Literary heritage / Academy of Sciences of the USSR, Institute of Literature, Pushkin House. (1976). Moscow: Nauka Publ. 854 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1988). Andrey Bely's poetic tongue-tied speech. In: *Andrey Bely. Problems of creativity.* Moscow: Soviet Writer. 437—443. ISBN 5-265-00346-0. (In Russ.).

Medtner, E. K. (2004). Symphonies of Andrei Bely. In: *Andrei Bely: pro et contra.* St. Petersburg: Rus. Christians. Humane. In-t. 39—53. ISBN 5-88812-121-5. (In Russ.).

Polonsky, V. V. (2019). *Russian literature and Scandinavia: the case of Knut Hamsun.* Moscow: RAS. 44 p. ISBN 978-5-907036-59-8. (In Russ.).

Pottosina, V. G. (2001). *Synthesis of arts in theory and the early work of Andrei Bely: The cycle "Symphonies".* PhD Diss. Moscow. 181 p. (In Russ.).

Sevastyanova, V. S. (2013). Mysticism in the works of Andrei Bely ("Symphonies"). *Current problems of the humanities and natural sciences, 11—2:* 78—80. (In Russ.).

Skoybeda, P. B. (2020). Symbolism of space in the "Northern Symphony" by Andrei Bely. *Bulletin of the State University of Humanities and Technology 3:* 43—48. (In Russ.).

Spivak, M. L. (ed.). (2024). *Andrey Bely: Perspectives, contexts, and subtexts. Articles and publications.* Moscow: IMLI RAS. 863 p. ISBN 978-5-9208-0737-3. (In Russ.).

Starikova, E. V. (1974). Realism and symbolism. In: *Development of realism in Russian literature, 3.* Moscow: Nauka Publ. 194—201. (In Russ.).

Tukhto, M. E. (2020). On the question of the musical texture of Andrei Bely's "Northern Symphony". *Stephanos.* 98—104. DOI: 10.24249/2309-9917-2020-41-3-98-104. (In Russ.).

Tulyakova, N. A. (2013). "Peer Gynt" by G. Ibsen and the Northern Symphony by Andrei Bely. *From text to context, 1:* 132—138. (In Russ.).

Volkova, I. V., Delektorskaya, I. B. (eds.). (2017). *Andrei Bely's Arabesques: Life path, ideological quest, poetics.* Belgrade; Moscow: Phil Publishing House. Faculty in Belgrade. 718 p. ISBN 978-86-6153-303-7. (In Russ.).

The article was submitted 07.12.2024;
approved after reviewing 27.02.2025;
accepted for publication 10.03.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Александр Анатольевич Чернышев, канд. истор. наук (Тюмень)
Александр Владимирович Кислицын, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Андрей Александрович Иванов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Анна Павловна Дворецкая, канд. истор. наук (Красноярск)
Георгий Николаевич Буслаев, аспирант (Москва)
Жамьян Жаргалович Цырендашиев, научный сотрудник (Улан-Удэ)
Иван Иванович Ковлеков, д-р техн. наук (Якутск)
Ирина Васильевна Скипина, д-р истор. наук (Тюмень)
Ксения Алексеевна Тишкина, канд. истор. наук (Красноярск, Барнаул)
Константин Николаевич Тихомиров, канд. истор. наук (Омск)
Людмила Вениаминовна Белгородская, д-р истор. наук (Красноярск)
Марина Николаевна Тихомирова, канд. истор. наук (Омск)
Михаил Николаевич Барышников, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Наталия Ивановна Бурнашева, д-р истор. наук (Якутск)
Николай Сергеевич Байкалов, д-р истор. наук (Улан-Удэ)
Ольга Викторовна Коновалова, д-р истор. наук (Красноярск)
Роман Отмарович Райнхардт, канд. экон. наук (Москва)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Байкалов Н. С. Новые города Забайкалья в 1950—1980-е годы : особенности становления и развития / Н. С. Байкалов, Ж. Ж. Цырендашиев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 359—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-359-383.

Baikalov, N. S., Tsyrendashiev, Z. Z. (2025). New Cities of Trans-Baikal in 1950s–1980s: Features of Formation and Development. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 359-383. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-359-383. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Новые города Забайкалья в 1950—1980-е годы: особенности становления и развития

Байкалов Николай Сергеевич
orcid.org/0000-0002-2511-9003
доктор исторических наук, доцент,
заведующий лабораторией
региональной истории,
корреспондирующий автор
baikalov@bsu.ru

Цырендашиев Жамьян Жаргалович
orcid.org/0000-0002-3036-0619
научный сотрудник лаборатории
региональной истории
tsyrendashiev_zhamyan@mail.ru

Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счёт гранта
Российского научного фонда
№ 24-28-01656,
https://rscf.ru/project/24-28-01656

New Cities of Trans-Baikal in 1950s–1980s: Features of Formation and Development

Nikolai S. Baikalov
orcid.org/0000-0002-2511-9003
Doctor of History, Associate Professor,
Head of the Laboratory
of Regional History
corresponding author
baikalov@bsu.ru

Zhamyan Zh. Tsyrendashiev
orcid.org/0000-0002-3036-0619
research scientist,
Laboratory of Regional History
tsyrendashiev_zhamyan@mail.ru

Buryat State University
named after D. Banzarov
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported
by the Russian Science Foundation
(Project № 24-28-01656),
https://rscf.ru/project/24-28-01656

© Байкалов Н. С., Цырендашиев Ж. Ж., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности формирования новых городов Забайкалья в 1950—1980-е годы. На основе документальных и повествовательных источников выделены три группы новых городских поселений региона: транспортные, сырьевые и молодые. Рассмотрены основные этапы их возникновения и развития, проанализирована экономическая структура. Авторы утверждают, что основными градообразующими факторами в формировании новых городов Забайкалья являлись промышленность и транспорт. Подчеркивается, что присвоение населенным пунктам городского статуса зависело от стратегической значимости индустриальных объектов и перспектив хозяйственного развития. Сделан вывод, что в транспортных городах сформировался смешанный градообразующий сектор, который позволил смягчить кризис перехода к рыночной экономике. Отмечается, что в центрах горнодобывающей промышленности сложилась монопрофильная экономическая структура, ориентированная на удовлетворение ведомственно-отраслевых интересов. Показано, что большинство новых сырьевых городов Забайкалья оказались в состоянии стагнации и кризиса на рубеже 1980—1990-х годов. Выявлено, что исключение составили молодые города, которые в силу более позднего возникновения и особенностей формирования населения сохранили высокий потенциал диверсификации монопрофильной экономики.

Ключевые слова:
социалистическая модернизация; индустриальное развитие; новые и молодые города; Забайкалье; градообразующий сектор; диверсификация экономики.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the unique characteristics of the formation of new cities in Trans-Baikal during the 1950s to the 1980s. Based on documentary and narrative sources, three distinct groups of new urban settlements in the region are identified: transport, resource-based, and young cities. The main stages of their emergence and development are examined, alongside an analysis of their economic structures. The authors argue that the primary factors driving the formation of new cities in Trans-Baikal were industry and transportation. It is emphasized that the designation of urban status for these settlements depended on the strategic significance of industrial facilities and prospects for economic development. The study concludes that transport cities developed a mixed economic sector, which helped mitigate the crisis during the transition to a market economy. In contrast, mining centers exhibited a mono-profile economic structure focused on meeting sectoral interests. It is demonstrated that most new resource-based cities in Trans-Baikal faced stagnation and crisis at the turn of the 1980s and 1990s. Notably, young cities, due to their later establishment and unique demographic characteristics, retained a high potential for diversifying their mono-profile economies.

Key words:
socialist modernization; industrial development; new and young cities; Transbaikalia; urban-forming sector; economic diversification.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:316.7(571.54)“195/198”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-359-383

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Новые города Забайкалья в 1950—1980-е годы: особенности становления и развития

© Байкалов Н. С., Цырендашиев Ж. Ж., 2025

1. Введение = Introduction

Новые города, под которыми понимаются поселения, образованные в советский период на свободной (пионерной или слабозаселенной) территории и переведенные из категории поселков сельского и городского типа в разряд городов, формируются в процессе интенсивного хозяйственного освоения сибирского и дальневосточного регионов во второй половине XX века.

В советских программах социально-экономического развития Забайкалье рассматривается как самостоятельный экономический район, занимающий промежуточное положение между Восточной Сибирью и Дальним Востоком. В административном отношении на территории Забайкалья располагались Бурятская АССР (с 1992 года — Республика Бурятия), Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ, объединенные в 2008 году в Забайкальский край. В границах Бурятии образовалось три новых города — Гусиноозерск, Закаменск, Северобайкальск. На территории Читинской области возникло шесть таких поселений — Балей, Борзя, Краснокаменск, Могоча, Хилок, Шилка.

В настоящее время обращение к историческому опыту возникновения и развития новых городов Забайкалья приобретает особую актуальность. Правительством России выдвинут ряд инициатив, нацеленных на интенсификацию развития Сибири и Дальнего Востока и расширение региональной сети городских поселений.

В июле 2014 года началась реализация программы «Восточный полигон» по развитию инфраструктуры Транссиба и БАМа, предусматривающей не только модернизацию транспортных объектов, но и повышение уровня жизни населения притрассовых городов и поселков [Баженов, 2019].

В августе 2021 года министр обороны, ныне секретарь Совета безопасности Российской Федерации С. К. Шойгу на встрече с сотрудниками Сибирского отделения РАН предложил возведение пяти новых городов в Сибири. Инициатива вызвала широкую дискуссию в академической сре-

CC BY

де. В итоге было принято решение о разработке проекта нового города на территории Минусинской котловины [Виноградов, 2024].

В сентябре 2021 года в рамках Восточного экономического форума было подписано соглашение о строительстве нового города на Дальнем Востоке. Город планируется возвести на территории опережающего развития «Приморье» в Надеждинском районе Приморского края [Спутник ..., 2024].

С октября 2021 года началась разработка мастер-планов для 25 городов Дальневосточного федерального округа сроком действия до 2030 года. Программа предусматривает улучшение качества городской среды, строительство нового жилья и современных общественных пространств, развитие транспортно-логистического потенциала, модернизацию коммунальной инфраструктуры и создание высокооплачиваемых рабочих мест [Развитие ..., 2024].

Реализация данных проектов невозможна без привлечения советского градостроительного опыта. Обращение к истории формирования сети новых населенных пунктов Забайкалья позволит учесть ошибки в стратегическом планировании и комплексном освоении территорий, выявить особенности их функционирования в прошлом и на современном этапе, проанализировать и обобщить исторический опыт социально-экономического развития региона.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой работы послужили опубликованные и неопубликованные документальные источники, периодическая печать, материалы личного происхождения.

Наиболее крупную группу формируют архивные документы двух центральных (ГАРФ, РГАЭ), двух региональных (ГАРБ, ГАЗК) и восьми муниципальных архивов: Балейского, Борзинского, Хилокского, Краснокаменского районов Забайкальского края, Селенгинского и Северобайкальского районов, а также городов Закаменска и Северобайкальска республики Бурятия.

Использование архивных документов позволяет наиболее полно реконструировать социально-экономическую жизнь новых городов. Делопроизводственные материалы содержат отчеты градообразующих предприятий по основной деятельности и капитальным вложениям, протоколы районных партийных конференций, заседаний бюро, пленумов и собраний, протоколы сессий и заседаний горисполкомов Советов народных депутатов трудящихся и т. д. По данным документам можно проанализировать динамику социально-экономического развития населенных пунктов, рассмотреть деятельность местных партийных и советских организаций,

CC BY

оценить уровень социально-бытового и культурного обслуживания населения и пр.

Опубликованные источники представлены нормативно-правовыми актами, статистическими материалами, периодическими изданиями.

Вопросы строительства новых населенных пунктов, развития производственной и социальной инфраструктуры нашли отражение в ряде совместных постановлений центральных и региональных партийных комитетов и органов исполнительной власти, в указах Президиума Верховного Совета РСФСР и прочих нормативных актах.

Экономико-статистические сведения содержатся в комплексных пятилетних планах социально-экономического развития городов, тематических статсборниках, материалах обследований территорий и пр.

На страницах областных и районных газет публиковались официальные материалы, новостные сюжеты, биографии передовиков производства, письма трудящихся, интервью и воспоминания партийных руководителей, директоров предприятий, передовиков производства и прочих известных горожан.

Источники личного происхождения представлены опубликованными воспоминаниями руководителей градообразующих предприятий, советских и партийных органов власти, строителей.

Методология исследования базируется на теории модернизации. Говоря о социалистической модернизации, исследователи выделяют три модели: «чрезвычайная» (1930-е — середина 1950-х годов); «совнархозовская» (1957—1965 годы); «социально ориентированная» (середина 1960-х — начало 1990-х годов) [Зеляк, 2015, с. 10]. Формирование новых городов Забайкалья охватывает все три модели социалистической модернизации, что обусловлено поэтапным возникновением населенных пунктов.

В отечественной исторической науке новые города рассматривались в контексте советской индустриализации районов Сибири и Дальнего Востока, формирования новых территориально-производственных комплексов и реализации крупных инфраструктурных проектов [Цыкунов, 1991; Санжиева, 1996; Власов, 1998; Балдано, 2001; Боронова, 2005; Будаев, 2015]. В районах интенсивного хозяйственного освоения они стали предметом внимания историков в последние десятилетия [Чернова, 2002; Салахова, 2005; Стась, 2018; Бреславский, 2020].

Специфика объекта исследования обусловила обращение к работам отечественных специалистов в области географии и урбанистики. В работах Г. М. Лаппо, Л. Л. Трубе, Б. С. Хорева, Е. Н. Перцика рассмотрены проблемы урбанизации, систем расселения и пространственной организации городов СССР [Лаппо, 2012; Трубе, Хорев, 1970; Перцик, 1980].

CC BY

Особенности нового градостроительства Забайкалья потребовали классификации населенных пунктов на основе генетических, функциональных и количественных признаков. Генетическая классификация предполагает выделение поселений по времени их образования. «Новыми» считаются населенные пункты, которые получили городской статус в советский период (Закаменск, Гусиноозерск, Балей и др.). К ним также относятся «молодые» города (Краснокаменск, Северобайкальск), образованные в районах пионерного освоения и, как правило, возникшие позже остальных городских поселений [Трубе, Хорев, 1970; Куцев, 1982].

В рамках функциональной типологии Е. Н. Перцик предлагает выделять города с резко выраженным преобладанием промышленных и транспортных функций [Перцик, 1999, с. 245—246]. Применительно к рассматриваемым городам к *промышленным* относятся поселения, основанные в связи с добычей, производством и переработкой минерально-сырьевых ресурсов с превалированием монофункциональной горнодобывающей и энергетической отрасли (Закаменск, Балей, Краснокаменск, Гусиноозерск). *Транспортными* называются города, в которых железнодорожные предприятия составляют градообразующую отрасль (Хилок, Шилка, Борзя, Могоча, Северобайкальск).

Согласно количественной типологии [Вопросы географии ..., 1965, с. 64] большинство изучаемых городов относятся к малым (до 50 тыс. человек). К категории средних (50—100 тыс. человек) необходимо отнести Краснокаменск, население которого в 1979 году превысило 50 тыс. жителей.

В формировании населенных пунктов выделяют два пути развития: эволюционный и командно-отраслевой [Будко, 2005]. Первому свойственно поступательное «вживание» в осваиваемые пространства, а второй характеризуется формированием в сжатые сроки городских поселений на базе рабочих поселков в районах сырьевой специализации.

В соответствии с приведенными параметрами в основной части работы мы последовательно рассматриваем особенности формирования и экономического развития транспортных и промышленных (сырьевых) городов Забайкалья. В отдельный раздел были выделены молодые города, возникшие в период позднесоциалистической модернизации Сибири и Дальнего Востока и имеющие определенную специфику развития в сравнении с другими городскими поселениями.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Эволюция новых транспортных городов Забайкалья

В 1891 году началось строительство Транссибирской магистрали, а через девять лет было открыто движение по Забайкальской железной дороге

CC BY

от Иркутска до Байкала и от Мысовска до Сретенска. Вдоль Забайкальского участка Транссиба быстро сформировалась сеть пристанционных поселков — Хилок, Шилка, Борзя, Могоча.

Постоянно растущие объемы железнодорожных перевозок увеличивали нагрузку на железнодорожные станции. Постановлением Совнаркома СССР от 5 декабря 1933 года вводились меры по усилению пропускной и провозной способностей Забайкальской железной дороги [О работе железнодорожного транспорта ..., 1933]. Внедрялись новые методы обслуживания железнодорожного транспорта: технология сокращения времени промывочного и деповского ремонта локомотивов, кольцевая езда, ремонт транспорта силами паровозной бригады (метод Н. А. Лунина) [Петров, 2002, с. 75]. Возводились новые объекты станционной инфраструктуры. Например, в пос. Шилка были построены паровозное депо, парк станции, дистанция сигнализации и связи, электростанция мощностью 996 кВт [Кулаков, 2009, с. 17—18].

Железная дорога стимулировала развитие в новых населенных пунктах отраслей промышленности, связанных с традиционной специализацией поселений. В Хилке, располагавшем значительными лесными массивами, возросли объемы лесопереработки. В Борзе был открыт мясокомбинат, куда поступал скот из окрестных сел. Близость Шилки и Могочи к горнорудным месторождениям Балейских и Амазаро-Урюмских приисков сделала из них крупные транспортные узлы, обслуживавшие перевозку полезных ископаемых.

Интенсивное развитие промышленности и транспорта в новых поселениях, а также рост их политической роли в жизни региона приводят к переводу многих поселков городского типа в города. В 1950 году статус города районного подчинения был присвоен поселкам Борзя и Могоча [О присвоении рабочему поселку Борзя ..., 1950]. Указами Президиума Верховного Совета РСФСР в 1951 году городами стали Хилок и Шилка [О присвоении рабочему поселку Хилок ..., 1951; О присвоении рабочему поселку Шилка ..., 1951].

Послевоенная реконструкция Забайкальской железной дороги повысила значимость транспортных узлов как посредников между минерально-сырьевыми и сельскохозяйственными районами Читинской области. Согласно постановлению Совета Министров СССР от 3 февраля 1956 года «О генеральном плане электрификации железных дорог» планировалось техническое переоснащение Транссибирской магистрали в связи с интенсивным развитием экономики восточных районов страны. В результате к середине 1960-х годов был полностью осуществлен переход на тепловозную тягу поездов с соответствующим обновлением станционной инфраструктуры [Конов, 2014, с. 379].

CC BY

В Генеральном плане электрификации железных дорог СССР, принятом 3 февраля 1956 года, предусматривалось электрифицировать 40 тыс. км железнодорожных линий за 15 лет. [Конов, 2014, с. 378—384]. Главный путь Забайкальской железной дороги был электрифицирован в два этапа. На первом этапе (1973—1974) были проведены работы на участке Петровский завод—Карымская [Бутухеев, 2008, с. 78]. На втором этапе (1982—1988 годы) были электрифицированы участки Карымская — Шилка, Ерофей Павлович — Могоча [Энциклопедия Забайкалья ..., 2023].

В рамках структурных отделов Забайкальская дорога подразделялась на Читинский, Могочинский, Борзинский регионы, включавшие разные участки. Железнодорожные предприятия Хилка обслуживали линию Петровский завод—Карымская; Шилки — участок Карымская — Шилка; Борзи — ветку Карымское—Забайкальск [Константинов, 2002, с. 131—136].

Новые транспортные города были тесно вплетены в межрайонную кооперацию края. Территориальная близость к горнодобывающему производству обусловила перевалочный характер населенных пунктов. Например, станция Шилка обслуживала грузопотоки комбинатов «Дарасунзолото» и «Балейзолото», Могоча — золотоносные узлы района, через Борзю проходили грузопотоки Харанорского угольного разреза, Приаргунского горно-химического комбината и др.

В экономической структуре рассматриваемой группы городов промышленность представляла градообслуживающий сектор. Занятность в этой сфере варьировалась от 6 % до 20 % [Будко, 2005, с. 71]. Районообразующая роль городов возлагала на них производственные функции по обслуживанию окружающих территорий. В зависимости от местоположения формировались предприятия легкой, пищевой, текстильной, лесной и других отраслей промышленности.

Доступ к лесосырьевым ресурсам таежной зоны Читинской области обусловил развитие лесной и деревообрабатывающей отрасли в Хилке. За 1967—1979 годы прибыль продукции двух предприятий — лесхоза и госпромхоза — составила 593 тыс. руб. [АО ХР, ф. Р-10, оп. 1, д. 12, л. 7—9].

В Борзе ведущее место принадлежало предприятиям пищевой отрасли. Были введены в строй маслозавод, пивной завод, кондитерский цех, элеватор с комбикормовым заводом [Борзя ..., 2013, с. 27]. За 1971—1975 годы общая сумма прироста продукции промышленных предприятий составила 4219 тыс. руб., из которых половина приходилась на пищевую отрасль [АО БЗР, ф. Р-46, оп. 1, д. 172, л. 140—150].

В Шилке были открыты пищекомбинат, мельница, хлебозавод и пр. [Кулаков, 2009, с. 19].

CC BY

Рост производства промышленной продукции приводил к сокращению доли профилирующей транспортной отрасли. При этом зависимость промышленных отраслей от развития транспорта не позволяла вытеснить железнодорожный сектор из градообразующего ядра. В экономической структуре промышленность органично дополняла транспортную отрасль, придавая многопрофильный характер городской экономике.

В то же время особенностью транспортных городов является зависимость перевозок от состояния промышленного производства. Валовая продукция, вывозимая в другие районы и регионы, увеличивала объем транзитных перевозок, снижая издержки профилирующей отрасли [Жданов, 2018, с. 75].

Участки Забайкальской железной дороги проходили через центральные территории Забайкалья, сбыт продукции традиционно ограничивался местными и транзитными районами тяготения. Транспортная связь с южными горнодобывающими районами осуществлялась либо через отдельные железнодорожные ветки (Краснокаменск), либо автотрассами регионального значения (Закаменск, Балей). Это затрудняло межрайонную и межрегиональную кооперацию и создавало предпосылки для возникновения собственных градообслуживающих баз в отдельных городах.

3.2. Особенности формирования сырьевых городов Забайкалья

Транспортное освоение Забайкалья обеспечило доступ к наиболее неосвоенным районам, изобилующим полезными ископаемыми. К началу XX века силами геологоразведочных экспедиций были открыты месторождения цветных металлов, угля и золота.

В период сталинской модернизации резко возросла стратегическая значимость полезных ископаемых. В 1934 году Главным управлением промышленности редких металлов Наркомата тяжелой промышленности СССР был подписан приказ об организации треста Джидастрой, который должен был осуществлять строительство Джидинского вольфрамо-молибденового комбината. Был организован рабочий поселок, на базе которого в 1944 году возник г. Городок [Батуева, 2004, с. 156].

Интенсивное освоение Балейского месторождения началось с открытия в 1935 году золотоизвлекательной фабрики комбината «Балейзолото» около села Новотроицкое Читинской области. Постановлением ВЦИК РСФСР от 15 февраля 1938 года поселок Балей был преобразован в город районного подчинения [О преобразовании рабочего поселка Балей ..., 1938].

В 1938 году в Бурятии началась разработка Гусиноозёрского угольного месторождения. Работы осуществлялись подразделениями треста «Востсибуголь». Одновременно с разработкой рудников возник рабочий поселок Шахты.

CC BY

В годы Великой Отечественной войны потребности страны в минеральных ресурсах, топливе и драгоценных металлах возросли. При этом выполнение производственных задач сталкивалось с недостатком рабочей силы. В этих условиях было принято решение о передаче ряда горнодобывающих предприятий в ведомство НКВД СССР. Джидинский вольфрамомолибденовый комбинат и Гусиноозерское угольное месторождение были включены в систему исправительно-трудовых учреждений ГУЛАГ. При комбинате «Балейзолото» был образован Балейский ИТЛ [Попов-Равич, 2013, с. 27]. Пополнение рабочей силы с этого времени напрямую осуществлялось за счет заключенных и мобилизованных на исправительно-трудовые работы депортированных и военнопленных.

В послевоенный период в связи с ликвидацией системы ГУЛАГа Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат и предприятие «Балейзолото» были переведены в Министерство цветной металлургии, а Гусиноозерское угольное месторождение — в Министерство угольной промышленности СССР. Этот переход привел к существенным изменениям в организации труда, пополнении рабочей силы, формах материального поощрения трудящихся.

В экономической структуре новых городов промышленность являлась градообразующей основой или «своего рода “материальным базисом” существования города, стержнем, связывающим его прошлое, настоящее и будущее» [Дворядкина, 2020, с. 6]. Укрепление материально-технической базы предприятий, развитие мощностей вспомогательных и обслуживающих производств позволили в несколько раз увеличить добычу полезных ископаемых.

В 1950-е годы данные поселения Забайкалья окончательно превратились в центры горнорудной промышленности региона, составив группу новых городов сырьевой ориентации. В 1951 году вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, согласно которому Балей был преобразован в город областного подчинения [О присвоении городу Балей …, 1951]. В 1953 году рабочему поселку Шахты был присвоен статус города районного подчинения с названием Гусиноозерск [О преобразовании рабочего поселка Шахты ..., 1953]. 29 июля 1959 года Президиум Верховного Совета РСФСР переименовал г. Городок в г. Закаменск [Как наш город ..., 1974, с. 2].

В конце 1950-х годов страна вступает в новую стадию «совнархозовской» модернизации. В связи с постановлением Совета Министров РСФСР от 1 июня 1957 года образовывались совнархозы Бурят-Монгольской АССР и Читинской области, входившие в единый Восточно-Сибирский экономическо-административный район [Тимошенко, 2015, с. 706]. Отраслевое планирование временно уступило место территориальному. С целью комплексного развития на основе районной специализации эко-

CC BY

номисты выделяли промышленные узлы как пункты сосредоточения основных и вспомогательных производств Восточно-Сибирского района [Материалы…, 1959, с. 397].

Первостепенными задачами Джидинского промышленного узла были вовлечение в производственный процесс новых участков, механизация производственных процессов, более рациональная эксплуатация и комплексное использование руд [Материалы…, 1959, с. 404].

В 1960-е годы Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат представлял собой крупнейшее многоотраслевое предприятие Бурятской АССР, в составе которого находилось три рудника по добыче металлов: Холтосонский, Первомайский и Инкурский. Производство вольфрамового и молибденового концентратов осуществляли две обогатительные фабрики. В сеть предприятий комбината входили производственные цехи, СМУ, Баянгольская ТЭЦ, отдел продовольственного снабжения и другие подразделения [Вольфрамовая жемчужина страны ..., 2014, с. 188—195].

В первой половине 1970-х годов началось освоение руд Инкурского штокверкового месторождения. Была запущена в эксплуатацию новая вольфрамовая фабрика [Бутухеев, 2008, с. 47]. На руднике Холтосон были полностью механизированы отбойка, погрузка и откатка горной массы [АО ЗК, ф. 2, оп. 1, д. 142, л. 12—13].

С 1950 по 1984 год производительность труда в подземных работах возросла в четыре раза, на открытых работах — в 23 раза, обогащение — в пять раз [Вольфрамовая жемчужина страны ..., 2014, с. 30]. В 1980 году удельный вес ручного труда на Джидинском комбинате составил 26,3 % [Халбаева, 1988, с. 52].

Несмотря на столь высокие показатели, интенсификация производства приводила к быстрому истощению месторождений: в 1973 году был закрыт Первомайский рудник, в 1981 году ликвидирована Холтосонская обогатительная фабрика. Необходимость расширения производственных мощностей второй очереди Инкурского комплекса обсуждалась Минцветметом СССР в конце 1970-х годов.

Проекты по расширению Джидинского вольфрамо-молибденового комбината на базе Инкурского месторождения, предложенные институтом СибцветметНИИпроект, ввиду недостатка инвестиций были заморожены Минцветметом СССР [Будаев, 2015, с. 61]. В связи с конверсией военно-промышленного комплекса в 1990-е годы и последовавшим снижением потребления вольфрама объем производства сократился на 70 % [Вчера, сегодня, завтра …, 2018, с. 289].

Еще одним промышленным узлом Забайкалья, связанным с металлургической отраслью, являлся Балей. К концу Великой Отечественной войны

CC BY

Балейское месторождение стало истощаться. С 1959 года начала применяться подземная разработка богатых жильных тел и горно-открытая разработка южного карьера с бедными рудами [ГАЗК, ф. Р-2121, оп. 1, д. 16, л. 158—159].

Дирекцией комбината было принято решение осваивать месторождение в два этапа: 1) отработать наиболее богатые кварцевые жилы; 2) после ввода новой золотоизвлекательной фабрики «перейти на сплошную отработку» [Игнаткин, 1994, с. 12]. В 1960-е годы была осуществлена реконструкция Тасеевской золотоизвлекательной фабрики, введена в эксплуатацию шахта № 12, считавшаяся самой крупной в Забайкалье.

В 1963 году комбинат «Балейзолото» вошел в состав треста «Забайкалзолото». Вскоре он вышел на уровень передовых предприятий золотодобывающей промышленности страны по техническому оснащению производственных процессов [Бутухеев, 2008, с. 44]. За 1971—1972 годы добыча золота составила 78,3 %, производительность труда выросла до 78 % [АО БР, ф. Р-1, оп. 1, д. 101, л. 204].

В 1973 году приказом Минцветмета трест «Забайкалзолото» был ликвидирован, а все прииски и рудники перешли под контроль Балейского комбината. В 1977 году предприятие переименовали в производственное золотодобывающее объединение «Забайкалзолото» с переносом главного управления в Читу. В 1984 году в целях развития золотодобычи в районах, прилегающих к зоне БАМа, был создан Балейский ГОК «Балейзолото», в состав которого входила золотоизвлекательная фабрика с обработкой руды до 1200 т в сутки [Мезенцева, 2019, с. 214].

Во второй половине 1980-х годов дирекцией комбината было решено оставить прежнюю минерально-сырьевую базу. Проект Читинского филиала ВНИПИгорцветмета предусматривал третий этап открытой отработки месторождения [Игнаткин, 1994, с. 12], но нараставший системный кризис рубежа 1980—1990-х годов не позволил в полной мере освоить месторождение и достичь «докризисных» показателей.

Основной топливной базой Западного Забайкалья являлся Гусиноозерский промышленный узел. Удобное географическое положение промышленного узла снижало транспортные издержки поставок сырья в сравнении с угольными месторождениями Иркутской области. Однако в 1960-е годы состояние рудников Гусиноозерского шахтоуправления оценивалось как нерентабельное. Причиной служила высокая степень зольности, превышавшая норму на 0,2 % [Санжиева, 1996, с. 21]. Ухудшение качества добываемого угля произошло в результате изменения состава угольного пласта, включавшего большое количество прослоек других пород [Тармаханов и др., 2015, с. 49].

CC BY

В 1961 году из-за сложных условий угледобычи и высокого процента зольности была прекращена работа на Загустайском угольном разрезе [Санжиева, 1996, с. 20—21]. Параллельно с этим началась разработка Малохолбольджинского разреза мощностью до 600 тыс. т угля в год. В 1972—1975 годах предприятие ежегодно перевыполняло планы, опережая темпы добычи угля на рудниках других Гусиноозерских месторождений.

В 1967 году на берегу озера Гусиное началась закладка ГРЭС общей мощностью 1200 МВт. В декабре 1976 года был запущен первый энергоблок, ознаменовавший начало работы новой электростанции [Влияние сбросов Гусиноозёрской …, 2017, с. 136].

Дальнейший рост промышленности обеспечивался за счет ввода мощностей Гусиноозерской ГРЭС, требовавших бесперебойной подачи угля. Ведущее место в экономической структуре города заняла топливно-энергетическая отрасль (более 50 %) [ГАРБ, ф. Р-2035, оп. 1, д. 360, л. 30].

При этом перспектива сырьевой специализации населенного пункта была спорной. В 1970 году в Главном управлении застройки и планировки городов обсуждался вопрос размещения в Гусиноозерске предприятий резиново-технических изделий. В срок до 1975 года ведущее место в экономике города должна была занять химическая промышленность, а удельный вес валовой продукции угольной отрасли — снизиться с 70 до 5,5 % [ГАРФ, ф. А533, оп. 1, д. 4368, л. 36]. Однако в 1978 году было принято решение отказаться от этого проекта из-за ужесточения экологических требований к размещению промышленных предприятий в бассейне озера Байкал. Взамен предусматривалось строительство объектов радиотехнической и электронной промышленности [ГАРФ, ф. А533, оп. 1, д. 5781, л. 16—20]. Однако начавшийся экономический кризис и распад СССР помешали осуществлению этих планов.

3.3. Молодые города Забайкалья

В период позднесоветской модернизации был продолжен курс на ускоренное развитие производительных сил по хозяйственному освоению природных и минерально-сырьевых ресурсов восточных регионов страны. Со второй половины 1960-х годов в Бурятской АССР и Читинской области осуществлялись крупные комсомольские стройки всесоюзного и республиканского значения.

В 1968 году на базе Стрельцовской группы урановых месторождений Читинской области началось строительство Приаргунского горно-химического комбината. Генеральным проектировщиком был назначен институт ПромНИИпроект Министерства среднего машиностроения СССР. Параллельно в сжатые сроки развернулось строительство нового населенного пункта. 16 июля 1969 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР

CC BY

был образован город областного подчинения Краснокаменск [Город с горячим сердцем ..., 2019, с. 18—20].

В 1970—1980-е годы интенсивно развертывались производственные мощности комбината: осваивались новые урановые («Мартовское», «Тулукуйское», «Красный камень») и буроугольные («Уртуй») месторождения, были построены рудо-перерабатывающий комплекс, гидрометаллургический завод, ТЭЦ [Краснокаменск ..., 2006, с. 15—54]. В этот период комбинат демонстрировал наиболее высокие темпы роста добычи урана. По отчетам за 1971—1993 годы, только с рудника № 3 было отгружено и перевезено 98 млн т руды [Уран Краснокаменска ..., 2008, с. 61].

После заключения договоров СНВ-1 и СНВ-2 государственные заказы оружейного урана сократились. Однако к середине 1990-х годов выпуск урана достиг показателей 1970-х годов, что было связано с ростом потребностей в атомном топливе [Там же]. Благодаря этому спад производства в Краснокаменске не был столь значительным по сравнению с другими горнодобывающими поселениями региона. Одно из крупнейших урано-добывающих предприятий страны функционировало на современной научно-технологической базе, сформированной комплексом ведомственных организаций.

8 июля 1974 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 106, д. 1777, л. 61—78]. В ходе осуществления Всесоюзной ударной комсомольской стройки вдоль будущей железнодорожной линии стали возникать новые населенные пункты. В 1975 году на северном побережье Байкала был образован рабочий поселок Северобайкальск, в котором разместились генподрядчик бурятского участка БАМа — трест «Нижнеангарсктрансстрой», УС «БАМтоннельстрой», Северобайкальское отделение Байкало-Амурской железной дороги (СБО БАМ). 5 ноября 1980 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Северобайкальск был преобразован в город республиканского подчинения [О преобразовании рабочего поселка Северобайкальска ..., 1980].

По планам проектировщиков после окончания строительства БАМа молодой город должен был стать центром нового территориально-производственного комплекса. Северо-Байкальский ТПК включал Холоднинское и Таборное полиметаллические, Сыннырское боксито-калийное, Чайское медно-никелевое, Довыренское нефритовое, Надежное, Тыйское, Гоуджекитское и Чулбонское кварцевые, Моховое оловянное, Молодежное асбестовое, Нерундинское и Ирокиндинское золотоносные и другие перспективные месторождения зоны бурятского участка магистрали. Выход БАМа к Витиму позволял приступить к сооружению Мокской ГЭС,

CC BY

которая должна была стать источником электроэнергии для Молодежного ГОКа [Байкалов, 2024, с. 35].

Однако недостаточная степень изученности территории, отсутствие проектной документации и экологические ограничения не позволили приступить к формированию ТПК. В результате важнейшей отраслью города стала строительная индустрия, возникшая в ходе возведения магистрали. Силами шефской организации ПМК «ЛенинградБАМстрой» в Северобайкальске были построены железобетонный, арматурный и лесопильный цехи, механические мастерские, камнедробилка, песочный карьер, предприятия по ремонту строительных и дорожных машин и т. д. [Северобайкальск ..., 2014, с. 141—142].

Параллельно с формированием строительной индустрии разворачивались мощности СБО БАМ, охватившего линию Лена-Восточная — Северобайкальск протяженностью 329 км. В 1980 году были организованы станция железнодорожного пути, локомотивное депо, дистанция сигнализации и связи, участок энергоснабжения, дистанция гражданских сооружений и др. Во второй половине 1980-х годов Байкало-Амурская железная дорога начала переходить на электрическую тягу. К этому времени по БАМу было перевезено более 4 млн т грузов и свыше миллиона пассажиров [БАМ продолжается ..., 1987, с. 51].

На рубеже 1980—1990-х годов объем перевозок на магистрали резко упал, что было вызвано сокращением грузопредложения внутри зоны БАМа из-за окончания строительных работ, кризиса лесной и строительной индустрии, износа основных фондов, содержания на балансе предприятия большого количества жилищно-коммунальных и социальных объектов. В итоге нерентабельность привела в конце 1996 года к упразднению БАМа как самостоятельной дороги и передаче ее активов в состав ВСЖД и ДВЖД. Таким образом, единственное градообразующее предприятие Северобайкальска оказалось неспособным поддерживать жизнь города в прежнем объеме, что привело к длительной экономической депрессии, завершившейся только в середине 2010-х годов.

4. Заключение = Conclusions

На протяжении почти всего XX века территория Забайкалья активно вовлекалась в модернизационные процессы страны. Размещение производительных сил в регионе происходило при дефиците капитальных и людских ресурсов, что предопределило принцип очагового освоения необжитых или слабозаселенных районов. На начальном этапе промышленное и транспортное освоение проходило в центральной «осевой» полосе региона, затем охватывались южные и северные районы ресурсно-сырьевой специализации.

CC BY

Параллельно с данными процессами формировались новые города, представляющие транспортные и промышленные узлы региона. Их география расширялась по мере наступления очередной стадии модернизации. На первой стадии (1930—1940-е годы) возникли горнодобывающие города; на второй (1950-е годы) — городской статус был присвоен ряду пристанционных поселков Забайкальской железной дороги; на третьей (1970—1980-е годы) возникли молодые города в районах пионерного освоения.

Промышленность и транспорт являлись основными градообразующими факторами в формировании новых городов Забайкалья. Получение ими городского статуса зависело от стратегической значимости и перспектив индустриального развития. По мере перехода от одной стадии модернизации к другой снижалась доля мобилизационного компонента при возрастании гуманитарного, включавшего комплекс мер по развитию социальной инфраструктуры, материальному поощрению и моральному стимулированию трудящихся. При этом форсированные темпы ведения работ, приоритетность государственных задач и максимальное сосредоточение трудовых и материальных ресурсов оставались основными императивами советской социально-экономической политики.

Населенные пункты, возникшие в ходе строительства Транссиба, «вызревали» вплоть до советского времени. По выражению Г. М. Лаппо, «преобразование поселения в городское означало своего рода выдачу ему аванса, предоставление шанса сделать карьеру» [Лаппо, 2012, с. 51]. В их экономической структуре наряду с обслуживающими железную дорогу производствами преобладали предприятия легкой и пищевой промышленности, основы которых были заложены еще в досоветский период. Близость к железнодорожной линии, традиционная специализация, выгодное расположение в сельскохозяйственных (Борзя, Шилка) и лесных (Хилок) районах обусловили тенденцию развития данных поселений в сторону смешанного (транспортно-индустриального) типа. Ко времени постсоветского экономического кризиса транспортные города региона оказались более жизнеспособными, поскольку сложившийся в них градообразующий сектор «амортизировал» издержки упадка общесоюзных отраслей.

В центрах горнодобывающей промышленности (Закаменск, Балей, Гусиноозерск) сложилась монопрофильная социально-экономическая структура, ориентированная на потребности градообразующих предприятий и отраслей. Профильные отрасли новых сырьевых городов формировались в 1930-е годы, когда размещение и расширение производств определялось не территориальными, а ведомственными интересами. В течение нескольких десятилетий данные поселения демонстрировали высокие темпы производства. К концу 1960-х годов возможности экстенсивного развития тер-

CC BY

риторий в основном исчерпались, что было связано с естественным истощением месторождений. По мере замедления темпов экономического роста в 1970—1980-е годы в сырьевых городах Забайкалья возникла дискуссия о диверсификации монопрофильной экономической структуры. Высказывались инициативы по перемещению приоритетов с добывающих отраслей на обрабатывающие и выпускающие, такие как машиностроение, химическая и строительная индустрия. Однако распад прежней экономической системы не позволил реализовать намеченные проекты. Большинство монопрофильных сырьевых городов оказались в состоянии стагнации и кризиса.

Траектории развития молодых городов региона заметно отличались от остальных поселений, что было связано с общесоюзным значением проектов Приаргунского горно-химического комбината и БАМа. Градообразующий сектор сырьевого города Краснокаменска сохранил в новых условиях хозяйствования свою рентабельность вследствие стратегического значения уранового топлива. Потенциал Северобайкальска как транспортного узла и административного центра на севере Бурятии также позволил обеспечить развитие города, несмотря на затянувшуюся экономическую депрессию, экологические ограничения водоохранной зоны Байкала и отток населения после окончания строительства БАМа.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АО БЗР — *Архивный* отдел Борзинского района Забайкальского края. Ф. Р46 (Борзинский городской исполнительный комитет народных депутатов) Ф. Р46. Оп. 1. Д. 172. Л. 140—150.

2. АО БР — *Архивный* отдел Балейского района Забайкальского края. Ф. Р1 (Исполнительный комитет Балейского городского совета депутатов трудящихся) Ф. Р1. Оп. 1. Д. 101. Л. 204.

3. АО ЗК — *Архивный* отдел администрации МО города Закаменск. Ф. Р2 (Протоколы и решения сессий городского исполкома Совета депутатов трудящихся) Ф. Р2. Оп. 1. Д. 142. Л. 12—13.

4. АО ХР — *Архивный* отдел Хилокского района Забайкальского края. Ф. Р10 (Исполнительный комитет Хилокского городского совета депутатов трудящихся) Ф. Р10. Оп. 1. Д. 12. Л. 7—9.

5. *Батуева М. С.* Наш городок / М. С. Батуева. — Закаменск : Издательство газеты «Знамя труда», 2004. — 258 с.

6. *Борзя* — город в Забайкалье / Г. Беломестнов, В. Ильин, Л. Вельц. — Чита : Экспресс-издательство, 2013. — 57 с.

CC BY

7. *Вольфрамовая* жемчужина страны : исторический очерк / Н. Н. Далабаева. — Улан-Удэ : НоваПринт, 2014. — 240 с.

8. *Вчера*, сегодня, завтра Джидинского вольфрамового месторождения и города Закаменска — сокровищницы Республики Бурятия / А. А. Ковалев, Е. Н. Поляков, Д. А. Цыремпилов, Л. В. Березовская, Е. П. Дубинин // Жизнь Земли. — 2018. — Т. 40. — № 3. — С. 283—292.

9. ГАЗК — *Государственный* архив Забайкальского края. Ф. Р2121 (Исполнительный комитет Балейского городского совета депутатов трудящихся) Ф. Р2121. Оп. 1. Д. 16. Л. 158—159.

10. ГАРБ — *Государственный* архив Республики Бурятия. Ф. Р2035 (Гусиноозерская ГРЭС Республиканского энергетического управления «Бурятэнерго» Министерства энергетики и электрификации СССР) Ф. Р2035. Оп. 1. Д. 360. Л. 30.

11. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. А533 (Государственный комитет Совета Министров РСФСР по делам строительства и архитектуры) Ф. А533. Оп. 1. Д. 4368. Л. 36 ; Д. 5781. Л. 16—20 ; Ф. Р5446 (Совет Министров СССР) Ф. Р5446. Оп. 106. Д. 1777. Л. 61—78.

12. *Город* с горячим сердцем. Живая история / Б. Аслезов, Ю. Васин, В. Зенченко и др. — Краснокаменск : Администрация городского поселения «Город Краснокаменск», 2019. — 304 с.

13. *Игнаткин Ю. А.* По диким степям Забайкалья (Очерки золота Забайкалья) / Ю. А. Игнаткин. — Чита : Читинская областная типография, 1994. — 112 с.

14. *Как наш город* строился // Знамя труда : [газета]. — 1974. — 5 октября. — С. 2.

15. *Краснокаменск* — ОАО ППГХО — 35 лет / под ред. В. А. Дорохова, Н. И. Григорьева. — Новосибирск : Советская Сибирь, 2003. — 120 с.

16. *О преобразовании* рабочего поселка Балей Балейского района Читинской области в город [Электронный ресурс] // Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 15 февраля 1938 г. Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа : https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/393392 (дата обращения 9.11.2024).

17. *О преобразовании* рабочего поселка Северобайкальска Северо-Байкальского района Бурятской АССР в город республиканского подчинения : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1980 г. // Правда Бурятии : [газета]. — 1980. — 8 ноября. — С. 3.

18. *О преобразовании* рабочего поселка Шахты в город районного подчинения [Электронный ресурс] // Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июня 1953 г. — Режим доступа : https://admingus.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/istoriya/ (дата обращения 10.11.2024).

19. *О присвоении* городу Балей статуса города областного подчинения [Электронный ресурс] // Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 марта 1951 г. № 762/9. — Режим доступа : https://xn--80abfehymuat.xn--p1ai/poselenie/istoriya/ (дата обращения 11.11.2024).

20. *О присвоении* рабочему поселку Борзя статуса города районного подчинения [Электронный ресурс] // Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 июля 1950 года № 713/4. — Режим доступа : https://zemlya-chita.ru/borzya-gorodu-50-let (дата обращения 13.11.2024).

21. *О присвоении* рабочему поселку Хилок статуса города районного подчинения [Электронный ресурс] // Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 июля 1951 г. № 731. — Режим доступа : https://xn----8sbmnkfll4d.xn--p1ai/poselenie/ (дата обращения 15.11.2024).

22. *О присвоении* рабочему поселку Шилка статуса города районного подчинения [Электронный ресурс] // Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 мая 1951 г. — Режим доступа : https://xn--e1afahbdqjz8d.xn--p1ai/blok.php?copylenco=omsu&id_omsu=1 (дата обращения 16.11.2024).

23. *О работе* железнодорожного транспорта [Электронный ресурс] // Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 июля 1933 г. — Режим доступа : https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/445974-postanovlenie-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-o-rabote-zheleznodorozhnogo-transporta-3-iyulya-1933-g (дата обращения 16.11.2024).

24. *Петров В. Ф.* Город Хилок. История продолжается / В. Ф. Петров. — Чита : Поиск, 2002. — 144 с.

25. *Попов-Равич В.* Забайкальский город Балей / В. Попов-Равич. — Чита : Принтмаркет, 2013. — 208 с.

26. *Развитие* по мастер-планам: Росконгресс [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://roscongress.org/materials/razvitie-po-master-planam/ (дата обращения 16.11.2024).

27. *Северобайкальск* — ленинградский город на БАМе. Книга о строителях ПМК «ЛенинградБАМстрой» / Т. А. Муратова. — Северобайкальск, 2014. — 200 с.

28. *Спутник* выходит на орбиту : «сателлит» Владивостока станет городом для людей [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://eastrussia.ru/material/sputnik-vykhodit-na-orbitu-satellit-vladivostoka-stanet-gorodom-dlya-lyudey/ (дата обращения 18.11.2024).

29. *Уран* Краснокаменска. История ППГХО в воспоминаниях современников. 1968 — 2008 гг. / под ред. В. Б. Колесаева. — Чита : Экспресс-издательство, 2008. — 400 с.

30. *Энциклопедия* Забайкалья [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=7259 (дата обращения 20.11.2024).

Литература

1. *Баженов Ю.* Восточный полигон РЖД как пример региональной интеграции на Дальнем Востоке / Ю. Баженов, А. Денежкин // Постсоветский материк. — 2019. — № 1 (21). — С. 57—59.

2. *Байкалов Н. С.* Программа хозяйственного освоения зоны БАМ : идеи, подходы, решения / Н. С. Байкалов // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. — 2024. — № 45. — С. 25—47. — DOI: 10.24412/2658-5960-2024-45-25-47.

3. *Балдано М. Н.* Индустриальное развитие Бурятии (1923—1991 гг.) : достижения, издержки, уроки / М. Н. Балдано. — Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. — 431 с.

4. *БАМ* продолжается / сост. Г. Л. Санжиев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1987. — 222 с.

5. *Боронова М. М.* Бурятия : проблемы комплексного развития региона : (исторический опыт исследования), 1960—1990 гг. / М. М. Боронова. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2005. — 191 с. — ISBN 5-85213-798-7.

6. *Бреславский А. С.* Итоги советской урбанизации Читинской области : структура, численность и функциональное значение городских поселений / А. С. Бреславский // Исторический журнал : научные исследования. — 2020. — № 5. — С. 157—167. — DOI: 10.7256/2454-0609.2020.5.34014.

7. *Будаев Д. А.* История развития горнодобывающей промышленности Бурятской АССР и ее влияние на экологию (1957—1991 гг.) : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. А. Будаев. — Улан-Удэ, 2015. — 207 с.

CC BY

8. *Будко В. В.* Особенности процесса урбанизации на территории Читинской области : диссертация … кандидата географических наук : 25.00.24 / В. В. Будко. — Улан-Удэ, 2005. — 166 с.

9. *Бутухеев В. А.* Индустриальное развитие Забайкалья (1960—1991 гг.) : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. А. Бутухеев. — Улан-Удэ, 2008. — 238 с.

10. *Виноградов А.* Города в Сибири, новая столица России / А. Виноградов // Атомная стратегия. — 2024. — № 48. — С. 4—8.

11. *Власов Г. П.* БАМ : опыт, уроки (1970—1990 гг.) Исторический аспект / Г. П. Власов. — Иркутск : Издательство Иркутского государственного университета, 1998. — 142 с. — ISBN 5-8166-0028-1.

12. *Влияние* сбросов Гусиноозёрской ГРЭС на термический и гидрохимический режим озера Гусиное / Б. З. Цыдыпов, С. Г. Андреев, А. А. Аюржанаев // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Науки о Земле. — 2017. — Т. 22. — С. 135—150.

13. *Вопросы* географии. Сб. 66. Города мира / И. М. Маергойз, В. С. Варламов. — Москва : Мысль, 1965. — 223 с.

14. *Дворядкина Е. Б.* Новые индустриальные города : методический аспект исследования / Е. Б. Дворядкина, Е. И. Кайбичева // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2020. — № 1. — С. 3—20.

15. *Жданов А. И.* Особенности железнодорожного транспорта и их учет при реформировании отрасли / А. И. Жданов // Вестник университета [Государственный университет управления]. — 2018. — № 1. — С. 74—78. — DOI: 10.26425/1816-4277-2018-1-74-78.

16. *Зеляк В. Г.* Горнопромышленный комплекс Северо-Востока России : становление и развитие (конец 1920-х — начало 1990-х гг.) : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.02 / В. Г. Зеляк. — Томск, 2014. — 386 с.

17. *Конов А. А.* Формирование государственной стратегии массовой электрификации железных дорог Урала в 1956—1970 гг. / А. А. Конов // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. : материалы XII Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора А. В. Бакунина. — Екатеринбург : УрФУ, 2014. — С. 378—384. — ISBN 978-5-8295-0301-7.

18. *Константинов А. В.* Забайкальская железная дорога / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова // История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года) : учебное пособие по региональному компоненту образования. — Чита : АНО «ЦНОП» : ЗабГГПУ, 2002. — С. 131—136.

19. *Кулаков В. С.* Шилкинский район Забайкальского края : Природа, история, экономика, инфраструктура и краеведение / В. С. Кулаков. — Новосибирск : Наука, 2009. — 305 с. — ISBN 978-5-02-023214-3.

20. *Куцев Г. Ф.* Новые города : социологический очерк по материалам Сибири / Г. Ф. Куцев. — Москва : Мысль, 1982. — 269 с.

21. *Лаппо Г. М.* Города России. Взгляд географа / Г. М. Лапо. — Москва : Новый хронограф, 2012. — 503 с. — ISBN 978-5-94881-151-2.

22. *Материалы* бурятского регионального совещания конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири / ред. Д. Д. Лубсанов и др. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1959. — 659 с.

23. *Мезенцева И. В.* Балей : «золотая» история флагмана золотодобычи Забайкалья и реалии современности / И. В. Мезенцева // Приграничный регион в историческом

CC BY

развитии: партнерство и сотрудничество : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. — Чита : ЗабГУ, 2019. — С. 211—214. — ISBN 978-5-9293-2389-8.

24. *Перцик Е. Н.* Города мира : география мировой урбанизации / Е. Н. Перцик. — Москва : Международные отношения, 1999. — 384 с. — ISBN 5-7133-0965-7.

25. *Салахова Л. М.* Культура молодых индустриальных городов Восточной Сибири в сер. 50-х — 80-е годы : опыт Братско-Усть-Илимского ТПК / Л. М. Салахова. — Братск : ГОУ ВПО «БрГУ», 2005. — 222 с. — ISBN 5-8166-0134-2.

26. *Санжиева Т. Е.* Топливно-энергетический комплекс республик Сибири и его влияние на их социально-экономическое развитие 1960—1985 гг. / Т. Е. Санжиева. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета,1996. — 164 с.

27. *Стась И. Н.* Стать горожанином : урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.) / И. Н. Стась. — Курган : Курганский дом печати, 2018. — 167 с. — ISBN 978-5-6041149-5-7.

28. *Тармаханов Е. Е.* Угольная промышленность Бурятии в 1960—1991 гг. / Е. Е. Тармаханов, Д. А. Будаев // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 7. — С. 48—50. — DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-48-51.

29. *Тимошенко А. И.* Совнархозовская реформа как попытка децентрализации управления экономикой СССР : сибирский региональный аспект / А. И. Тимошенко // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16. — № 4. — С. 702—724. — DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(4).702-724.

30. *Трубе Л. Л.* Новые города на карте Родины / Л. Л. Трубе, Б. С. Хорев. — Москва : Знание, 1970. — 48 с.

31. *Халбаева М. М.* Творческое содружество рабочих и инженерно-технических работников промышленности Бурятии в 1970-е гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. М. Халбаева. — Москва, 1988. — 196 с.

32. *Цыкунов Г. А.* Ангаро-Енисейские ТПК : проблемы и опыт : (Ист. аспект) / Г. А. Цыкунов. — Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1991. — 174 с. — ISBN 5-7430-0328-9.

33. *Чернова Ю. В.* Новые города Иркутской области (1950—1980 гг.). Историческое исследование : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ю. В. Чернова. — Иркутск, 2002. — 256 с.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024,
одобрена после рецензирования 09.12.2024,
подготовлена к публикации 20.03.2025.

Material resources

A city with a warm heart. Living history. (2019). Krasnokamensk: Administration of the urban settlement “City of Krasnokamensk”. 304 p. (In Russ.).

About the work of railway transport. (1933). *Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU(b) dated July 3.* Available at: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/445974-postanovlenie-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-o-rabote-zheleznodorozhnogo-transporta-3-iyulya-1933-g (accessed 16.11.2024). (In Russ.).

Batueva, M. S. (2004). *Our town.* Zakamensk: Publishing house of the newspaper "Znamya Truda". 258 p. (In Russ.).

Borzya — a city in Transbaikalia. (2013). Chita: Express Publishing House. 57 p. (In Russ.).

Development according to master plans: Roscongress. Available at: https://roscongress.org/materials/razvitie-po-master-planam/ (accessed 16.11.2024). (In Russ.).

Dorokhov, V. A., Grigoriev, N. I. (eds.). (2003). *Krasnokamensk — JSC PPGHO — 35 years.* Novosibirsk: FGUIPP "Soviet Siberia". 120 p. (In Russ.).

Encyclopedia of Transbaikalia. Available at: http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=7259 (accessed 20.11.2024). (In Russ.).

GARB — *State Archive of the Republic of Buryatia. F. R2035 (Gusinoozerskaya GRES of the Republican Energy Management of Buryatenergo of the Ministry of Energy and Electrification of the USSR) F. R2035. Op. 1. 360. L. 30.* (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. A533 (State Committee of the Council of Ministers of the RSFSR for Construction and architecture).* (In Russ.).

GAZK — *State Archive of the Trans-Baikal Territory. F. P2121 (Executive Committee of the Baleysky City Council of Workers' Deputies) F. P2121. Op. 1. D. 16. L. 158—159.* (In Russ.).

How our city was built. (1974). *Banner of Labor: [newspaper]. October 5.* P. 2. (In Russ.).

Ignatkin, Yu. A. (1994). *On the wild steppes of Transbaikalia (Essays on the gold of Transbaikalia).* Chita: Chita Regional Printing House. 112 p. (In Russ.).

JSC BR — *Archival Department of the Baleysky district of the Trans-Baikal Territory.* (In Russ.).

JSC BZR — *Archival Department of the Borzinsky district of the Trans-Baikal Territory.* (In Russ.).

JSC HR — *Archival Department of the Khiloksky district of the Trans-Baikal Territory.* (In Russ.).

JSC ZK — *Archival Department of the Administration of the Ministry of Defense of the city of Zakamensk.* (In Russ.).

Krasnokamensk Uranium. The history of the PPGHO in the memoirs of contemporaries. 1968—2008. (2008). Chita: Express Publishing House. 400 p. (In Russ.).

On assigning the status of a city of regional subordination to the working settlement of Shilka. (1951). *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated May 16.* Available at: https://xn--e1afahbdqjz8d.xn--p1ai/blok.php?copylenco=omsu&id_omsu=1 (accessed 16.11.2024). (In Russ.).

On awarding the Borzya work settlement the status of a city of regional subordination. (1950). *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR, 713/4.* Available at: https://zemlya-chita.ru/borzya-gorodu-50-let (accessed 13.11.2024). (In Russ.).

On awarding the city of Baley the status of a city of regional subordination. (1951). *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR, 762/9.* Available at: https://xn--80abfehymuat.xn--p1ai/poselenie/istoriya/ (accessed 11.11.2024). (In Russ.).

On awarding the working settlement of Khilok the status of a city of regional subordination. (1951). *Decree of the Presidium № 731 of the Supreme Soviet of the RSFSR.* Available at: https://xn----8sbmnkfll4d.xn--p1ai/poselenie/ (accessed 15.11.2024). (In Russ.).

On the transformation of the Baley work settlement of the Baley district of the Chita region into a city. (1938). *Resolution of the All-Russian Central Executive Committee dated February 15, 1938. Electronic Library of Historical Documents.* Available at: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/393392 (accessed 19.11.2024). (In Russ.).

On the transformation of the Shakhty work settlement into a city of regional subordination. (1953). *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR.* Available at: https://admingus.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/istoriya/ (accessed 10.11.2024). (In Russ.).

On the transformation of the work settlement of Severobaikalsk in the North Baikal region of the Buryat ASSR into a city of republican subordination: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated November 5, 1980. (1980). *Pravda Buryatia: [newspaper]. November 8.* P. 3. (In Russ.).

Petrov, V. F. (2002). *The city of Khilok. The story continues.* Chita: Poisk Publ. 144 p. (In Russ.).

Popov-Ravich, V. (2013). *Zabaikalsky city of Baley.* Chita: Print Market. 208 p. (In Russ.).

Severobaikalsk is a Leningrad city on the BAM. The book about the builders of the Leningrad BAMstroy Construction Company. (2014). Severobaikalsk. 200 p. (In Russ.).

The satellite goes into orbit: Vladivostok's "satellite" will become a city for people. Available at: https://eastrussia.ru/material/sputnik-vykhodit-na-orbitu-satellit-vladivostoka-stanet-gorodom-dlya-lyudey/ (accessed 18.11.2024). (In Russ.).

The tungsten pearl of the country: a historical sketch. (2014). Ulan-Ude: NovaPrint. 240 p. (In Russ.).

Yesterday, today, tomorrow of the Dzhidinsky tungsten deposit and the city of Zakamensk, the treasury of the Republic of Buryatia. (2018). *Life of the Earth, 40 (3):* 283—292. (In Russ.).

References

Baldano, M. N. (2001). *Industrial development of Buryatia (1923—1991): achievements, costs, lessons.* Ulan-Ude: Publishing and printing complex VSGAKI. 431 p. (In Russ.).

BAM continues. (1987). Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 222 p. (In Russ.).

Baykalov, N. S. (2024). The program of economic development of the BAM zone: ideas, approaches, solutions. *Proceedings Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 45:* 25—47. DOI: 10.24412/2658-5960-2024-45-25-47. (In Russ.).

Bazhenov, Yu., Denezhkin, A. (2019). The Eastern polygon of Russian Railways as an example of regional integration in the Far East. *The Post-Soviet Continent, 1 (21):* 57—59. (In Russ.).

Boronova, M. M. (2005). *Buryatia: problems of complex development of the region: (historical research experience), 1960—1990.* Ulan-Ude: Buryat State University Press. 191 p. ISBN 5-85213-798-7. (In Russ.).

Breslavskiy, A. S. (2020). The results of the Soviet urbanization of the Chita region: structure, number and functional significance of urban settlements. *Historical Journal: scientific research, 5:* 157—167. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.5.34014. (In Russ.).

Budaev, D. A. (2015). *The history of the mining industry of the Buryat ASSR and its impact on the environment (1957—1991).* PhD Diss. Ulan-Ude. 207 p. (In Russ.).

Budko, V. V. (2005). *Features of the urbanization process in the Chita region.* PhD Diss. Ulan-Ude. 166 p. (In Russ.).

Butukheev, V. A. (2008). *Industrial development of Transbaikalia (1960—1991).* PhD Diss. Ulan-Ude. 238 p. (In Russ.).

Chernova, Yu. V. (2002). *New towns of the Irkutsk region (1950—1980). Historical research.* PhD Diss. Irkutsk. 256 p. (In Russ.).

Dvoryadkina, E. B., Kaibicheva, E. I. (2020). New industrial cities: a methodological aspect of research. *Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics, 1:* 3—20. (In Russ.).

Khalbaeva, M. M. (1988). *The creative community of workers and engineering and technical workers of the industry of Buryatia in the 1970s.* PhD Diss. Moscow. 196 p. (In Russ.).

Konov, A. A. (2014). Formation of the state strategy of mass electrification of Ural railways in 1956—1970. In: *Ural Industrial. Bakunin readings: Industrial modernization of the Urals in the XVIII—XXI centuries.* Yekaterinburg: UrFU. 378—384. ISBN 978-5-8295-0301-7. (In Russ.).

Konstantinov, A. V., Konstantinova, N. N. (2002). Zabaikalskaya railway. In: *The history of Transbaikalia (from ancient times to 1917): a textbook on the regional component of education.* Chita: ANO "TSNOP": ZabGGPU. 131—136. (In Russ.).

Kulakov, V. S. (2009). *Shilkinsky district of the Trans-Baikal Territory: Nature, history, economy, infrastructure and local lore.* Novosibirsk: Nauka Publ. 305 p. ISBN 978-5-02-023214-3. (In Russ.).

Kutsev, G. F. (1982). *New Cities: a sociological Essay based on materials from Siberia.* Moscow: Mysl Publ. 269 p. (In Russ.).

Lappo, G. M. (2012). *Cities of Russia. A geographer's view.* Moscow: New Chronograph. 503 p. ISBN 978-5-94881-151-2. (In Russ.).

Lubsanov, D. D. (ed.). (1959). *Materials of the Buryat regional meeting of the Conference on the development of the productive forces of Eastern Siberia.* Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 659 p. (In Russ.).

Mezentseva, I. V. (2019). Baley: the "golden" history of the flagship of gold mining in Transbaikalia and the realities of modernity. In: *The border region in historical development: partnership and cooperation: proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Victory of the Soviet and Mongolian troops on the Khalkhin-Gol River.* Chita: ZabGU. 211—214. ISBN 978-5-9293-2389-8. (In Russ.).

Percik, E. N. (1999). *Cities of the world: geography of world urbanization.* Moscow: International Relations. 384 p. ISBN 5-7133-0965-7. (In Russ.).

Questions of geography. Collection 66. Cities of the world. (1965). Moscow: Mysl Publ. 223 p. (In Russ.).

Salakhova, L. M. (2005). *Culture of young industrial cities of Eastern Siberia in the 1950s — 80s: the experience of Bratsko-Ust-Ilimsky industrial complex.* Bratsk: State Educational Institution of Higher Professional Education "BrSU". 222 p. ISBN 5-8166-0134-2. (In Russ.).

Sanzhieva, T. E. (1996). *Fuel and energy complex of the republics of Siberia and its impact on their socio-economic development 1960—1985.* Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. 164 p. (In Russ.).

Stas, I. N. (2018). *Becoming a city dweller: urbanization and population in the oil region (1960s — early 1990s).* Kurgan: Kurgan Press House. 167 p. ISBN 978-5-6041149-5-7. (In Russ.).

Tarmakhanov, E. E., Budaev, D. A. (2015). The coal industry of Buryatia in 1960—1991. *Bulletin of the Buryat State University, 7:* 48—50. DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-48-51. (In Russ.).

The influence of Gusinoozerskaya GRES discharges on the thermal and hydrochemical regime of Lake Gusinoe. (2017). *Izvestiya Irkutsk State University. Ser. Earth Sciences, 22:* 135—150. (In Russ.).

CC BY

Timoshenko, A. I. (2015). The Council of National Economy reform as an attempt to decentralize the management of the USSR economy: the Siberian regional aspect. *Historical and economic research, 16 (4):* 702—724. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(4).702-724. (In Russ.).

Trube, L. L., Khorev, B. S. (1970). *New cities on the map of the Motherland.* Moscow: Znanie Publ. 48 p. (In Russ.).

Tsykunov, G. A. (1991). *Angara-Yenisei TPC: problems and experience: (Historical aspect).* Irkutsk: Irkutsk University Press. 174 p. ISBN 5-7430-0328-9. (In Russ.).

Vinogradov, A. (2024). Cities in Siberia, the new capital of Russia. *Atomic Strategy, 48:* 4—8. (In Russ.).

Vlasov, G. P. (1998). *BAM: experience, lessons (1970—1990) Historical aspect.* Irkutsk: Irkutsk State University Press. 142 p. ISBN 5-8166-0028-1. (In Russ.).

Zelyak, V. G. (2014). *Mining complex of the North-East of Russia: formation and development (late 1920s — early 1990s).* Doct. Diss. Tomsk. 386 p. (In Russ.).

Zhdanov, A. I. (2018). Features of railway transport and their consideration in the reform of the industry. *Bulletin of the University [State University of Management], 1:* 74—78. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-1-74-78. (In Russ.).

The article was submitted 07.11.2024;
approved after reviewing 09.12.2024;
accepted for publication 20.03.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Барышников М. Н. Николай Козловский и организация цементного производства в России в начале XX века / М. Н. Барышников // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 384—404. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-384-404.

Baryshnikov, M. N. (2025). Nikolai Kozlovsky and Organization of Cement Production in Russia in Early 20th Century. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 384-404. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-384-404. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Николай Козловский и организация цементного производства в России в начале XX века

Барышников Михаил Николаевич
orcid.org/0000-0002-0636-8864
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории
barmini@list.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Nikolai Kozlovsky and Organization of Cement Production in Russia in Early 20th Century

Mikhail N. Baryshnikov
orcid.org/0000-0002-0636-8864
Doctor of History, Professor,
Department of History
barmini@list.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Барышников М. Н., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена истории создания и деятельности одной из крупнейших российских компаний по производству цемента — Акционерного общества соединенных портландцементных заводов «Железо-Цемент» и «Вольского Д. Б. Зейферта. Целью исследования является определение уровня институциональной (правовой и неформальной) согласованности позиций заинтересованных сторон, которая непосредственно отражалась на перспективах производственной, финансовой и управленческой деятельности фирмы накануне и в годы Первой мировой войны. Показано, в какой степени результаты хозяйственной деятельности соответствовали направленности формирования управленческого и финансового потенциала. Раскрываются меры, в соответствии с которыми осуществлялось согласование предпочтений заинтересованных сторон (акционеров, членов правления, кредиторов, деловых партнеров) в процессе разработки основных направлений развития предприятий в Петербурге и Вольске. Индивидуальное участие Н. А. Козловского в руководстве цементным производством оценивается как личная способность влиять на эффективность функционирования межрегионального бизнеса в условиях формировавшейся в акционерном обществе баланса индивидуальных и групповых интересов. Делается вывод, что новационные изменения в функционировании компании в значительной мере являлись результатом его многолетней работы на руководящих постах.

Ключевые слова:
промышленность России; цементное производство; региональный бизнес; Н. А. Козловский; акционерная компания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the history of one of Russia's largest cement companies, the Joint-Stock Company of United Portland Cement Plants "Zhelezo-Cement" and "Volsky D. B. Zeyfert", focusing on its establishment and operations. The research aims to determine the level of institutional (formal and informal) alignment among stakeholders and its impact on the company's production, financial, and managerial performance on the eve of and during World War I. The study analyzes the extent to which the company's economic performance reflected its managerial and financial development strategies. It explores the mechanisms employed to reconcile the preferences of various stakeholders (shareholders, board members, creditors, business partners) in shaping the development of the plants in St. Petersburg and Volsk. Nikolai Kozlovsky's individual contributions to the management of cement production are assessed in terms of his capacity to influence the efficiency of interregional business operations within a context of evolving individual and group interests within the joint-stock company. The article concludes that innovative changes in the company's operations were largely a result of Kozlovsky's long-term leadership.

Key words:
Russian Russian industry; Cement production; Regional business; Nikolai A. Kozlovsky; Joint-stock company.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 929Козловский+94:666.94(47)“1890/1917”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-384-404

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Николай Козловский и организация цементного производства в России в начале XX века

© Барышников М. Н., 2025

1. Введение = Introduction

В преддверии Первой мировой войны по показателям экономического роста на душу населения Россия находилась на уровне стран с самыми высокими темпами развития (США, Япония, Швеция) [Грегори, 2003, с. 25]. К этому времени в отечественном строительном деле наиболее используемым становится портландцемент, а его изготовление — одной из динамично развивающихся отраслей народного хозяйства. В период с 1909 по 1913 годы объемы выпускаемой продукции выросли с 4865 до 12 644 тыс. бочек [Россия …, 1995, с. 43] (бочка = 164 кг). Среди лидеров производства, помимо столичных и причерноморских фирм, значились предприятия Саратовской губернии [Варнин, 1922; Клейн, 1981]. Особое положение последних объяснялось качеством выпускаемого цемента и практически монопольным положением при сбыте продукции на юго-восточных рынках страны [Литвинова, 2016, с. 127].

В статье рассматриваются меры, предпринимавшиеся Акционерным обществом «Железо-Цемент» и «Вольского» Д. Б. Зейферта (входило в число крупнейших в отрасли) в деле организации цементного производства на межрегиональном уровне. Целью исследования является определение уровня институциональной (правовой и неформальной) согласованности позиций заинтересованных сторон, непосредственно отражавшейся на перспективах производственной, финансовой и управленческой деятельности компании накануне и в годы Первой мировой войны. Предполагается решение следующих исследовательских задач: раскрыть, в какой степени результаты хозяйственной деятельности компании соответствовали ее управленческому и финансовому потенциалу и каким образом достигалось согласование предпочтений заинтересованных сторон (акционеров, членов правления, кредиторов, деловых партнеров) в процессе разработки основных направлений развития предприятий в Петербурге и Вольске. Индивидуальное участие Н. А. Козловского в руководстве цементным производством оценивается как личная способность влиять на эффективность

CC BY

функционирования межрегионального бизнеса в условиях формировавшейся в акционерном обществе соотношения индивидуальных и групповых интересов. Опыт деятельности Козловского подтверждал важность нахождения баланса во взаимоотношениях с ключевыми заинтересованными сторонами, предполагавшими поддержать технико-технологические и организационные новации в деятельности крупной цементной компании.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Впервые роль групп интересов в деловой жизни была проанализирована в России в начале XX века. Предприниматель и интеллектуал И. Х. Озеров обратился к вопросу о сложном характере взаимодействия интересов и институтов, в том числе в сфере инвестиционных и кредитных операций. Прежде всего важно, полагал он, взять «интерес за исходную точку исследований, как методологический прием». Чем шире круг людей, «тем более выступают они как экономическая категория, скрещиваясь в одной точке — интересе». Поскольку же люди имеют разные интересы, «в результате борьбы получается известная конструкция финансового института, и потому финансовые институты как продукт борьбы разных интересов, не отличаются последовательностью и логичностью» [Озеров, 1903, с. 6]. В связи с этим отметим такую характеристику отечественных цементных компаний, как крайне незначительное участие в них зарубежного капитала. По мнению И. В. Гиндина, имея высокое органическое строение капитала и чутко реагируя на движение общехозяйственной конъюнктуры, цементная промышленность в момент подъема конъюнктурной волны усиленно привлекала к себе влияние российских банков [Гиндин, 1997, с. 179]. Автор данной статьи придерживается исследовательского подхода, согласно которому определяющим для цементной промышленности выступал процесс согласования позиций заинтересованных сторон в банковской сфере. Предоставляемые ими ресурсы являлись непосредственной частью совместного специализированного предприятия, способного приносить экономическую прибыль [Barney, 2018, p. 3320]. Вместе с тем анализ опыта функционирования промышленной фирмы предполагает понимание «гуманистической концепции бизнеса как средства взаимодействия людей для достижения результатов, недостижимых иным способом», а наличие в ее деятельности «общей цели и общих ценностей превосходит и часто нейтрализует кажущиеся конкурирующими интересы» [Freeman et al., 2020, p. 219, 221].

Учреждение и перспективы функционирования компании рассматриваются в статье с точки зрения способности заинтересованных сторон согласовывать (в правовом и неформальном отношении) свои предпочтения в целях достижения общей цели — роста эффективности промышленного

CC BY

дела. Новизна и оригинальность исследования связана с разнообразием используемых исторических источников и особенностями их анализа применительно к заявленной теме. Применяемый междисциплинарный инструментарий позволяет задействовать необходимую базу архивных (фонды Российского государственного исторического архива) и опубликованных (корпоративная и общенациональная статистика) материалов для раскрытия конкретных направлений межрегиональной деятельности компании и, в связи с этим, масштаба и результатов ее операций. В представленном исследовании комплексно использованы данные, которые демонстрируют ход разработки и реализации производственных планов, обсуждения и принятия соответствующих решений общими собраниями акционеров, правлением и лично Н. А. Козловским как одним из руководителей фирмы, сравнительные показатели работы цементных предприятий в Петербурге и Вольске, взаимоотношения заинтересованных сторон в процессе нахождения оптимальных путей развития цементного производства.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Н. А. Козловский в управлении Петербургским товариществом по производству глухоозерского портландцемента и других строительных материалов

В конце XIX века видным представителем строительного дела стал известен бывший артиллерист, капитан в отставке Николай Александрович Козловский. Карьера этого человека по-своему отразила изменения в экономической жизни страны, сопровождавшиеся приходом в сферу бизнеса людей, ранее далеких от деловых операций, но готовых и способных реализовать свои интересы в передовых для своего времени сферах промышленной деятельности. В 1895 году Козловский привлекался известным предпринимателем П. П. Дервизом и его компаньоном, военным инженером А. А. Померанцевым к возведению цементного завода в городе Вольске Саратовской губернии. Предприятие принадлежало Петербургскому товариществу по производству глухоозерского портландцемента и других строительных материалов (далее Товарищество), содержавшему в столице крупный цементный завод. Козловский был введен в состав правления фирмы и стал одним из ее крупных собственников [Барышников, 2024]. В том же году он приглашается Дервизом и Померанцевым в число директоров другой петербургской компании — Акционерного общества цементно-бетонного производства. Результаты работы правления Товарищества, активным деятелем которого состоял Козловский, демонстрировали следующие показатели. Если в 1897 году завод в Вольске произвел 10 570 т цемента, то в 1899 году уже 39 312 т (в этом же году производительность

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

петербургского предприятия выросла до 42 752 т) [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 624, л. 44].

Компетенции, демонстрируемые Н. А. Козловским в организации цементного производства, оказались особо востребованными в драматических для Товарищества событиях лета 1899 года. В августе последовало банкротство ключевого собственника и кредитора компании — П. П. Дервиза. На состоявшемся 17 сентября 1899 года общем собрании пайщиков была заявлена отставка правления. Единственным его членом, имевшим многолетний опыт работы в управленческом аппарате фирмы и получившим приглашение войти в новый состав руководства, стал Козловский. Его кандидатуру выдвинул Ф. Э. Плеске (брат управляющего Государственным банком Э. Д. Плеске), избранный главой компании [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 294, л. 184—185]. Обновленному правлению предстояло искать поддержку заинтересованных сторон в целях преодоления сложной финансовой ситуации, а также определять перспективы развития цементного производства в Петербурге и Вольске.

В 1900 году шли напряженные переговоры между правлением Товарищества и чиновниками Государственного банка по вопросу о предоставлении кредита. В апреле было достигнуто соглашение о выделении компании промышленной ссуды (для покрытия нужды в оборотных средствах) в 450 тыс. руб. под 6,5 % годовых [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 624, л. 101—102]. При этом последовало предложение о введении в состав правления представителей Министерства финансов. Пояснялось, что, хотя такое совмещение запрещено законом, тем не менее в «интересах» правительства это вполне приемлемо [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 624, л. 61]. Впрочем, усилиями Ф. Э. Плеске эта идея была снята с рассмотрения.

Со своей стороны Н. А. Козловский приступил к реализации масштабного плана по модернизации работы цементных заводов. Весной 1901 года производство в технико-технологическом отношении (по оценке правительственных экспертов) выглядело хорошо оборудованным, обеспечивая выпуск вполне доброкачественного продукта. По представленным подсчетам, если в 1900 году петербургскому и вольскому заводам изготовление 88,5 тыс. т цемента обошлось в 2,038 млн руб., то, по прогнозам 1902 года, себестоимость примерно такого же объема продукции должна была составить 1,6 млн руб. Вместе с тем имели место важные изменения в заключаемых Козловским контрактах. Приоритетными выступали поставки вольским заводом цемента для уральских промышленных предприятий, а также возведения и обслуживания железных дорог в сибирских и среднеазиатских регионах. Наибольшие объемы планировались для обустройства четырех железных дорог — Оренбургско-Ташкентской (11,5 тыс. т),

CC BY

Транссибирской (4,3 тыс.), Рязанско-Уральской (2,6 тыс.) и Самаро-Златоустовской (2,2 тыс.) [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 624, л. 123—124]. Значимость губерний Центрального и Северо-Западного промышленных районов и, соответственно, перспективы работы петербургского завода рассматривались Козловским как второстепенные.

Свою позицию Н. А. Козловский обосновывал, с одной стороны, государственной и коммерческой важностью освоения уральских, сибирских и среднеазиатских территорий, с другой стороны — ростом конкурентной борьбы на цементном рынке Европейской России. Нескрываемый им пессимизм в отношении масштабов реализации цемента в Северо-Западном регионе был вызван действиями конкурентов: строительством в 1902 году второго цементного завода в Чудово, а также в 1903 году компанией «Ассерин» предприятия в Эстляндской губернии. В 1902 году деятельность Товарищества в Петербурге по-прежнему демонстрировала низкие показатели по прибыльности [РГИА, ф. 22, оп. 4, д. 411, л. 17—19]. К концу 1903 года оптовая цена бочки цемента снизилась в столице до 3 руб. 30 коп. Подобного не наблюдалось с 1897 года [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 624, л. 168].

Планы Н. А. Козловского по развитию восточного направления продаж поддержали три члена правления: А. И. Петрококино, Ф. Ю. Кюн и М. Л. Бабаланов. Резко против высказался Ф. Э. Плеске. Последний видел в столице исключительное по значимости пространство операций, уход с которого грозил крупными потерями для Товарищества. Еще большую уверенность в своей позиции Плеске обрел с назначением в августе 1903 года его брата Э. Д. Плеске министром финансов. Тем не менее при всей сложности ситуации Н. А. Козловскому удалось добиться поддержки со стороны большинства крупных акционеров и членов правления. В декабре 1903 года заинтересованные стороны — представители Товарищества и ряда других фирм, специализировавшихся на производстве цемента (в Эстляндской губернии: «Порт-Кунда, И. И. Жирарди и К°» и Акционерное общество цементного завода «Ассерин»; в Петербургской губернии: Франко-Русское анонимное общество заводов портландского цемента в Чудово и Товарищество Чудовского цементного завода), — приступили к переговорам по вопросам регулирования объема поставок продукции в Северо-Западном регионе. Ответом Ф. Э. Плеске стал выход из состава правления.

14 февраля 1904 года переговоры завершились созданием «синдиката», призванного контролировать объемы производства. Согласно подписанному соглашению, Н. А. Козловский гарантировал остановку завода Товарищества в столице. В свою очередь максимальный объем поставляемой другими фирмами продукции не должен был превышать 121 тыс. т. Со своей стороны партнеры обязывались выплачивать Товариществу по

CC BY

26 коп. с каждой проданной в регионе бочки цемента, а также отказывались от открытия собственных производств в Саратовской губернии. Дополнительные финансовые поступления Козловский планировал направлять на выплаты по долгам компании, а также использовать для расширения деятельности предприятия в Вольске. Определенный риск при реализации соглашения заключался в том, что оно не распространялось на операции Товарищества рижского завода К. Х. Шмидта и российских фирм в Новороссийске, а также иностранных предприятий [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 624, л. 168]. Впрочем, дальняя транспортировка цемента заметно увеличивала издержки, обрекая продажи в Петербурге на убыточность.

Итогом реализации плана Н. А. Козловского стало сокращение долгов Товарищества в период с 1901 по 1906 годы с 1,9 млн руб. до 367,8 тыс. руб. В 1904 году вольским заводом произведено 59,4 тыс. т цемента, в то время как другими участниками синдиката — 80,3 тыс. т цемента. В 1905 году компания вновь начала выплаты дивидендов (2,5 % на пай), а в 1907 году полностью рассчиталась по кредитам Государственного банка [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 624, л. 212—213, 246, 255]. В 1905—1909 годах, несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию в России, потребности Северо-Западного района в поставках портландцемента продолжали расти, превысив 200 тыс. т. [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 395, л. 11], из которых 164 тыс. т приходились на Петербург [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 395, л. 1] (общий объем производства в России вырос с 1900 по 1908 годы с 530,5 тыс. до 780,4 тыс. т [Совет съездов …, 1913, с. 255]).

Значимой особенностью ситуации в Петербурге являлось отсутствие здесь сколько-нибудь крупного производства. Завод Товарищества по-прежнему простаивал. Действовавшие предприятия двух небольших фирм — Акционерного общества цементно-бетонного производства (за предшествовавшее кризисное пятилетие численность рабочих сократилась до 11) и семейного дела промышленников Эллерсов (до 52) — осуществляли незначительные поставки, в пределах от 20 до 50 тыс. руб. в год [Варзар, 1912, с. 303—304]. Основная масса цемента по-прежнему ввозилась из Эстляндской губернии, а также из-за границы. В связи с этим перспективы наращивания продаж выглядели более чем пессимистично.

С другой стороны, трудности с поставками цемента проистекали из сложной ситуации, которую переживал синдикат. По оценке Н. А. Козловского, к 1909 году «сильные» позиции продолжали занимать (помимо Товарищества, «главный интерес» которого заключался в предприятии в Вольске) только две прибалтийские фирмы: завод К. Х. Шмидта и, отчасти, «Порт-Кунда». Общество «Ассерин», оказавшееся в сложном финансовом положении, «выживало» благодаря поддержке Государствен-

CC BY

ного банка. Предприятия в Чудове и вовсе приостановили деятельность [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 395, л. 1]. Проблемы этих заводов заключались, помимо прочего, в сохранявшемся нерациональном способе производства, ориентированном на использование неоднородных твердых известняков. Подобный способ требовал дополнительной переработки (дробления) сырья. Использование мягких известняков с применением вращательных печей осуществлялось в Вольске и Риге. Здесь изготавливался более качественный цемент, применяемый в железобетонном деле. Что касается завозимого в Петербург цемента из-за границы и отдаленных российских регионов, то подобная продукция отличалась сравнительно высокой ценой и не пользовалась широким спросом [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 395, л. 2—4].

При таком положении дел Н. А. Козловский заявил о необходимости отказаться от синдикатского соглашения и возобновить работу петербургского предприятия. В качестве причины он сослался на намерение Общества «Ассерин» построить завод в Вольске. Результатом предложенного плана могло бы стать, при сопутствующей модернизации производства в столице, оформление Товарищества в ведущего производителя цемента в России. Для разработки сырья Козловский предполагал использовать имевшиеся в Царскосельском уезде залежи известкового песка («гажи»). В нем почти отсутствовала магнезия, что являлось заметным преимуществом при эксплуатации вращательных печей и сопутствующем удешевлении продукции [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 395, л. 10].

3.2. Учреждение Акционерного общества соединенных портландцементных заводов «Железо-Цемент» и «Вольского» Д. Б. Зейферта

К крайнему разочарованию Козловского, руководство Товарищества и крупнейшие пайщики не поддержали его идею. Последние полагали необходимым инвестировать в развитие восточного направления операций, тем более что результаты работы вольского предприятия внушали оптимизм. В 1909 году при занятых здесь 630 рабочих объемы производства достигли 1,220 млн руб. [Варзар, 1912, с. 304] в сложившейся ситуации Козловский принял решение о выходе из состава акционеров и членов правления. Другим его принципиальным и по своему новаторским шагом стала публикация летом 1910 года брошюры, в которой подробно объяснялась необходимость открытия в столице крупного цементного предприятия [Козловский, 1910]. Издание было рассчитано в первую очередь на заинтересованные стороны, ориентирующиеся на развитие строительного дела в городе. Одним из ключевых стало предложение Козловского сделать ставку на мокрый способ производства, позволявший повысить качество изготовляемого цемента.

Брошюра вызвала интерес у председателя правления Петербургского частного коммерческого банка (далее ПКЧБ) А. А. Давидова. Он был од-

CC BY

ной из самых известных фигур в мире крупного капитала [Боханов, 1992, с. 231]. В значительной мере этот интерес был обусловлен событиями, происходившими на юге России. В 1908—1910 годах в причерноморском регионе петербургский Азовско-Донской банк образовал вокруг Донецкого цементного завода группу цементных предприятий (Общества «Цепь», «Порт-Кунда», Черноморского цементного завода), что позволило ему диктовать свои условия местному отраслевому синдикату — Обществу соединенных цементных заводов [Бовыкин, 2001, с. 177].

В конце лета 1910 года прошли переговоры между Н. А. Козловским и руководством ПЧКБ об условиях дальнейшего сотрудничества. 20 октября достигнуто соглашение о постройке завода на юге столицы (за Нарвской заставой, на Тентелевской улице) производительностью не менее 29,6 тыс. т цемента в год. Для возведения предприятия 1 декабря 1910 года было создано акционерное общество «Железо-Цемент» с уставным капиталом 750 тыс. руб. Учредителем фирмы выступили Козловский и нанятый им для решения юридических вопросов присяжный поверенный П. И. Полетика [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 393, л. 1–3]. Открытие компании подтверждало возросшие в период экономического подъема в начале 1910-х годов возможности российского рынка капиталов: увеличение массы свободных капиталов, с одной стороны, и рост популярности акционерной формы предпринимательства — с другой [Шепелев, 2006, с. 275].

По личной просьбе Н. А. Козловского в число акционеров приглашается Ф. Э. Плеске (оба избраны в состав правления). Крупнейшими собственниками стали представители ПКЧБ Н. А. Смирнов (он же вошел в правление), В. К. Келер, П. С. Шульман и Е. О. Озолинг, деятели уральской горнозаводской промышленности М. М. Гусарский, А. П. Мещерский и С. И. Литтауэр (последние двое вошли в состав правления), а также служащий Петербургской конторы Государственного банка И. В. Еремин. Среди этих лиц Козловский был единственным специалистом, многие годы занимавшимся организацией цементного производства. Обладая необходимыми компетенциями, он становился самостоятельной заинтересованной стороной в составе собственников фирмы.

8 января 1911 года АО «Железо-Цемент» начало свою деятельность. С этого времени общие собрания акционеров проходили в здании банка на Невском проспекте, дом № 1. В августе последовал выпуск первой партии цемента под маркой «Нева». Впрочем, деловые интересы Н. А. Козловского теперь распространялись гораздо дальше территории Петербурга. Он надеялся реализовать план, ранее отвергнутый владельцами Товарищества глухоозерского портландцемента. Открытие цементного производства в Вольске позволило бы объединить для Общества чрезвычайно важные

CC BY

с точки зрения сбытовых операций Северо-Западный, Поволжский, Уральский, Сибирский и Среднеазиатский регионы. Главный вопрос заключался в наличии инвестиционных возможностей для столь значительного расширения сферы деятельности «Железо-Цемента».

В феврале 1912 года по согласованию с Н. А. Козловским уставной капитал Общества был увеличен в два раза, до 1,5 млн руб. Крупнейшими собственниками стали Козловский и Н. А. Смирнов (им принадлежало по 450 акций), по 300 акций имели А. А. Давидов, К. А. Минаев (директор Товарищества «Магнезит») и И. Г. Кольсгорн (владелец столичной электротехнической конторы), более чем по 100 акций — представители ПЧКБ В. К. Келер (член наблюдательного совета банка), А. Г. Вебер, Ю. Ю. Буш (оба вице-директоры) и Я. Я. Лабгардт (главный бухгалтер), а также член Совета Государственного банка Л. С. Биркин и балетмейстер И. Ф. Ксешинский [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 395, л. 102—103].

В апреле 1912 года в соответствии с предложенным Н. А. Козловским планом технико-технологической модернизации принимается решение об установке второй вращательной печи, которая позволяла увеличить производительность петербургского завода до 59 тыс. т цемента [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 395, л. 76]. По итогам первого операционного года (1912 год) рентабельность уставного капитала составила 9,5 %, активов — 7 %. В дивиденд направлено 90 тыс. руб., или 6 % на уставной капитал [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 395, л. 90—93]. Интересной выглядела результативность функционирования компании, из руководства которой ранее вышел Н. А. Козловский. Рентабельность уставного капитала Товарищества по производству глухоозерского портландцемента (по-прежнему содержало одно предприятие в Вольске) выросла в 1912 году до 22,2 %, активов — до 16 %. Дивидендные выплаты составили 25 % [РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 220, л. 15—17]. Учитывая, что «Железо-Цемент» функционировал только второй год, потенциал этой компании представлялся обнадеживающим.

В условиях, когда перспективы деятельности «Железо-Цемента» выглядели более чем благоприятными, Козловский приступил к поискам делового партнера в Вольске. Выбор пал на потомственного почетного гражданина Д. Б. Зейферта, немца по происхождению, состоявшего владельцем местного цементного завода. Предприятие было открыто в 1900 году купцом М. Ф. Плигиным и уже в октябре 1901 года продано Д. Б. Зейферту. По словам последнего, в руководстве у него вышла «заминка», повлекшая в 1902 году учреждение по делам завода администрации. С введением в ее состав сына владельца — А. Д. Зейферта — производственная деятельность активизировалась. Если в 1902 году было поставлено около 14 тыс. т, то в 1911 году — 43,3 тыс. т цемента. В 1911 году, по мнению

CC BY

Д. Б. Зейферта, предприятие продолжало динамично развиваться. Продукция поставлялась в различные регионы, в том числе, наряду с вольским заводом Товарищества по производству глухоозерского портландцемента, для удовлетворения строительных потребностей Западной Сибири [Мещеряков, 1929, с. 2]. Вместе с тем в этом же году за Зейфертами сохранялись долги на сумму в 1,8 млн руб. Завод испытывал острейшую нужду в оборотных средствах [РГИА, ф. 630, оп. 2, д. 693, л. 60—64].

8 ноября 1912 года Д. Б. Зейферт обратился к председателю правления Русско-Азиатского банка А. И. Путилову с просьбой о финансовой поддержке в размере 1,5 млн руб. В случае положительного решения были обещаны рекордные прибыли и скорые выплаты по кредиту. Спустя два дня Саратовское отделение банка получило от Путилова распоряжение оформить предприятию кредит в 400 тыс. руб. Однако данный вариант не вызвал положительной реакции у Зейферта, надеявшегося на более щедрую поддержку. И именно в такой ситуации ему последовало предложение от ПЧКБ, резко изменившее направленность развития производств в Петербурге и Вольске. Вместе с тем это же предложение, как покажут последующие события, станет роковым в деловой карьере самого Козловского.

Н. А. Козловский, ориентируясь на посреднические услуги ПЧКБ, заявил о готовности «Железо-Цемента» приобрести предприятие с условием предоставления Зейфертами мест в составе собственников и членов правления. В ходе дальнейших переговоров было решено, что Общество выделит значительные средства (прежде всего за счет кредитов банка) для технико-технологического обновления цементного дела в Вольске. Кроме того, предполагалось осуществить дополнительную эмиссию в размере 5,5 млн руб. Из 55 тыс. сторублевых акций 40 тыс. пойдут в оплату отцу и сыну (из них 30 тыс. «блокировались» банком до завершения расчетов по долгам предприятия) и еще 1,5 млн руб. оба родственника получат наличными деньгами для выплат по долгам. За собой ПЧКБ закреплял право на приобретение 5,5 тыс. акций.

4 декабря 1912 года Д. Б. Зейферт известил А. И. Путилова о своей готовности аннулировать прежнюю договоренность в случае реализации сделки с «Железо-Цементом». В тот же день глава ПЧКБ А. А. Давидов сообщил А. И. Путилову о наличии контрактов, которыми он «покончил» с Д. Б. Зейфертом, а также о желании в целом, «конечно, как можно скорее кончить» дело с вольским заводом. 7 декабря вопрос был окончательно решен: Русско-Азиатский банк сообщил Д. Б. Зейферту о своем согласии отказаться от возможных претензий в случае изменения условий договора [РГИА, ф. 630, оп. 2, д. 695, л. 1—2, 4]. Вместе с тем Путилов решил сохранить свое присутствие в числе кредиторов фирмы. С этой позицией

CC BY

полностью согласилось руководство саратовского отделения банка. Пояснялось, что финансовая «проводка такого крупного для нашей местности предприятия значительно повысит здешний престиж нашего Учреждения» [РГИА, ф. 630, оп. 2, д. 694, л. 71].

3.3. Н. А. Козловский и перспективы функционирования компании накануне и в годы Первой мировой войны

Согласование позиций заинтересованных сторон было завершено на двух собраниях собственников — 22 января и 26 марта 1913 года. Вслед за объединением компания стала именоваться Акционерное общество соединенных портландцементных заводов «Железо-Цемент» и «Вольского» Д. Б. Зейферта (далее Общество). Одновременно последовало обновление состава правления. Его членами стали, помимо Н. А. Козловского и Н. А. Смирнова (как представителей ПКЧБ), А. Е. Думлер (по совместительству директор Товарищества Чудовского цементного завода), Е. А. Бихнер («независимый» акционер), Д. Б. и А. Д. Зейферты. Козловскому поручили возглавить комиссию по оценке и приемке заводского имущества Зейфертов, а также координировать работу с новым деловым партнером — Товариществом Чудовского цементного завода. Одновременно было подтверждено намерение значительно расширить и модернизировать петербургское и вольское предприятия. С этой целью А. А. Давидов заявил о готовности ПЧКБ предоставить кредиты, а также содействовать запланированному увеличению уставного капитала до 7 млн руб.

Результаты дополнительной эмиссии продемонстрировали заметные изменения в структуре заинтересованных сторон. К общему собранию Общества 2 мая 1913 года из представленных 58 301 акций большинство (43 500) принадлежало узкому кругу мажоритариев: 4 физическим лицам, которые владели от 6 до 7 тыс. акций, а также трем банкам — Петербургскому частному коммерческому, Русско-Азиатскому и Русскому торгово-промышленному (каждому из них принадлежало по 5,5 тыс. акций) [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 395, л. 126—128]. Д. Б. Зейферт с заявленными 2 050 акциями оказался в позиции пассивного участника обсуждаемых вопросов. На собрании был поддержан план Н. А. Козловского, предполагавший инвестиции в масштабное технико-технологическое обновление цементных предприятий, в том числе партнерского Товарищества Чудовского завода. Уже в 1912 году с каждой бочки вольского цемента последовала прибыль в 1 руб. 15 коп., в то время как пятью годами ранее она едва превысила 76 коп. [РГИА, ф. 630, оп. 2, д. 693, л. 62].

По итогам 1913 года Обществу удалось увеличить выпуск цемента на вольском заводе со 114,8 до 196,8 тыс. т, петербургском — с 49,2 до 123 тыс. т [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 393, л. 161]. К этому времени, по дан-

CC BY

ным И. Ф. Гиндина, ПЧКБ вошел в число собственников Товарищества по производству глухоозерского портландцемента [Гиндин, 1997, с. 179] (компания готовилась к открытию еще одного предприятия — при станции Амвросиевка на Донбассе). Активное коммерческое и казенное строительство в России выступало основным стимулом для роста интереса к цементному бизнесу. При этом восточное направление поставок (Поволжье, Урал, Сибирь, Средняя Азия) приобретало ключевое значение для развития операций Общества и соответствующего повышения дивидендных выплат. По результатам года рентабельность уставного капитала выросла до 16,3 %, активов — до 9,5 %. Дивидендные выплаты составили 8,5 %. Еще 79 837 руб. были начислены членам правления в качестве премиальных [РГИА, ф. 23, оп. 28, д. 761, л. 9]. Данные по дивидендам других акционерных компаний, содержавших заводы в Вольске, выглядели менее впечатляющими: Общество «Ассерин» — 6 %, Товарищество по производству глухоозерского портландцемента — не выдавался, Саратовское акционерное общество по производству портландцемента (учреждено в 1913 году) — не выдавался [Акционерно-паевые …, 1915, с. 386—387, 391].

Казалось, что для Н. А. Козловского ситуация складывалась благополучная. Принадлежавшие ему 900 акций принесли доход в 7 650 руб. Однако перспективы функционирования компании все более приходили в противоречие с его планами. Главная проблема заключалась в быстром увеличении расходов — до 2,9 млн руб. — при одновременном росте кредиторской задолженности до 2 млн руб. Основной причиной ухудшающегося финансового положения Козловский считал сохранявшиеся долги вольского завода с сопутствующими выплатами высоких процентов. Первым шагом к решению этой проблемы могло стать сосредоточение руководства обоими предприятиями в его руках, а также скорейшая реализация акций Зейфертов. Вместе с тем для увеличения оборотных средств он предложил осуществить дополнительную эмиссию в размере 3 млн руб. [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 393, л. 163].

Заявленный план вызвал неприятие со стороны ряда акционеров, видевших в Зейфертах опытных специалистов в цементном деле. На общем собрании 2 мая 1913 года Н. А. Козловский не был переизбран членом правления. Пост председателя правления получил Д. Б. Зейферт, в число членов введены его сын, а также Н. А. Смирнов, А. Е. Думлер, В. К. Келер и Д. А. Топуридзе. Обновленным составом руководства был взят курс на дальнейшее увеличение кредитных заимствований. С 1 апреля 1913 года по 1 октября 1914 года затраты на расширение и модернизацию петербургского предприятия выросли до 1,242 млн руб., вольского — 1,139 млн руб. В этот же период общий долг компании достиг 4,139 млн руб., в том числе

CC BY

ПЧКБ — 2,287 млн руб. [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 395, л. 153—154, 156]. С началом Первой мировой войны рост долговой нагрузки сопровождался резким увеличением расходов и сокращением прибыльности [Отчет …, 1915, с. 1—6]. Выпуск цемента в Вольске снизился до 85,6 тыс. т, в Петербурге — до 41,7 тыс. т. По итогам 1914 года чистая прибыль едва превысила 59 тыс. руб. (в 1913 году составила 1,1 млн руб.) [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 393, л. 167]. В этих условиях выплаты дивидендов были прекращены. Ухудшение материального положения оказалось особенно чувствительным для Козловского, имевшего на выданье двух дочерей.

К весне 1915 года Обществу так и не удалось наладить контрактные отношения с правительством, выступавшим в годы войны приоритетной для бизнеса заинтересованной стороной (в это же время договор с казной на поставку цемента подписала компания «Ассерин»). Попытки найти дополнительные способы увеличение продаж за счет частной клиентуры также не дали должного эффекта. По своему ожидаемым стало решение Зейфертов вернуться к сотрудничеству с Н. А. Козловским. На собрании акционеров 31 мая он вновь избирается членом правления [Отчет …, 1916, с. 1]. Но этот маневр не изменил общей сложной ситуации. Результаты 1915 года показали падение прибыли до 3,9 тыс. руб. при долгах, выросших до 5,287 млн руб. Объемы цементного производства в Вольске снизились до 57,4 тыс. т, Петербурге — до 16,4 тыс. т [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 395, л. 229]. Члены правления считали трудности временными, а рост кредиторской задолженности оправданным с точки зрения перспектив развития цементного производства, в том числе в кооперации с заводом в Чудове. В свою очередь по итогам инспекции, проведенной руководством ПКЧБ, был сделан вывод о низком качестве работы правления и неоправданном завышении расходов на его содержание (с 1913 по 1915 годы с 67 они возросли до 164 тыс. руб.) [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 395, л. 237]. Подобная оценка вызвала негативную реакцию со стороны руководства фирмы. Принимается решение отказаться от заседаний правления в банке, арендовав помещение на улице Гоголя, дом 9.

Сложности в отношениях между компанией и банком еще более обострились после отказа правления созвать очередное собрание акционеров 31 мая 1916 года. В новую дату, 20 июня, собрание, как поясняли в банке, также было «незаконно отложено» [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 395, л. 237]. Нежелание общаться с банком как крупнейшим кредитором все более приобретало скандальный характер. Примечательно, что в опубликованном докладе правления за 1915 год ни словом не упоминалось о громадных долгах Общества. Главными причинами трудностей, имевшихся у компании в военное время, назывались критическое положение цементной про-

CC BY

мышленности из-за «расстройства» транспортного сообщения и сокращения объемов поставляемого угля. Кроме того, следовала ссылка на резкое подорожание сырья и материалов, а также заметный рост зарплат в связи с сокращением числа рабочих [Доклад …, 1916, с. 1].

До конца августа 1916 года руководство компании отказывалось обсуждать с заинтересованными сторонами перспективы решения возникших проблем. В конце лета подобное поведение объяснялось попытками Д. Б. Зейферта обрести на стороне крупного инвестора, способного договориться с ПЧКБ о приобретении блокированного пакета акций в счет погашения долгов по заводу в Вольске. Однако достигнутое соглашение с графом С. С. Грохольским сорвалось в связи с тем, что он требовал ключевых позиций в составе руководства. Речь шла о назначении графа председателем правления, а также избрании на должности директоров трех его представителей [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 404, л. 18, 27].

В сентябре — октябре 1916 года прошла серия встреч между Д. Б. Зейфертом и рядом заинтересованных сторон (ПЧКБ, представители влиятельных деловых кругов столицы), на которые Н. А. Козловского не пригласили. В соответствии с достигнутой договоренностью акции Зейферта были переданы директору Товарищества Чудовского цементного завода И. Г. Шульбаху. Вслед за этим весь пакет перешел к двум лицам: председателю правления 3-го Петроградского Общества взаимного кредита М. С. Залшупину (он же член наблюдательного совета ПЧКБ) и художнику-архитектору П. П. Светлицкому («независимый» акционер Общества) [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 404, л. 70].

В октябре процесс распределения между заинтересованными сторонами 34 266 акций был завершен. На общем собрании 1 ноября 1916 года состав собственников свидетельствовал о возвращении банку контроля над компанией. ПЧКБ приобрел крупнейший пакет в 7 тыс. акций, по 6 тыс. перешли к М. С. Залшупину, его родственнику А. В. Залшупину, товарищу председателя правления банка В. В. Маркозову (по совместительству председатель наблюдательного совета 3-го Петроградского Общества взаимного кредита) и члену наблюдательного совета банка Л. Б. Немировскому (одновременно состоял в руководстве Воронежского коммерческого банка и нескольких промышленных и транспортных фирм), а также гражданскому инженеру Е. И. Гонцкевичу (подрядчик строительных работ). Кроме того, в число крупных собственников (владельцы от 1 до 4 тыс. акций) вошли вице-директор ПЧКБ Я. Я. Лабгардт, член правления Акционерного общества металлургических, механических и судостроительных заводов А. Ф. Марков и председатель наблюдательного совета Русского для внешней торговли банка В. И. Тимирязев [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 395, л. 245].

CC BY

Вместо Д. Б. Зейферта в состав правления был избран его сын, а также представители ПЧКБ А. Е. Думлер (оба входили также в руководство Товарищества Чудовского цементного завода), В. В. Маркозов, Н. Н. Закутин и В. К. Келер. Но самым примечательным явилось избрание председателем правления гражданского инженера Л. П. Шишко. К тому времени он был известен популяризацией пористых цементно-известковых растворов. Этот материал рекламировался как более прочный по своим связующим характеристикам и обеспечивавший быструю просушку стен и естественную вентиляцию [Золотарева и др., 2021, с. 526]. Занятие Шишко высшего поста сопровождалось лишением Н. А. Козловского членства в правлении и утратой им статуса руководителя технологического направления деятельности фирмы. Впрочем, каких-либо публичных претензий к его деятельности со стороны ПЧКБ не было высказано.

На собрании акционеров В. В. Маркозов откровенно пояснил, что проблемы компании крылись прежде всего в выросшей в годы войны задолженности перед банками. Проценты поглощали всю прибыль и в конечном счете вели к увеличению себестоимости продукции. Кроме того, требовалось в кратчайшие сроки решить проблему с ограниченностью оборотных средств. Единственным средством выхода из сложной ситуации докладчик считал увеличение уставного капитала (в прежние годы этой точки зрения придерживался Н. А. Козловский). Такой ход покрыл бы все долги, в том числе ПЧКБ в размере 3,3 млн руб. [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 395, л. 250]. Однако предложение Маркозова не нашло поддержки со стороны большинства собственников, обеспокоенных перспективой размывания акционерного капитала. Примечательно, что прежние усилия Козловского, направленные на совершенствование технологических процессов (в том числе с использованием вращательных печей), не были отмечены на собрании. Результаты этих усилий позволили в 1916 году заметно повысить производительность заводов при сопутствующем росте прибыли до 332,8 тыс. руб.

В январе — феврале 1917 года члены правления занимались поиском крупных инвесторов. В это время задолженность Общества перед ПЧКБ достигла 6 млн руб. На фоне развернувшихся в стране революционных потрясений перспективы деятельности компании требовали неординарных решений. В апреле 1917 года после «личных переговоров» заинтересованных сторон удалось реструктурировать кредиторскую задолженность, снизив ее до 2 млн руб. Кроме того, была достигнута договоренность о продолжении переговоров по поводу участия столичных банков в дополнительной эмиссии. Предполагалось увеличить уставной капитал с 7 до 12 млн руб. [РГИА, ф. 597, оп. 2, д. 393, л. 178]. Однако дальнейшее обо-

CC BY

стрение внутреннего положения в России поставило точку в попытках вернуть фирму в число лидеров отечественной цементной промышленности.

4. Заключение = Conclusions

В начале 1917 года основной проблемой для Общества оставалась организация надежного доступа к банковскому финансированию. Высокая кредиторская задолженность существенно ограничивала источники привлечения капитала и перспективы наращивания производственных мощностей. Вместе с тем достигнутый уровень согласования позиций заинтересованных сторон свидетельствовал о потенциальных возможностях расширения ресурсной базы компании, способной обеспечить рост поставок цемента в различные регионы страны. При благоприятных хозяйственных и социально-политических условиях поддержка ПЧКБ могла способствовать дальнейшему укреплению позиций фирмы в отечественной цементной промышленности. Важно подчеркнуть, что новационные изменения в организации производства в значительной мере являлись результатом предшествующей многолетней работы Н. А. Козловского. Данное обстоятельство подтверждало значимость профессиональных компетенций в управлении крупным межрегиональным бизнесом. Однако за все эти годы Козловскому не удалось обрести самостоятельную роль в определении стратегии развития «Железо-Цемента». Высокие профессиональные качества при отсутствии способностей к результативному взаимодействию с влиятельными акционерами так и не стали залогом успешной деловой карьеры. В целом, история фирмы подтверждала важность нахождения баланса во взаимоотношениях ключевых заинтересованных сторон (акционеров, членов правления, кредиторов, деловых партнеров), готовых поддержать технико-технологические и организационные новации в деятельности цементных предприятий. В данном отношении уровень согласования индивидуальных и групповых интересов непосредственно отражался на ресурсном потенциале компании и ее способности обеспечить эффективное функционирование крупного промышленного дела в преддверии и в годы Первой мировой войны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Акционерно-паевые* предприятия России на 1915 год / под общей редакцией И. М. Кованько. — Москва : М. Лавров, 1915. — 679 с.

2. *Варзар В. Е.* Список фабрик и заводов Российской империи / В. Е. Варзар. — Санкт-Петербург : Типография Киршбаума, 1912. — Ч. 1. — 720 с.

CC BY

3. *Доклад* правления Акционерного общества соединенных портландцементных заводов «Железо-Цемент» и Вольского Д. Б. Зейферт обыкновенному общему собранию акционеров названного общества, созванному на 31 мая 1916 г. — Петроград : Виктория, 1916. — 3 с.

4. *Отчет* правления Акционерного общества соединенных портландцементных заводов «Железо-Цемент» и Вольского Д. Б. Зейферт за 1914 год. — Петроград : Виктория, 1915. — 7 с.

5. *Отчет* правления Акционерного общества соединенных портландцементных заводов «Железо-Цемент» и Вольского Д. Б. Зейферт за 1915 год. — Петроград: Виктория, 1916. — 5 с.

6. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 22, Центральные учреждения Министерства финансов по части торговли и промышленности. Оп. 4. Д. 411 ; Ф. 23, Министерство торговли и промышленности. Оп. 14. Д. 220 ; Оп. 24. Д. 294 ; Оп. 28. Д. 761 ; Ф. 588, Петроградская контора Государственного банка Министерства финансов. Оп. 2. Д. 395, 624 ; Ф. 597, Петербургский (Петроградский) частный коммерческий банк. Оп. 2. Д. 393, 395, 404 ; Ф. 630, Русско-Азиатский банк. Оп. 2. Д. 693, 694, 695.

7. *Россия.* 1913 год. Статистико-документальный справочник. — Санкт-Петербург : Блиц, 1995. — 415 с.

8. *Совет* съездов представителей промышленности и торговли. Статистический ежегодник на 1913 год. / под ред. В. И. Шараго. — Санкт-Петербург : Экономия, 1913. — 747 с.

Литература

1. *Барышников М. Н.* Цементное производство в России : заинтересованные стороны и эффективность регионального бизнеса в конце XIX века / М. Н. Барышников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. — 2024. — № 24. — Выпуск 3. — С. 284—293. — DOI: https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-284-293.

2. *Боханов А. Н.* Крупная буржуазия России (конец XIX в. — 1914 г.) / А. Н. Боханов. — Москва : Наука, 1992. — 264 с.

3. *Бовыкин В. И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны / В. И. Бовыкин. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 320 с. — ISBN 5-8243-0228-4.

4. *Варнин Е. Г.* Портланд-цементная промышленность Саратовской губернии / Е. Г. Варнин. — Саратов : Издательство Саратовского губсовнархоза, 1922. — 30 с.

5. *Гиндин И. Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.) / И. Ф. Гиндин // Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. — Москва : Наука, 1997. — 623 с.

6. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.) : Новые подсчеты и оценки / П. Грегори. — Москва : РОССПЭН, 2023. — 256 с. — ISBN 5-8243-0291-X.

7. *Золотарева М. В.* К творческой биографии Льва Петровича Шишко (инженера, архитектора, ученого, педагога) / М. В. Золотарева, А. В. Пономарев // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. — 2021. — Т. 11. — № 3. — С. 520—531. — DOI: 10.21285/2227-2917-2021-3-520-531.

8. *Клейн Н. Л.* Экономическое развитие Поволжья в конце XIX — начале XX века / Н. Л. Клейн. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1981. — 199 с.

CC BY

9. *Козловский Н. А.* Проект устройства цементного завода в Санкт-Петербурге / Н. А. Козловский. — Санкт-Петербург : Типография Товарищества Андерсона и Лойцянского, 1910. — 13 с.

10. *Литвинова И. Н.* Новые формы предпринимательства в Саратовской губернии начала XX в. и их организаторы / И. Н. Литвинова // Манускрипт. — 2016. — № 8. — С. 126—129.

11. *Мещеряков М. И.* Портланд-цементы в строительной практике западной Сибири / М. И. Мещеряков. — Томск : [б. и.], 1929. — 24 с.

12. *Озеров И. Х.* О приемах изучения финансовой науки / И. Х. Озеров. — Москва : типолитография Товарищества И. Н. Кушнеров и К°, 1903. — 30 с.

13. *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России : XIX — начало XX века / Л. Е. Шепелев. — Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. — 604 с. — ISBN 5-288-04152-0.

14. *Barney J. B.* Why resource-based theory's model of profit appropriation must incorporate a stakeholder Perspective / J. B. Barney // Strategic Management Journal. — 2018. — Vol. 39 (13). — Pp. 3305—3325. — DOI: 10.1002/smj.2949.

15. *Freeman R. E.* Tensions in stakeholder theory / R. E. Freeman, R. Phillips, R. Sisodia // Business and Society. — 2020. — Vol. 59. — № 2. — Pp. 213—231. — DOI: 10.1177/0007650318773750.

Статья поступила в редакцию 03.11.2024,
одобрена после рецензирования 09.12.2024,
подготовлена к публикации 16.03.2025.

Material resources

Kovanko, I. M. (1915). *Joint-stock and unit enterprises of Russia for 1915.* Moscow: M. Lavrov. 679 p. (In Russ.).

Report of the Board of the Joint-Stock Company of the United Portland Cement Plants "Iron—Cement" and Volsky D. B. Seifert to the ordinary general meeting of shareholders of the named company, convened on May 31, 1916. (1916). Petrograd: Tipografiya Viktoria. 3 p. (In Russ.).

Report of the Board of the Joint-Stock Company of the United Portland Cement Plants "Iron-Cement" and Volsky D. B. Seifert for 1914. (1915). Petrograd: Victoria Printing House. 7 p. (In Russ.).

Report of the Board of the Joint-Stock Company of the United Portland Cement Plants "Iron-Cement" and Volsky D. B. Seifert for 1915. (1916). Petrograd: Victoria Printing House. 5 p. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 22, Central institutions of the Ministry of Finance for Trade and Industry. Op. 4. D. 411; F. 23, Ministry of Trade and Industry.* (In Russ.).

Russia. The year is 1913. Statistical and documentary reference book. (1995). St. Petersburg: Blitz. 415 p. (In Russ.).

Sharago, V. I. (ed.). *The Council of Congresses of representatives of industry and Trade. Statistical yearbook for 1913.* St. Petersburg: Economy Printing House. 747 p. (In Russ.).

Varzar, V. E. (1912). *List of factories and plants of the Russian Empire, 1.* St. Petersburg: Kirshbaum Printing House. 720 p. (In Russ.).

CC BY

References

Barney, J. B. (2018). Why resource-based theory's model of profit appropriation must incorporate a stakeholder Perspective. *Strategic Management Journal, 39 (13):* 3305—3325. — DOI: 10.1002/smj.2949.

Baryshnikov, M. N. (2024). Cement production in Russia: stakeholders and the effectiveness of regional business at the end of the 19th century. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: History. International relations, 24 (3):* 284—293. DOI: https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-284-293. (In Russ.).

Bokhanov, A. N. (1992). *The big bourgeoisie of Russia (the end of the XIX century — 1914).* Moscow: Nauka Publ. 264 p. (In Russ.).

Bovykin, V. I. (2001). *Financial capital in Russia on the eve of the First World War.* Moscow: ROSSPEN. 320 p. ISBN 5-8243-0228-4. (In Russ.).

Freeman, R. E., Phillips, R., Sisodia, R. (2020). Tensions in stakeholder theory. *Business and Society, 59 (2):* 213—231. DOI: 10.1177/0007650318773750.

Gindin, I. F. (1997). Banks and economic policy in Russia (XIX — early XX century). In: *Selected works. Essays on the history and typology of Russian banks.* Moscow: Nauka Publ. 623 p. (In Russ.).

Gregory, P. (2023). *Economic growth of the Russian Empire (late XIX — early XX century): New calculations and estimates.* Moscow: ROSSPEN. 256 p. ISBN 5-8243-0291-X. (In Russ.).

Klein, N. L. (1981). *Economic development of the Volga region in the late nineteenth and early twentieth centuries.* Saratov: Saratov University Press. 199 p. (In Russ.).

Kozlovsky, N. A. (1910). *A project for the construction of a cement plant in St. Petersburg.* St. Petersburg: Printing House of the Anderson and Loitsyansky Partnership. 13 p. (In Russ.).

Litvinova, I. N. (2016). New forms of entrepreneurship in the Saratov province of the early twentieth century and their organizers. *Manuscript, 8:* 126—129. (In Russ.).

Meshcheryakov, M. I. (1929). *Portland cements in the construction practice of Western Siberia.* Tomsk: [b. i.]. 24 p. (In Russ.).

Ozerov, I. H. (1903). *On the methods of studying financial science.* Moscow: Typolithography of the I. N. Kushnenev and Co. Partnership. 30 p. (In Russ.).

Shepelev, L. E. (2006). *Joint-stock companies in Russia: XIX — early XX century.* Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg State University. 604 p. ISBN 5-288-04152-0. (In Russ.).

Varnin, E. G. (1922). *Portland-cement industry of the Saratov province.* Saratov: Publishing House of the Saratov Gubernatorial Farm. 30 p. (In Russ.).

Zolotareva, M. V., Ponomarev, A. V. (2021). On the creative biography of Lev Petrovich Shishko (engineer, architect, scientist, teacher). *Izvestiya vuzov. Investment. Construction. Realty, 11 (3):* 520—531. DOI: 10.21285/2227-2917-2021-3-520-531. (In Russ.).

The article was submitted 03.11.2024;
approved after reviewing 09.12.2024;
accepted for publication 16.03.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Бурнашева Н. И. Проекты начала XX века по строительству транспортных магистралей к богатствам недр Якутии / Н. И. Бурнашева, И. И. Ковлеков // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 405—422. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-405-422.

Burnasheva, N. I., Kovlekov, I. I. (2025). Early 20th Century Projects for Construction of Transportation Corridors to Rich Mineral Resources of Yakutia. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 405-422. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-405-422. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Проекты начала XX века по строительству транспортных магистралей к богатствам недр Якутии

Бурнашева Наталия Ивановна [1]
orcid.org/0000-0002-7045-8717
доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории,
корреспондирующий автор
n_burnasheva@mail.ru

Ковлеков Иван Иванович [2]
orcid.org/0000-0002-5121-8240
доктор технических наук,
профессор кафедры горного дела
Kovlekov@mail.ru

[1] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия)

[2] Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

Early 20th Century Projects for Construction of Transportation Corridors to Rich Mineral Resources of Yakutia

Natalia I. Burnasheva [1]
orcid.org/0000-0002-7045-8717
Doctor of History, chief research scientist,
Department of History,
corresponding author
n_burnasheva@mail.ru

Ivan I. Kovlekov [2]
orcid.org/0000-0002-5121-8240
Doctor of Technicaly,
Professor of the Department of Mining
Kovlekov@mail.ru

[1] The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

[2] M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia)

© Бурнашева Н. И., Ковлеков И. И., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведен анализ проектов начала XX века по строительству железной дороги и путей выхода Якутии к Сибирской железнодорожной магистрали. Историческими источниками для исследования послужили документы Российского государственного архива экономики и статьи, опубликованные в периодической печати в 1912 и 1925 году. На основе изучения источников установлено, что первым проектом железнодорожного сообщения, планировавшим в большей своей части пройти по территории Якутии, выступил проект французского подданного Лойк де Лобеля по строительству дороги Транс-Аляска-Сибирь, представленный правительству России в 1902—1907 годах. Подчеркивается, что в результате ряда правительственных обсуждений проект Лойк де Лобеля был отклонен по причинам нежелательности освоения природных и недровых богатств российской окраины за счет иностранных капиталов. Сделан вывод о том, что для Якутской области проект Лойк де Лобеля послужил поводом для начала разработки проектов развития дорожного сообщения, соединяющего край с Сибирской железнодорожной магистралью. В целом обнародование и обсуждение проектов строительства путей сообщения в начале XX века имело положительное значение для экономического развития окраин России.

Ключевые слова:
проект Лойк де Лобеля; магистраль Транс-Аляска-Сибирь; Берингов пролив; Сибирская железнодорожная магистраль; Якутия; Ленская железная дорога; золотодобыча.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents an analysis of early 20th-century projects aimed at constructing a railway and establishing transportation routes connecting Yakutia to the Siberian railway network. The historical sources for this research include documents from the Russian State Archive of Economics and articles published in periodicals in 1912 and 1925. The study reveals that the first railway project predominantly planned to traverse Yakutia was proposed by French national Loïc de Lobel, who envisioned the Trans-Alaska-Siberia route between 1902 and 1907. It is emphasized that, following a series of government discussions, de Lobel's proposal was ultimately rejected due to concerns about the undesirable exploitation of the region's natural and mineral resources by foreign capital. The findings indicate that de Lobel's project served as a catalyst for initiating the development of transportation projects intended to connect Yakutia with the Siberian railway. Overall, the public announcement and discussion of transportation construction projects in the early 20th century played a positive role in the economic development of Russia's peripheral regions.

Key words:
Loïc de Lobel project; Trans-Alaska-Siberia corridor; Bering Strait; Siberian railway; Yakutia; Lena Railway; gold mining.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:339.166.2(470)”192”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-405-422

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Проекты начала XX века по строительству транспортных магистралей к богатствам недр Якутии

© Бурнашева Н. И., Ковлеков И. И., 2025

1. Введение = Introduction

На каждом этапе исторического развития вопросы освоения территорий ставятся и рассматриваются с новых ракурсов и точек зрения на экономические возможности государства и уровень его научно-технического потенциала. Поэтому современный взгляд на историческое прошлое страны, попытка объяснить многие события и явления с высоты пройденных десятилетий могут оказаться полезными в понимании современных проблем общества. Вопросы освоения природных богатств восточных территорий России и сегодня остаются важными для социально-экономического развития страны, актуальны для научного изучения и выстраивания новых стратегий хозяйственного роста. Разнообразные планы и проекты освоения природных ресурсов России, предлагаемые царскому правительству в XIX — начале XX веков, являлись важной частью процесса выработки политики государства по отношению к восточным территориям страны [Тимошенко, 2008]. Во главу угла данной политики ставилось строительство путей сообщения, в первую очередь железнодорожных, что исходило из аксиоматического заключения о том, что «география транспортного освоения какого-либо региона почти всегда совпадает с географией его хозяйственного развития, а дороги, проложенные в новые места, способствуют их обживанию и росту экономики» [Ламин и др., 2012, с. 37; Тимошенко, 2000]. В связи с этим немалый интерес для России представляли и проекты иностранных держав, предлагавшие в начале XX века помощь и поддержку в виде инвестиций и концессий в строительство дорог. Вместе с тем, согласно мнению исследователей, чаще всего суть таких проектов имела захватнический характер. Истинные корни экспансионистской политики США в отношении восточных территорий России в 50—70-е годы XIX века были подробно раскрыты еще в разгар «холодной войны» советским историком А. Л. Нарочницким [Нарочницкий, 1953]. В постсоветский период главное содержание международных отношений на Дальнем Востоке второй половины XIX века виделось в борьбе за колонии. Для США основным средством экспансии на

CC BY

Дальний Запад и Азиатский Восток в данный период стало строительство железных дорог. Так, В. Ф. Борзуновым, автором книги «Транссибирская магистраль в мировой политике великих держав» (2001), предложенный в начале XX века западными странами России проект Лойк де Лобеля рассматривается как попытка во что бы то ни стало получить концессию на строительство дороги Транс-Аляска-Сибирь для захвата русских дальневосточных богатств и подготовки к отторжению от России Северо-Восточной Сибири [Борзунов, 2001, с. 6—7, 41].

Современными исследователями значительное число научных исследований посвящено оценке политики западных стран в отношении проектов строительства сибирских дорог и их роли в экономическом развитии России начала XX века. Основное внимание в них уделено истории разработки и внедрения иностранных проектов железнодорожного строительства на Дальнем Востоке [Вивдыч, 2011; Рэйнбоу, 2011]. Ряд исследований посвящен развернувшемуся в начале XX века в России процессу обсуждения проектов, а также изучению отношения различных слоев общества к иностранным проектам [Орлов, 2019; Владимирски и др., 2020]. Исследователями рассматриваются также и вопросы транспортного освоения северо-восточных окраин России, например, в статье В. А. Ламина и А. И. Тимошенко впервые приводятся сведения о планах российского правительства, обсуждаемых в 1915—1917 годах, которые касались перенесения центра тяжести в железнодорожном строительстве на север и восток, в частности в Сибирь [Ламин и др., 2012, с. 39—40]. На сегодняшний день имеется ряд работ, освещающих историю инициатив по вопросу строительства путей сообщения в северо-восточной окраине России — Якутской области, поиска решений наиболее острых проблем соединения края с Сибирской железнодорожной магистралью, а также возведения Ленской железной дороги [Попов, 1998; Дамешек и др., 2021]. Предлагаемая вниманию читателей статья имеет целью рассмотрение проектов строительства железной дороги, проходящей по территории Якутии, а также проектов начала XX века, касающихся путей присоединения области к железнодорожному сообщению Сибири. В статье впервые предпринята попытка исследования вопросов соединения Якутской области с Транссибирской магистралью с привлечением документов РГАЭ (фонд 4372), а также материалов периодической печати Якутской области.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным историческим источником для исследования проблемы строительства железнодорожной магистрали Транс-Аляска-Сибирь, предложенного французским подданным Лойк де Лобелем, явился документ из

CC BY

фонда 4372 Российского государственного архива экономики [РГАЭ]. Он представляет собой «Записку по проекту Лойк де Лобеля о сооружении железнодорожной линии Аляска-Сибирь» подписанный Министром торговли и промышленности В. Тимирязевым 15 ноября 1905 года. В документе представлен подробный обзор целей и требований, вошедших в проект, а также изложено мнение Особого совещания по данному проекту. Сведения, приведенные в документе, позволили рассмотреть трассировку железнодорожного строительства с точки зрения учета особенностей экономики, уровня развития хозяйства Якутской области, сложных климатических условий и технических возможностей того времени. На основе этого авторы ставили себе задачу оценки возможности практической реализации предложенного проекта.

Для исследования темы, помимо документов архива, были привлечены материалы периодической печати Якутской области и Якутской АССР, касающиеся характеристики состояния путей сообщения в крае в начале XX века. В них в достаточной мере отразилось отношение к проекту Лойк де Лобеля со стороны действующего Гражданского губернатора, областной администрации, городских властей и местных общественных сил, проявилась искренняя заинтересованность якутян в строительстве дорог. На страницах периодической печати Якутской области получили освещение проводившиеся мероприятия по обсуждению проекта, результатом которых стало принятие конкретных решений по организационным вопросам строительства дорожного сообщения, соединяющего область с основными транспортными магистралями Сибири и Дальнего Востока. При изучении и анализе документальных источников были использованы общенаучные методы исследования (системный, структурно-функциональный, сравнительный и др.), применялись методы, используемые в социальных науках, в том числе учитывались принципы историзма, объективности, хронологической последовательности, метод статистического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Строительство Великого Сибирского железнодорожного пути: основные цели и задачи

Решение о строительстве Великого Сибирского железнодорожного пути, первоначально принятое с целью достижения стратегических и геополитических задач, в ходе более детального обсуждения условий его реализации, сменилось замыслами, основанными на экономических и торговых соображениях. В 1890 году на одном из заседаний Особого совещания, обсуждавшем вопросы сооружения Сибирского железнодорожного пути, целесообразность его строительства рассматривалась уже не просто с точки зрения превращения Сибири в рынок сбыта готовой продукции из Европей-

CC BY

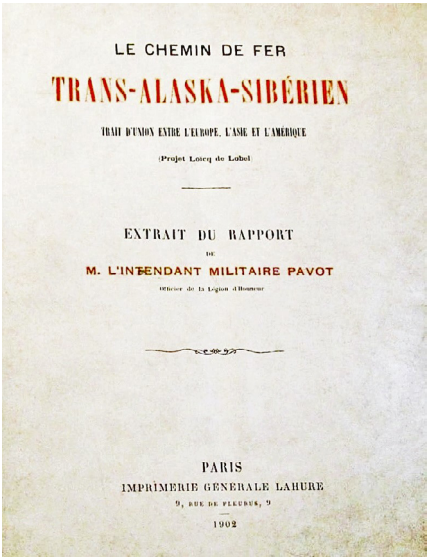
ской России, а с позиций предоставления Сибири уникальной возможности пойти по пути «правильного экономического развития», посредством которого в перспективе Россия могла бы «черпать новые источники для своего развития и богатства» [Сибирь ..., 1896, с. 259]. Строительство железной дороги открывало для Сибири уникальную возможность расти и развиваться в тесном экономическом общении с Европейской Россией, получить толчок к хозяйственному развитию, появлению новых отраслей производственной деятельности, земледелия, сельского хозяйства и связанных с ними промыслов. В конечном счете такое развитие могло способствовать созданию для населения условий жизни, близких к уровню центральных губерний.

Реализация проекта по созданию доступных путей сообщения между наиболее важными в административно-промышленном отношении центрами Сибири, а также Сибирью и Европейской Россией могла создать условия, благоприятствующие удовлетворению местных нужд в железе и угле, увеличению добычи золота, обретению «необходимой устойчивости» золотому промыслу. Более значительного промышленного развития золотодобычи в Сибири в конце XIX века пока не предусматривалось по причинам существовавших на тот момент высоких цен на рабочие руки, приборы, машины и дороговизны кредита. Добыча золота, пока не представлявшая для государства «достаточной выгоды», продолжала вестись только в местах, где встречались породы с очень богатым содержанием золота, а строительство железной дороги могло лишь создать условия для разработки и небогатых месторождений [Сибирь ..., 1896, с. 280]. Вместе с тем строительство Великой Сибирской железной дороги дало современникам повод для осознания заманчивых перспектив будущего промышленного освоения Сибири, для того, чтобы вызвать чувства, выраженные в следующих словах: «… как велики богатства недр этого края и какою сравнительно ничтожною ее частью пользуемся до сих пор» [Там же, с. 279].

Великий Сибирский железнодорожный путь оказал существенное влияние на развитие всего Сибирского региона, независимо от того, насколько близко подходила дорога к тому или иному населенному пункту ее необъятной территории. Примером этому может служить Якутская область, для которой железная дорога открывала надежды на новые возможности и перспективы развития [Попов, 1998]. В географическом отношении в Сибири конца XIX века выделяли коренную Сибирь (Западную и Восточную), а также окраины: Якутскую, Амурско-Приморскую и Киргизско-Степную. Наиболее окраинной ее частью являлась Якутия, к моменту начала строительства железной дороги (1891) уже известная своими природными богатствами, но остававшаяся недоступной и естественным образом изолированной от цивилизации. В период строительства Сибирского пути Якут-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ская окраина представлялась для России в следующей характеристике: «При полной невозможности её заселения оседлою, земледельческою колонизацией, находящею для себя особенно благоприятные условия в культурно-земледельческой полосе коренной Сибири и в Алтайском подгории, Якутская область может, наподобие Британской Америки (кроме Канады), служить только для организованной эксплуатации естественных богатств страны, несомненно в ней существующих, но распределенных, как было сказано, самым тонким и местами совершенно прерывающимся слоем по необъятному пространству самой холодной из земель Старого Света» [Там же, с. 53]. Во второй половине XIX века в южной части Якутии частными компаниями довольно активно осуществлялась добыча золота, которая в конце века из соображений административного характера была передана в управление Иркутской губернии [Бурнашева и др., 2023, с. 68—74]. Тем не менее вследствие отдаленности и сложных климатических условий Якутская область не входила в пределы непосредственного влияния Сибирской железной дороги на ее хозяйственную жизнь. На этом фоне абсолютно фантастическим представлялся проект строительства железнодорожного пути Транс-Аляска-Сибирь, пересекавшего наиболее заселенную центральную часть Якутии, предложенный в начале XX века французским предпринимателем Лойк де Лобелем. Основные положения были представлены в проекте, опубликованном в Париже в 1902 году (рис. 1).


LE CHEMIN DE FER

TRANS-ALASKA-SIBÉRIEN

TRAIT D'UNION ENTRE L'EUROPE, L'ASIE ET L'AMÉRIQUE

(Projet Loicq de Lobel

EXTRAIT DU RAPPORT

DE

M. L'INTENDANT MILITAIRE PAVOT

officier de la Légion d'Honneur

PARIS

IMPRIMERIE GENERALE LAHURE

9, RUE DE FLEURUS, 9

1902

Рис. 1. Обложка Проекта Лойк де Лобеля «Железная дорога Транс-Аляска-Сибирь»

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Суть проекта французского подданного Лойк де Лобеля заключалась в соединении непрерывным рельсовым путем Сибирской и американских железных дорог посредством тоннеля под Беринговым проливом.

3.2. Проект Лойк де Лобеля по строительству пути Транс-Аляска-Сибирь

Реализация плана строительства свободного транспортного сообщения, соединяющего целые континенты наземной магистралью, безусловно, могла иметь прогрессивное значение, особенно для стран северной Америки и Евразии. Однако по мере обсуждения проекта как у американской стороны, так и у России складывались практически противоположные взгляды на последствия его практической реализации, широко обсуждавшиеся в американской периодической печати (рис. 2) [Frederic W. Bishop, 1906, p. 1—2]. За декларативной пропагандистской преамбулой проекта американской стороны — сделать мир вокруг доступнее для человечества — скрывались вполне земные коммерческие интересы деловых кругов крупного делового бизнеса и капитала западных стран. На перед-

Рис. 2. Передовица газеты Сан-Франциско 1906 года с надписью:
«Из Сан-Франциско до Санкт-Петербурга на поезде.
Если туннель под Беринговым проливом будет проложен,
Восток встретит его с улыбкой или мечом?»

CC BY

нем плане их интереса к проекту лежала отнюдь не дальняя перспектива открытия прямого пути от Нью-Йорка до Парижа по железной дороге через пустынные территории. Американская промышленность и банковский капитал, пережившие золотую лихорадку на Аляске и в Канаде, познавшие бум строительства сети железных дорог на западе и небывалый подъем предпринимательской активности, накопили к этому времени богатый опыт освоения территорий и были вполне готовы применить его при разработке минеральных сокровищ Северо-Востока России.

Финансовые магнаты США были вполне осведомлены о том, что безлюдные просторы Сибири по своему географическому ландшафту и геологическому строению имеют большое сходство с Аляской и севером Канады, а значит, могут таить в себе богатый золотом настоящий русский «Клондайк». Еще задолго до рождения проекта Лойк де Лобеля Запад получал информацию об этом от своих торговых агентов по пушнине, от китобоев и рыболовов американского западного побережья, уже с конца XVIII века довольно свободно перемещавшихся не только по Охотскому морю, но и по северным морям, по берегам Камчатки и Курильских островов [Нарочницкий, 1953, с. 130—176].

Первый вариант проекта, в котором от имени синдикатов Франции и Америки запрашивалось разрешение на получение концессии, был предложен Лойк де Лобелем правительству Российской империи в 1902 году. Согласно проекту, железная дорога должна была пройти по маршруту: Иркутск, Якутск, р. Колыма (Верхний Колымск), мыс Дежнев, тоннель в 30 км (28 верстах) под Беринговым проливом до острова Диомеда (Ратманов), второй тоннель под американскими водами до соединения с мысом Принца Валийского (рис. 3).

Протяженность дороги составляла около 5 тыс. верст, ее стоимость оценивалась авторами примерно в 1250 млн франков, или около 470 млн руб. (в среднем 96 тыс. руб. за версту). Срок запрашиваемой концессии был определен в 80—90 лет, период строительства дороги составлял 10 лет. В случае принятия условий проекта, в соответствии с Договором с Компанией по строительству, Русское правительство обязывалось предоставить иностранной строительной компании безвозмездно полосу отчуждения под двумя путями железной дороги, а также выделить землю, необходимую под строительство станций и иных строений, устройство телеграфа — размером до 8 миль (12.872 м) с каждой стороны дороги. Причем в отношении отведенных земель концессионерам должны были предоставляться все права, принадлежащие на них государству, а также копии всех планов, описания, статистические материалы, относящиеся к данной территории. Согласно пояснениям к условиям Договора, права

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

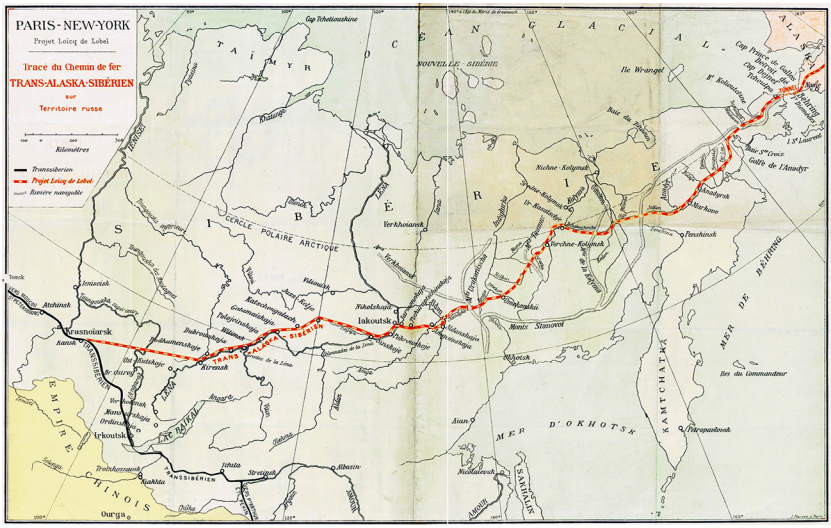


Рис. 3. Маршрут Транссибирской магистрали Сибирь-Аляска на карте 1880—1889 годов. Проект Лойк де Лобеля (Tracé du Chemin de fer Trans-Alaska-Siberien sur territoire russe. Paris: J. Hansen, 1880—1889)

на земли, выделенные под строительство, касались не только поверхности испрашиваемых земель, но их недр, с условием уплаты казне общих, установленных за разработку минеральных богатств, сборов [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 992, л. 1—2].

Сверх земель, которые отводились Компании по строительству дороги Транс Аляска-Сибирь безвозмездно, в соответствии с Договором, Россия обязывалась предоставить Компании права на:

1) приобретение и других земль с целью их обработки, разведения плантаций, постройки строений и т. п.;

2) устройство — с разрешения Правительства — вспомогательных путей, каналов, портов, плотин, набережных, доков, амбаров, элеваторов, трамваев от станций железной дороги и проч.;

3) устройство транспортных предприятий на судоходных реках и на море или вхождение в соглашения с существующими предприятиями сего рода;

4) эксплуатацию рудников, заводов, лесов, каменоломен и т. п.;

5) добычу и эксплуатацию электрической энергии и всякой иной силы (паровой, гидравлической, сжатого воздуха, силы морского прилива и проч.) для целей освещения, отопления или в качестве двигательной силы;

6) устранение и поддержание всевозможных способов сообщения и сношения между материками в связи с тоннелем под Беринговым проливом.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Помимо этого, перевозка предметов, потребных для сооружения железной дороги, должна была осуществляться по русской сети по собственной цене таких перевозок. Первоначальный вариант предложений предпринимателей содержал также ходатайство о том, что в местах, где Компания признает это нужным, Правительство обязано было формировать конвой и военную стражу для охраны персонала, материалов, съестных припасов, а также для защиты пути и искусственных сооружений [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 992, л. 2].

3.3. Решение правительственного Особого совещания по проекту Лойк де Лобеля

Для обсуждения и принятия окончательного решения по проекту Лойк де Лобеля 14 февраля 1905 года при Министерстве финансов России под председательством директора Департамента железнодорожных дел было образовано Особое совещание в составе министров путей сообщения, земледелия, государственных имуществ, Государственного контролера, главноуправляющего торговым мореплаванием и портами, а также бывшего наместника его императорского величества на Дальнем Востоке. Ознакомившись с условиями Договора с Компанией по строительству дороги Транс-Аляска-Сибирь, Особое совещание на заседании от 3 мая 1905 года выделило в них положительные и отрицательные стороны.

Положительные стороны проекта Лойк де Лобеля Особое совещание усмотрело в предложении строительства проектируемой дороги за свой счет с выпуском специальных облигаций (рис. 4), а также в реальном со-

Рис. 4. Облигация «Trans-Alaska-Siberian Railway Company» Штата Нью-Джерси от 27 октября 1906 года, выданная на имя барона Лойк де Лобеля с его подписью в качестве председателя Правления

CC BY

единении железной дороги «с самой отдаленной окраиной государства, которое вряд ли может быть осуществлено в сколько-нибудь близком будущем за счет казны» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 992, л. 3].

К числу недостатков проекта совещание отнесло вопросы, связанные с правом владения землей и недрами. Прежде всего, у участников совещания вызвал сомнение отвод в распоряжение Компании по строительству железной дороги Транс-Аляска-Сибирь 24-х верстной полосы земли, которая на всем протяжении дороги должна была составлять примерно 138 тыс. кв. км, то есть занять пространство, вдвое большее территории, которую занимали Бельгия и Голландия вместе взятые. С другой стороны, даже приблизительный расчет не смог доказать окупаемость затрат и какую-либо значительную доходность от перевозки грузов по данной дороге. В связи с этим Особое совещание пришло к однозначному выводу о том, что, по всей видимости, «весь расчет предпринимателей построен на том, чтобы покрыть убытки по дороге на разработке естественных богатств (золотых, лесных, пушных, рыбных и др. промыслов) на упомянутой выше полосе. Независимо от сего, они предьявляют в отношении этой полосы такие требования (о переносе на них прав, принадлежащих государству), которые по самому существу своему не приемлемы; но если бы даже предприниматели отказались от предположения получить на просимые земли какие-либо особые автономные права, то и в таком случае отвод столь значительной полосы в распоряжение чужеземной Компании не может быть признан желательным ни по экономическим, ни по политическим соображениям» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 992, л. 5].

По итогам обсуждения проекта Лойк де Лобеля Особое совещание признало абсолютно нежелательным разработку естественных богатств столь отдаленной окраины за счет иностранных капиталов и с распоряжением иностранцев. Решающим аргументом явилось предположение, что в случае принятия представленного проекта «русская казна и русские люди получат минимальную выгоду в сравнении с теми барышами, которые увезут с собою из России иностранцы, вкладывающие в это предприятие свои деньги» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 992, л. 5]. Особое совещание вынесло утверждение о том, что отвод иностранной Компании земельных пространств является для России совершенно нежелательным, по причине вероятности и очевидности того, что эти земли будут заселены «для промышленных целей, то есть иностранцами или в данном случае по преимуществу американцами, которые уже и без того проявляют склонность к проникновению в наши Дальневосточные владения, а при такой концессии на законном основании получат возможность осесть в этих местах, что при невозможности с нашей стороны противопоставить им в достаточном числе русских колонистов мо-

CC BY

жет привести в конце концов к мирному завоеванию ими означенной окраины» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 992, л. 5]. Политический смысл ситуации прозвучал и во мнениях, высказанных специалистами. Так, по мнению горного инженера Иркутского горного управления К. Н. Тульчинского, который посчитал постройку дороги на таких условиях невозможной, «колонизация полосы отчуждения русским населением, за невозможностью по климатическим условиям заниматься земледелием, немыслима и дорога откроет только северо-восточную часть Империи нашествию предприимчивых американцев, которые в конце концов и отнимут у нас незаселенную еще всю прибрежную часть до Камчатки включительно, так как защищать ее мы не сможем» [Разные известия ..., 1906, с. 5].

В целом, при обсуждении проектов Лойк де Лобеля главное сомнение Особого совещания вызвали истинные причины проникновения иностранной Компании на территорию Сибири. Русская сторона сделала вполне логичное предположение, что, получив концессию на испрашиваемых условиях, Компания, скорее всего, переключит свое внимание на разработку естественных богатств края. Для предотвращения такого исхода даже предлагалось внести в договор концессии специальное условие о предоставлении Компании прав на промышленную разработку поверхности и недр отводимых земель только в случае предварительного сооружения Компанией всей или известной части железнодорожной линии [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 992, л. 3]. По совокупности высказанных мнений Особое совещание своим решением от 3 мая 1905 года пришло к заключению о том, что проект сооружения железной дороги Аляска-Сибирь не заслуживает дальнейшего изучения, а участники совещания единогласно высказались за отклонение испрашиваемой Лойк де Добелем концессии [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 992, л. 5].

3.4. Проекты устройства дорожного сообщения в Якутской области

Между тем проект, предложенный Лойк де Лобелем, дал России очередной серьезный повод для изучения и оценки перспектив освоения восточных территорий страны, вызвав оживленные дискуссии по вопросам доступности сибирских окраин и строительства путей сообщения, в том числе и железнодорожных. Проект Лойк де Лобеля вызвал особый интерес в Якутской области, что было связано с тем, что из всех ранее предложенных планов строительства железной дороги на востоке России он был первым вариантом, в котором был предусмотрен путь, в большей своей части пролегающий по территории края. Так, в варианте проекта, предложенном Лойк де Лобелем в ноябре 1905 года, маршрут строительства железной дороги Транс-Аляска-Сибирь, соединившись с Сибирской железной дорогой в Канске, проходил до Киренска, затем вдоль левого берега р. Лены должен был дойти до г. Якутска, по пути же следовало устроить станции Подка-

CC BY

менское, Дубровская, Витимск, Половинская, Атаманская, Юс-Келья, Синское и Покровское. Далее от г. Якутска, пересекая мостом р. Лену, дорога направлялась в сторону Верхне-Колымска со станциями в следующих пунктах: Ярмонская, Чурапчинская, Амгинская, Алданская и Оймякон. Следуя от Верхне-Колымска, путь пересекал мостами Омолон и Анадырь и шел до оконечности Восточного мыса [Разные известия ..., 1906, с. 4—5].

Обсуждение в сибирских кругах проекта Лойк де Лобеля дало основания для появления множества разнообразных проектов устройства путей дорожного сообщения Якутской области, которые могли решить, наконец, проблему изолированности края от районов Сибири и центральной России. В начале XX века предлагались, например, пути на Усть-Куть через станцию Ключи, Тайшет, Нижнеудинск, Тулун, а также дороги Тыреть-Жигалово, на г. Иркутск через Усть-Илгу, Верхоленск-Бодайбо, Качуг, устье Верхней Ангары (северная оконечность Байкала) — Бодайбо, Чита — Бодайбо [Семенов, 1925, с. 86]. Одной из причин, сдерживающих и затягивающих по времени строительство дорог, даже называлось обилие предлагаемых вариантов путей, каждый из которых требовал времени для его изучения и обоснования.

Главным назначением путей выхода Якутии к Сибирской железнодорожной магистрали было обеспечение торговых перевозок, в связи с чем Якутское областное управление на строительство дорог активно привлекало частных инвесторов [Дамешек и др., 2021, с. 95]. Интерес сибирского купечества к строительству дорог в Якутской области возрастал и в связи с усиливающимся процессом вложения их средств в золотой промысел [Кушнарева, 2020, с. 49—57]. При этом вопрос о строительстве железной дороги, проходящей непосредственно по территории Якутии, местной администрацией даже не ставился в течение еще долгих десятилетий. В 1910—1912 годах якутским губернатором И. И. Крафтом запрашивались у Правительства казенные средства лишь на присоединение дорог Якутии к Транссибирской железнодорожной магистрали с целью удешевления передвижения казенных грузов и почты. Только в более поздних обоснованиях к прошениям о строительстве Ленской железной дороги стали подчеркиваться будущие перспективы Якутии, как крупного горнодобывающего региона [Дамешек и др., 2021, с. 95].

В 1912 году Якутской городской думой в Санкт-Петербург была направлена специальная депутация для доведения мнения думы по вопросу строительства Ленской железной дороги. Депутация настаивала на том, чтобы, дорога вышла в заведомо судоходное место р. Лены, не выше Усть-Кута и направлялась с запада, не делая острого угла, которого домогался Иркутск [Семенов, 1925, с. 86]. Одновременно альтернативное направле-

CC BY

ние Ленской железной дороги было предложено Иркутским городским головой К. М. Жбановым, который совместно с председателем Иркутского биржевого комитета А. В. Витте направил Председателю Совета Министров свой вердикт со словами: «Если Ленская дорога минует Иркутск, последний разорится», — предложив проект дороги Иркутск — Жигалово [Семенов, 1912, № 1]. Результатом споров стало компромиссное решение о поддержке царским правительством устройства пути по маршруту Иркутск — Бодайбо как более выгодного, перспективного и удовлетворяющего государственные интересы. Этот путь мог создать непрерывную магистраль, которая прежде всего должна была поддержать золотопромышленность. Дорога могла также иметь большое значение и в жизни Ленского края, приблизив его к железной дороге и создав этим рынок для сбыта продуктов Восточной Сибири. По мнению правительства, дорога Иркутск — Бодайбо должна была стать также особо важной в стратегическом отношении, выступая продолжением пути к востоку до встречи с Амурской железной дорогой [Семенов, 1912, № 5].

4. Заключение = Conclusions

Рассмотрение проектов строительства железнодорожных путей на востоке России, во множестве вариантов предлагаемых царскому правительству в начале XX века, сыграло огромную роль в развитии ее территории. Российским правительством в этот период была осуществлена значительная работа по проведению изыскательских и научных исследований, организации экспертных советов по оценке состояния обширных земельных пространств с целью получения объективных решений, аккумулирующих в себе наиболее оптимальные и верные стратегические и экономические принципы и задачи. Постепенно строительство государством железнодорожных линий на востоке страны все больше стало связываться не с вопросами международной политики, а с проблемами освоения минеральных богатств Сибири. Для Якутской области, являющейся отдаленной окраиной, практически полностью изолированной от остальной части Сибири неприступными природными условиями, строительство дорог всегда служило жизненной необходимостью, открывавшей путь к цивилизации и развитию. В связи с этим проект Лойк де Лобеля по строительству железной дороги Транс-Аляска-Сибирь, планировавший практически прорезать с запада на восток территорию Якутии, несмотря на свою очевидную фантастичность и авантюрность, заставил людей взглянуть и на такой вариант маршрута, оценить его положительные и отрицательные стороны с точки зрения отдельного региона. Данный проект дал возможность Якутскому областному управлению, не уповая исключительно на помощь казны,

CC BY

попытаться начать поиск выхода из острых вопросов устройства дорог, заняться выбором вариантов преодоления проблем бездорожья, инициировать меры по привлечению частных инвестиций в дорожное строительство. Такие мероприятия, вызвав обсуждения и дискуссии в местной печати, способствовали появлению частных и общественных инициатив, заметно активизировали работу местных органов управления. В целом, результатом масштабного обсуждения путей железнодорожного сообщения, соединяющего центральные губернии России с ее дальневосточными окраинами, стала возможность оценить и по-новому взглянуть на перспективы будущего огромной по территории державы не только с международной и политической точек зрения, но и все больше с позиций экономической целесообразности развития регионов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 4372. (Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета министров СССР (1921—1955). Оп. 15. Д. 992, Л. 1—7.

2. *Разные* известия, железная дорога «Аляска-Сибирь». Проект Лойк де Лобеля // Якутские областные ведомости : [газета]. — 1906. — № 20. — С. 4—5.

3. *Семенов А. А.* Заседание по вопросу о Ленской железной дороге / А. А. Семенов // Якутская окраина : [газета]. — 2 августа. — 1912. — № 5. — С. 1.

4. *Семенов А. А.* К вопросу о Ленской железной дороге / А. А. Семенов // Якутская окраина : [газета]. — 15 июля. — 1912. — № 1. — С. 2.

5. *Frederic W. B*. “San Francisco to St. Petersburg by Rail”! / W. B. Frederic // The San Francisco Sunday Call : [newspaper]. — 2 September. — 1906. — Vol. 100. — № 94. — Pp. 1—2.

Литература

1. *Борзунов В. Ф.* Транссибирская магистраль в мировой политике великих держав / В. Ф. Борзунов. — Москва : [б. и.], 2001. — Ч. 2. — 159 с.

2. *Бурнашева Н. И.* Деятельность областной администрации Якутии в условиях становления золотодобычи второй половины XIX века / Н. И. Бурнашева, И. И. Ковлеков // Северные архивы и экспедиции. — 2023. — Т. 7. — № 4. — С. 68—74. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-381-394.

3. *Вивдыч М. А.* Иностранные проекты железнодорожной экспансии российского Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX вв. / М. А. Вивдыч // Социум и власть. — 2011. — № 4 (32). — С. 110—114.

4. *Владимирски И.* Два взгляда на строительство железных дорог в Восточной Сибири (по материалам работ сибирского золотопромышленника Якова Фризера) / И. Владимирски,

М. В. Кротова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». — 2020. — Т. 32. — С. 91—100. — DOI: doi.org/10.26516/2222-9124.2020.32.91.

5. *Дамешек Л. М.* Якутский губернатор И. И. Крафт и его вклад в строительство Амуро-Якутской магистрали в начале XX в. / Л. М. Дамешек, М. Д. Кушнарева // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 466. — С. 94—97.

6. *Кушнарева М. Д.* Освоение ресурсов золота фирмой «М. А. Коковин и И. А. Басов» в Северо-Восточной Сибири в начале XX в. по материалам купеческой переписки / М. Д. Кушнарева // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2020. — Иркутск : Байкальский государственный университет, 2020. — С. 49—57. — ISBN 978-5-7253-3017-5.

7. *Ламин В. А.* Роль транспортных путей в освоении Сибири / В. А. Ламин, А. И. Тимошенко // Уральский исторический вестник. — 2012. — № 2 (35). — С. 37—47.

8. *Нарочницкий А. Л.* Экспансия США на Дальнем Востоке в 50—70-е годы XIX века / А. Л. Нарочницкий // Исторические записки. — 1953. — Т. 44. — С. 130—176.

9. *Орлов Е. В.* Дебаты о роли и развитии железных дорог в Российской империи в XIX — начале XX века / Е. В. Орлов // Тенденции развития науки и образования. — 2019. — № 48—5. — С. 31—37. — DOI: 10.18411/lj-03-2019-97.

10. *Попов Н. И.* Великая сибирская железная дорога и Якутия / Н. И. Попов. — Якутск : История. Экономика. Культура, 1998. — 43 с.

11. *Рэйнбоу Д.* Американское проникновение? Проект соединения российской и американской сети железных дорог в начале XX в. / Д. Рейнбоу // Вестник Омского университета. — 2011. — № 3. — С. 122—130.

12. *Семенов А. А.* Пути к Алданскому золоту / А. А. Семенов // Хозяйство Якутии. — 1925. — № 1. — С. 79—92.

13. *Сибирь* и Великая Сибирская железная дорога. Изд-е 2-е испр. и доп. / Под ред. В. И. Ковалевского. — Санкт-Петербург : Министерство финансов. Департамент торговли и мануфактур, 1896. — 332 с.

14. *Тимошенко А. И.* Ретроспектива Российской государственной политики : движение на восток / А. И. Тимошенко // ЭКО. — 2008. — № 6 (408). — С. 172—188.

15. *Тимошенко А. И.* Транссиб и проекты железнодорожного строительства в Сибири (1891—1916 гг.) / А. И. Тимошенко // Гуманитарные науки в Сибири. — 2000. — № 2. — С. 71—74.

Статья поступила в редакцию 04.08.2024,
одобрена после рецензирования 27.10.2024,
подготовлена к публикации 20.03.2025.

Material resources

Frederic, W. B. (1906). “San Francisco to St. Petersburg by Rail”! *The San Francisco Sunday Call: [newspaper], 100 (94):* 1—2.

Miscellaneous News, the Alaska-Siberia railway. The Loik de Lobel Project. (1906). *Yakut regional Gazette: [newspaper], 20:* 4—5. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 4372. (State Planning Committee of the USSR (Gosplan of the USSR) Council of Ministers of the USSR (1921—1955). Op. 15. 992, l. 1—7.* (In Russ.).

Semenov, A. A. (1912). Meeting on the Lena railway. *Yakut outskirts: [newspaper], 5:* P. 1. (In Russ.).

Semenov, A. A. (1912). On the question of the Lena railway. *Yakut outskirts: [newspaper], 1:* P. 2. (In Russ.).

CC BY

References

Borzunov, V. F. (2001). *The Trans-Siberian Railway in the world politics of the great Powers, 2.* Moscow: [b. i.]. 159 p. (In Russ.).

Burnasheva, N. I., Kovlekov, I. I. (2023). Activity of the regional administration of Yakutia in the context of the formation of gold mining in the second half of the 19th century. *Northern Archives and expeditions, 7 (4):* 68—74. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-381-394. (In Russ.).

Dameshek, L. M., Kushnareva, M. D. (2021). Yakut Governor I. I. Kraft and his contribution to the construction of the Amur-Yakutsk highway in the early twentieth century. *Bulletin of Tomsk State University, 466:* 94—97. (In Russ.).

Kovalevsky, V. I. (ed.). (1896). *Siberia and the Great Siberian Railway. 2nd edition and supplement.* St. Petersburg: Ministry of Finance. Department of Trade and Manufactures. 332 p. (In Russ.).

Kushnareva, M. D. (2020). The development of gold resources by M. A. Kokovin and I. A. Basov in Northeastern Siberia in the early twentieth century based on merchant correspondence. In: *Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2020.* Irkutsk: Baikal State University. 49—57. ISBN 978-5-7253-3017-5. (In Russ.).

Lamin, V. A., Timoshenko, A. I. (2012). The role of transport routes in the development of Siberia. *Ural Historical Bulletin, 2 (35):* 37—47. (In Russ.).

Narochnitsky, A. L. (1953). The expansion of the USA in the Far East in the 50—70s of the XIX century. *Historical notes, 44:* 130—176. (In Russ.).

Orlov, E. V. (2019). Debates on the role and development of railways in the Russian Empire in the XIX — early XX century. *Trends in the development of science and education, 48—5:* 31—37. DOI: 10.18411/lj-03-2019-97. (In Russ.).

Popov, N. I. (1998). *The Great Siberian Railway and Yakutia.* Yakutsk: History. Economy. Kultura. 43 p. (In Russ.).

Rainbow, D. (2011). American penetration? The project of connecting the Russian and American railway network in the early twentieth century. *Bulletin of Omsk University, 3:* 122—130. (In Russ.).

Semenov, A. A. (1925). Ways to the Aldan gold. *Economy of Yakutia, 1:* 79—92. (In Russ.).

Timoshenko, A. I. (2000). Transsib and railway construction projects in Siberia (1891—1916). *Humanities in Siberia, 2:* 71—74. (In Russ.).

Timoshenko, A. I. (2008). A retrospective of Russian state policy: movement to the East. *ECO, 6 (408):* 172—188. (In Russ.).

Vivdych, M. A. (2011). Foreign projects of railway expansion of the Russian Far East in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Society and power, 4 (32):* 110—114. (In Russ.).

Vladimirsky, I., Krotova, M. V. (2020). Two views on the construction of railways in Eastern Siberia (based on the works of the Siberian gold miner Yakov Frizer). *Izvestiya Irkutsk State University. The "History" series, 32:* 91—100. DOI: doi.org/10.26516/2222-9124.2020.32.91. (In Russ.).

The article was submitted 04.08.2024;
approved after reviewing 27.10.2024;
accepted for publication 20.03.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Иванов А. А. Общественная дискуссия об импортозависимости российского судостроения и ее преодолении в годы Первой мировой войны / А. А. Иванов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 423—446. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-423-446.

Ivanov, A. A. (2025). Public Discourse on Import Dependency of Russian Shipbuilding and Its Overcoming During World War I. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 423-446. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-423-446. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Общественная дискуссия об импортозависимости российского судостроения и ее преодолении в годы Первой мировой войны

Иванов Андрей Александрович
orcid.org/0000-0001-6438-5200
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры новейшей истории России Института истории
andrey.a.ivanov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10036, https://rscf.ru/project/22-78-10036

Public Discourse on Import Dependency of Russian Shipbuilding and Its Overcoming During World War I

Andrey A. Ivanov
orcid.org/0000-0001-6438-5200
Doctor of History, Leading Researcher, Professor of the Department of Modern Russian History at the Institute of History
andrey.a.ivanov@spbu.ru

Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project № 22-78-10036, https://rscf.ru/project/22-78-10036

© Иванов А. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование общественного мнения в Российской империи периода Первой мировой войны по вопросам импортозависимости водного транспорта и судостроительной отрасли страны, а также способов достижения их технологического суверенитета. Рассматриваются причины, вызвавшие зависимость российского водного транспорта от иностранных закупок и ценовую неконкурентоспособность транспортных судов, построенных на российских верфях. Проанализированы публикации в ведущих профильных периодических изданиях рассматриваемой эпохи. Выявлены основные позиции и мнения, публично высказанные в прессе представителями российской общественности. Вводятся в научный оборот публикации ряда русских инженеров, изобретателей, моряков, посвященные указанным вопросам. Отмечается, что, несмотря на различия в подходах, участники общественной дискуссии сходились в ключевых вопросах. Не ограничиваясь критикой, они выработали развернутую программу модернизации отечественного судостроения. Актуальность исследования обусловлена интересом к сюжетам, ранее не получившим должного освещения в исторической науке, а также современным положением российской промышленности, вынужденной в условиях санкционного давления отвечать на схожие вызовы. Новизна исследования видится в том, что впервые проблемы импортозависимости российского водного транспорта и судостроения рассматриваются сквозь призму общественной дискуссии.

Ключевые слова:
Российская империя; Первая мировая война; водный транспорт; торговый флот; судостроение; иностранные закупки; импортозамещение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates public opinion in the Russian Empire during World War I regarding the import dependency of the nation's water transport and shipbuilding sectors, as well as strategies for achieving technological sovereignty. The research examines the underlying causes that led to Russia's reliance on foreign procurement and the price competitiveness challenges faced by vessels constructed at domestic shipyards. It analyzes publications from leading specialized periodicals of the era, highlighting key positions and opinions expressed in the press by representatives of Russian society. For the first time, this study introduces a range of journalistic texts from Russian engineers, inventors, and sailors addressing these issues into scholarly discourse. It is noted that despite differing approaches, participants in the public debate converged on key issues. Beyond mere criticism, they formulated a comprehensive modernization program for domestic shipbuilding. The relevance of this research is underscored not only by its focus on topics previously overlooked in historical scholarship but also by the contemporary state of Russian industry, which, under sanctions, faces similar challenges. The novelty of this study lies in its examination of the import dependency of Russian water transport and shipbuilding through the lens of public discourse.

Key words:
Russian Empire; World War I; water transport; merchant fleet; shipbuilding; foreign procurement; import substitution.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).083“1914/17”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-423-446

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Общественная дискуссия об импортозависимости российского судостроения и ее преодолении в годы Первой мировой войны

© Иванов А. А., 2025

1. Введение = Introduction

«С каждым новым днем войны для общества становится теперь все яснее огромное значение торгового мореплавания для хода военных и политических событий. Блокада, коммерческое судостроение, борьба против купеческих кораблей неприятеля … оказываются ныне значительнейшими факторами политики и стратегии… От правильного разрешения всех вопросов, связанных с торговым мореплаванием, зависит длительность войны и самый исход ее. <…> Надо отдать себе отчет в той громадной роли, которую играет морской транспорт в сношениях каждой отдельной страны с мировым рынком» [Долич, 1917, с. 1—2]. Эти слова, написанные в 1917 году русским морским офицером, капитаном 1-го ранга Б. И. Долива-Добровольским, не были сильным преувеличением. В Первую мировую войну транспортный флот играл весьма важную роль: «одни суда становились боевыми единицами военного флота, другие — непосредственно обеспечивали деятельность военно-морских сил, перевозили войска и разнообразные грузы» [Под флагом …, 1995, с. 256]. Вместе с тем война создала немало трудностей для отечественного водного транспорта, выявив целый ряд проблем, требовавших неотложного решения. В условиях полной блокады Балтийского и Черноморского бассейнов использование морского транспорта оказалось ограниченным [Голубев, 1915, с. 1—3]; число судов, имевшихся на Северном и Тихоокеанском бассейнах, было незначительным, а сообщение — затрудненным; суровый климат северного региона потребовал срочных закупок заграничных ледоколов; для необходимых морских поставок из-за границы пришлось широко использовать суда стран-союзниц; неуклонный рост грузоперевозок и увеличение объема крупногабаритных и тяжеловесных грузов требовали расширения и реконструкции портов [Под флагом …, 1995, с. 265—268]. Однако помимо этих трудностей выявилась и другая, приковавшая к себе внимание

CC BY

общества. Война заставила в полной мере осознать такую серьезную проблему, как зависимость российского транспортного флота от экспорта, что в условиях потери привычных поставщиков, разрывов отработанных логистических цепочек и резкого подорожания иностранных товаров остро поставило вопрос о необходимости преодоления импортозависимости и развитии отечественного судостроения. «Теперь наступило время разрешить вопрос, как избавиться в будущем от германского ига», — писал автор журнала «Мореплавание и судоходство», указывая в то же время на новые риски — попадания в зависимость от США, «которые с 1914 года сделались главным поставщиком для всего света» [Язев, 1916, с. 1, 3]. Неспособность национальной судостроительной отрасли полностью обеспечить потребности водного транспорта, высокая стоимость продукции отечественных производителей, длительные сроки выполнения заказов на российских верфях и существенные трудности с закупкой судов заграницей вызвали общественную дискуссию, в ходе которой делались попытки выявления причин сложившейся ситуации и способов их устранения. «Отечественный торговый флот и отечественное частное судостроение серьезно озабочивают общественную мысль», — отмечал профессор-экономист Ю. Д. Филиппов [Филиппов, 1917, с. 1]. Наряду с обсуждением в публичном пространстве проблем, вставших во время войны перед железнодорожным и автомобильным транспортом, дискуссия о причинах импортозависимости российского судостроения и ее преодоления, несомненно, представляет научный интерес, так как многое из того, что было в ходе нее высказано, не потеряло актуальности и в наши дни, когда в условиях санкционного давления российская промышленность снова вынуждена отвечать на схожие вызовы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблема зависимости российского транспорта от иностранных поставок и специфика технического сотрудничества Российской империи в годы Первой мировой войны с зарубежными странами уже не раз рассматривались исследователями. Историография этого вопроса достаточно обширна. Историки касались проблемы иностранных закупок для транспортной сферы и способов ее преодоления в работах, посвященных железнодорожному транспорту [Heywood, 2003; Сенин, 2009; Богомазов, 2023a, 2023b; Пригодич и др., 2023] и в меньшей степени — автомобильному [Воронкова, 1965; Виноградов, 2016; Пригодич, 2024]. Особое внимание уделялось зависимости российской транспортной сферы от германского импорта [Котельников, 2023]. Проблема импортозамещения в деле оснащения и модернизации Военно-морского флота Российской империи также стала предметом спе-

CC BY

циального рассмотрения историками [Федулов, 2016; Федулов и др., 2016; Федулов, 2018]. Авторы коллективной монографии, посвященной военно-техническому сотрудничеству России с союзниками по Антанте, затронули сюжеты, связанные с военным флотом, но обошли вниманием торговый флот [Порох …, 2017]. Эта тенденция характерна и для более ранних работ, в которых исследователи акцентировали внимание на военной промышленности и военном флоте [Шацилло, 1992; Поликарпов, 2008]. Роль торгового флота во время войны, на долю которого выпали основные транспортные функции, специально рассматривалась в ряде работ [Васильев, 1939; Под флагом ..., 1995; Пузырев, 2006], однако проблеме импортозависимости российского судостроения и путям ее решения в них не было уделено должного внимания. Как справедливо отмечает современный автор, вопрос о зависимости водного транспорта от иностранных комплектующих «в контексте импортных ограничений, вызванных Первой мировой войной, в отечественной историографии отдельно не рассматривался» [Малюченко, 2023, с. 52]. Пожалуй, единственным исследованием, в котором данная тема получила специальное рассмотрение, является статья названного выше автора [То же]. Что же касается отношения общественности к проблемам водного транспорта, то этот вопрос рассматривался исследователями лишь в контексте событий конца XIX века [Котов, 2010; Котов и др., 2023].

Цель данной работы — освещение общественной дискуссии периода Первой мировой войны, посвященной причинам импортозависимости российского водного транспорта и судостроения и способам ее преодоления. Данная тема, рассмотренная нами ранее на примере железнодорожного и автомобильного транспорта [Иванов и др., 2023; Иванов, 2024], в отношении водного транспорта рассматривается впервые и, как представляется, позволяет обогатить имеющиеся в исторической науке представления об указанной проблеме и высказывавшихся предложениях по ее решению. Поскольку проблематика водного транспорта волновала российское общество существенно меньше, чем проблемы, связанные с железными дорогами и автопромом, основной акцент при изучении заявленной темы сделан на тематические брошюры и специализированные периодические издания, посвященные российскому флоту, судостроению и морской тематике в целом. На страницах данных изданий указанная тема поднималась не раз, и в ее обсуждении принимали участие инженеры, экономисты, морские офицеры, изобретатели и другие квалифицированные представители российской общественности, знакомые с проблемой не понаслышке. Особое внимание уделено материалам, опубликованным на страницах таких дореволюционных журналов, как «Море», «Русское судоходство», «Мореплавание и судоходство».

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Импортозависимость российского флота и необходимость ее преодоления

Первая мировая война выявила ряд серьезных проблем, остро стоявших перед российским водным транспортом, которые требовали поиска их решения. Хотя было бы неверным считать, что об этих проблемах не было известно ранее, но война их предельно обострила и актуализировала, заставив неравнодушных представителей общественности искать рецепты их преодоления. Еще в 1903 году на II съезде металлозаводчиков Северного края был поднят вопрос о мерах для развития отечественного судостроения и торгового мореплавания. При этом в одном из прозвучавших на съезде докладов проводилась мысль о необходимости подготовки планомерной программы судостроения, чтобы задача обновления и усиления флота была возложена на казенные и частные заводы и «все работы выполнялись в стране и ее средствами» [Ю. Р., 1914, с. 70]. В 1905 году та же мысль была снова повторена на III съезде металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов в докладе военного моряка, гидрографа, основателя и председателя «Лиги обновления флота», а также издателя и редактора журнала «Море» Н. Н. Беклемишева. Сопоставляя события Крымской и Русско-японской войны, автор писал: «…После Севастопольской кампании был открыт широкий доступ металлическим изделиям из-за границы, как для частного оборудования, так и особенно для постройки железных дорог. Заплатив, таким образом, значительную дань заграничной промышленности, мы получили возможность наверстать потерянное для оборудования страны время» [На закрытие …, 1905, с. 17]. Но если тогда это было необходимо «вследствие допущенных ранее ошибок», то в дальнейшем, заключал Беклемишев, «переход к покровительству отечественной промышленности, для вытеснения допуска иностранных фабрикатов, стоил опять очень дорого: мы трижды заплатили контрибуцию Западу» [Там же]. Вспоминая это выступление десятилетней давности, автор статьи, опубликованной в начале Первой мировой войны, заключал: прошедшие 10 лет показали «невосприимчивость лиц, стоящих у власти», к этим предложениям, поскольку морское ведомство, начав воссоздание флота, снова предложило большие заказы заграничным заводам. А это, по мнению автора публикации, неизбежно должно было привести не только к оттоку из страны больших денежных средств, но и к сдерживанию развития национальных предприятий, а также усилению социальных затруднений внутри России, так как российские верфи недополучат заказов, а их рабочие — заработка [Ю. Р., 1914, с. 71—73]. Отмечая, что флот, зависимый от иностранной промышленности и не являющийся «выражением всей мощи

CC BY

производительной силы страны», не сможет в полной мере сослужить своей службы, автор статьи заключал: «Не отрицая ни частной потребности, ни самого полезного значения некоторых заказов за границей, все-таки необходимо установить, что настоящий национальный флот должен быть создан преимущественно на своих верфях…» [Там же, с. 73].

О том же писал кораблестроитель и конструктор, инженер-полковник Корпуса корабельных инженеров, гласный Петроградской городской думы К. А. Теннисон. Он отмечал, что мировая война, разразившаяся после долгого сорокалетнего европейского мира, за время которого государства Европы привыкли к тесному экономическому сотрудничеству, поставила вопросы, ранее казавшиеся неочевидными, и дала понять, что вопрос экономической независимости является для России стратегическим. «Различные государства были настолько тесно связаны между собою в области торговли, промышленности и техники, что, конечно, не легко было дать себе ясный отчет в том, что будет при прекращении мирных отношений между целым рядом этих государств, — писал автор статьи. — В настоящее время, когда прошло уже более года после начала войны, для всех стало ясным государственное значение экономической независимости государства; война выдвинула этот вопрос на первое место. Прекращение торговых сношений с такими государствами, как Германия и Австро-Венгрия, существенное затруднение в сношениях со всеми другими странами — дали нам всем почувствовать, до какой степени наше государство нуждается в продуктах иностранного производства для удовлетворения самых насущных потребностей» [Теннисон, 1916, с. 4]. Теннисон подчеркивал, что судостроение занимает в государстве особое положение, поскольку оно «тесно связано с многочисленными, самыми разнообразными отраслями промышленности, которые его питают и от которых в сильнейшей степени зависит развитие его самого» [Теннисон, 1914, с. 5]. В связи с этим состояние судостроительной промышленности является показателем степени развития всех производительных сил государства. «Но судостроительная промышленность имеет выдающееся государственное значение не только с точки зрения экономической жизни государства и интересов народного труда, — добавлял Теннисон, — еще большее значение имеет она для интересов отечественного военного флота» [Там же]. Автор доказывал, что только тот флот может быть сильным и жизнеспособным, который базируется на отечественном производстве, поскольку «в области обороны государство должно быть независимо от заграницы» [Там же]. А поскольку на флоте материальная часть имеет огромное значение, то ее поддержание в надлежащем виде требует от отечественной промышленности готовности полного обеспечения российских судов комплектующими для

CC BY

ремонта. В противном случае, как наглядно показала война, зависимость от заграницы при политических осложнениях и невыгодной конъюнктуре ставит флот в весьма затруднительное положение. Важность развития отечественного судостроения также обосновывалась тем, что подготовить компетентных техников-судостроителей возможно лишь при наличии постоянной преемственной практики на отечественных заводах. Допускать же до строительства флота иностранных специалистов Теннисон считал нежелательным, а в ряде случаев (военное судостроение) и невозможным.

Считая порочной сложившуюся в Российской империи практику массовой покупки судов за границей, Теннисон указывал, что итогом ее неизбежно становится полная зависимость отечественного флота от иностранных заводчиков, которые будут сбывать странам-конкурентам «шаблонные» и «рыночные» модели, «заведомо отстающие от тех, которые в каждом государстве проектирует и строит для себя под большим секретом правительство» [Там же, с. 6]. На это же обстоятельство обращал внимание и другой автор, добавляя немаловажную деталь: передача заказов за границу имеет высокие риски. Так, например, уже в 1913 году выяснилось, что кенигсбергский завод Schichau, получивший российские заказы, «не принимал всех мер к выполнению принятых им весьма срочных обязательств», при этом турбины для германского флота готовились «днем и ночью» [Чернышев, 1915, с. 7—8]. Кроме того, указывали эксперты, при постройке судов за границей нет возможности сохранять в секрете планы правительства в области судостроения, которые должны являться государственной тайной. Ссылаясь на фундаментальный немецкий труд “Die Schiffbauindustrie in Deutschland und im Auslande” («Судостроительная промышленность в Германии и за рубежом», 1902 год), Теннисон полностью соглашался с его главной мыслью, выраженной в формуле: «прочно и долго может существовать только тот военный флот, который в состоянии изготовлять свои суда из отечественных материалов, на отечественных верфях» [Теннисон, 1914, с. 6]. И хотя данное замечание в первую очередь относилось к флоту военному, оно в значительной степени может быть отнесено к торговому флоту и водному транспорту в целом.

Причины, заставившие бить в набат и говорить о необходимости развития отечественного судостроения, были весьма весомыми. Так, по данным на 1 января 1914 года, в составе российского торгового морского флота 73,1 % от общего количества кораблей были построены за границей. Если же посмотреть на те же данные, исходя из тоннажа судов, то цифра получится еще более впечатляющая — 84,5 % [Малюченко, 2023, с. 53]. До войны торговые суда для российских нужд, как правило, заказывались в Англии (32,4 % по количеству и 59,4 % по тоннажу), Швеции (12,9 %

CC BY

по количеству и 6,8 % по тоннажу) и в Германии (10,9 % от всего количества паровых судов и 10,1 % по тоннажу). Отечественный производитель осуществлял лишь строительство парусного флота, выполняя в 1914 году 97 % от всех заказов. Однако по очевидным причинам парусный флот существенно уступал паровому, обеспечивая менее четверти всего тоннажа морского коммерческого флота. К тому же транспортных судов остро не хватало: русский морской флот уступал по провозной способности английскому в 23 раза, а немецкому — в 5 раз [Там же]. Нехватка собственного торгового флота ежегодно обходилась России в сумму около 90 млн руб., которые уходили иностранным судовладельцам за фрахт [Татаринов, 1916b, с. 1]. Значительно лучше была ситуация с речным транспортом, но и здесь доля паровых судов, построенных за границей, составляла 32,3 % [Малюченко, 2023, с. 54].

3.2. Причины технической отсталости российского судостроения

Проблема зависимости отечественного флота от заграничных заказов заставляла искать ее причины и способы избавления от нее. Все авторы, писавшие на эту тему, сходились во мнении, что отсталость отечественной судостроительной отрасли была одной из главных причин сложившегося положения. Наиболее подробно эту проблему раскрыл конструктор, изобретатель аэромобиля В. В. Татаринов. Выпускник физико-математического факультета Новороссийского университета, Татаринов практиковался в Германии на механическом заводе Бергмана, где сделал свои первые изобретения, изучал инженерное дело во Франции, а потому мог судить о причинах российской технической отсталости не понаслышке: «Даже при самом поверхностном знакомстве с историей развития кораблестроения обнаруживается резкая разница между прогрессом за границей и тем ее застоем, который замечается у нас» [Татаринов, 1915, с. 9]. Татаринов указывал, что если в области теории русская инженерная мысль ничуть не уступает зарубежной, то в плане воплощения ее на практике наблюдаются «отсутствие настойчивости проведения в жизнь того или иного усовершенствования» и «невозможные условия по части обеспечения интересов изобретателя» [Там же]. В «чрезвычайной трудности» внедрения в России технических новшеств Татаринов винил бюрократизацию, «архаичность делопроизводства», неправильную постановку дела выдачи патентов, неверие администрации в творческие силы отечественных инженеров. «Наши заводы доверяют только иностранным образцам, иногда не считаясь с их целесообразностью. Германия в свое время использовала влечение российской техники к западу, заполнив Россию немецкими изобретениями», — писал Татаринов, отмечая, что в результате этой гегемонии «выступление российского изобретателя является довольно наивным» [Там же]. «По этой причине чисто русские

CC BY

изобретения не раз шли к нам из Германии под чужой фирмой, переданные немцам за самое ничтожное вознаграждение» [Там же].

Если в странах Западной Европы и Америки, отмечал автор, инженер-изобретатель имел немало возможностей для того, чтобы получить финансовую поддержку и испытать свое изобретение в лабораториях и на частных заводах, то в России ситуация сложилась таким образом, что за исключением воздухоплавания рационализаторам иных видов техники в этом отношении не повезло. А раз так, то русскому изобретателю удобнее продать свое изобретение за границу, а российским промышленникам (как государственным, так и частным) затем втридорога купить результат этого изобретения у иностранных фирм. Решение этой проблемы Татаринов видел в создании специального авторитетного консультативного учреждения в области изобретений, которое могло бы содействовать их апробации (проведению опытов, изготовлению моделей), «не считаясь с временными неудачами и затратами средств». «Только таким способом возможно постепенно выйти из зависимости от иностранной техники», — утверждал эксперт [Там же]. В качестве положительного примера Татариновым приводился опыт, реализованный на Волге, где в свое время были созданы благоприятные условия для развития русского изобретательства. Ими сумел воспользоваться выдающийся русский конструктор В. И. Калашников, создававший в 1870—80-е годы оригинальные образцы судовых паросиловых установок, впервые применивший для речных судов паровые машины с многократным расширением пара и реализовавший целый ряд других изобретений, полезных для речного флота. «Благодаря возможности производить надлежащие испытания, В. И. Калашников мог широко развернуть свой конструкторский талант — в результате волжский паровой флот извлек крупную пользу, применив ряд усовершенствований по указанию этого русского конструктора. До настоящего момента волжские пароходы снабжаются, несмотря на немецкую конкуренцию со стороны разных Кэртингов, Вагнеров и др., форсунками Калашникова», — напоминал Татаринов [Там же, с. 9—10].

Другой не менее важной проблемой Татаринов считал косность российской системы специального технического образования, которая не смогла приспособиться к требованиям времени. В частности, Татаринов выступал против долгого обучения специалистов. «В то время как в Англии с 20 лет начинают работать самостоятельно, — писал он, — у нас примерно в этом возрасте поступают в высшие школы, нередко только с целью приобретения известного ценза» [Там же, с. 10]. Татаринов, имевший опыт обучения за границей, критиковал российское образование за то, что оно не учитывает последние достижения научной мысли, но при этом тратит

CC BY

массу времени на самые общие вопросы и в своем стремлении «объять необъятное» перегружает молодежь знаниями, не нужными ей в профессиональной деятельности. Считая, что большинство преподаваемых курсов «носит архаический характер», при том, что «многое из области современных завоеваний технической мысли остается неразъясненным», Татаринов выражал недоумение, почему «центр тяжести русских специальных курсов лежит в области математического анализа», а «конструкторский талант ценится не столь высоко» [Там же]. В итоге прошедший курс высшей школы получает солидную математическую подготовку, но не является сформированным инженером-практиком. Резюмируя, Татаринов заключал: «В своем настоящем виде наша высшая школа … является одним из тормозов развития русской мысли» [Там же]. Решение этой проблемы виделось ему в следующем: необходимо сократить время пребывания будущего специалиста в высшей школе за счет специализации знаний. В пример ставился английский опыт, где получение высшего технического образования в ряде университетов ограничивалось тремя годами. Признавая, что кругозор английских инженеров заметно уступал широте интересов российских коллег, Татаринов указывал на то, что свою специальность они при этом знали намного глубже. Также указывалось, что в отличие от российских студентов, которые во время кратковременной производственной практики «гуляют по заводам в качестве зрителей», студенты кораблестроительной школы в Глазго целый год посвящают практике судостроения на верфях. Считая, что время инженерной универсальности осталось в прошлом, автор статьи настаивал: XX век, «характеризующийся крайним напряжением мировых технических сил», требует «оставить маниловские идеи на счет широты умственного горизонта инженеров» [Там же, с. 11]. Указывал Татаринов и на еще одну важную проблему в подготовке будущих судостроителей: российские профессора часто предлагают своим слушателям материал «сомнительной свежести», который не меняется на протяжении десятилетий. Здесь также предлагалось использовать английский опыт: ограничившись кратким вступлением в область читаемого предмета сразу же переходить к изложению современного его развития, предлагая студентам самостоятельно изучить историю вопроса по предложенной научной литературе [Там же]. Солидарен в этом вопросе с Татариновым был и Теннисон, отмечавший помимо необходимости перечисленных выше мер создание вечерних курсов и школ для поднятия профессионального уровня мастеровых и открытия большого числа низших технических курсов и школ для подготовки мастеров [Теннисон, 1916, с. 5].

Доставалось от Татаринова и русской «обломовщине», приводящей к «вечной отсталости в техническом отношении и, как прямое следствие,

CC BY

к склонности к заграничным образцам». Рассуждая о зависимости русской технической мысли от немецкой, автор указывал на то, что многие русские ученые не желают тратить время и силы на самостоятельное творческое продвижение науки, предпочитая получать готовые ответы из Германии, выписывая оттуда новейшую техническую литературу по любому вопросу. «Пользование готовым немецким научным материалом принесло свои плоды: русская техническая мысль пришла в состояние атрофии», — сетовал Татаринов [Татаринов, 1915, с. 11]. Отмечая, что число российских технических школ вполне достаточно и даже превышает их количество в Англии, являющейся «мировым сосредоточением всей технической науки», автор статьи призывал скорее реорганизовать их по японскому образцу, то есть перенять английский опыт подготовки узкоспециализированных инженеров. «Может быть, современная война откроет глаза на ненормальную постановку учебного дела в России и сдвинет его с мертвой точки, — выражал надежду Татаринов. — Это будет серьезный шаг к освобождению нашей родины от иностранного засилья. Иного выхода трудно придумать» [Там же, с. 12].

3.3. Причины ценовой неконкурентоспособности российского водного транспорта

Другой важной причиной, из-за которой российское судостроение проигрывало конкуренцию зарубежной, являлась высокая себестоимость отечественного производства. Теннисон отмечал, что морские суда в России почти вовсе не строятся, а закупаются за границей, где их можно получать значительно дешевле и скорее. Сравнивая стоимость постройки судна в Германии и России, Теннисон приходил к неутешительному выводу, что стоимость корабля на отечественных верфях минимум на 70 % выше. Причины такой разницы в цене эксперт видел в том, что в России только материалы, необходимые для постройки судна, обходятся на 50—60 % дороже, чем за границей. Значительно выше оказывалась и стоимость рабочей силы, причем не за счет более высокой заработной платы отечественного рабочего, а из-за его низкой квалификации и отсутствия специализации, приводящих к значительно более долгим срокам выполнения работы [Теннисон, 1914, с. 12]. Еще перед войной русские инженеры указывали, что низкая заработная плата отечественного рабочего-судостроителя не дает никакой экономии вследствие его крайне низкой производительности, усугубляющейся помимо перечисленных причин еще и большим количеством праздничных дней, «которое не встречается ни в одном другом государстве» [Дмитриев и др., 1909, с. 1017—1019]. Сдельная плата по сборке корпуса судна в России оказывалась на 70—80 % выше, работы по машинному строению — выше на 100—130 %, а рабочая сила в целом обходилась

CC BY

дороже немецкой на 60—70 % [Там же, с. 13]. Накладные расходы (топливо, электричество, рабочий инструмент и др.) также выходили больше на 60—70 %. В итоге стоимость грузового парохода, построенного за границей, составляла около 370 тыс. руб., а в России — не менее 660,5 тыс. руб., то есть на 80 % больше [Теннисон, 1916, с. 12].

Не последнюю роль играли климатический и географический факторы. «…Наш северный судостроительный центр находится в значительном расстоянии от европейских промышленных центров, что, в связи с закрытием у нас навигации в продолжении зимних месяцев, делает перевозку заграничных материалов и изделий сравнительно дорогой (против стоимости перевозки, например, из Англии в Германию стоимость перевозки из Германии в Петербург или Ревель водою увеличивается более, чем вдвое, а при доставке по железной дороге — раз в семь)», — отмечал автор статьи [Теннисон, 1914, с. 13]. Ситуация усугублялась еще и следующим: если заказ стали можно было осуществить у одной фирмы, то все остальное приходилось заказывать малыми партиями у разных производителей, что еще больше удорожало логистику.

Поэтому, заключал Теннисон, режим порто-франко (беспошлинный ввоз материалов и изделий, необходимых для судостроения) полезен, но не достаточен для того, чтобы решить проблемы высокой себестоимости. Он способен удешевить производство российского судна на 25—30 %, но оно все равно будет на 40—45 % дороже иностранного, а значит, при условии более коротких сроков их строительства за границей конкуренция будет по-прежнему невозможной. Выход виделся Теннисону в том, чтобы усилить действие режима порто-франко рациональным использованием закона 1912 года о судостроительных премиях, см.: [Боклевский, 1914]. Премия (государственная субсидия) составляла около 40 % от стоимости судна заграничной постройки, поэтому в соединении с режимом порто-франко могла поставить российского производителя в условия, при которых он смог бы конкурировать с иностранным [Теннисон, 1914, с. 13—14].

Это предложение встретило поддержку и других авторов, не соглашавшихся с позицией, занятой в свое время Государственной думой, считавшей, что строительство флота только силами национального производства вредно, ибо «интересы страны не должны приноситься в жертву отечественной промышленности» [Чернышев, 1915, с. 6]. Не соглашаясь с этим, автор журнала «Русское судоходство» В. П. Чернышев утверждал, что на практике эта позиция оказала медвежью услугу стратегическим интересам страны, так как своими иностранными заказами «мы питали и развили производительность не отечественных, а германских заводов, весьма широко обслуживающих теперь неприятельские армии» [Там же, с. 7].

CC BY

Чернышев отмечал, что, хотя российские власти еще в 1913 году постановили отдавать предпочтение российским предприятиям при распределении заказов, мера эта не возымела должного воздействия, поскольку «чрезвычайно высокие цены», выставляемые отечественной промышленностью, все равно заставляли делать выбор в пользу иностранных верфей. «А так как термин “чрезмерно высокие цены” понятие довольно растяжимое, — рассуждал Чернышев, — то при слабом знакомстве наших ведомств с реальными условиями отечественного производства, законодательный порядок вряд ли сможет изменить существующее неустойчивое отношение казны к частной промышленности при сдаче заказов» [Там же, с. 11]. Выход виделся автору в использовании итальянского опыта по регулированию конкуренции между отечественными и иностранными заводами, позволявшему установить предельные цены на казенные заказы для отечественных заводов. Схема эта представлялась Чернышеву следующим образом: не отдавать заказы тому, кто заявил наименьшую стоимость, а, отбросив самую высокую иностранную цену, из всех остальных вывести среднюю, прибавить к ней существующую пошлину и еще 5 % от суммы. И если окажется, что цена, назначенная отечественными промышленниками, все равно превышает предложение иностранцев, только тогда передавать заказ заграницу, притом тому заводу, который заявил самую низкую цену [Там же, с. 11—12]. А поскольку в России, в отличие от Италии, не было установлено пошлин на суда, которые уравнивали бы разницу в стоимости постройки их в России и за границей (за исключением речных), предлагалось для честного соревнования с иностранной промышленностью ввести на казенные заказы по судостроению в пользу отечественных заводов «определенную переплату в размере этой разницы» [Там же, с. 12].

Впрочем, общественные инициативы, предполагавшие широкое финансовое участие государства в стимулировании отечественного судостроения, упирались в весьма прозаическое препятствие. «Главным препятствием к развитию отечественного судоходства служит, конечно же, та же причина, которая задерживает у нас рост многих отраслей промышленности. Это — отсутствие свободных денег», — отмечал один из авторов журнала «Русское судоходство» [Якорь, 1917, с. 2]. В свою очередь, Теннисон, парируя мнение, что заставлять правительство переплачивать за заказы, лишь бы они были выполнены в России, а не за границей, неразумно, остроумно замечал: неразумно было бы вместо того, чтобы лечить свою заболевшую руку, отрубить ее [Теннисон, 1914, с. 15].

3.4. Дискуссия о предпочтении казенного или частного судостроения

В ходе обсуждения способов преодоления импортозависимости дискуссию вызвал вопрос о том, какому судостроения следовало бы отдать предпо-

CC BY

чтение: казенному или частному. Теннисон выступал убежденным сторонником того, чтобы сделать ставку на частную промышленность, поскольку в плане прогресса техники за ней нельзя было не признать превосходства. Эксперт указывал, что в Англии и США казенные заводы строят только «скорлупу» (корпуса) судов, в то время как вся «начинка» производится частными заводами, которые делают эту работу лучше, дешевле и быстрее [Теннисон, 1914, с. 7]. Теннисон считал ненормальным положение, при котором казенные заводы искусственно поддерживаются государством, в то время как частные, не получая заказов, банкротятся. О том же писал и Чернышев, напоминая, что еще в 1908 году депутаты Государственной П. Н. Крупенский и А. Ф. Бабянский убедительно доказывали, что заказы на постройку судов следовало бы отдать частным заводам как более эффективным, а казенные могли бы ограничиться ремонтными работами. Бабянский, указывая на низкую эффективность казенных заводов, замечал, что в случае срывов сроков или некачественной продукции казна сама себя штрафовать не будет, а значит, пытаться воздействовать на государственные предприятия штрафами бесполезно. Но большинство членов Думы заняли тогда иную позицию, поддержав казенное судостроение [Чернышев, 1914, с. 3]. Между тем, указывал Чернышев, «многократные опыты других стран показывают, что казенные заводы не могут конкурировать с частными ни в отношении стоимости производства, ни в отношении скорости изготовления» [Там же]. Подкрепляя эту точку зрения фактами, Чернышев приводил свидетельства убыточности казенных предприятий, часто имеющих вместо прибыли огромные долги. При этом, подчеркивал автор, чтобы получить заказ, казенные заводы легко назначают более низкие цены, так как ничем не рискуют: неминуемые убытки все равно покроет казна. Не в пользу казенных заводов говорили и сроки выполнения заказов, которые почти всегда оказывались больше, чем на частных. Вывод Чернышева был следующим: частное предпринимательство проявляет больше энергии и быстроты, и вовсе не частные заводы взвинчивают цены, а казенные их занижают. «Наша казна — крупнейший в мире заказчик, и нельзя не пожалеть, что громадные средства непроизводительно затрачиваются или на создание нежизнеспособной, оранжерейной казенной промышленности, или на питание и развитие иностранных заводов, тогда как, при другом отношении ведомств к частной промышленности, последняя, обеспеченная постоянными систематическими заказами, быстро расширила бы производство до громадных размеров, постепенно устраняя или преодолевая все те отрицательные условия, которые так нежелательно отражаются на стоимости заказа и скорости его выполнения» [Там же, с. 9].

Но были у такой точки зрения и противники. В частности, Татаринов выражал серьезное сомнение в необходимости государственной поддерж-

CC BY

ки частного судостроения. «Строительство подобного рода можно было бы только приветствовать, — писал он, — если бы к этому делу первостепенной важности не был привлечен интернациональный капитал» [Татаринов, 1916b, с. 3]. Татаринов отмечал, что на частных верфях иностранцы перед войной часто занимали должности директоров, консультантов и инженеров и, являясь «ставленниками иностранного капитала», передавали значительную долю заказов по отдельным судовым частям в Германию. А поскольку уже перед войной со стороны заграничных контрагентов проявилась «странная» склонность к замедлению работ по выполнению российских заказов, которые, в конце концов, так и не попали по назначению, автор статьи задавался вопросом: стоит ли тратить казенные средства на создание большого коммерческого флота ради поддержки заказами нескольких частных верфей. К тому же, предупреждал Татаринов, при гарантированных государственных заказах частные верфи могут создать синдикат, который взвинтит цены так, что заказы снова придется размещать за границей [Там же, с. 3—4].

3.5. Программа поддержки отечественного судостроения

Программа импортозамещения, обсуждавшаяся на страницах специализированных журналов, также предполагала введение запретительных и поощрительных мероприятий. При этом авторы отдавали себе отчет, что запретительные меры должны применяться крайне осторожно, так как в случае тотального запрета на строительство судов за границей торговое мореплавание оказалось бы погубленным из-за невозможности российских верфей удовлетворить все его нужды. Понимая, что в торгово-промышленной жизни нельзя «насиловать спрос в пользу предложения», участники обсуждения отмечали, что в отношении торгового флота допустимы только поощрительные меры, призванные уравнять экономическое положение русского судостроителя с положением его иностранных конкурентов [Теннисон, 1914, с. 9]. В отношении же военного флота, писал Теннисон, правительство обязано стремиться к тому, чтобы все суда строились на российских заводах, причем только из материалов отечественного производства. Поэтому по отношению к казенным заказам меры могут быть только запретительными. Теннисон призывал учиться у Германии, в которой судостроение до 1880-х годов представляло собою довольно печальную картину, но к Первой мировой войне она уже начала оспаривать первенство у Англии. Этим прорывом, считал он, Германия была обязана правильным действиям своего правительства: полному отказу от строительства военных судов на иностранных заводах и введению закона об освобождении от пошлины всех материалов и изделий, применяемых при постройке морских торговых судов [Там же, с. 10].

CC BY

Автор не соглашался с мнением Ю. Д. Филиппова, считавшего, что в Англии и Германии успех судостроения не был детищем «каких-либо исключительных забот правительства о его развитии и процветании», а явился «естественным продуктом благоприятных рыночных условий, созданных могучим развитием торгового мореплавания» [Филиппов, 1909, с. 38]. С цифрами в руках Теннисон доказывал на примере Германии, что там усиление судостроения шло в три раза быстрее, чем увеличение торгового флота, а это означало, что причина успеха заключалась исключительно в том, что германское правительство совершило решительный поворот в сторону строительства флота на отечественных верфях, отказавшись от заказов в Англии и Франции. «Нет сомнения, — заключал автор статьи, — что и для русского судостроения было бы наиболее целесообразно воспользоваться столь удачным примером Германии» [Теннисон, 1914, с. 11]. Теннисон полностью солидаризировался с мнением известного колумниста «Нового времени» М. О. Меньшикова, писавшего в 1914 году: «Не мудрствуйте лукаво, а идите по проторенному следу довольно умного человека, именно Бисмарка. Если вы доверяете жизнь свою выписанному из-за границы автомобилю, ибо эта машина достаточно там испытана и усовершенствована, — попробуйте выписать из Германии законы Бисмарка <…> И если вы имеете скромность, выписав автомобиль, не вводить в него “своих” правок, то попробуйте взять и названные законы без проверки их бесчисленными доморощенными комиссиями и совещаниями, не имеющими ни гения Бисмарка, ни опыта германского правительства. Тогда, может быть, выйдет нечто путное. За невозможность вновь открыть Америку лучше уже допустить, что она открыта, и ездить туда по “избитой” дороге. Избитые дороги не были бы избитыми, если бы не были часто самыми короткими и удобными» [Меньшиков, 1914, с. 3]. «Нечто подобное, — заключал Теннисон, — можно было бы сказать и о мерах поощрения русского судостроения» [Теннисон, 1914, с. 12].

Но были у этой точки зрения и противники. Татаринов, полемизируя со статьей Теннисона, указывал на то, что война показала ошибочность германского пути. Колоссальные затраты Германии на океанский торговый флот не оправдались, поскольку деятельность его оказалась парализована, а сам он — запертым в немецких и в нейтральных портах и частично реквизированным державами согласия. «Если Германия … должна была в области морских сообщений быстро стушеваться перед Англией, благодаря независимости действий боевого флота последней державы, то не такая ли судьба ждет искусственно создаваемый русский торговый флот, который маниловская фантазия закидывает во все углы земного шара, якобы для поддержания русского престижа!» — задавался риторическим вопросом автор статьи [Та-

CC BY

таринов, 1916b, с. 2]. Считая, что континентальное государство не должно возлагать особых надежд на собственный торговый флот, автор не считал нужным строить его за счет казны. К тому же, полагал Татаринов, после войны, когда коммерческие суда перестанут обслуживать интересы воюющих армий, произойдет резкое падение фрахтов и грузооборота и потребность в морском транспорте значительно сократится [Там же, с. 2—3]. Вместо этого Татаринов предлагал увеличить государственное участие в развитии внутренних водных путей и речного транспорта, роль которых во время войны сильно возросла [Татаринов, 1916a, с. 1—3].

Но в ходе состоявшейся общественной полемики были выработаны и общие позиции, на которых сходилось большинство авторов. Кратко суть мер, призванных поднять на должный уровень российское судостроение, а значит, сделать отечественный водный транспорт максимально независимым от внешней конъюнктуры, заключалась в следующем: 1) передача всех правительственных заказов на суда исключительно российским заводам; 2) создание продуманного плана распределения госзаказов; 3) предоставление российским судостроительным заводам беспошлинного ввоза всех необходимых материалов и изделий для постройки морских торговых судов; 4) улучшение торгово-промышленного законодательства (протекционистские меры и адаптация к новым условиям); 5) создание дешевого долгосрочного кредита для судостроительных предприятий, выдача субсидий, участие государства в страховании; 6) создание долгосрочного спроса на суда российской постройки (как со стороны торгового флота, так и со стороны казны); 7) устранение причин, делающих постройку судов в России дороже, чем за границей (увеличение казенных заказов для полной загрузки частных верфей, увеличение оборотных капиталов, создание постоянного кадра рабочих); 8) более широкое применение закона о судостроительных премиях. При этом подчеркивалось, что приступать к реализации этих мер следовало безотлагательно, поскольку «война создает новые, совершенно исключительные возможности для принятия решительных мер поощрения нашего судостроения» [Теннисон, 1916, с. 5].

4. Заключение = Conclusions

Обсуждение проблем, с которыми в годы Первой мировой войны столкнулись российский водный транспорт и судостроительная отрасль, занимало в специализированных изданиях, посвященных флоту, заметное место. При этом, в отличие от аналогичных проблем, касавшихся железнодорожного и автомобильного транспорта, сюжеты, связанные с преодолением зависимости от иностранных закупок в сфере флота, практически не обсуждались на страницах непрофильных газет и журналов, что, на наш взгляд,

CC BY

объясняется тем, что широкие круги общества меньше интересовались этой транспортной отраслью, а не имевшие специальной профессиональной подготовки публицисты не имели достаточных знаний, чтобы компетентно обсуждать данную тему. Это предположение подтверждается тем, что участниками общественной дискуссии об импортозависимости российского водного транспорта и судостроения и о способах ее преодоления были преимущественно публицисты из числа профессиональных моряков, инженеров, изобретателей. В результате этих обстоятельств дискуссия оказалась информативной, предельно конкретной и результативной. Она вскрыла серьезные проблемы в сфере подготовки кадров для российского судостроения, ценообразовании, зависимости от экспорта, несовершенство государственной политики и законодательства в отрасли, поставила вопрос о сильных и слабых сторонах частной и казенной промышленности. Эта дискуссия имела и конкретный результат: не ограничиваясь критикой, ее участники предложили систему мер по исправлению ситуации и превращению отечественного судостроения, водного транспорта и флота в целом в сильную, независимую и конкурентоспособную силу. Нельзя не отметить и того, что некоторые из предложений столетней давности по преодолению импортозависимости и укреплению технологического суверенитета не потеряли актуальности и для современной России.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Боклевский К. П.* О мерах поощрения отечественного судостроения (закон 21 мая 1912 года) и о выдаче ссуд под строящиеся торговые суда (закон 24 мая 1904 г.) / К. П. Боклевский. — Санкт-Петербург : Типография Шредера, 1914. — 29 с.

2. *Голубев В.* Война и морской транспорт / В. Голубев // Русское судоходство. — 1915. — № 2. — С. 1—3.

3. *Дмитриев Н. И.* Судостроительные заводы и судостроение в России и за границей / Н. И. Дмитриев, В. В. Колпычев. — Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1909. — 1030 с.

4. *Долич Л.* Война и торговля / Л. Долич // Армия и флот свободной России : газета — 1917. — № 173. — 27 июля. — С. 1—2.

5. *Меньшиков М. О.* Рост раздора / М. О. Меньшиков // Новое время : газета. — 1914. — № 13678. — 12 (25) апреля. — С. 3.

6. *На закрытие* 3-го Съезда металлозаводчиков. Речь Н. Н. Беклемешева // Море и его жизнь. — 1905. — № 1. — С. 17—19.

7. *Татаринов В.* Меры к усилению грузооборота по внутренним водным путям / В. Татаринов // Русское судоходство. — 1916а. — № 10. — С. 1—3.

8. *Татаринов В.* Причины нашей технической отсталости / В. Татаринов // Русское судоходство. — 1915. — № 12. — С. 8—12.

CC BY

9. *Татаринов В.* Русский торговый флот после войны / В. Татаринов // Русское судоходство. — 1916b. — № 4. — С. 1—4.

10. *Теннисон К.* Война и русское судостроение / К. Теннисон // Русское судоходство. — 1916. — № 1. — С. 4—13.

11. *Теннисон К.* Русское судостроение и закон 21 мая 1912 г. / К. Теннисон // Русское судоходство. — 1914. — № 6. — С. 5—16.

12. *Филиппов Ю. Д.* К вопросу о воссоздании и усилении торгового флота / Ю. Д. Филиппов. — Петроград : Типография редакции периодических изданий Министерства финансов, 1917. — 26 с.

13. *Филиппов Ю. Д.* Политика судостроения в связи с политикой торгового мореплавания на Западе Европы / Ю. Д. Филиппов. — Санкт-Петербург : Электропечатня К. А. Четверикова, 1909. — 95 с.

14. *Чернышев В. П.* Казенные заказы по судостроению. (По данным отчета государственного контроля) / В. П. Чернышев // Русское судоходство. — 1915. — № 2. — С. 6—12.

15. *Чернышев В. П.* Частное и казенное судостроение и правительственные заказы за границей / В. П. Чернышев // Русское судоходство. — 1914. — № 8. — С. 1—9.

16. *Ю. Р.* Очерк идейной работы по развитию морской силы России. 1904—1914 гг. / Ю. Р // Море. Научно-литературный морской журнал-сборник. — 1914. — № 9. — С. 69—87.

17. *Язев В.* Новые задачи для русского торгового флота / В. Язев // Мореплавание и судоходство. — 1916. — № 1. — С. 1—7.

18. *Якорь.* Мысли о русском торговом флоте // Русское судоходство. — 1917. — № 2. — С. 1—6.

Литература

1. *Богомазов Н. И.* «Рельсовый голод» на российских железных дорогах в годы Первой мировой войны и попытки борьбы с ним / Н. И. Богомазов // Новейшая история России. — 2023a. — Т. 13. — № 2. — С. 272—290. — DOI: 10.21638/spbu24.2023.201.

2. *Богомазов Н. И.* Заграничные заказы, выданные Управлением железных дорог Министерства путей сообщения в 1915 г. / Н. И. Богомазов // Новейшая история России. — 2023b. — Т. 13. — № 3. — С. 775—781. — DOI: 10.21638/spbu24.2023.315.

3. *Васильев Н. Г.* Транспорт России в войне 1914—1918 гг. / Н. Г. Васильев. — Москва : Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1939. — 257 с.

4. *Виноградов П. В.* Иностранные поставки автомобилей как пример военно-технического сотрудничества России с союзниками в годы Первой мировой войны / П. В. Виноградов // Общество : философия, история, культура. — 2016. — № 8. — С. 69—72.

5. *Воронкова С. В.* Строительство автомобильных заводов в России в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.) / С. В. Воронкова // Исторические записки. — 1965. — Т. 75. — С. 147—169.

6. *Иванов А. А.* Общественная дискуссия в России по вопросам иностранных закупок автомобилей и импортозамещения в годы Первой мировой войны / А. А. Иванов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 374—396. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-374-396.

7. *Иванов А. А.* Общественная дискуссия вокруг американских закупок для нужд российских железных дорог в годы Первой мировой войны / А. А. Иванов, Н. И. Богома-

CC BY

зов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 330—350. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350.

8. *Котельников К. Д.* Импорт из Германии как фактор транспортного кризиса Российской империи в годы Первой мировой войны / К. Д. Котельников // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 462—484. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-462-484.

9. *Котов А. Э.* Из истории общественной дискуссии о государственном и частном капитале (1870—1890-е гг.) / А. Э. Котов, В. Л. Степанов, Д. Г. Янченко // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — № 11—1. — С. 41—45. — DOI: 10.37882/2223-2982.2023.11.23.

10. *Котов А. Э.* М. Н. Катков о проблемах российского водного транспорта / А. Э. Котов // Журнал университета водных коммуникаций. — 2010. — № 1. — С. 183—190.

11. *Малюченко Д. А.* О степени импортозависимости торгового флота Российской империи накануне и в начале Первой мировой войны / Д. А. Малюченко // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2023. — Т. 8. — № 4. — С. 52—58. — DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-52-58.

12. *Под флагом* России. История зарождения и развития морского торгового флота / В. П. Пузырев, В. Д. Скугарев, А. В. Басов, Н. Ю. Березовский, В. Г. Реданский. — Москва : Согласие, 1995. — 568 с.

13. *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века / В. В. Поликарпов. — Москва : Индрик, 2008. — 550 с.

14. *Порох*, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны : монография. — Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2017. — 528 с.

15. *Пригодич Н. Д.* Иностранные закупки для нужд российского транспорта в годы Первой мировой войны : постановка проблемы и историографические аспекты / Н. Д. Пригодич, Н. И. Богомазов // Genesis : исторические исследования. — 2023. — № 4. — С. 10—18. — DOI: 10.25136/2409-868X.2023.4.40377.

16. *Пригодич Н. Д.* Материалы Верховной комиссии по расследованию причин недостаточного снабжения армии в Первой мировой войне о состоянии заготовок автомобилей / Н. Д. Пригодич // Новейшая история России. — 2024. — Т. 14. — № 1. — С. 219—231. — DOI: 10.21638/spbu24.2024.115.

17. *Пузырев В. П.* Торговый флот России в Первой мировой войне 1914—1917 гг. : исторический очерк / В. П. Пузырев. — Москва : [б. и.], 2006. — 217 с.

18. *Сенин А. С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914—1922 гг.) / А. С. Сенин. — Москва : Транспортная книга, 2009. — 316 с.

19. *Федулов С. В.* «Можно ожидать, что наши заказы будут выполнены более быстрыми темпами». Влияние политической конъюнктуры на выполнение зарубежными государствами и фирмами заказов Российской империи, СССР в интересах Военно-морского флота (1890—1940-е гг.) / С. В. Федулов // Военно-исторический журнал. — 2018. — № 8. — С. 30—38.

20. *Федулов С. В.* «Русский Уайтхед» в 1914—1918 гг. «Импортозамещение» торпедного оружия / С. В. Федулов // Военно-исторический журнал. — 2016. — № 11. — С. 51—53.

21. *Федулов С. В.* «Заказы в Японии достигли внушительной цифры». Военно-техническое сотрудничество Российской империи и Японии в области военно-морской техники, стрелкового и артиллерийского вооружения в конце XIX века и в годы Первой

мировой войны / С. В. Федулов, Д. Н. Соловьев, Н. А. Станкевич // Военно-исторический журнал. — 2016. — № 12. — С. 45—50.

22. *Шацилло К. Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в. — 1914 г.) / К. Ф. Шацилло. — Москва : Наука, 1992. — 270 с.

23. *Heywood A. J.* Russia's Foreign Supply Policy in World War I : Imports of Railway Equipment / A. J. Heywood // Journal of European Economic History. — 2003. — Vol. 31. — Iss. 3. — Pp. 77—108.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024,
одобрена после рецензирования 27.01.2025,
подготовлена к публикации 28.02.2025.

Material resources

Anchor. (1917). Thoughts on the Russian Merchant Fleet. *Russian shipping, 2:* 1—6. (In Russ.).

At the closing of the 3rd Congress of Metalworkers. Speech by N. N. Beklemeshev. (1905). *The sea and its life, 1:* 17—19. (In Russ.).

Boklevsky, K. P. (1914). *On measures to encourage domestic shipbuilding (law of May 21, 1912) and on granting loans for merchant ships under construction (law of May 24, 1904).* St. Petersburg: Schroeder's Printing House. 29 p. (In Russ.).

Chernyshev, V. P. (1914). Private and state-owned shipbuilding and government orders abroad. *Russian shipping, 8:* 1—9. (In Russ.).

Chernyshev, V. P. (1915). Government orders for shipbuilding. (According to the State Control report). *Russian Shipping, 2:* 6—12. (In Russ.).

Dmitriev, N. I., Kolpychev, V. V. (1909). *Shipbuilding plants and shipbuilding in Russia and abroad.* St. Petersburg: Printing House of the Maritime Ministry. 1030 p. (In Russ.).

Dolich, L. (1917). War and trade. *The Army and Navy of free Russia: gazeta, 173:* 1—2. (In Russ.).

Filippov, Yu. D. (1909). *The policy of shipbuilding in connection with the policy of merchant shipping in Western Europe.* St. Petersburg: Electroprinting K. A. Chetverikov. 95 p. (In Russ.).

Filippov, Yu. D. (1917). *On the issue of the restoration and strengthening of the merchant fleet.* Petrograd: Printing house of the editorial office of periodicals of the Ministry of Finance. 26 p. (In Russ.).

Golubev, V. (1915). War and maritime transport. *Russian shipping, 2:* 1—3. (In Russ.).

Menshikov, M. O. (1914). The growth of discord. *Novoe vremya: gazeta, 13678:* P. 3. (In Russ.).

Tatarinov, V. (1915). The reasons for our technical backwardness. *Russian shipping, 12:* 8—12. (In Russ.).

Tatarinov, V. (1916a). Measures to enhance cargo turnover on inland waterways. *Russian shipping, 10:* 1—3. (In Russ.).

Tatarinov, V. (1916b). Russian Merchant Fleet after the war. *Russian Shipping, 4:* 1—4. (In Russ.).

Tennyson, K. (1912). Russian Shipping and the War and Russian Shipbuilding. *Russian Shipbuilding and the Law of May 21, 1912, 1:* 4—13. (In Russ.).

Tennyson, K. (1914). Russian shipbuilding and the law of May 21, 1912. *Russian shipping, 6:* 5—16. (In Russ.).

Yazev, V. (1916). New tasks for the Russian merchant fleet. *Navigation and navigation, 1:* 1—7. (In Russ.).

Yu. R. (1914). An essay on the ideological work on the development of the Russian maritime force. 1904—1914. *The Sea. Scientific and literary marine magazine-collection, 9:* 69—87. (In Russ.).

References

Bogomazov, N. I. (2023a). "Rail famine" on Russian railways during the First World War and attempts to combat it. *Modern history of Russia, 13 (2):* 272—290. DOI: 10.21638/spbu24.2023.201. (In Russ.).

Bogomazov, N. I. (2023b). Foreign orders issued by the Railway Administration of the Ministry of Railways in 1915. *The latest history of Russia, 13 (3):* 775—781. DOI: 10.21638/spbu24.2023.315. (In Russ.).

Fedulov, S. V. (2016). "Russian Whitehead" in 1914—1918. "Import substitution" of torpedo weapons. *Military Historical Journal, 11:* 51—53. (In Russ.).

Fedulov, S. V. (2018). "We can expect that our orders will be completed at a faster pace." The influence of the political situation on the fulfillment by foreign states and firms of orders from the Russian Empire and the USSR in the interests of the Navy (1890—1940). *Military Historical Journal, 8:* 30—38. (In Russ.).

Fedulov, S. V., Solovyov, D. N., Stankevich, N. A. (2016). "Orders in Japan have reached an impressive figure." Military-technical cooperation between the Russian Empire and Japan in the field of naval equipment, small arms and artillery weapons at the end of the 19th century and during the First World War. *Military Historical Journal, 12:* 45—50. (In Russ.).

Gunpowder, gold and steel. Military-technical cooperation during the First World War: a monograph. (2017). Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts. 528 p. (In Russ.).

Heywood, A. J. (2003). Russia's Foreign Supply Policy in World War I: Imports of Railway Equipment. *Journal of European Economic History, 31 (3):* 77—108.

Ivanov, A. A. (2024). Public Discussion in Russia on Foreign Automobile Purchases and Import Substitution during First World War. *Nauchnyi dialog, 13 (1):* 374—396. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-374-396. (In Russ.).

Ivanov, A. A., Bogomazov, N. I. (2023). Public Discussion around American Purchases for Needs of Russian Roads during First World War. *Nauchnyi dialog, 12 (1):* 330—350. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350. (In Russ.).

Kotelnikov, K. D. (2023). Import from Germany as a Factor of Transport Crisis of Russian Empire during First World War. *Nauchnyi dialog, 12 (5):* 462—484. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-462-484. (In Russ.).

Kotov, A. E. (2010). M. N. Katkov on the problems of Russian water transport. *Journal of the University of Water Communications, 1:* 183—190. (In Russ.).

Kotov, A. E. (2023). From the history of public discussion about state and private capital (1870-1890s). *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 11—1:* 41—45. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.11.23. (In Russ.).

Malyuchenko, D. A. (2023). On the degree of import dependence of the merchant fleet of the Russian Empire on the eve and at the beginning of the First World War. *Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity, 8 (4):* 52—58. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-52-58. (In Russ.).

Podgodich, N. D. (2024). Materials of the Supreme Commission for the investigation of the causes of insufficient supply of the army in the First World War on the condition of car blanks. *The latest history of Russia, 14 (1):* 219—231. DOI: 10.21638/spbu24.2024.115. (In Russ.).

Podgodich, N. D., Bogomazov, N. I. (2023). Foreign purchases for the needs of Russian transport during the First World War: problem statement and historiographical aspects. *Genesis: Historical Research, 4:* 10—18. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.4.40377. (In Russ.).

Polikarpov, V. V. (2008). *From Tsushima to February. Tsarism and the military industry at the beginning of the 20th century.* Moscow: Indrik Publ. 550 p. (In Russ.).

Puzyrev, V. P. (2006). *The Merchant Fleet of Russia in the First World War of 1914—1917: a historical essay.* Moscow: [b. i.]. 217 p. (In Russ.).

Puzyrev, V. P., Skugarev, V. D., Basov, A. V., Berezovskiy, N. Yu., Redanskiy, V. G. (1995). *Under the flag of Russia. The history of the origin and development of the merchant Marine.* Moscow: Consent. 568 p. (In Russ.).

Senin, A. S. (2009). *Russian railway transport in the era of wars and revolutions (1914—1922).* Moscow: Transport Book. 316 p. (In Russ.).

Shatsillo, K. F. (1992). *The state and monopolies in the military industry of Russia (late 19th century — 1914).* Moscow: Nauka. 270 p. (In Russ.).

Vasiliev, N. G. (1939). *Transport of Russia in the war of 1914—1918.* Moscow: State Military Publishing House of the People's Commissariat of Defense of the USSR. 257 p. (In Russ.).

Vinogradov, P. V. (2016). Foreign car supplies as an example of military-technical cooperation between Russia and the Allies during the First World War. *Society: philosophy, history, culture, 8:* 69—72. (In Russ.).

Voronkova, S. V. (1965). Construction of automobile plants in Russia during the First World War (1914—1917). *Historical notes, 75:* 147—169. (In Russ.).

The article was submitted 14.11.2024;
approved after reviewing 27.01.2025;
accepted for publication 28.02.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кислицын А. В. Вопрос о принятии 37-мм автоматических пушек системы Максима на вооружение русского флота в конце XIX — начале XX веков / А. В. Кислицын // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 447—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-447-462.

Kislitsyn, A. V. (2025). Adoption of 37mm Maxim Automatic Guns by Russian Navy in Late 19th to Early 20th Century. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 447-462. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-447-462. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Вопрос о принятии 37-мм автоматических пушек системы Максима на вооружение русского флота в конце XIX — начале XX веков

Кислицын Александр Владимирович
orcid.org/0009-0003-1839-5661
кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
кафедра истории и философии
aleks.k.44-40@yandex.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
промышленных технологий и дизайна
(Санкт-Петербург, Россия)

Adoption of 37mm Maxim Automatic Guns by Russian Navy in Late 19th to Early 20th Century

Alexander V. Kislitsyn
orcid.org/0009-0003-1839-5661
PhD in History, Senior Lecturer,
Department of History and Philosophy
aleks.k.44-40@yandex.ru

Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design
(St. Petersburg, Russia)

© Кислицын А. В., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование вопроса о принятии на вооружение русского флота автоматических пушек системы Максима в конце XIX — начале XX веков. Раскрывается тесная связь данной темы с развитием артиллерии русского флота и отечественной военной промышленности, а также с особенностями функционирования Морского министерства Российской империи в изучаемый период. Актуальность исследования обусловлена малой изученностью темы и ее ценностью с точки зрения анализа исторического опыта развития вооружения. Выполнен анализ архивных источников, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Автор пришел к выводу, что российская военная промышленность того времени оказалась не готова к производству автоматических пушек. Сообщается, что морское министерство не считало необходимым тратить значительные финансовые средства на организацию их производства с помощью иностранной компании. Установлено, что ведомство приняло компромиссное решение приобрести несколько экземпляров нового вооружения в расчете в дальнейшем наладить их производство силами отечественных предприятий. Показано, что в результате автоматические пушки системы Максима так и не были приняты на вооружение русской армии и флота, которые остро нуждались в таком оружии в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова:
Российский флот; морская артиллерия; автоматические пушки; Морское министерство Российской империи; Комиссия морских артиллерийских опытов; Морской технический комитет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the adoption of Maxim automatic guns by the Russian Navy during the late 19th and early 20th centuries. It explores the close relationship between this topic and the development of naval artillery in Russia, as well as the dynamics of the domestic military-industrial complex and the functioning of the Ministry of the Navy of the Russian Empire during the period in question. The relevance of this research is underscored by the limited scholarship on the subject and its significance for analyzing historical experiences in weapon development. An analysis of archival sources is conducted, with many documents being introduced into scholarly discourse for the first time. The author concludes that the Russian military industry of that era was ill-prepared for the production of automatic guns. It is reported that the Ministry of the Navy deemed it unnecessary to allocate substantial financial resources for organizing their production through foreign companies. The study reveals that the ministry opted for a compromise solution, acquiring a limited number of new weapons with the intention of subsequently establishing production capabilities within domestic enterprises. Ultimately, it is established that Maxim automatic guns were never adopted by the Russian army and navy, both of which were in dire need of such weaponry during World War I.

Key words:
Russian Navy; naval artillery; automatic guns; Ministry of the Navy of the Russian Empire; Commission on Naval Artillery Experiments; Naval Technical Committee.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:351.753.1(47)“189/191”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-447-462

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Вопрос о принятии 37-мм автоматических пушек системы Максима на вооружение русского флота в конце XIX — начале XX веков

© Кислицын А. В., 2025

1. Введение = Introduction

Принятие на вооружение нового образца военной техники представляет собой сложную и ответственную задачу, при решении которой учитываются не только достоинства и преимущества нового оружия, но и изменения, которые требуется осуществить для его внедрения, в военном производстве, в системе снабжения вооруженных сил, в подготовке личного состава и т. д. Проблема усугубляется в случае, если техническая новинка имеет кардинальные отличия от привычного и хорошо освоенного вооружения.

В конце XIX века такой значимой военной новинкой была автоматическая пушка Максима. Более совершенная конструкция обеспечивала значительное превосходство этого оружия над распространенными тогда многоствольными орудиями малого калибра (20—57 мм). Поэтому закономерно, что пушка нового образца вызвала интерес у военных во всем мире, в том числе и в России, и исследование того, как решался вопрос о ее принятии на вооружение русского флота в конце XIX — начале XX веков, важно как для изучения истории развития вооружения флота и деятельности Морского министерства Российской империи данного периода, так и с точки зрения анализа исторического опыта внедрения новейших технических достижений.

История появления и использования автоматического оружия конструкции Максима освещена в историографии, однако это касается, в первую очередь, пулеметов [Hutchison, 1938, p. 48—70; Федоров, 1939, с. 93—104; Материальная часть стрелкового оружия: Кн. 1, 1945, с. 21, 27—28; Chinn, 1951, p. 128—143; Федосеев, 2008, с. 23—96; Федосеев, 2009, с. 5—14, 17—20], их производства и обеспечения ими армии в начале XX века [Залюбовский, 1936, с. 83—95; Маниковский, 1937, с. 293—308; Барсуков, 1948, с. 354—358; Барсуков, 1949, с. 258—318; Бескровный, 1973, с. 321—324; Бескровный, 1986, с. 79—84; Сенин, 2014, с. 66—78; Синиченко, 2021, с. 215, 217]. Относительно автоматических пушек Максима сведения весьма ограничены и сводятся к указанию отдельных фактов о проведении испытаний и приоб-

CC BY

ретении образцов [Широкорад, 2000, с. 449—451; Федосеев, 2008, с. 37—40; Федосеев, 2009, с. 6—7], несмотря на то, что такие орудия стояли на вооружении армий и флотов разных государств [Hutchison, 1938, p. 54, 72—73, 92; Chinn, 1951, p. 143—144; Conway's All the World's Fighting Ships 1860—1905, 1979; Conway's All the World's Fighting Ships 1906—1921, 1985; Jane's Fighting Ships of World War I, 2001], или же сосредоточены на технических характеристиках [Handbook for the 1-pr. Q. F. gun, 1902; Hall, 1974; Williams, 2013; DiGiulian, 2022]. Исследование того, как решался вопрос о принятии на вооружение русского флота пушек системы Максима в конце XIX — начале XX веков, представляет собой пробел в историографии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью работы является всесторонний анализ процесса решения вопроса о принятии на вооружение русского флота автоматических пушек Максима в Морском министерстве Российской империи на рубеже XIX—XX веков. В число задач входит установление причин того, почему новое перспективное оружие так и не получило распространения в русском флоте того времени.

Исследование основано на обширной делопроизводственной документации подразделений Морского министерства Российской империи, решавшего вопрос о принятии на вооружение русского флота пушек Максима. Она включает внутриведомственную переписку по данной проблеме, результаты испытаний образцов вооружения, рапорты военно-морских агентов, переписку ведомства с отечественными и иностранными предприятиями и др. [РГАВМФ].

В основе исследования лежит критический анализ источников и литературы и системный подход к проблеме как к целостному процессу, состоящему из взаимосвязанных элементов. Применение диалектического метода позволяет раскрыть внутренние противоречия, влиявшие на решение Морского министерства по данному вопросу. Поскольку решение ведомства зависело от множества факторов, в том числе финансового, производственного, военно-технического и т. д., в исследовании используется многофакторный подход, позволяющий учесть и оценить их влияние. Применение названных методов в их совокупности необходимо для проведения комплексного исследования проблемы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Появление в России автоматических пушек и их испытания

Появившиеся во второй половине 1880-х годов орудия системы Максима (и пулеметы, и пушки) являлись принципиально новым видом вооружения на рубеже XIX—XX веков. Привычные для того времени много-

CC BY

ствольные митральезы (картечницы) не могли считаться автоматическим оружием, так как функционировали за счет механизмов, приводившихся в действие вручную. В пулемете и пушке конструкции Максима использовалась энергия самого выстрела, человек лишь подготавливал орудие к стрельбе, что позволяло значительно увеличить скорострельность, уменьшить массу системы и количество людей, необходимых для ее эксплуатации, и в целом существенно повысить боевые качества оружия. При этом автоматическая пушка Максима конструктивно была идентична пулемету, отличаясь от него только размерами, массой и типом используемых боеприпасов [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 598, 1888, л. 7 об. — 8].

Первая 37-мм автоматическая пушка была представлена компанией Максима («Maxim Gun Company Limited») в Российской империи в феврале 1888 года. В то время испытаниями этого оружия занималось Военное ведомство, но по приказу управляющего Морским министерством на них присутствовали члены Комиссии морских артиллерийских опытов (далее — КМАО) [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 598, 1888, л. 2, 4]. Пушки Максима имели такие же баллистические качества, как и популярные, в том числе в русской армии и флоте, пушки Гочкиса и Норденфельта того же калибра [Там же, л. 8], и все автоматические пушки, поставлявшие в Россию впоследствии, были рассчитаны на использование боеприпасов от 37-мм пушек Гочкиса [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 721, 1891, л. 17 об.].

Передавая орудие, представитель фирмы Максима коллежский секретарь Н. И. Кабат сообщил управляющему Морским министерством И. А. Шестакову, что система Максима успешно прошла испытания в Германии, где заводы Круппа решили наладить собственное производство этого оружия [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 598, 1888, л. 2—3, 5]. В мае 1888 года Крупп отправил на предприятие Максима трех лучших мастеров для изучения производства автоматических орудий [Там же, л. 20 об.].

Однако стрельбы из пушки Максима на Охтинском полигоне в июне 1888 года сопровождались значительным числом задержек и неисправностей [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 598, 1888, л. 8, 23—24 об.], и английская компания, пытавшаяся договориться об испытаниях для Морского ведомства, в октябре того же года признала, что доставила неудачный образец [Там же, л. 26, 27, 33].

В противоположность испытаниям автоматической пушки, опыты с пулеметом Максима, которые проходили в мае — августе 1888 года на Главном артиллерийском полигоне, были успешными. Пулемет продемонстрировал превосходство над пятиствольной картечницей Норденфельта в меткости и скорости стрельбы [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 641, 1889, л. 16—17]. За один день из него было сделано 8000 выстрелов, он

CC BY

выдержал проверку пылью и водой, сохранив работоспособность [Там же, л. 24—27 об.]. В ходе испытаний также выявилась чувствительность системы Максима к качеству боеприпасов, характерная для любого автоматического оружия [Там же, л. 33 об. — 35 об.]. По результатам опытов было решено заказать еще 10 пулеметов Максима и несколько картечниц Норденфельта для продолжения испытаний [Там же, л. 35 об.].

В 1888 году произошло слияние фирмы Максима с «Компанией по производству оружия и боеприпасов Норденфельта» («Nordenfelt Guns and Ammunition Company») в «Компанию по производству оружия и боеприпасов “Максим-Норденфельт”» («Maxim-Nordenfelt Guns and Ammunition Company») [Там же, л. 2—2 об.].

В мае 1889 года на батарею Охтинского поля была доставлена новая 37-мм автоматическая пушка. Ее испытанием занималось уже Морское министерство по программе, составленной КМАО [Там же, л. 4, 6—7]. В ходе опытов в июне — сентябре того же года орудие выпустило 890 снарядов и подтвердило способность делать 250—300 выстрелов в минуту с меткостью, не уступавшей пушкам системы Гочкиса, стоявшим на вооружении русского флота. На испытаниях были выявлены мелкие недостатки производства орудия, которые были исправлены механиком фирмы Максима прямо на батарее, а также проблемы с качеством отечественных 37-мм боеприпасов [Там же, л. 41, 42, 62—63 об.]. При этом КМАО сочло прицельные приспособления и механизм вертикального наведения неудобными для быстрой стрельбы из орудия [Там же, л. 41—42]. В целом, автоматическая пушка была признана отвечающей назначению, но, поскольку дымный порох, с которым проводились испытания, препятствовал прицельной стрельбе, КМАО настаивало на продолжении опытов [Там же, л. 42 об.]. В декабре 1889 года в присутствии С. Х. Максима была подтверждена способность пушки стрелять разрывными снарядами, включая фугасные и осколочные снаряды российской морской артиллерии [Там же, л. 45, 46—46 об.].

В августе 1889 года Морской технический комитет (МТК) рекомендовал принять автоматическое оружие на вооружение флота для замены пятиствольных орудий Гочкиса, постепенно вооружать ими строящиеся суда и наладить их производство в России [Там же, л. 13—14]. Однако Морское ведомство, ввиду ограниченности в средствах, в феврале 1890 года решило заказать только два орудия Максима [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 664, 1890, л. 9—9 об., 15]. Испытывать их предполагалось отечественными боеприпасами с бездымным порохом, которые ведомство рассчитывало иметь по 150 шт. на пушку [Там же, л. 11].

Летом 1890 года две 37-мм автоматические пушки, с дополнительным затвором для каждой, были доставлены в Петербург, и Шлиссельбургско-

CC BY

му пороховому заводу было заказано 5 пудов бездымного пороха [Там же, л. 17, 30 об.]. Испытания начались осенью того же года и шли довольно медленно из-за проблем с поставками боеприпасов с бездымным порохом, вследствие чего для стрельбы приходилось использовать выстрелы с дымным порохом [Там же, л. 33, 38]. В октябре было проверено первое орудие [Там же, л. 36], и только в феврале 1891 года обе пушки Максима были приняты в казну [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 721, 1891, л. 2—2 об.].

Для решения вопроса о принятии на вооружение автоматических пушек два приобретенных орудия Максима в 1891—1892 годах испытывались на кораблях русского флота с целью оценки их боевых и эксплуатационных качеств в сравнении с пушками системы Гочкиса.

Опыты, проводившиеся летом 1891 года на плавучей батарее «Кремль» Учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота и на крейсере «Герцог Эдинбургский» Практической эскадры Балтийского моря [Там же, л. 36—39 об., 41—64 об.], не вполне соответствовали задаче проверки качеств пушек Максима. Основной упор был сделан на имитацию стрельбы из пушек с марса (площадки на судовой мачте [Военная энциклопедия ..., с. 211]) внутрь башенной установки барбетного типа для крупнокалиберных пушек корабля условного противника [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 721, 1891, л. 37—37 об., 42 об.]. Использование дымного пороха ограничивало автоматическую стрельбу в цель 2—3-мя выстрелами с промежутками для рассеивания дыма [Там же, л. 46 об., 53 об.], а недостаточное качество боеприпасов приводило к частым задержкам при стрельбе [Там же, л. 38 об. — 39, 58 об.].

При этом на крейсере «Герцог Эдинбургский» тщательный отбор гильз привел к прекращению задержек при стрельбе [Там же, л. 38 об. — 39], и проводившая испытание комиссия признала превосходство автоматической пушки [Там же, л. 38 об., 39 об.], а командующий Практической эскадры вице-адмирал Н. И. Казнаков отметил необходимость принятие орудий Максима на вооружение русского флота [Там же, л. 35]. В то же время на плавучей батарее «Кремль» все возникавшие в ходе испытания проблемы комиссия рассматривала как недостатки автоматического орудия и пришла к выводу, что система Максима не имеет значительного преимущества перед одноствольной пушкой Гочкиса, заряжавшейся вручную по одному выстрелу [Там же, л. 52 об. — 57 об.].

Испытание на минном крейсере «Лейтенант Ильин» Практической эскадры Балтийского моря летом 1892 года в большей мере соответствовало задаче оценки возможностей автоматических пушек, каждая из которых должна была соревноваться с 5-ю пятиствольными орудиями системы Гочкиса [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 766, 1892, л. 28—28 об.]. Для этого были тщательно подготовлены 2000 37-мм боеприпасов, что потребовало специ-

CC BY

ального пресса для обжима гильз, предоставленного компанией Максима [Там же, л. 15 об. — 16, 19 об., 20]. На Транзундском рейде были поставлены два щита для стрельбы с движущегося минного крейсера, один — для пушек Максима, другой — для митральез Гочкиса [Там же, л. 29—29 об.].

Испытания начались с традиционной проверки исправности орудий Максима. В ходе нее механизм одной из пушек заклинило из-за некачественного боеприпаса [Там же, л. 30 об. — 31 об.]. Члены комиссии, проводившей испытания, попытались разобрать пушку и извлечь затвор, что вследствие непонимания ее устройства привело к поломке механизма [Там же, л. 31 об. — 32 об.]. Прибывший позднее техник фирмы Максима объяснил причины произошедшего, разобрал, вычистил и собрал пушку, которая затем исправно стреляла с запасным затвором [Там же, л. 36 об.]. Со вторым орудием подобных проблем не было [Там же, л. 30 об.].

В начале испытания расчеты автоматических пушек, состоявшие из 4-х человек, действовали несогласованно и совершали ошибки из-за отсутствия опыта, что оказывало сильное влияние на результаты стрельбы и правильность работы орудий [Там же, л. 30 об. — 34 об.]. Положение улучшилось после того, как техник фирмы показал, как правильно обращаться с оружием, в том числе быстро, за 10 с, менять ленту с боеприпасами [Там же, л. 37 об.].

В целом, в ходе испытания на крейсере «Лейтенант Ильин» пушки Максима сделали 1026 выстрелов дымным порохом и 355 — бездымным, показав полное превосходство одного такого орудия над 5-ю пятиствольными митральезами Гочкиса [Там же, л. 47 об., 48 об.]. Количество попаданий из пушки Максима оказалось в 2—4 раза больше, чем из 5-ти орудий Гочкиса, при том, что по скорострельности она соответствовала трем пятиствольным митральезам [Там же, л. 48 об., 49 об.]. Признав значительное преимущество автоматических пушек [Там же, л. 54 об.], комиссия рекомендовала приобрести еще 10—20 образцов для проведения более широких испытаний [Там же, л. 56 об.].

Единственным недостатком конструкции Максима по результатам испытаний в русском флоте было признано неудобство прицельных приспособлений и механизма вертикальной наводки [Там же, л. 53 об.]. Во многом это мнение было связано с тем, что для русского флота в то время привычной была система Гочкиса.

В то же время стали ясны основные проблемы принятия на вооружение автоматических пушек. Несмотря на простоту их эксплуатации, сложность механизма требовала хорошего обучения личного состава и знания устройства орудия. Новое оружие было требовательным к качеству производства его элементов и боеприпасов, которое необходимо было обеспечить при

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

массовом выпуске, а не только в изготовлении отдельных образцов для испытаний. Несоблюдение требований к производству вело к частым неисправностям в работе оружия [Там же, л. 55 об. — 56 об.].

3.2. Внутриведомственное обсуждение и заказ автоматических пушек

Морское министерство не спешило с решением вопроса об автоматических пушках. В середине 1880-х годов русский флот принял на вооружение орудия системы Гочкиса, и при поддержке французской компании «Публичное общество с ограниченной ответственностью бывших предприятий Гочкис и Компания» («Société Anonyme des Anciens Etablissements Hotchkiss et Compagnie») на Тульском Императорском оружейном заводе было создано их производство. Наладить выпуск пушек Гочкиса в России удалось только к началу 1890-х годов, и для флота были заказаны сотни орудий этого типа [РГАВМФ, ф. 427, оп. 2, д. 403, 1893, л. 13 об. — 14]. В данных условиях целесообразность создания нового производства, более сложного и дорогостоящего, с неопределенной перспективой начала серийного выпуска, при ограниченности финансовых средств ведомства, вызывала большие сомнения [Там же, л. 14—14 об.]. Поэтому заявления МТК управляющему Морским министерством, что отказ от автоматических пушек отрицательно повлияет на развитие российской артиллерии малого калибра [Там же, л. 22], не могли изменить ситуацию, как и предложение МТК договориться с французским предприятием «Барикон и Марр» («Bariquand et Marre»), изготовлявшим орудия Максима для французского флота, о создании их производства на Тульском заводе [Там же, л. 25 об., 26].

Однако игнорировать возможности нового оружия было невозможно, тем более что в начале 1890-х годов 37-мм пушки Максима испытывались во многих государствах, включая Францию, США, Англию, Германию, Италию и Испанию [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 766, 1892, л. 4—4 об.]. Во Франции они были приняты на вооружение [Там же, л. 64], их производство было налажено в Англии, на государственных заводах, и Германия имела собственное производство орудий Максима [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 819, 1893, л. 9 об. — 14]. В связи с этим российское Морское министерство решило заказать партию 37-мм автоматических пушек для новых опытов.

В литературе имеются сведения, что уже в 1891 году ведомство планировало заказать 6 пушек Максима, а затем еще 20 орудий, но денег на это выделено не было, и в 1894 году было закуплено 8 пушек [Широкорад, 2000, с. 449; Федосеев, 2008, с. 40]. Однако это не соответствует действительности.

В 1893 году с фирмой Максима велись переговоры о приобретении 20-ти орудий [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 819, л. 5—8], в январе 1894 года МТК предложил приобрести 18 пушек Максима для усиления малокалиберной артиллерии на трех черноморских эскадренных броненосцах типа

CC BY

«Чесма», но в итоге в 1894 году было решено заказать только 6 пушек [РГАВМФ, ф. 427, оп. 2, д. 403, 1893, л. 33]. Ведомство хотело, чтобы прицелы, стволы и установки для заказанных орудий соответствовали российским пушкам Гочкиса, а ленты для боеприпасов были увеличены до 100 выстрелов [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 766, 1893, л. 68—68 об.]. Фирма Максима была готова удовлетворить эти запросы [РГАВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 819, 1893, л. 6—6 об.]. Вместе с тем компания желала включить в соглашение с Морским министерством пункт о невозможности изготовления автоматических пушек в России без ее согласия, что противоречило планам ведомства использовать купленные орудия как образцы для отечественного производства [Там же, л. 47—47 об., 50]. После угрозы министерства отменить заказ фирма Максима отказалась от ограничений для российской стороны [Там же, л. 51—51 об., 56].

21 июня 1894 года с «Оружейной компанией Максим-Норденфельт» был заключен контракт на поставку 6-ти 37-мм автоматических пушек, стоимость заказа составила 3000 фунтов стерлингов [Там же, л. 75—76 об.]. В марте 1895 года заказанные орудия были готовы и отправлены в Санкт-Петербург [Там же, л. 102, 103, 107]. Однако пароход «Аргайл» («Argyle»), перевозивший заказ, попал в аварию и потерял груз, о чем свидетельствует аварийный счет за 15 мест с пушками с этого парохода [Там же, л. 122]. Из-за аварии фирме Максима пришлось быстро искать замену утраченным орудиям, поэтому доставленные пушки оказались неисправными. МТК разрешил представителям фирмы исправить их перед приемными испытаниями [Там же, л. 116—116 об.].

В августе 1895 года на Охтинской морской батарее проходили проверку только 3 пушки Максима, которые были признаны удовлетворяющими требованиям ведомства. После этого управляющий приказал узнать у начальника Обуховского сталелитейного завода (ОСЗ) о возможности изготовлять такие орудия, на что был дан положительный ответ [Там же, л. 119]. Оставшиеся 3 пушки не были готовы к испытаниям даже в ноябре 1895 года [Там же, л. 120, 125].

Прибывший в Петербург директор фирмы Максима объяснил, что поставленные пушки, проходившие приемные испытания в КМАО, были неудачно изготовленными, и предложил позволить компании доставить из Англии новые полностью исправные орудия, с чем ведомство согласилось [Там же, л. 126, 136]. В связи с отличиями в размерах между гильзами, производившимися в России и на заводе Гочкиса во Франции, фирма Максима приобрела у Морского ведомства несколько десятков гильз и снарядов, чтобы конструкция автоматических орудий полностью соответствовала российским боеприпасам [Там же, л. 129, 136—137].

CC BY

В мае 1896 года 6 новых 37-мм пушек Максима были готовы и отправлены в Петербург [Там же, л. 153]. В октябре того же года МТК сообщил в Главное управление кораблестроения и снабжений, что по результатам испытания орудия оказались вполне удовлетворительными [Там же, л. 168—168 об.]. В декабре 1896 года 37-мм пушки Максима были приняты в казну [Там же, л. 176]. Одно из этих орудий было оставлено на полигоне ведомства, второе передано на ОСЗ в качестве производственного образца, а 4 пушки отправлены на корабли Черноморского флота [Там же, л. 168 об., 193], 2 из них были установлены на броненосце «Три Святителя» и 2 — на учебном судне «Березань» [Там же, л. 204]. Главный командир Черноморского флота и портов Черного моря Н. В. Копытов полагал поставить все 4 пушки на броненосец, а для обучения иметь еще одну пушку [Там же, л. 204], но получить ее было возможно только после начала валового производства автоматических орудий в России, так как заказывать их за границей больше не предполагалось [Там же, л. 205].

В январе 1897 года с компанией Максима был произведен окончательный расчет [Там же, л. 187]. В апреле того же года было решено передать чертежи пушки Максима на ОСЗ для создания производства этих орудий на заводе [Там же, л. 194]. Однако изготовление автоматических пушек в Российской империи так и не началось, на вооружение судов они не поступали, хотя упоминается единичный экземпляр, сделанный на ОСЗ в 1901 году [Широкорад, с. 449]. До начала Первой мировой войны Морское министерство приобрело для опытов одну 40-мм автоматическую пушку Виккерса и 500 боеприпасов, которая была установлена на крейсере Рюрик (1906 год) Балтийского флота [РГАВМФ, ф. 401, оп. 2, д. 723, 1915, л. 49].

В годы Первой мировой войны русская армия и флот нуждались в таком вооружении, особенно в качестве зенитного, и вынуждены были заказывать автоматические орудия за рубежом. В декабре 1914 года Морское министерство заказало заводу Виккерса («Vickers Limited») 20 40-мм автоматических пушек и 100 тыс. боеприпасов [РГАВМФ, ф. 401, оп. 2, д. 494, 1914, л. 191]. Выполнение заказов задерживалось из-за потребностей самой Великобритании в вооружении [РГАВМФ, ф. 401, оп. 2, д. 723, 1915, л. 68]. В сентябре 1915 года в России имелось 5 автоматических пушек Виккерса, 4 из которых были переданы Балтийскому флоту, доставка еще 16-ти орудий ожидалась в декабре того же года [Там же, л. 255—257]. Но даже в мае 1916 года, когда эти пушки были изготовлены и отправлены в Россию, из требуемого боекомплекта (5000 выстрелов на пушку) была готова только половина [РГАВМФ, ф. 401, оп. 2, д. 971, 1916, л. 2—2 об.].

Острая нехватка автоматических орудий вызывала необходимость искать другие источники вооружения. В августе 1915 года наладить про-

CC BY

изводство 40-мм пушек Виккерса пытались на Металлическом заводе [РГАВМФ, ф. 401, оп. 2, д. 723, 1915, л. 200]. Инженеры предприятия детально осмотрели автоматическую пушку на полигоне Морского ведомства и пришли к заключению, что в виду сложности составных частей изготовление такого оружия потребует создания специального производства с необходимым для него оборудованием [Там же, л. 203]. Осуществить подобное в военное время было крайне затруднительно, и предприятие отказалось взять на себя производство автоматических пушек [Там же, л. 203].

4. Заключение = Conclusions

Вопрос о принятии на вооружение 37-мм автоматических пушек системы Максима был весьма неоднозначным для Морского министерства Российской империи. С одной стороны, новое оружие значительно превосходило по боевым возможностям 37-мм и даже 47-мм одноствольные и пятиствольные орудия системы Гочкиса, имевшиеся в русском флоте. Это позволяло свести всю морскую малокалиберную артиллерию к автоматическим пушкам, не ослабляя вооружение кораблей, как предлагал, например, адмирал С. О. Макаров [Макаров, 1904, с. 117—118], что вело к унификации корабельного оружия и существенно упрощало снабжение флота боеприпасами. Вместе с тем конструкция Максима являлась хорошей основой для дальнейшего развития как автоматических артиллерийских орудий, роль которых неуклонно возрастала в XX веке, так и военного производства в целом.

С другой стороны, новое оружие было весьма требовательно к качеству изготовления, заводскому оборудованию и квалификации рабочих, что необходимо было обеспечивать при серийном выпуске орудий, а не только при создании экспериментальных образцов. Схожие требования предъявлялись и к качеству массового изготовления боеприпасов для автоматических пушек, которое и без того испытывало значительные трудности в связи с созданием гильзового производства для флота на Адмиралтейских Ижорских заводах [Кислицын, 2020]. Кроме того, даже офицеры, проводившие испытания автоматических пушек, не обладали достаточной подготовкой для работы с ними, поэтому проблема обучения личного состава была весьма серьезной с точки зрения ведомства.

Наличие орудий системы Гочкиса, которые в целом удовлетворяли потребностям флота в этот период, и стремление избежать лишних расходов позволили Морскому министерству пойти на компромисс, приобретя лишь несколько автоматических пушек. Такое решение давало возможность тщательно изучить новое оружие в реальных условиях эксплуатации на корабле и подготовить некоторую часть личного состава к обращению с ним, а также рассчитывать в будущем выпускать его силами отечествен-

CC BY

ных предприятий. Все вместе это порождало иллюзию, что русский флот идет в ногу со временем и способен оснащать свои корабли передовым вооружением, не отставая от флотов ведущих государств.

Однако в конце XIX — начале XX веков российская промышленность оказалась не готова к производству автоматических пушек, а Морское министерство не видело настоятельной необходимости тратить значительные средства на то, чтобы наладить их выпуск с иностранной помощью, вследствие чего русская армия и флот оказались без такого оружия, острая потребность в котором выявилась в годы Первой мировой войны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Макаров С. О.* Рассуждения по вопросам морской тактики / С. О. Макаров. — Санкт-Петербург : Типо-лит. Шредера, 1904. — 299 с.

2. РГАВМФ — *Российский* государственный архив Военно-морского флота., Ф. 401 (Главное управление кораблестроения Морского министерства г. Петроград (1911—1917)), Оп. 2, Д. 494 ; Ф. 401, Оп. 2, Д. 723 ; Ф. 401, Оп. 2, Д. 971 ; Ф. 421 ((Морской технический комитет (1866—1911)), Оп. 2, Д. 554 ; Ф. 421, Оп. 2, Д. 598 ; Ф. 421, Оп. 2, Д. 641 ; Ф. 421, Оп. 2, Д. 664 ; Ф. 421, Оп. 2, Д. 721 ; Ф. 421, Оп. 2, Д. 766 ; Ф. 421, Оп. 2, Д. 819 ; Ф. 427 (Главное управление кораблестроения и снабжений Морского министерства (1885—1911)), Оп. 2. Д. 403.

Литература

1. *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии : (1900—1917 гг.) / Е. З. Барсуков. — Москва : Воениздат, 1948. — Т. 1. — 392 с.

2. *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии : (1900—1917 гг.) / Е. З. Барсуков. — Москва : Воениздат, 1949. — Т. 2. — 343 с.

3. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. : Очерки военно-экономического потенциала / Л. Г. Бескровный. — Москва : Наука, 1986. — 240 с.

4. *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке : Военно-экономический потенциал России / Л. Г. Бескровный. — Москва : Наука, 1973. — 616 с.

5. *Военная энциклопедия* / под ред. Ген. штаба полк. В. Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А. В. фон Шварца [и др.]. — Санкт-Петербург : Т-во И.Д. Сытина, 1911—1915. — 320 с.

6. *Залюбовский А. П.* Снабжение русской армии в Великую войну ружьями, пулеметами, револьверами и патронами к ним / А. П. Залюбовский. — Белград : Издание Центрального правления Общества Русских офицеров-артиллеристов за рубежом, 1936. — 134 с.

7. *Кислицын А. В.* Создание гильзового производства на Адмиралтейских Ижорских заводах в конце XIX века / А. В. Кислицын // Университетский научный журнал. — 2020. — № 59. — С. 198—210. — DOI: https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2020.59.198.210.

8. *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну / А. А. Маниковский ; переработал и дополнил Е. З. Барсуков. — Издание 3-е. — Москва : Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1937. — 718 с.

CC BY

9. *Материальная* часть стрелкового оружия / под ред. акад. ген.-лейт. артиллерии А. А. Благонравова ; допущено ВКВШ при СНК СССР в качестве учебного пособия для втузов. — Москва : Оборонгиз, Гл. ред. лит. по вооружению и боеприпасам, 1945. — Книга 1. — 572 с.

10. *Сенин А. С.* Организация снабжения русской армии вооружением и боеприпасами в годы Первой мировой войны / А. С. Сенин // XX век и Россия : общество, реформы, революции. — Самара : [б. и.], 2014. — Выпуск 2. — С. 63—79. — ISBN 978-5-4259-0301-3.

11. *Синиченко В. В.* К вопросу о поставках в Россию вооружения и снаряжения из-за границы в 1914—1916 гг. / В. В. Синиченко // Известия Лаборатории древних технологий. — 2021. — Т. 17. — № 1. — С. 214—225.

12. *Федоров В. Г.* Эволюция стрелкового оружия / В. Г. Федоров. — Москва : Воениздат, 1939. — Ч. 2. : Развитие автоматического оружия. — 316 с.

13. *Федосеев С. Л.* Пулеметы Русской армии / С. Л. Федосеев. — Москва : Яуза : Эксмо, 2008. — 364 с. — ISBN 978-5-699-25634-1.

14. *Федосеев С. Л.* Пулеметы России. Шквальный огонь / С. Л. Федосеев. — Москва : Эксмо : Яуза, 2009. — 600 с. — ISBN 978-5-699-31622-9.

15. *Широкорад А. Б.* Энциклопедия отечественной артиллерии / А. Б. Широкорад. — Минск : Харвест, 2000. — 1156 с. — ISBN 985-433-703-0.

16. *Chinn G. M.* The Machine Gun : History, evolution and development of Manual, Automatic and Airborne Repeating Weapons / G. M. George. — Washington (D.C.) : U.S. Government Printing Office, 1951. — Vol. 1. — 688 p.

17. *Conway's* All the World's Fighting Ships 1860—1905 / edit. by R. Chesneau. — London : Conway Maritime Press, 1979. — 440 p. — ISBN 0851771335.

18. *Conway's* All the World's Fighting Ships 1906—1921 / edit. by R. Gardiner, R. Gray. — London : Conway Maritime Press, 1985. — 439 p. — ISBN 0851772455.

19. *DiGiulian T.* United States of America 1-pdr (0.45 kg) 1.46" (37 mm) Marks 1 through 15 [Electronic resource] / T. DiGiulian. — 2022. — Access mode : http://www.navweaps.com/Weapons/WNUS_1pounder_m1.php (accessed 16.10.2024).

20. *Hall D. D.* German guns of World War I in South Africa [Electronic resource] / D. D. Hall // The Military History Journal. — 1974. — Vol. 3. — Iss. 2. — Access mode : https://www.samilitaryhistory.org/vol032dh.html (accessed 16.10.2024).

21. *Handbook* for the 1-pr. Q.F. gun (Mounted on field carriage). — London : Harrison and Sons, 1902. — 76 p.

22. *Hutchison G. S.* Machine Guns, their history and tactical employment (being also a history of the machine gun corps, 1916—1922) / G. S. Hutchinson. — London : Macmillan and Co., limited, 1938. — 349 p.

23. *Jane's* Fighting Ships of World War I / edit. by Capitan John Moore RN. — London : Randome House Group Ltd, 2001. — 320 p. — ISBN I851703780.

24. *Williams A. G.* 37mm and 40mm guns in British Service. [Electronic resource] / A. G. Williams. — 2013. — 1 June. — Access mode : https://web.archive.org/web/20140421221344/http://www.quarry.nildram.co.uk/37-40mm.htm (accessed 16.10.2024).

Статья поступила в редакцию 19.10.2024,
одобрена после рецензирования 09.12.2024,
подготовлена к публикации 21.02.2025.

CC BY

Material resources

Makarov, S. O. (1904). *Reflections on naval tactics.* St. Petersburg: Tipo-lit. Schroeder. 299 p. (In Russ.).

RGAVMF — *Russian State Archive of the Navy.* (In Russ.).

References

Barsukov, E. Z. (1948). *Artillery of the Russian army: (1900—1917), 1.* Moscow: Voenizdat. 392 p. (In Russ.).

Barsukov, E. Z. (1949). *Artillery of the Russian army: (1900—1917), 2.* Moscow: Voenizdat. 343 p. (In Russ.).

Beskrovny, L. G. (1973). *The Russian army and Navy in the 19th century: The military and economic potential of Russia.* Moscow: Nauka Publ. 616 p. (In Russ.).

Beskrovny, L. G. (1986). *The Russian Army and Navy at the beginning of the 20th century: Essays on military and economic potential.* Moscow: Nauka Publ. 240 p. (In Russ.).

Blagonravov, A. A. (ed.). (1945). *The material part of small arms, 1.* Moscow: Oborongiz, Gl. ed. lit. on armament and ammunition. 572 p. (In Russ.).

Capitan John Moore RN. (ed.). (2001). *Jane's Fighting Ships of World War I.* London: Randome House Group Ltd. 320 p. ISBN I851703780.

Chesneau, R. (ed.). *Conway's All the World's Fighting Ships 1860—1905.* London: Conway Maritime Press. 440 p. ISBN 0851771335.

Chinn, G. M. (1951). *The Machine Gun: History, evolution and development of Manual, Automatic and Airborne Repeating Weapons, 1.* Washington (D.C.): U.S. Government Printing Office. 688 p.

DiGiulian, T. (2022). *United States of America 1-pdr (0.45 kg) 1.46 (37 mm) Marks 1 through 15.* Available at: http://www.navweaps.com/Weapons/WNUS_1pounder_m1.php (accessed 16.10.2024).

Fedorov, V. G. (1939). *Evolution of small arms, 2.* Moscow: Voenizdat. 316 p. (In Russ.).

Fedoseev, S. L. (2008). *Machine guns of the Russian army.* Moscow: Yauza: Eksmo. 364 p. ISBN 978-5-699-25634-1. (In Russ.).

Fedoseev, S. L. (2009). *Machine guns of Russia. Heavy fire.* Moscow: Eksmo: Yauza. 600 p. ISBN 978-5-699-31622-9. (In Russ.).

Gardiner, R. (ed.). (1985). *Conway's All the World's Fighting Ships 1906—1921.* London: Conway Maritime Press. 439 p. ISBN 0851772455.

Hall, D. D. (1974). German guns of World War I in South Africa. *The Military History Journal, 3 (2).* Available at: https://www.samilitaryhistory.org/vol032dh.html (accessed 16.10.2024).

Handbook for the 1-pr. Q.F. gun (Mounted on field carriage). (1902). London: Harrison and Sons. 76 p.

Hutchison, G. S. (1938). *Machine Guns, their history and tactical employment (being also a history of the machine gun corps, 1916—1922).* London: Macmillan and Co., limited. 349 p.

Kislitsyn, A. V. (2020). The creation of sleeve production at the Admiralty Izhora factories at the end of the 19th century. *University Scientific Journal, 59:* 198—210. DOI: https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2020.59.198.210. (In Russ.).

Manikovsky, A. A. (1937). *Combat supply of the Russian army in the World War.* Moscow: State Military Publishing House of the People's Commissariat of Defense of the USSR. 718 p. (In Russ.).

Novitsky, V. F. (ed.). (1911—1915). *Military Encyclopedia.* St. Petersburg: I.D. Sytin Publishing House. 320 p. (In Russ.).

Senin, A. S. (2014). Organization of the supply of the Russian army with weapons and ammunition during the First World War. In: *XX century and Russia: society, reforms, revolutions, 2.* Samara: [b. i.]. 63—79. ISBN 978-5-4259-0301-3. (In Russ.).

Shirokorad, A. B. (2000). *Encyclopedia of Russian artillery.* Minsk: Harvest. 1156 p. ISBN 985-433-703-0. (In Russ.).

Sinichenko, V. V. (2021). On the issue of arms and equipment supplies to Russia from abroad in 1914—1916. *Proceedings of the Laboratory of Ancient Technologies, 17 (1):* 214—225. (In Russ.).

Williams, A. G. (2013). *37mm and 40mm guns in British Service. 1 June.* Available at: https://web.archive.org/web/20140421221344/http://www.quarry.nildram.co.uk/37-40mm.htm (accessed 16.10.2024).

Zalyubovsky, A. P. (1936). *Supply of the Russian army in the Great War with rifles, machine guns, revolvers and cartridges for them.* Belgrade: Publication of the Central Board of the Society of Russian Artillery Officers Abroad. 134 p. (In Russ.).

The article was submitted 19.10.2024;
approved after reviewing 09.12.2024;
accepted for publication 21.02.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Коновалова О. В. Марксизм в истории социалистического движения России : концепция Виктора Чернова / О. В. Коновалова, А. П. Дворецкая, Л. В. Белгородская // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 463—482. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-463-482.

Konovalova, O. V., Dvoretskaya, A. P., Belgorodskaya, L. V. (2025). Marxism in History of Socialist Movement in Russia: Concept of Viktor Chernov. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 463-482. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-463-482. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Марксизм в истории социалистического движения России: концепция Виктора Чернова

Коновалова Ольга Викторовна
orcid.org/0000-0002-7738-8061
доктор исторических наук,
профессор, кафедра истории России,
мировых и региональных цивилизаций,
корреспондирующий автор
olgav--k@yandex.ru

Дворецкая Анна Павловна
orcid.org/0000-0002-0140-3704
кандидат исторических наук
доцент, кафедра истории России,
мировых
и региональных цивилизаций
advoreckaya@mail.ru

Белгородская Людмила Вениаминовна
orcid.org/0000-0003-2165-9464
доктор исторических наук,
профессор, кафедра истории России,
мировых и региональных цивилизаций
blv.kr@yandex.ru

Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

Marxism in History of Socialist Movement in Russia: Concept of Viktor Chernov

Olga V. Konovalova
orcid.org/0000-0002-7738-8061
Doctor of History,
Professor, Department of Russian History,
World and Regional Civilizations,
corresponding author
olgav--k@yandex.ru

Anna P. Dvoretskaya
orcid.org/0000-0002-0140-3704
PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian History,
World and Regional Civilizations
advoreckaya@mail.ru

Lyudmila V. Belgorodskaya
orcid.org/0000-0003-2165-9464
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History,
World and Regional Civilizations
blv.kr@yandex.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

© Коновалова О. В., Дворецкая А. П., Белгородская Л. В., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена эволюции взглядов лидера и теоретика партии социалистов-революционеров Виктора Михайловича Чернова на роль марксизма в развитии социалистического движения в России в конце XIX — первой трети XX веков. Исследование позволяет выявить отношение лидера эсеров к идейно-теоретическому наследию марксизма, с новых позиций переосмыслить достижения и просчеты марксизма. Источниками являются опубликованные и неопубликованные работы теоретика эсерства. Авторы приходят к заключению о том, что взгляды Чернова на роль и значение марксизма в истории общественно-политической мысли и движения не оставались неизменными. Показано, что в контексте полемики с российскими социал-демократами до Первой мировой войны Чернов уделял внимание философским, социологическим построениям марксизма, а также инициировал дискуссии по аграрному вопросу. Отмечается, что в годы Первой мировой войны он критически высказывался о позиции марксизма в сфере национальных отношений. Выявлено, что в 1930-е годы он связывал приход к власти национал-социалистов в Германии и утверждение сталинского режима в СССР с ошибками и просчетами марксизма. Новизна исследования состоит в углублении знаний о развитии взглядов В. М. Чернова по вопросу о роли марксизма в истории социалистического движения.

Ключевые слова:
Виктор Чернов; марксизм; эсеры; социал-демократы; социалистическое движение; аграрный вопрос; национал-социализм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the evolution of the views held by Viktor Chernov, a leader and theorist of the Socialist Revolutionary Party, regarding the role of Marxism in the development of the socialist movement in Russia from the late 19th century to the early third of the 20th century. The study reveals Chernov's relationship with the ideological and theoretical legacy of Marxism, offering a fresh perspective on its achievements and shortcomings. The sources include both published and unpublished works of the theorist of the Socialist Revolutionary movement. The authors conclude that Chernov's views on the role and significance of Marxism in the history of socio-political thought and activism were not static. It is demonstrated that, in the context of polemics with Russian Social Democrats prior to World War I, Chernov focused on the philosophical and sociological constructs of Marxism, while also initiating discussions on agrarian issues. Notably, during World War I, he critically assessed Marxism's stance on national relations. Furthermore, it is revealed that in the 1930s, he linked the rise of National Socialists in Germany and the consolidation of Stalin's regime in the USSR to the errors and miscalculations of Marxism. The novelty of this research lies in its contribution to a deeper understanding of Viktor Chernov's evolving perspectives on the role of Marxism in the history of the socialist movement.

Key words:
Viktor Chernov; Marxism; Socialist Revolutionaries; Social Democrats; socialist movement; agrarian question; National Socialism.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).083/.084+929Чернов+329(100)(091)
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-463-482

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Марксизм в истории социалистического движения России: концепция Виктора Чернова

© Коновалова О. В., Дворецкая А. П., Белгородская Л. В., 2025

1. Введение = Introduction

Марксизм со времени своего возникновения и до сегодняшнего дня является одной из самых влиятельных доктрин в развитии научной и общественной мысли. До сих пор марксизму посвящается множество книг и статей в рамках разных направлений научного знания. Назовем несколько из них. Доктор философских наук Н. С. Розов в своей статье «Идеи и ошибки марксизма в свете исторической макросоциологии» обращает внимание на достоинства и ошибочные утверждения марксизма в сфере макросоциологических аспектов [Розов, 2018]. Доктор экономических наук А. В. Бузгалин в подготовленной им книге «Маркс после Маркса: постсоветская школа критического марксизма» и в статье «Будущее марксизма и марксизм будущего» подчеркивает значение марксизма в современном мире в деле социального освобождения и возможности соединения экономической эффективности и социальной справедливости [Бузгалин, 2018].

Доктор политических наук, доктор исторических наук Я. А. Пляйс в монографии «Марксизм и социальные революции в России» (Москва, 2019) также признает значимость идей марксизма в истории и современном мире. Вместе с тем, возвращаясь к анализу теории марксизма, он обозначает ряд существенных ошибок: недооценку потенциала капитализма, переоценку роли пролетариата, игнорирование психологического фактора, законов природы человеческих отношений и др. Автор полагает, что наряду с другими факторами просчеты марксизма сыграли свою роль в неудаче социалистического эксперимента в России [Пляйс, 2019, с. 28].

Стремительное распространение марксизма в общественных кругах Российской империи в последней трети XIX века привело к тому, что даже приверженцы народнической доктрины под натиском марксизма покидали свои ряды и становились идейными марксистами. Ярким примером такой метаморфозы в общественной жизни стал путь Г. В. Плеханова.

Идейные баталии между народниками и марксистами начались практически сразу с распространением марксизма, приобрели новую окра-

CC BY

ску и интенсивность с момента оформления социал-демократической и эсеровской партий. Перипетии политической борьбы сказались и на советской историографии, где марксисты и неонародники резко противопоставлялись друг другу. Только в 1970—80-е годы появляются работы В. Г. Хороса «Неонародническая идеология и марксизм» (Москва, 1972), В. Н. Гинева «Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902—1914 годы» (Ленинград, 1983) и др., в которых предпринимаются попытки объективного анализа идейной доктрины, программных установок эсеровской партии, высказываются идеи об общности революционно-демократических позиций социалистических партий на определенных этапах политической борьбы.

В 1990–2000-е годы в отечественной историографии наметилось две тенденции в изучении доктрины неонародников, мировоззрения Чернова. В рамках первой — ортодоксально-марксистской — продолжают противопоставляться социал-демократическая (марксистская) и неонародническая парадигмы [Горлов, 2011]. В контексте второй — рассматриваются совпадения и рразличия во взглядах российских социалистов [Леонов, 1997; Ерофеев, 1996; Морозов, 1998].

Сюжеты, связанные с осмыслением марксистской парадигмы в работах Чернова, присутствуют в исследованиях отечественных историков К. В. Гусева, О. В. Коноваловой, А. П. Новикова, А. И. Авруса, А. А. Голосеевой и др., посвященных персонально лидеру эсеров [Гусев, 1999, Коновалова, 2009; Аврус и др., 2013; Аврус и др., 2015], среди зарубежных исследователей — в работах немецкого историка М. Хильдермайера [Hildermeier, 2000], М. Меланкона [Melancon, 1997].

Значительный вклад в исследование проблемы внес финский ученый Х. Иммонен. Автор книги «Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873—1952)» на основе блестящего знания биографии лидера эсеров обстоятельно характеризует ключевые положения его теории и взгляды, в том числе связанные с оценкой и критикой марксизма в межреволюционный период и в эпоху Первой мировой войны, его роль в международном социалистическом движении [Иммонен, 2015].

Как видим, в современных условиях по-прежнему востребовано не только выявление вклада марксизма в историю общественной мысли, но и конструктивное критическое переосмысление его теоретических положений и практики. Значимую роль в этом контексте внес идеолог неонародничества В. М. Чернов. Требуется конкретизация его позиций в исторической ретроспективе по проблемам, связанным с идеологией, теорией и практикой марксизма. Целью данной работы является изучение эволюции взглядов идеолога и теоретика неонародничества, лидера партии социали-

CC BY

стов-революционеров В. М. Чернова по отношению к марксизму. Новизна исследования состоит в систематизации представлений теоретика неонародничества о марксизме, углублении знаний о развитии его взглядов по данной проблеме в конкретные исторические периоды, определении ключевых этапов и причин эволюции его воззрений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основными источниками по данной проблематике являются опубликованные и неопубликованные работы лидера эсеров, хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах.

В целом в работах Чернова, рассматривавших положения марксистской доктрины в период до Первой мировой войны, можно выделить три ключевых проблематики. Первая — касалась философско-социологических аспектов. К ним можно отнести статьи «Экономический материализм и критическая философия» (Вопросы философии и психологии, 1895), «По поводу новой книги об экономическом материализме (Русское богатство, 1899), «Типы психологического и социологического монизма» (Русское богатство, 1899) и другие впоследствии вошедшие в сборник его трудов «Философские и социологические этюды» (Москва, 1907).

Второе направление осмысления марксизма в работах касается характеристики классовой теории марксизма, оценки социально-классовой структуры капиталистического общества и определения ее специфики в разных странах в соответствии с теорией типов капитализма, аграрной эволюции. Он рассматривал эти вопросы в своих статьях «Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя» (Санкт-Петербург, 1900; 1906); «К теории классовой борьбы (Революционная Россия, 1903; 1906) и других, впоследствии включенных в сборник «Социалистические этюды» (Москва, 1908).

Третий аспект, затрагиваемый Черновым в полемике с марксистами, связан с осмыслением аграрного вопроса и перспективы развития общины при переходе к социализму. В книге «Марксизм и аграрный вопрос» (в 2-х частях, Санкт-Петербург, 1906), состоявшей из ранее написанных им и систематизированных статей, и в труде «К вопросу о капитализме и крестьянстве» (Нижний Новгород, 1906) он доказывал, что закон всеобщей пролетаризации не грозит российскому крестьянству в период капитализма, и акцентировал внимание на необходимости разработки аграрной программы.

Все вышеперечисленные работы довоенного периода были переизданы в наше время в сборнике работ Чернова «Избранное» [Чернов, 2010].

Накануне и в период Первой мировой войны Чернов, с одной стороны, углубляет свою концепцию о типах капитализма и стадиях его развития,

CC BY

с другой — уделяет внимание анализу национального вопроса в построениях марксизма. В работе «Марксизм и славянство» (Петроград, 1917) Чернов поднимает интереснейший вопрос о соотношении национального и интернационального в воззрениях Маркса и о причинах русофобии во взглядах классиков марксизма.

Приход к власти в Германии национал-социалистов, вновь актуализировал перед Черновым, находящимся с 1920 года в эмиграции, вопрос о теории и практике марксизма. На злобу дня в 1933 году Чернов пишет работу «Итоги марксизма», состоявшую из 30 параграфов, но опубликовать ее не удалось. На протяжении нескольких лет он работал над рукописью, дополнял, вносил изменения. К 1937 году работа выросла еще на семь параграфов, но с публикацией дело не продвинулось до сих пор. Рукопись хранится в фонде В. М. Чернова в Государственном архиве Российской Федерации [ГАРФ, ф. 5847, оп. 1, д. 11, л. 45] и в коллекции Б. И. Николаевского в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэндфордского университета США [HOOVER INSTITUTION ARCHIVES, F. 21]. В этой работе он акцентирует внимание на слабых сторонах марксистской доктрины; рассматривает международное значение аграрного вопроса, выявляет причины кризиса социалистического движения. Большой интерес вызывают предпринятый им анализ ошибок и просчетов немецкой и русской социал-демократии, характеристика советского социализма, идеи о конструктивном социализме, диктатуре и демократии.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-генетические методы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В идеях народничества оставался глубокий почвеннический потенциал, обусловленный особенностями социальной жизни России с ее многомиллионным крестьянством и преобладанием аграрного сектора экономики. Вот почему В. М. Чернов, идеолог неонародничества, один из лидеров партии социалистов-революционеров, настаивал на необходимости учитывать своеобразие российских общественных отношений при определении стратегии развития России и направлений общественно-политической борьбы.

Вспоминая свои студенческие годы (с 1892 по 1894 годы он был студентом юридического факультета Московского университета), В. М. Чернов отмечал: «Мы, не марксисты, прилежнее всего занимались тогда именно Марксом. Мы считали “вопросом чести” знать Маркса лучше, чем его сторонники… Мы должны были наизусть знать все самые “существенные” боевые цитаты, на которые приходилось опираться в спорах. Те, кто, как я,

CC BY

обладал хорошей памятью, порою “откатывали” Маркса по памяти целыми страницами» [Чернов, 2004, с. 43]. Чернов всегда подчеркивал, что для него «Михайловский и Лавров — с одной стороны, Маркс — с другой — в равной мере являются великими учителями социалистической мысли» [Цит. по: Коновалова, 2009, с. 39].

На основе синтеза идей народничества, марксизма с новейшими наработками западной и отечественной научной и общественно-политической мысли выкристаллизовывались основы неонароднической доктрины.

Опираясь на отдельные положения марксизма и одновременно оспаривая неприемлемые для себя идеи, Чернов не мог отрицать то огромное значение, которое имел марксизм для определения его собственной мировоззренческой позиции.

3.1. В. М. Чернов о марксизме до Первой мировой войны

В работах философско-социологического плана Чернов, с одной стороны, солидаризировался с Марксом, соглашаясь с тем, что, безусловно, критерием научной истины является практика и главный смысл философии в том, чтобы осуществлять синтез «правды-истины» и «правды-справедливости», показывать направление нравственной воли к общественному идеалу [Цит. по: Коновалова, 2009, с 33]. Он также признавал значение теоретических построений марксизма в плане периодизации исторического процесса, изучения законов развития капиталистического общества, классовой борьбы, революции.

С другой стороны, В. М. Чернов обращал внимание на односторонность научных построений марксизма. В исторической концепции последователей исторического материализма, отмечал он, «легко и просто, вне времени и пространства, без отношения к конкретным условиям каждого отдельного случая, решаются с новой точки зрения самые сложные и запутанные практические вопросы социологии и политики» [Чернов, 2010, с. 188]. Чернов считал закономерным и даже своевременным «усиление экономического направления истории», однако полагал, что теоретическая форма, в которую оно вылилось, в том числе в виде пресловутой идеи о базисе и надстройке, больше походит на «формализм», «пустые абстракции», «метафизическую скорлупу» [Там же, с. 196, 200].

С его точки зрения, «классификация социальных “явлений” по их содержанию на экономические, юридические и интеллектуальные на самом деле вовсе не классификация *явлений*, а лишь классификация *элементов*, из которых состоят явления» [Там же, с. 201]. Ему весьма импонировала позиция Н. К. Михайловского, высказанная в статье «Что такое прогресс?»: «Если мы ухватимся за один какой-нибудь социальный элемент, почему-либо бросившийся нам в глаза, и по движению этой части будем

CC BY

судить о развитии целого, то вся история естественно окрасится для нас односторонним и ложным цветом» [Цит. по: Там же, с. 201—204].

Поиск баланса между универсальным и особенным в истории человечества в дальнейшем приведет его к пониманию того, что существуют общие тенденции в историческом развитии, но они по-разному преломляются в различных национальных культурах [Коновалова, 2009, с. 41—42]. На этой идее построена его концепция типов капиталистической эволюции, определены особенности развития капитализма в странах, поздно вступивших на путь капитализма, с преобладанием аграрного сектора экономики, таких как Россия на рубеже XIX — начала XX веков [Коновалова, 2016, с. 225—243].

Характеризуя классовую теорию марксизма, идеолог эсеров обращал внимание на то, что теория классов и классовой борьбы не является «единственно и исключительно собственностью Маркса». Зарождение этого учения уходит «далеко вглубь истории» и представлено в работах представителей утопического социализма А. Смита, Д. Рикардо, А.И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и др. [Чернов, 2010, с. 205, 206].

Полемизируя с отечественными марксистами, он подчеркивал: «До какой степени наши социал-демократы — “ортодоксы” мало понимают и много вульгаризируют учение Маркса» [Там же, с. 205, 206, 225]. Например, по его мнению, это связано с интерпретацией ими критериев разделения общества на классы. У самого Маркса этот вопрос оказался не до конца проработанным: в самом кульминационном пункте его аргументация прерывается «вместе с недоконченной рукописью третьего тома» («Капитала». — *О. К.*) [Чернов, 2010, с. 19]. Опираясь на отдельные высказывания Маркса, социал-демократы главным критерием разделения общества на классы провозгласили отношения собственности на средства производства. При такой позиции, рассуждал Чернов, в класс буржуазии попадают не только предприниматели-капиталисты, но и докапиталистические ремесленники, и крестьяне, ведущие личное трудовое хозяйство [Там же].

Чернов считал, что более последовательное продолжение классовой теории Маркса представил «один из самых крупных «ортодоксальных» его учеников» К. Каутский. Он в качестве главного критерия разделения общества на классы «выдвигает общность источников дохода, а затем уже — вытекающую из того же первого фактора общность интересов и противоречия их другим группам интересов» [Там же, с. 226—228]. Классовая борьба «есть чрезвычайно сложное историческое образование», — подчеркивал Чернов. — «Оно предполагает сравнительно высокую степень сознания, уменья подчинять аффекты и привычки расчету, и даже в самом расчете — уменья подчинять ближайшие и непосредственные интересы интересам идеальным и будущим» [Там же, с. 263].

CC BY

Опираясь на эти положения, с одной стороны, и идею Н. К. Михайловского о народе как совокупности трудящихся классов, с другой, Чернов обосновал концепцию единого рабочего класса — состоявшего из пролетариата и трудового крестьянства, исходя из того, что главным источником их дохода является собственный труд. Это теория стала основой для характеристики социально-политических сил российского общества накануне и в период революции [Коновалова, 2016, с. 225—243]. Безусловно, своеобразной данью марксизму Чернова в молодые годы явилось убеждение в прогрессивности и неизбежности революции. Даже целесообразность тактики политического терроризма, воспринятую им из арсенала народничества, идеолог эсерства обосновывал в числе прочего необходимостью «революционизирования масс» [Там же, с. 70].

Все эти исходные теоретические установки помогли Чернову разработать аграрную программу партии эсеров, включающую положения о социализации земли и развитии кооперации. Однако и здесь не обошлось без марксизма. В работах «Марксизм и аграрный вопрос» и «К вопросу о капитализме и крестьянстве» он доказывал, что закон всеобщей пролетаризации не грозит российскому крестьянству в период капитализма. Истоки такой позиции он усматривал в позднем марксизме.

Полемизируя с отечественными марксистами, он обращал внимание на то, что они упускают из виду эволюцию взглядов Маркса на крестьянство и аграрный вопрос вообще и в России в частности. Действительно, ранние Маркс и Энгельс (периода 1848 года) были убеждены в консервативности и даже реакционности крестьянства, и дальнейшее прогрессивное развитие они связывали с перспективой его пролетаризации [Чернов, 2010, с. 369, 333].

Вместе с тем Чернов признавал, что исследование этого аспекта весьма нетривиально. Сложность изучения взглядов классиков на аграрный вопрос и крестьянство заключается в том, что «мы не имеем теперь перед собой в сколько-нибудь полном и законченном виде марксовой теории аграрной эволюции, параллельно теории индустриальной эволюции» [Там же, с. 345]. Скрупулёзный анализ воззрений Маркса на основе трех томов «Капитала» позволил Чернову продемонстрировать, что идея о своеобразии проявления капитализма в сельском хозяйстве и специфике рабочего вопроса в этой отрасли хозяйства принадлежит позднему Марксу. Подводя некоторый итог своим размышлениям, Маркс писал в 3-м томе «Капитала»: «Мораль истории (производства)… заключается в том, что капиталистическая система противодействует рациональному земледелию» [Цит. по: Там же, с. 363]. Это давало Чернову, опираясь в том числе на идеи Маркса, развивать концепцию некапиталистического пути развития сельского хозяйства в России.

CC BY

Проводя глубокий сравнительный анализ воззрений Маркса и Энгельса, В. М. Чернов убедительно продемонстрировал, что в начале 1880-х годов классики марксизма уже не отрицали положительной роли крестьянской общины, более того, не исключали возможности, при определенных условиях, перейти крестьянской общине в России «в высшую форму общественного развития, минуя процесс разложения, совершившийся повсюду на Западе» [Там же, с. 27, 462—463].

Отметим, что о глубине анализа Черновым работ Маркса говорит и современный отечественный исследователь А. В. Горлов, весьма критически настроенный к идеологии эсеров и ее автору. В своей статье «Эсеровский идеал системы государственного управления: дрейф от социализма к либерализму» он признает: «В книге “Марксизм и аграрный вопрос”, несмотря на все ее недостатки, Чернов, в отличие от более ранних своих работ, предстает перед нами как несомненный мастер взвешенного, детального и тонкого анализа теоретических взглядов своих оппонентов из социал-демократического лагеря <…> мы видим честную попытку выяснить действительное отношение основоположников марксизма к народничеству» [Горлов, 2011, с. 38]. Горлов приводит также цитату из предисловия ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1882 года, на которую опирался Чернов. В ней классики марксизма отмечали: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [Цит. по: Там же].

Таким образом, мы видим, что в период активного распространения марксизма, роста рабочего и революционного движения Чернов стремился доказать, что его теоретические построения в ряде случаев не чужды позднему марксизму, а его оппоненты из социал-демократического лагеря не учитывали эволюцию взглядов классиков. Такая позиция позволяла при встречном движении со стороны социал-демократов найти основу для сближения социалистических партий и создавала гипотетическую возможность создания единой партии. Однако исторические реалии России начала XX века, политические амбиции политических лидеров не позволили этому осуществиться.

3.2. В. М. Чернов о марксизме в годы Первой мировой войны

Накануне и в период Первой мировой войны Чернов, с одной стороны, углубляет свою концепцию типов капитализма и стадий его развития, с другой — уделяет внимание анализу национального вопроса в построениях марксизма. В работе «Марксизм и славянство» (Петроград, 1917) Чернов поднимает интереснейший вопрос о соотношении национального

CC BY

и интернационального в воззрениях Маркса и о причинах русофобии во взглядах классиков марксизма.

Раскол II Интернационала в период Первой мировой войны, считал В. М. Чернов, «есть лишь блестящее продолжение и увенчание той разноголосицы, которая царила в рядах социалистов по данному вопросу изначала» [Чернов, 1917, с. 4—5].

Еще в период революции 1848 года Маркс предполагал, что в условиях распространения пролетарской революции в Европе «Россия и тяготеющее к ней славянство» неизбежно станет внешним врагом, поэтому считал возможным активно вести свою революционную войну, и в ней «он готов был усматривать самый действенный и могучий “локомотив истории”» [Там же, с. 5—6]. Корни таких воззрений Чернов видел во влиянии исторических событий Великой Французской революции и наполеоновских войн. Сближение России и Франции и образование франко-русского союза в начале 1890-х годов вызывали у Энгельса, уже после смерти Маркса, также резкие антироссийские настроения.

Конечно, подчеркивал Чернов, «*революционный* шовинизм Маркса и Энгельса не имел ничего общего с *национализмом*, с шовинизмом *немецким*» [Чернов, 1917, с. 12]. Они различали «в современных нациях *правительства* от *народов*» и, говоря о России как внешнем враге, прежде всего под таковым подразумевали «русский военный деспотизм». Но это заигрывание «с якобинской традицией», — обращал внимание Чернов, — не прошло бесследно. Из-под пера Энгельса, — приводил он пример, — выходят такие строки: «На сентиментальные фразы о братстве народов, с которыми обращаются к нам от имени контрреволюционных национальностей Европы, мы отвечаем, — что ненависть к русским (der Russenhass) была поныне и является у немцев их первою революционною страстью!» [Там же, с. 12—15]. На этом примере лидер эсеров остановился специально, подчеркнув, что взятая марксизмом на вооружение якобинская традиция «таит в себе огромную опасность»: «Она чревата внутренне-ложной идеей о возможности внести в другую страну свободу на остриях штыков чужеземных армий» и из революционной практически превращается в бонапартистскую [Там же, с. 15].

Таким образом, Чернов считал, что в мировоззрении классиков марксизма «с точки зрения соотношения национального и интернационального оказались существенные бреши». Первая брешь — «это якобинская традиция, облегчавшая марксизму 48 г. “приятие войны”, толкавшая к утилизированию национального патриотизма в интересах революции, к созданию и укреплению своеобразного “революционного шовинизма”» [Там же, с. 38].

CC BY

Вторая брешь кроется «в переоценке революционной зрелости пролетариата и творчески-преобразующей роли капитализма» — «переоценке, благодаря которой борцы 1848 года приняли национально-демократический “этап” или “привал” буржуазного строя за конечный пункт его странствия, за историческую смену, его новым строем, социалистическим» [Там же].

Третья брешь «заключается в общей недооценке у Маркса роли национального начала в истории» [Там же]. «Интернационализм», который всегда держит сторону крупных национальностей против мелких — а это почти всегда означает господствующих национальностей против подчиненных — есть интернационализм односторонний, однобокий», — констатирует он [Там же].

Конечно, — признавал лидер эсеров, — по мере роста общественно-политического движения в самой России против деспотизма отношение классиков «к славянскому вопросу становится гораздо более спокойным» [Там же, с. 42]. Однако общая ориентация остается прежней. Приоритетными по-прежнему являлись понимаемые классиками интересы западноевропейского пролетариата.

Более того, в силу исторических особенностей развития Германии, перед которой стояла задача объединения «тридцати шести отечеств», «Маркс и Энгельс по всем своим тенденциям были централизаторами. К федеративному принципу у них была явно выражена идиосинкразия» [Там же, с. 45].

Последний источник «антиславянизма» Маркса и Энгельса В. М. Чернов усматривал в «одностороннем характере всей их социалистической конструкции». Под ним он понимал стремление к созданию «социализма индустриального пролетариата», который он квалифицирует как «однобокий индустриальный социализм». Это отразилось на том, «что в столкновении интересов индустриально-капиталистических наций с земледельческими они были за первых против вторых». Дело в том, что индустриально-развитые нации рассматривались Марксом как исторически-революционные, а остальные — земледельческие и полуземледельческие как контрреволюционные. Однако, как оказалось, эти передовые нации не готовы к социализму, и в конечном итоге, «торжество их над земледельческими народами» явилось «торжеством буржуазного империализма» [Там же, с. 47].

Оценка Черновым интернационалистических построений марксизма весьма жесткая: «Получившийся из однобокого индустриального социализма, однобокий ущербный интернационализм открывает настежь двери подсознательным пережиткам национальных предубеждений, “симпатий и антипатий”, “притяжений” и “отталкиваний” <...> Теория Маркса была интернационалистической по замыслу. Но ее интернационализм остался

CC BY

неполным, незавершенным. В теории оказались элементы, самым чувствительным образом этот интернационализм ограничившие» [Там же, с. 51]. Противоречия формы и содержания марксистского интернационализма и привели к расколу марксистскую социал-демократию в годы Первой мировой войны.

Тем не менее Чернов положительно относился в целом к попыткам обоснования интернационалистических позиций в марксизме. Вместе с тем он полагал, что, по сути, «интернационализм, существующий доселе, — еще не интернационализм. Истинный интернационализм не позади, а впереди нас, — не в прошлом, а в будущем…» [Чернов, 1917, с. 51].

Итак, как видим, в годы Первой мировой войны Чернов, стоящий на интернационалистических позициях, весьма жестко критиковал марксистский интернационализм за отсутствие четкой позиции по отношению к национальному вопросу и считал, что в свою очередь это сыграло немаловажную роль в расколе социалистического движения.

3.3. В. М. Чернов о марксизме в эмиграции

Приход к власти в Германии национал-социалистов вновь актуализировал перед Черновым, находящимся с 1920 года в эмиграции, вопрос о теории и практике марксизма. Парадокс истории заключался в том, что Гитлер победил на выборах на родине марксизма в 1933 году, ровно через 50 лет после смерти основателя коммунизма.

В работе «Итоги марксизма» В. М. Чернов, с одной стороны, возвращается к слабым сторонам марксистской доктрины, с другой — углубляет свои взгляды в отношении международного значения аграрного вопроса, кризиса социалистического движения. «Через полвека после смерти Карл Маркс подвергается вторичному духовному и политическому изгнанию из родной земли. Его труды осуждены на позорное публичное всесожжение — аутодафе — во вкусе средневековья» (Чернов «Итоги марксизма») [HOOVER INSTITUTION ARCHIVES, F. 21]. Пришедшая к власти «под фальшивым флагом какого-то “национал-социализма” торжествует головокружительные победы демагогия, обещающая возродить германский народ… и раз навсегда “покончить с марксизмом”», — начинал свою работу Чернов [Там же].

Однако «у этого великого “посмертного изгнанника”, как будто, явилась вторая родина» — Советская Россия, «вся переполненная его бюстами, его портретами, его книгами». «Советская Россия, где “марксистами” обязаны быть профессора всех высших и учителя всех средних учебных заведений, где учебники “диамата” — диалектического материализма — унаследовали обязательность прежних катехизисов Филарета, где даже астрономия, геология и биология должны с университетских кафедр по-

CC BY

даваться “в теоретическом обрамлении марксизма”. Какая из этих “гримас истории хуже”?» — задает он риторический вопрос [Там же].

Чернов, безусловно, к этому времени не только не мог ужаснуться приходу фашистов к власти, но и оставался жестким критиком большевистской практики строительства социализма. Негативная оценка процессов, происходящих в Советской России в 1930-е годы, еще больше усиливала его критический взгляд на марксизм. Если в начале века он спорил с социал-демократами, что называется, за Маркса, то теперь он подчеркивает: «Беспристрастие еще раз заставляет нас признать, что большевизм содержится в марксизме, как один из его мыслимых вариантов». Марксизм времен «Коммунистического манифеста» склонялся к будущему большевистскому его «разночтению» гораздо более, чем к «каутцкианскому» (Чернов «Итоги марксизма») [ГАРФ, ф. 5847, оп. 1, д. 11, л. 45].

Почему у идеологии марксизма такая судьба? В чем, несмотря на его безусловную гениальность, ошибся Маркс? Чернов пытался докопаться до истины.

Ставка на пролетариат и диктатуру пролетариата при построении светлого будущего опиралась у Маркса на убеждение, «что все трудовое население подвержено закону прогрессивной универсальной пролетаризации». Маркс не учел, «что прогрессирующая индустриализация производства на известной стадии развития перестает быть источником соответственного увеличения числа рабочих. В век рационализации развитие машинизма производит больше новых безработных, чем новых рабочих», — совершенно справедливо замечает эсер [Там же, л. 15].

Более того, «экономическая пролетаризация и даже пауперизация вовсе не обязательно имеют своим последствием соответственное развитие пролетарского классового самосознания». Чернов подчеркивал, что Маркс слишком «рационализировал историю», полагая, что рабочий класс как экономическая категория в реальной жизни будет вести себя как «хорошая счетная машинка». Он не учитывал реальную психологию людей, не желавших не только пауперизироваться, но даже и пролетаризироваться, взращивавших в себе «чувство социальной обиды» и желавших выместить ее на ком-то, компенсируя на других, например на евреях, те трудности и лишения, с которыми они лично сталкивались. Именно опираясь «на алогическое и подсознательное» в личности немецких рабочих, ущемленное Версальским миром национальное чувство, «смутную и темную тягу к «компенсационным переживаниям», гитлеровцы оказались «гораздо большими виртуозами в деле массовой агитации и пропаганды» и превзошли апеллирующих к рациональному сознанию рабочих немецких социал-демократов, — подчеркивал он [Там же, л. 19—20].

CC BY

Наконец, слабым звеном марксистской идеологии В. М. Чернов называл аграрный вопрос. На начальной стадии развития марксизма главной его установкой в отношении крестьян и деревни являлся «индустриоморфизм» — убеждение в аналогичности аграрной и индустриальной эволюции, уверенность в прогрессивности пролетаризации крестьянства. Реальная жизнь заставила изменить свои позиции, и «индустриоморфизм» сменился «индустриоцентризмом»: «Сельское хозяйство больше не мыслилось как развивающееся вполне по типу городской индустрии, но именно поэтому оно и было признано безнадежно инертною частью современной национальной экономики, спутником индустрии» [Там же, л. 51—52].

Чернов был уверен, что вопрос о деревне и городе, индустрии и сельском хозяйстве давно вышел из разряда внутренней политики государств. Эта проблема взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством в современном мире приобрела международный характер: «Основной противоположности между городом и деревней внутри страны соответствует противоположность между странами — индустриальными метрополиями мира и странами аграрными, странами и народами колониального и полуколониального типа. Страны-метрополии являются субъектами современной империалистической политики, страны-колонии — ее объектами» [Там же, л. 53]. История показала, что различие между ними — «не простое различие между ступенями одной и той же универсальной и общеобязательной лестницы развития… и времени достижения разными нациями и странами тех же самых ее ступенек», как полагал марксизм; «здесь появляется и все отчетливее вырисовывается огромная система международного разделения труда, с явной тенденцией к закреплению “всерьез и надолго”» [Там же, л. 54].

Чернов отмечает, что марксисты в рамках своей концепции о сущности последней империалистической стадии капитализма, ошибаясь, по сути, в скорой кончине капитализма, все же увидели «механизм эксплуатации — в мировом масштабе — аграрных сфер влияния индустриально-капиталистическими метрополиями» и практически признали, что прибавочная стоимость появляется «не только в процессе производства», «но и в не менее грандиозном масштабе в сфере обмена» [Там же, л. 54—55].

Он подчеркивал, что сложившаяся колониальная система практически основана на неэквивалентности обмена между странами, поставляющими сырье, и странами, его перерабатывающими. Прибавочная стоимость, формируясь не только в сфере производства, но и, главное, в сфере обмена между странами, выступает фактором, объединяющим национальную буржуазию и пролетариат под эгидой национального капитализма. Поэтому идея объединения пролетариев всех стран, на которую уповал Маркс, ока-

CC BY

залась эфемерной. В годы Первой мировой войны «немецкий пролетарий, в теории не знающий отечества, исправно на всех фронтах дрался против такого же, как он, собрата-пролетария» [Там же, л. 59]. «В самых передовых и культурных странах пролетариат, считавшийся авангардом мирового рабочего движения, — оказывался не раз, к ужасу и скорби искренних социалистов, в роли малодушного попустителя и даже пособника империалистической оргии», — констатировал Чернов [Там же, л. 60].

Наконец, «Маркс предрекал социальную революцию и диктатуру пролетариата в итоге ПЕРЕЗРЕЛОСТИ буржуазного общества… от чрезмерного ПОЛНОКРОВИЯ. Он не предвидел и не мог предвидеть, что первые попытки установления диктатуры пролетариата будут продиктованы противоположным мотивом: что буржуазный мир предварительно истощит себя в судорогах мировой войны и что социальные низы восстанут против социального бельэтажа, заявляя, что им не на что содержать его. Он не предвидел судорог социальной революции вследствие истощенности и худосочия» [Там же, л. 61]. Более того, он не мог предположить, что идея диктатуры пролетариата будет провозглашена и реализована в России, преимущественно аграрной стране, где большинство населения — крестьяне. Таким образом, повторяет свой приговор марксизму Чернов, «марксистский международный социализм — был односторонним индустриальным социализмом. Он зародился в том уголке мира, который можно было бы назвать индустриальной метрополией земного шара», и сам долго не замечал своей ограниченности: «Схему собственного развития он возводил в ранг всеобщего закона, считая ее готовым образцом, предвосхищающим дальнейший ход развития всего остального мира» [Там же, л. 53].

4. Заключение = Conclusions

Как видим, взгляды Чернова на роль и значение марксизма в истории общественно-политической мысли и движения не оставались неизменными. В период политических баталий с отечественными социал-демократами в начале XX века лидер эсеров стремился доказать, что знает теоретическое наследие Маркса лучше, чем марксисты, и на основе синтеза теоретических положений марксизма, народничества с идеями западной социал-демократии строил программно-теоретические основы и тактические позиции нарождающегося эсерства.

Накануне и в период Первой мировой войны, прихода к власти большевиков усиливаются критические замечания Чернова по отношению к теории и практике марксизма, в том числе по интернациональному вопросу.

Подводя итоги развития марксизма в 1930-е годы, Чернов назвал их парадоксальной «гримасой истории». С одной стороны, на родине Маркса

CC BY

к власти пришли национал-социалисты. Это было обусловлено не только историческим своеобразием ситуации, в которой оказалась Германия после Первой мировой войны, тактическими просчетами немецкой социал-демократии, но и идеологическими брешами в самой доктрине марксизма. С другой стороны, критически воспринимая социалистический эксперимент большевиков в России, он подчеркивал неразрывную часть марксизма и большевизма и акцентировал внимание на ошибки и просчеты марксизма. Их он видел в переоценке роли пролетариата, ставке на диктаторские формы власти, игнорировании общечеловеческих принципов морали, демократических ценностей.

Отталкиваясь от большевистского эксперимента, Чернов пытался выстроить собственную альтернативную модель развития России и пришел к идеям «конструктивного социализма», интегральной демократии. Их суть — в распространении принципов демократии: уважения прав и свобод личности, равноценности воль, согласования интересов между большинством и меньшинством и недопустимости насилия — не только на политическую, социально-экономическую, культурную и даже психологическую сферы, но и неизбежно на область международной политики, международных отношений.

После перипетий Второй мировой войны и первого послевоенного времени оставшиеся в живых бывшие эсеры и российские социал-демократы — меньшевики посчитали нужным заявить о том, что былые разногласия между этими двумя течениями российского общественного движения уже не имеют значения, и объединились в единую социалистическую партию. Это произошло в США в марте 1952 года, за месяц до смерти В. М. Чернова.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 11. Чернов В. М. Итоги марксизма.

2. *Чернов В. М.* Избранное / В. М. Чернов. — Москва : : РОССПЭН, 2010. — 718 с. — ISBN 978-5-8243-1220-1.

3. *Чернов В. М.* Марксизм и славянство / В. М. Чернов. — Петроград : [б. и.], 1917. — 102 с.

4. *Чернов В. М.* Перед бурей : Воспоминания. Мемуары / В. М. Чернов. — [б. г.] : Харвест, 2004.— 416 с. — ISBN 985-13-1809-4.

CC BY

5. *HOOVER* INSTITUTION ARCHIVES. B. I. Nicolaevsky Collection, Box 388. F. 21. Чернов В. М. Итоги марксизма.

Литература

1. *Аврус А. И.* От Хвалынска до Нью-Йорка : жизнь и общественно-политическая деятельность В. М. Чернова / А. И. Аврус, А. П. Новиков. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. — 300 с. — ISBN 978-5-292-04231-0.

2. *Аврус А. И.* Виктор Чернов : судьба русского социалиста / А. И. Аврус, А. А. Голосеева, А. П. Новиков. — Москва : Ключ-С, 2015. — 368 с. — ISBN 978-5-906751-39-3.

3. *Бузгалин А. В.* Будущее марксизма и марксизм будущего / А. В. Бузгалин // Альтернативы. — 2018. — № 2. — С. 102—116.

4. *Гусев К. В.* В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету / К.В. Гусев. — Москва : РОССПЭН. 1999. — 207 с.

5. *Горлов А. В.* Эсеровский идеал системы государственного управления : дрейф от социализма к либерализму / А. В. Горлов // Вестник государственного и муниципального управления: страницы истории. — 2011. — № 1. — С. 35—41.

6. *Гинев В. Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902—1914 гг. / В. Н. Гинев. — Ленинград : Наука, 1983. — 335 с.

7. *Ерофеев Н. Д.* Предисловие к сборнику / Н. Д. Ерофеев // Партия Социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907 гг. — Москва : РОССПЭН, 1996. — Т. 1. — С. 8—9.

8. *Иммонен Х.* Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873—1952) / Х. Иммонен. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — 486 с. — ISBN 978-5-94380-198-3.

9. *Коновалова О. В.* Чернов о путях развития России / О. В. Коновалова. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 383 с. — ISBN 978-5-8243-1128-0.

10. *Коновалова О. В.* Идеология неонародничества (по работам В. М. Чернова) / О. В. Коновалова // Народники в истории России. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. — С. 225—243.

11. *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. / М. И. Леонов. — Москва : РОССПЭН, 1997. — 512 с.

12. *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. / К. Н. Морозов. — Москва : РОСПЭН, 1998. — 512 с.

13. *Новиков А. П.* В. М. Чернов : Человек и политик. Материалы к биографии / А. П. Новиков. — Саратов : Аквариус, 2004. — 318 с.

14. *Пляйс Я. А.* Марксизм и социальные революции в России / Я. А. Пляйс. — Москва : Центркаталог, 2019. — 128 с. — ISBN 978-5-903268-09-2.

15. *Розов Н. С.* Идеи и ошибки марксизма в свете исторической макросоциологии / Н. С. Розов // Идеи и идеалы. — 2018. — Т. 2. — № 4 (38). — С. 42—60.

16. *Степнов П. А.* Марксизм как идеократия и наука / П. А. Степнов // Наука о человеке : гуманитарные исследования. — 2020. — Т. 14. — № 4. — С. 232—247.

17. *Симченко Н. А.* Марксистская экономическая теория в истории капитализации России / Н. А. Симченко, Ю. Цехла, А. Т. Потеева. — Симферополь : АРИАЛ, 2018. — 375 с. — ISBN 978-5-906962-83-6.

18. *Хорос В. Г.* Неонародническая идеология и марксизм / В. Г. Хорос. — Москва : Наука, 1972. — 176 с.

19. *Hildermeier M.* The Russian Socialist Revolutionary Party before the First world war / M. Hildermeier. — New-York : LIT Verlag Münste, 2000. — 385 p.

CC BY

20. *Melancon M.* Chernov / M. Melancon // Critical companion to the Russian Revolution 1914—1921 / Edited by Edward Acton, Vladimir Cherniaev, Willian Rosenberg. — London, Sydney, Auckland : Indiana University Press, 1997. — 782 p.

Статья поступила в редакцию 13.11.2024,
одобрена после рецензирования 25.01.2025,
подготовлена к публикации 20.03.2025.

Material resources

Chernov, V. M. (2004). *Before the storm: Memoirs. Memoirs.* [b. g.]: Harvest. 416 p. ISBN 985-13-1809-4. (In Russ.).
Chernov, V. M. (2010). *Favorites.* Moscow: ROSSPEN. 718 p. ISBN 978-5-8243-1220-1. (In Russ.).
Chernov, V. M. (1917). *Marxism and Slavism.* Petrograd: [b. i.]. 102 p. (In Russ.).
Chernov, V. M. Results of Marxism. *GARF. F. 5847. Op. 1. D. 11.* (In Russ.).
Chernov, V. M. Results of Marxism. *HOOVER INSTITUTION ARCHIVES. B. I. Nikolaevsky Collection, Vol. 388. F. 21.* (In Russ.).
GARF — *The State Archive of the Russian Federation.* (In Russ.).

References

Avrus, A. I., Goloseeva, A. A., Novikov, A. P. (2015). *Viktor Chernov: the Fate of a Russian socialist.* Moscow: Klyuch-S. 368 p. ISBN 978-5-906751-39-3. (In Russ.).
Avrus, A. I., Novikov, A. P. (2013). *From Khvalynsk to New York: the life and socio-political activity of V. M. Chernov.* Saratov: Sarat Publishing House. University. 300 p. ISBN 978-5-292-04231-0. (In Russ.).
Buzgalin, A. V. (2018). The future of Marxism and Marxism of the future. *Alternatives, 2:* 102—116. (In Russ.).
Ginev, V. N. (1983). *The struggle for the peasantry and the crisis of Russian neo-narodism in 1902—1914.* Leningrad: Nauka Publ. 335 p. (In Russ.).
Gorlov, A. V. (2011). The Socialist Revolutionary ideal of the public administration system: the drift from socialism to liberalism. *Bulletin of State and Municipal Administration: pages of History, 1:* 35—41. (In Russ.).
Gusev, K. V. (1999). *V. M. Chernov. Strokes to a political portrait.* Moscow: ROSSPEN. 207 p. (In Russ.).
Hildermeier, M. (2000). *The Russian Socialist Revolutionary Party before the First world war.* New-York: LIT Verlag Münste. 385 p.
Immonen, H. (2015). *Dreams of a new Russia. Victor Chernov (1873—1952).* St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 486 p. ISBN 978-5-94380-198-3. (In Russ.).
Khoros, V. G. (1972). *Neo-national ideology and Marxism.* Moscow: Nauka Publ. 176 p. (In Russ.).
Konovalova, O. V. (2009). *Chernov on the ways of development of Russia.* Moscow: ROSSPEN. 383 p. ISBN 978-5-8243-1128-0. (In Russ.).
Konovalova, O. V. (2016). Ideology of neo-populism (based on the works of V. M. Chernov). In: *Narodniks in the history of Russia.* Voronezh: VSU Publishing House. 225—243. (In Russ.).
Leonov, M. I. (1997). *The Socialist Revolutionary Party in 1905—1907.* Moscow: ROSSPEN. 512 p. (In Russ.).

Melancon, M. (1997). Chernov. In: *Critical companion to the Russian Revolution 1914—1921.* London, Sydney, Auckland: Indiana University Press. 782 p.

Morozov, K. N. (1998). *The Socialist Revolutionary Party in 1907—1914.* Moscow: ROSPEN Publ. 512 p. (In Russ.).

Novikov, A. P. (2004). *V. M. Chernov: A man and a politician. Materials for the biography.* Saratov: Aquarius. 318 p. (In Russ.).

Plais, Ya. A. (2019). *Marxism and social revolutions in Russia.* Moscow: Tsentrkatalog. 128 p. ISBN 978-5-903268-09-2. (In Russ.).

Rozov, N. S. (2018). Ideas and mistakes of Marxism in the light of historical macrosociology. *Ideas and Ideals, 2 / 4 (38):* 42—60. (In Russ.).

Simchenko, N. A., Tsekhla, Y., Poteeva, A. T. (2018). *Marxist economic theory in the history of Russian capitalization.* Simferopol: ARIAL. 375 p. ISBN 978-5-906962-83-6. (In Russ.).

Stepnov, P. A. (2020). Marxism as ideocracy and science. *Science of man: humanitarian studies, 14 (4):* 232—247. (In Russ.).

Yerofeyev, N. D. (1996). Preface to the collection. In: *The Party of Socialist Revolutionaries. Documents and materials. 1900—1907, 1.* Moscow: ROSSPEN. 8—9. (In Russ.).

The article was submitted 13.11.2024;
approved after reviewing 25.01.2025;
accepted for publication 20.03.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Райнхардт Р. О. Германская научная диаспора за рубежом в 1933—1946 годах : механизм самоорганизации и инструменты взаимопомощи / Р. О. Райнхардт, Г. Н. Буслаев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 483—502. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-483-502.

Reinhardt, R. O., Buslaev, G. N. (2025). German Scientific Diaspora Abroad (1933-1946): Mechanisms of Self-Organization and Instruments of Mutual Assistance. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 483-502. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-483-502. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Германская научная диаспора за рубежом в 1933—1946 годах: механизм самоорганизации и инструменты взаимопомощи

Райнхардт Роман Отмарович
orcid.org/0000-0002-0890-8844,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры дипломатии,
корреспондирующий автор
don.reinhardt@mail.ru

Буслаев Георгий Николаевич
orcid.org/0000-0003-0595-3831
аспирант кафедры дипломатии
buslaev.egor98@gmail.com

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-78-10136

German Scientific Diaspora Abroad (1933-1946): Mechanisms of Self-Organization and Instruments of Mutual Assistance

Roman O. Reinhardt
orcid.org/0000-0002-0890-8844
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Diplomacy,
corresponding author
don.reinhardt@mail.ru

Georgy N. Buslaev
orcid.org/0000-0003-0595-3831
Postgraduate student,
Department of Diplomacy
buslaev.egor98@gmail.com

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-10136

© Райнхардт Р. О., Буслаев Г. Н., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается процесс формирования германской научной диаспоры за рубежом после прихода к власти нацистов в 1933 году. Анализируются предпосылки масштабной эмиграции научных кадров из страны, прежде всего, принятие 7 апреля 1933 года закона о восстановлении статуса государственных служащих. Рассматривается уникальный исторический прецедент учреждения организации взаимопомощи научных работников, вынужденно оказавшихся в эмиграции, — Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом. Делается акцент на значении личной инициативы видного патолога Филиппа Шварца и его ближайших соратников в создании названной структуры. Изучаются механизм и особенности ее работы, ключевые географические направления деятельности и международные связи. Проанализированы материалы специального архивного фонда британского Общества защиты науки и образования. Проведена оценка эффективности работы ассоциации за тринадцатилетний период ее существования — с 1933 по 1946 годы. Сделан вывод, что основанная Филиппом Шварцем организация сыграла важную роль в институционализации немецкой научной диаспоры в соответствующий период и помогла почти 1800 ученым спастись от преследования нацистских властей. Отмечена значимость наследия ассоциации не только как исторического эпизода, но и как одного из образцов успешного «научно-диаспорального строительства» в экстремальных условиях.

Ключевые слова:
научная диаспора; научная дипломатия; утечка умов; история Германии; Чрезвычайная ассоциация немецких ученых за рубежом; Филипп Шварц.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of forming the German scientific diaspora abroad following the rise of the Nazis to power in 1933. It analyzes the factors leading to the large-scale emigration of scientific personnel from Germany, particularly focusing on the enactment of the Law for the Restoration of the Professional Civil Service on April 7, 1933. The study highlights a unique historical precedent in the establishment of a mutual assistance organization for scientists who were forced into exile — the Emergency Association of German Scientists Abroad. Emphasis is placed on the significance of personal initiative by prominent pathologist Philipp Schwartz and his close associates in founding this organization. The mechanisms and characteristics of its operations, key geographical areas of activity, and international connections are explored. Materials from a special archival collection of the British Society for the Protection of Science and Learning are analyzed. An assessment of the association's effectiveness over its thirteen-year existence — from 1933 to 1946 — is conducted. The findings indicate that the organization founded by Philipp Schwartz played a crucial role in the institutionalization of the German scientific diaspora during this period, aiding nearly 1,800 scholars in escaping persecution by the Nazi regime. The legacy of the association is noted not only as a historical episode but also as a model of successful "scientific diasporic construction" under extreme conditions.

Key words:
scientific diaspora; scientific diplomacy; brain drain; history of Germany; Emergency Association of German Scientists Abroad; Philipp Schwartz.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 325.2(=112.2):001.38“1933/1946”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-483-502

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Германская научная диаспора за рубежом в 1933—1946 годах: механизм самоорганизации и инструменты взаимопомощи

© Райнхардт Р. О., Буслаев Г. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Формирование научной диаспоры, как правило, представляет собой сложный и нелинейный процесс. На него могут влиять как внутренние, так и внешние факторы. Что касается внутренних факторов, то мотивацию научных работников к переезду за рубеж зачастую обусловливают, с одной стороны, профессиональная компонента и, с другой стороны, социальная или этнокультурная. В первом случае основной движущей силой миграции научных кадров выступает академическая мобильность в совокупности со сравнительно более привлекательными условиями труда, дополнительными карьерными возможностями, а также иными стимулами и обстоятельствами, способствующими более полному, нежели на родине, раскрытию их потенциала и развитию в стране, куда они уезжают [Мозебах и др., 2024]. Во втором случае речь может идти о присутствии ученых и исследователей в масштабных миграционных потоках — например, так называемых поздних переселенцев в Германию из России и бывших советских республик в 1990-х годах [Буслаев, Немудров, 2024].

Говоря о внешних факторах, в положительном ключе уместно выделить меры и программы отдельных государств по привлечению иностранных ученых. В последнее время для обозначения этого феномена иногда даже используется термин *охота за умами* (англ. *brain hunt*) [Коробков, 2012]. В более широком смысле он попадает, на наш взгляд, в предметное поле научной дипломатии и — у́же — «дипломатии для науки» как одного из трех условных подразделов последней [Райнхардт, 2019].

Однако не секрет, что отнюдь не всегда ученые эмигрируют «за хорошей жизнью». Известно немало случаев, когда они это делали в большей степени «от плохой (или даже совсем плохой) жизни» в родной стране. Последняя может подразумевать деградацию национального научного комплекса и его инфраструктуры вследствие разного рода политических

CC BY

и / или социально-экономических трансформаций, резкого сокращения финансирования фундаментальной и прикладной науки, равно как и иных связанных с перечисленными явлений, подобных тем, что, скажем, наблюдалось в странах бывшего СССР сразу после его распада [Дежина, 2012]. Впрочем, это еще далеко не худший сценарий. В наиболее экстремальных случаях, как то: войны, в том числе гражданские, преследования по политическим или иным мотивам, другие ситуации, представляющие угрозу не только и не столько для научной карьеры, сколько для жизни, — деятели науки бывают просто вынуждены спасаться бегством.

В свою очередь, такие критические ситуации гипотетически могут способствовать большей консолидации групп ученых и научных сообществ, оказавшихся против своей воли в изгнании. Ведь в случае добровольной и осознанной миграции проблем — главным образом не научного, а бытового свойства — обычно меньше, чем в случае миграции вынужденной. Как следствие, даже если ученые массово ищут более выгодные места за границей, они не всегда склонны сотрудничать друг с другом и совместно решать те или иные стоящие перед ними общие задачи. В результате научная диаспора как таковая либо не формируется вовсе, либо приобретает амфорный, «атомизированный» [Аллахвердян, 2007] характер.

Общая беда, как известно, наоборот, объединяет. Причем иногда даже тех, кто при ее отсутствии и не стал бы взаимодействовать с оказавшимися в сходном положении. Впрочем, принимать кооперацию и самоорганизацию ученых-изгнанников за некую данность было бы методологически неверно. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что подобные явления могут и не наблюдаться даже при наличии к ним объективных предпосылок. Так, например, ученые, эмигрировавшие из России после революций 1917 года, практически не реализовали каких-либо памятных проектов по институциональному объединению [Наука в рассеянии ..., 2019] — в отличие, предположим, от дипломатов, создавших тогда же до сих пор уникальную по своему характеру структуру — «Совет послов» русского зарубежья [Миронова, 2011; Райнхардт, 2019].

Если обратиться не к истории, но к современности, то, несмотря на активное обсуждение этого сюжета в экспертных кругах [Researchers, 2022], украинские ученые, покинувшие страну после 2022 года, также не создали какой-либо относительно широко известной организации взаимопомощи. Такая взаимопомощь если и осуществляется, то носит разрозненный, точечный и несистемный характер.

Тем интереснее предстает исторический эпизод самообъединения ученых, вынужденно покинувших Германию после прихода к власти нацистов в 1933 году. В том же году под началом видного патолога Филиппа Швар-

CC BY

ца в Цюрихе была создана Чрезвычайная ассоциация немецких ученых за рубежом (нем. Notgemeinschaft deutscher Wissenschaftler im Ausland). Данная ассоциация оказывала поддержку преследуемым нацистами ученым, профессорам и преподавателям в поиске новых рабочих мест в различных научных центрах и университетах по всему миру. Эта структура просуществовала до 1946 года, когда в ее деятельности отпала практическая необходимость. За тринадцать лет своей работы, в которой принимали участие корифеи немецкой науки, в частности один из создателей квантовой механики и будущий лауреат Нобелевской премии по физике (1954 год) Макс Борн, она оказала реальную помощь многим ученым-выходцам из Германии, представлявшим самые разные области знания. Фактически история данной ассоциации являет собой один из немногочисленных и, возможно, наиболее успешных примеров органичного возникновения, институционализации и функционирования научной диаспоры.

С учетом этого, а также в свете отсутствия ее анализа в отечественных специализированных научных трудах и неполного отражения в зарубежных работах обозначенный сюжет представляется значимым и актуальным для рассмотрения в исследуемом нами контексте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

На текущем этапе научные диаспоры, несмотря на их в известной мере нишевую природу, уже начинают закрепляться как в науковедении, так и в диаспоро- и эмигрантоведении в качестве самодостаточной темы [Буслаев, Немудров, 2024; Мозебах и др., 2024]. Они выступают объектом междисциплинарных исследований [Scientific Diasporas ..., 2006], равно как и в более узком плане предметом анализа в рамках исторических [Стародубцев, 2014], социологических [Рязанцев и др., 2013], а также иных гуманитарных научных трудов [Авдашкин, 2014].

При этом бóльшая часть отечественных изысканий по данной тематике по понятным причинам фокусируется на истории развития и проблемах российских или русскоязычных научных диаспор за рубежом [Аллахвердян, 2007; Дежина, 2012; Коробков, 2012]. Последнее обусловливается не только теоретическим интересом, но и прикладной ценностью соответствующих исследований для их авторов.

Что касается немецких научных диаспор, то до сих пор они комплексно не разрабатывались отечественными специалистами. Отдельные связанные с их существованием аспекты затрагивались в сочинениях, посвященных так называемым российским немцам в разные исторические периоды. Например, получили описание карьерные траектории ученых-выходцев из Германии в послепетровской России [Турнаев, 2005]. Некоторые вопро-

CC BY

сы, относящиеся к жизни и самоидентификации их потомков (вплоть до современности), также попадали в поле зрения специалистов [Зевелева, 2014; Авдашкин, 2015].

В данный корпус работ не вошла тема эмиграции ученых из нацистской Германии, поскольку основным географическим вектором той был не восточный, а западный. Случаи переезда немецких ученых в СССР в 1930-е и тем более в первой половине 1940-х годов определенно не носили массового характера [Долгова, 2022], в то время как вывоз германских специалистов для участия в передовых разработках и секретных проектах авиационной промышленности, ракетостроения и, наконец, создания советского ядерного оружия [Бомба от немецкого барона ..., 2009] — принципиально иной и, в силу своей подоплеки и сущности, лишь косвенно соприкасающийся с рассматриваемой нами проблематикой тематический пласт.

Тем не менее судьбы некоторых подвергавшихся риску немецких ученых, которые эмигрировали после прихода к власти нацистов либо, наоборот, вследствие разных причин остались в Германии, рассматривались в новейших науковедческих сочинениях российских авторов [Дмитриев, 2019].

Разумеется, в немецкоязычной литературе таких работ больше, при том что издан целый ряд специализированных трудов [Doyum, 1985; Fischer, 1991; Stiefel, Mecklenburg, 1991; Schwartz, 1995; Longerich, 1998; Feichtinger, 2001; Grüttner et al., 2007; Benzenhöfer et al., 2017], посвященных непосредственно этой проблеме и деятельности Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом (далее — Ассоциации). Не фигурировавшие ранее в отечественном экспертном дискурсе и вводимые нами в научный оборот, именно они легли в основу проведенного анализа.

Источниковую базу исследования составил фонд Ассоциации в архиве британского Общества защиты науки и образования (англ. Society for the Protection of Science and Learning), хранящийся в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета [Notgemeinschaft ...]. Названное Общество было создано в том же году, что и Ассоциация (1933 год), под названием «Совет содействия ученым» (англ. *Academic Assistance Council*) как некоммерческая благотворительная организация для ученых, находящихся в опасности, которая на тот момент исходила в первую очередь от нацистского режима в Германии. В 1936 году *Совет* был переименован в *Общество*, а в 1999 году реорганизован в *Совет для ищущих убежище ученых* (англ. Council for Assisting Refugee Academics). В 2014 году данная организация вновь сменила вывеску — уже на «Совет для ученых, находящихся в зоне риска» (англ. *Council for At-Risk Academics*), сохранив, однако, аббревиатуру — *CARA*. Данная НКО с более чем девяностолетней историей продолжает работать по сей день на базе Лондонского университета

CC BY

Саут-Бэнк. Поскольку в рассматриваемый нами период (1933—1946 годы) она выступала главным зарубежным партнером Ассоциации, указанные фонды содержат ценную первичную информацию об истории последней.

Работа с перечисленными источниками и материалами позволила исследовать объект в различных ракурсах и прийти за счет этого к теоретически значимым выводам.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предпосылки создания Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом

7 апреля 1933 года правительство Третьего Рейха приняло закон о восстановлении статуса государственных служащих (нем. *Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums*) [Gesetz, 1933] (в некоторых русскоязычных источниках также встречается вариант перевода «Закон о восстановлении (профессионального) чиновничества»), обязавший всех чиновников, желающих продолжить исполнение своих обязанностей, предоставить в уполномоченные органы так называемое свидетельство об «арийском» происхождении (нем. Ariernachweis). Госслужащие, не предоставившие данный документ, автоматически увольнялись со службы либо, при наличии к тому оснований, отправлялись на пенсию.

Изначально некоторым послаблением было содержащееся в третьем параграфе указанного закона положение о том, что его действие не распространялось на тех, кто получил статус государственного служащего до 1 августа 1914 года, а также на сражавшихся на стороне Германии или ее союзников во время Первой мировой войны или потерявших отцов либо сыновей в ходе соответствующих сражений [Gesetz, 1933]. Последнее исключение, также называемое «привилегией фронтовиков», было включено в текст об инициативе рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга. Наряду с этим, частные исключения в отношении отдельных лиц могли производиться решением рейхсминистра внутренних дел по соглашению с профильными министерствами и институтами.

Тем не менее после принятия Первого распоряжения к Закону о гражданстве Рейха от 14 ноября 1935 года «привилегия фронтовиков» утратила юридическую силу. И если, по имеющимся оценкам [Longerich, 1998, p. 42—43], в промежуток между апрелем 1933 года и ноябрем 1935 года соответствующим исключением смогли воспользоваться около половины из порядка 5 тысяч чиновников еврейского происхождения, то после его отмены все они оказались «за бортом» государственной гражданской службы.

Принятие данного дискриминирующего законодательства коснулось и ученых — большей части университетских профессоров, доцентов, пре-

CC BY

подавателей, учителей, научных работников, а также практикующих юристов (особенно нотариусов), традиционно имеющих в германской правовой системе статус чиновника (нем. Beamter). В результате, в соответствии с оценками экспертов [Grüttner et al., 2007], число уволенных с 1933 по 1936 годы сотрудников германской высшей школы составило порядка 1150 человек, или 14,3 % от совокупного среднесписочного профессорско-преподавательского состава за соответствующий отчетный период.

Как следствие, попавшие под действие описанного нормативного правового акта ученые — прежде всего, еврейского происхождения хотя бы по одной из линий родословной — лишились возможности продолжать свою научную карьеру в Германии. Таких было немало, а в отдельных областях науки (физика, химия, биология), равно как в медицине и юриспруденции, их доля была совсем высока, доходя местами до 50—60 % [Longerich, 1998, p. 41]. Более того, речь шла о многих «лучших умах», видных талантах и авторитетах в своих сферах — как уже получивших международное признание (самый известный из них, пожалуй, Альберт Эйнштейн, покинувший Германию весной 1933 года), так и находящихся в начале своего многообещающего пути. Позднее к ним примкнули и деятели науки, имеющие «неарийских» близких родственников, в особенности супруг и супругов, которых официально (на уровне законодательства) преследовали нацисты [Longerich, 1998, p. 42].

Фактически единственным выходом для них, причем не только с точки зрения научной траектории, но и, как все прекрасно понимали, из соображений личной безопасности, стала эмиграция. Конечно, находились исключения (как, например, выдающийся физик Петер Дебай, лауреат Нобелевской премии по химии 1936 года), которые благодаря умелому маневрированию, компромиссам и определенным личным преимуществам (в случае Дебая — нидерландское подданство) продолжали оставаться членами научного сообщества гитлеровской Германии [Дмитриев, 2019]. Однако случай Дебая, безусловно, исключительный.

Большинству его коллег повезло гораздо меньше, и иных опций, кроме как «делать карьеру и фортуну» за пределами германских земель, у них не оставалось. Одним из таких вынужденных «научных эмигрантов» стал основатель Ассоциации, анатом и патолог Филипп Шварц.

Сын еврейского купца, он с 1914 по 1918 воевал в австро-венгерской армии, оставив службу в звании лейтенанта. В 1919 году Шварц, получив базовое медицинское образование в Будапеште (судя по всему, отчасти экстерном), поступил ассистентом в Патолого-анатомический институт Франкфуртского университета им. И. В. Гете. В 1927 году он стал профессором по кафедре патологии и в свои 33 года самым молодым носителем

CC BY

этого ученого звания в стране [Schwartz, 1995, p. 6]. Спустя еще три года, в 1930 году, юный профессор обрел гражданство Веймарской республики. Работая во Франкфурте-на-Майне, периодически выезжал для чтения лекций и участия в научных мероприятиях в Белграде.

По собственному свидетельству [Ibid., p. 8], 23 марта 1933 года Шварц сел на ночной поезд, следовавший до Цюриха. Там его ждали родственники жены, в частности тесть Синай (Самуил) Чулок — видный натуралист и биолог. Тот, в свою очередь, был уроженцем города Константинограда (территория нынешней Харьковской области), который еще в 1894 году перебрался в швейцарскую столицу и сделал там блестящую академическую карьеру. Будучи близким к кругам российских революционеров, он в свое время даже принимал у себя в гостях В. И. Ленина [Fluntern]. Именно дом Чулока, в котором тот в 1920-е годы открыл носивший его имя частный институт, впоследствии стал первой штаб-квартирой Ассоциации.

Прежде чем перейти к анализу начал Ассоциации, отметим несколько важных в настоящем контексте деталей, относящихся к отъезду Шварца. Во-первых, он покинул Германию за две недели до принятия закона о восстановлении статуса госслужащих, потенциально лишавшего его права работы в университете. Во-вторых, по статусу он был одним из немногих университетских профессоров, не имевших чиновничьего статуса (нем. nichtbeamteter außerordentlicher Professor). Следовательно, изначально действие закона на него бы не распространялось. Наконец, в-третьих, будучи ветераном Первой мировой войны, он теоретически смог бы воспользоваться вышеупомянутой «привилегией фронтовика». Таким образом, с позиций юридического анализа его отъезд изначально не был напрямую обусловлен описанным законом. Иными словами, второй едва ли может считаться объясняющей причиной первого, как это иногда трактуют специалисты [Fischer, 1991; Grüttner, Kinas, 2007]. Тем не менее, будучи человеком осторожным и дальновидным, а также, вероятно, лучше, чем некоторые его «коллеги по цеху», информированным, в личной борьбе с нацистскими властями Шварц во многом «сыграл на опережение». Как показала дальнейшая история и его судьба, тем самым он, скорее всего, сделал правильный выбор.

3.2. Создание Ассоциации и особенности ее функционирования

Прибыв в Цюрих и осмыслив бедственное положение, в котором находились остающиеся в Германии или тоже начинающие покидать страну его коллеги, Шварц приступил к работе над созданием организации взаимопомощи ученых в изгнании. Точная дата основания организации в исследованном архивном фонде не обнаруживается [Notgemeinschaft], однако восстановление хронологии событий позволяет судить о том, что это произошло не ранее 24 марта и не позднее 16 мая 1933 года [Benzenhöfer et al., 2017, p. 25].

CC BY

Скорее всего, импульсом для создания Ассоциации стало принятие вышеупомянутого закона от 7 апреля 1933 года. Таким образом, наиболее вероятная точка отсчета может быть отнесена ко второй декаде апреля 1933 года.

По замыслу Ассоциация должна была стать консультационным центром для немецких ученых по вопросам трудоустройства [Notgemeinschaft]. Ее функционал не предполагал оказание какой-либо финансовой помощи ученым-эмигрантам. Иными словами, речь шла о своего рода частной бирже труда для товарищей по несчастью, а не о фонде или кассе взаимопомощи.

Этим Ассоциация принципиально отличалась от структуры с похожим названием — Чрезвычайной ассоциации немецкой науки[1] (нем. Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft), созданной 30 октября 1920 года по инициативе ряда ведущих членов Прусской академии наук. Последняя учреждалась в условиях тяжелейшего экономического кризиса в Веймарской республике для поддержания национального комплекса НИР, который испытывал хроническое недофинансирование. Работа этой организации как раз предполагала определенное перераспределение финансовых средств между ее членами в пользу более нуждавшихся. В 1929 году она была переименована в Германскую ассоциацию по сохранению и развитию научной деятельности (нем. Deutsche Gemeinschaft zur Erhaltung und Förderung der Forschung), хотя в некоторых документах продолжало фигурировать прежнее название [Долгова, 2022]. Преемником данной организации в настоящее время выступает образованное 2 августа 1951 года Немецкое научно-исследовательское общество (нем. Deutsche Forschungsgemeinschaft) — крупнейший в Германии фонд поддержки фундаментальной науки, аналогом которого можно считать Российский научный фонд (РНФ) [Социально политическая функция ..., 2016].

Несмотря на функциональное различие, некоторые исследователи все же соотносят эти две ассоциации и проводят между ними параллели [Feichtinger, 2001, p. 71]. Полагаем, что это объясняется главным образом созвучием их названий. Скорее всего, учреждая свою Ассоциацию, Шварц не только вдохновлялся опытом старших товарищей, но и стремился, выражаясь языком современного маркетинга, мимикрировать под уже известный и хорошо узнаваемый бренд: к тому времени слово «Notgemeinschaft» в научных и околонаучных кругах у многих было на слуху и вызывало скорее положительные ассоциации. Добавим, что дословно *Not* переводится

1 При отсутствии официального или устоявшегося в русскоязычной специализированной литературе и источниках перевода далее в тексте используются авторские переводы названия этой и некоторых других организаций, с нашей точки зрения, максимально точно передающие смысловую нагрузку оригинальных названий. Иногда они отличаются от дословного перевода и ка́лек, используемых другими авторами, в том числе теми, на труды которых мы ссылаемся [Долгова, 2022].

CC BY

с немецкого языка как «нужда» или «бедствие», что вполне соответствовало переживаниям ученых, отражая дух и реалии описываемого периода.

Офисом Ассоциации, как уже было отмечено, стал дом тестя Шварца, располагавшийся в тихом и живописном районе Цюриха Флунтерн [Fluntern]. Сейчас это здание принадлежит кантональной школе (гимназии) Рэмибюль. В апреле–мае 1933 года через его парадный подъезд прошло более тысячи посетителей, представлявших самые разные отрасли немецкой науки и обращавшихся за помощью к Шварцу и его соратникам [Notgemeinschaft]. В соответствии с основополагающим принципом работы Ассоциации при рассмотрении обращений не учитывалась этническая (в терминах тех лет — «расовая») и конфессиональная принадлежность просителей [Feichtinger, 2001, p. 71].

Первым председателем Ассоциации закономерно стал сам Шварц, однако спустя полгода он был вынужден покинуть этот пост в связи с переездом на постоянное место работы в Стамбул. Его преемником стал юрист и экономист Фриц Демут [Stiefel et al., 1991]. Тот, в свою очередь, в 1936 году перебрался в Лондон, куда вместе с ним была переведена и штаб-квартира Ассоциации. В британской столице она продолжала базироваться вплоть до своего роспуска в 1946 году, при этом в 1941 году была переименована в *Ассоциацию ученых-иммигрантов* (англ. *Association of Immigrant Scholars*) [Notgemeinschaft].

Что касается единомышленников и помощников Шварца и Демута, то среди них были такие видные деятели науки, как упомянутый выше Макс Борн, а также невролог и психиатр Курт Гольдштейн. В одном из писем, датированном 10 июля 1933 года [Notgemeinschaft], Шварц называет первого ответственным лицом за помощь по линии Ассоциации ученым, представлявшим естественные науки и математику, а второго — за содействие ученым-медикам. Демут же в одной из брошюр о работе Ассоциации от 1934 года [Notgemeinschaft] наряду с Борном и Гольдштейном ставит в ряд ее ключевых подвижников фармаколога и эндокринолога Зигфрида Леве, называя его даже соучредителем. Тем не менее детали деятельности членов этой группы, их роли и зоны ответственности в Ассоциации в явном виде не подкрепляются доступными архивными данными [Notgemeinschaft] и к тому же вызывают сомнения у немецких историков [Benzenhöfer et al., 2017]. Как бы то ни было, целесообразно отметить, что ядро и «костяк» Ассоциации были немногочисленными по своему составу и включали представителей разных научных дисциплин, вероятнее всего, либо вовсе не знакомых между собою до эмиграции, либо знакомых лишь поверхностно.

Серьезными трудностями, с которыми столкнулись многие ученые, покинувшие Германию в первой половине 1930-х годов, стали непризна-

CC BY

ние немецких дипломов рядом государств пребывания, а также проблемы с получением там вида на жительство и разрешения на осуществление трудовой деятельности [Feichtinger, 2001, p. 72]. Для коллективной работы по преодолению этих и смежных административно-бюрократических барьеров в рамках Ассоциации был созван Совет немецких профессоров за рубежом [Notgemeinschaft]. Входившие в него профессора оперативно информировали членов Ассоциации об открытых и открывавшихся вакансиях преподавателей и научных сотрудников в университетах и НИИ по всему миру. Ученые, которые успешно участвовали в конкурсе на замещение соответствующих должностей, со временем «подтягивали» и «пристраивали» туда своих коллег, создавая тем самым весьма разветвленную горизонтальную структуру сетевого типа.

На базе синтеза имеющихся данных [Notgemeinschaft] допустимо выделить следующие географические векторы продвижения Ассоциации и координаторов на соответствующих участках: Стамбул (Шварц, швейцарский педагог и политик Альберт Мальхе, а также математик и механик Рихард фон Мизес — брат именитого экономиста Людвига фон Мизеса), Кембридж (Фриц Габер — химик, лауреат Нобелевской премии по химии 1918 года), Оксфорд (философ Эрнст Кассирер), Нью-Йорк (Гольдштейн, а также терапевт Леопольд Лихтвиц), Принстон (математик и физик-теоретик Герман Вейль), Стокгольм (гинеколог Бернхард Цондек), Женева (юрист и философ Ганс Кельзен), Брюссель (физик Петер Прингсхайм), Копенгаген (физик-экспериментатор, лауреат Нобелевской премии по физике 1925 года Джеймс Франк).

Для более эффективной работы по британскому направлению Ассоциация с самого начала тесно сотрудничала со своим ровесником — «Советом содействия ученым» (англ. *Academic Assistance Council*), располагавшимся в Лондоне. С 1933 года обе структуры находились в регулярном контакте, при этом у Ассоциации в Совете был постоянный связной [Notgemeinschaft]. После релокации Ассоциации в столицу Соединенного Королевства в 1936 году процесс коммуникации межу ними еще больше упростился. В итоге, благодаря перечисленным факторам, грамотным действиям и шагам организаторов, ко второй половине 1930-х годов у немецкой научной диаспоры за рубежом сформировалась довольно развитая институциональная инфраструктура.

3.3. Турецкое направление и эффективность деятельности Ассоциации

К 1936 году картотека Ассоциации насчитывала около 1500 ученых, которым она помогла с трудоустройством [Notgemeinschaft]. Впрочем, нередки были случаи, когда новые рабочие места при сохранении специаль-

CC BY

ности предполагали уход из академической сферы. Так, например, некоторые профессора медицины становились практикующими врачами, а юриспруденции — адвокатами [Stiefel et al., 1991, p. 35]. Доступные данные не дают возможности дать даже приблизительную оценку, не говоря уже о точной, доли таких прецедентов.

В количественном отношении больше других поддается оценке работа Ассоциации на турецком, точнее говоря, на стамбульском треке. Во многом это направление открылось и «заработало» благодаря личным связям Шварца и Альберта Мальхе. Последний был близким другом тестя Шварца Синая Чулока и еще в 1931 году стал сотрудничать с турецкими властями по вопросам реформирования и реорганизации высшей школы. В 1932—1933 годах он регулярно встречался с министром образования Турции Решитом Галипом. Принято считать [Doyum, 1985, p. 30], что именно Мальхе первым выдвинул идею о масштабном привлечении немецких ученых в турецкие университеты, испытывавшие острую нехватку высококвалифицированных кадров. Вопрос же университетской реформы в силу своей стратегической важности в то время находился на личном контроле у главы государства Кемаля Мустафы Ататюрка.

Познакомившись по прибытии в Цюрих с Мальхе, Шварц, судя по всему, заинтересовался данным сюжетом [Schwartz, 1995, p. 15]. В начале июля 1933 года он отправился сначала в Стамбул, затем в Анкару. 6 и 7 июля того же года он провел в турецкой столице две встречи с министром образования Решитом Галипом, в ходе которых высказал готовность в самые короткие сроки привлечь к преподавательской деятельности в Стамбульском университете порядка 30 членов возглавляемой им Ассоциации [Schwartz, 1995, p. 17]. Торжественное открытие вуза после его реорганизации было запланировано на 1 августа, поэтому времени было крайне мало. С учетом сложившегося цейтнота Шварц вернулся в Цюрих, провел переговоры с потенциальными профессорами и уже 25 июля вновь приехал в Анкару со списком согласованных кандидатур, которые передал министру. Во второй поездке Шварца сопровождал профессор хирургии Рудольф Ниссен, которого вместо себя направил приглашенный турецкими властями его учитель, один из основоположников грудной хирургии Фердинанд Зауэрбах. Поскольку Решит Галип по основному образованию тоже был медиком, они достаточно быстро и легко нашли общий язык со Шварцем и Ниссеном [Schwartz, 1995, p. 19].

В силу личных обстоятельств 13 августа 1933 года Решит Галип подал в отставку, однако его преемники на посту министра Ибрахим Рефик Сайдам и Юсуф Хикмет Баюр подтвердили свои обязательства перед немецкими профессорами, договоренности по которым были достигнуты

CC BY

ранее в ходе переговоров со Шварцем и Ниссеном [Schwartz, 1995, p. 20]. Заручившись согласием турецкой стороны, те вернулись в Цюрих.

Итогом этой миссии стало принятие на работу в Стамбульский университет в 1933—1934 учебном году 42 немецких профессоров, в том числе Фрица Арндта в качестве директора Института химии и Ганса Винтерштейна как руководителя Института физиологии [Doyum, 1985, p. 46]. Всего же, по оценкам самого Шварца [Schwartz, 1995, p. 21], в октябре–ноябре 1933 года в рамках данного проекта в Стамбул прибыло около 150 человек, включая ассистентов и членов семей профессоров. Согласно турецким подсчетам, эта цифра составила 166 человек [Doyum, 1985, p. 47].

Шварц, прибывший в бывшую столицу Османской империи 27 октября 1933 года с первой партией «профессоров-переселенцев», возглавил Институт патологии медицинского факультета. В целом же, допустимо считать, что и он, и его сподвижники влились в большой миграционный поток, следовавший из нацистской Германии в Турцию. Этот приток привел к ощутимому количественному росту и качественному развитию общины так называемых босфорских немцев, среди которых и без того было немало видных деятелей науки и культуры. Тем не менее работа Ассоциации тоже внесла туда свою лепту [Doyum, 1985, p. 47].

Всего число ученых, которым в той или иной степени помогла Ассоциация за годы своего существования, на сегодняшний день оценивается на уровне в 1794 человека [Notgemeinschaft]. Их поименный список размещен на мемориальной стеле, установленной в 2014 году на территории кампуса Франкфуртского университета по случаю 120-летнего юбилея Филиппа Шварца (1894—1977). Учитывая масштаб проблемы, а также то, что Ассоциация возникла сама, по инициативе «снизу» и, более того, благодаря конкретному апологету — Шварцу, данный показатель предстает вполне высоким и заслуживающим внимания.

4. Заключение = Conclusions

Анализ деятельности Ассоциации демонстрирует, насколько важны в консолидации научных диаспор, с одной стороны, фактор личности и, с другой стороны, эффективное сетевое взаимодействие (англ. *networking*). Что касается первого, то работа Филиппа Шварца и в дальнейшем Фрица Демута по созданию гибкой и эффективной организации не может быть недооценена. Следует также принимать во внимание и то, что для обоих она не была основной. Речь шла о добровольной общественной и к тому же неоплачиваемой нагрузке, своего рода научном волонтерстве. Поскольку Ассоциация не располагала никакими финансовыми средствами, у ее учредителей, руководителей и членов не могло быть материального инте-

CC BY

реса. Архивные материалы и другие проанализированные нами источники не содержат свидетельств о какой бы то ни было спонсорской помощи, внешней или внутренней. Иначе говоря, и сама идея, и ее практическое, притом довольно успешное воплощение зиждились на личной инициативе и энтузиазме упомянутых выше ученых. Обусловленное этим отсутствие бюрократического аппарата, вероятно, также можно отнести к сильным сторонам анализируемой структуры.

Говоря о «нетворкинге», необходимо учитывать, что он осуществлялся в отсутствие современных информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий. Если бы описанные процессы протекали в настоящее время, ничего удивительного в этом бы не усматривалось. Однако речь идет о 1930-х годах, а затем и вовсе о военном времени. Наладить оперативную и безопасную коммуникацию, в то время как нацистские спецслужбы, следует полагать, оставались небезразличными к судьбам сбежавших от них ученых, было сложным и ответственным делом. Не предаваясь шпиономании, логично, впрочем, предположить, что перемещения ведущих немецких ученых попадали в поле зрения также и иностранных заинтересованных лиц и структур. Впрочем, относящаяся к этой теме информация, скорее всего, не будет доступна для открытого изучения — по крайней мере, в обозримом будущем.

Однако даже проведенный нами анализ публичных источников вполне позволил реконструировать основные вехи генезиса и институционализации немецкой научной диаспоры после 1933 года. В качестве параллельного, но отнюдь не альтернативного проекта «научно-диаспорального строительства» целесообразно также упомянуть основанную в 1934 году в Париже группой эмигрантов-интеллектуалов Чрезвычайную ассоциацию немецкой науки, искусства и литературы (нем. *Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft, Kunst und Literatur im Ausland*). В отличие от Ассоциации Шварца эта организация (к слову, тоже «Notgemeinschaft») носила довольно маргинальный характер, практически ничем не запомнилась, а ее работа не дала хоть в какой-то степени сопоставимых с первой плодов. Шварцу же и его соратникам, благодаря удачно выбранной стратегии, тактике и международным связям, удалось добиться весьма впечатляющих результатов. Их последующий анализ, равно как и рассмотрение карьерных траекторий едва ли не каждого ученого, воспользовавшегося услугами Ассоциации, может представлять интерес для дальнейших профильных исследований.

В завершение остается сказать, что наследие Филиппа Шварца в немецких академических и научно-дипломатических кругах не просто живо, но и активно культивируется. Так, в Цюрихе, Франкфурте и Стамбуле регулярно проводятся мероприятия, посвященные его памяти, а также деятель-

CC BY

ности Ассоциации. А с 2016 года германский правительственный Фонд имени Александра фон Гумбольдта реализует программу, носящую имя Шварца, по поддержке научных работников, которые подвергаются риску в странах своего проживания [Против преследования ученых ..., 2021; Philipp Schwartz-Initiative]. Думается, что данные меры свидетельствуют о широком признании заслуг Филиппа Шварца перед научным сообществом Германии в целом и перед немецкой научной диаспорой в частности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Бомба от немецкого барона* [Электронный ресурс] / С. Лесков // Известия. 27.08.2009. — Режим доступа : https://ihst.ru/projects/sohist/news/2009/827.htm (дата обращения 21.12.2024).

2. *Наука* в рассеянии [Электронный ресурс] / А. Алексеев // Коммерсант. 28.11.2019. — Режим доступа : https://www.kommersant.ru/doc/4165703 (дата обращения 21.12.2024).

3. *Против преследования ученых :* инициативе им. Филиппа Шварца 5 лет [Электронный ресурс] / Д. Хрущева // Информационный портал Germania-online. — 26.04.2021. — Режим доступа : https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/politik/2455916-2455916 (дата обращения 21.12.2024).

4. *Социально-политическая функция* национальных научных фондов : сб. научн. статей ; МГИМО МИД РФ, каф. философии ; под ред. А. В. Шестопала, В. И. Коннова. — Москва : МГИМО-Университет, 2016. — 216 с.

5. *Benzenhöfer U.* Zur Emigration des Neurologen Kurt Goldstein / U. Benzenhöfer, G. Hack-Molitor. — Münster : Klemm, 2017. — 103 p. — ISBN 978-5-9228-1468-3.

6. *Feichtinger J.* Wissenschaft zwischen den Kulturen. Österreichische Hochschullehrer in der Emigration 1933—1945 / J. Feichtinger. — Frankfurt am Main : Campus-Verlag, 2001. — 502 p.

7. *Fluntern* erzählt [Electronic Resource]. — Access mode : https://flunternerzaehlt.ch/articledetail/200 (accessed 21.12.2024).

8. *Gesetz* zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums. 07.04.1933. Deutsches Reichsgesetzblatt Band. — 1933. — Teil I. — Nr. 34. — Pp. 175—177.

9. *Doyum A. V.* Alfred Kantorowicz unter besonderer Berücksichtigung seines Wirkens in İstanbul (Ein Beitrag zur Geschichte der modernen Zahnheilkunde). Medizinische Dissertation / A. V. Doyum. — Würzburg : Universität Würzburg, 1985. — 334 p.

10. *Longerich P.* Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung / P. Longerich. — München : Piper, 1998. — 772 p.

11. *Mecklenburg F.* Deutsche Juristen im amerikanischen Exil (1933—1950) / F. Mecklenburg, E. C. Stiefel. — Tübingen : Mohr Siebeck, 1991. — 236 p.

12. *Notgemeinschaft* Deutscher Wissenschaftler in Ausland (Emergency Society for German Scholars in Exile) // Catalogue of the Archive of the Society for the Protection of Science and Learning, 1933—1987. Bodleian Library. Oxford. Signatur : MS. S.P.S.L. 119/1-5.

CC BY

13. *Philipp Schwartz-Initiative.* Alexander von Humboldt Stiftung [Electronic Resource]. — Access mode : https://www.humboldt-foundation.de/bewerben/foerderprogramme/philipp-schwartz-initiative (accessed 21.12.2024).

14. *Researchers* around the world band together to help fleeing Ukrainian scientists [Electronic Resource] / M. Burke // Chemistry World, 16.03.2022. — Access mode : https://www.chemistryworld.com/news/researchers-around-the-world-band-together-to-help-fleeing-ukrainian-scientists/4015377.article (accessed 21.12.2024).

15. *Scientific* Diasporas / B. Seguin, P. A. Singer, A. S. Daar // Science. Policy Forum. — 2006. — Vol. 312. — Is. 5780. — Pp. 1602—1603.

16. *Schwartz P.* Notgemeinschaft : zur Emigration deutscher Wissenschaftler nach 1933 in die Türkei / P. Schwartz ; hrsg. und eingeleitet von H. Peukert. — Marburg : Metropolis, 1995. — 100 p.

Литература

1. *Авдашкин А. А.* «Кто мы и где наша Heimat?» Этническая идентичность российских немцев на рубеже XX—XXI вв. (на материалах Челябинской области) / А. А. Авдашкин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2015. — № 1 (28). — С. 116—124.

2. *Авдашкин А. А.* Этнос, диаспора, нация: соотношение понятий / А. А. Авдашкин // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2014. — № 4. — С. 59—69.

3. *Аллахвердян А. Г.* Российская научная диаспора как составляющая отечественной науки на рубеже XX—XXI веков / А. Г. Аллахвердян // Российский химический журнал. — 2007. — № 3 (51). — С. 99—107.

4. *Буслаев Г. Н.* Российская научная диаспора в Германии в 1990—2010-е годы : пути формирования и особенности развития / Г. Н. Буслаев, К. А. Немудров // Научный диалог. — 2024. — № 3. — С. 308—330. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330.

5. *Дежина И. Г.* Политика России по развитию сотрудничества с зарубежными учеными-соотечественниками / И. Г. Дежина // Экономика и прогнозирование. — 2012. — Т. 10. — № 2. — С. 9—24.

6. *Дмитриев И. С.* Ученые во времена Третьего рейха (карьерная траектория Питера Дебая) / И. С. Дмитриев // Социология науки и технологий. — 2019. — Т. 10. — № 3. — С. 7—28.

7. *Долгова Е. А.* «Содействие у нас и защита у них» : советские комиссии обеспечения ученых как витринный проект в 1920—1930-е годы / Е. А. Долгова // Вестник Пермского университета. История. — 2022. — № 4 (59). — С. 62—71.

8. *Зевелева О. И.* Миграционная политика и коллективная идентичность : опыт российских немцев в Германии / О. И. Зевелева // Полис. Политические исследования. — 2014. — № 6. — С. 114—126.

9. *Коробков А. В.* Российская научно-технологическая диаспора в США [Электронный ресурс] / А. В. Коробков // Российский совет по международным делам. — 17.05.2012. — Режим доступа : https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauchno-tekhnologicheskaya-diaspora-v-ssha/ (дата обращения 05.12.2024).

10. *Миронова Е. М.* Совет послов русского зарубежья / Е. М. Миронова // Международная жизнь. — 2011. — № 13. — С. 1—19.

11. *Мозебах В. А.* Японская «научная диаспора» в XXI веке : особенности самоорганизации и политика государства в отношении работающих за рубежом уче-

ных / В. А. Мозебах, Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2024. — № 2. — С. 449—476. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-449-476.

12. *Райнхардт Р. О.* Наука о дипломатии, для дипломатии, в дипломатии / Р. О. Райнхардт // Обозреватель—Observer. — 2015. — № 5. — С. 58—72.

13. *Рязанцев С. В.* Эмиграция ученых из России : «циркуляция» или «утечка» умов / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Социологические исследования. — 2013. — № 4 (348). — С. 24—35.

14. *Стародубцев Г. С.* Становление русской научной международно-правовой диаспоры в Берлине (20-е гг. XX столетия) / Г. С. Стародубцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. — 2014. — № 4. — С. 337—346.

15. *Турнаев В. И.* Немецкие ученые в послепетровской России : встреча с действительностью / В. И. Турнаев // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». — 2005. — № 289 (декабрь). — С. 65—72.

16. *Fischer K.* Die Emigration von Wissenschaftlern nach 1933 / K. Fischer // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 1991. — № 4 (39). — Pp. 123—186.

17. *Grüttner M.* Die Vertreibung von Wissenschaftlern aus den deutschen Universitäten 1933—1945 / M. Grüttner, S. Kinas // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 2007. — № 1 (55). — Pp. 535—549.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024,
одобрена после рецензирования 30.01.2025,
подготовлена к публикации 20.03.2025.

Material resources

Against the persecution of scientists: the initiative named after Philip Schwartz 5 years old. (2021*). Information portal Germania-online. 26.04.* Available at: https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/politik/2455916-2455916 (accessed 21.12.2024). (In Russ.).

Benzenhöfer, U., Hack-Molitor, G. (2017). *Zur Emigration des Neurologen Kurt Goldstein.* Münster: Klemm. 103 p. ISBN 978-5-9228-1468-3. (In Germ.).

Doyum, A. V. (1985). *Alfred Kantorowicz unter besonderer Berücksichtigung seines Wirkens in İstanbul (Ein Beitrag zur Geschichte der modernen Zahnheilkunde). Medizinische Dissertation.* Würzburg: Universität Würzburg. 334 p. (In Germ.).

Feichtinger, J. (2001). *Wissenschaft zwischen den Kulturen. Österreichische Hochschullehrer in der Emigration 1933—1945.* Frankfurt am Main: Campus-Verlag. 502 p. (In Germ.).

Fluntern erzählt. Available at: https://flunternerzaehlt.ch/articledetail/200 (accessed 21.12.2024). (In Germ.).

Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums. (07.04.1933). *Deutsches Reichsgesetzblatt Band, I (34):* 175—177. (In Germ.).

Longerich, P. (1998). *Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung.* München: Piper. 772 p. (In Germ.).

Mecklenburg, F., Stiefel, E. C. (1991). *Deutsche Juristen im amerikanischen Exil (1933—1950).* Tübingen: Mohr Siebeck. 236 p. (In Germ.).

Notgemeinschaft Deutscher Wissenschaftler in Ausland (Emergency Society for German Scholars in Exile). *Catalogue of the Archive of the Society for the Protection of Sci-*

ence and Learning, 1933—1987. Bodleian Library. Oxford. Signatur: MS. S.P.S.L. 119/1-5. (In Germ.).

Philipp Schwartz-Initiative. Alexander von Humboldt Stiftung. Available at: https://www.humboldt-foundation.de/bewerben/foerderprogramme/philipp-schwartz-initiative (accessed 21.12.2024).

Researchers around the world band together to help fleeing Ukrainian scientists. (2022). *Chemistry World, 16.03.* Available at: https://www.chemistryworld.com/news/researchers-around-the-world-band-together-to-help-fleeing-ukrainian-scientists/4015377.article (accessed 21.12.2024).

Schwartz, P. (1995). *Notgemeinschaft: zur Emigration deutscher Wissenschaftler nach 1933 in die Türkei.* Marburg: Metropolis. 100 p. (In Germ.).

Science in scattering. (2019). *Kommersant. 28.11.* Available at: https://www.kommersant.ru/doc/4165703 (accessed 21.12.2024). (In Russ.).

Scientific Diasporas. (2006). *Science. Policy Forum, 312 (5780):* 1602—1603.

Shestopal, A. V., Konnov, V. I. (eds.). (2016). *Socio-political function of National Scientific Foundations: collection of scientific articles; MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of Philosophy.* Moscow: MGIMO University. 216 p. (In Russ.).

The bomb from the German baron. (2009). *Izvestia. 27.08.* Available at: https://ihst.ru/projects/sohist/news/2009/827.htm (accessed 21.12.2024). (In Russ.).

References

Allahverdyan, A. G. (2007). The Russian scientific diaspora as a component of national science at the turn of the XX—XXI centuries. *Russian Chemical Journal, 3 (51):* 99—107. (In Russ.).

Avdashkin, A. A. (2014). Ethnos, diaspora, nation: correlation of concepts. News of higher educational institutions. *The Ural region, 4:* 59—69. (In Russ.).

Avdashkin, A. A. (2015). "Who are we and where is our Heimat?" Ethnic identity of Russian Germans at the turn of the XX—XXI centuries. (based on the materials of the Chelyabinsk region). *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography, 1 (28):* 116—124. (In Russ.).

Buslaev, G. N., Nemudrov, K. A. (2024). Russian Scientific Diaspora in Germany in 1990s—2010s: Formation Paths and Development Features. *Nauchnyi dialog, 13 (3):* 308—330. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330 (In Russ.).

Dezhina, I. G. (2012). Russia's policy of developing cooperation with foreign scientists. *Economics and forecasting, 10 (2):* 9—24. (In Russ.).

Dmitriev, I. S. (2019). Scientists during the Third Reich (career trajectory of Peter Debye). *Sociology of Science and Technology, 10 (3):* 7—28. (In Russ.).

Dolgova, E. A. (2022). "Assistance from us and protection from them": Soviet commissions for scientists as a showcase project in the 1920s and 1930s. *Bulletin of Perm University. History, 4 (59):* 62—71. (In Russ.).

Fischer, K. (1991). Die Emigration von Wissenschaftlern nach 1933. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 4 (39):* 123—186. (In Germ.).

Grüttner, M. (2007). Die Vertreibung von Wissenschaftlern aus den deutschen Universitäten 1933—1945. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1 (55):* 535—549. (In Germ.).

Korobkov, A. V. (2012). The Russian scientific and technological diaspora in the USA. *Russian Council for International Affairs. 17.05.* Available at: https://russiancouncil.

ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauchno-tekhnologicheskaya-diaspora-v-ssha/ (accessed 05.12.2024). (In Russ.).

Mironova, E. M. (2011). Council of Ambassadors of the Russian diaspora. *International life, 13:* 1—19. (In Russ.).

Mozebakh, V. A., Reinhardt, R. O. (2024). Japanese 'Scientific Diaspora' in 21st Century: Features of Self-Organization and State Policy towards Japanese Researchers Overseas. *Nauchnyi dialog, 13 (2):* 449—476. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-449-476 (In Russ.).

Reinhardt, R. O. (2015). Science about diplomacy, for diplomacy, in diplomacy. *Obozrevatel-Observer, 5:* 58—72. (In Russ.).

Ryazantsev, S. V., Pisennaya, E. E> (2013). Emigration of scientists from Russia: "circulation" or "leakage" of minds. *Sociological research, 4 (348):* 24—35. (In Russ.).

Starodubtsev, G. S. (2014). The formation of the Russian scientific international legal diaspora in Berlin (the 20s of the XX century). *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences, 4:* 337—346. (In Russ.).

Turnaev, V. I. (2005). German scientists in post-Petrine Russia: a meeting with reality. *Bulletin of Tomsk State University. The series "History. Local history. Ethnology. Archeology", 289 (December):* 65—72. (In Russ.).

Zeveleva, O. I. (2014). Migration policy and collective identity: the experience of Russian Germans in Germany. *Polis. Political research, 6:* 114—126. (In Russ.).

The article was submitted 23.12.2024;
approved after reviewing 30.01.2025;
accepted for publication 20.03.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Скипина И. В. Жилищный вопрос в городе Тюмени во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов : уровень социального обустройства, ожидания и реальность / И. В. Скипина, А. А. Чернышев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 503—521. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-503-521.

Skipina, I. V., Chernyshev, A. A. (2025). Housing Issues in Tyumen during Late 1970s to Early 1980s: Social Conditions, Expectations, and Reality. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 503-521. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-503-521. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Жилищный вопрос в городе Тюмени во второй половине1970-х — начале 1980-х годов: уровень социального обустройства, ожидания и реальность

Скипина Ирина Васильевна
orcid.org/0000-0001-7061-1403
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории,
корреспондирующий автор
i.v.skipina@utmn.ru

Чернышев Александр Анатольевич
orcid.org/0000-0002-5904-8936
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории
a.a.chernyshev@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00754,
https://rscf.ru/project/23-28-00754/

Housing Issues in Tyumen during Late 1970s to Early 1980s: Social Conditions, Expectations, and Reality

Irina V. Skipina
orcid.org/0000-0001-7061-1403
Doctor of History, Associate Professor,
Professor, Department of History,
corresponding Author
i.v.skipina@utmn.ru

Alexander A. Chernyshev
orcid.org/0000-0002-5904-8936
PhD in History, Associate Professor,
Department of History
a.a.chernyshev@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00754,
https://rscf.ru/project/23-28-00754/

© Скипина И. В., Чернышев А. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование уровня социального обустройства и ожиданий населения города Тюмени во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов. Рассмотрены пути решения проблемы дефицита жилья в городе. Новизна исследования состоит в том, что на основе материалов законодательства, делопроизводства, статистики, воспоминаний, периодики, документов, извлеченных из фондов Государственного архива Тюменской области, авторами выявлены тенденции улучшения бытовых условий значительного числа тюменцев в рассматриваемый период. В статье проанализирован социально-направленный характер политики «массового жилищного строительства», подчеркнуты успехи и трудности реализации программы. Приведены оценки качества возводимого жилья, данные комиссиями и новоселами. Рассмотрены причины, сдерживавшие реализацию поставленных задач. Авторы пришли к выводу о том, что панельное строительство способствовало смягчению остроты «квартирного вопроса», но не смогло его решить, количество возведенных квартир не удовлетворяло растущие потребности населения. В начале 1980-х годов темпы домостроения снизились, что свидетельствовало о «застойных явлениях» в экономике и необходимости корректировки программы, однако она так и не была проведена. Подчеркнуто, что «квартирный вопрос» является общественно-значимым, и попытки его решения в советский период нуждаются в изучении с целью извлечения уроков из прошлого.

Ключевые слова:
массовое жилищное строительство; социальное развитие; жилищный вопрос; СССР; Тюмень.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the social conditions and expectations of the population in Tyumen during the late 1970s to early 1980s. It explores potential solutions to the housing shortage faced by the city. The novelty of this research lies in its use of legislative materials, administrative records, statistics, personal recollections, periodicals, and documents sourced from the State Archive of Tyumen Region, which reveal trends in the improvement of living conditions for a significant number of Tyumen residents during this period. The article analyzes the socially-oriented nature of the “mass housing construction” policy, highlighting both the successes and challenges encountered in its implementation. Evaluations of housing quality provided by commissions and new residents are presented. The study also examines the factors that hindered the achievement of set objectives. The authors conclude that panel construction alleviated the severity of the “housing question,” yet failed to resolve it entirely, as the number of apartments built did not meet the growing demands of the population. By the early 1980s, the pace of construction had slowed, indicating “stagnation” within the economy and the need for program adjustments, which ultimately did not occur. It is emphasized that the “housing question” remains a socially significant issue, and attempts to address it during the Soviet era warrant further investigation to draw lessons from the past.

Key words:
mass housing construction; social development; housing issues; USSR; Tyumen.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.9+711.62(470.42)“196/198
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-503-521

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Жилищный вопрос в городе Тюмени во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов: уровень социального обустройства, ожидания и реальность

© Скипина И. В., Чернышев А. А., 2025

1. Введение = Introduction

Массовое жилищное строительство в СССР отражало государственную стратегию, направленную на удовлетворение потребностей населения в жилье. Политика проводилась в условиях острого дефицита квартир, когда многие семьи проживали в условиях стесненности. Основным инструментом решения вопроса являлось массовое строительство типовых панельных домов. Остро проблема стояла и в Тюменской области, по темпам урбанизации регион занимал в рассматриваемый период первое место в СССР [Тимошенко, 2019, с. 63]. Правительство осознавало, что «квартирный вопрос» влияет на экономическое развитие регионов, на демографическую ситуацию, на рост городов, в целом на дальнейшее развитие страны [О развитии …, 1957]. В условиях дефицита жилья и необходимости переселения людей из ветхих построек инициативы властей по стимулированию жилищного строительства находили горячий отклик у населения. Жилищный фонд стал выступать в качестве ключевого индикатора, позволяющего оценить результативность социальной политики государства и выявить основные показатели уровня жизни граждан.

В 1960-е годы начался интенсивный процесс возведения жилых объектов, получивших название «хрущевки». Несмотря на присущие этим зданиям недостатки, их строительство помогло обеспечить значительное количество советских граждан жильем. Улучшение бытовых условий способствовало повышению качества жизни советского человека, являлось символом социальной справедливости и благосостояния [О мерах …, 1969]. Термин *массовое жилищное строительство* сегодня понимается как «процесс возведения жилых зданий, осуществляемых в соответствии с типовыми проектами посредством монтажа готовых сборных конструкций, преимущественно из железобетонных элементов, непосредственно на стройплощадке» [Макаров и др., 2023].

CC BY

Цель статьи — исследование уровня социального обустройства и ожиданий населения города Тюмени во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов в контексте реализации программы массового строительства, направленной улучшения жилищных условий граждан страны. Хронологические границы исследования охватывают время X—XI-й пятилеток, в течение которого задачи массового жилищного строительства являлись приоритетными. Рассматриваемый период характеризуется тем, что реализация поставленных планов сопровождалась значительными трудностями, имели место как достижения, так и просчеты. В условиях урбанизации на рубеже 1970—1980-х годов стали проявляться негативные тенденции в реализации государственных планов. Рост объемов жилищного строительства в городе стал замедляться, что свидетельствовало о необходимости совершенствования концепции жилищного строительства. Однако этого не случилось, в стране все заметнее стали проявляться «застойные явления», характерные для всех сторон социально-экономической жизни, обусловленные целым комплексом обстоятельств, и это не могло не влиять на темпы и качество домостроения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проведение государственной жилищной политики в СССР привлекает внимание исследователей, авторы считают, что этот вопрос, при его комплексном анализе, позволит не только изучить историю домостроения, но и более глубоко проанализировать процессы решения многих социальных проблем [Горлов, 2005; Куксанова, 2005; Мухамедов и др., 2019]. Изучены и оценены факты успешного применения панельных технологий в строительстве на территории Нижегородской области, рассмотрено последующее распространение данной практики на другие регионы [Асатрян, 2020, с. 5—10], отмечен положительный результат влияния новых технологий на оптимизацию строительных работ. Исследованы достижения в сфере панельного домостроения в городе Иркутске и на севере Тюменской области [Лисицин и др., 2017, с. 69—78, Прищепа, 2020, с. 199—206]. Д. С. Меерсон и Д. Г. Тонский обратили внимание на однообразие, характерное для проектов городской инфраструктуры, но признали, что типовой подход способствовал оптимизации затрат, сокращению сроков строительства, и это в сложившихся условиях было наиболее рациональным решением [Меерсон и др., 1983]. Современные авторы исследовали состояние квартирного фонда и пути решения жилищного вопроса в советских городах, рассмотрели влияние структуры городского населения, процессов урбанизации, а также механизмов управления городским хозяйством на состояние обустроенности населения. Появились работы, посвященные вопросам

CC BY

формирования культурной среды [Гришин и др., 2014, с. 35—41; Столетова, 2020, с. 475—481; Тимошенко, 2008, с. 138—139]. Ученые единодушны в том, что в жилищном строительстве происходили позитивные изменения, которые сдерживались недостаточной технологической оснащённостью строительной отрасли и организационными трудностями, кроме того, во второй половине 1980-х годов стало сокращаться финансирование строительных программ [Тимошенко, 2007, с. 108]. Исследователи обратили внимание на то, что развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса стимулировало жилищное строительство [Авимская, 2016, с. 184], они указали на настоящую «высотную революцию» в 1960—1970-х годах в городах Урала и Сибири, когда строители стали возводить в основном многоэтажные дома [Никитин, 2010, с. 410—425]. Освоение новых территорий оживило градостроительство не только в Тюмени, но и во всей области. Проектирование городов в нефтегазодобывающих районах шло с учетом опыта застройки Тюмени [Карпов и др., 2014, с. 85—95]. Активное участие в возведении жилья в Тюменской области принимало Министерство энергетики СССР. Энергетики выступили против вахтового метода работы, требуя возведения комфортных домов. Специалистам пришлось разработать нормы строительства домов для районов Крайнего Севера. Возведение благоустроенного жилья, считает Э. К. Мантикова, позволило обеспечить энергетическую отрасль Западной Сибири квалифицированными кадрами [Мантикова, 2011, с. 51—58]. Города проектировались компактно, власти старались исключить неконтролируемую ведомственную застройку, но это не всегда удавалось [Стась, 2014, с. 142—143]. Ученые пришли к заключению о необходимости дальнейшего изучения градостроительных процессов, что позволит сформировать комплексное представление о динамике развития массового жилищного строительства, вкладе этой сферы деятельности в решение социальных задач и улучшение качества жизни советского человека.

Источниковую основу данной темы составили архивные документы партийных и советских органов, нормативно-правовые акты, материалы делопроизводства органов управления разных уровней, строительных и проектных организаций, официальные статистические данные. Часть этих материалов опубликована, в то же время значительная доля информации извлечена авторами из фондов Государственного архива Тюменской области. Особый интерес представляли документы фондов: «Трест “Тюменьгорстрой” и его предшественники» (Ф-1806), «Управление главного архитектора исполнительного комитета Тюменского городского совета народных депутатов» (Ф-1888); «Территориальное строительное управление “Тюменьстрой”» Ассоциации РосУралСибстрой (Ф-2133); «Главное территориальное управление

CC BY

по строительству жилых домов и объектов культурно-бытового назначения в полноблочном 87 серии исполнении для работников нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири (Главзапсибжилстрой) Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР» (Ф-2172). Ценным источником информации являлась периодическая печать, наибольшей интерес представили публикации в газете «Тюменская правда» (Тюмень), содержащие как отклики прессы на процессы градостроительства, так и отзывы населения об успехах и неудачах, сопровождавших реализацию программы жилищного строительства.

Исследование проводилось на основе принципов историзма, объективности, системности, использовались аналитический и комплексный методы. Авторы опирались на теорию урбанизации, руководствовались конституционными гарантиями реализации гражданами права на жилище.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Развитие концепции массового жилищного строительства во второй половине 1970 — начале 1980-х годов

Начиная с 1950-х годов и на протяжении последующих трех десятилетий курс на массовое строительство благоустроенных квартир являлся приоритетным для государства и пользовался поддержкой среди населения страны. К 1970-м годам достижения в сфере домостроения стали особенно ощутимы. В течение X-й пятилетки в СССР было возведено 527,3 миллиона квадратных метров жилья, из которых 378,7 миллиона квадратных метров приходилось на городские территории. Более 80 % государственного жилого фонда и кооперативных домов было подключено к централизованной системе отопления, а 75 % — газифицировано [Жилищные условия …, 1990]. Концепция массового жилищного строительства не подвергалась сомнению и продолжала реализовываться на протяжении всего советского периода.

С воодушевлением перспективные планы градостроительства воспринимались и тюменцами. В 1970-е годы Тюмень становится административным центром важнейшего нефтедобывающего региона страны, и численность населения города увеличивалась заметными темпами. Так, если в 1975 году в городе проживало 350 тыс. чел, в 1979 — 357 тыс. [Города …., 1980, с. 84], то в 1982 году она выросла до 387 тыс. человек [Народное хозяйство РСФСР …, 1991, с. 81]. Сложившаяся ситуация обусловливалась как естественным приростом, так и миграцией из других регионов СССР, произошедшие изменения еще больше обострили жилищный вопрос. В целях решения проблемы власти вынуждены были ускорять темпы и масштабы гражданского строительства.

CC BY

В генеральном плане города Тюмени, утвержденном в 1969 году, была определена концепция развития территории до 2005 года и установлены объемы строительства жилья до 1995 года [О генеральном плане …, 1969]. В 1971 году жилой фонд города составлял 2524 тыс. кв. м, к 1976 году он увеличился до 3358 тыс. кв. м, в 1977 году этот показатель составил уже 3691 тыс. кв. м, а в 1978 году вырос до 3859 тыс. кв. м, 67 % жилого фонда газифицировали [ГАТО, ф. 2172, оп. 1, д. 85, л. 30]. Строители взяли на себя обязательства ввести в строй в годы X-й пятилетки в Тюменской области 6 млн кв. м жилья [Социалистические обязательства …, 1977, с. 1]. В 1978 году строительные компании заявили о готовности ввести в эксплуатацию в городе Тюмени 270 тыс. кв. м жилья [Социалистические обязательства …, 1978, с. 2], но запланированные показатели полностью выполнить не удалось. С конца 1970-х годов недовыполнение планов в сфере строительства стало обыденным явлением. Если к началу 1977 года в городе незавершенное строительство оценивалось в сумму 110 млн руб., то спустя год эта сумма достигла 148 млн рублей. В то же время масштабы работ продолжали расти. В 1976 году одновременно в Тюмени строили 130 домов, а в 1978 году — уже 152 объекта. Только предприятия «Тюменьпромстроя» ввели в строй в 1978 году 190 тыс. кв. м жилья, а объединения «Сибжилстроя» — 70 тыс. кв. м жилья. Наблюдались трудности у предприятия «ЖБИ-3», которое построило в Тюмени только 900 вместо 2 тыс. квартир [ГАТО, ф. р-2133, оп. 2, д. 909, л. 55]. Власти регулярно знакомили общественность с положением в сфере жилищного строительства, достижениями и сложностями в работе. Социалистические обязательства трудящихся города являлись достоянием общественности, плановые задания и результаты их выполнения регулярно публиковались в местной газете «Тюменская правда». Граждане с большим интересом следили за сферой строительства. Недовыполнение плановых заданий беспокоило горожан, многие надеялись в ближайшее время получить от государства жильё, так как чиновники обещали обеспечить каждую семью отдельной квартирой [Гультяев, 1977, с. 2]. Трудности с выполнением планов жилищного строительства к концу 1970-х годов ощущались по всей стране. Власти рекомендовали повсеместно принимать меры по повышению производительности труда, переходить на возведение домов на основе заводских сборных конструкций, провести техническое перевооружение имеющихся производств, использовать метод бригадного подряда. В Тюмени около 60 % производственников стали применять бригадный метод, он стимулировал работников, давал возможность получать заработную плату за объем выполненных работ. Строители Тюмени участвовали в движении «За коммунистическое отношение к труду», многие регулярно перевыполняли

CC BY

сменную норму на 30—50 %. Работники были материально заинтересованы работать методом бригадного подряда. В этом случае денежные расчёты осуществлялись за конкретный фронт выполненных работ, что повышало ответственность каждого члена бригады, стимулируя к выполнению повышенных заданий.

В условиях интенсификации урбанизационных процессов проблема обеспечения населения жильём становилась всё более актуальной. В ответ на этот вызов, с целью решения жилищного вопроса, государство постоянно наращивало планы жилищного строительства. Несмотря на усилия властей, решить проблему путем введения в строй домостроительных комбинатов, способных производить значительное количество панельного жилья, не представлялось возможным. Реализацию планов сдерживали многочисленные причины. В их числе дефицит материалов, бюрократические сложности, нехватка квалифицированных кадров, слабые мощности заводов, производящих панельные конструкции, недостаточное организационно-технологическое оснащение строительной отрасли, значительная доля ручного труда. Эти обстоятельства приводили к тому, что повысить производительность труда в сфере строительства не удавалось, возведенные дома имели низкое качество, сказывалась и неэффективная организация труда. Во второй половине 1980-х годов планы строительства жилья в полном объеме в Тюмени систематически не выполнялись в полном объеме, сформировались очереди, и длительное ожидание получения квартир вызывало недовольство граждан.

3.2. Отдельная квартира как показатель социального обустройства горожан

Проблему нехватки жилплощади в Тюмени решали за счёт ввода в эксплуатацию новых объектов, строительства общежитий и капитального ремонта существующего фонда [ГАТО, ф. р-2133, оп. 1, д. 827, л. 50]. Несмотря на усилия властей и производственников, ликвидировать квартирный дефицит не удалось. В 1978 году в списке первоочередников на получение жилплощади стояла 441 семья, из них 132 семьи нуждались в улучшении жилищных условий, 42 проживали в аварийных домах, многие вообще не имели отдельного жилья [ГАТО, ф. р-1806, оп. 2, д. 333, л. 70]. Общественностью нередко поднимался вопрос о неудовлетворительном состоянии ведения дел по учету очередников и предоставлению им квартир. Случалось, что граждане обращались к юристам, когда сталкивались с жилищными трудностями. Если принять во внимание нормативы (9—12 кв. метров на человека), то надо заключить, что фактически значительная часть горожан оставалась не обеспеченной жилплощадью. Местные власти активно взаимодействовали с гражданами. Как вспоминает Г. П. Богомяков, занимав-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ший должность первого секретаря Тюменского обкома КПСС, в основном обращения жителей города были связаны с просьбами улучшения бытовых условий [Это наша с тобой биография …, 2010, с. 89].

У горожан имелись претензии и по поводу вводимых в строй площадей. Больше половины домов в Тюмени сдавались с оценкой «удовлетворительно», а население хотело видеть город красивым и ухоженным. Граждане, стараясь привлечь внимание общественности к своим бытовым проблемам, нередко обращались в «Тюменскую правду». Одни на страницах газеты высказывали недовольство из-за сноса домов и предоставления квартир в удалённых районах, другие были не удовлетворены площадью (недостаточной, с их точки зрения) предлагаемой им «за дом» квартиры. Самое большое количество претензий поступало по поводу несоблюдения очередности в получении жилья. Редакция газеты даже отвела отдельную «колонку» для обращений населения и разъяснения жилищных вопросов юристами на основе действующих правовых норм [Быков, 1975, № 61 (8748), с. 2; Быков, 1975, № 106 (8793), с. 2]. Радость новосела, как отмечали журналисты «Тюменской правды», нередко омрачали многочисленные недоработки строителей: «Не всегда доволен новосел, получивший квартиру в панельном или блочном доме. Когда восторг от переезда в новую квартиру проходит и человек может более трезво взглянуть на свое жилище, у него могут возникнуть другие эмоции. Ведь трудно радоваться, если полы плохо сделаны, оконные рамы потрескались, двери перекошены, а форточку не открыть без дополнительных инструментов» [Почему …, 1980, с. 2]. Один из таких новоселов написал в газету, что дом, в котором он получил квартиру, строители сдали без благоустройства двора, с недоделками, хотя и признавал, что благодаря строителям город преобразился в лучшую сторону [Почта недели ..., 1979, с. 4].

Всего на программу строительства жилья и объектов социально-культурного назначения на период десятой пятилетки Тюменской области было выделено 3,5 миллиарда рублей [ГАТО, ф. р-1888, оп. 2, д. 26, л. 20]. При подведении итогов первых четырех с половиной лет десятой пятилетки в «Тюменской правде» разместили материал о том, что и в Тюмени, и в области планы успешно реализуются [Пятилетка ..., 1980, с. 1]. Действительно, только в 1980 году в городе построили 309,4 тыс. кв. метров жилья, ввели в строй 69 многоквартирных домов, в результате за год более 10 тыс. человек улучшили свои жилищные условия. Однако темпы строительства в следующем пятилетии стали снижаться. В 1981 году построили 57 домов, в 1982 году — 50 домостроений, в 1985 году снижение темпов строительства стало особенно заметным, в строй ввели только 41 дом [Жилой фонд…]. Стремительный рост города обострил потребность и в строительстве учреждений для

CC BY

повседневной жизни, таких как школы, детские сады и культурно-бытовые центры. Например, только в «Главзапсибжилстрое» 133 работника нуждались в предоставлении места для ребенка в дошкольном учреждении, из них 80 человек ожидали «путевку» в ясли, а остальные — в детский сад [ГАТО, ф. р-2172, оп. 1, д. 85, л. 10]. Проблема обеспечения населения детскими дошкольными учреждениями стояла остро, но решить ее не удавалось, мест не хватало. Многие трудности быта горожан были обусловлены нехваткой жилых площадей и объектов социального назначения.

В городе существовало более десятка крупных строительных организаций, занимающихся возведением жилья и объектов социальной инфраструктуры, однако деятельность их слабо координировалась, что создавало сложности местным властям для принятия управленческих решений, трудно было отслеживать процесс возведения жилья и контролировать темпы выполнения планов. Многие вопросы вставали на повестку дня только по итогам выполнения годовых обязательств. Так, в 1976 году трест «Стройиндустрия» успешно выполнил задачи по строительству социально значимых объектов, таких как городская больница и курорт «Тараскуль», но отставал по плану ввода жилья. В тресте ситуацию объясняли отвлечением основных сил и ресурсов на пуск социальных объектов. В их числе называли горбольницу, школу, курорт «Тараскуль», базу отдыха. Работники организации прямо говорили о завышении плановых заданий. Они обращали внимание на нереальность ввода в срок в 1976 году 100-квартирного дома из-за отсутствия конструкций 85-й серии, общежития «Моторного завода» по причине опоздания документации и задержки проведения нулевых работ на объекте по вине заказчика. Рабочие указывали на резкое ухудшение комплектации жилищного строительства сборным железобетоном во II—IV квартале 1976 года, что повлекло снижение темпов работ треста «Стройиндустрия» в последующий период [ГАТО, ф. р-2172, оп. 1, д. 85, л. 30]. Однако власти требовали от строителей строгого выполнения заданий, которые не всегда учитывали реальные возможности предприятий [ГАТО, ф. р-1806, оп. 2, д. 330, л. 43]. Производственники вносили рационализаторские предложения, но они нередко не находили отклика у руководства. Завышение планов создавало напряженную обстановку на объектах, вызывало спешку и нервозность в бригадах, приводило к некачественному выполнению работ. Несмотря на некоторое отставание от плановых заданий и лишь удовлетворительные оценки домостроительных работ, планы выполнялись. В целом уровень социальной обустроенности населения качественно менялся, значительная часть горожан улучшила свои жилищные условия, но многие семьи продолжали нуждаться в жилье, размещались в небольших квартирах, бараках, аварийном фонде. Темпы строительства жилья в конце 1970-х — первой

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

половине 1980-х годов несколько замедлились, что внушало беспокойство и руководству, и населению.

Устранить трудности, возникавшие в сфере строительства, только повышением плановых заданий, реконструкцией предприятий, вводом новых производственных мощностей, мерами по интенсификации труда не представлялось возможным. Требовалось принятие радикальных решений по внедрению рыночных механизмов, расширению индивидуального строительства, введению в строй новых технологичных передовых производств, но такими возможностями государство не располагало. Программа массового жилищного строительства была нацелена прежде всего на количественный рост жилых площадей, она предполагала использование сборных строительных конструкций из недорогих материалов, что не могло обеспечить высокого качества домостроений, и оно нередко вызывало недовольство новоселов.

3.3. Жилье в городском пространстве: ожидания и реальность

Городское пространство наполнилось многоэтажными домами, построенными по однообразным проектам, при их возведении творческое начало проявить было трудно. Новостройки возводили рядом со старыми строениями, здания оказывались чуждыми друг другу по архитектурным решениям. Появлялись улицы «коридорного типа», которые не отличались друг от друга. Во вновь застраиваемых районах дома возводились микрорайонами, представляющими собой жилые кварталы с типовыми отдельно стоящими школами и выемками-площадями вблизи шумных дорог.

Объекты соцкультбыта обычно располагались на первых этажах жилой постройки.

В условиях строгой экономии строительные организации совершенствовали конструкции домов, старались улучшить их внутреннюю планировку и внешний вид. Так, в 1977 году объединение «Главтюменьпромстрой» приняло решение о модификации типовых проектов зданий с целью улучшения планировки квартир. На предприятии была внедрена технология изготовления ограждения лоджий с рельефной поверхностью, что позволяло придать фасадам эстетически привлекательный вид. Предложение по производству ограждений поддержал градостроительный совет администрации Тюменской области [ГАТО, ф. р-1888, оп. 2, д. 26, л. 21]. Однако решение оказалось экономически нецелесообразным и реализовывалось лишь в течение одного года, после чего производство таких лоджий было прекращено. Рационализаторские предложения вносились нередко, но они не всегда находили отклик у руководства.

Архитектурной планировкой Тюмени занимался Ленинградский зональный научно-исследовательский и проектный институт типового и экс-

CC BY

периментального проектирования жилых и общественных зданий, местные архитекторы в решениях по застройке города не принимали участия. Например, 26 октября 1976 года во время заседания Градостроительного совета под руководством главного архитектора Тюмени рассматривался проект гостиницы на 260 мест. Этот объект должен был соответствовать действующим в то время стандартам комфорта и функциональности обслуживания. По итогам обсуждения участники дискуссии составили заключение о том, что «объемно-планировочное решение гостиницы, расположение здания и ориентация основных входов должны быть с учетом выхода на улицу Орджоникидзе, а конференц-зал — с северной стороны, ресторан и кафе — с боковых фасадов», так как это будет более удобно посетителям [ГАТО, ф. р-2133, оп. 1, д. 462, л. 9]. Факт интересен тем, что решение об адаптации проекта, разработанного ленинградскими архитекторами к городскому ландшафту, приняли местные специалисты, до этого вносить изменения в проекты им не разрешали. Впоследствии тюменские архитекторы стали активнее отстаивать свою позицию и требовали внесения уточнений в проекты, разработанные ленинградцами, с целью «привязки к местности» и удобства горожан.

Планами, принятыми в конце 1970-х — начале 1980-х годов, предполагалось строительство новых домов 121-й и 83-й серии с более просторными квартирами и изолированными комнатами. Главными задачами архитекторов были формирование центральной части города, выделение жилых районов и транспортных магистралей. Власти были уверены, что современный вид городу можно придать путем возведения новых благоустроенных домов на месте старых. На свободных территориях возводились микрорайоны, застройка проводилась комплексно, с учетом потребностей жителей в обеспечении их повседневной комфортной жизни. Однако даже в центре города еще оставалось ветхое жилье, дороги требовали ремонта, не хватало и объектов социального назначения. Население указывало на недостаток инновационных решений в сфере строительства, на монотонность архитектуры жилых зданий и микрорайонов, которые различались лишь наименованиями улиц. Внутреннее наполнение квартир также было типовым, оно включало стандартные модели сантехники, кухонных плит и скромную отделку.

В годы X-й пятилетки власти рассчитывали достигнуть в сфере гражданского строительства того же успеха, что и в годы VIII-й и IX-й пятилеток, когда подъем был обусловлен реализацией хозяйственной реформы, начатой в 1965 году. Поставленные плановые задания рассматривались как обязательная для выполнения экономическая и социально-идеологическая задача. Для выполнения запланированного объема работ требовались значительные средства и новые организационные подходы. Однако действия

CC BY

правительства по поддержке массового строительства жилья, хозяйственного расчёта и бригадного подряда оказались недостаточными. Власти уделяли особое внимание соблюдению государственной и трудовой дисциплины, принимали меры по повышению производительности труда, но добиться заметных результатов не удавалось.

Итоги пятилетки в сфере строительства оказались хуже ожидаемых. Так, если в годы IX-й пятилетки число лиц, получивших жилплощадь от государства либо построивших себе квартиру собственными силами в новых домах, в РСФСР составила 23 312 тыс. человек, то в годы X-й пятилетки она уменьшилась до 20 747 тыс. человек [Народное хозяйство... , 1981, с. 237]. Это обусловливалось комплексом проблем, получившим в истории название «застоя», проявлявшихся во всех сферах социально-экономической жизни общества, требующих решений. От строителей общество ожидало невозможного: выполнения высоких плановых заданий с использованием имеющихся материальных ресурсов и производственных мощностей. Положение оказалось критическим. Материально-техническая база строительных организаций нуждалась в обновлении, предприятия длительное время работали с большой нагрузкой на имеющиеся мощности, необходимо было внедрение новых технологий, в отрасли не хватало профессиональных кадров. Огромные надежды возлагались на хозрасчёт, получение долгосрочных кредитов, внедрение системы комплексного механизированного строительства зданий, но масштабы принятых властями мер были недостаточны для роста показателей строительной отрасли.

Следует подчеркнуть, что темпы жилищного строительства в Тюмени оставались высокими, но наращивать их становилось все труднее. Это объяснялось тем, что город, являющийся административным центром нефтегазового региона, в условиях растущей зависимости страны от экспорта сырья продолжал строиться, привлекая внимание мировой общественности. Несмотря на сложность ситуации, в 1985 году Тюменская область заняла первое место в СССР по объёмам строительства жилья и введению в строй детских садов. Высокие показатели объяснялись ростом жилищного строительства в городах, расположенных в нефтегазодобывающих районах. Газета «Тюменская правда» сообщала, что в 1985 году в области планировали ввести в строй 2,35 млн кв. метров жилья [Финишу пятилетки …, 1985, с. 1]. Для реализации этих проектов были привлечены средства министерств и ведомств Советского Союза. Снижение темпов и объемов ввода новых жилищных площадей в большинстве сибирских городов, в том числе и в Тюмени, продолжалось и во второй половине 1980-х годов [Ефимкин, 2008, с. 36], свидетельствуя о необходимости перестройки в сфере жилищного строительства.

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Программа массового жилищного строительства являлась одним из приоритетных направлений государственной политики в СССР. В ходе ее реализации были достигнуты существенные результаты, однако полностью обеспечить всех граждан государственными квартирами не удалось. В анализируемый период в Тюмени осуществлялась масштабная программа градостроительства, полностью отвечающая действующей тенденции урбанизации. В рамках данного процесса шло активное обеспечение значительной части населения благоустроенным жильем. В городе были возведены современные жилые районы, на ряде строительных производств внедрялись новые технологии, что способствовало улучшению облика города. Становилось очевидно, что темпы жилищного строительства не соответствовали динамичному развитию городской агломерации. Строительная отрасль требовала дополнительных инвестиций и дальнейшей индустриализации для обеспечения роста производства и повышения качества работ.

Исследование показало, что государственная жилищная программа носила иллюзорный характер, она не была подкреплена ни социальными, ни экономическими условиями, но даже ее частичная реализация дала возможность значительной части горожан переселиться в благоустроенное жилье и улучшить уровень семейного благоустройства. С середины 1980-х годов «застойные» тенденции в строительной отрасли усилились, что во многом было связано с социально-экономической ситуацией, сложившейся в стране. Негативные проявления заключались в недостаточном увеличении производительности труда, отсутствии заинтересованности работников в результатах своей деятельности, слабом внедрении новейших технологий, сохранении значительной доли ручного труда. Отрицательно сказывалось отсутствие налаженной координации деятельности строительных организаций, действующих в городе, не сложилось оперативного взаимодействия между их руководителями, являющимися главными участниками производственного процесса. Следует признать, что, несмотря на недостатки в проведении политики массового жилищного строительства, ее результатом стало значительное изменение качества жизни многих советских граждан, получивших благоустроенное жилье.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. *Гультяев Д.* По-деловому, заинтересованно / Д. Гультяев // Тюменская правда : [газета]. — 1977. — № 152 (9450). — С. 2.

2. *Быков А.* Когда сносят дом / А. Быков // Тюменская правда : [газета]. — 1975. — № 61 (8748). — С. 2.

3. *Быков А.* Новое о прописке / А. Быков // Тюменская правда : [газета]. — 1975. — № 106 (8793). — С. 2.

4. ГАТО — *Государственный* архив Тюменской области. Ф. Р-1806 (Трест «Тюменьгорстрой» и его предшественники). Оп. 2. Д. 330, 333 ; Ф. Р-1888 (Управление Главного архитектора г. Тюмени исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся г. Тюмень). Оп. 2. Д. 26 ; Ф. Р-2133 («Территориальное строительное управление «Тюменьстрой»» Ассоциации РосУралСибстрой. Оп. 1. Д. 462, 827, Оп. 2. Д. 909 ; Ф. Р-2172 («Главное территориальное управление по строительству жилых домов и объектов культурно-бытового назначения в полно блочном 87 исполнении для работников нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири (Главзапсибжилстрой) Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР»). Оп. 1. Д. 85.

5. *Города* с численностью 100 тыс. и более // Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. : статистический ежегодник. — Москва : Статистика, 1980. — 391 с.

6. *Жилищные* условия и коммунальное обслуживание. Социальное развитие СССР (статистический сборник) [Электронный ресурс]. — 1990. — Режим доступа : https://istmat.org/node/17628 (дата обращения 12.09.2024).

7. *Жилой* фонд и многоквартирные дома в Тюмени [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://gosjkh.ru/houses/tyumenskaya-oblast/tyumen (дата обращения 12.09.2024).

8. *Макаров А. В.* Индустриальное домостроение [Электронный ресурс] / А. В. Макаров, Н. Д. Солопова. — 2023. — Режим доступа : https://bigenc.ru/c/industrial-noe-domostroenie-af321a (дата обращения 25.09.2024).

9. *Народное* хозяйство РСФСР в 1980 г. : статистический ежегодник. — Москва : Финансы и статистика, 1981. — 406 с.

10. *Народное* хозяйство РСФСР в 1990 г. : статистический ежегодник. [Электронный ресурс]. — 1991. — Режим доступа : http://istmat.info/files/uploads/15863/narhoz_rsfsr_1990_socialnoe_razvitie.pdf (дата обращения 12.09.2024).

11. *О генеральном* плане г. Тюмени : Постановление Совмина РСФСР от 21.08.1969 № 498 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2578542. (дата обращения 12.09.2024).

12. *О мерах* по улучшению качества жилищно-гражданского строительства: Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 28 мая 1969. — № 392. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://e-ecolog.ru/docs/YmKOqYBuVw7ueqPZA4V2r (дата обращения 25.09.2024).

13. *О развитии* жилищного строительства в СССР : Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 31.07.1957. — № 931.[Электронный ресурс] — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5213.htm (дата обращения 25.09.2024).

14. *Почему* не всегда рад новосел? // Тюменская правда : [газета]. — 1980. — №103 (10306). — С. 2.

15. *Почта* недели // Тюменская правда : [газета]. — 1979. — № 100 (9842). — С. 4.

16. *Пятилетка*, год завершающий // Тюменская правда : [газета]. — 1980. — № 142 (10345). — С. 1.

CC BY

17. *Социалистические* обязательства трудящихся города Тюмени // Тюменская правда : [газета]. — 1978. — № 29 (9632). — С. 2.

18. *Социалистические* обязательства трудящихся Тюменской области на 1977 год и на десятую пятилетку // Тюменская правда : [газета]. — 1977. — № 16 (9314). — С. 1.

19. *Финишу* пятилетки — ударный труд // Тюменская правда : [газета]. — 1985. — № 26 (11729). — С. 1.

20. *Это наша* с тобой биография / сост. А. Л. Вычугжанин. — Тюмень : Слово. — 2010. — 399 с. — ISBN 978-5-93030-098-7.

Литература

1. *Авимская М. А.* Жилищное обеспечение железнодорожных строителей на Тюменском Севере (середина 1960-х — середина 1980-х гг.) / М. А. Авимская // Север России : стратегии и перспективы развития : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Сургут, 27 мая 2016 года. — Сургут : Сургутский государственный университет, 2016. — Т. 1. — С. 182—185.

2. *Асатрян И. Г.* Жилищный вопрос и его решение в российской провинции в 50-80-е годы XX века (на материалах Нижегородской области) / И. Г. Асатрян // Актуальные вопросы истории, философии и права : сборник статей Национальной научно-практической конференции / под редакцией А. С. Соколова, А. А. Щевьёва. — Рязань : Созвездие, 2018. — С. 5—10. — ISBN 978-5-9908010-7-3.

3. *Горлов В. Н.* Жилищное строительство в Москве как социокультурная проблема (1953—1991 гг.) / В. Н. Горлов. — Москва : Реглант, 2005. — 499 с. — ISBN 5-98258-047-3.

4. *Гришин С. Ф.* О наследовании Градостроительных традиций Санкт-Петербурга в Проектной практике Ленинграда 1960—80-х гг. / С. Ф. Гришин, Д. Д. Овчаренко // Вестник гражданских инженеров. — 2014. — № 3 (44). — С. 35—41.

5. *Ефимкин М. М.* Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации Сибири в XX—XXI вв. / М. М. Ефимкин // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX — начале XXI вв. — Новосибирск : Параллель 2008. — С. 3—45. — ISBN 978-5-98901-043-1.

6. *Куксанова Н. В.* Социально-бытовая инфраструктура Сибири : (конец 1950-х-середина 1980-х гг.) : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Наталья Васильевна Куксанова. — Новосибирск, 1995. — 40 с.

7. *Карпов В. П.* Нефтегазовый рисунок урбанизации Тюменского Севера / В. П. Карпов, И. Н. Стась // Горные ведомости. — 2014. — № 5 (120). — С. 84—97.

8. *Никитин Л. В.* Квадратные метры успеха : сравнительная динамика жилищного строительства в крупных городах Урала (1960-е — 2000-е гг.) / Л. В. Никитин // Проблемы российской истории. — 2010. — № 1 (10). — С. 409—431.

9. *Лисицин В. Г.* История строительства первого дома для специалистов в г. Иркутске / В. Г. Лисицин, М. Г. Меерович // Будущее памятников архитектуры конструктивизма. Материалы науч. конф. — Иркутск : Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2017. — С. 69—78. — ISBN 978-5-89170-212-7.

10. *Мантикова Э. К.* Жилищно-гражданское строительство Минэнерго СССР в Тюменской области (1965—1990 гг.) / Э. К. Мантикова // Проблемы модернизации Сибирского Севера : сборник научных трудов / ответственный редактор В. П. Карпов. — Тюмень : Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2011. — С. 51—58.

11. *Меерсон Д. С.* Жилищное строительство в СССР в XI пятилетке / Д. С. Меерсон, Д. Г. Тонский. — Москва : Стройиздат, 1983. — 47 с.

12. *Мухамедов Р. А.* Реализация партийно-государственной социальной программы в 1960—80-е годы : жилищное строительство в Ульяновске и Димитровграде / Р. А. Мухамедов, Н. С. Бойко, М. И. Хисамов // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 303—320. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-303-320.

13. *Прищепа А. И.* Эволюция промышленности строительных материалов Тюменской области в 1960—2010-е гг. / А. И. Прищепа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2020. — № 2 (65). — С. 199—206. — DOI: 10.26105/SSPU.2020.65.2.025.

14. *Стась И. Н.* Города или гостиницы? Вопрос о строительстве городов газовиков в Ямало-Ненецком округе в конце 1960-х гг. / И. Н. Стась // Арктика и Север. — 2014. — № 16. — С. 132—143.

15. *Столетова А. С.* Жилищный вопрос середины 1970-х годов как проблема социального обустройства в СССР / А. С. Столетова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. — 2020. — Т. 20. — № 4. — С. 475—481. — DOI: 10.18500/1819-4907-2020-20-4-475-481.

16. *Тимошенко А. И.* Разработка и реализация жилищных программ в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950—1980-е гг. / А. И. Тимошенко // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX — начале XXI вв. — Новосибирск : Параллель 2008. — С. 125—144. — ISBN 978-5-98901-043-1.

17. *Тимошенко А. И.* Новые города в Сибири (1950—1980-е годы) / А. И. Тимошенко // Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2019. — № 3. — С. 60—72.

18. *Тимошенко А. И.* Жилищное строительство в районах индустриального освоения Сибири в 1950—1980-е гг. / А. И. Тимошенко // Гуманитарные науки в Сибири. — 2007. — № 2. — С. 105—108. — DOI: 10.15372/HSS20190213.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024,
одобрена после рецензирования 20.01.2025,
подготовлена к публикации 14.02.2025.

Material resources

About the general plan of Tyumen: Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR dated. 21.08. (1969). Available at: https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2578542 (accessed 12.09.2024). (In Russ.).

Bykov, A. (1975). New information about registration. *Tyumenskaya pravda: [newspaper], 106 (8793):* P. 2. (In Russ.).

Bykov, A. (1975). When the house is demolished. *Tyumenskaya pravda: [newspaper], 61 (8748):* P. 2. (In Russ.).

Cities with a population of 100 thousand and more. (1980). In: *National economy of the RSFSR in 1979: statistical yearbook.* Moscow: Statistik Publ. 391 p. (In Russ.).

Five-year plan, the final year. (1980). *Tyumenskaya Pravda: [newspaper], 142 (10345):* P. 1. (In Russ.).

GATO — *The State Archive of the Tyumen region. F. R-1806 (Tyumengorstroy Trust and its predecessors).* (In Russ.).

Gultyaev, D. (1977). In a businesslike manner, interested. *Tyumenskaya pravda: [newspaper], 152 (9450):* P. 2. (In Russ.).

Housing and communal services. Social development of the USSR (statistical collection). (1990). Available at: https://istmat.org/node/17628 (accessed 12.09.2024). (In Russ.).

Housing stock and apartment buildings in Tyumen. Available at: https://gosjkh.ru/houses/tyumenskaya-oblast/tyumen (accessed 12.09.2024). (In Russ.).

Mail of the week. (1979). *Tyumenskaya pravda: [newspaper], 100 (9842):* P. 4. (In Russ.).

Makarov, A. V., Solopova, N. D. *Industrial housing construction.* Available at: https://bigenc.ru/c/industrial-noe-domostroenie-af321a (accessed 25.09.2024). (In Russ.).

On measures to improve the quality of housing and civil engineering: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated May 28. (1969). Available at: https://e-ecolog.ru/docs/YmKOqYBuVw7ueqPZA4V2r (accessed 25.09.2024). (In Russ.).

On the development of housing construction in the USSR: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated 31.07. (1957). Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5213.htm (accessed 25.09.2024). (In Russ.).

Socialist obligations of the workers of the city of Tyumen. (1978). *Tyumenskaya Pravda: [newspaper], 29 (9632):* P. 2. (In Russ.).

Socialist obligations of the workers of the Tyumen region for 1977 and for the tenth five-year plan. (1977). *Tyumenskaya Pravda: [newspaper], 16 (9314):* P. 1. (In Russ.).

The finish of the five-year plan is shock work. (1985). *Tyumenskaya Pravda: [newspaper], 26 (11729):* P. 1. (In Russ.).

The national economy of the RSFSR in 1980: statistical yearbook. (1981). Moscow: Finance and Statistics. 406 p. (In Russ.).

The national economy of the RSFSR in 1990: statistical yearbook. (1991). Available at: http://istmat.info/files/uploads/15863/narhoz_rsfsr_1990_socialnoe_razvitie.pdf (accessed 12.09.2024). (In Russ.).

Vychugzhanin, A. L. (ed.). (2010). *This is our biography.* Tyumen: Slovo. 399 p. ISBN 978-5-93030-098-7. (In Russ.).

Why is a newcomer not always happy? (1980). *Tyumenskaya Pravda: [newspaper],* 103 (10306): P. 2. (In Russ.).

References

Asatryan, I. G. (2018). The housing issue and its solution in the Russian province in the 50—80-ies of the XX century (based on the materials of the Nizhny Novgorod region). In: *Actual issues of history, philosophy and law: Collection of articles of the National Scientific and Practical Conference.* Ryazan: Constellation. 5—10. ISBN 978-5-9908010-7-3. (In Russ.).

Avimskaya, M. A. (2016). Housing provision for railway builders in the Tyumen North (mid-1960s — mid-1980s). In: *The North of Russia: strategies and development prospects: proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Surgut, May 27, 2016, 1.* Surgut: Surgut State University. 182—185. (In Russ.).

Efimkin, M. M. (2008). Housing factor in the process of industrial adaptation of Siberia in the XX—XXI centuries. In: *Experience of solving housing problems in Siberian cities in the XX — early XXI centuries.* Novosibirsk: Parallel. 3—45. ISBN 978-5-98901-043-1. (In Russ.).

Gorlov, V. N. (2005). *Housing construction in Moscow as a socio-cultural problem (1953—1991).* Moscow: Raglant. 499 p. ISBN 5-98258-047-3. (In Russ.).

Grishin, S. F., Ovcharenko, D. D. (2014). On the inheritance of the Urban planning traditions of St. Petersburg in the Design practice of Leningrad in the 1960s and 80s. *Bulletin of Civil Engineers, 3 (44):* 35—41. (In Russ.).

Karpov, V. P., Stas, I. N. (2014). Oil and gas pattern of urbanisation in the Tyumen North. *Gorny Vedomosti, 5 (120):* 84—97. (In Russ.).

Kuksanova, N. V. (1995). *Social and household infrastructure of Siberia: (late 1950s — mid-1980s).* Author's abstract of Doct. Diss. Novosibirsk. 40 p. (In Russ.).

Lisitsin, V. G., Meerovich, M. G. (2017). The history of the construction of the first house for specialists in Irkutsk. In: *The future of architectural monuments of constructivism. Proceedings of the Scientific Conference.* Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 69—78. ISBN 978-5-89170-212-7. (In Russ.).

Mantikova, E. K. (2011). Housing and civil engineering of the USSR Ministry of Energy in the Tyumen region (1965—1990). In: *Problems of modernization of the Siberian North: A collection of scientific papers.* Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University. 51—58. (In Russ.).

Meerson, D. S., Tonsky, D. G. (1983). *Housing construction in the USSR in the XI five — year plan.* Moscow: Stroyizdat. 47 p. (In Russ.).

Mukhamedov, R. A., Boyko, N. S., Khisamov, M. I. (2019). Implementation of Party-State Social Programme in 1960ies — 1980ies: Housing Construction in Ulyanovsk and Dimitrovgrad. *Nauchnyi dialog, 7:* 303—320. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-7-303-320

Nikitin, L. V. (2010). Square meters of success: comparative dynamics of housing construction in large cities of the Urals (1960s — 2000s). *Problems of Russian history, 1 (10):* 409—431. (In Russ.).

Prishchepa, A. I. (2020). Evolution of the construction materials industry of the Tyumen region in the 1960s and 2010s. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University, 2 (65):* 199—206. DOI: 10.26105/SSPU.2020.65.2.025. (In Russ.).

Stas, I. N. (2014). Cities or hotels? The question of the construction of gas worker's towns in the Yamalo-Nenets Okrug in the late 1960s. *Arctic and North, 16:* 132—143. (In Russ.).

Stoletova, A. S. (2020). Housing issue of the mid-1970s as a problem of social development in the USSR. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: History. International relations, 20 (4):* 475—481. DOI: 10.18500/1819-4907-2020-20-4-475-481. (In Russ.).

Timoshenko, A. I. (2007). Housing construction in the industrial development areas of Siberia in the 1950s and 1980s. *Humanities in Siberia, 2:* 105—108. DOI: 10.15372/HSS20190213. (In Russ.).

Timoshenko, A. I. (2008). Development and implementation of housing programs in the areas of new industrial development of Siberia in the 1950s and 1980s. In: *The experience of solving the housing problem in Siberian cities in the XX — early XXI centuries.* Novosibirsk: Parallel. 125—144. ISBN 978-5-98901-043-1. (In Russ.).

Timoshenko, A. I. (2019). New cities in Siberia (1950s—1980s). *Socio-economic and Humanitarian Journal, 3:* 60—72. (In Russ.).

The article was submitted 15.10.2024;
approved after reviewing 20.01.2025;
accepted for publication 14.02.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Тихомирова М. Н. Сеть поселений сибирских татар в низовьях р. Ишим и на прилегающих территориях по р. Иртыш в Новое время / М. Н. Тихомирова, К. Н. Тихомиров // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 522—542. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-522-542.

Tikhomirova, M. N., Tikhomirov, K. N. (2025). Settlement Network of Siberian Tatars in Lower Ishim River and Adjacent Areas along Irtysh River in Modern Times. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 522-542. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-522-542. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сеть поселений сибирских татар в низовьях р. Ишим и на прилегающих территориях по р. Иртыш в Новое время

Тихомирова Марина Николаевна
orcid.org/0000-0001-8271-8451
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
корреспондирующий автор
marinat24@mail.ru

Тихомиров Константин Николаевич
orcid.org/0000-0003-1159-1603
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
ktikhomirov@gmail.com

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Омск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках государственного задания, № темы FWZG-2025-0014 «Население юга Западно-Сибирской равнины: социокультурная динамика и культурное наследие»

Settlement Network of Siberian Tatars in Lower Ishim River and Adjacent Areas along Irtysh River in Modern Times

Marina N. Tikhomirova
orcid.org/0000-0001-8271-8451
PhD in History, research scientist
corresponding author
marinat24@mail.ru

Konstantin N. Tikhomirov
orcid.org/0000-0003-1159-1603
PhD in History, senior research scientist
ktikhomirov@gmail.com

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Omsk, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out as part of a state assignment, research project FWZG-2025-0014 “Population of the Southern West Siberian Plain: Sociocultural Dynamics and Cultural Heritage”

© Тихомирова М. Н., Тихомиров К. Н., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена характеристике сети поселений сибирских татар Саргатской волости Тарского уезда в низовьях р. Ишим и выше по течению Иртыша в XVIII веке. Источниками выступили: опубликованные письменные источники рубежа XVII—XVIII веков, документы архивов, списки населенных мест и исследования по статистическому учету населения, научные труды, полевых этнографические и археологические материалы. Рассматриваются вопросы истории населенных пунктов, их расположения, численности, этнического состава, виды поселений. Сделан вывод, что на территории расселения данной группы сибирских татар выделяется три подрайон. (1) Приустьевая часть р. Ишим, где располагалось центральное поселение группы, было стационарным, имело укрепленную часть. После строительства Российским государством Ишимского острожка татары продолжали жить рядом с ним. Концентрация летних поселений здесь была высокой из-за подходящих для скотоводства и рыболовства ландшафтных особенностей. (2) Низовья р. Ишим были изначально местом, где были угодья татар Ишимского острога и несколько их летников. Стационарные поселения здесь появляются между 1701—1763 годами. (3) По р. Иртыш выше Ишимского острога находились также старейшие поселения группы, известные с первой четверти XVII — начала XVIII века. Сообщается, что в первой трети XVIII века. У большинства из них были летники. Авторы утверждают, что сеть поселений здесь сложилась до конца XVIII века.

Ключевые слова:
Тарский уезд; Саргатская волость; стационарные поселения; сезонные поселения; сибирские татары.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article provides a comprehensive characterization of the settlement network of the Siberian Tatars in the Sargatsky District of the Tar region, focusing on the lower reaches of the Ishim River and upstream along the Irtysh River during the 18th century. The research draws upon a variety of sources, including published written documents from the turn of the 17th to 18th centuries, archival records, lists of populated areas, demographic studies, scholarly works, and field ethnographic and archaeological materials. The study addresses key aspects of the history of these settlements, including their locations, population sizes, ethnic compositions, and types of settlements. The findings indicate that the territory inhabited by this group of Siberian Tatars can be divided into three sub-regions: (1) The area near the mouth of the Ishim River, which housed the central settlement of the group, was permanent and fortified. Following the construction of the Ishim fort by the Russian state, the Tatars continued to reside nearby. The concentration of summer settlements in this area was high due to favorable landscapes for pastoralism and fishing. (2) The lower reaches of the Ishim River initially served as lands for the Tatars of the Ishim fort and their seasonal encampments. Permanent settlements began to emerge here between 1701 and 1763. (3) Upstream along the Irtysh River from the Ishim fort were also some of the oldest settlements of this group, known since the early 17th to early 18th centuries. It is reported that during the first third of the 18th century, most of these settlements had seasonal encampments. The authors assert that the settlement network in this area was established by the end of the 18th century.

Key words:
Tar Region; Sargatsky District; permanent settlements; seasonal encampments; Siberian Tatars.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 911.373(=521.145)“1870/1900”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-522-542

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Сеть поселений сибирских татар в низовьях р. Ишим и на прилегающих территориях по р. Иртыш в Новое время

© Тихомирова М. Н., Тихомиров К. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Низовья Ишима и прилегающие территории вдоль р. Иртыш находятся в северной части Омской области. В работе пойдет речь об истории и расположении поселений сибирских татар, которые по этнографической классификации местных тюркоязычных этнических образований XVII — начала XX веков относятся к саргатско-утузской подгруппе курдакско-саргатской территориальноэтнической группы [Корусенко и др., 1999, с. 117—120; Томилов, 1981, с. 113—124]. В настоящее время все сибирские татары являются субстратным этническим компонентом в составе этнической общности западносибирских татар, которая будет формироваться позже рассматриваемого периода.

Важность изучения расселения локальных групп сибирских татар обусловлена тем, что оно представляет собой один из факторов освоения этнической территории. Степень организованности расселения, типы поселений и основные хозяйственные занятия являются взаимосвязанными элементами и показателем культурно-исторического развития этнического образования.

Целью работы является изучение сети поселений сибирских татар в низовьях р. Ишим и выше по течению Иртыша после присоединения к Российскому государству в Новое время. Будут рассмотрены история населенных пунктов, численность, их расположение, типы поселений. Основной период исследования — XVIII век, что обусловлено наличием письменных источников, но для решения задач в ряде случаев рассматриваются материалы по XIX—XX векам.

Новизна исследования состоит в расширении знаний по региональной истории татар. В последние годы у жителей поселений возрастает интерес к истории своей малой родины. Ознакомление с непроверенной информацией порождает заблуждения о датах основания деревень. В частности, авторы попытались опровергнуть устоявшийся миф о значительной древно-

CC BY

сти поселений по Ишиму, основанный на данных из «Списка населенных мест Сибирского края» (1928 год).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Формирование и динамику системы расселения западносибирских татар в регионах Сибири, историю, состав и структуру жителей, планиграфию поселений изучали на разных материалах многие историки, этнографы и краеведы (Г. Т. Бакиева, ф. Т. Валеев, И. Б. Гарифуллин, Х. К. Садыков, Н. А. Томилов, Е. В. Титов, З. А. Тычинских и др.), подробнее см. историографию: [Сибирские …, 2022, с. 204—217 и др.]. О расселении и поселениях локальных групп татар на территории Омского Прииртышья писали С. Н. Корусенко, С. С. Тихонов, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова, Н. А. Томилов и др. [Корусенко, 2006; Тихонов, 2004; Тихомиров и др., 2022; Томилов, 2004]. В целом, изучена система расселения и поселения татар Тарского Прииртышья (территория Омской области, расположенная южнее района нашего изучения. — *М. Т., К. Т.*). Работы, в которых рассматривались эти вопросы, для северных частей Омской области немногочисленны. Расселение, этнический состав курдакско-саргатских татар изучал Н. А. Томилов [Томилов, 1981, с. 113—134]. Этносоциальный, половозрастной состав деревень курдакско-саргатских татар исследовала С. Н. Корусенко. Также она выполнила реконструкцию генеалогических линий семей на материалах документов учета населения 1795 года и XIX века на поколенных росписях XX века [Корусенко, Кулешова, 1995, с. 108—114, 175—189].

Первым источником работы являются опубликованные исследователями письменные источники рубежа XVII—XVIII веков. Источники делятся на три группы: 1) Документы содержат сведения о поселениях и населении. Это — Дозорная книга Тарского уезда 1701 года (далее — ДК 1701 года). Описания для нее собирались составителем дозора московским дворянином И. Р. Качановым, видимо, через «агентов» на местах (старшин поселений и др.), поэтому их можно считать достаточно достоверными [Тарское …, 2022, с. 43]. 2) Чертежи конца XVII — начала XVIII веков на Хорографической чертежной книге Сибири (далее — ХЧКС), карты Тарского уезда Тобольской губернии 1780, 1784, 1798 годов (далее — Карта 1780 года, Карта 1784 года, Карта 1798 года), на которых отражены приустьевый участок р. Ишим и его низовья, а также прилегающие районы по берегам р. Иртыш [Карта…, 1780; Карта.., 1784, с. 16; РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 44; ХЧКС, 2011, л. 87, 107]. Среди перечисленных картографических материалов важнейшей является ХЧКС, подготовленная С. У. Ремезовым, так как он ее составлял, используя сведения от знающих людей. Его отец и сам автор служили в Ишимском острожке, поэтому мы думаем, что

CC BY

он прекрасно знал рассматриваемый район [Тарское ..., 2022, с. 43; ХЧКС, 2011, л. 87, 107]. 3) Путевые заметки авторов XVIII века: И. С. Унковского (1722 год), Г. Ф. Миллера (1734 год), И. П. Фалька (1771—1772 годы) [Полное ..., 1824, с. 392; Сибирь ..., 1996, с. 84—85; Унковский, 1887, с. 14].

Вторым источником работы были документы архивов. Их можно разделить на две группы: 1) Картографические материалы: «План... дачи села Усть-Ишимского и юрт Ашеванских....», отражающий ситуацию на 1896 год, а также более поздний проектный план 1928 года к Земельной записи на право пользования юрт Космаковских [ТФ ГИАОО, ф. Р-769, оп. 1, д. 7, л. 7; д. 60, л. 1]; 2) Документы, содержащие сведения о населенном пункте и его населении: подушные переписи (ревизские сказки) податного населения 1782, 1795 годов [ГУТО ГАТ, и-154, оп. 8, д. 31, 138]. К сожалению, нам не доступны первые три ревизии населения XVIII века (в Тарском уезде проводились в 1720 году, 1744 году, 1763 году), поэтому между данными из ДК 1701 года и 4-й ревизией (1782 год) существует пробел.

Третьим источником работы были списки населенных мест и исследования, содержащие данные текущего и разового статистического учета по населенным пунктам, правда, последней трети XIX — первой трети XX века, но эти сведения были нам необходимы для решения поставленных задач [Списки ..., 1871, с. 106—107; Список …, 1928, с. 82; Патканов, 1897, с. 72].

Четвертым источником работы стали материалы полевых этнографо-археологических исследований 2023 года. М. Н. Тихомирова собрала сведения у татар Усть-Ишимского района Омской области о населенных пунктах и населении в прииртышских деревнях Ильчебага и Эбаргуль, в поселениях, расположенных на реках Ишим и Уштак: Летние, Ашеваны, Тюрметяки [Тихомирова, полевые материалы автора (далее — ПМА), тетрадь № Т-130]. При помощи жителей деревень К. Н Тихомировым было обнаружено старое место расположения д. Летние, он обследовал урочище «Тюляк» у д. Эбаргуль, где находились поселение и грунтовый могильник.

Пятым источником стали научные труды по истории, археологии, этнической истории Б. О. Долгих [1960], А. С. Голубева [2022], С. Н. Корусенко [1999], Н. А. Томилова [1981], А. Г. Селезнева [2013], монография «Тарское Прииртышье…» [2022], написанная М. Л. Бережновой, Н. В. Кабаковой, С. Н. Корусенко на основе ДК 1701 года и других документов [Тарское …, 2022, с. 4—12, 31—87, 145].

В работе использованы методы, традиционные для исторической науки: историко-типологический, сравнительно-исторический. При сборе материала применялись специально-дисциплинарные методы, характерные для полевого этнографического исследования (интервью) и археологического обследования (шурфовка, фотофиксация).

CC BY

В заключение отметим, что статус поселений, их названия и административная принадлежность изменялись. Каждый раз мы будем указывать их в тексте статьи так, как написано в источнике, без приведения к единообразию. Например, встречаются разные варианты названия одного поселения: *Таутаматские / Таутамаковские / Таутацкая, Алейбагина / Ильчибагина.*

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Поселения сибирских татар в приустьевом участке и низовьях р. Ишим

3.1.1. Приустьевый участок р. Ишим

К 1625 году в этом районе известно одно поселение татар — *Ишим-томак* (с 31 чел., выступающими плательщиками ясака) [Долгих, 1960, с. 53]. Его название переводится дословно «устье Ишима», что указывает на расположение. После присоединения этих земель к Российскому царству и образования Тарского уезда здесь стали размещаться волостные органы управления Саргатской инородческой волости, а после октябрьской революции 1917 года и до 1924 года — одноименный волисполком [ТФ ГИАОО, ф. Р-57 (Вводная статья к описи фонда)]. В сфере их управления находились татарские населенные пункты по рекам Иртыш и Ишим.

В 1631 году Российское царство в *Ишим-томаке* (на месте татарского укрепления *Ischim-Kalla*) возвело Ишимский острожек на мысу террасы в устье Ишима. Он (вместе с другими острожками) прикрывал территории по Иртышу между городами Тобольск и Тара от набегов тюркских и монгольских отрядов, вторгавшихся с юга Сибири и из Центральной Азии [Буцинский, 1999, с. 156—157; Сибирь…, 1996, с. 84]. Ишимский острог контролировал всю систему транспортных коммуникаций, которая здесь существовала. Он располагался на перекрестке двух сухопутных путей, проложенных на левобережье Иртыша из Тобольска в Тару и по левому берегу р. Ишим из Казахстана и Средней Азии, а также водных путей по обеим рекам. В это время в острожке несли службу и временно проживали присылаемые из г. Тара люди, находящиеся на военной службе [ДК, 2021, с. 627—628]. Рядом с российским острогом так же, как и раньше, жили сибирские татары. В 1701 году среди постоянно проживавших жителей здесь числились князец Мулаш Ахметев <представитель местной родоплеменной элиты>, 89 глав семей ясачных (местных) татар и два казанца (из тюркоязычных переселенцев из районов Центральной России), проживавшие здесь с 202 года <1692 / 1693 годы> [Там же, с. 627—634]. В ДК 1701 года написано, что летом татары выезжали из Ишимского острога и проживали «в летних юртах» на противоположном берегу р. Иртыш и на

CC BY OPEN ACCESS

берегу р. Ишим [Там же, с. 628]. Тут речь идет об их сезонных поселениях. На листах ХЧКС напротив Ишимского острога — в приустьевой части и вверх по р. Ишим на правом берегу в пойме — отмечены их летники: *Кызылтинковы, Ярышкины, Кузеевы, Куташевы, Шавановы*, на ишимской террасе — *Киркины*, а на левом берегу — *Климковы* / *Учеевы* [2011, л. 87, 107]. На правом берегу Иртыша, напротив острожка, указаны *Бизиляковы,* а на другом листе, видимо, они названы *Ентугановы* [ХЧКС, 2011, л. 87, 107]. Анализ ойконимов показывает, что среди ясачных татар Ишимского острожка жили те, у кого фамилии были похожи или совпадали с перечисленными селениями: юрты Ярышкины (Юлюгайко Ярыжной, Ирганко Ярыжной, Мергетень Ярыжной, Мурин Ярыжной), юрты Кузеевы (Атыкей Кузеев, Исмет Кузенев, Балаур Кузеев), юрты Кызылтинковы (Кабай Кызылтимов, Бузубай Кызылтимов, Якшибай Кызылтанов, Кускиня Кызылтанов), юрты Куташевы (Шамычко Куташев), Бизиляковы (Баян Биселяков и Кучук Бисиликов), Ентугановы (Атыбечко Янтуганов, Тюнячко Янтуганов) [ДК, 2021, с. 628—632]. Эти временные поселения, видимо, были небольшими и принадлежали одной или нескольким семьям — владельцам земельных угодий [Тарское …, 2022, с. 145]. В других документах эти названия не упоминаются. В 1734 году Г. Ф. Миллер был последним автором, кто писал о том, что татары Ишимского острога летом проживают в двух деревнях с одним общим названием «Ишим-аул», расположенных на разных берегах Иртыша: «… одна на восточном <правом> берегу, прямо напротив указанного острога, а вторая — на западном <левом> берегу, немного выше устья реки Ишима» [Сибирь …, 1996, с. 84]. Поселение на западном (левом) берегу располагалось в том же районе, где на листах ХЧКС группа летников. Поселение на правом берегу Иртыша локализовать сложнее без осмотра правобережья. Мы помним, что здесь С. У. Ремезовым отмечены Бизиляковы / Ентугановы [ХЧКС, 2011, л. 87]. У Г. Ф. Миллера есть еще одна привязка к местности. Он пишет, что за деревней находится озеро Kuitan-bueren, имеющее 4 версты в окружности и исток в р. Иртыш выше поселения [Сибирь …, 1996, с. 84].

Академик И. П. Фальк, посетивший эти места в 1771—1772 годах, упоминает в своих записках только одну «татарскую деревню» *Ишимаул*, но не пишет была она сезонной или нет. Она находилась на левобережье Иртыша рядом с лесистым островом *Ишимтамак*, лежащем против устья Ишима [Полное ..., 1824, с. 392]. Сейчас остров находится там же.

На карте 1780 года обозначены острог Устьишимской и снова два татарских поселения Устьишимских. Одно — Верхняя Усть-Ишимская — показана на левобережье Ишима на берегу р. Круишим, второе — Усть-Ишимская — на правом берегу р. Ишим, ближе к месту его слияния с р. Ир-

CC BY

тыш, где на ХЧКС была нанесена группа летников, а затем Г. Ф. Миллер и И. П. Фальк упоминали поселение *Ишим-аул* [Карта..., 1780; ХЧКС, 2011, л. 87, 107]. На картах 1784, 1798 годов уже указаны только одни юрты *Усть ишимски* или *Устьишимские* на правом берегу р. Ишим (то есть населенный пункт на берегу Круишима не отмечен), а также *Усть шимскои* <острожек> или *Устьшимскои остроже*. Однако в 4-й ревизии (1782 год) есть данные только по Ишимскому острожку. Как раз сведений о юртах *Устьишимских* на правом берегу р. Ишим нет. В острожке числилось по 154 мужчин и женщин. Здесь проживала семья князца. Большинство жителей было ясачными татарами, несколько семей — из порушных татар, одна семья — из новокрещеных татар, три семьи записаны как «некрещеные» [ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 31, л. 1062—1069 об.].

Остается открытым вопрос: что же случилось с Ишим-аулом (бывшим летником)? Сведений о нем в документах XIX века мы не обнаружили. Однако в документах есть информация, что к последней трети XIX века в этом районе существовало два татарских поселения: при р. Ишим — выс. Ближне-Летний из 6 дворов (18 муж., 11 жен.) и в 1,5 км к юго-востоку от него на р. Уштак — выс. Тюлгуаир из 15 хозяйств (35 муж., 32 жен.). [Список…., 1871, с. 106—107]. На плане дачи с. Усть-Ишимских и юрт Ашеванских от 1896 года уже показано только одно поселение, но с двойным названием — *выс. Тюльгаляир (Летния)* на р. Уштак, а на экспликации к плану — *юрты Летние* [ТФ ГИАОО, ф. Р-769, оп. 1, д. 7, л. 7]. Двойное название указывает на то, что жители из выс. Ближне-Летнего по неизвестной причине переехали. В переписи 1897 года он уже записан как выс. Летнинский, но при р. Ишим. (18 хоз., муж. — 53, жен. — 39), а в 1926 году — юрты Летние при р. Уштак, существующие до настоящего времени [Патканов, 1897, с. 73; Список …, 1928, с. 82]. Отметим, что д. Летняя находится там же, где и на плане 1896 года, — при р. Уштак, то есть у С. К. Патканова привязка к р. Ишим вводит исследователей в заблуждение [ТФ ГИАОО, ф. 769, оп. 1, д. 7, л. 7]. Письменные данные подтверждаются этнографическими материалами. Сейчас одно из неофициальных названий д. Летняя — *Тәльгәлә* («лиса» или «лисий») — знают только ее старожилы и пожилые жители ближайших татарских населенных пунктов Усть-Ишимского района Омской области. По их рассказам, их предки жили в «старой» деревне на оз. Канкуль (Көнгуль — «Кровавое»), находящейся в 1,5 км от д. Летняя [ПМА, л. 12, 16, 19, 24 об.]. К. Н. Тихомиров произвел осмотра местности. Было установлено, что поселение находилось на узком перешейке, образованном р. Ишим, его протокой Вертенис и старым руслом р. Ишим. Оно располагалось на старой дороге из г. Тара в с. Усть-Ишим, перенесенной в конце 1990-х годов. На его территории небольшое овальное оз. Канкуль, ориентированное поперек

CC BY

перешейка, со стоками в указанную протоку с одной стороны и с другой — в старое русло р. Ишим. Эта система делила поселение на две части. Его основная большая часть находилась на небольшой гриве высотой 1—1,5 м. На этом месте были выкопаны 3 шурфа размерами 1 х 1 м. Мощность культурного слоя составила 50—70 см. Были получены археологические материалы широкого хронологического диапазона. На основании расположения поселения, его ландшафтных особенностей, удобных для занятия пастбищным скотоводством и рыболовством в малых реках и озерах, археологических материалов, записок Г. Ф. Миллера и И. П. Фалька мы предполагаем, что это был бывший летник Ишимаул. В XIX веке он был скорее стационарным поселением [Карта …, 1780; Полное ..., 1824, с. 392; Сибирь …, 1996, с. 84].

3.1.2. Низовья р. Ишим (до устья р. Большая Тава)

Сведения о стационарных поселениях сибирских татар в этом районе из доступных архивных документов довольно поздние: они относятся к концу XVIII века. Однако это не значит, что они не возникли в период между 1701 годом (время создания ДК, где они не упомянуты) и 4-й ревизией (1782 год). Не введены в научный оборот первые три ревизии населения, которые могли бы прояснить этот вопрос. Из ДК 1701 года нам известно, что татары Ишимского острога владели земельными угодьями по Ишиму, где у них были сенные покосы, земли под пашню и пустоши. Угодья для рыбной ловли и зверовых промыслов находились вверх по Ишиму на обоих берегах [ДК, 2021, с. 634]. В документе, помимо пространной формулировки «…истари…», есть хронологический ориентир, указывающий, в какое время они уже ими владели. Они ссылаются на писцовые книги писца Льва Поскочина, проводившего перепись в Тарском уезде в 1683/1684 годах. На листах ХЧКС видно, что, кроме приустьевой части, вверху по р. Ишим встречаются наименования, совпадающие с фамилиями татар Ишимского острога: два озера Баженково, поселение *Баженково*. Еще одно поселение *Кызылтинковы* указаны чуть далее р. Большая Тава — в районе устья р. Шулашы (Сулаши. — *М. Т., К. Т.*). Добавим, что здесь только в начале XX века будут основаны татарские юрты Сулашкинские [ДК, 2021, с. 628—630; ХЧКС, 2011, л. 107]. Таким образом, вероятно, это также летники татар Ишимского острога.

Дополнительным свидетельством того, что земли по р. Ишим изначально были татар Ишимского острога, является документ «План... дачи села Усть-Ишимского и юрт Ашеванских....», из которого следует, что у жителей этих деревень в 1896 году еще не были поделены земельные угодья, они находились в общей собственности [ТФ ГИАОО, ф. 769, оп. 1, д. 7, л. 7]. Обычно земля оставалась неразделенной, в общем владении (до революции называлась «дачей». — *М. Т., К. Т.*), у тех населенных пунктов,

CC BY

которые были основаны на землях другого татарского поселения, притом выходцами из него, то есть это нам говорит о том, что юрты Ашеванские появились позднее Ишимского острога. И, предположительно, на землях татар острожка.

К 4-й ревизии (1782 год) здесь уже существуют все поселения татар. Это и ныне существующие деревни Ашеваны, Тюрметяки, и разъехавшаяся Таутамак. Карты 1784, 1798 годов дают представление об их расположении. Осмотр действующих населенных пунктов и рассказы старожилов свидетельствует о том, что их расположение не менялось до настоящего времени. На картах конца XVIII века юрты Таутаматские помещены на правобережье Ишима ближе к устью р. Большая Тава, поэтому они названы «устье р. Тава» (*Тау* — по-татарски «Тава» и *тамак* — «горло», «устье» реки) [Карта …, 1784, Карта…1798]. Однако вопрос о месте их расположения требует дополнительного изучения, так как в последней трети XIX века их размещали на левобережье Ишима [Списки …, 1871, с. 106]. До начала XX века они были крайней точкой ареала расселения сибирских татар вверх по р. Ишим.

В 1782 году д. *Ашаванска* была самой крупной из трех населенных пунктов (116 муж., 84 жен). Большинство проживавших было ясачными татарами, около 30 процентов — порушными татарами. В д. *Терметякова* (33 муж., 27 жен.) было большинство ясачных татар и несколько семей порушных татар. В д. *Таутацкая* проживали ясачные татары (10 муж., 8 женщ.) [ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 31, л. 1069 об. — 1076 об.].

Видимо все населенные пункты появились между 1701 и 1762—1763 годами, так как о них есть сведения в 3-й ревизии (ее данные приведены в 4-й ревизии). И уже тогда д. Ашаванска была самой крупной (92 муж. и 43 жен.) [Там же]. И еще дополнительным свидетельством более раннего времени существования стационарных поселений по Ишиму является архивный документ от 29 мая 1761 года, касающийся земельного имущества в Тобольском уезде двух жителей Таутамаковских юрт Тарского уезда [Указ // Госкаталог РФ, № 12492196].

Изложим наши предположения о причинах основания стационарных населенных пунктов вдоль р. Ишим, но мы опираемся на косвенные источники, поэтому требуются дополнительные данные. Название д. *Ашеваны* (*Әшеван*), по одной из версий, произошло от слова *аша* (переводится «через что-то») [Тумашева, 1992, с. 34], а оно в свою очередь восходит к древнетюркскому *aš-* («переходить, пересекать; преодолевать, переваливать (гору)» [ДТС, 1969, с. 62]. Вероятно, в этих местах проходила дорога или был волок. На Карте 1798 года юрты *Ашеванские* расположены на перекрестке дорог. Одна из них — это дорога из Средней Азии, и она шла вдоль

CC BY

р. Ишим, упиралась в районе юрт *Ашеванских* в дорогу Тобольск — Тара [Карта…, 1798].

Дорога вдоль Ишима проходила также мимо д. Тюрметяки. Это название восходит, видимо, к словам *tura* — «укрепленое жилище; крепость»; *turnaq* — «стояние, пребывание» [ДТС, 1969, с. 587—588]. Этимология слова, возможно, связана с его притрактовым значением. Добавим, что до настоящего времени дорога вдоль р. Ишим мимо деревень Ашеваны и Тюрметяки сохраняет региональное значение, связывая северные районы Омской области с Тюменской областью и ее северными автономными округами (ХМАО и ЯНАО).

В связи с основанием д. Тюрметяки нельзя оставить без внимания, что в ее окрестностях на берегу оз. Святое расположен важный для мусульман объект паломничества — *астана* (могила святого шейха Бигич-Ата). Исследователи, изучавшие культ святых в сибирском исламе, считают, что Тюрметякская астана показана на листах ХЧКС на левобережье Ишима в его петле на берегу *оз. Баженково*, а это рубеж XVII—XVIII веков [ХЧКС, 2011, л. 107; Селезнев, 2011, с. 115—116 и др.].

Сейчас между собой татары называют д. Тюрметяки по-татарски наразговорном языке по наименованию озера — *Оллы бүрән* (официально — «Святое озеро»), на берегу которого расположена *астана*. Б. О. Долгих со ссылкой на документ 1625 года, перечисляя населенные пункты «*в саргачской группировке*», писал, что *кроме Ишим-томака и Аксиповой* была еще *Котлубахтыева и* ***Улу-Бурен*** (выделение жирным шрифтом наше. — *М. Т., К. Т.*) (13 чел. плательщиков ясака) [Долгих, 1960, с. 53]. Первое наименование дано от собственного имени плательщика ясака, возглавлявшего деревню [Там же, с. 51—52], а вот название *Улу-Бурень* вполне соотносится с д. Тюрметяки (*Оллы бүрән)*. Слово *оллы* среди сибирских татар используют для обозначения людей / вещей / объектов, выделяющихся превосходством какого-то признака (большой по размеру, почтенный, старший и т. п.), а *бүрән* в местных диалектах — «старица / старичное озеро» [Тумашева, 1992, с. 48, 160]. Это название могло бы подойти для д. Эбаргуль, о которой речь пойдет в разделе 3.2, так как рядом с ней находится одноименное большое старичное озеро, но оно в этом же документе от 1625 года называется *Аксипова*. По мнению информаторов, озеро *Оллы бүрән* и деревня названы так потому, что на берегу расположена астана Бигич-Ата. Таким образом как бы подчеркивается его особенный статус, более высокий в сравнении с окружными поселениями.

Добавим, что татарское название д. *Тюрметяки* из устной традиции было перенесено в рукописи, составляемые местным мусульманским духовенством, об обстоятельствах исламизации местных жителей, в кото-

CC BY

рых перечислены все сибирские астаны, в том числе у этого населенного пункта (в них оно названо *Большой Буран / Улуг Буран*). А. К. Бустанов, изучавший эти рукописи, считает, что первые две редакции списков создавались в XVII и в середине XVIII веков, предположительно в д. Тюрметяки либо шире где-то в округе Усть-Ишима [2009, с. 214, 225].

3.2. Поселения сибирских татар по р. Иртыш выше Ишимского острога (до устья р. Кайсы)

В ДК 1701 года среди перечисленных населенных пунктов Ишимского острожка была указана *Иксемитская* (с 10 ясачными татарами). Ее второе название — *Ябаргулова* [ДК, 2021, с. 626—627]. Оба наименования позволяют идентифицировать ее как ныне существующую д. Эбаргуль, расположенную на левом берегу. Наименование *Иксемитская* дало ключ к ее идентификации в источнике 1625 года, где она записана как *д. Аксипова* (с 10-ю податными лицами муж. пола) [Долгих, 1960, с. 53]. До настоящего времени местные татары ее называют по-татарски не *Эбаргуль*, а *Ихсинер*. *Аксипова* или *Иксемитская* — это искаженные переводы татарского слова *ихсинер*, переводится как «косой изгиб реки», под которым подразумевается берег Иртыша напротив д. Эбаргуль. Его береговая линия представляет собой крутой поворот, а на берегу находится узкий и высокий мыс коренной правобережной террасы, поросшей сосновым бором (мыс именуют *Ихсинер*, а по-русски — «сопка) [ПМА, л. 24 об.].

Второе название деревни — *Ябаргулово*, возможно, произошло от наименования одного из крупнейших старичных иртышских озер на левобережье (на территории нынешнего Усть-Ишимского р-на Омской обл.), расположенного рядом с деревней, — оз. Эбаргуль. Оно вместе с поселением указано в письменных источниках конца XVII — начала XVIII веков как *Ебаргулково / Ебаргулово* [ХЧКС, 2011, л. 87, 107] или *Большое* [ДК, 2021, с. 627]. Также ойконим мог произойти от имени / фамилии жителей, но в самом поселении подобные антропонимы не обнаружены. Зато в Ишимском острожке числился ясачный татарин Кутанко Ябаргулов [ДК, 2021, с. 633].

Отметим, что Г. Ф. Миллер в путевых заметках 1734 года пишет о двух одноименных деревнях ясачных татар *Iaxinir-aul*: «…первая в 12 верстах от Ишимского острога для лета, вторая в 4 верстах выше — для зимы. Между обеими (деревнями. — *М. Т., К. Т.*) Иртыш образует излучину к северу, имеющую 10 верст в окружности» [Сибирь …, 1996, с. 84]. Первая из них — это ныне существующая деревня, так как Г. Ф. Миллер указал, что рядом с зимним поселением находится озеро: «*Iabargul-bueren, сразу за вышеуказанной деревней Iaxingir и выше нее, с истоком в Иртыш».* Во времена Г. Ф. Миллера дома жителей, видимо, располагались ближе к озеру на небольшой прииртышской гриве. Сейчас это считается «старой

CC BY

частью» деревни. Она находится рядом с кладбищем. Поздняя часть поселения расположена выше по Иртышу. Неофициально две части жителями называются *Старый Эбаргуль* и *Новый Эбаргуль*.

К. Н. Тихомиров обследовал местность вокруг деревни с целью выявления сезонных поселений в прошлом. Прежде всего им было осмотрено урочище *Тюляк* на западном берегу оз. Эбаргуль в 0,2 км от устья р. Шушар. Жители считают, что там расположено священное место. У жителей была зафиксирована легенда о том, что основатель насенного пункта хан Эбердэ изначально проживал в урочище *Тюляк*. По рассказам, там же находилось кладбище *Карагай кыр* [Эбаргүл (Ихсиңер) авылы; ПМА, л. 9]. Было обнаружено археологическое поселение и остатки грунтового могильника, расположенные на бровке левобережной террасы р. Иртыш. Вероятно, это поселение изначально было на берегу Иртыша, но он поменял русло, и жители перенесли его на новый берег, потому что рыболовство было важным занятием для жизнеобеспечения. Однако урочище *Тюляк* не подошло под описание расположения летней деревни *Iaxingir*, приведенное Г. Ф. Миллером, так как он указывал, что в 2 верстах от нее на противоположном (правом) берегу протекает р. *Kaltermak* (сейчас — Колтырма) [Сибирь…, 1996, с. 84].

На картах конца XVIII века уже нанесена только одна деревня, являвшаяся бывшим зимним поселением. Она носит второе название, которое становится официальным: *Ябаргульская / Ебаргульски / Ебаргульскїе*. Еще отмечено озеро, так как оно одно из крупнейших в округе [Карта…, 1780; Карта…, 1784; Карта…, 1798].

Следующее поселение, стоящее выше по р. Иртыш, были *юрты Космаковы* [ХЧКС, 2011, л. 87]. Самые ранние сведения о них есть в ДК 1701 года, где записано, что на берегу р. Иртыш расположена деревня ясачных татар «*Ишимская Верхная, Космакова та ж*» (в ней перечислено три хозяина и шесть лиц мужского пола). *Ишимская Верхная*, видимо, названа так, поскольку располагалась выше по Иртышу от Ишимского острога. Второе наименование — *Космаково таж* дано, вероятно, по фамилии жителя или крупного рода. В ДК 1701 года в этой деревне первым был записан ясачный татарин Тлев Космаков [ДК, 2021, с. 626]. В последующем за ней закрепится второе наименование. Нужно пояснить, что в этот период названия поселений татар еще не были устоявшимися. Они менялись в зависимости от того, кто на момент учета ясачного населения был старостой [Корусенко, 2006, с. 233].

Г. Ф. Миллер в 1734 году упоминает *Kasmak-aul* как зимнее поселение ясачных татар. Он пишет, что поблизости от него была их летняя деревня *Iang-aul* (пер. — «Новая деревня»), то есть она появилась позднее *Kasmak-aula*. О месте расположения летней деревни *Iang-aul* сейчас сказать что-то

CC BY

определенное затруднительно, пока не появятся новые данные. Единственный раз д. Новая вместо аула Касмак отмечена на Карте 1780 года на р. Ачезы, название которой созвучно с рекой *Otschjessa*, упомянутой Г. Ф. Миллером при описании этих поселений [Карта…, 1780; Сибирь…, 1996, с. 84]. *Kasmak-aul* идентифицируется с «разъехавшейся» в 1973 году д. Космаково [Голубев, 2022, с. 559]. Судя по имеющимся привязкам ее к географическим объектам, она, видимо, не меняла место расположения. Г. Ф. Миллер указывает реки вблизи *Kasmak-aula:* «Речка Iagnajak, впадает в Иртыш с западной стороны, в полуверсте выше аула Kasmak. Otschjessa, впадает в Иртыш с западной стороны, в версте от аула Kasmak" [Сибирь …, 1996, с. 84]. На Карте 1798 года *Космаковы* отмечены в низовьях р. *Итисы*, а в нее впадает р. *Агулак.* Оба названия созвучны тем, что упоминал Г. Ф. Миллер. На современных картах нет названий этих рек. В их идентификации помогает проект «План 1928 года земельных угодий д. Космакова», где нанесена р. *Ичесы*. Она впадает в р. Иртыш чуть выше деревни, а в эту реку впадает *Убаярган* (надпись нечеткая. — *М. Т., К. Т.*) На Карте 1798 года она названа Агулак [ТФ ГИАОО, ф. Р-769, оп. 1, д. 60, л. 1; Карта…, 1798]. То есть сейчас обе реки на картах подписаны как *Убаерган*.

Следующее вверх по Иртышу поселение ясачных татар Ишимского острога, известного по ряду документов конца XVII — начала XVIII веков, имело название в ХЧКС — юрты *Ичметевы*, в ДК 1701 года — «деревня *Нижняя Тавинская, Ачметева та ж*» (было 9 хозяев и числилось 12 чел. мужского пола) [ДК, 2021, с. 625; ХЧКС, 2011, л. 87]. В отличие от других прииртышских поселений группы, оно находилось на другом, правом берегу Иртыша. Это было последнее поселение Саргатской инородческой волости. В его окрестностях проходила ее восточная граница. Г. Ф. Миллер довольно подробно излагает сведения о населенном пункте на 1734 год. *Atschimet-aul* находился в 4 верстах от *Kasmak-aul.* Ясачные татары здесь жили летом, а зимой они пребывали в ауле *Tau*. За этой деревней находилось озеро, имеющее 2 версты в окружности, а напротив деревни на левом берегу в Иртыш впадала р. *Ketuesse*. У устья последней в реке находился остров длиной в четверть версты [История Сибири …, 1996, с. 85; ХЧКС, 2011, л. 87]. Из его текста становится понятным, почему первое название этого поселения в ДК 1701 года — *Нижняя Тавинская*. В начале XVIII века выше по Иртышу на противоположном, левом берегу находился городок Верхний Тавинской, или д. Верхняя Тавинская Куллар-ской волости Тарского уезда [ДК, 2021, с. 623—625; Сибирь …, 1996, с. 85; ХЧКС, 2011, л. 87]. В настоящее время это д. Тавинск Тевризского района Омской области. Во избежание путаницы добавим, что было еще третье поселение, в наименовании которого присутствовало слово *Тавинские*. Это

CC BY

летник татар *Tau-aul* с таким же названием недалеко от реки *Urgautsch*. Он располагался на правом берегу Иртыша. Первые сведения о нем есть у Г. Ф. Миллера [Сибирь …, 1996, с. 85]. В 1722 году капитан И. С. Унковский, отправленный с дипломатической миссией к правителю Ойратского (Джунгарского) ханства и поднимавшийся по Иртышу, упомянул в путевом журнале Тавинский острожек и двое Тавинских юрт [1887, л. 14]. Все три поселения указаны на следующих картах конца XVIII века. На Карте 1780 года *Ачиматская* стоит на правом берегу, но не напротив устья р. Кэтесе, как писал Г. Ф. Миллер, а напротив устья р. Ураш, и еще она есть на Карте 1784 года, а вот на Карте 1798 года она не отмечена. Выше ее по Иртышу: на Карте 1780 года *Верхняя Тавинская* (по Г. Ф. Миллеру — это летник) указана на правом берегу, а на другом берегу отмечена *Нижняя Тавинская (бывший Тавинский острожек)* Кулларской волости. Заметим, что в ДК 1701 года *Нижней Тавинской* называли другое поселение — Ачметеву [Карта …, 1780; Карта …, 1784; Карта …, 1798].

Название *Ачметева / Ичметева* и другие вариации произошли от имени или фамилии. В 1701 году здесь проживали Курман Ачметев и Кулай Ачиметев [ДК, 2021, с. 625]. С 4-й ревизии (1782 год) и позже в других документах сведений об этом поселении не встречается. Но на Карте 1798 года на левом берегу р. Иртыш впервые появляются юрты Ильчебагины, указанные там же, где и сейчас, — недалеко от устья р. Кэтэсе. Они есть в ревизии 1782 года как *Алейбагина*, и уже как крупное поселение (86 м.п., 87 ж.п.) [ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 31, л. 1058 об. — 1086 об.].

Из документов судебной тяжбы 1818 года между жителями деревень Ильчибага и Космакова за оз. Ячмень выясняется, что татары д. Ильчибага лет 30 назад проживали на правом берегу Иртыша и из-за наводнения переселились на левый берег в верховья р. *Аузакош* (или, «по-уличному», *Катисы*). Сейчас это р. *Кэтисе*, где находится современная д. Ильчебага [ГАТ, ф. И-154, оп. 8, д. 44, л. 107 об.].

В деле тяжбы есть план правого берега Иртыша в окрестностях оз. Ячмень, где указаны *Летние Ильчибагинские*, расположенные на месте, где во всех источниках начала XVIII века и на Карте 1780 года указывались юрты *Ичметевы* [ГАТ, ф. И-154, оп. 8, д. 44, л. 141; Карта 1780; Сибирь...,1996, с. 85; ХЧКС, 2011, л. 87].

У переселившегося поселения название соответствует имени / фамилии одного из жителей. В 4-й ревизии первой записана семья Теляка Абряхамова (фамилия плохо читается — *М. Т., К. Т.*), скончавшегося между 3-й и 4-ой ревизиями в возрасте 90 лет, и его сына Алейбагы Телякова, умершего в 69 лет. Он оставил трех сыновей, у которых фамилия была *Алейбагины* (Умер, 49 л., Муса, 46 л., Евтыяшин, 26 л.) [ГАТ, ф. И-154, оп. 8, д. 31,

CC BY

л. 1081 об. — 1082]. В ревизии 1795 года их фамилия уже Илчибагины, а деревня названа Илчибагина, хотя в шапке переписных листов, похоже, написано Алчибагина [ГАТ, ф. И-154, оп. 8, д. 131, л. 86—87 об.].

По 4-й ревизии, численность в рассмотренных поселениях была следующей: *Алейбагина* (в следующих ревизиях *Илчибагина*) — 86 мужского пола, 87 женского пола; *Каснакова* (в ревизии 1795 года тоже *Каснакова*, а в XIX веке — д. *Космакова*) — 55 мужского пола, 45 женского пола; *Ебаргульская* — 49 мужского пола, 50 женского пола. В деревнях *Каснакова* и *Ебаргульская* жили ясачные татары, также 1 семья из порушных татар была в д. *Ебаргульская*. А вот в д. *Алейбагина*, возможно, забыли указать сословную принадлежность жителей [ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 31, л. 1076 об. — 1085 об.].

4. Заключение = Conclusions

На основании анализа комплекса источников на территории расселения сибирских татар по рекам Ишим и вверх по р. Иртыш выделяется три подрайона: ***1 подрайон. Приустьевый участок р. Ишим.*** Здесь располагалось одно из старых поселений части саргатской подгруппы курдакско-саргатских татар, известных с 1625 года, — *Ишим-тамак*. География места, ландшафтные особенности предопределили здесь появление укрепленного поселения татар, где они зимовали. Это было центральное поселение рассматриваемой группы татар. Российское государство на месте татарского укрепленного поселения построило *Ишимский острог*, где татары продолжили проживать до начала XX века. Территория расселения группы лучше всего из трех подрайонов иллюстрирует систему сезонных поселений — зимник и летник, существовавшую, по сведениям Г. Ф. Миллера, у сибирских татар до первой трети XVIII века и, видимо, позднее. Согласно ХЧКС, здесь насчитывается 7 летников. Петли Ишима и старичные озера образовывали естественные преграды, внутри которых легко было пасти и контролировать скот. Обилие рек и старичных озер делало эти места благоприятными для речного и озерного рыболовства. Летние поселения здесь находились в приустьевой части р. Ишим, впадающей в р. Иртыш. До настоящего времени здесь сохранились отголоски системы сезонных поселений в названии д. Летняя. ***2 подрайон. Низовья р. Ишим (до устья р. Большая Тава).*** В начале XVIII века здесь не было зимних поселений татар. Здесь были угодья татар *Ишимского острожка*. На основе анализа ойконимов из ХЧКС можно сделать вывод, что отмечено два летника. Стационарные поселения здесь возникают уже до 3-й ревизии (1763 год), чему способствует дорога вдоль р. Ишим. К концу XVIII века юрты *Таутамацкие*, расположенные в районе устья р. Большая Тава, являются южной точкой ареала расселения саргатской группы.

CC BY

3 подрайон. По р. Иртыш выше Ишимского острога (до устья р. Кайсы). Здесь находились старейшие поселения группы, известные по ДК 1701 года, а д. Эбаргуль — с 1625 года. В первой трети XVIII века у большинства из них были летники.

Таким образом, сеть поселений в рассматриваемом регионе сложилась до конца XVIII века. Новые деревни татар появляются только в начале XX века. Анализ картографических материалов показывает, что до конца XVIII века вверх по Ишиму до устья Сулаши и вверх по Иртышу по левому берегу до д. Тавинская (Тавинский острожек) не было русских деревень. Только на правом берегу от устья Ишима до устья р. Кайсы было два русских поселения. До конца XVIII века этот регион был в основном моноэтничным: здесь жили сибирские татары.

В конце XVIII века крупнейшими поселения были *Ишимский острожек, Ашеванские, Ильчибагины, Космаковы, Ебаргульские*. Все стационарные поселения приречного типа. Располагались в иртышской или ишимской поймах в приустьевых участках малых притоков указанных больших рек. У поселений, расположенных по Ишиму, в окрестностях были старичные озера. У приртышских населенных пунктов озера находились вблизи *Ебаргульских, Ачеметевых, Космаковых*. Эта система расположения поселений позволяла эффективно заниматься скотоводством и рыболовством.

Одной из частных задач исследования был поиск исчезнувших поселений с целью их археологического изучения. В ходе археологического обследования был обнаружен предположительно *Ишим-аул* (бывший летник). Это подтвердилось анализом письменных источников. В результате анализа комплекса письменных источников мы изучили возможные места расположения поселений: *Ачметевых, Таутамак, Космаково*.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАТ — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-154. «Тобольская казенная палата […] (1782—1919 гг.)» Оп. 8. Д. 31, 138 ; Оп. 20. Д. 44.

2. ДК 1701 года — *Дозорная* книга Тарского уезда 1701 года : в 3 т. — Омск : Наука, 2021. — Т. 1. — 656 с. — ISBN 978-5-98806-298-1.

3. ДТС — *Древнетюркский* словарь. — Ленинград : Наука, 1969. — 677 с.

4. Карта 1784 года — *Карта* Тарского уезда // Географический атлас Тобольского наместничества, состоящий из XVI уездов [Атлас]. — Тобольск : Тобольская Чертежня, 1784. — 65 с.

CC BY

5. Карта 1798 года — *Карта* Тарского уезда Тобольской губернии 1798 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://taragorod.ru/load/poleznye_fajly/karta_tarskogo_uezda_tobolskoj_gubernii_1798_g/2-1-0-29 (дата обращения 10.02.2024).

6. Карта 1780 года — *Карта* течения рек Иртыша от Омской крепости до Тобольска (гравюра неа меди, акварель, 45 на 55 см / Сост. — И. В. Исленьев. — Санкт-Петербур, 1780 // Российская национальная библиотека. Шифр: К1 — Об 1/3.

7. *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедщих в нем дел от начала, а, особенно, от покорения его Российской державе по сии времена / Г. Ф. Миллер. — Москва : Либерея, 1998. — Книга 1. — 416 с.

8. ПМА — *Тихомирова М. Н.* Полевые материалы автора 2023 г., Омская область, Усть-Ишимский район, тетрадь № Т-130.

9. *Полное* собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией Наук. — Санкт-Петербург : При Имп. АН, 1824. — 560 с.

10. *Сибирь* XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Изд. подг. А. Х. Элерт. — Новосибирск : Сибирский хронораф, 1996. — Выпуск VI. — 310 с.

11. *Списки* населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1871. — Выпуск 60. — 196 с.

12. *Список* населенных мест Сибирского края. — Новосибирск : [б. и.], 1928—1929. — Т. 1 : Округа Юго-Западной Сибири. — 826 с. — ISBN 978-5-4469-1325-1.

13. ТФ ГИАОО — *Тарский* филиал Бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. Р-57. «Исполнительный комитет Саргатского волостного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1917—1924 гг.)» Вводная статья к описи фонда ; Ф. Р-769. «Агропромышленное объединение исполнительного комитета Усть–Ишимского районного Совета народных депутатов […] (1860—1992 гг.)». Оп. 1. Д. 7 ; Д. 60.

14. *Тумашева Д. Г.* Словарь диалектов сибирских татар. — Казань : Изд-во Казанский ун-т, 1992. — 256 с.

15. *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) : [В 3-х т.]. — Санкт-Петербур : [б. и.], 1911. — Т. 2. — 431 с.

16. *Указ* из Сибирской канцелярии [архивный документ] // Госкаталог РФ, № 12492196. ГАУК Тюменской области «Музейный комплекс имени Ивана Яковлевича Словцова».

17. *Унковский И. С.* Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг. / И. С. Унковский. — Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1887. — 277 с.

18. ХЧКС — *Хорографическая* чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. — Тобольск : Возрождение Тобольска, 2011. — 690 с. — ISBN 5-86712-025-2.

19. *Эбаргул* (Ихсиңер) авылы [Электронный ресурс] // Родословные татар Сибири. — Режим доступа : https://kirgap.livejournal.com/122545.html (дата обращения 1.10.2024) (на тат. яз).

Литература

1. *Бережнова М. Л.* Тарское Прииртышье в Петровскую эпоху : статика перемен. / М. Л. Бережнова, Н. В. Кабакова, с. Н. Корусенко. — Омск : Наука, 2022. — 376 с. — ISBN 978-5-98806-316-2.

2. *Бустанов А. К.* Манускрипты суфийских шайхов : туркестанкая традиция на берегах Иртыша / А. К. Бустанов // Этнографо-археологические комплексы : проблемы культуры и социума. — Омск, 2009. — Т. 11. — С. 195—230. — ISBN 978-5-98806-091-8.

3. *Буцинский П. С.* Сочинения в двух томах : Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. — Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — 328 с. — ISBN 5-93020-026-2.

4. *Голубев А. С.* Как исчезают деревни. Усть-Ишимский район : расцвет и упадок. Взгляд историка / А. С. Голубев // Краеведение и краеведы Омской области : сб. ст. — Омск : Наука, 2022. — Т. 4. — С. 556—559. — ISBN 978-5-8042-0776-3.

5. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. — Москва : Изд-во АН СССР, 1960. — 622 с.

6. *Корусенко С. Н.* Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар / С. Н. Корусенко, Н. В. Кулешова. — Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие, 1999. — 310 с.

7. *Корусенко С. Н.* Расселение татар Тарского Прииртышья (XVIII—XX века) / С. Н. Корусенко // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. — Омск : Наука, 2006. — Т. 9. — С. 225—256. — ISBN 5-98806-057-6.

8. *Селезнев А. Г.* Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральное пространства и религиозная идентичность / А. Г. Селезнев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 2 (21). — С. 111—119.

9. *Сибирские* татары : библиографический указатель. — Тюмень : Молот, 2022. — Т. 1. — 500 с. — ISBN 978-5-9905675-1-1.

10. *Тихомиров К. Н.* Расположение поселений татар на иртышском правобережье (по картографическим материалам XVIII века) / К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова // Вестник НГУ. Серия : История, филология. — 2022. — № 3 (21). — С. 98—109. — DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-98-109.

11. *Тихонов С. С.* Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г. Ф. Миллера) / С. С. Тихонов // Этнографо-археологические комплексы : проблемы культуры и социума. — Омск : Наука, 2004. — Т. 8. — С. 200—233. — ISBN 5-38806-019-4.

12. *Томилов Н. А.* Поселение сибирских татар в трудах ученых и путешественников конца XVI—XIX вв. / Н. А. Томилов // Этнографо-археологические комплексы : проблемы культуры и социума. — Омск : Наука, 2004. — Т. 8. — С. 21—36. — ISBN 5-38806-019-4.

13. *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. / Н. А. Томилов. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1981. — 276 с.

Статья поступила в редакцию 09.11.2024,
одобрена после рецензирования 18.01.2025,
подготовлена к публикации 20.03.2025.

Material resources

DC 1701 — *The Watch book of the Tarsky district of 1701: in 3 volumes, 1.* (2021). Omsk: Nauka. 656 p. ISBN 978-5-98806-298-1. (In Russ.).

Decree from the Siberian Chancellery. Goskatalog of the Russian Federation, № 12492196. GAUK of the Tyumen region "Ivan Yakovlevich Slovtsov Museum Complex". (In Russ.).

CC BY

DTS — *Ancient Turkic dictionary.* (1969). Leningrad: Nauka Publ. 677 p. (In Russ.).
Ebargul (Ihsiner) avyly. *Pedigrees of the Tatars of Siberia.* Available at: https://kirgap.livejournal.com/122545.html (accessed 1.10.2024) (In Tatar).
Elert, A. H. (ed.). (1996). *Siberia of the XVIII century in the travel descriptions of G. F. Miller, VI.* Novosibirsk: Siberian Chronograph. 310 p. (In Russ.).
GAT — *The State budgetary institution of the Tyumen region "The State Archive in Tobolsk".* (In Russ.).
KHCHKS — *Chorographic drawing book of Siberia by S. U. Remezov.* (2011). Tobolsk: Rebirth of Tobolsk. 690 p. ISBN 5-86712-025-2. (In Russ.).
List of populated places in the Siberian Region, 1. (1928—1929). Novosibirsk: [b. i.]. 826 p. ISBN 978-5-4469-1325-1. (In Russ.).
Lists of populated places of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 60. (1871). St. Petersburg: Publishing Center. stat. com. Ministry of Internal Affairs. 196 p. (In Russ.).
Map of 1780 — *A map of the course of the Irtysh rivers from the Omsk Fortress to Tobolsk (non-copper engraving, watercolor, 45 by 55 cm.* (1780). St. Petersburg: The Russian National Library. Code: K1 — About 1/3. (In Russ.).
Map of 1784 — Map of Tarsky district. (1784). *Geographical atlas of the Tobolsk governorate, consisting of the XVI counties [Atlas].* Tobolsk: Tobolsk Draftsman. 65 p. (In Russ.).
Map of 1798 — *Map of Tarsky district of Tobolsk province in 1798.* Available at: https://taragorod.ru/load/poleznye_fajly/karta_tarskogo_uezda_tobolskoj_gubernii_1798_g/2-1-0-29 (accessed 10.02.2024). (In Russ.).
Miller, G. F. (1998). *Description of the Siberian kingdom and all the events that took place in it from the beginning, and especially from its conquest by the Russian empire to these times, 1.* Moscow: Libereya. 416 p. (In Russ.).
Patkanov, S. K. (1911). *Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and clans of foreigners (based on data from a special development of the 1897 census): [In 3 volumes], 2.* Saint Petersburg. 431 p. (In Russ.).
PMA — Tikhomirova, M. N. (2023). *Field materials of the author. Omsk region, Ust-Ishim district, notebook, T-130.* (In Russ.).
TF GIAOO — *Tarsky branch of the Budgetary institution of the Omsk region "Historical Archive of the Omsk region".* (In Russ.).
The Complete Collection of scientific travels in Russia, published by the Imperial Academy of Sciences. (1824). St. Petersburg: Institute of the Academy of Sciences. 560 p. (In Russ.).
Tumasheva, D. G. (1992). *Dictionary of dialects of the Siberian Tatars.* Kazan: Publishing House of Kazan University. 256 p. (In Russ.).
Unkovsky, I. S. (1887). *Embassy to the Zyungar Khun-Taizhi Tsevan Sultan of captain of artillery Ivan Unkovsky and his travel journal for 1722—1724.* St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House. 277 p. (In Russ.).

References

Berezhnova, M. L., Kabakova, N. V., Korusenko, S. N. (2022). *Tarskoe Priirtyshye in the Petrine era: the statics of change.* Omsk: Nauka Publ. 376 p. ISBN 978-5-98806-316-2. (In Russ.).
Bucinsky, P. S. (1999). *Essays in two volumes, 1.* Tyumen: Publishing house of Yu. Mandriki. 328 p. ISBN 5-93020-026-2. (In Russ.).

CC BY

Bustanov, A. K. (2009). Manuscripts of the Sufi Shaykhs: the Turkestan tradition on the banks of the Irtysh. In: *Ethnographic and archaeological complexes: problems of culture and society, 11.* Omsk: Nauka. 195—230. ISBN 978-5-98806-091-8. (In Russ.).

Dolgikh, B. O. (1960). *Ancestral and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 622 p. (In Russ.).

Golubev, A. S. (2022). How villages disappear. Ust-Ishim district: its heyday and decline. The historian's view. In: *Local history and local historians of the Omsk region: collection of articles, 4.* Omsk: Nauka. 556—559. ISBN 978-5-8042-0776-3. (In Russ.).

Korusenko, S. N. (2006). The settlement of the Tatars of the Tarsky Priirysh region (XVIII—XX centuries). In: *Ethnographic and archaeological complexes: problems of culture and society, 9.* Omsk: Nauka Publ. 225—256. ISBN 5-98806-057-6. (In Russ.).

Korusenko, S. N., Kuleshova, N. V. (1999). *Genealogy and ethnic history of the Barabinsk and Kurdak-Sargat Tatars.* Novosibirsk: Nauka. Sib. enterprise. 310 p. (In Russ.).

Seleznev, A. G. (2013). Islamic cult complexes of Astana in Siberia as hierotopias: sacred spaces and religious identity. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography, 2 (21):* 111—119. (In Russ.).

Siberian Tatars: a bibliographic index, 1. (2022). Tyumen: Molot Publ. 500 p. ISBN 978-5-9905675-1-1. (In Russ.).

Tikhomirov, K. N., Tikhomirova, M. N. (2022). The location of Tatar settlements on the Irtysh right bank (based on cartographic materials of the XVIII century). *Bulletin of the NSU. Series: History, philology, 3 (21):* 98—109. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-98-109. (In Russ.).

Tikhonov, S. S. (2004). The settlement of Siberian Tatars and Russians in the Middle Irtysh region in the first third of the XVIII century (based on materials by G. F. Miller). In: *Ethnographic and archaeological complexes: problems of culture and society, 8.* Omsk: Nauka. 200—233. ISBN 5-38806-019-4. (In Russ.).

Tomilov, N. A. (1981). *The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the XVI — first quarter of the XIX centuries.* Tomsk: Publishing House of Tomsk University. 276 p. (In Russ.).

Tomilov, N. A. (2004). The settlement of the Siberian Tatars in the works of scientists and travelers of the late XVI—XIX centuries. In: *Ethnographic and archaeological complexes: problems of culture and society.* Omsk: Nauka Publ. 21—36. ISBN 5-38806-019-4. (In Russ.).

The article was submitted 09.11.2024;
approved after reviewing 18.01.2025;
accepted for publication 20.03.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Тишкина К. А. Торжества по случаю 100-летия восстания на Сенатской площади (1925 год) в западносибирском общественно-культурном пространстве / К. А. Тишкина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 543—560. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-543-560.

Tishkina, K. A. (2025). Celebrations Marking Centenary of Senate Square Uprising (1925) in Socio-Cultural Landscape of Western Siberia. *Nauchnyi dialog, 14* (2): 543-560. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-543-560. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Торжества по случаю 100-летия восстания на Сенатской площади (1925 год) в западносибирском общественно-культурном пространстве

Тишкина Ксения Алексеевна [1, 2]
orcid.org/0000-0002-2342-0548
[1] кандидат исторических наук, научный сотрудник офиса развития научной деятельности;
[2] доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии
ksetishkina@mail.ru

[1] Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)

[2] Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта № 22-78-00160

Celebrations Marking Centenary of Senate Square Uprising (1925) in Socio-Cultural Landscape of Western Siberia

Ksenia A. Tishkina [1, 2]
orcid.org/0000-0002-2342-0548
PhD in History,
[1] Research Associate, Office for Research Development;
[2] Associate Professor, Department of Archaeology, Ethnography, and Museology
ksetishkina@mail.ru

[1] Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

[2] Altai State University (Barnaul, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 22-78-00160

© Тишкина К. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена подготовке и проведению мероприятий к 100-летней годовщине восстания на Сенатской площади. Для более подробного освещения темы исследование ограничивается территориальными рамками Западной Сибири. Актуальность исследования обусловлена не только интересом к истории России, но и предстоящим в 2025 году 200-летним юбилеем восстания декабристов. Основное внимание в статье уделяется вкладу сотрудников архивов и музеев в осуществление работы по выявлению уникальной информации о жизни и деятельности ссыльных в Сибири. Благодаря привлечению широкого круга источников удалось определить основные формы мероприятий: устройство тематических выставок, выступления с лекциями и докладами, опыт выявления мест захоронений декабристов и т. д. Охарактеризовано проведение юбилейных торжеств в учебных заведениях Сибири. Выявлены уникальные подробности организации празднования близких дат в месяце: 20-летия Декабрьского восстания в Москве и 100-летия восстания на Сенатской площади. Отмечается, что подготовительные мероприятия вызвали большой интерес к теме декабристов. Сообщается, что эти мероприятия способствовали подготовке ряда научных исследований, основанных на ранее неопубликованных материалах, а также актуализировали проблему сохранения и мемориализации исторических памятников, связанных с жизнью ссыльных.

Ключевые слова:
декабристы; 1825; восстание на Сенатской площади; юбилей; Западная Сибирь; Г. С. Батеньков.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the preparation and execution of events commemorating the 100th anniversary of the Senate Square Uprising. To provide a detailed examination of the topic, the research is confined to the geographical boundaries of Western Siberia. The relevance of this study is underscored not only by the enduring interest in Russian history but also by the upcoming 200th anniversary of the Decembrist uprising in 2025. The article primarily highlights the contributions of archival and museum staff in uncovering unique information about the lives and activities of exiles in Siberia. By engaging a wide array of sources, it identifies the main forms of commemoration activities, including thematic exhibitions, lectures, and reports, as well as efforts to locate burial sites of Decembrists, among others. The organization of anniversary celebrations in educational institutions across Siberia is characterized in detail. Unique aspects of the celebrations for significant anniversaries within the month are revealed, such as the 20th anniversary of the December Uprising in Moscow and the centenary of the Senate Square Uprising. It is noted that the preparatory activities sparked considerable interest in Decembrist history. The article reports that these events have facilitated a number of scholarly studies based on previously unpublished materials, while also highlighting the pressing issue of preserving and memorializing historical sites associated with the lives of exiles.

Key words:
Decembrists; 1825; Senate Square Uprising; anniversary; Western Siberia; G.S. Batenkov.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(571.1)“1925”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-543-560

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Торжества по случаю 100-летия восстания на Сенатской площади (1925 год) в западносибирском общественно-культурном пространстве

© Тишкина К. А., 2025

1. Введение = Introduction

На 2025 год приходится 200-летняя годовщина восстания на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. Чествование даты проходит в новых политических реалиях, требующих пересмотра и новой интерпретации событий. Для советской идеологии декабрьское восстание 1825 года позиционировалось как первое массовое проявление недовольства существующим строем в среде привилегированных граждан, а некоторые исследователи видели прямую связь этого события с политическими преобразованиями октября 1917 года; см. подробнее анализ советской дискуссии: [Сафонов, 2015; Сафонов, 2018; Вольф, 2017; Киянская, 2017 и др.]

Для Сибири тема декабристов всегда имела большое значение — не только в контексте политической ссылки, но и как фактор развития культурной и общественной жизни региона. В связи с этим празднование 100-летней годовщины восстания на Сенатской площади воспринималось как одно из ключевых событий года. Современные отечественные исследователи не раз обращались к теме памяти декабристов в 1925 году, что нашло отражение в ряде публикаций [Бахтурин, 2020; Бахтурин, 2021; Бойко, 2013; Булдакова и др., 2018; Булдакова, 2023; Жибоедов, 2012; Каменская, 2007; Красильникова, 2021; Мурашев, 2019; Плех, 2024; Труевцева и др., 2024; Цамутали и др., 2015 и др.]. В научных работах не раз отмечалось влияние идей историка-марксиста М. Н. Покровского на организацию проведения торжеств по случаю юбилея исторического события на Сенатской площади.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью исследования является анализ сведений о подготовке и проведении в Западной Сибири 100-летней годовщины восстания декабристов в 1925 году. Основное внимание уделяется участию сотрудников архивов, музеев и членов добровольных организаций в сборе информации о жиз-

CC BY

ни ссыльных в Сибири, устройстве тематических выставок и экспозиций. Исследование основывается на принципах историзма и объективности. Использование синхронического метода позволило продемонстрировать, как в разных населенных пунктах Западной Сибири параллельно шла подготовка к 100-летней годовщине восстания декабристов. Благодаря историко-типологическому методу удалось рассмотреть основные направления работы различных учреждений по сбору сведений о жизни ссыльных. Историко-системный метод предоставил возможность проследить единство процесса подготовки к праздничному событию в рамках государственной системы чествования исторического события.

В ходе исследования использовались архивные материалы, отложившиеся в фондах Р-214 «Отдел народного образования Томского окружного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», Р-430 «Томский горсовет», Р-502 «Областное государственное казенное учреждение “Государственный архив Томской области”», Р-1317 «Коллекция документов по истории Томской области» Государственного архива Томской области; Р-261 «Архивное управление Министерства государственно-правового развития Омской области», Р-1076 «Омский историко-краеведческий музей», Р-1152 «Омский окружной отдел народного образования (окроно) при Омском окружном исполнительном комитете совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Сибирского отдела народного образования РСФСР, г. Омск» Государственного исторического архива Омской области; Р-2 «Архивный отдел Новосибирского облисполкома» Государственного архива Новосибирской области; Ф. 156 «Исполнительный комитет Кондинского районного Совета депутатов трудящихся р. п. Кондинское Кондинского района Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области» Государственного архива Югры; Р-1 «Исполнительный комитет Сургутского районного Совета депутатов трудящихся» Муниципального архива города Сургута; Р-109 «ОАФ школ Бийского уезда, Бийского округа и г. Бийска» Архивного отдела Администрации г. Бийска. Для расширения информации были привлечены сведения, выявленные в периодических изданиях («Северянин», «Красное знамя», «Наш край», «Жизнь Сибири»).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Участие архивбюро Западной Сибири в сборе информации и подготовке выставок, связанных со 100-летей годовщиной восстания на Сенатской площади

27 ноября 1923 года вышло Циркулярное предложение Центрального архива РСФСР о выявлении и систематизации материалов о декабристах,

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

проживавших на территории Сибири. Реализация данного постановления осуществлялась сотрудниками местных архивных бюро. Так, завгубархбюро в Томске Н. Н. Бакай отчитывался в томский губисполком, что, по его данным, в Мариинске проживала Ольга Николаевна Балакшина, родившаяся в Ялуторовске. Она сначала училась, а затем работала учительницей в местной школе, основанной декабристами. У О. Н. Балакшиной имелись фотографии и документы, связанные с эти периодом её жизни. Н. Н. Бакай планировал привлечь родственника Ольги Николаевны студента Томского Технологического института Б. С. Балакшина (рис. 1) для её интервьюирования.

Рис. 1. Борис Сергеевич Балакшин. 1918 г.
[ГАТО, ф. Р-1317, оп. 3, д. 4264, л. 1]

В феврале 1924 года Б. С. Балакшиным были переданы на двух листах воспоминания о жизни декабристов в Ялуторовске, а также о работе школы. Как отмечали сотрудники архива, «… в этих воспоминаниях разбросаны черты и черточки, характеризующие отчасти культурный уровень сибиряков в то отдаленное время, а также отношение декабристов к возможному подъему духовно-культурного развития населения Сибири» [ГАТО, ф. Р-502, оп. 1, д. 20, л. 4]. Помимо этого в архив поступили ноты музыкальной пьесы «Последние мысли», автором которой являлся П. И. Пестель, а также копии фотографий Е. П. Оболенского, И. Д. Якушкина, Н. В. Басаргина, И. И. Пущина и М. И. Муравьева-Апостола [ГАТО, ф. Р-502, оп. 1, д. 20, л. 4об.]. Выявленная Б. С. Балакшиным информация привлекла внимание сотрудни-

CC BY

ков Томского краевого музея. Они подали запрос в губархбюро в Томске для получения материалов, однако им было в этом отказано с пояснением, что «… передача каких бы то ни было архивных материалов в постоянное пользование учреждения является совершенно недопустимой» и может проводиться только с разрешения Центрархива [ГАТО, ф. Р-502, оп. 1, д. 20, л. 23]. Впоследствии «Воспоминания о декабристах в Сибири, записанные со слов их ученицы Балакшиной О. Н.» были опубликованы в журнале «Сибирские огни» в № 3 за 1924 год.

В 1840—50-е годы в Томске проживал декабрист Г. С. Батеньков. К сожалению, в томском окархивбюро не сохранились документы об этом периоде его жизни, так как Томская губерния была ликвидирована в мае 1925 года, а затем был образован Томский округ Сибирского края. В журнале «Сибирские огни» № 2 за 1924 год с комментариями В. В. Вегмана был размещен ранее не опубликованный очерк Г. Н. Потанина «Гавриил Степанович Батеньков». Новых сведений о жизни декабриста публикация не содержала, однако для читателей представляла интерес как цельное произведение.

Для выявления пробелов в биографии декабриста осенью 1925 года томский окрархивбюро направил в калужское губархивбюро запрос о предоставлении любой информации, так как после амнистии 1856 года Г. С. Батеньков уехал на жительство в Калужскую губернию. Наибольший интерес для архивных работников представляли сведения о его захоронении и состоянии памятника. В направленном запросе было указано, что Г. С. Батеньков являлся уроженцем Томска [ГАТО, ф. Р-502, оп. 1, д. 31, л. 1]. Подобное письмо было направлено и в тульское губархивбюро. Вскоре из Калуги был получен ответ о том, что Г. С. Батеньков был похоронен в с. Петрищево Белёвского уезда Тульской губернии. В документах архива не были выявлены сведения о жизни декабриста в Калуге, отсутствовала информация о состоянии его места захоронения, Тульское губернское архивное бюро передало в Томск копию метрической записи о смерти Г. С. Батенькова в 1863 году и сообщило о хорошей сохранности могилы на кладбище при церкви с. Петрищево.

Сотрудники Омского окружного архивного бюро также приступили к выявлению архивных материалов о жизни декабристов в Западной Сибири. Обнаруженные документы имели большую историческую ценность и способствовали расширению представлений о пребывании участников восстания на Сенатской площади в сибирском регионе. Всего сотрудниками было извлечено 68 дел общим объемом в 3788 листов [ГИАОО, ф. Р-261, оп. 1, д. 45, л. 25]. Среди наиболее ценных исторических материалов оказались личные дела М. И. Муравьева-Апостола, А. В. Ентальцева,

CC BY

В. К. Тизенгаузена, И. Ф. Фохта, И. И. Пущина, свыше 30 писем с автографии декабристов и т. д.

Собранные документы о декабристах, а также о событиях 1905 года легли в основу архивной выставки, которая была организована с 20 по 31 декабря 1925 года в помещениях Омского окружного архивного бюро. Первоначально датами выставки были определены 20—23 декабря 1925 года, но из-за большого интереса населения к мероприятию окружком парткома ВКП(б) рекомендовал увеличить срок до 31 декабря 1925 года. Стены комнат были украшены тематическими плакатами и лозунгами. В разделе экспозиции, посвященной декабристам, сотрудники архива разместили копии и подлинные письма, выпуски газеты «Московские ведомости» за 1826 год, документы о деятельности М. И. Муравьева-Апостола и т. д. В течение девяти дней работы выставки её посетили 228 чел. (в среднем по 20—30 чел. в день). Как отмечено в отчете по итогам проведения мероприятия, выставочные материалы вызвали большой интерес у посетителей, которые «… не ограничивались мимолетным обзором экспонатов, но просиживали целыми часами, внимательно рассматривая и читая интересующие их дела» [ГИАОО, ф. Р-261, оп. 1, д. 45, л. 37].

Выявленные сведения в Омском окружном архивном бюро также были востребованы при подготовке исследований. Так, согласно записям читального зала, за период с 1 декабря 1925 года по 1 февраля 1926 года с делами работали член редакции газеты «Рабочий путь» Н. Н. Агафонов и заведующий отделом Омского окружного архивного бюро Н. Ф. Патронов [ГИАОО, ф. Р-261, оп. 1, д. 34, л. 6об.]. Научный сотрудник Омского окружного архивного бюро П. В. Орлов представил на одном из заседаний Омского общества краеведения в 1926 году доклад «“О декабристах” по материалам Омского архива» [Общество краеведения …, 1927, с. 114].

3.2. Выявление сведений о жизни и деятельности декабриста Г. С. Батенькова сотрудниками Томского краевого музея

Значительная работа по сбору сведений о жизни декабристов проводилась сотрудниками местных музеев. Работником Томского краевого музея Б. П. Юхневичем еще в 1924 году была совершена поездка на хутор Степановка для выявления сохранившихся объектов, построенных по проектам Г. С. Батенькова [Шатилов, 1927, с. 10]. После рассмотрения отчета Б. П. Юхневича было принято решение о принятии мер по сохранению осмотренных строений от дальнейших разрушений. Томскому педагогическому техникуму, который арендовал хутор, поручался ремонт построек. При обследовании местной церкви, закрытой еще в 1920 году, Б. П. Юхневичем были обнаружены две книги с автографами Г. С. Батенькова. Эти находки использовались при оформлении в музее так называемого «уголка

CC BY

декабриста Батенькова», в котором демонстрировались портрет декабриста работы художника Блюменталя; план Томска, составленный Г. С. Батеньковым; фотография дома, в котором он жил и т. д. [Шатилов, 1927, с. 31]. Еще одним из зданий, связанных с пребыванием Г. С. Батенькова в Томске, был дом золотопромышленника И. Д. Асташева, в котором с 1922 года расположился Томский краевой музей. Декабрист поддерживал приятельские отношения с И. Д. Асташевым и не раз бывал у него в гостях.

В мае 1925 года на заседании совета Томского краевого музея обсуждался вопрос об увековечении памяти Г. С. Батенькова путем переименования хутора *Степановка*, где бывал декабрист, в *Батеньковку* или *Батенку*. *Благовещенский переулок* в Томске было предложено преобразовать в *улицу Батенькова*, а на пустыре, расположенном на углу переулков Благовещенского и Протопоповского, планировалось организовать сквер имени декабриста [Шатилов, 1927, с. 21]. На заседании Президиума Томского горсовета 6 января 1926 года инициативы были поддержаны. Отмечтим, что после закрытия и сноса в Томске Благовещенской церкви в 1934 году на её месте был разбит сквер имени Г. С. Батенькова, а в 1960 году был установлен чугунный бюст декабриста по проекту скульптора С. И. Данилова.

Помимо этого Президиум рекомендовал Томскому отделу местного хозяйства произвести обследование сохранившихся зданий Степановки, построенных Г. С. Батенковым «… в целях принятия мер к поддержке их от дальнейшего разрушения» [Ознаменование ..., 1926, с. 4].

8 февраля 1926 года вышел декрет ВЦИК «Об ограничении возбуждения ходатайств о переименовании населенных пунктов». Согласно документу, в связи с финансовыми затратами, а также возможными затруднениями для государственных органов и граждан переименования следовало проводить, только если в волости или районе имелись населенные пункты с одинаковыми названиями. В случаях, когда население выступило с инициативой почтить память революционных деятелей или отдать дань значимым историческим событиям, их желания могли быть «…удовлетворены присвоением новых наименований чисто местным учреждениям и пунктам (фабрики, школы, улицы, площади и проч.)». В связи с этим ходатайство о переименовании хутора Степановки было отклонено Сибирским краевым исполкомом Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [ГАТО, ф. Р-430, оп. 1, д. 84, л. 79].

3.3. Работа Уральской области комиссий по подготовке и проведению в Тобольском округе юбилея декабрьских событий 1825 года

Празднование 100-летней годовщины восстания на Сенатской площади имело всесоюзное значение. В районах создавались различные комиссии, выполнявшие организационную работу по проведению торжеств.

CC BY

В 1840-е годы Тобольская губерния стала местом жительства многих декабристов, а единственный декабрист-сибиряк — Г. С. Батеньков — родился в Тобольске в 1793 году. Общественность Тобольского округа как региона, имеющего историческую связь с антиправительственным движением, принимала активное участие в предстоящем юбилее. Летом 1925 года была образована Комиссия Тобольского окрисполкома по ознаменованию столетия со дня восстания декабристов. В её состав вошли представители от окрисполкома С. В. Малецкий (председатель), от Общества изучения Края при Музее Тобольского Севера — М. П. Копотилов (секретарь), П. П. Чукомин, А. А. Благоволин, от окружкова РКП(б) — Тихомиров, от агитпропа РКП(б) — С. А. Володарский, от окрпрофсовета — Б. Шадрин. Следует отметить, что С. В. Малецкий и С. А. Володарский также являлись членами Общества изучения Края при Музее Тобольского Севера [Комиссия ..., 1925, с. 39].

Согласно выработанному плану, предполагалось проведение реставрационных работ надмогильных памятников декабристам на Завальном кладбище Тобольска (для этой цели было направлено ходатайство в Главнауку на выделение 1000 руб.); выявление сохранившихся домов, где жили декабристы; сбор материалов — фотографий, рукописей, писем, воспоминаний и т. д. — для формирования «Уголка декабристов» при Музее Тобольского Севера; издание брошюры «Декабристы Тобольского края». На 14 декабря 1925 года планировалось проведение публичных собраний, митингов рядом с местами погребений участников восстания, устройство школьных вечеров и т. д.

Комиссии для организации торжественных мероприятий рекомендовалось создавать по всему Тобольскому округу. В сентябре 1925 года в сельсоветы была направлена инструкция по подготовке к юбилейной дате. Так, например, в письме в Кондинский сельсовет отмечалось, что, несмотря на отсутствие сведений о проживании декабристов[1], «… комиссия по проведению юбилея столетия декабристов…» должна быть сформирована. Предлагалось устройство в избах-читальнях бесед на тему восстания на Сенатской площади, а также организация театральных постановок [Государственный Архив Югры , ф. 156, оп. 3, д. 50, л. 1-1 об.]. В октябре 1925 года при Кондинском сельсовете была создана юбилейная комиссия. В её состав вошли: от РИКа — Аликин, от райкома — Н. Н. Пуртов (председатель), от РЛКСМ — Бабкин, от райместкома — Пакин и от учащих-

1 Данное утверждение в документе являлось ошибочным. В самом Кондинске в ссылке жили декабристы А. Ф. Фурман (похоронен на местном кладбище) и В. Н. Лихарев. Информация о них содержалась в материалах, которые рассылались Комиссией Тобольского окрисполкома по ознаменованию столетия со дня восстания декабристов по райисполкомам и сельсоветам.

CC BY

ся — Селяхов (секретарь). При сургутском райисполкоме комиссия была образована в конце сентября 1925 года в составе: от РИКа — Г. А. Амельницкий (председатель), от Сургутского отделения Общества изучения Края при Музее Тобольского Севера — С. П. Пестов и от райкома РКП(б) — Барышников [Муниципальный архив Сургута ..., ф. Р-1, оп. 4, д. 73. л. 3].

Участие в сборе информации о жизни декабристов в Тобольской губернии предприняли члены Общества изучения края при Музее Тобольского севера. Еще в 1924 году совместно со специалистом-техником была обследована территория Завального кладбища для выявления состояния мест погребений ссыльных. Члены общества также занимались фиксацией воспоминаний жителей Тобольского округа о пребывании декабристов. Так, жительница Ишима Ю. А. Девятова поделилась впечатлениями об общении с декабристом М. И. Муравьевым-Апостолом, с которым она встречалась в Москве. Жительницы Тобольска Кривцовы передали членам общества рисунок тобольского дома, в котором проживал декабрист А. М. Муравьев [Копотилов, 1925, с. 48].

Работа Комиссии Тобольского окрисполкома по ознаменованию столетия со дня восстания декабристов оказалась продуктивной. Так, например, М. П. Копотиловым было подготовлено издание «Декабристы в Тобольском крае: 1825—1925», целью которого являлось ознакомление читателей «… с восстанием 14 декабря 1825 года, со значением этого восстания в истории русского революционного движения и с ролью в восстании каждого из декабристов, отбывавших ссылку в Тобольском крае» [Копотилов, 1925а, с. 1]. Уникальность издания заключалась в том, что автором были обобщены и опубликованы выявленные сведения о жизни участников восстания на Сенатской площади. Часть выявленных материалов М. П. Копотилов включил в статью «Декабристы в Тобольске», опубликованную в местной газете «Северянин» 25 декабря 1925 года. Автор отметил вклад ссыльных в общественную жизнь Тобольска, указал на случаи помощи (в том числе материальной) нуждающимся лицам. В заключении М. П. Копотилов указал, что память о декабристах в Тобольске «… не умирает <…> до сих пор» [М. К., 1925, с. 4].

В связи с завершением юбилейных мероприятий весной 1926 года деятельность всех комиссий была ликвидирована.

3.4. Празднование 100-летия восстания на Сенатской площади в учебных заведениях Западной Сибири

19 декабря 1925 года в стране отмечалась 20-летняя годовщина Декабрьского восстания в Москве. Значимость юбилейных дат декабря в истории России требовала к ним повышенного внимания, особенно в рамках учебного процесса. Так, в «Программе школ I и II ступени» (1923) восстание 1825 года на Сенатской площади в Санкт-Петербурге тракто-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

валось как первая попытка буржуазной революции, а события 1905 года рассматривались как часть революционного движения начала XX века. Празднование в декабре 1925 года двух юбилеев являлось частью единой советской системы чествования борцов революции. Цикл мероприятий получил продолжение в январе 1926 года в виде традиционной «Недели памяти вождей», посвященной Р. Люксембург, К. Либкнехту и В. И. Ленину.

Распространённым форматом празднования годовщины событий 1825 года в школах Томска стало так называемое *литературное утро*. На таких мероприятиях с тематическими докладами выступали преподаватели и учащиеся, декламировались стихотворения и исполнялись «Интернационал» и революционные песни. В некоторых учебных заведениях, как, например, в единой трудовой школе первой ступени № 21, организационную работу осуществляли члены кружков. В драматическом кружке занимались подготовкой художественной части мероприятий; в литературном — выпуском номера стенгазеты, посвященного декабрьским событиям 1825 и 1905 годов; в библиотечном — устройством тематической выставки книг [ГАТО, ф. Р-214, оп. 1, д. 214, л. 17]. Однако администрация большинства школ отчитывалась в томский окрсоцвос о слабой подготовке или полном игнорировании 100-летнего юбилея событий на Сенатской площади. Это объяснялось тем, что учителя и школьники не успевали подготовиться к мероприятию, так как все время было потрачено на торжества по случаю 20-летия Декабрьских событий. Объединение двух дат также не оказалось результативным. Некоторые учителя считали, что материал по декабристам труден для восприятия учащимися, а празднование двух юбилеев могло привести к путанице, к неразличению детьми двух исторических событий [ГАТО, ф. Р-214, оп. 1, д. 214, л. 29 об].

Праздничные мероприятия осуществлялись и в учебных заведениях других населенных пунктов Сибири. Так, например, в школе крестьянской молодежи с. Исилькуль Омского округа 19 декабря 1925 года прошло ученическое собрание, посвященное 100-летию восстания на Сенатской площади и 20-летию событий 1905 года. На мероприятии с тематическими докладами выступили сами учащиеся [ГИАОО, ф. Р-1152, оп. 1, д. 16, л. 92]. В Бийске на заседании учебно-воспитательной секции школьного совета школы II ступени имени Н. К. Крупской 4 декабря 1925 года рассматривался вопрос о днях празднования 20-летней годовщины событий 1905 года и 100-летия восстания на Сенатской площади. Завучем школы была предложена общая дата — 27 декабря 1925 года [Архивный отдел Администрации г. Бийска, ф. Р-109, оп. 1, д. 7, л. 14 об.]. Это было связано с тем, что подготовка к праздничным мероприятиям отвлекала школьников от учебы и отражалась на учебном процессе.

CC BY

Тематические мероприятия для детей организовывались в пионерских клубах. Так, например, в Томске в клубе «Юный ленинец» 19 декабря 1925 года была проведена беседа «Декабристы и революция 1905 года». Несмотря на запрет томского окрисполкома на проведение из-за эпидемии скарлатины массовых мероприятий для детей, тема беседы смогла привлечь многих лиц. Пионеры также представили пьесу «Мишка — красный глаз» [В клубе ..., 1925, с. 2].

Ко всем членам РКП, РЛКСМ, членам профсоюзов, красноармейцам.
20, 21 и 22 декабря с. г. с 14 до 20 часов
в Актовом зале Университета устраивается
ВЫСТАВКА ЛИТЕРАТУРЫ
о революции, начиная от декабристов и до наших дней.
Товарищи, посетите эту выставку!

Рис. 2. Объявление о выставке
[Ко всем членам …, 1925, с. 4]

Томский государственный университет стал площадкой для проведения различных мероприятий. Так, 20 декабря 1925 года в актовом зале библиотеки вуза была открыта выставка книг на революционную тематику, посвященная 100-летию восстания декабристов и 20-летней годовщине Декабрьского восстания (рис. 2). Среди уникальных книжных памятников были представлены французская энциклопедия XVIII века, «Естественная история птиц» М. Бюффона, выпуски газеты «Известия Совета Рабочих Депутатов» и т. д. Отдельная экспозиция посвящалась декабристам, демонстрировались портрет Г. С. Батенькова и его труды, выпуски литературного альманаха «Полярная звезда» [К., 1925, с. 2]. Помимо этого на выставке демонстрировались копии «Дел о государственных преступниках восстания 14-го декабря 1825 года», оригиналы которых находились в архиве в Иркутске. Среди представленных материалов было прошение В. К. Кюхельбекера о разрешении вступить в брак. Копии архивных документов поступили на выставку от Н. Н. Бакая. Из библиотеки Сибирского технологического института были переданы подлинники документов, переплетенные в единый том, под заголовком «Происшествия 1825—26 года» [Наумова-Широких, 1925, с. 2]. Выставка была ориентирована на широкий круг посетителей и должна была привлечь жителей Томска и близлежащих населенных пунктов. За первые три дня работы её посетило 4798 чел., в основном школьники [На выставке ..., 1925, с. 3].

CC BY

27 декабря 1925 года в 19 ч в актовом зале университета состоялось торжественное заседание в честь 100-летнего юбилея восстания на Сенатской площади. В нем приняли участие сотрудниками Секции научных работников при томских вузах, члены Общества изучения Томского края и сотрудники Томского краевого музея. Председателем заседания стал профессор В. И. Шумилов, который выступил с речью, посвященной истории событий 14 декабря 1825 года в Санкт-Петербурге. Затем доклад «Сибирь и декабрист Г. С. Батеньков» представил Н. Н. Бакай. Он отметил скудное количество источников о жизни и деятельности декабриста [Вечер памяти декабристов ..., 1925, с. 2]. (В 1927 году доклад был опубликован отдельным изданием). Завершило заседание выступление заведующей библиотекой Томского государственного университета профессора В. Н. Наумовой-Широких на тему «Просветительная роль декабристов» [Собрание памяти декабристов ..., 1925, с. 3].

4. Заключение = Conclusions

100-летняя годовщина восстания на Сенатской площади в 1925 году стала крупным событием, способствовавшим росту интереса к истории России и изучению предпосылок формирования антиправительственного движения в первой четверти XIX века. Для Сибири как места ссылки декабристов данное событие существенно повлияло на активизацию научной и культурной жизни региона.

С 1924 года сотрудники архивов и музеев приступили к работе по выявлению и сбору различной информации, что способствовало комплектованию архивных и музейных фондов, созданию экспозиций и выставок, посвященных теме декабрьского восстания 1825 года. Кроме этого, в 1920-е годы был осуществлен ряд исследовательских работ, обобщивших разрозненные сведения о пребывании ссыльных в населенных пунктах Сибири. Сведения об участниках восстания на Сенатской площади пополнялись в последующие годы. Так, в конце 1929 года учитель с. Павловское Алтайской губернии М. М. Ивановский сообщил в Барнаульское городское архивное бюро о том, что у него есть материалы о декабристах. Однако передача документов не состоялась. В августе 1930 года заведующий Крайархивбюро В. Д. Вегман направил заведующему Барнаульским городским архивным бюро А. И. Шумихину предписание о немедленной встрече с М. М. Ивановским с целью получить материалы о декабристах, так как их «… никто не должен рассматривать как частную собственность» [ГАНО, ф. Р-2, оп. 1, д. 297, л. 22]. Информация о том, произошла ли передача М. М. Ивановским материалов о декабристах, на данный момент отсутствует.

CC BY

Выявление мест захоронения декабристов и территорий, связанных с их проживанием и деятельностью в Сибири, актуализировали проблему сохранения исторических памятников. Так, согласно отчету, составленному директором Ялуторовского музея И. Ю. Озолиным, начиная с 1921 года продавались на слом здания, связанные с пребыванием в городе декабристов (например, так называемый «клуб декабристов»). Постепенно от парка, разбитого ссыльными, осталось три дерева, а остальные были вырублены на дрова [ГИАОО, ф. Р-1076, оп. 1, д. 182а, л. 344 об.].

Сведения, собранные в 1920-е годы о состоянии памятников, в дальнейшем стали ценными источниками при проведении реставрационных работ исторических объектов. Например, в 1960-е годы по фотографиям 1925 года было проведено восстановление плит на могилах В. К. Кюхельбекера и С. М. Семенова на Завальном кладбище в Тобольске.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Архивный* отдел Администрации г. Бийска. Ф. Р-109 (ОАФ школ Бийского уезда, Бийского округа и г. Бийска). Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 7. Л. 14 об.

2. *В клубе* «Юный ленинец» // Красное знамя : [газета]. — 1925. — № 294. — С. 2.

3. *Вечер* памяти декабристов // Красное знамя : [газета]. — 1925. — № 298. — С. 2.

4. ГАНО — *Государственный* архив Новосибирской области. Ф. Р-2 (Архивный отдел Новосибирского облисполкома). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 297. Л. 22.

5. ГАТО — *Государственный* архив Томской области. Ф. Р-214 (Отдел народного образования Томского окружного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).

6. ГИАОО — *Государственный* исторический архив Омской области. Ф. Р-261 (Архивное управление Министерства государственно-правового развития Омской области). Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 34. Л. 6 об. ; Д. 45. Л. 25, 37.

7. *Государственный* архив Югры. Ф. 156 (Исполнительный комитет Кондинского районного Совета депутатов трудящихся р.п. Кондинское Кондинского района Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области). Ф. 156. Оп. 3. Д. 50. Л. 1, 1 об.

8. *К.* На выставке / К. // Красное знамя : [газета]. — 1925. — № 293. — С. 2.

9. *Ко всем* членам… // Красное знамя : [газета]. — 1925. — № 292. — С. 4.

10. *Комиссия* по ознаменованию столетия со дня восстания декабристов // Наш край : [журнал]. — 1925. — № 6 (10). — С. 39.

11. *Копотилов М. П.* Декабристы в Тобольском крае : 1825—1925 / М. П. Копотилов. — Тобольск : Северянин, 1925a. — 38 с.

12. *Копотилов М.* Из жизни О-ва Изучения Края при Музее Тоб. Севера / М. Копотилов // Наш край : [журнал]. — 1925b. — № 8—9 (12—13). — С. 47 — 48.

13. *М. К.* Декабристы в Тобольске / М. К. // Северянин : [газета]. — 1925. — № 253 (278). — С. 4.

14. *Муниципальный* архив города Сургута. Ф. Р-1 (Исполнительный комитет Сургутского районного Совета депутатов трудящихся). Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 73. Л. 3.

CC BY

15. *На выставке* библиотеки университета // Красное знамя : [газета]. — 1925. — № 296. — С. 3.

16. *Общество* краеведения // Жизнь Сибири : [журнал]. — 1927. — № 3—4. — С. 114.

17. *Ознаменование* памяти декабриста Батенкова // Красное знамя : [газета]. — 1926. — № 6. — С. 4.

18. *Собрание* памяти декабристов // Красное знамя : [газета]. — 1925. — № 296. — С. 3.

19. *Наумова-Широких В.* Юбилейная выставка книг в Главной библиотеке университета / В. Наумова-Широких // Красное знамя : [газета]. — 1925. — № 291. — С. 2.

20. *Шатилов М. Ф.* Исторический очерк и обзор Томского краевого музея / М. Ф. Шатилов. — Томск : Тип. изд-ва «Красное знамя», 1927. — 37 с.

Литература

1. *Бахтурин В. В.* Отражение интеллектуального и культурного облика Иркутска в зеркале коммеморaций : столетний юбилей восстания декабристов / В. В. Бахтурин // Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 01 октября 2020 года. — Омск : Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2020. — С. 122—127.

2. *Бахтурин В. В.* Столетний юбилей восстания декабристов в социокультурном контексте 20-х годов XX века : варианты конструирования исторической памяти / В. В. Бахтурин // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 163. — № 6. — С. 71—85. — DOI: 10.26907/2541-7738.2021.6.71-85.

3. *Бойко В. П.* Декабристы в Сибири : предпринимательство, образ жизни, социокультурный опыт / В. П. Бойко. — Томск : Изд-во Томского архитектурно-строительного университета, 2013. — 269 с. — ISBN 978-5-93057-504-0.

4. *Булдакова Д. И.* Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг. / Д. И. Булдакова, О. И. Киянская // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2018. — № 11 (44). — С. 9—16. — DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-9-16.

5. *Булдакова Д. И.* 190-летие восстания декабристов в российских СМИ / Д. И. Булдакова // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2023. — № 1 (47). — С. 99—106.

6. *Вольф С. П.* Революционная сущность движения декабристов : историко-правовой аспект (столетию революции в России посвящается) / С. П. Вольф // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2017. — № 1 (21). — С. 62—68.

7. *Жибоедов В. В.* Деятельность Н. М. Дружинина в Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев / В. В. Жибоедов // Вестник Брянского государственного университета. — 2012. — № 2—2. — С. 28—31.

8. *Каменская Н. Е.* Декабристы в Иркутске (К истории вопроса) / Н. Е. Каменская // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. — 2007. — № 10. — С. 72—77.

9. *Киянская О. И.* Декабристы в отечественной истории и историографии : полемические заметки / О. И. Киянская // Россия и современный мир. — 2017. — № 2. — С. 42—56.

10. *Красильникова Е. И.* Символические фигуры декабристов в мемориальном пространстве Иркутска (начало XX в. — 1991 г.) / Е. И. Красильникова // Вестник

Томского государственного университета. — 2021. — № 468. — С. 129—138. — DOI: 10.17223/15617793/468/14.

11. *Мурашев А. А.* Выставка декабристов в Борисоглебске в зеркале столетнего юбилея (1918—2018) / А. А. Мурашев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : История. Политология. Социология. — 2019. — № 2. — С. 73—79.

12. *Плех О. А.* Юбилей восстания декабристов на страницах научных журналов середины 1920-х гг. / О. А. Плех // Россия XXI. — 2024. — № 1. — С. 52—77.

13. *Сафонов М. М.* Из истории создания советской концепции восстания декабристов (Н. М. Дружинин против М. В. Нечкиной) / М. М. Сафонов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 : История. — 2015. — Выпуск 4. — С. 55—65.

14. *Сафонов М. М.* М. В. Нечкина против М. Н. Покровского : "Марксистское понимание истории" / М. М. Сафонов // Деятели русской науки XIX—XX веков / Отв. ред. И. П. Медведев. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин. — 2018. — Выпуск 5. — С. 77—93.

15. *Труевцева О. Н.* Декабристы в Туринске : к 200-летию со дня восстания на Сенатской площади / О. Н. Труевцева, Л. В. Давыдова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2024. — № 68. — С. 229—239. — DOI: 10.31773/2078-1768-2024-68-229-239.

16. *Цамутали А. Н.* 190-летие восстания декабристов / А. Н. Цамутали, М. С. Белоусов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 : История. — 2015. — Выпуск 4. — С. 5—19.

Статья поступила в редакцию 09.07.2024,
одобрена после рецензирования 02.02.2025,
подготовлена к публикации 20.03.2025.

Material resources

Archive Department of the Administration of Biysk. F. R-109 (OAF schools of Biysk district, Biysk district and Biysk). (In Russ.).

At the exhibition of the University library. (1925). *Krasnoe znamya: [newspaper], 296:* P. 3. (In Russ.).

Collection of the memory of the Decembrists. (1925). *Krasnoe znamya: [newspaper], 296:* P. 3. (In Russ.).

Commemoration of the memory of the Decembrist Batenkov. (1926). *Krasnoe znamya: [newspaper], 6:* P. 4. (In Russ.).

Commission on commemoration of the centenary of the Decembrist uprising. (1925). *Our region: [journal], 6 (10):* P. 39. (In Russ.).

Evening of the memory of the Decembrists. (1925). *Krasnoe znamya: [newspaper], 298:* P. 2. (In Russ.).

GANO — *State Archive of the Novosibirsk region. F. R-2 (Archive Department of the Novosibirsk Regional Executive Committee).* (In Russ.).

GATO — *State Archive of the Tomsk region. F. R-214 (Department of Public Education of the Tomsk District Executive Committee of the Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies).* (In Russ.).

GIAOO — *The State Historical Archive of the Omsk region. F. R-261 (Archival Department of the Ministry of State and Legal Development of the Omsk region).* (In Russ.).

In the club "Young Leninist". (1925). *Krasnoe znamya: [newspaper], 294:* P. 2. (In Russ.).

K. (1925). At the exhibition. *Krasnoe znamya: [newspaper], 293:* P. 2. (In Russ.).
Kopotilov, M. (1925b). From the life of the Island of Study of the Region at the Museum of Tobolsk. *Of the North. Our region: [journal], 8—9 (12—13):* 47—48. (In Russ.).
Kopotilov, M. P. (1925a). *The Decembrists in the Tobolsk Region: 1825—1925.* Tobolsk: Severyanin. 38 p. (In Russ.).
M. K. (1925). The Decembrists in Tobolsk. *Severyanin: [newspaper], 253 (278):* P. 4. (In Russ.).
Naumova-Shirokikh, V. (1925). Anniversary exhibition of books in the Main Library of the University. *Krasnoe znamya: [newspaper], 291:* P. 2. (In Russ.).
Shatilov, M. F. (1927). *Historical essay and review of the Tomsk Regional Museum.* Tomsk: Krasnoe Znamya Publishing House. 37 p. (In Russ.).
Society of local History. (1927). *Life of Siberia: [journal], 3—4:* P. 114. (In Russ.).
Surgut Municipal Archive. F. R-1 (Executive Committee of the Surgut District Council of Workers' Deputies). (In Russ.).
The State Archive of Ugra. F. 156 (Executive Committee of the Kondinsky district Council of Worker's Deputies of the Kondinsky settlement of the Kondinsky district of the Khanty-Mansiysk National Okrug of the Tyumen region). (In Russ.).
To all members ... (1925). *Krasnoe znamya: [newspaper], 292:* P. 4. (In Russ.).

References

Bakhturin, V. V. (2020). Reflection of the intellectual and cultural image of Irkutsk in the mirror of memorials: the centenary of the Decembrist Uprising. In: *Figurative characteristics of the urban environment as a resource for the development of the territory: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Omsk, October 01, 2020.* Omsk: D. S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage. 122—127. (In Russ.).
Bakhturin, V. V. (2021). Centenary of the Decembrist Uprising in the socio-cultural context of the 20th century: options for constructing historical memory. *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities, 63 (6):* 71—85. DOI: 10.26907/2541-7738.2021.6.71-85. (In Russ.).
Boyko, V. P. (2013). *The Decembrists in Siberia: entrepreneurship, lifestyle, socio-cultural experience.* Tomsk: Publishing House of Tomsk University of Architecture and Civil Engineering. 269 p. ISBN 978-5-93057-504-0. (In Russ.).
Buldakova, D. I. (2023). 190th anniversary of the Decembrist Uprising in the Russian media. *The sign: a problematic field of media education, 1 (47):* 99—106. (In Russ.).
Buldakova, D. I., Kiyanskaya, O. I. (2018). The centenary of the Decembrist Uprising in the Soviet periodicals of the mid-1920s. *Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "History. Philology. Cultural studies. Oriental Studies", 11 (44):* 9—16. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-9-16. (In Russ.).
Kamenskaya, N. E. (2007). The Decembrists in Irkutsk (On the history of the issue). *Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics, 10:* 72—77. (In Russ.).
Kiyanskaya, O. I. (2017). The Decembrists in national history and historiography: polemical notes. *Russia and the Modern World, 2:* 42—56. (In Russ.).
Krasilnikova, E. I. (2021). Symbolic figures of the Decembrists in the memorial space of Irkutsk (early twentieth century — 1991). *Bulletin of Tomsk State University, 468:* 129—138. DOI: 10.17223/15617793/468/14. (In Russ.).

CC BY

Murashev, A. A. (2019). The exhibition of the Decembrists in Borisoglebsk in the mirror of the centennial anniversary (1918—2018). *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology, 2:* 73—79. (In Russ.).

Plekh, O. A. (2024). Anniversary of the Decembrist uprising on the pages of scientific journals in the mid — 1920s. *Russia XXI, 1:* 52—77. (In Russ.).

Safonov, M. M. (2015). From the history of the creation of the Soviet concept of the Decembrist uprising (N. M. Druzhinin vs M. V. Nechkina). *Bulletin of the Saint Petersburg University. Episode 2: The Story, 4:* 55—65. (In Russ.).

Safonov, M. M. (2018). M. V. Nechkina against M. N. Pokrovsky: "The Marxist understanding of history". In: *Figures of Russian science of the XIX—XX centuries, 5:* St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 77—93. (In Russ.).

Truevtseva, O. N., Davydova, L. V. (2024). Decembrists in Turinsk: on the 200th anniversary of the uprising on Senate Square. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, 68:* 229—239. DOI: 10.31773/2078-1768-2024-68-229-239. (In Russ.).

Tsamutali, A. N. (2015). 190th anniversary of the Decembrist uprising. *Bulletin of St. Petersburg University. Episode 2: The Story, 4:* 5—19. (In Russ.).

Wolf, S. P. (2017). The revolutionary essence of the Decembrist movement: a historical and legal aspect (dedicated to the centenary of the Revolution in Russia). *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology, 1 (21):* 62—68. (In Russ.).

Zhiboyedov, V. V. (2012). The activity of N. M. Druzhinin in the Society of political prisoners and exiled settlers. *Bulletin of the Bryansk State University, 2—2:* 28—31. (In Russ.).

The article was submitted 09.07.2024;
approved after reviewing 02.02.2025;
accepted for publication 20.03.2025.

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Перечень ВАК РФ
Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

CC BY

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

CC BY

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

CC BY

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;

CC BY

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

CC BY

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CONTENTS

Linguistics

Averina, A. V., Shubina, E. L. Particles 'halt' and 'eben' in German: Functions, Combinatorial Compatibility, and Syntactic Properties 9

Beloshitskaya, N. N. Dramaturgical Nature of Everyday Discourse: A Strategic Approach 30

Kopach, A. I. Theoretical Aspects of Linguistic Research on Category of Space within Toponymy: From Observer Perception to Agent Motor Skills 51

Mayorov, A. P., Biktimirova, Yu. V. Cursive Copies of Siberian Documents from 17th Century: A Paleographic Description 72

Osipenko, T. A. A Dynamic Model of Orality: Justification and Description 94

Seagal, K. Ya. Punctuational Minus Device in Parody: A Study of A. P. Chekhov's "The Lady with the Dog" and M. M. Zoshchenko's "The Lady with the Flowers" 116

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A. Gradual Transition of Nominative and Accusative Cases of Nouns into Quantitative Adverbs: A Study of Word Forms 'chudo' [mir] 135

Media communications and journalism

Kruzhkova, O. V. Memorability and Cognitive Errors in Recognizing Graffiti in Urban Environments: Results from a Field Experiment 163

Leontyeva, T. V. White Coat: Origins, Composition, Semantics, Pragmatics, and Word-Formation Potential of Russian Phraseological Unit 181

Literary studies. Folklore

Wang Congcong, Galay, K. N. Symbolic Meaning of Images of Moon and Month in Poetry of Li Bo and Sergei Yesenin 205

Kuzmina, R. P. Semantics of Food Taboos in Linguistic Culture of Even People 231

Lamzina, A. V. Latin Code in "Frame of Text" of Collection "Cor Ardens". 250

Potashova, K. A. Image of Sun in Works of M. V. Lomonosov and G. R. Derzhavin: Dialectics of Rational and Metaphysical 273

Turysheva, O. N. Wings of Gregor Samsa: Motif's Implementation in Russian Thought ... 290

Frolova, A. S. Reception of Ancient Plot of Odyssey in Stefan Schütz's Play "Odysseus' Heimkehr" 306

Zhang Yukun, Kovalenko, A. G., Xu Yumin. Genesis and Evolution of Literary Conflict: From Antiquity to Middle Ages 322

CC BY

Sharapenkova, N. G. Northern Impulse in Creative Development of Andrei Bely 339

History

Baikalov, N. S., Tsyrendashiev, Z. Z. New Cities of Trans-Baikal in 1950s–1980s: Features of Formation and Development 359

Baryshnikov, M. N. Nikolai Kozlovsky and Organization of Cement Production in Russia in Early 20th Century 384

Burnasheva, N. I., Kovlekov, I. I. Early 20th Century Projects for Construction of Transportation Corridors to Rich Mineral Resources of Yakutia 405

Ivanov, A. A. Public Discourse on Import Dependency of Russian Shipbuilding and Its Overcoming During World War I 423

Kislitsyn, A. V. Adoption of 37mm Maxim Automatic Guns by Russian Navy in Late 19th to Early 20th Century 447

Konovalova, O. V., Dvoretskaya, A. P., Belgorodskaya, L. V. Marxism in History of Socialist Movement in Russia: Concept of Viktor Chernov 463

Reinhardt, R. O., Buslaev, G. N. German Scientific Diaspora Abroad (1933-1946): Mechanisms of Self-Organization and Instruments of Mutual Assistance 483

Skipina, I. V., Chernyshev, A. A. Housing Issues in Tyumen during Late 1970s to Early 1980s: Social Conditions, Expectations, and Reality 503

Tikhomirova, M. N., Tikhomirov, K. N. Settlement Network of Siberian Tatars in Lower Ishim River and Adjacent Areas along Irtysh River in Modern Times 522

Tishkina, K. A. Celebrations Marking Centenary of Senate Square Uprising (1925) in Socio-Cultural Landscape of Western Siberia 543

TO AUTHORS 561

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 21.03.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 33,12. Тираж 500 экз. Заказ 21/03-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2025
Свободная цена